

Вера. Надежда. Любовь

Направленность: Слэш

Автор: [готикк \(https://ficbook.net/authors/586796\)](https://ficbook.net/authors/586796)

Соавторы: [independent \(https://ficbook.net/authors/316735\)](https://ficbook.net/authors/316735)

Беты (редакторы): Natxen (<https://ficbook.net/authors/2576044>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: М\М

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Ангст, Юмор, Драма, Мистика, Повседневность, POV, Hurt/comfort, Songfic

Предупреждения: **BDSM**, **Насилие**, **Изнасилование**, **Нецензурная лексика**, **Underage**, **Нехронологическое повествование**, **Элементы гета**

Размер: Макси, 434 страницы

Кол-во частей: 32

Статус: закончен

Описание:

Между ними тысячи километров, но они все-таки рядом. Их разделяют сотни причин, но есть одна, которая держит вместе. У каждого из них своя жизнь, свои скелеты в шкафу и свои тараканы в голове, но у них есть общий мир — один на двоих. Этот мир — Сеть. Встретятся ли они в реале, вы узнаете только прочитав этот великАЛЛЕТный, БЕСподобный, величайший в истории человечества роман в 3 частях, который мы наконец-то дописали. })(;{

Посвящение:

Всем, кто верит, надеется, любит.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

визуализация:

Елисей: https://img1.etsystatic.com/068/0/11144008/il_fullxfull.801559487_1t12.jpg

<https://pp.userapi.com/c836334/v836334335/51747/vRNvz2qVcql.jpg>

<https://pp.userapi.com/c836334/v836334549/64325/rA8i1yEFbzw.jpg>

Денис: http://99px.ru/sstorage/53/2011/02/tmb_9727_5543.jpg

<https://pp.userapi.com/c836334/v836334335/51740/lqh9RUNVOwY.jpg>

Дорогие читатели, знаем, с каким нетерпением вы ждали эту звездочку. Верили в то, что мы не бросим напрягать свой мозг и выворачивать наизнанку ваши души. Надеялись, что мы порадует ваши глаза новым БЕСтселлером.

А теперь мы очень надеемся, что вы искренне полюбите этот роман. ;)

С любовью, ваши Бесы

Части "Вера", "Надежда" бет-редактор Жаннна Дарк <https://ficbook.net/authors/1597475>

Искренне признательны замечательной неко в кольчуге за БЕСценную помощь.

БЕСподобные обложки к роману от ЯКиЦунЯ

<https://pp.userapi.com/c639830/v639830572/41439/PCqjKUVyX4Y.jpg>

<https://pp.userapi.com/c639830/v639830572/4142f/h1o8UkCOcq0.jpg>

<https://pp.userapi.com/c639830/v639830572/41425/ObqpoAQozyw.jpg>

И еще один демонический взгляд на ВНЛ от demon aka angel

<https://pp.userapi.com/c849128/v849128639/3887d/YZHg8FF0Xrk.jpg>

Страница 18+

ТОС

ТОС	2
Часть первая. Вера. Песнь первая. Евангелие от Елисея	4
Примечание к части	9
Часть первая. Вера. Песнь вторая. Евангелие от Дениса	10
Примечание к части	15
Часть первая. Вера. Песнь третья. Евангелие от Елисея	16
Примечание к части	19
Часть первая. Вера. Песнь четвертая. Евангелие от Дениса	20
Примечание к части	25
Часть первая. ВЕРА. Песнь пятая. Евангелие от Елисея	26
Примечание к части	29
Часть первая. Вера. Песнь шестая. Евангелие от Дениса.	30
Примечание к части	35
Часть первая. ВЕРА. Песнь седьмая. Евангелие от Елисея	36
Примечание к части	44
Часть первая. Вера. Песнь восьмая. Евангелие от Дениса	46
Примечание к части	53
Часть вторая. Надежда. Песнь первая. Евангелие от Елисея	54
Примечание к части	59
Часть вторая. Надежда. Песнь вторая. Евангелие от Дениса	60
Примечание к части	70
Часть вторая. Надежда. Песнь третья. Евангелие от Елисея	71
Примечание к части	80
Часть вторая. Надежда. Песнь четвертая. Евангелие от Дениса	81
Примечание к части	86
Часть вторая. Надежда. Песнь пятая. Евангелие от Елисея	87
Примечание к части	92
Часть вторая. Надежда. Песнь шестая. Евангелие от Дениса	93
Примечание к части	101
Часть вторая. Надежда. Песнь седьмая. Евангелие от Елисея	102
Примечание к части	111
Часть вторая. Надежда. Песнь восьмая. Евангелие от Дениса	112
Примечание к части	119
Часть вторая. Надежда. Песнь девятая. Евангелие от Елисея	120
Примечание к части	127
Часть вторая. Надежда. Песнь десятая. Евангелие от Дениса.	128
Примечание к части	133
Часть третья. Любовь. Песнь первая. Евангелие от Елисея	134
Примечание к части	139

Часть третья. Любовь. Песнь вторая. Евангелие от Дениса	140
Часть третья. Любовь. Песнь третья. Евангелие от Елисея	146
Примечание к части	151
Часть третья. Любовь. Песнь четвертая. Евангелие от Дениса	152
Примечание к части	159
Часть третья. Любовь. Песнь пятая. Евангелие от Елисея	160
Примечание к части	164
Часть третья. Любовь. Песнь шестая. Куплет первый. Евангелие от Елисея и Дениса.	166
Примечание к части	173
Часть третья. Любовь. Песнь шестая. Куплет второй. Евангелие от Елисея и Дениса.	174
Примечание к части	181
Часть третья. Любовь. Песнь седьмая. Евангелие от Дениса	182
Примечание к части	188
Часть третья. Любовь. Песнь восьмая. Евангелие от Елисея	189
Примечание к части	196
Часть третья. Любовь. Песнь девятая. Евангелие от Дениса	197
Примечание к части	203
Часть третья. Любовь. Песнь десятая. Евангелие от Елисея	204
Примечание к части	212
Часть третья. Любовь. Песнь одиннадцатая. Евангелие от Дениса	213
Примечание к части	224
Часть третья. Любовь. Песнь двенадцатая. Евангелие от Елисея	226
Примечание к части	232
Эндинг	234
Примечание к части	236

Часть первая. Вера. Песнь первая. Евангелие от Елисея

Placebo — Meds
<https://www.youtube.com/watch?v=9eh0rAUwZSQ>

...Одна, вторая, третья...

Тишина. Оглушающая тишина, будто все вымерло вокруг, и только гулкий бой сердца отрицает мои мысли. Оно так сильно стучит, что я чувствую, как отдается в грудную клетку каждый удар. Словно эта часть меня хочет выпрыгнуть и убежать. «Глупое, и чего так трепыхаться?».

Странное состояние — я хочу жить и не хочу одновременно. Я боюсь так, что вымерзаю изнутри.

«Интересно, всем страшно умирать?» — совершенно естественные мысли человека, для которого через пару часов все закончится. Это, видимо, инстинкт самосохранения шепчет во мне, призывая выжить любым путем.

Только я сильнее инстинктов. Я всегда был сильнее, и то, что я сейчас перекаत्याю на ладони горсть маленьких белых колесиков, не считаю слабостью и легким решением. Я просто устал жить. Устал искать свой укромный уголок в этом мире. Искать того, кто смог бы принести в мою душу покой. Поддержать в тяжелые моменты. Все только и делают, что тянут на себя. А я уже не могу это выносить.

Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Лучше раз переступить через себя и уйти. Больше не чувствовать той рвущей душу тяжести. Больше не быть между молотом чужих ожиданий и наковальней своих желаний. Больше не ругаться и не слышать оскорблений. Больше не выбирать, кого предать.

Двадцать, двадцать один...

Поскорей бы спокойно уснуть и не проснуться, но я снова и снова иду по «ступеням», что привели меня к этой мысли. В голове поставленной на «replay» записью звучат слова:

— Я тебя родила. Я ради тебя не построила свою личную жизнь, отказалась от всего. Связался с этим парнем! Это он тебя толкнул по скользкому пути! Тебе не нужны такие друзья. — Внезапно нагрянувшая в нашу «обитель» маман распаляется все сильнее и сильнее, кидая гневные взгляды на тот бедлам, что мы устроили в стареньком доме его бабушки, в котором обосновались, решив начать взрослую жизнь. Пусть далеко до учебы и работы, зато так же далеко от моих и его родителей, что не готовы принять наши взгляды на личную жизнь.

— Мам, я сам хочу выбирать себе друзей и свой путь.

— Ты мой ребенок, и я несу за тебя ответственность. Хватит! Наигрался во взрослого. Ты должен поехать со мной! Собирай вещи! — мама уже кричит. Бросая в лицо обвинения, плачет.

Никогда не мог видеть женские слезы. Душа выворачивается, язык немеет. Не могу сказать, что он мне больше, чем друг. Она просто не поймет, и, кажется, не противиться ее воле сейчас — лучшее решение.

Чемоданы собраны и уже лежат в такси. На душе так гадливо, что хочется выть. Ни одной мысли. Сознание будто схлопнулось в точку. Не знаю, что меня держит, но я не могу просто уйти. Надо что-то сказать, какую-то глупость типа «мы же друзьями не перестанем быть». Иду к нему на негнущихся ногах, словно робот. Я и чувствую себя так — неживым.

Полумрак комнаты. Он сидит на краю кровати, даже не пытаясь вмешаться. Поза не мыслителя — мученика. Голова низко опущена, пальцы вцепились в волосы, локти уперлись в колени. Зову его...

— Уходишь? — Поднимает глаза, а в них такая боль, отчаянье. Его трясет. — Ну и катись! Уебывай на хуй! — И тут же резко срывается, сжимает меня в объятьях. — Не уходи, прошу — останься.

Я растерян. Меня разрывают чувства двух человек. Остаться или уехать? Что бы я ни выбрал — кому-то сделаю больно.

— Мам, прости, я не могу, — озвучиваю свой выбор, и внутри теплится крохотная надежда, что мать поймет меня. Сейчас я больше нужен другу.

— Предатель, — словно пощечиной по лицу. — Я больше и копейки тебе не дам, — боль со злостью в глазах матери. — Он тебя что, на наркотики подсадил? — и новая порция оскорблений выплевывается в лицо потоком грязи.

Умираю душой. Чудовищно обидно слышать ее слова и понимать, что человек, который должен быть самым близким, не слышит меня. Мне совсем не страшно остаться в шестнадцать лет без поддержки матери. Себя обеспечу — это не проблема. Руки, ноги, голова работают, и очень даже неплохо. Она же и научила меня быть самостоятельным и не рассчитывать на помощь, часто уезжая в деловые поездки и надолго оставляя подростка один на один с жизнью, не из-за того, что плохая мать, а потому, что нам нужно было выживать. Она выживала, и я выживал. Работал, не бросил школу, продолжая хорошо учиться.

— Мам, я остаюсь. — Последовавший хлопок двери больно бьет по нервам. Такси уезжает вместе с мамой и моими вещами.

— Я гол как сокол, и такой я тебе нужен? — смотрю на парня, понимая, что черные джинсы и красная фланелевая рубашка в клетку — вот все мое имущество. У бомжа и то гардероб больше.

Мне радостно от его улыбки — наверное, каждый счастлив, когда выбирают его, — и одновременно тошно. Потому что до сих пор не уверен, правильный ли сделал выбор. Не примет ли он мое решение как нечто большее?

Ночь. Даже не заметил, как меня срубило над учебниками после всей этой нервотрепки. Чувствую на себе пристальный взгляд и поднимаю тяжелую голову.

— Почему не разбудил? — Улыбаюсь, когда его палец касается моей ладони, обводит морщинки, словно пытается что-то вписать в линию судьбы. Спина затекла от неудобной позы. Тянусь, и стон вырывается непроизвольно.

— Хочу тебя, — словно ушат ледяной воды, и его голодный, вперемешку с нежностью взгляд. Тут же просыпаюсь. Сразу становится неуютно. Хочется сбежать. Только куда?

— Нет!

— Почему ты мне отказываешь? — вопрос, от которого меня бросает в жар. Дыхание срывается, сглатываю вязкую слюну так, что болезненно дергается кадык.

— Я тебе ничего не обещал, — отговариваюсь пустыми фразами. Не хочу его обидеть, но раздражение поднимается жаркой волной.

— Ты же знаешь, я люблю тебя, не брошу, поддержу. Стань моим, — опять та же песня. Сколько раз отказывал? И все равно не оставляет попыток. Мы близки, но он хочет то, чего я не могу дать, и оставить его не могу. Сам не знаю, что меня держит рядом с этим парнем. Ругались, даже дрались, и каждый раз он подползал ко мне побитым псом. Но такой он только со мной, может, это и удерживает.

— Я не лягу под тебя. Ты же знаешь, — нервно дергая руку, пытаюсь освободиться, но пальцы смыкаются на моем запястье сильнее. Нет, я не боюсь. Дам отпор, несмотря на то, что он старше, выше и крупнее. Но я боялся этой ситуации, хоть и знал, что когда-нибудь она настанет и он снова вернется к столько раз закрываемой теме.

— Я больше не могу. Ты понимаешь, как мне трудно? — Он, не отрывая взгляда, обходит стол, а я хочу вскочить, чтобы между нами было расстояние, но продолжаю сидеть, не разрывая зрительный контакт. — Видеть тебя и только дрожить из ночи в ночь, зная, что трогать нельзя. — Парень сокращает меж нами дистанцию до минимума. Почти шепот: — Хочешь, я лягу под тебя?

— Что? — теряюсь от удивления.

— Я буду снизу... — Не верю в то, что слышу, но его решительный и какой-то обреченный взгляд говорит красноречивей слов.

Хочу секса. Чувствую, как его ломает. Знаю, что любит. Но я — нет. Все, чего хочу, — перепихон, и не больше. В другой ситуации без зазрения совести воспользовался бы предложением, трахнул так, что на жопу не смог бы сесть несколько дней. Но не его.

— Нет, не хочу. — Это маниакальное желание заполучить всего меня любой ценой останавливает и настораживает. — Ты об этом потом пожалеешь, — выдавливаю слова здравого смысла, хотя все внутри горит от желания подмять парня под себя, если бы только он не смотрел на наши отношения так серьезно.

— Ну почему? Прошу... Не мучай меня. Мы же уже перешагнули ступень дружбы.

— Я тебя люблю, но не так, как ты от меня ждешь, — пытаюсь говорить спокойно, рассудительно, но нервы поднимают децибелы моего голоса. Вскрываю, начинаю мерить шагами комнату, выплевывая короткие хлесткие фразы: — А тот случай... Ну выпили. Ну подурачились. Отсосал ты мне. Не устраивай сцен. Не веди себя, как брошенная девка.

— Сука же ты... — Злость, обида пеленой на глазах, но это секунда, и он сжимает меня в объятьях. — Прости. Ты же меня не оставишь, не предашь?! Просто решишь. Я подожду.

Да что с тобой не так?! Почему тебя так переклинило на мне, что ты готов унижаться, просить, ждать. Не хочу предавать, но меня душит его любовь.

Двадцать девять, тридцать...

Явь словно коматоз. Брожу в лабиринте памяти своей — такой непродолжительной, но настолько насыщенной событиями — жизни, что хватит не на одного долгожителя. Мозг ищет тот маленький, крохотный крючок, за который можно было бы зацепиться и остаться, но, как назло, не вспоминается ничего светлого. Сплошной темный, бескислородно-удушливый космос.

Что жизнь не сказка, я выучил очень рано. Учителя попались хорошие. А самый первый оставил глубокие шрамы в душе, заставив повзрослеть быстро и как-то неправильно.

Когда он появился в нашей с мамой жизни, я был совсем мальчишка, к которому среди детворы и взрослых прочно приклеилось определение «странный», а среди сердобольных бабушек — «божий одуванчик». А как еще назвать ребенка, пребывающего в своем мире, отвергающего в людях плохое, злое? Но не зря говорят, что розовые очки разбиваются стеклами внутри.

Гражданский супруг матери, мой отчим, внес в нашу жизнь свои правила. Все началось с почти невинных касаний. Он учил меня драться, а сам трогал, превращая это в подобие игры. Потом объятия стали чуть крепче, чуть дольше положенного. Его заводило, как я трепыхался под ним, пытаюсь вырваться, ведь я никогда не сдавался. А зверь забавлялся, словно кот с мышью, крепко держа свою добычу.

Но ребенком я не понимал происходящего, принимая как знак внимания, как отцовскую ласку, которой мне так не хватало в жизни. Пока эти игры не перешли в другие отношения, или, правильнее сказать, в другую плоскость.

Мамы не было дома, когда отчим завалил меня на кровать, обездвигил, вжавшись всем телом. Терзал еще по-детски хрупкое тело, лапал за задницу и член, видимо, очень желая, чтобы у меня встал. Хуже всего, что я реагировал и ненавидел себя за это. Его я тоже ненавидел и пытался дать отпор, уже отказываясь ТАК «играть».

— Я научу тебя трахаться, — случайно брошенная фраза, сказанная мне пьяным извращенцем, была услышана матерью и, наконец, скинула пелену с её глаз.

— Что ты сказал? — простой вопрос, но то, что за ним последовало, навсегда врезалось в мою память, изменило отношение к женщинам.

Я и раньше видел на маме синяки, но она отбалтывалась, говоря, что упала. И ведь я верил, как, наверное, верит каждый ребенок, не задавая себе вопросов. А тут словно прозрел.

Он накинулся на мать, избивал с каким-то особым садистским наслаждением. Я пытался влезть, заслонить ее. Напирал снова и снова, пока хук в челюсть не отбросил меня метров на пять. Это потом обнаружилась трещина в кости, но тогда я не чувствовал боли. Перед глазами стояла моя сильная мама, что пыталась сдерживать буйную ярость отчима, закрываясь руками от летящих в нее беспощадных ударов.

Моя душа разорвалась. Словно одним щелчком я осмыслил и понял все. Его действия, мамины отговорки. Ненависть к себе за глупость и наивность, к людям — за жестокость и извращенность разом что-то надломила во мне. Скорее всего, прутья клетки, что сдерживали зверя, который живет в каждом человеке. И мой зверь не забился в угол, а угрожающе оскалил зубы.

Этот хищник просил крови обидчика, и я не стал его сдерживать. Раз и навсегда почувствовав себя мужчиной, понял, что должен защищать себя и мать от таких людей, как мой отчим. А еще — что такие не должны ходить по земле. Отправив мать к соседке, я сжал в руке нож.

Будь отчим трезв, скорей всего, даже не подпустил бы меня к себе. Но тогда... Нет, он не был в бессознательном состоянии и не спал. Просто валялся на кровати, как довольный кот, утоливший свой извращенный голод.

— Давай, — отчим откинул голову, подставляя шею. — Убей меня. Перережь глотку.

Ярость, сжигающая, подступающая горечью к горлу, захлестнула мой мозг. Я не думая двинулся на него.

— При-р-р-режу-у-у... — рычал я, приставив лезвие к горлу пьяного садиста. — Не смей больше бить мать и меня не трогай.

Дикие желтые глаза дьявола смотрели с непередаваемыми чувствами. В них было все: мольба и похоть, безумство и какое-то непонятное восхищение. Он мог бы одним движением вырвать у меня нож, но не делал этого, словно испытывал, словно искал...

Меня трясло от нестерпимого желания надавить сильнее, полоснуть по выступающему кадыку, чтобы из этой твари с последней каплей крови ушла жизнь. А он даже закрыл глаза, безмолвно соглашаясь.

Я был готов, но тут чья-то неясная тень обняла и прошептала: «Ты потеряешь большее. Проклятие крови не смыть...» Руку словно кто-то отдернул.

Внезапно на меня накатило абсолютно необъяснимое спокойствие. Я почувствовал силу и, неотрывно смотря в глаза отчима, заговорил. Я слышал свой голос отдаленно, глухо, будто находился под колпаком из стекла. Тихо, медленно из меня лились слова не ребенка, но взрослого человека — про проклятье, про искушения, про то, что меня охраняют. Точно тот, кто стоял за спиной, вкладывал в мою голову свои мысли и озвучивал их моими устами. Я говорил и говорил, пока меня не отпустило. И тогда я увидел промелькнувший в глазах отчима страх.

А потом мать нашла в себе силы, и мы остались вдвоем, вычеркнув отчима из нашей жизни. А может, уже тогда мне нужно было вычеркнуть себя из их жизни? Может, если бы меня не было рядом с мамой, у нее было бы все по-другому? Не было бы тех вспышек агрессии отчима, и она была бы счастлива с ним? Но все это уже в прошлом, а будущее...

Будущее у меня на ладони, и никого рядом. Это хорошо: некому остановить. Не будет меня — и он найдет счастье с другим. Я все равно не смогу дать ему то, о чем он мечтает.

— Мне не будет больно? — глупые мысли лезут в голову.

— Остановись! — последний сигнал разума, что продолжает бороться.

Мне страшно, но от этого я только сильнее злюсь на себя.

— Ты что, слабак? Трус?! Ты же знаешь — так будет лучше для всех! — И оставшиеся таблетки залпом летят в рот. Не получается. Я давлюсь. Глотаю порциями.

Все. Обратной дороги нет. Укладываюсь в постель. Нет сожаления, удручает только, что ничего не успел, но уже и не хочу. Апатия накатывает вместе со сном. Тьма...

Свет. Меня тормозят. Зачем? Мне так хорошо, тело легкое, я не владею им, я далеко... Трясут еще сильнее. Удар по щеке заставляет открыть глаза. Все плывет. Он смотрит на меня.

— Что с тобой? — взволнованный голос, в глазах страх.

— Таблетки выпил... — Смысла врать не вижу. Сознание уходит, глаза закрываются, спать... — Прости.

— Сколько?! — орет, встряхивая меня, как куклу, поднимает на руки.

Я только мычу. Мышцы не слушаются, я словно парализован. Команды мозга, так и не дойдя до «адресата», вязнут где-то в сплетении нейронов. В следующую секунду чувствую, как по ногам течет что-то теплое. Почти не верю, что обмочился. Где-то на краю сознания мне стыдно, что он это видит. Но лишь на секунду, пока вновь не проваливаюсь. Тьма...

— Сколько выпил таблеток? — тормозят опять. Свет. Врачи в синих хламидах. Да отстаньте. Хватит меня уже бить...

— Больше пятидесяти, — еле ворочая языком. Я не знаю, сколько прошло времени, не знаю, кто я, где я. Я просто хочу уплыть в то вечное ничто, из которого меня постоянно выдергивают.

— Не может быть, ты бы давно умер, — это, наверное, мне. — Пиши двадцать, — это не знаю кому. Да и какая разница?!

— Пей. — Мне в рот течет какая-то гадость. Не хочу я пить, я хочу спать... Тьма...

Свет. Друг несет меня на руках. Тьма...

Выплываю. Подо мной холодная кушетка. Треск люминесцентных ламп. Белый холодный свет и стерильный, наполненный тревожными мыслями запах больницы. Друг диктует мои данные. Усталые, безучастные лица дежурных врачей, чей-то голос:

— Мы обязаны сообщить.

Меня никак не оставляют в покое. Чьи-то руки ворочают мою бессознательную тушку, укладывают на бок, пихают в рот трубку. Я почти ничего не чувствую, пребывая в полубодром состоянии, но это движение чего-то инородного по пищеводу вызывает рвоту, и меня выворачивает. Спазмы скручивают тело, в ушах звенит холодный голос медсестры:

— Расслабься! Что ты делаешь? Скоро все закончится. — Даа... скорей бы все кончилось. Тьма.

Просыпаюсь, словно выплываю из вязкого болота. Тело горит. Жар такой, что мне кажется, я сгораю заживо. Мечусь по койке. Кого-то ищу — попросить воды или помощи, но ни единого человека рядом. Я, как всегда, один... Тьма сгущается. Липкие ладони касаются моего тела. Хочу крикнуть и, кажется, кричу, но звука нет. Бездумно верчу головой, пытаюсь хоть за что-то зацепиться взглядом.

И нахожу. Впереди — бесконечно длинный черный коридор больницы, и в конце теплится свет. А в нем призрачный силуэт. Я не знаю, кто это, но мне нужно туда, к этому человеку. Он мой. Он зовет меня. Хочу к нему. Я чувствую любовь... Такую странную, всеобъемлющую. Так любит однолюб, так мать любит дитя, так любит верующий Бога. Меня всего трясет, я должен быть с ним.

Сползаю, пытаюсь встать на ноги, но не могу. Просто нет сил. Значит, ползком. Еле передвигаю руками, шаркая коленями. В какой-то момент понимаю, что доползти тоже не могу. Слишком далеко. Слезы отчаяния льются и льются из глаз... Боль скручивает тело.

— Я... я... я... — Растекаюсь на холодном полу и горю в адском пламени, что выжигает меня изнутри. — Прости, я не могу... — Тьма...

Свет. Я на кровати. Он рядом. Гладит меня по голове. В глазах парня, еще не мужчины, слезы, но он не дает им воли.

— Дурак. Какой же ты дурак...

— Знаю, знаю... — И вновь проваливаюсь в свою тьму...

Темный человек в темной комнате, и только бубнящая что-то, во что я не хочу вникать, плазма разгоняет по углам мрак. Сажусь на диване, потурецки поджав ноги. Снова и снова пытаюсь выбраться из лабиринта мыслей, что так щедро даруют бессонные ночи и бесконечно суетные дни, и чувствую, как смертельно устал, а еще это давящее одиночество...

— Какой же я был дурачок неумный десять лет назад. Шаг за шагом разуверившись в людях, я чуть не потерял веру в себя. — Откидывая крышку зажигалки, чиркаю кремнем, высекая искру. Никогда не курил, даже запах не переношу, но эта подаренная вещица успокаивает. Смотрю на теплящийся огонек. — Нет, не хочу вспоминать. Было, да бывшем поросло, — вытаскиваю свои думы из прошлого, понимая, что настоящее — та еще жопа, но и об этом думать не хочу. Не сейчас. Все это потом, а пока...

А пока единственное желание — отгородиться от всего мира. И дом стал цитаделью моей жизни.

Как обычно, мерзну. Решив согреться, врубаю чайник, и вскоре ладони греет кружка крепкого чая с долькой лимона. Трепетный огонек маленькой свечи старательно наполняет комнату какой-то экзотической вонью, пытаюсь исполнить свое предназначение — окунуть в мир ароматерапии, расслабить. Да хуй там! Только башка разболелась, не давая сосредоточиться. Да еще и снова в голове эти голоса... Не понимаю, что со мной происходит. Я и раньше слышал их, видел что-то непонятное, но только смеялся над своими глюками. Однако в последнее время это странное состояние накрывает меня с незавидной регулярностью. И что самое неприятное — не спрашивает, где и когда. Поворот головы — и мозг, словно настроившись на определенную частоту, начинает принимать чужие мысли. Чашка чая остывает на столе, а я все проживаю чьи-то судьбы. Красный сигнал светофора — и я залипаю в каком-то ином измерении. Я вынужден принимать всю эту чертовщину всерьез, и от этого в душе полный раздраз.

— Что со мной происходит? — снова задаюсь вопросом, прокручиваю, анализирую и понимаю, что не могу дать четкого ответа. Все слишком сумбурно. Может, сказалось очередное расставание, может, рухнувший в одночасье бизнес или возраст, подбирающийся к переломной точке, а может, появление в моей жизни Его?..

— Да не понимаю я, что вы хотите сказать, — рычу, все больше походя на душевнобольного. Глядя куда-то сквозь пространство, потираю усталые глаза. Пытаюсь отогнать туманные видения, мучающие мысли, переключаю свое внимание на ноут с вечно открытыми вкладками.

Работа — сайты диспетчеров и логистов. Сегодня груз в Ханты-Мансийск. Завтра партия чая из Питера до Ростова. Уже не былой размах, но все же.

Аудиотренинги, где какие-то ебанутые ослы учат баранов, как в этой жизни быть хищником и бороться с депрессией. Хуйня! Полная хуйня! Человек сам себя загоняет в это болото и сам себя должен вытянуть, как тот самый Мюнхгаузен за волосы.

Электронные книги, где девочки и мальчики, юные и взрослые, но все одинаково мечтательные, пишут сказки об искренней любви и дружбе. И сами же искренне верят в них.

Наивные фантазеры. Жизнь — Домина, с дилдо, кнутом и без пряника, говорящая словами Курта Кобейна: «Никто не умрет девственником, я вас всех поимею».

Ярость накачивает с неотвратимостью цунами, стоит только вспомнить, сколько раз эта дева пристраивалась сзади.

— Ну ничего. Чем больше человека ломает, тем многограннее он становится, — усмехаюсь мысли, что, может, поэтому и держусь яркой позиции актива. — Я не сдамся. Сейчас как никогда верю в свои силы и абсолютно убежден, что если сумел выкарабкаться с того света, то что мне стоит вытащить себя и из этой задницы!

Захожусь в сардоническом смехе. К черту чай! Хватаю бутылку вискаря, плескаю в играющий гранями стакан и уменьшаю градус, добавив три крупных кубика льда. Тонкие дольки лимона полукругом на маленьком блюде. Красота! Опрокидываю в рот легальный самогон, заливая нахлынувшую злость на себя самого. Пойло обжигает желудок, напоминая, что я опять забыл поесть, мотаясь целый день по городу и по крупницам собирая осколки своего бизнеса.

— Итак, что мы имеем? — Алкоголь расслабляет. Дурачась, разговариваю сам с собой, но на деле пытаюсь привести мысли в порядок. — Бизнес — минус одна штука. Хуйня, прорвемся! Стрельнет в жопу — восстановлю или новый создам. Не впервой! Любовник — тоже в минусе. Тут и париться не о чем. Не сошлись — и разошлись. Единственный настоящий плюс — страничка ВК, удивляющая кретинизмом своей анкеты.

Имя, пол, семейное положение, родной город... Да кого это вообще должно волновать?! ФСБ? Хотя... «Пол — мужской, — поправляю член в спортинках. — Музыка под настроение, а оно у меня колеблется от голубоглазого соула Стинга с Элтоном до матерно-злого металла «Раммштайна». Ну и хватит с любопытствующих.

Выбор аватарки долго бередел мозг — от пресловутого Феникса, что, как никто другой, в яблочко символизировал мои бесконечные падения и возрождения, до джентльмена в белой рубашке с чашечкой кофе в руке, — и как-то органично пришел озарением. Да! Вот этот тотемный зверь — мое.

Говорят, как корабль назовешь — так и ходить будешь. Не знаю, как насчет ходить, просто захотелось ежедневно напоминать себе, что с людьми нужно быть осторожным, хитрым, может даже коварным, и уж конечно, никому не доверять.

В стране, где живут не самые глупые люди, этого зверька наделили недюжинным умом и магическими способностями, которые проявляются в строго определенном возрасте. Может, и мне уже настала пора принять свой дар как данность. Ведь не просто так мне однажды сказала гадалка слова, над которыми я тогда посмеялся: «Или примешь, или умрешь».

Так что авка с рыжим плутом и ник, который в переводе с японского, собственно, и есть мое сокращенное имя, — то, что доктор прописал. Остается только проверить, смогу ли я, как древний Ёкай*, проникать если не в чужие тела, то хотя бы в чужое сознание. Искривляя пространство и время, являться в чьих-то снах или создавать причудливые иллюзии, неотличимые от действительности. А может, и правда попробовать стать оборотнем или вампиром, подпитываясь духовной силой тех, с кем вступаю в близкий контакт?

Контактов у меня немного. Близких — тем более. Под столбцом «друзья» — один-единственный, ради которого и завел страницу в так нелюбимой соцсети.

Играюсь с зажигалкой, то открывая, то закрывая крышку. Рассматриваю танцующий огонек. Сколько всего можно в нем разглядеть?! А вот разглядеть человека... Впрочем, его сложно не заметить.

Не знаю, что это было. И иначе как провидением назвать не могу. А может, сыграло роль мое давнишнее увлечение книгами.

...Читательский форум с различными темами и столь же разномасштабным контингентом. Ниочемный треп на такую животрепещущую тему, как дружба. Слежу за разгорающимся спором. Высокопарные фразы одних в попытках поумничать, откровенная тупость других безо всяких попыток вызывают снисходительную улыбку, которая бывает, когда видишь спор двух малышей в песочнице из-за лопаточки. И тут — как вспышка, как порыв свежего ветра среди застоявшегося воздуха.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, что ему от тебя нужно, — хлесткая до цинизма фраза словно плевок в этот приторно-розовый пунош.

На иконке напротив фразы — силуэт парня, который скрывается за черной тенью на запотевшем стекле, и ник — «Безликий». И внезапно что-то отзывается, вибрирует в душе. Мне кажется, что с этой аватарки он смотрит не куда-то, а именно на меня. Кажется, что я уже это где-то видел. Может, во сне?..

Я и не заметил, когда и как стал его тайным согладатаем. Странное дело: я наблюдал за парнем — и забывал все свои проблемы и неурядицы. Мне нравилось в этом хамоватом типе все: и откровенное заигрывание с одними, и неучтивая правда в лоб — другим, и унизительно-обидный игнор — третьим.

Нет, ты не «Безликий»! Этот яркий, нестандартный ум нельзя не заметить. Не передать словами, какие мной овладевали чувства, когда я наблюдал за виртуозной игрой, что вел этот человек со всяким, кто попадал на его дерзкий язык. Я ждал его ответов на чужие выпады. Злился, когда его откровенно пытались обидеть. Почему-то внутри разгорался азарт. Моя самоуверенность подкидывала мыслишки: «А вот мне бы ты проиграл. Я бы тебя на лопатки уложил и этот дерзкий рот оттрахал».

Не видя, не зная, я понимал его, как никого другого. Видел все его попытки следовать одному хорошему правилу для жизни — отогнать от себя всех, пока к тебе не подобрался слишком близко и не воткнули нож в подставленную тобой же спину.

Меня разрывал диссонанс исходящих от парня чувств, которые я каким-то непостижимым образом улавливал в его напускной грубости. Он смеялся, ставя скобочки-улыбки, а я чувствовал боль. Он флиртовал, а я видел одиночество. Он злился, а я ловил волны возбуждения и сам возбуждался. Я уже тогда, как настоящий вампир, желал его вибраций, еще и еще, до мандража.

Мои мысли о нем стали сродни наваждению. И все же я долго не пытался познакомиться. Понимая, что если подъеду к нему напрямую, то, скорей всего, буду послан, я решился на отчаянный шаг. Познакомился с теми немногими, кого он к себе подпустил. В основном это были девушки, и благодаря своим уважительно-обольстительным манерам я узнал о парне чуть больше.

Не осознавал, радовало ли меня это или огорчало. Я слушал рассказы о нем, один страшней другого, и не понимал, что из услышанного правда, а что ложь. Он ни с кем не встречался лично, не общался в скайпе, не давал адрес и телефон, не делился фотографиями...

Очень странное ощущение: я чувствовал парня всеми фибрами души, но мысли путались. Я видел образы, но они каждый раз менялись, порой пугая и шокируя. Инвалид? Болезнь — от псориаза до ВИЧ? Видел в образе девушки. И ни одно видение меня не оттолкнуло. Я мысленно перебирал врачей, лекарства, думая, как ему помочь. Но вскоре понял, что вижу то, каким его видят другие, а правда скрыта за семью замками. И только одно знаю точно: Денис, Дэн — его имя, и что он мне нравится...

Захлопываю зажигалку и откладываю в сторону, напоследок проведя пальцами по гравированной стали. Глядя в монитор и потягивая

вискарик, улыбаюсь, чувствуя, как возникает на кончиках пальцев вибрация. Как в груди, кажется прямо в сердце, зарождается непонятное чувство и начинает разрастаться. Торнадо раскручивается, набирает обороты, и даже в самом эпицентре не спрятаться от сногшибательных вихрей эмоций. Зябко повожу плечами и обхватываю себя руками, будто боюсь, что сорвусь, зависну в этой воронке между небом и землей. Вдох и протяжный выдох. Закрываю ладонями глаза, пытаюсь прийти в равновесие, но вспышки не уходят.

Я не знаю, почему так реагирую. Меня это жутко раздражает, бесит, но в то же время я ловлю ни с чем не сравнимый кайф. Задаюсь вопросами снова и снова. Почему? Почему я его чувствую? Почему тянусь к этому странному парню? Почему среди стольких завсегдатаев мои глаза всегда выискивают его? И еще множество «почему», на которые нет ответа.

Точно знаю только одно: что с минуты на минуту загорится зеленым свет его окна. «Онлайн». И словно в награду за ожидание маленький огонек извещает о том, что мое наваждение в Сети. Мысли путаются, эмоции захлестывают, но пальцы уже ловко набирают привычное:

— Привет, Дэн...

Примечание к части

Ёкай (яп. ё:кай) — сверхъестественное существо японской мифологии.

Музыка к главе: Placebo — Meds

<https://www.youtube.com/watch?v=9eh0rAUwZSQ>

Часть первая. Вера. Песнь вторая. Евангелие от Дениса

...Одна... Вторая... Третья... Минуты движутся так медленно, когда внутри тебя вовсю скачет мелкий, но чрезвычайно жизнерадостный бесенок, вдохновляя на подвиги. Уже давно не сплю, прислушиваясь к звукам, что наполняют не только пространство, но и всего меня. И этот звук...

Тишина. Это та особая тишина, которую можно услышать. Которая наполнена щебетом птиц, шелестом листьев, шепотом травы. Ее не услышишь в городе, где эти тонкие вибрации Земли глушит его непрерывный фоновый гул. А в деревне, вдали от автотрасс и цивилизации, она ласкает уши, расслабляет напряженный мозг. Наполняет умиротворением, радостным ожиданием нового дня и новых приключений.

...Десять... Одиннадцать... Двенадцать... Витые стрелки на странных для меня — ребенка, выросшего в эру электронных табло — часах упорно не хотят ускорять свой бег.

Необычный подарок. Он достался мне от деда, ушедшего таким молодым, что я даже не помню его лица, но эта вещичка напоминает мне о человеке, который был в моей жизни. Этот древний механизм мне очень нравится, и не потому, что таких нет ни у одного дворового пацана, а потому, что с ними я чувствую себя взрослее, значимее, не таким, как все. И еще... у меня есть внутреннее убеждение, что этот предмет из хрен знает какого века — абсолютно мой.

Свет. Проложил тонкую нить сквозь старенькие шторы, и в ней вспыхивают искорки пыли. Пора! На утренний клев. Пока зеркальная гладь воды в деревенском пруду парит утренним туманом. Пока солнечный ветер восходящего светила не затронул верхушки берез.

Я крадусь босыми ногами по лестнице вниз, стараясь не разбудить бабулю, на ходу накидываю на плечи рюкзак с приготовленными с вечера снастями, парой китайских удочек и куском ржаного хлеба. На душе такое беззаботно-воздушное облако, что бывает только у подростка в летние каникулы.

Часы в карман, бейсболка, кроссовки, я почти бегу по узкой тропинке, мимо зарослей мичуринской крапивы и приставучих лопухов. Мимо покосившихся стареньких заборов, за которыми звенят цепями брехливые кабыздохи. Мимо колосющихся разнотравьем полей на дальний конец пруда, где широкий разлив воды переходит в узкую болотистую речушку, перегороженную когда-то плотиной.

Там, в густых зарослях тальника, есть открытые полянки, прикормленные места и тако-о-ой клев.

Вижу его тачку издалека. Крутой, с рогатым бычарой на капоте внедорожник поблескивает черными лакированными боками. Когда я вырасту, у меня тоже будет такая тачила. Нет. Еще круче! Но когда у тебя пока что и прав-то нет, остается только мечтать и кидать завистливые взгляды на чужую крутизну.

Этот мэн сразу засветился в нашей глуши. Как же такого не заметить?! Здоровый, заматеревший, наглый, и имя под стать — Лев. О нем тут же ползут слухи. Девчонки кидают томные взгляды, мечтая о принце на таком вот коне. Парни молча завидуют богатому крутышке. Но все, как один, сторонятся его, а некоторые и десятой дорогой обходят, говоря, что тот с головой не дружит. Боятся!

Странно, но во мне он не вызывает никакого страха. Мы сразу сдружились, если можно так назвать общение прыщавого пацана и взрослого мужчины. Однако, встретившись однажды на том рыбацком пятачке, часто пересекались и распугивали свой улов дружным хохотом.

А говорить Лева умел. О многом, о разном, а еще о том, что в наших пацанских кругах было вроде уже и не запретной темой, но все-таки еще какой-то стыдной, в разговорах о которой все скатывалось в дружный «на поржать». А как иначе? Стремно же ляпнуть что-то такое, после чего — в свои-то годы! — прослыть неумелым или, и того хуже, ДЕВСТВЕННИКОМ. И ведь ни один из пацанов не признается, что девичьи прелести только на картинке и видел. И я, развесив уши и раскрыв рот, а порой и краснея, как девица, слушал его отнюдь не рыбацкие байки, расширяя свои теоретически-эротические познания.

Мне кажется, про такое можно говорить только с самым близким другом, и горжусь, что этот крутущий мужик так доверительно посвящает меня в таинства своих походов и секса, знакомого только по тайком просмотренной порнушке.

В этот предраассветный час Лева видит меня, по-дружески небрежно вскидывает руку.

— Привет, — кричу, и голос предательски срывается на фальцет, заставляя меня краснеть. — Как клев? — подходя, уже тихо интересуюсь, поглядывая на замершие на водной глади поплавки.

— Пока тихо, — обдает меня перегаром Лев, видимо, еще не проспавшись с ночных гулянок.

— Ничего, щас прикормим, и пойдет дело. — Я стягиваю с плеч рюкзак, раскладываю удочки. Поглядывая на вальяжно развалившегося мужика, устраиваюсь рядом, приготовив уши для очередной порции философских размышлений о смысле жизни или, что еще интересней, смущающих откровений.

— Хороший ты пацан, Дениска, — придвигается ко мне вплотную Лев, похлопывает по плечу и почему-то так и оставляет руку.

— Наверное... — Пожимаю плечами, отрывая глаза от поплавок, и ловлю непривычно серьезный взгляд, что словно ошупывает меня, сканируя от макушки до пят.

Становится как-то неуютно, дергаю плечом, уходя от прикосновений, но хватка усиливается, указательный палец трогает кромку коротко остриженных волос, отчего я тут же вспыхиваю, как китайский фонарик.

— Дениска, а тебе говорили, что ты краснеешь, словно баба? — пьяно улыбается мужчина, обводит завиток пылающего уха и начинает как-то странно поигрывать, оттягивая его край, отчего оно упруго, словно пружинка, похлопывает и еще больше начинает гореть. — Хотя ты и симпатичный, как девчонка. Худой, правда, но мне худые нравятся.

Не понимаю, чего он хочет. Оскорбить меня? Похвалить? Смутить? Что-то непонятное, гадливое поднимается внутри. Еложу задницей по еще мокрой от росы траве и сглатываю вязкую слюну. Все меньше и меньше мне нравится этот разговор, а еще меньше — его рука, что уже настойчиво поглаживает мою спину, плечо, и этот взгляд... Что в нем?

— Я, пожалуй, домой, — пытаюсь подняться, но тут же крепкий захват сдавливает мне лодыжку. Непроизвольно спотыкаясь, падаю на вовремя подставленные ладони. — Лева, дурак. Фигли творишь?! — Но мужик не отвечает, как и не отпускает. Дергаю ногой, в надежде, что сейчас посмеемся, и я смоюсь. — Что за шутки?

— А кто говорит про шутки? Шутки кончились. — И, словно противореча себе, заливается хохотом. — Нахуй эту рыбалку! — Мужик в один момент подминает меня под себя. Нависая, вдавливая в мокрую траву, дыша в лицо алкогольным смрадом. — Тебе же так интересно узнать, что такое секс. — Совершенно однозначное движение бедрами дает мне почувствовать его стояк. — Хочешь, покажу, как это делается? — Лев смеется, а мне ни хрена не смешно, мне пиздец как страшно. — И ты сразу станешь взрослым...

Я еще не взрослый, но уже не ребенок. Понимаю, о чем говорит этот пьяный быдлан.

— Такой ладненький, и задница у тебя загляденье, — рычит мой взрослый приятель, и жадные руки сжимают, тискают пах, причиняя боль. — Сколько раз я представлял, как натягиваю тебя на свой...

Меня окатывает кипятком. Тело бьет мелкой нервной дрожью, которую я никак не могу остановить. Задыхаюсь под тяжестью его тела, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Мамочки... А-а-а... — Не думая, как молодой горный козел вскидываю ногу, брыкаюсь и попадаю в цель. Бубенцы Льва разве что не звенят, зато взывает их обладатель.

— Сучоныйш, порву! — хрипит насильник, и то ли мне кажется, то ли и в самом деле его глаза наливаются кровью.

Я не жду, когда приведут в исполнение угрозу. Пользуясь моментом, ужом выскальзываю из-под мужика и одним резким скачком поднимаюсь. Неотрывно смотрю ему в глаза, даже моргнуть страшно, в голове пульсом одна мысль: «Бежать! Бежать! Бежать!».

В следующий миг, разрывая зрительный контакт, разворачиваюсь и срываюсь с места. Отчаянный, на одном дыхании бег, когда не видишь преград перед собой, когда не разбираешь дороги, когда дикий животный страх гонит тебя вперед и вперед.

Ветки кустов хлещут по лицу, с головы срывают бейсболку. Трава, словно заодно с хищником, путает ноги. Спотыкаюсь и больно бьюсь уже разодранным коленом. Сердце готово разорваться, до того бешено стучит в груди, что я буквально слышу его грохот.

За мной гонится Лев, шумно дышит в спину. Упреждающий рык «Поймаю — хуже будет!» только подстегивает. Я слышу хруст веток, его грузные шаги. Хищник все ближе, преследует, не отстает. Чувствую его взгляд у себя меж лопаток, и паника звенит в каждой клеточке тела.

Отчаяние захлестывает душу. В боку нестерпимо колет, задыхаюсь, ноги становятся ватными. Ничего не вижу перед собой, руками пытаюсь защитить себя от сучьев, и внезапно срываюсь вниз. Кувыркаясь, скатываюсь по скользким краям оврага на мокрое дно. Вспыхиваю щекой, носом, подбородком землю. Вскрываю и снова бегу, не разбирая куда, лишь бы подальше от него, и налетаю на отвесную стену.

ТУПИК! Я стою перед размытым водой крутым склоном. В ушах прибором шум моей крови. Какие-то нечленораздельные всхлипы вырываются вместе с загнанным дыханием. Верчу головой вправо-влево, пытаюсь найти выход, но все плывет перед глазами. Словно загнанный зверь цепляюсь за выступы и оголенные корни содранными, забитыми грязью ногтями, и не могу вскарабкаться. Снова и снова сползаю по глине вниз.

Мне нужно обернуться — стоять к опасности спиной страшнее во сто крат, — но именно он, страх, вымораживает, сковывает, не давая шелохнуться. Тошнота в горле горечью. Мертвенный холод накатывает с чувством обреченности. Просто чувствую, как он приближается, как кладет руки на дрожащие плечи, как поворачивает к себе лицом.

— Помо... Помо... Помогите... — мне кажется, я ору, но это даже не шепот. Зажмуриваю глаза, видя летящий в лицо кулак. Тьма.

Боль. Бешеный похотливый взгляд разъяренного быдла, что рвет на мне одежду, навсегда въедается в память. Слезы отчаянья оставляют на грязных щеках светлые полосы. Нет... Я не верю... Этого не может быть со мной... Тьма.

Боль. Толчками разрывает нутро. Я захлебываюсь всхлипами, хочу кричать, но не могу. Его ладонь зажимает мне рот. Тьма.

Боль. Зловонный шепот в лицо: «Пикнешь кому — убью». Крепкие пальцы тисками сжимают шею, вырывая из моей глотки хрипы. Время останавливается. Тьма...

Темный человек в темной комнате, и только серый прямоугольник окна, подсвечиваемый одинокой луной, да светящийся монитор пытаются развеять мрак. Сажу в кресле, раскачиваюсь, пытаюсь убаюкать свою верную подругу Боль, что дарует бесконечно долгие дни и бессонные ночи, наполненные одиночеством.

— Какой же я был дурачок наивный десять лет назад. Верил в доброе, светлое, вечное*, — усмехаясь, захопываю крышку тех самых карманных часов, стрелки которых, бегая по кругу, отсчитывают очередной десяток лет моего вектора жизни, в которой мне порой так хочется забыться, но эта тонкая царапина на задней крышке часов пролегла в моей душе болезненной бороздой, глубину которой не дано понять никому.

Так безумно хочется затянуться, сглотнуть сизый дым. Только я бросил, а заново начинать — здоровья не хватит. Отгоняю одну за одной дурные мысли. Закидываю в рот очередную таблетку, запивая остывшим крепким кофе. На коленях пригелась моя девочка.

Моя красавица. Распушившаяся, ухоженная, а когда-то найденная в подьезде маленьким испуганным существом, над которым поиздевались люди. Я не смог пройти мимо, ни на секунду не задумываясь, подхватил блохастую мелочь и засунул за пазуху. Я чувствовал: чем-то мы с ней сродни.

Сколько бессонных ночей, сколько походов в ветеринарку после того, как я отказался усыпить котенка, что так отчаянно цеплялся за эту никчемную жизнь. Став взрослой, она осталась крохотной пушинкой. Но я точно знаю — у нее большое сердце и преданней существа мне не найти. Наверное, так беззаветно любить могут только животные. Любить и чувствовать...

Вот и моя крошка-кошка, словно слыша hardcore моих мыслей, мурлыкает, смотрит в глаза, пытаюсь удержать взглядом и не дать соскользнуть в

черноту.

— Не переживай, в петлю не полезу, — тихо отвечаю на ее немой вопрос в отливающих красным глазах, понимая, что этот комочек шерсти нуждается во мне не меньше, чем я сейчас — в ее участии. Глазу подставленную гуттаперчевую спину, что выгибается под ладонью. — Что было, то быльем поросло, — выдергиваю себя из тяжелых воспоминаний, с младых ногтей познав, что придерживаться по жизни правила трех «НЕ»: не верь, не бойся, не проси — правильное решение.

Просить никогда не умел. Бояться мне некого, да и отбоялся свое. Еще жива вера в себя. Может, поэтому и сам жив до сих пор? Но живу отшельником, закрывшись от чуждого мне мира, где я потерял веру в людей. И дом стал моим убежищем.

Убежищем и клеткой моей жизни. Семь шагов в длину, пять — в ширину. Несколько лет затворничества — и я в полной мере оценил возможности современной жизни, когда работать, развлекаться, путешествовать, питаться и даже флиртовать можно, не выходя за порог. Экран монитора стал моим окном в мир.

Вечно открытые вкладки.

Работа — китайские рынки, где есть всё, русские задроты, которые хотят всё, а посередине — я, который может достать всё, и мой процветающий купи-продажный бизнес. Немного, но нам с кошкой хватает.

Для ума — YouTube, что всецело удовлетворяет мою тягу к знаниям, ностальгию по оставшимся где-то в прошлом лекциям, семинарам. Где могу, не выходя из дома, прокачать мозги новыми теориями или старые освежить в памяти. Где хочу познать для себя непознанное, изучить еще не изученное и на кой-то шут одолеть деловой китайский, если он, конечно, не одолеет меня.

Для жажды путешествий — вебка, что показывает мне островки земного света. Например, гнездо аиста в Польше. Этот мирок чем-то схож с моим. Там тоже длинноногий мужик прихорашивает свое жилище, прямо как я, только в моем мире самки навряд ли станут драться за право разделить это гнездышко со мной. Да и хрен с ними, у меня ведь есть моя преданная кошечка.

А остальное — книги, книги, книги... Для глаз — немногословная, но весьма живописная манга. А когда глаза заняты делом, для ушей — разноголосые аудиокнижки с кошмарами Говарда Лавкрафта и Стивена Кинга, так любимые мной космические и земные фэнтези Сашки Зорича, уморительные сказки Андрухи Белянина. Для души — классики, с которыми, увы, не поспоришь. Зато отрадой для моего злого языка — электронные пробы пера современников, с которыми не грех и пободаться.

Одно удручает — в этой необъятной библиотеке можно долго искать что-то читабельное, но так ничего и не найти. Зато воз и маленький паровоз мерзостных фантазий латентных феминисток о рожающих мужиках. Тошнотворно-сопливых романов недолюбленных дам, которые глубоко убеждены, что туповатая ванильная девственница сможет поставить на колени прожженного Топа. Хэппиэндные ниочемники, где герои выходят без единой царапины из огня, воды и... груды железа. Был когда-то и я таким же наивным дурнем, верящим в этот сказочный бред. А жизнь...

Жизнь — это дама, что, развлекаясь, играет с тобой в покер. Блефует, строит глазки, что-то обещая. Только ты все равно не узнаешь расклад, пока она сама не раскроет карты.

Мои развлечения — под стать жизни — игра с людьми.

Однажды поняв, что, несмотря на мой своенравный характер и злой, порой до жестокости, язык, разновозрастные мальчишки, а еще чаще — девочки тянутся ко мне, я отрывался от души. Заводил в соцсетях страницу за страницей, примеряя на себя то образ мудрого старца, познавшего дзен*, то отца семейства, уставшего от бытовухи и ищущего отдушины на стороне, то развязного малолетки, что так жаждет «материнской» любви и внимания. Как-то прикинулся девушкой — было прикольно, но быстро надоело, и эта страница, как и все другие, что остолебенили, безжалостно вырвана из моей жизни.

Подобные «расставания» давались мне легко. Ведь они — только игра, нечто эфемерное, призрачное, выдуманное тобой же самим. Это не реальная жизнь, где каждое предательство ядом проникает в сознание, вытравливая из него веру в любовь.

Уходил по-английски молча, а иной раз — по-хамски громко высказав все, что думаю, тому, кто уже достал своей непробиваемой тупостью или требованием моих контактов, а то и личной встречи. Сразу же заполнял эту брешь новой регистрацией, новым ником, новой авой. И снова быстро обрастал очередными знакомствами, которые так же быстро надоедали.

Я втянулся. Какое-то время жил этим. И даже в какой-то степени переживал, видимо, восполняя недостаток живого общения. Потом стал более избирателен в выборе «друзей» и даже устраивал «сафари» на интересных мне людей. Чисто из спортивного интереса, пытаюсь увлечь очередную «жертву» моих игр разума, дабы потешить свое мужское эго.

Вот и сейчас — все внимание на монитор. Подкладываю под спину подушку, хищная улыбка тянет губы, нога отбивает роковый ритм битов, что льются в уши через мощные наушники и, кажется, заставляют вибрировать мозг.

— Не будем киснуть, — говорю себе и моей мохнатой малышке, что поудобней устраивается рядом с монитором и внимательно наблюдает то ли за курсором, то ли за моими шашнями. — Найдём, чем или, правильнее, кем себя развлечь.

Сеть — идеальное поле игры для такого, как я. Но как же я не люблю этот ВК! Никакого привата. Может, поэтому всегда держу запасной аэродром, где я один на один с музыкой, видео и... собой. А на этой «безликой» странице — стоит засветиться, и начинается перезвон, от которого меня через пару минут тихо мутит, а еще через пять громко выбешивает.

Зелеными огоньками горят несколько окон. Маленькие мирки — все разные, но по сути одинаково одинокие, скучающие, недолюбленные. И я уверен: в каждом меня ждут. Точно знаю, что надо этим девочкам и мальчикам, ведь и сам в чем-то схож с ними — блуждающими во всемирной паутине. Но ведают ли они, что мне нужно лишь развеять свою скуку?! Пробегаю взглядом по контактам. Моя оранжерея.

Роза — зрелая, опытная женщина, с острыми шипами. Но ничего, у меня есть план, как обломать ее колючки.

Лилия — такая же белая и непорочная снаружи. Но, как говорится, в тихом омуте черти водятся. И то, что в реале юную девственницу оберегает

строгий папа-военный, не мешает ей виртить со мной ночи напролет.

Гвоздика — траурный, но гордый цветок. И к этой особе я нашел подход: как оказалось, всего толика внимания приправленного интригой, — и цветик пылает ярче огня.

Есть в моем садике и Антуриум, причем не обычный — голубой. Был когда-то Нарцисс, но я быстро выполол этот сорняк, безжалостно выдернув с корнем. Слишком многого хотел.

Царственная Хризантема и простенькая Ромашка, изысканный Ирис и нежный Тюльпан — синий, белый, голубой, — выбирай себе любой. Краски для моей серой жизни.

— Привет, красавица, — заглядываю на огонек к самой строптивой. Эта козочка пока еще брыкается. Ну ничего, побрыкайся, я давно просек, на какой козе к тебе подъехать.

— Так и знала, что ты ко мне прискачешь! — незамедлительно высвечивается ответ, вызывая у меня ироническую усмешку. Я?! Прискачу?! Я щас ускачу и вполне успешно поиграюсь на другом поле. А ты пока поскучай, моя прелесть, книжки почитай — может, еще что-нибудь узнаешь...

Колючку в игнор. Сегодня мне не до нее, у меня свидание с новеньким цветочком. Я пока еще не знаю, что за семицветик так настойчиво хочет попасть в мой букет, но так надеюсь, что это знакомство развеет скуку, а то проточная по началу вода уже застоялась и начинает пованивать гниющим болотом, навевая мысль «А не выбросить ли и эту икебану на помойку?».

— Ну что, малышка, поиграем! — Пальцы порхают над клавиатурой, а в голове вереница мыслей, циничней некуда: «Сколько вас, таких недолюбленных, попало в мои сети. Сколько побывало в «кровати». Счастье в незнании, так что надеюсь, что мои цветочки не станут делиться между собой, с кем и как они проводят свои одинокие ночи...

— Конечно, мы же договорились. — И смущенный смайлик улыбается с экрана. Ну и чего ты смущаешься? Я ж тебя не вижу, только чувствую. Но вот сейчас тот самый случай, когда я не чувствую ничего, а значит, нужно разогреть в малышке страсть.

— Давай импровизировать! — Ищу картинку одинокого монастыря, и на момент загорается надежда, что эта новенькая меня чем-то удивит. — Я буду Дьяволом, что пытается соблазнить юную монашку. Монашка, само собой, ты, — поясню для особо одаренных, вдруг до нее не дойдет. — Итак, погнались... Под покровом ночи крадусь по узким коридорам женского монастыря, приняв обличье матери-настоятельницы. Все вокруг враждебно мне. Эта атмосфера святости душит, любое прикосновение к стенам обжигает кожу. Но у меня есть цель — прекрасная девственница, что готовится к постригу. Я не отдам эту душу Богу, и она станет моей...

Жду ответа, но в Сети повисает пауза.

— Она что, зачиталась? Или думает, что я один за двоих играть буду? — спрашиваю свою кошечку, и та зевает во всю пасть, демонстрируя мне, насколько ей пофиг. Приходится дергать мою сегодняшнюю вирт-любвицу: — Опиши, что ты сейчас делаешь.

— Я лежу на кровати, на мне корсетик и трусики с подвязками к чулочкам. Жду своего зверя.

«Ебануться! Монашка из борделя», — чуть не поперхнулся кофе, представив на секунду эдакую служительницу церкви, и не впиливаю, есть, что ли, набор фраз для девушек? Че они все пишут одно и то же? Надо исправлять ситуацию.

— Натянув на кисти длинные рукава балахона, открываю дверь в маленькую келью, где в молитве преклонила колени юная дева, — подкидываю деве очередную картинку, искренне надеясь, что, может, сейчас она включится в игру. — Запах серы наполняет воздух, Судорожно всколыхнув языками пламени, гаснут церковные свечи, и только мои демонические глаза сверкают, глядя на тебя, — меня понесло. Пишу, и остановиться не могу, как не могу и не стებანуться слегка: — Ах ты развратница! Гореть тебе в Аду! Где ты достала такое сексуальное белье? Злобно смотрю на коленопреклоненное создание. Ты будешь наказана, за то, что не чишь устав монастыря!

— Как Вам будет угодно, мой господин. — И снова висит пауза длиной в бесконечность.

— Мля-я-я! Она что, спит?! — бужу дремлющую кошку. — Какой господин? Я же сказал, что я в образе настоятельницы! Надо было с ней в БДСМ-клуб поиграть. — И уже устав ждать продолжения, пишу девчонке: — Ты уверена, что хочешь служить Богу?

— Нет, господин. Я хочу служить Вам, — детский лепет, от которого у меня сводит челюсти.

— Я покажу тебе свое истинное лицо. Рву на себе черный балахон. Келья заполняется фиолетовыми клубами дыма, сквозь которые проскакивают всполохи пламени. — Посылаю девчонке картинку разъяренного Демона, хотя так и подмывает отправить изображение Фредди Крюгера, и, уже отчаявшись дожидаться отклика, играю сам с собой: — Ты трепещешь. Хрупкие ручонки дрожат в молитвенном жесте. Образ красавца-беса затмевает лик божий. — На всякий интересуюсь: — Тебе страшно?

— Да, я вся трепещу. — Блять, так почему я этого не чувствую?

— Сейчас я обращаю тебя в свою веру! — Корчу зверскую рожу в монитор, кошка от него скромно отворачивается. — Снимай все. Хочу видеть тебя обнаженной...

— Я снимаю трусики... — Ага, все долой, а то я щас засну за клавиш. Чулочки, с поясом, кстати, можешь оставить — прикольно по попке резинкой щелкнуть.

— Да, моя девочка, снимай... Медленно. Я так хочу тебя. Посмотри, как у меня встал. — Бросаю взгляд вниз: как же, колом стоит! Мой удав лежит себе преспокойно и даже не шелохнется. И похоже, мозги уже тоже отключаются, просясь на покой.

— Я готова, мой господин. — «Ага, я тоже готов». Закрываю рот рукой, подавляя очередной зевок. Но вирт надо довести до кульминации. Иначе что это за вирт? Кидаю ей гифку эрегированного члена и вслушиваюсь в очередную тишину. Рассматривает. Ласкает себя. Возбудилась. Чего не скажешь обо мне. Я спать хочу.

— Ты моя! Я бросаю тебя на жесткую кровать, развожу тесно сжатые ножки. Да... Ты готова — нежные складочки поблескивают влагой. Сжимаю жаждущий тебя член и врываюсь в девственное лоно... — пишу своей «монашке» и грустно усмехаюсь, почесав свою девочку за бархатным ушком. — Ты кричишь, рвешься. Мой горячий ствол окрашивается кровью. Я безжалостен. Раскачивая бедрами, беру тебя...

Сижу, молча смотрю на зависшую в чате паузу. Пытаюсь развлечь себя, пролистывая новости, музыкальные треки, и диалогом с кошкой:

— Милая моя, ну не смотри на меня так. Не ангел я, знаю. Могут у меня, при всех моих исключительных достоинствах, быть не менее выдающиеся недостатки? Я ведь не кот, а всего лишь человек, — подмигиваю своему маленькому божеству. — А с девочкой мне опять не повезло. И я вовсе не придираюсь. Я ее просто не чувствую, и мне пипец как скучно. Очередная — никакая! Может, для разнообразия, создать беседу и попробовать групповуху провести или сеанс одновременной игры, как в шахматах?

Моя кроха молча соглашается со всей ахинеей, что я несу, видимо, с мудростью истинной женщины думая: чем бы хозяин ни тешился, лишь бы не был по ночам. Ну, а раз меня слушают, я продолжаю демагогию:

— Ты не представляешь, как меня задолбала пустая трескотня ни о чем. — Пушистая мурлыка вскидывает на меня удивленный взгляд голубых глаз. — Да не-е... я не про тебя, — уверяю животинку в том, что она лучше всех, и вливаю в себя остаток кофе. — Ты-то у меня молчунья.

Удовлетворенная моей лестью прихорашивается. Намывая темную мордочку, тихо урчит в усы, будто что сказать хочет. Треплю ее за ушком одной рукой, на автомате просматриваю оповещения по работе. Все размеренно катится по наезженной дороге. Но и это уже не радует.

— Заебало! Изю дня в день ничего нового. Жизнь, как день сурка. Я уже знаю, когда у какой красный день календаря. Тоска! Чувствую, надо грохнуть и эту страницу. Одно держит... — Глаза останавливаются на яркой аватарке с рыжим плутом. — Вернее, один...

Захожу на Его страницу. Что-то тянет и тянет меня туда. Пролистываю музыку, сохраненные фотки, от которых окатывает жаром. Парень явно играет за обе команды. Почему-то меня это волнует.

— Хотелось бы поговорить с интересным собеседником, а Он — интересный. — Пушистик жмурится, продолжая мне петь: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно». Усмехаюсь. — Наверное, было бы прикольно с ним поиграть. Почему-то уверен — он бы меня не разочаровал. От Него такая энергия прет... — От одной мысли о вирте с парнем окатывает жаром, член, соглашаясь с верхней головой, дергается в штанах. — Бляяя, ну ты, друг, даешь: на девственницу голову не поднял, значит, а на малознакомого парня — тут же.

— Дэ-э-э-ни-и-и... — словно помянутый черт, вылезает из аута моя монашка, а у меня дергается глаз — какой я тебе, нахрен, Дэ-э-э-ни-и-и? — Мне было так хорошо...

— Мне тоже, детка, мне тоже... — И как подтверждение — большой палец вверх, а так хочется послать в далекие дали. Высказать, что ли, ей все, что думаю об ее умственных способностях? Но сегодня я очень терпелив.

— Дэничка, Дэнюлик, давай как-нибудь повторим? — девица коверкает мое имя, как бог черепаху, отчего меня тоже коржит.

Кошенка, словно чувствуя мое состояние, тут же сбегает со стола. Не любит, когда я злой. А раздражение на эту особу поднимается с неимоверной скоростью, зудит матом на кончике языка, подталкивает пальцы набрать пару-тройку замысловатых фраз. Останавливаю себя, когда уже успеваю накатать целую тираду. Стираю колющие выражения на тему «... — ты такая дура», заменяя на те, что приятно услышать любой девочке:

— Милая, непременно, — обещаю все, как только, так сразу, лишь бы она отстала от меня. Я тут занят — эротиШные картинки смотрю. — А сейчас спокойной ночи. Демону нужно в душ, он весь исфакался, а девочке пора бай-бай... — пытаюсь по-хорошему отделаться от своей неудавшейся забавы, молясь всем не святым, чтоб она уже свалила из Сети и мне не пришлось клацать зубами.

— До встречи, милый, — Ее огонек наконец-то гаснет. Я, облегченно вздыхая, откидываюсь на спинку кресла, вырубаю этот чертов ВК и снова остаюсь один. Хотя... Я никогда не один...

Темнота порождает призраков, а мои демоны всегда со мной. В каждом наполненном мраком углу. В сюрреалистичном узоре тени на потолке, отбрасываемой стоящим на подоконнике фикусом.

Рука тянется к пачке таблеток. Через секунду осмысливаю этот жест. Ебать, мышечная память. Злость, неудовлетворенность — не лучшие друзья, но они поборимы моей демонессе Боли. Эта садистка со мной 24/7. Молча выворачивает кости. Зато остальные не молчат. Шепчут моим же голосом.

— Дэн, ну нахуя тебе это надо? — приходит к подружке Боли еще одна мозгоебка — Самоедство. Затягивает свою заунывную песню: — Что ж тебе спокойно не живется в своей клетке? Зачем Надежду даешь? Флиртуя, тешишь свое мужское эго? Они же, глупенькие, влюбляются, чуть ли не чемоданы пакут в надежде быть рядом. Ты же все равно никого не подпустишь. Не покажешь себя истинного. Нахер так делать? Знаешь же, как это больно, когда тебя используют.

— Заебало! Я никому ничего не обещаю, — чуть ли не рыча отвечаю этой неприятной особе. — Честно предупреждаю, чтобы держались от меня подальше. Я, пиздец, плохой. Так что моя совесть чиста. Кто предупрежден — тот вооружен.

— А как же Он? — вылезла сука Совесть, дергая внутри струны Сожаления. Помяни черта! Не могла и дальше скромницей посидеть в углу и носа не показывать?!

— Станный парень. — Кутаюсь в плед, чувствуя, как действие анальгетиков потихоньку загоняют в дальний угол Боль. — Не знаю, почему он вызывает столько эмоций в моей душе, когда появляется в Сети. Не могу объяснить это чувство, этот трепет, волнение, непреодолимую тягу... — Выдох застревает где-то в горле, вырываясь сдавленным свистом. — Я всегда считал себя зубоскалом, который за словом в карман не полезет, но в его присутствии теряюсь, тупею, и из-за этого начинаю психовать, злиться на него, на себя. Ну не получается у меня с ним нормально общаться, и кусаю, кусаю, кусаю того, кто, кажется, протягивает мне руку.

— Может, он, как и ты... одинок? — тихо, на грани слышимости, шепчет глумливая бесовка — Надежда. Бляя, еще не сдохла, родная? Все раскидываешься своими ложными уверениями?!

— Он не может быть один. Просто не может. Такие люди не бывают одиноки, — загоняю паршивку в дальний угол, задавая вопрос своей фаворитке — Сомнению: — Так что же он хочет от меня? Почему терпит все мои выебоны и нарочито показное хамство. Почему не пошлет куда подальше, как делали многие, с кем пересекался в Сети?

— Может, он, как и ты... играет? Ему скучно — он веселится, и ты его забава? — подкидывает мысль другая моя демонесса — Недоверие. Ну всё-о-о-о-о, почти все мои дамочки в сборе.

— Пусть так. Я готов и к этому, — тут же парирую, но в глубине души так не хочу, чтобы слова «Недоверы» оказались правдой. — Я сам игрок. — Кривая усмешка вздергивает уголки губ, рука механически скользит по подбородку, вверх к виску и дальше в волосы. — Мдя-я-я, много ли вас осталось бы рядом, если бы увидели это?

— Никого, — подает голос мой главный демон — Здравый смысл. — И он бы свалил по-быстрому.

— Скорей всего, — соглашаюсь с демоном, что никогда меня не подводил. — И все же он странный, какой-то неправильный, другой. Не просит фоток, не зовет в скайп, как это делают все, с кем решаюсь на переписку. Говорит, что и так видит меня. Видит? Это как? — Улыбаюсь, зная, что эти его слова всегда вызывают во мне необъяснимую панику.

— Он Ведьмак! Точно! — выдает идею хохотушка Ирония, и я чуть ли не прыскаю от смеха.

— Скажи еще — инопланетянин, — подковыриваю эту подружку Сарказма. — Хотя, может, поэтому и не понимаю его, — удивляюсь бредовости мыслей на ночь. — Но хуже всего, что я не понимаю себя. Давно все решил, расставил все точки над «ы», но его напор ломает мои железобетонные стены. И я должен признаться, что жду его. Жду каждый вечер, изо дня в день, из ночи в ночь, чтоб почувствовать рядом и, как обычно, сцепиться языками, проверяя на выдержку.

— Признайся — ты боишься, — просыпается трусливый демон — СТРАХ.

— Да, я боюсь, хотя и не пойму, чего, — отмахиваюсь от него. Не хочу сейчас разбираться, что и почему. Я попросту не понимаю. Одно знаю точно: пока я остаюсь безликой тенью, я могу быть в Его глазах кем угодно — парнем, девчонкой, чертом лысым и просто обычным человеком со своими бзиками.

Вспоминаю переписку с ним, и легкая улыбка трогает губы. Что-то тянет, как магнитом, снова залезть ВК. Может, Он пришел? Так и есть. В Сети. Светит мне зеленым огоньком онлайн, и я не знаю, что со мной происходит. Сердце срывается вскачь. На душе такое странное щемящее чувство, когда спокойно и волнительно одновременно. Мысли путаются, эмоции захлестывают, но пальцы уже ловко набирают привычное:

— Привет, Лис...

Примечание к части

Доброе, светлое, вечное - Ольга Партала. <http://versos.ru/verso.html?id=215>

Дзэн - школа мистического созерцания или учение о просветлении, появившееся на основе буддийского мистицизма.

Часть первая. Вера. Песнь третья. Евангелие от Елисея

Fluke — Absurd
<https://www.youtube.com/watch?v=DAQISes7iXU>

...Зло улыбаюсь. А ведь мне говорили одни: «Ничего у тебя с ней не выйдет! Она старше, опытнее. У нее взрослая дочь всего на восемь лет младше тебя», — а другие: «Что ты в ней нашел? Мелкая, кривоногая татарка, что всегда себе на уме».

Но ведь когда я кого-то слушал? Впервые за столько лет метаний от одного к другой почувствовал что-то очень похожее на любовь и спокойствие. После вечных перекусов на ходу чем-нибудь и где-нибудь по достоинству оценил приготовленный для меня зур бэлиш*, обустроенность быта и домашний уют.

Я смотрел в ее маленькие глазки, понимал, что не красавица, но было в ней что-то такое неуловимо притягательное. А уж что она вытворяла в постели. Даже я, со своим богатым опытом, чувствовал себя неопытным юнцом. Она была моим учителем в мире изысканного секса и фетишей. Я холил в себе мысль, что это — ОНА! А она...

Она никогда не говорила, что любит, с легкостью принимала знаки внимания других мужчин, как и мне позволяла флиртовать с парнями, легко соглашаясь с этой гранью меня.

— Ты видишь мир иначе, шире, так почему я должна сужать рамками кругозор твоих интересов?.. — это подкупало, но я не изменял, впервые за многочисленные отношения. Я впервые хотел только ее, а еще очень хотел быть единственным для нее, но...

Банальная фраза «нам не по пути» — и все в одночасье полетело в тартарары. Меня кинули.

Не скрою — переживаю. Разрыв с ее стороны больно бьет по моему ЭГО. Но кто сказал, что с любовью надо прощаться дома в семейных трусах и с бутылкой водьяры, оплакивая свою нелегкую долю? НАХУЙ! Кусачие Злость и Обида рождают уверенность, что я не останусь один, заставляя двигаться вперед.

— Нам не по пути? Ну и чего я так распереживался?! — сам себя спрашиваю, и блудливая улыбка кривит губы.

— Ну-у-у... вроде как любил, — продолжаю внутренний диалог, запуская пятерню в волосы и натыкаясь на такой непривычно коротко стриженный затылок. — Вот, ради нее даже постригся, чтобы выглядеть старше, солиднее.

— Хм-м-м. Вроде? — подьебывает сука-Обида. — Чего тогда в прошедшем времени, хотя постель еще не остыла?

— Да-да... Выдавать желаемое за действительное, видимо, мой конек.

— Вот и будь жеребцом, а не страусом! — отвешиваю себе волшебного ментального пендаля.

— Никогда им не был, — уже вовсю смеюсь, и боль расставания вроде бы уходит на задворки сознания. — Дело за малым — найти того, кого буду чувствовать, как самого себя, и вот его-то точно полюблю и не отпущу!

— Вот чудак. Ты в это веришь? Лучше найди того, с кем по пути сегодня ночью до постели! — подает голос вечная подруга молодого парня — Похоть.

— Да не вопрос! — И внутри уже вибрирует легкий зуд предвкушения. Мечусь по квартире, собираюсь на блядки. Звонок дружбану — веселая компания для начала никогда не лишняя, — и пускаюсь во все тяжкие.

Простой прикид, дешевый клубешник: мажорный пока не по карману — бабло впритык. Почти ничего не пил и уж тем более ничего не курил, но на душе какая-то необъяснимая эйфория, как предчувствие приключений.

Это нарастающее весь вечер ощущение, что зарождается в солнечном сплетении, гудит в крови адским коктейлем и тянется по нитям нейронов к самому паху, поддерживая тело в легком возбуждении.

Мне совершенно необходимо доказать самому себе — я могу и без нее. Меня непреодолимо тянет на подвиги: погонять без тормозов по встречной, залезть на крышу высотки и плюнуть оттуда как минимум кому-нибудь на спину, а как максимум — на весь этот гребаный мир. Ну или купить мегафон и послать всех оптом на хуй, а еще лучше — присадить на собственный какую-нибудь дуреху, а то и не одну. Например, эту...

— Ну что, зажжем, детка? — обнимаю за талию девчонку и едва сдерживаюсь, чтоб не заржать как конь, мельком поймав ахуевший взгляд друга.

Парень мрачнеет на глазах, но разве меня это остановит! Меня заводят собственная паскудность и откровенный похуизм. Мне параллельно, что друг давно неровно дышит на эту малышку. Да и откровенно льстит внимание симпатичной девушки, за которой увивались многие, только не я. Но сегодня...

Сегодня, нарочно дразня приятеля, тискаю его зазнобу, внаглую скольжу ладонью по бедру, подбираясь к трусикам. С вызовом глядя ему в глаза, одними губами шепчу: «Моя» — и утягиваю добычу в живую, взрезанную вспышками стробоскопов темноту танцпола, что манит дерзкой близостью и шальной развязностью.

Друг теряется из виду, а я сливаюсь с танцующей толпой, что сплетает вокруг феромоновый кокон, затягивая новичков в свои сети, и не отпускает из паутины, подпитывая и подпитываясь безумной энергией. Закрыв глаза, отдаюсь энергетике клуба и живой толпы. Растворяюсь в ритмах долбящей музыки, что резонирует в теле низкочастотной вибрацией басов.

Сатанинский бал. Я касаюсь, меня касаются. Горячие твердые ладони скользят по спине и такая же твердая грудь прижимается сзади, наталкивая меня спереди на мягкие округлости девичьих ягодиц. Трусь шириной о виляющие бедра. Развязные дерганья все больше

напоминают фрикции, чем танец.

Я словно в пьяном угаре. Разворачиваю девчонку лицом и впиваюсь в мягкие губы. Сминаю, вылизываю открытый для меня ротик. Красивая, молоденькая, прижимается страстно и в глаза смотрит с обожанием сучки перед хозяином. В голове проскальзывает мимолетная мысль: «Она хорошо целуется и не такая уж и недотрога, какой казалась. Ну что еще нужно?». И стоит у меня на девчонку — хоть гвозди забивай, только понимаю, что, трахнув ее, не получу того особого кайфа, что с Ней...

«Ар-р-р... Надо отключить голову. Заебали эти игры разума», — отгоняю мысли, что касаются моей взрослой влюбленности. Если это можно так называть. Была похоть и неудержимая страсть, но любили ли мы друг друга?! Видит Бог, я старался быть мужчиной, которым она хотела меня видеть. Но... Слишком много «но». Не хочу думать. Надо просто забыть. Или заменить. Но интерес к девице уже потерян. Не беда! Через десять минут зажимаю в темном тоннеле коридора, ведущего к туалетным кабинкам, новую прелестницу.

И снова мягкие губы, жаркие объятия, что обещают так много. Шарю руками по телу не хуже заправского полиция, проверяющего на нычки наркоты. Девчонка тает, поддается на мою провокацию. Опять без сопротивления, опять с полнейшей самоотдачей. Прекрасно осознаю, что если скажу, она мне прямо тут же и отсосет, не стесняясь чужих взглядов. Не мой вариант. Чего хочу — сам не пойму. Но азарт, поиск, сродни охоте, продолжается.

Такие разные девочки. Мало соображая, наслаждаюсь вниманием и откровенным желанием. Чужие руки, чужие губы, в танце — одни, в коридоре — другие, на улице — третьи. Легкие поцелуи, глубокие засосы, одни — неопытные, другие — настойчивые, но все по-девичьи уступчивые, безликие. С каждым поцелуем вычеркиваю ее из памяти, и вскоре перестаю думать совсем.

Парни. Объятия более крепкие, готовые потягаться с тобой за первенство. Поцелуи в шутку, дурачась, на грани дозволенного. И все так же — белым шумом. Кроме одного...

Не понимаю, когда в нашей гогочущей ни о чем толпе появился он, но наглый взгляд зеленых глаз, что убивает и насилует одновременно, сразу цепляет, притягивает, как магнитом. Это пугает и возбуждает одновременно.

Парень выше меня на полголовы, старше, но не намного, и очень эффектный. Тянет меня на улицу. Мы выходим незаметно, о чем-то болтаем: музыка, увлечения и даже о девчонках. Куда-то идем так близко, что касаемся друг друга плечами.

— Елисей... — парень обращается ко мне, а я ловлю аромат его одеколона, и меня просто уносит, окатывая жаром возбуждения.

— Лучше просто Лис.

— Ли-и-и-с-с-с, — тянет он и улыбается, да так, что я чуть ли не давлюсь слюной, реагируя на парня, как изголодавшийся кобель. — Куришь?

— Нет, — ржу, как укуранный, хотя ни-ни. Просто пытаюсь скрыть свою неадекватную реакцию, но, кажется, у меня хреново это получается. — Знаешь, не люблю привкус сигарет на губах.

«А она курила, и делала это с неким аристократическим шармом», — снова чертовы мысли невольно убегают к той, которая безжалостно полоснула по душе ножом расставания. Глядя на то, как она зажимала меж пальцев, как подносила к губам длинный мундштук, я готов был простить ей этот крохотный недостаток только за то, что она превращала его в эротическое зрелище. Я многое готов был ей простить, как проклятый въебывал, перевелся на заочку. Она хотела видеть рядом мужчину, а не пацана, и я старался им быть, но выходит, я нужен был только для бездумного траха, а не для жизни.

Из мыслей резко вырывает захват горячих пальцев на моих плечах. Его взгляд и загадочная улыбка завораживают. Так давно у меня с парнями не было. Хочется рискнуть, но я не уверен, правильно ли его понял. Как-то в нос кулаком неохота получить.

Не успеваю сообразить, как он впивается поцелуем в мой рот, а я столбенею, тихо ахуевая. Похоть жидким огнем разливается в паху. В голове взбесившимся дятлом стучит мысль: «Какая падла тебе про меня наболтала, что ты так решительно взял быка за рога?».

Я, конечно, не особо шифровался, но все же вуалировал свою ориентацию за развязностью и безбашенностью. А тут...

Чувствую его силу — это на инстинктах. Поддайся я ему, и он меня прогнет. А задницу свою я не подставляю никому. Волнение и даже некое опасение заставляют сердце то замирать, то пускаться вскачь. Последние остатки мыслей вышибает скольжение языка по губам. Становится откровенно похуй, откуда он узнал и что за этим может последовать.

Миг, и я сам прижимаюсь плотнее. Обнимаю, запуская пальцы в волосы. Возбуждение клокочет, но я пытаюсь целовать неспешно, искренне наслаждаясь игрой. А в голове два чудила перетягивают канат, каждый на себя. Один вопит, что этот фрукт мне не по зубам. Он сам охотник. Другой искушает — а может, рискнуть? И в этот внутренний спор вклинивается рык парня:

— Засунь язык глубже!

Как не заржал в тот момент, не знаю...

А сейчас не могу сдержать кривую ухмылку, выплывая из прошлого. Как же его звали?.. Убей, не вспомню. Да и лицо стерлось из памяти. Сколько любовников прошло через мою постель — девчонок, парней, — и не счесть. Многих, наверное, уже и не вспомню, но были и такие, которых никогда не забуду. А тогда...

— Какой же я тогда был пиздюк неумный. Пять лет тому назад...

Пять лет, и все иначе — по-взрослому. Дорогая одежда, я сейчас смахиваю на мажора, которых сам когда-то презирал и высмеивал. Кожаное портмоне, изрядно похудевшее, но в котором еще водятся деньжата. Элитный клуб и совсем другой уровень развлечений, но и настрой совсем другой.

Все бесит! Нестерпимо хочется набить кому-нибудь морду, разбить казанки в кровь, ну или хотя бы кого-то жестко выебать. Бездумно, без обязательств дать выход накопившейся злости на этот мир.

Мир, в котором действует непреложный закон бытия: пришла беда — отворяй ворота. Где одно цепляется за другое, другое тянет третье, словно звенья якоря, что утаскивают меня на дно. Все, что строил не один год, балансирует на краю пропасти. И кажется, взмахни крылом бабочка — рухнет, полетит в Ад и там сгорит вместе со мной.

Необходимо отыскать решение, а его нет, и внутри меня клокочет Ярость, но только внутри. Внешне я безучастен и холоден. Собран, словно хищник на охоте.

Так же собранно-методично заливаю холодный русский алкоголь швейцарской марки. И тот порциями попадает в кровь, но не пьянит. А так хочется нажраться до невменяемости, только бы вырваться из невыносимого болота реала. Да какой там... То ли всем известный русский ген, то ли многолетние «тренировки», то ли мое вечное желание зубами держаться за сознание не дает расслабиться и отпустить себя. Словно издеваясь, крепкое бухло пьянит тело, оставляя трезвым мозг.

И даже танцпол с его децибелами трансa, мокрой, жаждущей драйва толпой, запахом пота, феромонов и дорогих духов, не выключает сознание. Дерганая извивающаяся амеба человеческих оболочек обтекает со всех сторон. Только так и не удастся забыться, в голову лезут такие мысли с иллюстрациями из времен инквизиции, что самому тошно. Но с каким удовольствием я стал бы палачом для этой гниды.

Нет, не дыба, не кнут, не удавка, и даже не огонь. Хочу крови на руках — солоноватый запах расплаты за предательство. Только я и нож! Не спеша, под «Black Black Heart»* срезал бы с него лоскуты кожи. Один за другим. Медленно пьянея от запаха крови и страха в его глазах. Я бы не дал ему кричать. Нет! Только тихо мычать в клеп. Как и не дал бы впасть в небытие. Уколы удержали бы его в сознании и не дали истечь кровью. Познания в медицине и анатомии мне как раз в помощь. Он бы сполна насладился всей силой моей ненависти и презрения. Я бы вырезал на его лбу имя предателя, чтобы в случае, если он выживет, каждый встречный знал, что перед ним стоит ИУДА.

Еле успокаиваю в себе эту поднявшуюся волну Ярости, чувствуя, что еще немного — и раскрошу зубы. Новая порция водки, вкуса которой не чувствую, опрокидывается в полупустой желудок. Глаза выискивают «жертву» моего сегодняшнего настроения.

И как вполне логичный завершающий аккорд сегодняшнего вечера: сижу голой жопой на потертом диване какого-то дешевого отеля и смотрю между своих ног на раскачивающуюся рыжую голову молоденькой девицы.

Спецом выбрал из яркой стайки ночных бабочек ту, что шла вразрез со всеми моими вкусами. Может, сам себя ломал, наказывал за свою былую привязанность или легкомысленную беспечность. А может, мне сейчас уже откровенно пофиг, в чей рот спустить.

— Да, блять, сомкни губы сильнее, — раздраженно рычу, чувствуя, как волны возбуждения то подкатывают, то уходят и никак не могут найти выход.

Путаю пальцы в рыжих прядях, наматываю волосы на кулак. Еще, еще, грубо наталкиваю голову девушки, заставляя принимать по самое горло. Знаю, что трудно, немаленький мальчик. Но ничего, потерпит. Да и не вижу, чтобы ей самой было не по кайфу. Явно любит пожестче.

А девчонка-то хорошенькая, может, кто-то назвал бы ее красоткой, смотрит на меня слезными глазами. Короткая юбчонка задралась до самой талии, демонстрируя ажурный край прозрачно-черных чулок. Наманикюренные пальчики все более уверенно ласкают яйца, бедра. Старается, отсасывает, а сама откровенно елозит на моей ноге.

— Неужто так завелась, просто отсасывая?! — похабно улыбаюсь, кожей чувствуя влажные трусики. Похлопываю девчонку по оттопыренной щеке и не могу удержать себя от не присущей мне с девушками грубости: — С-с-сучка!

Девчонка на миг замирает, но, встретив мой суровый взгляд, прикрывает глаза, пряча за наштукатуренными ресницами блядский блеск, продолжает жадно посасывать головку, как будто от этого зависит не размер гонорара, а сама жизнь. Рьяно облизывает ствол, обрисовывая каждую венку, пытаюсь довести меня до разрядки.

Откидываюсь на спинку. Не хочу ее видеть. Посторонние мысли, как воры, крадутся в голову, сбивают настрой. В отчаянии рычу, закрывая ладонями лицо, словно от этого уйдут образы и останется только ощущение влажного скольжения трудового рта. Куда там! За прикрытыми веками хоровод совсем неуместных картинок, подобно выхваченным памятью эпизодам странного сна.

Кадр — окно, за которым дождь умывает листву деревьев, а небо прорезает вспышка молнии.

Кадр — черно-белые кеды в маленьком пространстве лифта. Жмутся в угол, не желая контактировать с зашедшим соседом — большими ботинками.

Кадр — ночь. Редкие огни проезжающих под окнами машин. И два ярких, отливающих красным глаза, что пристально смотрят, будто заглядывая в душу.

Кадр — темные следы змеями опоясывают босые ноги и почему-то горят изнутри.

Я словно бабочка, что хочет выпорхнуть из кокона, который стал слишком мал и некомфортен и... Вынырываю из видений. Да ебанный стыд! Вот уж точно две мои головы друг с другом не дружат. Девчонка старается промеж моих ног. Тихие стоны смешиваются с пошлым причмокиванием, возбуждение не спадает, но и кончить не могу.

Тонкий пальчик девушки спускается под яйца и дотрагивается до звездочки ануса. В голове взрывается «Little boy»* мощностью 18 килотонн, начиненный чистой яростью, поднимается во мне ядерным вихрем и сметает ударной волной остатки разума. Распахиваю глаза и едва сдерживаю себя, чтоб не ударить шмару по лицу.

Хватаю девчонку за руку. Резко меняясь местами, припечатываю затылком к подушке дивана. Нависая над ней, крепко сжимаю запястья одной рукой, чтобы знала, что лезть, куда не просят, не надо.

— Рот открой. Язык высунь, — отдаю четкие приказы и сразу засаживаю член, едва приоткрываются раскрасневшиеся губы.

Длинные волосы щекочут мои колени, пока грубо трахаю рот. Иррумация затягивает, отупляет. Вскидываю бедра, быстрыми резкими

движениями. Накатывает долгожданная волна, и, грязно матерясь, кончаю. Спускаю на инстинктах, и все... Бесцветно. Бездумно. Никак. Никакого удовольствия. Ни эйфории, ни теплой истомы, которой наполняется тело после оргазма.

— Все, Рыжик, продолжения не будет. — Резко отстраняюсь. Натянув штаны, бросаю денюжат и сбегаю из этого мира сомнительных развлечений.

Только от себя не убежишь. Как и от своей судьбы. Это я знаю, как никто другой. Странное желание затануться, отравиться сигаретным дымом — ведь я никогда не курил. Еще сильнее хочу под горячие струи душа — смыть всю эту грязь с тела. Вот еще б знать, как смыть накопившуюся грязь с души.

Уже дома. Мыло, гель, мочалка, словно пытаюсь выскоблить ту чернь, что засела под кожей. Душ смыл паскудную энергетику безумного вечера и, увы, последние крупинцы сна. Впереди долгая ночь, а за ней очередной напряженный рабочий день и значимый для меня вечер.

— Я опустошен! — Обессиленно плюхаюсь в любимое кресло бывшего, вытирая влажные пряди и пытаюсь привести мысли в порядок.

На столе ноутбук сверкает окнами во все миры, но мне интересен только один — в котором живет Дэн и который пока для меня закрыт. И мне до опиздевания странно осознавать, что даже трах не смог выгнать мысли об этом парне. Я хочу разгадать энигму его многогранной души, только, кажется, это нереально.

— Привет, Лис, — словно ощутив мое желание, услышав мои мысли, пишет тот, о ком думаю.

Непроизвольно улыбаюсь. Мне кажется, вот так искренне я стал улыбаться, только общаясь с ним. По коже тут же разбегаются мурашки. Во мне будто просыпается голодная сущность, что тянет тонкие нити, пытаюсь поймать его волну, и с легкостью это делает. Чуть не стону от накрывающих ощущений. Я ЕГО ЧУВСТВУЮ! Его энергия наполняет меня, а пальцы ловко набирают привычное:

— Привет, Дэн...

Примечание к части

Fluke — Absurd <https://www.youtube.com/watch?v=DAQISes7iXU>

зур бэлиш* — большой пирог с картофелем и мясом — традиционное татарское блюдо. (готовить не умеем, но есть любим! Tasty!)))

Black Black Heart* — <https://www.youtube.com/watch?v=qkk9VrFr-sM>

Little boy* — «Маленький мальчик» был кодовым названием для атомной бомбы, сброшенной в японском городе Хиросима 6 августа 1945 года во время Второй мировой войны.

...Весело улыбаюсь. Позади первый курс универа — этот сумасшедший год, когда я наконец-то вылез из четырех стен, в которых надолго заточил себя после того лета.

Я никому ничего не сказал. И не то чтобы побоялся угроз Левы, а просто для меня это был позор, словно грязное клеймо на теле. Бабуле напиздел, что подрался с деревенскими, но шумные компании приятелей и подруг, как и вылазки на рыбалку, внезапно потеряли для меня интерес. По-настоящему верными друзьями стали безмолвные собеседники — книги.

Начиная с нижней полки и поднимаясь к самому потолку огромного пылесборника бабушкиной библиотеки, читал все подряд. Погружался в тот мир, становясь частью его или даже главным героем. А еще мне так нравилось, что в книгах мерзавца ни с кем не перепутаешь. Да и не прокатится он асфальтоукладчиком по твоей неустоявшейся психике.

Школьные годы пробежали быстро и как-то бесцветно — учился, учился и учился, как завещал какой-то картавый пиздабол*.

Первую любовь оборвал сразу и бесповоротно, едва только поймал себя на мысли, что вместо того чтоб решать интегралы и логарифмы, сижу и глупо улыбаюсь, витая в каких-то своих фантазиях. «Нахер мне не сдалась вся эта любовь! Нужно держать свой мозг холодным и свободным от чувств, чтобы сердце работало так же ровно, как мой любимый хронограф», — сказал я сам себе и... тут же влюбился снова.

Вторая дернула нерв болью осознания, что интеллекту задрота предпочли распиздяйство баламута, да так, что выпускной прошел мимо смысла, а трепетная память о прыщавом пубертатном периоде жизни — школьный альбом, выданный мне класснухой где-то между экзаменами, — не без некоторого сомнения, но все-таки сгорел на жертвенном костре, как символ окончательного и бесповоротного прощания с детством в жопе.

И я простился. Простился с родным городом, сменив его на новый и незнакомый, а спокойный домашний уклад — на непрерывную суетность общаги. Изменилось мое окружение, но не изменился я. Нет, конечно, я повзрослел, начал больше общаться, у меня даже появились знакомые, которые, когда им нужно было подзанять денег или решить что-то из матанализа*, почему-то считали меня другом.

Но я их — нет. Я не понимал такой «дружбы», как не понимал этого понятия вообще. Мне нужен был рядом человек, которого бы я чувствовал, как самого себя, но его не было. Может, еще и поэтому предпочитал шумной гулянке тихий вечер с книгой и не особо стремился строить отношения, очень быстро разочаровываясь в тех, кто проявлял ко мне внимание. Максимально долго протянул месяц с девушкой с геофака, и мы расстались без обид друг к другу. Так пролетел первый курс. А впереди...

Впереди каникулы Бонифация. Пара месяцев НичегоНеДелания и НичегоНеУчения. Красота! Как же хорошо вернуться в родительский дом, хотя, кажется, я и не скучал.

И не собираюсь скучать. Городской пляж, хохочущий кружок парней и девчонок, что перебрасывают волейбольный мяч, периодически охлаждая свои загорелые тела в речке-говнотечке.

Я и не замечаю его, пока от этого круга увлеченных игроков не остаются только я и он. Здоровый лось, я ему в соски дышу, плечистый и выглядит прилично старше. Он подает мне мяч с такой силой, что кожу каждый раз обжигает болью, но я ж упертый. Нет чтоб взять и отступить. Да никогда! Подача за подачей. Азарт растет, пока «снаряд» не улетает в реку, разряжая обстановку.

Я рад, что опасный для моего нездорового упрямства баттл закончен. Руки покраснели и чувствительно ноют, приняв немереное количество убойных подач загорелого спортсмена, который, видимо, решил меня в песочек ими закопать. Солнце припекает нещадно. Пользуясь случаем, сбегая. Ныряю с разбега в воду, и она приятно обволакивает прохладой мою перегретую тушку. Уплываю подальше от берега и плескающихся людей. Никогда не любил этот прибрежный коктейль из взбаламученной воды, человеческих тел и их же мочи.

— А ты хорошо играешь, — голос сзади.

Оборачиваюсь. Мой оппонент по волейбольной схватке оказывается рядом. Плывет, не отставая.

— А вы хорошо подаете, — сам удивляюсь, что обращаюсь к нему на «вы», но выходит это как-то само собой, естественно.

— Я много чего делаю хорошо, — подмигивает мне парень и, белозубо улыбаясь, отфыркивается от воды. — А ты часто так далеко заплываешь?

— Всегда. — Не понимаю, чего он ко мне прицепился, но и напрягать он меня особо не напрягает.

— Значит, целеустремленный и выносливый, — делает комплимент незванный партнер по синхронному плаванию, несколько стушевав меня.

— Просто плаваю хорошо. Я вообще много чего делаю хорошо, — передразниваю парня и прибавляю гребки, желая отплыть подальше и понежиться звездочкой на водной глади в одиночестве.

— Ты смешной. Мне нравится, — не отстает от меня эта «рыба-прилипала» ни орально, ни дистанционно. — Поплыли к берегу, — зовет меня, да еще и подначивает: — Наперегонки.

Я кидая на него многозначительный взгляд, в который, кажется, вложил все свои мысли, что если этот перец меня в волейбол не уделал, то уж утопить меня ему и подавно не удастся — в воде я чувствую себя как ондатра. Вызов дергает во мне струнку Азарта, но вот только тягаться с этой грудой мышц резонно ли?!

— Нет, простите, не хочу, — снова «выкаю», отдав предпочтение здравому смыслу, и ныряю под воду, искренне надеясь, что парень не последует моему примеру и правильно поймет мои не тонкие намеки.

Выныривая на поверхность, снова вижу его рядом. Фак! Что он от меня хочет? Вылезаю на берег с твердым намерением топтать домой.

— Остыл? Давай еще сыграем, — парень подкидывает в руках мяч, а я недоумеваю: вокруг столько полуголых самочек, глядя на которых нужно прилагать усилия, чтоб держать свои реакции в руках. Пригласи поиграть любую, с твоими данными ни одна не откажет. Но этот супермачо все так же стоит рядом.

— Извините, но я домой, — натягивая шорты на мокрые плавки, на автомате откидываю крышку часов и бросаю взгляд на циферблат. — Не люблю жару.

— Ух ты... Класс! Дай посмотреть, я таких не видел — и уже тянет руки к моим часам.

— Это семейные, — поспешно прячу реликвию в карман. Почему-то даже гипотетическая возможность вложить в ладонь этого человека МОЮ вещь вызывает внутренний протест.

— Не доверяешь? — парень вроде на миг обижается, но тут же расплывается в улыбке. — Правильно. Нечего незнакомым доверять.

— Не в этом дело... — Не хочу ему ничего объяснять, а незнакомец и не настаивает, просто переводит стрелки на несколько минут назад:

— Пошли вместе. Мне тоже скоро на тренировку, — легко меняет намерения и, кажется, ни капли не чувствует дискомфорта, который в полном объеме испытываю я. — И кстати, почему ты обращаешься ко мне на «вы»? Я что, так старо выгляжу?

В первый момент настолько теряюсь, что лишаюсь дара речи. Пытаюсь скрыть свое смущение, смеюсь, понимая, что этот тип настолько здоровый, что рядом с ним я просто шкет. Вот и не поворачивается язык сказать «ты». Только я ведь не собираюсь ему все это объяснять.

— Нет, конечно, — отговариваюсь банальной фразой.

— Так «нет» или все же «конечно»? — Парень делает испуганные глаза и в следующую секунду, увидев мой озадаченный взгляд, срывается в ржач. — Давай все же на «ты». Я — Валера, — протягивает мне здоровенную лапу.

— Денис, — сжимаю приветственно ладонь. Моя «теряется» в его, а сильное, крепкое пожатие заставляет волноваться. Как же хочется сказать, что мне в другую сторону! Только дорога с пляжа в город одна. Я не знаю, как себя с ним вести, о чем говорить. И еще, есть в нем внутренняя сила и уверенность, которой не хватает мне. А рядом с таким, как он, не хватает катастрофически. Это жутко напрягает.

— Приятно познакомиться, Денис. — Валера так пристально-изучающе разглядывает мой экстерьер, что у меня что-то екает внутри.

— Что за тренировка? — пытаюсь вывести разговор на нейтральную тему, неспешно направляясь к тропинке, что петляет через сосновый бор.

— Волейбол, — в голосе парня гордость и бахвальство, но это не раздражает, а вызывает легкую снисходительную улыбку, прежде всего к себе: мог бы и сам сложить один плюс один. — Хочешь посмотреть?

Никогда не дружил со спортом и уж тем более со спортсменами, считая их туповатыми и ограниченными имбецилами, с которыми сложно найти общие темы для интересной беседы. Чем бы я все-таки занялся, что касается спорта, так это дрифтом. Вот это драйв!!! Вот это зрелище! А идиотские бегалки-прыгалки не мое, хотя все равно делать нехрен. Так почему не сходить, не попыриться со скучающим видом кота, намывающего яйца, раз приглашают?

— Можно... — демонстративно делая одолжение, соглашаюсь. — Мне только домой надо забежать переодеться. — Чувствую, как в мокрых плавках парятся яйца, вызывая жгучее желание поправить их. — А так я свободен. — И, задрав голову, смотрю в глаза парню.

Дается мне это нелегко. По сравнению со мной — задохликом, Валера — сильный, взрослый самец, и природа заставляет нехотя опустить глаза, а он, вновь улыбаясь, удовлетворенно кивает.

— Здесь живешь? — Парень начинает перекидываться со мной мячом, и я чувствую, как между нами тает напряжение.

— Сейчас нет, к родителям на каникулы приехал, — уже более миролюбиво отвечаю. Ну не съест же он меня в этом полном отдыхающих бездельников бору.

— Учишься? — не унимается волейболист, продолжая с неведомой мне целью выковыривать из меня анкетные данные и порождая предположение, которое отзывается в теле каким-то странным волнением, — «а может, я ему действительно интересен?».

— Универ... Высотка с формулой преобразования массы в энергию на борту, — не скрывая удовольствия, хвастаюсь тем, что учусь на заумном факультете престижного вуза. — Первый курс закончил. — Не знаю, что со мной, но с каждым шагом и броском мяча мне все легче и легче общаться с этим малознакомым человеком.

— Класс! — Валера притормаживает, видимо понимая, что я просто не поспеваю за его паровозной тягой, да еще и в гору. — Поможешь мне с теорией вероятности? Мне контрольную надо сдавать, а у меня тренировки постоянно.

Наглость второе счастье, и, судя по сверкающей улыбке, Валера очень счастлив, а я на миг теряюсь. Вот это попадалово. Ну не оправдываться же мне, крутышке из универа, что тервер на уровне вуза мы еще не проходили и что я его только по школьной проге помню. Хрен знает, что у него там за контрольные, но ничего, как-нибудь разберусь.

— Помогу, не проблема, — почему-то тушуюсь, осознав, что парень не собирается ограничиться этой прогулкой.

— Дениска, у тебя есть девушка? — вроде бы совершенно безобидный вопрос, но меня реально кидает в жар, а продолжение перехватывает дыхание: — Или, может быть, парень?..

— Что, простите? — Кожей чувствую, как краска заливает щеки и уши, кончики которых сейчас, кажется, превратятся в угольки. В голове мысли пчелиным роем, и некоторые из них откровенно жалят: «Он же ко мне яйца подкатывает! Он гей? Это что, карма? Я в ЭТОМ плане ему

понравился? А может, это со мной что-то не так, раз я привлекаю парней?».

— А ты плохо относишься к таким людям?

Я даже не задумываюсь, давно поняв, что Лева из моего детства — просто моральный урод, и что те, кто предпочитают свой пол, не становятся автоматически с ним в одну шеренгу.

— Нет, я нормально ко всему отношусь, особенно к тому, что меня не касается.

— А если бы коснулось? — Парень явно развлекается, вгоняя меня в краску все сильнее, а я уже не знаю, куда деть глаза. Его пыливый, прожигающий взгляд, кажется, подмечает все, и как я реагирую — в первую очередь. А мне стыдно. Пиздец как стыдно!

— Может, сменим тему? — пытаюсь уйти от щекотливого, слишком доверительного для только что познакомившихся, разговора.

Все же он странный. Говорить о таком с малознакомым парнем — это как-то стремно. Или ему с его ростом, как жирафу, на все плевать с высокой колокольни?

— Ну давай пока сменим, — соглашается парень, акцентируя слово «пока».

У меня никогда ничего не было с парнями, если не брать в расчет то «романтическое» утро, но зараза-Любопытство так и подмывает узнать, каково это — по любви. По любви? О чем я вообще думаю? Какая у меня с ним может быть любовь? Хотя... парень мне откровенно нравится. И нравится все больше и больше.

Мы идем по лесной тропе, продолжая болтать ни о чем. Шмотки на летней жаре уже давно высохли прямо на мне, так что до дома я добрался только поздним вечером. Сначала остановка в оказавшемся на пути «макдаке», потом спортивный манеж, и я с интересом разглядываю своего нового знакомого, как конь скачущего с другими такими же жеребцами с яйцами по площадке.

Он кидает мне мяч прямо на трибуны, зовет на площадку, знакомит с командой. Я среди этих мамонтов как моська, но, блять, как же меня прет. Я словно ребенок, которого взрослые дяди приняли в команду. В душе этот долбанный щенячий восторг, как в детстве перед НГ, когда ждешь, ощущаешь и веришь, что вот-вот — и случится чудо. Я готов вприпрыжку гарцевать, если бы не понимал, как это будет выглядеть со стороны.

Уже вечер, он провожает меня домой, словно девицу. От него так приятно пахнет. Яблоком, мятой и немного потом. Кажется, ему интересно все, чем я занимаюсь, что читаю и учу. Он удивленно вздыхает брови, когда я говорю, что неплохо рисую, и ему тут же оказывается жизненно необходим постер с Gorillaz в моем исполнении. И я снова не отказываю. Мы расстаемся у подъезда. Он по-собственнически вбивает свой телефон в мой, по-дружески прижимается и похлопывает по спине, а у меня становятся ватными ноги.

Блять! Ругаю себя на чем свет стоит, что веду себя с ним, как девка красная. Круговерть мыслей, от самобичевания до глупых пырсканий в кулак, так взвинчивает нервы, что вырубаясь только под утро.

И в этом коротком жарком сне я вижу его — Валеру. Он прижимает меня к мокрой траве, и я не вырываюсь. Я хочу его ощутить еще ближе.

Просыпаюсь, как обухом по голове ударенный, с четким осознанием, что влюбился... В парня! И что самое странное — меня это нисколько не напрягает.

Дни летят. Мы встречаемся. Я хожу за ним, куда бы он ни позвал. Днем на пляж или на тренировки. Он играет. Я капаю слюной. Вечером по клубам или в парк, где тусит весь местный «бомонд». Он, кажется, знает чуть ли не каждого второго. Я, кажется, ревную. Он, кажется, что-то темнит, болтая по сотику с другом. Я, кажется, свечусь счастьем. А потом мы остаемся вдвоем на хате какого-то его приятеля.

— Я тебе нравлюсь? — Он зажимает меня в углу, смотрит со своих ста девяноста с чем-то мне в глаза, а я бы и рад уйти, скрыться от этого взгляда, но не могу. Стою словно под гипнозом, чувствуя себя кроликом перед удавом.

— Да, — говорю правду и знаю, что он это знает.

Меня нереально колбасит. От волнения леденеют руки. Я не слышу своего сердца. Понимаю, что признался, вот только страшно услышать, что он скажет в ответ. А он не спешит мне ответить. Осторожно проводит пальцем по напряженно сжатым губам. Срываюсь. Пытаюсь выскользнуть, но меня только сильнее вжимают в стену.

— Ну ты чего? Я тебя не отпускал, — вкрадчивый голос, от которого мурашки ползут по всему телу.

— Валер, — смотрю на его губы, что растягиваются в ухмылке, в глаза посмотреть просто сил нет.

— Тиш-ш-ше... — выдыхает в губы и целует, так нежно. Мне кажется, это его ответ «да», и я сдаюсь, тут же и безоговорочно. «Я ему нравлюсь», — мысль будоражит, вселяя веру, что я любим и все у нас будет хорошо.

Как оказываемся в постели, не знаю. Сильные руки просто не дают опомниться, прижимая меня к несвежим простыням. Брезгливость берет свое, охлаждая пыл.

— Валер, — пытаюсь остановить парня, но тот прижимается сильнее, трется ширинкой о мою, и это пиздец как возбуждает.

— Закинь мне ноги на бедра. — Словно не слышит меня.

Губы болят от поцелуев, на шее расцветают горячие отметины засосов. Я плыву, голова в тумане. Пальцы Валеры пробираются под футболку, ласкают мои ходящие ходуном ребра, пощипывают соски. И меня буквально подкидывает. Я и не знал, что эта часть меня может быть так чувствительна.

Плавлюсь под разгоряченным телом парня. Выгибаюсь дугой, неосознанно подталкивая к центру своего возбуждения. И как в награду за честность ощущаю нежную хватку у себя на члене через ткань джинсов, но даже такая малость заставляет меня бессовестно стонать.

Возбуждение зашкаливает. Я готов кончить только от этих ласк. Почему с ним так хорошо, как ни с одной из девчонок? Хотя и было-то их у меня — пальцев на руке хватит, еще и останутся.

— Хочешь? — Хриплый голос в ухо инстинктивно заставляет вздыбиться волоски на моем теле.

Хочу ли я? Да я умираю от «жажды»! Хочу, чтобы он не останавливался, сжимал сильнее, стонал страстно, дышал рвано, ведь это значит, что он меня желает не меньше, чем я его.

Валера стягивает с меня джинсы. Стыдно, что он видит меня таким открытым, но страсть, что жарит тело, берет свое. Член подрагивает в его широкой ладони, которая все быстрее скользит по длине. Чувствую подкатывающий оргазм, что сползает по позвонкам, подтягивает яйца, токает в паху пульсаром.

Выдержка подводит, и я кончаю. Экстаз сотрясает тело, отключает мозг. Охваченный блаженством, затаиху. Ровно до того момента, пока Валера по-хозяйски не раздвигает мне ноги. Я чувствую его член у своего сжатого ануса, и меня словно ледяной водой окатывает. Дергаюсь, выдыхая:

— Нет. — Пытаюсь отползти, но меня крепко держат за бедро, так, что пальцы впиваются в кожу. — Валер, остановись! — Получается как-то слишком испуганно, но мне реально страшно. Не так, как когда-то давно. Сейчас все по-другому: я смотрю в его лицо и все по согласию. Но я не готов лечь под него. Не сейчас.

— Ну ты чего? — Член елзит по звездочке, размазывая секрет. — Не мнись, как девка. Все будет хорошо, не бойся.

— Да не боюсь я. Просто... — замолкаю. Не знаю, как сказать. Да и что? Что я пиздец как боюсь? Или что хочу секса, но не готов зайти так далеко? Или что мне противно трахаться непонятно где, непонятно на чьей кровати?!

— Что «просто»? — В голосе парня раздражение. Даже в темноте вижу, как блестят злостью его глаза. — Критические дни?

— Отпусти! — Подъебка больно бьет по самолюбию, и сказка разрушена. Хватаю несостоявшегося пока любовника за запястье, пытаюсь уйти от ласк, что уже переходят в домогательство.

— Хорошо, Дениска, не дергайся. Детей не обижаю, — тихо смеется парень, уступая. — Не знал, что ты девственник. — Меня окатывает кипятком.

— Заткнись, Валер. — Чувствую, как дыхание распирает легкие, и где-то там начинает гореть.

— Ты же не оставишь меня в таком состоянии? Ты меня так возбудил, — Валера глазами показывает на свой член, что колом торчит из расстегнутой ширинки. — Я тебе помог. Помог и ты мне. Отсоси.

— Я... я... я... — Я словно захлебнулся вдохом. Что?! Взять в рот?! Нет, я, конечно, знаю, что у гей-пар это так, обыденный секс, только вот я никогда и никому не отсасывал.

— Давай. — Парень наконец встает с меня, но только для того, чтобы тут же устроиться на кровати, уперевшись спиной в стену. — Ты же меня любишь? Сделай мне приятно.

Бля, как-то стремно делать это в первый раз, но все же хочется попробовать. Бросаю украдкой взгляд на Валеру — как тот сжимает свой член, как тихонько водит сжатым кулаком по всей длине, как призывно смотрит на меня, — и возбуждение новой приливной волной накатывает на тело.

«Это не должно быть сложно. Я же знаю, как бы мне понравилось, если бы делали мне», — уговариваю сам себя, медленно подползая к парню, который довольно улыбается и останавливает ход кулака, оголяя головку на максимум.

— Не заставляй меня ждать.

Дух противоречия нашептывает возразить или сказать колкость, но собственное возбуждение затмевает рассудок. Наклоняюсь, и губ касается горячая головка. В нос ударяет резкий запах секрета, чужого тела. Он мне не нравится, но это же Валера, и я, преодолев внутренний протест, открываю рот, вбирая плоть.

Парень стонет протяжно, и это подстегивает. Пытаюсь взять глубже, но давлюсь. Вкус смазки неприятен. Пальцы, что давят на затылок, раздражают.

— Ар-р-р... — рычит, резко вскидывая бедра, пытаюсь засадить, как ему нравится, а мне кажется, что я сейчас в обморок грохнусь.

Желудок сводит спазмами. Мне дурно. Единственная мысль «КОГДА ЖЕ ОН КОНЧИТ?!» стремительно вытесняет возбуждение.

И он кончает. Даже не думая отстраниться, спускает прямо в рот. Теплые вязкие капли оседают в глотке и меня мутит. А когда до вкусовых рецепторов доходит мерзотный солоновато-горький вкус, горло сжимает рвотными спазмами. Закрывая рот рукой, еле успеваю отползти от любовника, и меня выворачивает.

— Ничего, привыкнешь. — Небрежная фраза и равнодушная безучастность Валеры неприятно царапают душу. Парень даже не пытается мне помочь. Вальяжно развалившись на кровати, раздает ЦУ: — Уберись здесь!

Ночь. День. Не столько радуюсь от полученного кайфа, сколько переживаю за свой конфуз. Мы договорились встретиться, но вечером, как под настроение, моросит дождь, и молчит мой дешевый сотик. Это только девчонки ждут звонка до победного, я же решаюсь набрать сам. Не его голос отвечает мне, что телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа, и на душе становится тревожно-мучительно, но успокаиваю себя мыслью, что он на тренировке.

Когда ближе к ночи начинает пикивать рингтон, я уже весь на нервах. Сто раз подумал-передумал всякого-разного, из них триста — очень

плохого. Тысячу раз отвесил себе ментальный подзатыльник, что веду себя, как баба истеричная.

— Дениска, — слышу его беззаботный голос, и сердце тудумкает за ребрами, а ладонь, что сжимает трубу, потеет. — На улице такой мракус. Дождь. Неохота из дома выходить. Так что давай в другой раз пересечемся?..

У меня внутри что-то сворачивается в тугой узел и не отпускает — на заднем фоне слышу совсем не «домашние» звуки. Веселый гул компании, пьяные выкрики, смех и приглушенные ритмы музыки.

— Хорошо, — спокойно соглашаюсь, не собираясь затевать разборки. — Как скажешь. Увидимся в другой раз. — Даю отбой, молча плюхаюсь в кровать, глаза в потолок. Только я ничего не вижу. Как же мне хуево...

Засыпаю только когда мои часы показывают четыре часа нового дня. А утром апатия подсказывает: «Нехуй бриться», делает еду безвкусной, все вокруг — раздражающим, настроение — хоть заказ на убийство принимай. В душе гадливо пригрелось и растет Недоверие. Нашептывает и нашептывает, что кругом Обман, Вранье, Фальшь. Что, блять, никому и ни во что верить нельзя... Я слушаю эти мысли, и мне просто больно...

Несколько дней тишины — и очередное безрадостное утро встретило меня моим же посеревшим отражением в зеркале, и не только из-за отросшей на фейсе щетины. Спокойно принимаю звонок:

— Дениска, привет! — Это он. Неужели соскучился? Как всегда весел и фонит оптимизмом. — Go на пляж.

— А тебе солнце не мешает? — Даже не просек, как Злость срывает с языка подъебку, но, кажется, я и не жалею. — Не, Валер, у меня дела, — откровенно брешу, но если ему можно, то почему мне нельзя? — Вечером увидимся, если тебе «ДОЖДЬ» не помешает. — Повисшая в трубке пауза красноречиво говорит мне, что мои намеки поняты правильно.

Отбой — не о чем с тобой говорить. Только где та кнопка, что отключит клокочащие чувства? Словно внутренний миксер взбалтывает во мне Любовь, Ревность, Сомнение, Смятение, Злость на себя за детское поведение и на него за ложь, что полоснула по живому. И я не знаю, как разобраться в этом коктейле эмоций.

А когда на небе зажигаются звезды, он ждет меня у подъезда. Как ни в чем не бывало в тени козырька чмокает в щеку.

— Валер, я решил твои задачки, и постер готов, — отдаю тетради с решенными контрольными и разворачиваю лист ватмана с мультяшными рожами Gorillaz. — Зацени.

Знаю, что получилось клево, но его восторги вызывают во мне какой-то грустный отклик. Однако в душе все еще теплится Вера, что мои старания помогут перешагнуть инцидент. Мысли бессвязно мечутся в голове, словно шарик для пинг-понга: «Да, он соврал, но, видимо, на то были причины, хотя мне так хочется верить человеку, которого люблю. И все же мы оба парни. Понимаем друг друга. По крайней мере, я понимаю, что у него может быть своя компания, в которой мне нет места. Но то, что было между нами, что-то же значит?.. Я же ему нравлюсь...».

— Провырнемся... — не спрашивает он, и мы мотаемся по ночному городу, сидим в пустой кафешке, только вместо привычной болтовни между нами висит она самая — напряженная тишина недоговоренности. И в голове уже ни одной мысли. Словно от волнения у меня сработали предохранители, и внутри погас свет.

— Ну, я пошел, — прощаюсь, и ничего не слышу, только шаркающий звук своих шагов, ничего не вижу, только уныло-серые плитки тротуара под ногами.

Лифт открывается, и меня вталкивает в него Валерка, вдавливая самую верхнюю кнопку. Прижимается, целует, но что-то не так. Меня начинает бить озноб, несмотря на теплое возбуждение, что разрастается в паху. Этот диссонанс не дает покоя. Не могу ответить на его ласки и отправляю лифт на свой этаж. Но парень держит меня в объятиях и отпускает, только когда я берусь за ручку двери.

Секундная заминка. Я еще не закрыл за собой дверь. Он скрывается в лифте, и вдруг снова выглядывает, удерживая створки. Весело, с какой-то хитринкой смотрит, словно хочет что-то сказать, но ничего не говорит.

Лифт увозит моего первого бойфренда, а я все еще подпираю дверь, как параличом разбитый. Злая усмешка вылезает на губы. Сознание осеняет смутная догадка, которую я гоню и гоню прочь, пытаюсь дать слово Надежде, что шепчет несбыточное, успокаивающее: «Верь. Он позвонит».

Не звонит. Ни на следующий день, ни через день, ни через неделю. Просто ради прикола нажимаю вызов, чтобы убедиться в правоте своих мыслей. И убеждаюсь. Короткие, и снова короткие, и опять... — я в черном списке. Заебись, красота!

Поистине, Любовь слепа. И не потому, что ты влюбляешься в козла, хотя он и есть козел, а потому, что ни хрена вокруг не видишь. Мозги раскисают. Один плюс один сложить не можешь. Ведь он никогда не водил меня к себе домой, только по квартирам друзей тискались. Никогда не говорил, что любит. Прекрасно понимаю, что виноват только я сам, дав волю чувствам, и все же Обида клокочет в душе, беспощадно обрывает тонкие нити Веры, изменяя меня...

— Какой же я был пиздюк неумный пять лет тому назад, — сообщаю новость любимой кошке, что пригрелась на моих коленях. — Но это был полезный урок. Хорошо, что не прогнулся под него тогда. — Выныриваю из воспоминаний, как из проруби в мороз, и мурашки пробегают по рукам. Верчу меж пальцев грифельный карандаш и разглядываю на бумаге штрихованный портрет парня.

Как ни пытался, не смог забыть его лица, и имя не стерлось из памяти. Стерлись только чувства, причем до самой нижней планки. От ненависти до любви один шаг. Я прошел эти этапы в обратном порядке и даже дальше. Теперь Валера для меня — ничто. Белый шум.

Слова «что ни делается — все к лучшему», видимо, сказал какой-то оптимистичный идиот, но на том этапе жизни этот летний роман действительно сыграл положительную роль в моей судьбе. И я бы даже сказал — поворотную.

Поняв, что нужно вытаскивать себя из жесткого депресняка, в который меня затянула безответная любовь, собрал манатки и, не дожидаясь осени, свалил в свою альма-матер, чувствуя, как меня попускает с каждым километром, отдаляющим от этого человека. Я мог бы снова уйти в

свой спокойный мир — одиночество, в котором мне, надо сказать, неплохо жилось, но я решил для себя четко: хватит прятаться. Как изрек Фридрих Ницше: «Все в жизни, что меня не убивает, делает меня сильнее». Я стал сильнее. Не изменяя себе, изменил себя.

И начал с имиджа. Старые приличные шмотки поменял на лейбловое рваньё, в котором дырки стоят дороже ткани. Прическа а-ля деревенский дурачок трансформировалась в «я летел с сеновала — тормозил головой». И даже удобным контактными линзами предпочел стильные очки. Потому что это было круто, и выглядел я в них совсем по-другому. Неизменным предметом гардероба остался только мой любимый хронометр, но статус его все же поменялся: если раньше я таскал его с собой просто так, то теперь с совершенно конкретным смыслом — повыпендриваться.

Я прокачался так, что, когда пришел на первый семинар в СВОЮ группу, однокашники нехило удивили меня, приняв за новичка и всерьез начав знакомиться.

Изменился снаружи — изменился внутри. В характере закалился стержень, который хрен согнешь. В глазах блеснул металл. В душе поселился закадычный приятель — Цинизм. Я наконец-то почувствовал себя свободно и уверенно.

Изменив отношение к себе — изменил отношение к людям. Понял, что могу нравиться, ловя заинтересованные взгляды на своей новой персоне, и мне самому это безумно нравилось. Никогда не думал, что смогу быть настолько общительным. А теперь понял — мне этого просто не хватало. Я обрстал знакомствами, как по осени пень опятами. Напропалую флиртовал с девчонками. Только больше не позволял себе такой роскошной слабости, как Любовь, зато влегкую влюблял в себя. Секс без обязательств, подружка на неделю — хорошее решение. Одна. Другая. Третья... И даже мальчики оказывались в моей постели. Только мало кому из них я позволил себя вести и оказаться сверху. Да и с теми, кому позволил, расставался как с использованными презервативами.

— Интересно, если Лис говорит, что видит меня, узнал бы он меня в толпе? — чисто риторический вопрос моей сожительнице, на который сам же отвечаю: — Да ну... глупости. Ни в какую толпу я уже не выйду. — Равнодушно пролистываю фотоотчеты с красочных фестивалей. — Да и где он, а где я? Впрочем... — В душе какой-то лукавый Демон настойчиво подстрекает к безумству. — Маски-шоу никто не отменял. И никто не запретит мне эту шалость, если, конечно, не запрешу сам себе. Но это потом... А пока у нас есть место, где мы можем встретиться без помех.

Я вижу его зеленый огонек онлайн, в душе словно колибри трепещет крылышками Радость. Мне так хочется с ним поболтать, будто я молчал вечность. Мне так многое хочется с ним обсудить. И он, как будто слыша мое нетерпение, пишет:

— Привет, Дэн.

Почему-то так волнуюсь, что даже моя подружка начинает беспокойно мяукать. Я глажу ее по ушастой бестолковке, уверяя, что со мной все ок. Но мне не окей. Меня так прет, что, кажется, еще чуть-чуть — и ебнусь. Внутри что-то тонко дрожит, словно резонируя с какой-то невидимой волной. И даже боль засыпает на время. Губы тянет блаженная улыбка, которую я не могу стереть с лица, да и не хочу этого делать. Только с ним я могу так искренне улыбаться. Я погружаюсь в наш мир, а пальцы уже порхают по клавиатуре:

— Привет, Лис...

Примечание к части

Massive Attack - Future Proof <https://www.youtube.com/watch?v=PzSmSwG29b0>

учился, учился и учился, как завещал какой-то картавый пиздабол* — легкая интерпретация классики ленинизма. матанализа* — Математический анализ.

Часть первая. ВЕРА. Песнь пятая. Евангелие от Елисея

Rammstein — Feuer Frei <https://www.youtube.com/watch?v=ZkW-K5RQdzo>

...Тишина. Такая пронзительная тишина бывает только зимой, когда не щебечут птицы, не слышно шелеста листвы, рокота летящих по проспектам байков и кажется, что каждый звук вязнет в снежном покрове. И этот плотный покров ночного безмолвия безжалостной рукой судьбы разрывает настойчивая, непрекращающаяся трель телефонного звонка, выдергивая меня из только что накрывшего облака сна.

— Бля-я-я, кому не спится в ночь глухую? — тяну руку к прикроватной тумбочке, оглянувшись на тихое шебуршание под боком. — Спи-спи... — шепчу пару часов как заснувшему любовнику и, выбравшись из кровати, принимаю звонок: — Слушаю...

И меня оглушает хардкор собственного зашкалившего пульса. Спит рок-н-ролл бурлящего в крови адреналина. Давит хеви-метал до предела напряженных мышц. Пока в этой рококущей какофонии не взывает соло сирен пожарных машин, разрывая струны нервов в ключья.

Пламя! Лавой расплавленного пластика стекает по закопченным стенам. Взмывает ввысь красным столбом, рассыпаясь мириадами оранжевых искр в черном дыму, что живым клубящимся чудовищем растворяется в белёсом небе. Треск, грохот погибающего в жаре оборудования, смешанный с криками людей, тянущих к разбушевавшейся стихии спасительные шланги.

«БЛЯТЬ!!! Да что тут уже спасать?!» — выскакивая из машины, хватаюсь за голову, глядя, как беспощадный огненный монстр рвется из пустых глазниц окон, безжалостно пожирая двухэтажное здание моего кафе.

Шок... Ноги становятся ватными. Вваливаюсь обратно в салон машины. Невидящими глазами через лобовое стекло смотрю на жуткую в своей нереальной реальности картину гибели моего бизнеса, словно прожекторами на танцполе подсвеченную красно-желтыми всполохами.

Хочется заорать в голос что-то страшное, черное. Наслать проклятье, но горло сжимает спазмами осознания уже случившейся беды и невозможности что-либо изменить, повернуть время вспять, а еще едкой, удушливой вонью горящего пластика.

Нестерпимый, чуть не до рвоты приступ кашля разрывает легкие. Задыхаюсь от безысходности, обиды, злости. Точно знаю, что пожар — не банальное замыкание проводки. ЭТО ПОДЖОГ!

Ярость! Клокочет в груди, вырываясь нечеловеческим рыком. Я сжимаю руль, словно спасательный круг, а так хочется отпустить своего зверя, из-под земли найти эту суку и, сбив казанки, уебать в кровь! Зубами порвать горло, чтобы, падла, понял, что мне дорогу переходить — себе дорожке.

Грохот обвалившейся крыши. В небо фейерверком сноп желто-красных искр. «Вот и прощальный салют». Мое кафе, словно картинка из пазлов, в одночасье превращается в грудку мусора. Бессмысленный, сюрреалистический чёрный квадрат на заснеженно-белом поле.

Ступор. Словно выпадая из реальности, всматриваюсь в затухающий огонь. И в этом мареве, в цветах заката моего бизнеса вижу то, от чего у меня обрывается сердце.

— Стойте... Там... Там... — судорожно хватаю воздух и срываюсь в бег. Туда, где горит человек.

В голове мысли: «Откуда? Там никого не может быть». Но я вижу зажатую обломками железа фигуру. До меня доносится крик боли. Поскальзываясь на черной каше снега, падаю и тут же вновь подрываюсь.

Крики. Придушенные, словно сквозь пространство и время. Но мне не до них. Не обращаю внимания. Как и на нарастающий жар. Мне нужно туда, к нему, помочь, выволить. Почти добегаю, когда меня перехватывают. Страх, боль стоят колом в горле. Рвусь, но мне не дают сделать и шага.

— Там человек! — хрипы от гари, слезы в глазах от дыма, а может, и не от него. — Надо спасти.

— Очнитесь! Там нет никого, мы проверили.

Моргаю, и видение рассеивается. Я как в коконе звенящей в ушах тишины. Отрицательно мотаю головой. Нет, я видел... видел...

Меня оттаскивают от пепелища, насильно заталкивают в авто, и словно синий кит наваливается неподъемная туша реальности.

— Блять... Блять... Все заработанные таким трудом бабки вложил в это кафе, и даже застраховать не успел. Плюс кредит! БЛЯТЬ!!! — И новая волна отчаянья накрывает с головой. Словно китайский болванчик тычусь лбом в согнутые руки. Раз, другой, третий...

Достучался до спасительной мысли: «Выпить, надо срочно выпить». Акселератор в пол. Машина с пробуксовкой срывается с места. Занос на очередном повороте, чуть не стаскивает тачку в кювет. Похуй! Огни круглосуточного маркета рядом с домом как спасительный маяк.

Машинально киваю головой знакомой девочке за кассой, и та приветливо улыбается в ответ. «Нет, милашка, сегодня я не настроен флиртовать». Прямоком в отдел алкоголя. Отметаю бренди, виски, коньяк... Водка! Хватаю пару пузырей. Бросаю девочке больше положенного, на ходу открывая бутылку сомнительной панацеи от стресса.

Глоток. Даже не морщусь, когда сорокаградусная жидкость обжигает горло.

— Да что ж за ебанный стыд?! Только пытаюсь развиваться, расширить бизнес, как меня снова откидывает на стартовую линию. Мол, стой там и не рыпайся.

Заливаю горькую черноту мыслей новой порцией нихрена не сладкой беленькой.

— Хорошо хоть Димку не впутал, а он ведь так хотел стать не только любовником, но и бизнес-партнером.

Чуть не давлюсь бухлом, когда в голове проскакивает до идиотизма веселая мысль.

— В кафе к голубым голубкам запустили красного петуха. С-у-ука! — Ржу, кажется, наконец-то пьянея. — Было бы и правда весело, если бы не было так грустно.

Глоток... И еще, еще...

— Я же и основной бизнес забросил, с таким энтузиазмом пустив все силы на новый проект. Сейчас и деньги отдавать, и старый бизнес подымать. Полный пиздец!

Пью. Но вместо похуистического расслабона меня все сильнее и сильнее охватывает всепоглощающее бешенство. Перед глазами дымная пелена, в которой пляшут огненные чертенята, перекидываясь, сливаясь в одного огромного демона. Жадного и ненасытного. Еще глоток, и я захожусь кашлем.

Сам не знаю, как добираюсь до квартиры, так и бросая тачку на стоянке магазина. На автомате спинаваю кроссовки. Толстовка, футболка летят в разные стороны. Руки трясет в нервяке. Еле наполняю в кухне стакан, расплескивая жидкость по столу, и снова опрокидываю в себя, не чувствуя вкуса, запаха, словно это вода. Кажется, все вокруг пропитано смрадом гари, сожженных, в прямом смысле, надежд. Чад въелся в одежду, кожу, волосы. Я глотаю и глотаю воздух и никак не могу продышаться. «Ну, сука, почему же не берет?! Хоть на чуть-чуть не отпускает?!».

— Лис, ты где был? — голос за спиной.

В полном иступлении поворачиваю голову, уставившись на заспанного любовника, и ярость выходит из-под контроля, отключая разум. Молча расстегиваю джинсы и, напирая на парня, затапливаю в спальню.

— Лис, ты чего? Чем от тебя так воняет? — вновь пытается достучаться до меня Димка. Но какой там! Единственное желание — выплеснуть скопившуюся агрессию, и бойфренду не повезло оказаться в это время у меня под рукой.

Грубо заваливаю любовника на кровать, вжимаю его голову в подушки. Поставив раком, стягиваю до колен боксеры. Остановиться нет и мысли. Вздрачиваю себе, приставляя к дырке стоящий колом член, и вгоняю одним толчком так резко, что самому становится больно. Парень стонет, но не вырывается, принимает на себя все мое бешенство.

— Да, Димочка, ты всегда такой! Ждешь, когда тебя нагнут, выебут, — безжалостно, бездумно выплевываю пьяные мысли, что молниями прожигают мозг.

Цепляясь мертвой хваткой в задранные бедра, так, что под пальцами проступают белые пятна, долблюсь в горячий проход. Долго, несдержанно. Ни капли ласки, нежности, лишь жестокий кобелиный трах. Только шлепки горячих тел, только стоны, смешанные с отборным матом, которые распалют еще больше. Жар сжигает изнутри, покрывая тело испариной.

Алкоголь на пару с адреналином превращают меня в зверя, не желающего отпускать свою жертву, побуждая к новому насилию. Или это безоговорочное подчинение Димки будит во мне нечто темное, и я иду на поводу у своих деспотичных желаний. Вытягиваю член и, глядя на не сжавшиеся края ануса, со всего размаха отвешиваю «пощечину». Любовник вздрагивает, стонет на выдохе, а меня заводит этот звук не то боли, не то наслаждения.

Яркая пятерня, проступившая на ягодице, вызывает кривую ухмылку. Замахиваясь, для симметрии отвешиваю и вторую. И тут же, не щадя, натягиваю парня, ощущая, как жадно сжимаются стенки его сфинктера. Музыка для меня крик, переходящий в протяжное завывание. Словно автомат, фрикция за фрикцией загоняю член, приближая себя к финишу. И вновь шлепки, укусы, мат. Чувствуя подкатывающую развязку, не выхожу, а только сильнее вжимаюсь. И кончаю глубоко внутри.

Как говорит реклама, при употреблении ста граммов водки безвозвратно гибнут до восемь тысяч клеток головного мозга. Видимо, в моем случае дела обстоят гораздо хуже — у меня сдохли все. Ни одной мысли. Ничего не понимаю, только смертельная усталость наваливается снежной лавиной, вытягивая последние силы. Мешком валюсь на кровать. Я не знаю, кончил ли мой парень, да и знать не хочу. Мне похуй. Мне сейчас все похуй...

— Идиот! Какой же самонадеянный идиот я был три года тому назад. Верил, что все могу сделать САМ. А так не бывает. По крайней мере, у нас в Рашке, точно нет. Все ниши бизнеса давно распределены и заняты, и если куда влезешь, будь готов к жестокой конкуренции и что тебя попытаются вытеснить любым путем, чаще всего не особо выбирая средства. — Надо было сразу уйти под крышу, а я все рыпался, теряя то один бизнес, то другой.

— Ну и что раскис? — рычит мой внутренний Топ, втягивая в дискуссию. — В первый раз, что ли, бизнес теряешь?!

— Терял. И бизнес, и любовников, — отмахивается от этого психотерапевта с плетью моя задетая за живое мужская Гордость. — Но тогда я был молод, неопытен. Не умел да и не хотел слушать свой внутренний голос. Просто шел, как танк, напролом. А сейчас...

Сейчас самоуверенность сыграла злую шутку. Я считал себя матерым волчарой. А в итоге получил серпом по яйцам. Усмехаюсь, понимая, что старательно ищу оправдание своему коматозному состоянию.

А ведь все так хорошо начиналось. И бизнес, и отношения.

...Довольная улыбка выползает на лицо. Дела идут в гору. Вспоминаю все свои начинания. За сколько дел хватался и хватаюсь, но везде натыкаюсь на стены. Зажимают, прессуют, ну или просто пытаются кинуть. А тут наконец раскрутился.

Первые серьезные клиенты. Не частники, а именно юридическая компания, занимающаяся страховыми машинами. И пусть не такая большая прибыль, но стабильная, а она мне сейчас ой как нужна. На мне ответственность за свой небольшой персонал, что также переживает и болеет за мое «детище». И пусть мне не все нравится и напрягает пункт о неустойках, я постараюсь во время переговоров по максимуму выжать для нас лучшие условия.

Жутко нервничаю. До встречи каких-то пятнадцать минут. Моя помощница быстро проверяет, все ли готово, даже ручки торчащие в органайзере расписывает.

— Елисей Викторович, я пойду на проходную, встречу их. Думаю, это будет правильно, — предлагает девушка, слишком официально для нашего маленького коллектива. Видимо, тоже нервы на пределе.

— Иди, а то, чего доброго, сейчас начнешь кресла по фэншую расставлять, чтоб произвести на клиентов должное впечатление.

— Кабинет — «лицо» нашей фирмы, — начинает поучать меня девушка. — Все должно быть идеальным.

— А чем я тебя не устраиваю как лицо компании? — улыбаюсь, вливая меда в голос и томности во взгляд. Не специально и уж точно не хочу соблазнить, хотя девушка симпатичная. Просто разрядить обстановку, да и привычка, что выработана годами, — разбавлять даже деловые отношения ноткой флирта.

— Хорошая попытка, — ответно улыбается помощница, профессионально не поддаваясь на мои шуточные заигрывания. — Тебе по пунктам?

— Ну если хочешь... — делаю движение рукой, типа «валяй, соблаговолю выслушать», подтрунивая над собеседницей.

— Ты слишком молод, слишком смазлив, слишком неформален для руководителя набирающей обороты фирмы, — девчонка загибает пальцы, и с каждым ее счетом мои губы расплываются во все более широкой улыбке. Ну да... доброе слово и коту приятно, а симпатичному, неформальному и сексуально активному супермену и подавно.

— Вот только ты можешь положительные качества превратить в недостатки, — давлю улыбку, напуская обиженный вид, сам же ржу в душе.

— Я много чего могу. Например, напомнить, что до встречи считанные минуты, и если наши юрики — люди пунктуальные, то времени собраться с мыслями у тебя совсем нет. Все, я ушла, — секретарша решительно направляется к двери, встречать дорогих гостей «хлебом-солью», а я не без удовольствия отмечаю, что амплитуда колебаний ее обтянутых по-деловому узкой юбкой бедер выверена до миллиметра и рассчитана на то, чтоб дорогие гости, следуя за проводником до лица фирмы, по пути не заработали косоглазие, сосредоточившись совсем на другом «лице».

— Да-да-да... — то ли отвечаю девушке, то ли одобряю ее профессиональные навыки, переключая внимание на себя любимого. Последние штрихи к портрету перед зеркалом в маленькой гардеробной. Подмигиваю, глядя своему отражению в глаза, которые даже сейчас, когда чертовски серьезен, не теряют этого демонического блеска, словно подпитываясь внутренним огнем желания доказать, что могу свернуть горы и, несмотря на все перечисленные выше девушкой «недостатки», добиться своего.

Слыша голоса моей помощницы и мужчины, натягиваю дежурную улыбку. Пятерней поправляю чуб и, чуть ослабив узел галстука, иду встречать, надеюсь, что компаньонов.

Быстрый оценивающий взгляд. Двое мужчин. Офисный стиль. Останавливаю внимание на старшем, седом мужчине под полтос. По тому, как оттесняет плечом коллегу, что чуть помоложе, явно главный. Смотрю в глаза и протягиваю руку.

— Приветствую, — сжимаю ладонь, показывая силу своих намерений. — Жданов.

Держусь по всем правилам бизнес-этикета: уверенно, естественно, но без фамильярности. Стандартный набор фраз, типа «приятно познакомиться, проходите, пожалуйста, надеюсь на сотрудничество». Несколько эффективных в таких встречах комплиментов, и мужик явно доволен, расплывается в улыбке. Хоть и смотрит на меня пока сканирующе. Но этот взгляд мне привычен. Не каждый день увидишь на месте гендирера молодого парня.

Стереотипный, прочно укоренившийся в головах обывателей образ бизнесмена подкидывает картинку мужика в возрасте, с «трудовой мозолью» и лысиной, ну и, конечно, невяебенно гордого собой. Эдакий депутат с мандатом. А тут я, у которого мотоциклетная куртка висит в одном шкафу с деловым костюмом.

Переключаю внимание на второго мужчину и откровенно любуюсь. Говорят, глаза — зеркало души, и по всему выходит, что у этого молодого человека не только приятная внешность.

— Елисей, — я сжимаю его ладонь, которая становится влажной, и ловлю честные реакции тела, что так предательски выдают охватившие моего визави эмоции: трепет ресниц, краску смущения, еле заметное, словно от удивления, движение бровью. — Приятно познакомиться!

«Интересно, интер-р-ресно, — перевожу взгляд на губы, тут же подмечаю его желание прикусить нижнюю, которое он старательно сдерживает. На секунду задерживаю внимание на верхней, что слегка вздернута. — Какой милый мальчик».

— А вас мне как можно звать? — Мягко улыбаюсь, смотрю ему прямо в глаза цвета шоколада, а сам думаю: «Что я несу?». Но как же хочется чуть поиграть с этим стесняшкой.

— Дима. То есть Дмитрий. — Не выдержав моего откровенного разглядывания, парень мигает, разрывая зрительный контакт, и еще сильнее заливается краской. «Какая прелесть!».

Легкий толчок в спину острым локотком заставляет меня прервать психическую атаку.

— Чай, кофе желаете? — моя помощница вовремя вклинивается в повисшую паузу.

— Да, конечно, — очухиваюсь я и отпускаю руку мужчины, тут же подмечая, как бедолага сжимает ее в кулак, будто что драгоценное прячет. — Мне чаю. Вы что желаете? — обращаюсь к двоим, но смотрю на Диму.

— Кофе, — бодренько отвечает старший.

— Кофе, — вторит ему Дмитрий и чуть тише добавляет: — Если можно, со сливками.

— Можно, конечно можно, — еле сдерживаю улыбку. Все во мне сигналист, уж не знаю чем, фибрами или каким-то там пресловутым радаром, ну уж точно не задницей, что передо мной гей. Нижний. И я не упущу шанса пообщаться поближе со столь хорошеньким экземпляриком...

Общение вышло нелегким и растянулось на долгих три года. Он любил, и любит до сих пор. Любя, предложил в очередной раз помочь вылезти из переплета, в который я снова угодил. Только от него помощь мне уже не нужна, как и он не нужен, ведь я так и не смог ответить ему взаимностью. Я поступил правильно, даже в какой-то степени благородно, наконец разорвав отношения, которые вели в никуда. А то, что тяжело... А кому сейчас легко?!

— Лис, ты, как тот шкаф, что громко упал, да еще и так называемых «друзей» придавил. Испарились, словно и не было их никогда, — хлопаю ладонью о ладонь, уничтожив несуществующего комара. — Еще бы немного, и сменил свою квартиру на комнату с мягкими стенами.

Очень надеюсь, что этого не случится, тем более что у меня, кажется, появился персональный мозгоправ, или мозготрах, пока еще не понял. Но у меня есть время и — самое главное — желание в этом разобраться.

— Интересно, что же с Дэном стряслось, что он потерял веру в людей, в дружбу? — думки привычно убегают к безликой тени в сети. — Может, он и в любовь не верит? Хотя я и сам не знаю, верю ли в нее.

Мне вообще кажется, что как только я встретил Дэна, о чем бы ни думал, мои мысли перекидываются на него, вызывая за собой чувство некой вибрации по телу, словно внутри просыпается зверь, ворочается, поднимает голову, реагируя на имя. На его имя!

Нет, конечно, я вижу судьбы других людей. Видения приходят даже легче, чем слишком смутный образ Дэна, но именно его я сам хочу познать и стать хоть чуточку ближе. Только пока не представляю, как пробиться через непреступную стену отчуждения, что он выстроил.

А пробиться хочу. Вот и сейчас, сидя перед ноутом, до дрожи хочу почувствовать его. Стремлюсь к нему всей душой. Не замечаю, как погружаюсь в себя, словно впадая в нирвану. Взгляд невольно становится стеклянным. Мир скручивается в спираль, мелькает неясными картинками чужих жизней. Не замечаю никого, хоть и чувствую энергетику. Я блуждаю, ищу безликого парня, и уверен, что даже из миллионов частот узнаю его вибрацию и ни с чьей другой не спутаю.

Резко накрывает тьма, словно кто-то сзади закрывает ладонями глаза, но уже через миг пелена спадает.

Темные стены тесной комнаты — клетка дикого зверя. И среди этой тьмы будто окно в другой мир — ветки нежных соцветий роняют белорозовые лепестки. Мне кажется, эта комната — олицетворение его квинтэссенции: ранимое сердце, окруженное напускной грубостью. В кресле парень, что, сложив руки под голову, спит прямо за столом.

Жадно вглядываюсь в худые плечи, теплую толстовку, отросшие волосы. Я не вижу лица, но уверен: это именно он. Мой Денис! Сердце, кажется, затаилось, чтоб не спугнуть своим ритмом его сон. Я задыхаюсь и в тоже время боюсь вздохнуть от переполняющих меня эмоций.

— Дэн, — беззвучно зову. — Денис! — И опять тишина.

Так хочу шагнуть к нему, обнять со спины эти худые плечи, но ко мне подбегает кошка, смотрит немигающим взглядом, словно древняя хранительница спрашивая: «Кто ты?». Голова кругом, все тяжелее удерживать это состояние, меня опять засасывает в воронку.

— Подождите, только минуту, — не знаю, кого прошу, тяну руку, легко веду по волосам и...

Хватаю воздух, пальцы судорожно сжимают ручки кресла, меня знобит и жарит одновременно.

— Дьявол! Я видел его, касался, чувствовал его дыхание... — Подношу дрожащую руку к лицу. Все еще ощущая на кончиках пальцев гладкость его волос, вдыхаю. Это не фантом, я явственно улавливаю аромат луговых трав. Такой нежный по сравнению с моим «морским бризом».

Меня колотит все сильнее. Безумное по своей силе и пока не совсем мне понятное чувство вырывается, кажется, из самой груди, обволакивает все тело, возбуждает. Не понимаю как, но я сделал это осознанно. Впервые шагнул за «грань», желая видеть его всей душой. И у меня получилось! Пусть тяжело, но это стоило того. Этот миг счастья...

Во мне все еще вибрируют отголоски его энергии. Улыбаясь, как умалишенный, пишу, но кажется, просто говорю с ним:

— Привет, Дэн. Разбудил?

Примечание к части

Rammstein — Feuer Frei <https://www.youtube.com/watch?v=ZkW-K5RQdzo>

Часть первая. Вера. Песнь шестая. Евангелие от Дениса.

Goreshit — the nature of dying <https://www.youtube.com/watch?v=la5UHh6Zopc>

Goreshit — o'er the flood <https://www.youtube.com/watch?v=9zSYdFmEFCI>

— Почему ты мне не сказала?! — после трех дней напряженной тишины меня вдруг прорывает. Бешусь, хотя должно вроде было говно улечься. Пальцы со сбитыми казанками сжимают оплетку руля. Никогда не бил женщин, но сейчас борюсь с желанием отвесить ей хорошую оплеуху.

— Ты реально думала, что я никогда не узнаю?

— Я думала, ты меня бросишь, а я тебя так люблю... — сквозь всхлипы лепечет девчонка и заливается слезами.

— А я люблю, когда меня не держат за лоха! — меня разрывает. За ребрами сжимает сердце при виде женских слез. Хочется обнять, успокоить, но в голове холодные трезвые мысли: «Снова обман». — Ты что, ничего не понимаешь? Это не первоапрельская шутка, не игрушка, не кредит в банке... Я бы даже с котенком ТАК не поступил!

— Дэн, я хотела сказать...

— Не сказала не ты! — резко обрываю, швыряя в лицо веское обвинение. Не хочу сейчас слышать ее тупые ненужные оправдания. Я все решил, и точка.

— Я не знала, что все так... — новый поток слез серпом по яйцам.

— Я тоже. — Языком ощупываю в ряду зубов прорешину, рассеченную губу с подсохшей кровью, на скуле ноет едва затянувшаяся ссадина, оттененная фиолетово-зеленым синяком.

Высаживаю девчонку у коттеджа ее родителей в некогда глухой, а теперь обустроивающейся деревне. Вытаскивая вещи из багажника, отвожу взгляд. Просто не могу ее видеть. Мне нужно остыть, все обдумать, принять решение, а ярость, что сейчас вулканом хлопочет в голове, — не лучший советчик.

— Я позвоню, — холодно бросаю стандартную фразу и срываюсь с места.

На автомате переключаю передачи, вжимая педаль акселератора в пол. Перед глазами словно маятник часов — тик-так, тик-так — мельтешат дворники, сметая крупные хлопья снега, что валят с небес пухом из разорванной подушки.

Не хочу о ней думать, но и не думать не могу. Мне так хуево, словно душу вывернуло наизнанку. Блять! Блять! Блять... Почему чем ты старше, тем труднее переболеть любовью?

Любовь, сука, — это грипп. Привьешься от А — заболеешь В. Привьешься от В — подцепишь H5N1 или еще какое свинство. Вот и я: вроде и был привит, — но, блять, снова заразился. Снова инфицирован, снова в горячке. А это больно — любить, верить и... ошибиться. Вот дурень! Думал, что наконец-то окупился в сказку, а это опять оказалась долбаная жизнь...

И в этой жизни я лечу по чавкающей под колесами снежной каше, покрывающей ленту трассы. Отсутствующим взглядом игнорирую глубокую ложбину и не знаю, почему не притормаживаю. Может, просто не хочу.

В этой жизни машину, с ее спортивным аэродинамическим кузовом, поднимает встречным ветром, и она теряет сцепление с дорогой. Тачку срывает в занос и начинает кружить в смертельно опасном танце. Сцепив зубы, безуспешно выкручиваю баранку, но инерция уже стала моим стихийным партнером, крепко сжимая в своих объятьях.

В этой жизни нет никаких картинок прошлого, настоящего, будущего — все вокруг сливается в единую серую круговерть. Север, запад, юг, восток, и снова север... — бешеная, сломанная карусель, и тело наливается свинцом.

В этой жизни я до последнего собран, но чувствую себя третьим лишним, зрителем этого вальса. Где на раз — меня слепит свет фар встречной фуры, надвигающейся с неизбежностью рока. Где на два — слышу вымораживающий душу вой клаксонов и понимаю: ВСЕ! Где на три...

Тишина. Какая же тишина. Словно я потерял слух. Это только в кино человек открывает глаза, слыша назойливый писк приборов, следящих за ритмом его сердца: пик-пик-пик-пик... А в палате задрипанной больницы провинциального городка — ТИ-ШИ-НА...

Так странно, но ничего не болит. Или болит? Чувства возвращаются как-то нехотя и не все. Сначала неприятно щекочет в носу. Дергаю рукой, почесаться, но рука привязана, а чешется все сильнее. Пытаюсь посмотреть, что держит, — снова облом: шею крепко сжимает каким-то фиксатором, не давая повернуть голову, укутанную в кокон бинтов.

Мой обзор ограничивается движением глаз. Перевожу взгляд, пытаюсь сложить из вырванных пазлов общую картину. Вверх — белый, местами обшарпанный потолок и противно-зудящий свет люминесцентных ламп. Вперед — подвешенная в паутине металлических колец и спиц нога. Моя? Вправо — капельница. Даже вижу на перевернутом пузыре химическую формулу физраствора. Влево — дверь, в которую я с удовольствием бы ломанулся на выход. С детства не выношу, не перевариваю, терпеть ненавижу все эти жуткие инструменты, провода, трубки, иглы и стерильно-кварцевый запах больниц.

Силую вспомнить, как попал сюда, но не могу. Мозг блокирует воспоминания, будто щадя разум. Пытаюсь ощутить свое тело, и анализ — беспощаден. Паника накрывает с головой. Кажется, в легких кончается кислород. Мне бы вздохнуть — но ребра словно в тисках. Мне б закричать — но в горле сухой ком. Бежать! Не могу. Переломанный, неподвижный, беспомощный, я спеленут, словно египетская мумия, с единственной разницей, что слышу, как грохочет за ребрами живое сердце, но эта странно высокая кровать — мой саркофаг.

В какой-то момент ощущаю, как нестерпимо остро, аж до жжения, хочется сать.

— Эй, кто-нибудь... — с большим трудом выдавливаю из себя слова. Кажется, говорю громко, но голос — словно сухое карканье быющей в предсмертных судорогах птицы.

— Ооо, везунчик проснулся, — ответ из ниоткуда, и улыбающаяся медсестричка загораживает шикарный вид на потолок. — А мы уже в отделении планировали организовать тотализатор: на какие сутки ты очнешься, если очнешься.

Еще недавно заценил бы шутку юмора, но сейчас даже улыбнуться не могу, и не знаю, как сказать этой девчонке, что хочу отлить.

— Мне надо... — мнусь, подбираю слова. Мне кажется, я не все их помню. — Мне бы...

— Так расслабься и помочись, — без лишних слов понимает меня сестричка. — У тебя катетер. — В этот миг я в первый раз думаю, что лучше бы умер.

Так начался мой персональный ад. Почти год в больнице. Из отделения в отделение. Операции. Одна, другая, третья. Пересадка кожи на обожженные ноги. Ужас от вида жутких машинок, сдирающих с бедер лоскуты, которые пришивают заплатками на голени. Не проходящий космос синяков на руках, ногах, заднице. Я чувствую себя жертвой Франкенштейна и умираю, не физически — душой.

Она не приходит и не звонит. Ни разу. Хотя, я уверен, — знает. Наверное, это правильно. Только я ее все равно жду. Жду, хоть и понимаю, что после случившегося не стану удерживать возле себя. Я не один. Рядом отец, мать и моя новая подружка — Боль.

Нет, я ее не кадрил и уж тем более — не люблю, но, однажды появившись, она стала мне самой верной спутницей. Изо дня в день, из ночи в ночь словно завязтый садист выкручивает тело.

Ноги, грудь, рука, голова. Кажется, болит ВСЕ, что ломал и что не ломал, и никакие обезболивающие не помогают. Спасительный сон — всего несколько часов, и новый круг «хождения по мукам», отмеряемый стрелками моих часов, через стекло которых пролегла продольная трещина, разделившая циферблат и мою жизнь на до и после.

Я исхудал. Те немногие запасы сальца и мышц, что успел нарастить, пережив пубертатный возраст, истаяли, как пломбир в жарком лете.

Я устаю от докторов с их фальшиво участливыми речами. Я устаю от сеансов реабилитации, блокад и тонны таблеток, травящих во мне все, что я сам не покалечил. Даже иглоукалывание, которое всегда вызывало во мне панический страх, стало привычно безразличным. Я устаю ото всего...

Депрессия накатывает, как асфальтоукладчик, давая ощутить всю свою тяжесть, душит желание жить. Я знаю, что никогда не решусь на этот шаг, но мысли никуда не деть. Они заезженной пластинкой все крутятся и крутятся в голове. Психолог, со всей его лабудой, послан на хуй. Я и без него понимаю, что прежней жизни не будет. Но мне похуй. Мне сейчас все похуй...

А ведь все начиналось так хорошо.

— Богатырь, купи коня... Купи, не пожалеешь.*

Я смотрю в ее породистые, словно срисованные с миниатюр бидзинга*, раскосые глазки — и понимаю: МОЯ. Чистокровная японочка: красавица, шустрая, стильная, цвета удачи — ультрамарин. Глаз не отвести!

Хочу ее до дрожи. Наверное, у каждого бывают такие безумные желания?! Спонтанные, необдуманные или долгое время согревающие душу. Мое зрело годами, и вот...

Очередная вылазка на окраину города, где располагается большая перехватывающая стоянка, на которой плотные ряды новеньких и не очень тачек ожидают отправки в обе столицы нашей родины, и я вижу ее. Вижу — и уже не замечаю других. Это любовь с первого взгляда. ОНА — МЕЧТА!!!

Умом понимаю, что даже сейчас, стоя в ряду железного моря подержанных иномарок, эта совсем юная девочка мне не по карману. Но ее отдают по такой цене, что этот шанс я не должен упустить.

Все складывается как нельзя лучше. Я ведь, как это называется, целеустремленный. А цель у меня чисто конкретная — пересест с папиной тачки в свою. Так что я прилагал немалые усилия, начав работать еще в студенческие годы, параллельно с учебой.

А потом быстро сообразил, что честно полученный диплом, хоть и синего цвета, удачи в финансах мне не приносит, ибо производственные отношения, как и производительные силы, не вызывают во мне ни одной положительной эмоции, кроме желания разнести и то, и другое на атомы.

Вследствие чего пылятся эти корочки на полке. А я, познав все тяготы рабского труда в стенах НИИ и в качестве эксперимента — в лаборатории современного завода, быстро ушел в свободное плавание, в котором и согласился с оптимистичным афоризмом великой советской троицы*, что жить, как говорится, хорошо, а хорошо жить — еще лучше*. И никто мне красиво жить не запретит. Но помешать может*...

Мешает самая малость — бабла, конечно, не хватает, но я точно знаю, кто мне не откажет.

— Ма, привет. Тут такое дело... — оперативно звоню в близкородственный «банк», в котором у меня всегда положительная кредитная история. — Деньжат не займешь на мечту? — И уже через час держу в руках нужную сумму.

Аж смешно становится — кто бы мог подумать, что ТАКИЕ деньжищи умещаются не в дипломате с секретными замками, а тихо-мирно лежат тремя перетянутыми резинкой пачками банкнот у меня в кармане.

Целый день празднично-суетливых метаний в ГИБДД, а затем в страховой фирме, где отваливаю еще одну неприличную сумму, и вот она — первая и по-настоящему моя. Я так горд, что в свои-то годы заработал, ну... ПОЧТИ сам, на голубую мечту каждого парня — «Субару-Импрезу».

Солнце клонится на запад, когда восточная красавица получает российскую прописку. Первое свидание с моей малышкой тет-а-тет. Ласково скольжу пальцами по ее округлостям, словно сканирую спортивную фигурку. Решительно проникаю внутрь. Подгоняю под себя рулевое, кресло, зеркала. Ты моя! Поглаживаю баранку, будто приручая. Нажимаю на все ее чувствительные кнопочки, проверяя отклик этого механического

тела. Жму на педаль газа, заставляя девочку петь для меня J-Rock*. Я чувствую ее.

Зверинный рык гроула будоражит нервы. Мощь движка отдается вибрацией в позвоночнике. Руки напряжены, взгляд уходит куда-то за горизонт. Выжимаю сцепление и мягко, почти небрежно переключаю передачу...

Первая... Вторая... Растут обороты. Мы едины. Я веду, она послушна. Словно опытная гейша предугадывает все мои желания, подчиняется. Я ее господин.

Третья... Песня легированного металла. Я вижу, как по ее «венам» течет древняя «кровь» земли. Как внутри ее тела бушуют крохотные импульсы взрывов, разогревая нутро и заставляя сложные механизмы совершать напористые, интенсивные фрикции. Кружить, цепляясь один за другой, оставляя под колесами километр за километром и доводя меня до экстаза.

Четвертая... Отрубая систему стабилизации. Не хочу, чтоб ее электронные мозги думали и решали за меня. Турбина ревет, «чихает», вызывая у меня добрую улыбку, и тачка рвется из-под седока, превращаясь из обученной искусству безопасной езды леди в дикуую фурию. Но я тебя укрошу, и ты полюбишь мои заботливые руки.

Пятая... Кажется, добавь ей крылья — и мы взлетим, но короткая планка спойлера прижимает мою малышку к трассе, напоминая, что даже рожденный хорошо бегать — летать не может. Но мы все-таки летим, расшугивая по обочинам мокрые лужи низовых миражей. Блаженно прикрываю глаза, шурясь на заходящее за горизонт солнце, и то ли я с каждым мигом все доверчивей прижимаюсь к ней, то ли она все крепче сжимает меня в объятьях рестайлингового кресла.

— У-у-у-х-а-а-а... — Восторг бешеный, крышесносный. Это почти оргазм. До сотни за семь секунд.

На пустую стоянку гипермаркета приземляемся уже далеко за полночь. Всего несколько часов плотного общения — и мы стали единым целым: я знаю, что она может, она знает, чего я хочу. А хочу я...

Держу педаль сцепления и тормоза. Сумасбродная улыбка тянет губы. Быстро перемещаю ногу с тормоза на газ и резко выжимаю в пол. Моя малышка визжит покрывками. Не даю заглухнуть двигателю и дрифтую, рисуя на асфальте черные дуги.

Торможу эту карусель. Сердце ухает в грудной клетке. Бля-я-я, как же кайфово. В голове такой драйв, что меня нестерпимо тянет выпендриться, покрасоваться перед девчонками, похвастаться друзьям. Вывести, так сказать, мою «девочку» в свет. И самое прикольное, что такая возможность у меня есть...

Когда домчался со своей японочкой до загородной базы отдыха, кутеж был в самом разгаре. Резко тормознув у весело галдящей компании парней и девчонок, по-пижонски опускаю стекло.

— Привет, — белозубо скалюсь, и только вдоволь насладившись восторженными, завистливыми, заинтересованными и делано равнодушными взглядами, выполняю из новехонького салона и обнимаю за плечи новоиспеченного дембеля. — Здоровый же ты лось стал. А говорят, военная жизнь плоха.

— А ты как был шкет, так и остался, — кузен похлопывает меня ладонью по спине, словно желая выбить дух. — Может, и тебя бы откормили, если бы в армейку залетел.

— Девчонки залетают, а я от насосанного из пальца долга Родине мозгами откупился. — Опрокидываю в себя штрафную, и еще одну за отслужившего брательника, и понеслось...

Настроение боевое и романтическое. Уделяю внимание одним, с легкостью принимаю заигрывания от других. Чувствую на себе мимолетные и пристальные взгляды. Меня естественно греет повышенный интерес, но только к любопытным зырканьям я давно уже привык, а вот к шумному обществу подвыпивших работяг так и не смог. И третьесортная попойка потихоньку начинает утомлять. Разговоры дебильно-злободневные — про семьи и спиногрызов, работу без зарплаты и доблестную российскую армию — меня никаким боком не касаются и уж тем более не интересуют. Красотку свою показал, руками трогать запретил. Уже давно имею желание по-английски смыться в свое бунгало, забив на этот шумный праздник, но не имею возможности — брательника нужно поддержать в его пьяно бравурных планах на жизнь.

Отключив мозг, бездумно шарю взглядом по танцующей толпе, и тут...

Как же я ее сразу не приметил? Крохотная малышка с грацией газели извивается в оупляющих ритмах транса. Я поедаю глазами ее стройные ножки, круглую попку, тонкую талию, высокие грудки, что так забавно подпрыгивают в такт музыке. Скромная улыбка — она дарит ее мне — призывно манит.

Сам не замечаю, как вырываюсь из пьяных пацанских бредней и лечу мотыльком на этот огонек, как кружу в танце, все смелее прижимая к себе девчонку, как в груди что-то сладко томит, утекая в пах легким возбуждением.

Я шепчу ей на ушко откровенный бред, она звонко смеется. Я скольжу горячими ладонями по ее талии, она нежно обвивает мою шею. Я смотрю на ее губы, она призывно их облизывает. Я хочу ее здесь и сейчас, она так одуряюще пахнет.

И как-то вдруг становится нереально далекой вся эта забухавшая толпа. Только я и она на заднем сиденье моей японочки. Только сумасшедшие поцелуи и жар в распаленном теле. Только страстный шепот, срывающийся в протяжные вздохи. И два тела в едином движении секса. Это чистый кайф, словно первая затяжка марихуаны.

— Гузель... Гузеля... Гузелька... — словно пробуя на вкус имя, которое так подходит этой молоденькой козочке. И оно мне даже нравится, как и сама девушка. И кажется, она мне не просто нравится — я от нее без ума...

Час, день, неделя — я окутан ее чарами. Ни минуты без мыслей о ней. Я каждое утро вижу в зеркале лицо влюбленного идиота и так же, по-идиотски, сам себе улыбаюсь. Я одеваюсь и мысленно одеваю — а чаще раздеваю — ее. Я лечу на свидание, и во мне поет душа...

Ни дня без желанной встречи. Кино, клубы, бары, гонки по трассе, я не могу не смотреть в эти смеющиеся карие очи. Не могу не умиляться этой беззаботной болтовне ни о чем. Я хочу ее слушать снова и снова, а еще... достать с небес звезды...

Ни ночи без горячего секса. Кажется, для нее не существует запретов, табу. Для нее, как и для меня, все, что творится в постели, — правильно. Она совсем немного старше, но насколько же умела. Она отдается с такой неподдельной страстью, что у меня срывает башню. Это моя девочка, моя женщина, моя маленькая газель. Я люблю ее. Не хочу жить без нее. Я готов для нее на все... даже совершить подвиг...

И я совершаю. Поздним утром меня, счастливого и не выспавшегося после очередной страстной ночи, встречает на пороге мать.

— Что за блядина с тобой трется? — обидные слова словно лезвием резанули душу.

— Ма, не говори так о ней. Мне неприятно. — Не хочу обижать родного человека, но и молчать не буду.

— Ты что, ослеп? — мама не кричит, с холодной трезвостью прокурора зачитывает приговор той, которую совсем не знает, но, случайно увидев в толпе со мной, счастливым, под руку, уже вынесла вердикт: — У нее же ВСЕ на лбу написано...

— Я люблю ее! — пытаюсь объяснить, что мои чувства не простое желание перепихнуться. — Пойми, у меня еще ни с кем так не было.

— Мальчишка! Да у тебя еще вообще ничего не было. Одно детство в жопе играет, — меня не слышат и слышать ничего не хотят. — Включи мозги. Я эту проблядь в семью не приму.

И в таком духе изо дня в день. От грязных оскорблений девушки до прямых угроз оставить меня без наследства. За последнее не переживаю — сам с усами. Но я задыхаюсь от обиды за любимого человека. Голова гудит от нападков матери. Да еще и отец, что всю жизнь провел под ее каблуком, затеял душеспасительные беседы, пытаюсь меня жизни учить. Заебалось... Как же все заебалось...

Я не хочу все это терпеть и не буду. После очередного скандала, где в ход пошли такие убийные аргументы, как «она тебя заговорила» и «каркнуть не успеешь, как она тебе выблядка родит, даже если ты всегда используешь презик», со всеми грязными подробностями, как это делается, снимаю для нас квартиру и ухожу из родительского дома.

Гузелька светится от счастья, ластится, созывает своих матуrom* отметить переезд и начало совместной жизни. Но мне не до веселья. Мне пиздец как хреново. Не так я хотел начать «семейную» жизнь, хотя вроде и не собирался жениться. На душе муторно, и только усилием воли не показываю, что готов на стену лезть от чувства безысходности, которое разрывает сердце между матерью и любовью. Не хочу никого видеть, но раз любимая хочет — пусть! И веселый девичий щебет, наполовину русский, наполовину татарский, наполняет наши съемные хоромы. И меня вроде бы потихоньку отпускает.

Дни в любви летят быстро. Полгода, и вроде утряслась эта буря в стакане, хотя с мамой я так и не помирился. Между нами встала стена отчуждения. Редкие разговоры по телефону начинаются «Привет, как дела?» и заканчиваются анекдотично одинаково «Поедем к бабке, на тебе приворот».

Как ни странно, я задумываюсь о словах матери. При моем логически-математическом складе ума неизбежно возникают вопросы: почему я так зависим от Гузель? Почему без проблем забывал всех, а ее не могу? Почему хладнокровно вычеркивал из жизни многих, а мысль расстаться с моей малышкой ползет по телу липким страхом?

Но гоню от себя серые мысли, забываясь в объятиях любимой. Это так непривычно — каждый день засыпать и просыпаться в объятиях своей женщины. Я смотрю на ее луноликую мордашку — и душа наполняется светом. Моя радость. Моя страсть. Я так хочу дать ей все самое лучшее. Стать мужчиной ее мечты.

Не боюсь трудностей, и без родительской поддержки вполне обхожусь. Много знаю, умею, могу и, что самое главное, хочу. Годы учебы и проживания в общаге не прошли даром — я научился быть самостоятельным и самодостаточным. Единственное, чему я не научился, — это крутым виражам жизни...

— Гу-у-уэль... — шобла гопников окружает меня с моей девушкой поздним вечером у входа в подъезд. — Так вот кому теперь отсасываешь?

Быстро скольжу взглядом по темной толпе, оценивая обстановку. Никогда не любил драки, да и драться не умею, но сейчас готов порвать любого, кто тронет мою малышку.

— Упакованного, значит, нашла? — к моей девчонке лезет самый борзый, хватает ее за руку. — Ну конечно, всегда приятнее давать за деньги.

— Руки убрал! — Сжимаю челюсть так, что начинают ходить желваки. — Отвали по-хорошему.

— Ты, малай*, завали ебалю! — крепкий коренастый парень переключает внимание на меня. — Знаешь, кто это? — мне в лицо тычут фото совсем маленькой девочки, едва вставшей на ноги. — Это моя дочь, — парень злобно зыркает глазами и указывает пальцем на Гузель: — И ее...

До мозга не сразу доходит сказанное, словно в голове что-то взорвалось и шрапнелью прошивает виски, затылок, сердце... Я не верю. Не хочу верить. Какого хуя?!

Вырываю из рук парня свою Гузель. Отбиваясь от тянущихся к нам «граблей», оттесняю девчонку к подъезду и, выкрикнув спасительное «Звони Жентосу!», заталкиваю за дверь, подперев ее своей спиной. Очень надеюсь, что братан с пацанами поспеют вовремя, потому что шанса у меня против этих невысоких, но крепких аборигенов нет ни одного, а их намерения недвусмысленно написаны на не отягощенных интеллектом лицах.

Толчок, еще. Меня отрывают от двери, как щенка, а я думаю только об одном: что моя девочка уже успела скрыться за надежными стальными дверями квартиры.

Сильные руки удерживают за плечи, прижимая к бетонной стене. Удар в челюсть, и рот наполняется вкусом соли и железа. Сплювываю розовую слюну, заодно и выбитый зуб, прямо в лицо этому гаду. Тут же удар в живот сгибает пополам. Дыхание перехватывает.

— Сука, — хриплю, чувствуя, как к соли добавляется привкус горечи.

— Кутак сыныгы! * Ты не первый, к кому она пристраивается, — сквозь зубы шипит мне ее бывший. — Она та еще блядюшка, но она — моя блядюшка. Усек?! — И новый тычок заставляет сцепить зубы, но слова бьют сильнее кулака: — По-хорошему расстанься, или сдохнешь где-нибудь в арыке.

— Минем бот арасында суыр эле*, — отвечаю им на их же языке, чтобы лучше дошло.

Злость кипит, затмевая рассудок. Не думая, пинаю по колену первого попавшегося. Кто-то орет нерусский мат, и хват на плече уходит. В этот краткий миг мне надо действовать, и я, вкладывая всю силу, бью «реального пацана» в нос, вызывая ответный взрыв ярости.

Не чувствую боли, только инерция кидает меня от одного быдлана к другому. Я уже отключаюсь, когда рев мотора и визг тормозов останавливают град прилетающих ко мне ударов...

— Дэн... Денис... — Меня поднимают с кровавого снега, помогают добраться до квартиры.

— Ментов не надо! — все, что говорю, уходя от молчаливо-участливых взглядов парней и ее испуганно-зареванных глаз. Прячу за дверью ванной и шумом льющейся воды свою слабость. Свое отчаянное желание сжаться в комок эмбриона и ничего не слышать, не видеть и не говорить...

И я не говорю. Отлеживаясь в кровати, ухожу в нерадостные мысли. Одно дело — понимать, что у твоей девушки были любовники, другое — увидеть доказательство. И что самое паскудное, я узнаю это от отца ребенка. И в какой-то степени понимаю его.

Не понимаю одного — свою Гузель. Никогда не испытывал бурных восторгов и острого желания посюсюкать при виде детей, но даже у меня в голове не укладывается простая схема: как можно оставить СВОЕГО ребенка на попечение родителей, пусть и ради новой любви. Мне не уразуметь, почему нужно что-то скрывать от человека, который тебя любит и тебе ВЕРИТ. Не понимаю ее и не слышу.

Кажется, погрузившись в какой-то звуконепроницаемый кокон, не слышу ничего. Ни ее сбивчивых рассказов, как, что и почему. Ни стука своего сердца. И чувств своих тоже не слышу. Ничего не чувствую и ничего не хочу. Хочу только одного — чтоб меня оставили в покое. И решение приходит само собой.

— Ты едешь к дочери, — тоном, не терпящим возражений, огорошиваю свою уже бывшую страсть. — Собирайся...

Ночь. Опять не могу уснуть. Это ебучее снотворное ни хрена не помогает, как и прошлое. Я закрываю глаза, уговариваю себя расслабиться. Пытаюсь найти в голове тот самый тумблер, который отключает мозг. Но, блять, нет его. Нет!

Холодно, как же мне холодно. Кутаюсь в плед, натягиваю поверх еще один. Три года прошло, а кости выворачивает, как вчера, и кажется, мороз выходит прямо из тела. Ноги немеют, и в какой-то момент перестаю их чувствовать. Это пугает до усрачки. Я запускаю ладонь под шерстяное покрывало, трогаю худые бедра. Горячие, очень горячие, ощущаю касание, и это успокаивает.

Странная все же русская душа: после всего случившегося я не боюсь сесть за руль и отказываюсь от покупки новой тачки только оттого, что дал слово матери. Но как же хочется вновь почувствовать это расслабляющее единение с машиной. Когда все движения доведены до автоматизма, и ты можешь блуждать в своих мыслях и ехать, ехать вдаль.

— Надо купить байк, — сумасбродная мысль. — Не делать этого я матери не обещал. А может, какой-нибудь «танк»? Затонировать все стекла и, каждый раз медленно опуская их, пугать гайцов своей изуродованной рожей.

Невеселые, тягучие мысли. Тяжелая голова. Мягкая поступь кошки заставляет улыбнуться. Чувствует, когда мне особенно хреново. Пробирается и ложится на колени, словно успокаивая, поет мне песенку о том, что все будет хорошо, она это точно знает. И я ей верю, единственная, кому еще верю. Какая-то вселенская усталость давит на плечи. Тело от таблеток словно не свое, сознание погружается в вату. Походу, переборщил с дозировкой, но меня наконец-то клонит в сон.

— Привет Дэн! — Звук сообщения вырывает из дремы. — Разбудил?

Вздрагиваю, словно мозг тестирует тело на «жив ли еще». Я все еще жив. Чувствую, как мне сразу становится тепло. Моя пушистая хранилища бегают рядом, призывно орет, будто что потеряла.

— Ага, уснул, — на автомате отвечаю, и только потом соображаю, что он не мог этого знать. Угадал? Предположил? Опять, как он говорит, «увидел»?

Хочется спросить, но спросить — это значит признать. А признать — это страшно. Вдруг он видит и это?

Я веду пальцами по извилистым бороздам шрамов, уродующих мое лицо. И, словно отвечая на это прикосновение, начинает гореть очередная тату, которыми я старательно маскирую следы того неудачного дня на теле. Жаль, что шрамы на роже этим художеством прикрыть не решусь.

Но зато теперь я могу быть двуликим божеством. Словно Янус*. Только оба моих лица смотрят в будущее, хоть и понимаю, что его для меня нет. А смотреть в прошлое глупо. Оно и так навсегда оставило на мне свои отметины.

А сейчас... в настоящем, я знаю лишь одно: что пока меня никто не видит, я могу быть самим собой или кем угодно. Надевать тысячи масок. Сочетать несочетаемое. Я могу быть Гением и Злодеем. Монахом и Блядунем. Я Король и Шут. Бог и Дьявол. Красавец и Чудовище. И все это во мне одним!

Вот сейчас повернусь к экрану правой стороной — и буду прежним Дэнном: улыбчивым, приветливым шутником, что всегда открыт и готов к общению. А когда мне стрельнет в жопу — покажу тебе другую свою сторону... И ты, мой хитрый Лис, ужаснешься.

Устраиваюсь на кресле поудобней, обкладываясь кучей подушек. Одну выделяю своей питомице, и она, вальяжно развалившись, заинтересованно пялится в монитор. Нужно отвлечься от грустных мыслей, вытянуть из этого парня что-нибудь интересное, а я предчувствую, что загадок в нем — как в Сфинксе. Интерес пробуждает азарт. Азарт прогоняет сон. Пальцы порхают по клавише, собирая буквы в привычные

слова:

— Привет, Лис...

Примечание к части

Музло под настрой:

Goreshit - the nature of dying <https://www.youtube.com/watch?v=la5UUh6Zopc>

Goreshit - o'er the flood <https://www.youtube.com/watch?v=9zSYdFmEFCI>

Богатырь, купи коня... Купи, не пожалеешь.* - мультим "Алеша Попович"

бидзинг* - общее название для произведений живописи и графики, изображающих женскую красоту в традиционном искусстве Японии

великой советской троицы* - Имеются в виду Вицын, Никулин, Моргунов

жить, как говорится, хорошо, а хорошо жить — еще лучше* - К\ф "Кавказская пленница"

красиво жить не запретишь. Но помешать может* - Жванецкий

J-Rock* - японский рок

матуром* (татарский) - красавица

малай* (татарский) - мальчик

Кутак сыныгы!*(татарский) - обрубок от х**

Минем бот арасында суыр эле* (татарский) - отсоси мне

Янус *— в древнеримской мифологии — двуликий бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца. С его именем связано название месяца январь. Изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны. Одно его лицо было лицом молодого, безбородого человека, смотрящего в будущее, другое — лицо бородатого старца, обращенное в прошлое.

Часть первая. ВЕРА. Песнь седьмая. Евангелие от Елисея

Alessio Bargiacchi a.k.a. AL355|0 - Strange Dream
<https://www.youtube.com/watch?v=UY4y5UB4W7w>

— Ли-и-и-с!!! — истощный вопль моего любовника раздается из коридора, и я, было задремавший, вскакиваю с кровати как ошпаренный.

Спросонья запутавшись в одеяле, грохаюсь на пол. Внезапно проснувшееся сознание недоуменно вопрошает: «А?.. Что?.. Где?..». Сердце бубнует о ребра частотами о-дайко* — столько неподдельного ужаса в голосе Димки. За секунду перед глазами проносится видеоряд картин Отто Раппта* — одна абсурднее другой.

— Что?! — хватаю за плечи и бегло осматриваю белого как мел парня. — Димка! — встряхиваю, пытаюсь привести в чувства.

— Ли-и-ис... Лис... там... — Парень от страха заикается, дрожит словно в лихорадке, и я уже беспокоюсь о его душевном здоровье. — Я ее видел... Она была тут... — Подношу к губам любовника стакан с водой, в руки дать даже не пытаюсь — они у него не хуже, чем у невротика трясутся. — Стояла и смотрела на меня. А взгляд... — Парня перетряхивает. — Потом как налетит! Ужос!!! — Именно ужас и написан в его глазах. — Она как лед!..

Парень и правда весь в мурашках. Темные волоски на ногах и руках вздыблены, будто шерсть у испуганного кота.

— Ну все, успокойся. — Сжимая в объятиях, горячими ладонями прогоняю естественную реакцию тела. — Никого тут нет, только ты и я. — Разговариваю с Димкой, как с ребенком, убеждая, что ему все это привиделось, но понимаю, что предчувствия меня не обманули.

В голове четко складываются пазлы: тревожная энергетика; частое исчезновение всякой мелочевки, которая вдруг находится в совершенно неподходящем для нее месте; странное, необъяснимое потрескивание, будто недавно поклеенные обои отходят от стен. И эти вечно открытые дверцы шкафов и шкафчиков, на которые налетаю я, и, как следствие, прилетает Димке. Ну полный абзац! Я купил квартиру с привидением.

Да и еще, судя по всему, призрачная дама оказывается чрезвычайно ревнивой особой. А как иначе объяснить тот факт, что она никогда не показывается на глаза мне, лишь ненавязчиво намекая на свое присутствие, но Димку эта сущность пытается выжить всеми доступными ей средствами.

То проскальзывает змеей у него под рукой, когда парень пытается приготовить нам ужин, и то, что планировалось быть съеденным... сюрреалистичным натюрмортом украшает пейзаж кухни. То в самый неподходящий момент вытекает из стены туалета, и, как следствие, вынесенная дверь санузла повисает на одной петле. То внезапно сгущается из воздуха у Димки за спиной, чуть не до смерти пугая парня ледяным дыханием смерти.

— Продай эту квартиру. Продай! — каждый раз умоляет Димка, дрожа в моих объятиях...

Квартиру не продал, а вот с Димкой расстался.

Смешно обвинять в этом мою бестелесную сожительницу, которая стала не просто ненужным предметом в жилище, но и по-настоящему третьим лишним в нашем союзе. Это было необходимо не ей, а мне. Для меня невыносимо тяжело находиться рядом с тем, кто любит, но кого я в ответ не люблю. Сердцу не прикажешь, и трудно ежедневно не оправдывать его ожиданий. Эти отношения выматывали, не принося счастья, и Дима ушел, а ревнивый призрак, словно исполнив свою миссию, затаился до поры где-то в паутинной шахте канализации.

Стрелки часов переваливают за полночь. Завтра рано вставать, а меня все еще одолевают думки, сомнения, никак не давая уснуть. Нет, я не скучаю по любовнику, что-то иное дергает нерв, заставляя сердце биться чаще, вселяя тревогу. Кутаюсь под два одеяла, и все равно вымерзаю, несмотря на то, что на дворе середина лета. В эфемерной надежде погрузиться хотя бы в дрему прикрываю глаза. И тут...

Нечто ледяное сначала робко касается, а следом крепко сжимает лодыжки, а у меня как-то сразу пропадает желание дышать. Надо бы открыть глаза, убедиться, что в квартире, кроме, меня никого нет. Живого никого нет! Но не могу, а хватка вымораживающим тело кольцом перемещается выше.

«Значит, решила МНЕ показаться? — Сразу понимаю, кто забрался ко мне в постель. — Что ж, будем знакомиться». — Собрав волю в кулак, решительно размыкаю веки.

Белесая колышущаяся дымка, что так явственно напоминает женский силуэт, нависает надо мной в воздухе. Длинные распущенные волосы, словно в невесомости, медленно струятся, черными теньями растворяясь в темноте. Тонкие прозрачные пальцы скользят по моему телу, тянутся к лицу и касаются скул. Кожа тут же покрывается мурашками. Ноздри забивает запах земли, сырости, плесени.

Говорят, призраки невесомы. ПИЗДЕЖ! Словно в опровержение всем общепринятым мнениям, явственно ощущаю вес чужого тела на себе, а еще... даже через пуховые одеяла — мертвенный холод.

Странно, но страха нет. Может, потому что не чувствую от этого туманного сгустка реальной опасности, а может, потому что никогда не боялся мертвых. Чего их пугаться? Живых опасаться надо.

И хоть я и не боюсь, мне ни хрена не хорошо. Потусторонняя сущность давит, удерживая неведомой силой. Я словно подвисяю меж мирами: нашим и ИХ, хоть и бестелесных, но не менее сильных и таких же явственных для меня, как и окружающие в жизни люди. И в этом пространстве я пока беспомощен.

Всегда был убежден, что душа человека ютится в голове, и сейчас нахожу подтверждение своей уверенности. Все тело отключено, превратившись в кусок свинца. Я будто парализован, но «котелок варит», просчитывает варианты, отдает команды: «Шевельнуть ногой. Перевернуться. Скинуть ее с себя».

Знаю, что надо прогнать неупокоенную душу, грубо и от души послав матом, ведь для этого он и был придуман нашими далекими предками, но

язык словно прирос к небу. Безмолвно открываю рот, силясь выдавить из себя хоть что-то из великого и могучего, но слышу только собственные мысли: «Кто ты? Откуда взялась? Что надо?».

Будто понимая мои желания, призрак соскальзывает и растворяется во тьме. Сразу спадает оцепенение. Воздух со свистом наполняет легкие. Перевожу взгляд на часы. Три сорок пять. Всего несколько мгновений, а мне кажется, что прошла вечность.

На следующую ночь все повторяется, с единственной разницей, что в этот раз дама не лезет с объятиями. Выплыв из темноты, тихо раскачивается, как занавеска на сквозняке, верным псом «стоит» в ногах до утра и с петухами испаряется, а я, с тяжелой головой и чувством опустошения, словно из меня высосали все силы, проваливаюсь в сон.

Через сутки неживая сожительница решает показать себя заботливой хозяйкой и приготовить мне ужин или, вернее, завтрак. Гремит на кухне посудой, стучит дверцами шкафчиков, и я уже не молчу — от души посылаю «на...» и «в...». В сердцах кричу, что забала и спать не дает.

Обиделась. Не приходит три ночи. На четвертую сразу чувствую ее приближение. Из темного коридора явственно тянет холодком, и мне даже не надо глядеть на часы. Три сорок пять.

Мысленно подбираю слова, чтобы «вежливо» попросить даму покинуть помещение, открываю рот, и...

— Явилась, не запылилась! Шлялась непонятно где. Шалава подзаборная! Зашил бы я пизду, что тебя — блядину родила. Таких, как ты, надо душить, чтобы по земле не ходили, — выплевывая слова, грязно оскорбляю мою призракную соседку и... ахуюваю.

Я тот, кто всегда крепко держится за свое сознание, оставаясь даже в экстремальных ситуациях с ясным умом. Я тот, кто даже на гулянках, залив в себя неимоверное количество спиртного, остается трезвым. Более того, когда слышу ЧУЖИЕ мысли, себя не теряю. А тут... Никогда бы так не оскорбил женщину, тем паче мертвую. Это не мое. Не мои слова. Но чьи?

Нечто иное, чужеродное, вторглось в голову, пусть на краткий миг, но полностью поглотив разум.

Мне впервые становится до такой степени жутко, что явственно ощущаю, как шевелятся волосы, и не только на голове. Выпрыгнув из кровати, напяливаю, что под руку попадет. Выскакиваю из проклятой квартиры, ничего не видя перед собой, в ночь...

Дыхание срывается в хрипы, словно я пробежал марафон. По телу катится липкий ледяной пот. В душе смертельный ужас...

— Чур меня... Чур! — нервно всхлипываю, выдыхая древнее заклятие. Непривычная к подобным жестам рука так и тянется осенить меня крестным знамением, применяя единственно действенное в подобных случаях духовное оружие.

Докатился! Но лучше пустить в ход все известные способы защиты, чем ебнуться во цвете лет, прописавшись в психдиспансере или, что еще хуже, впустив в себя потустороннюю тварь, потерять свое «Я», становясь потенциальным клиентом экзорцистов в рясах.

Лишь спустя несколько часов, когда трудяги «Джамшуты» выползают на улицу с метлами встречать солнце, решаюсь вернуться. Не ехать же на работу в спортивном костюме, который я надел впопыхах наизнанку. У подъезда, изображая физкультурника с пробежки, приветствую мЭстное ФСБ в виде бабульки-соседки с собачкой и сам «включаю разведчика». Даже не удивляюсь, узнав про убийство в моей квартире.

— Мужик-то этот, Васькой его звали, а жену Маринка, он и удушил ее. Ночью. А наутро проспалси и понял, чо натворил-то. Сам чуть не наложил на себя руки, да милиция быстро приехала. Любил он ее. А вот по пьяни совсем дурной становился. Вот горе и случилось.

Слушаю и понимаю, что я знаю, во сколько он ее убил. В три сорок пять...

— Какой же я был чудик недогадливый год тому назад. Ведь она, скорее всего, почувствовала во мне силу и приходила за помощью, а я сбежал. — Смотрю с высоты типовой многоэтажки на простирающиеся до горизонта леса и понимаю, что ни о чем не жалею.

Это было правильное решение — расстаться с «нехорошей» квартирой. Может, кто-то и посчитает шиком жить бок о бок с персональным призраком, но только не я. Да и перспектива стать заменой «возлюбленного Васьки» для этой Марины меня не прельщала. Уж лучше погрибодовски — в деревню, в глушь, в Саратов, чем цепляться за престижный район столицы и тихо сойти с ума.

Взвесив все «за» и не найдя ни одного «против», оперативно продаю квартиру. А вскоре с удовольствием окунаюсь в тишину и спокойствие небольшого городка за МКАДом, по достоинству оценив все преимущества бизнес-класса новостройки.

Странно, всегда считал себя человеком мегаполиса, но именно вечерние прогулки по лесопарку привели нервы в порядок. Сняли с души груз переживаний. И пусть не все так гладко, как хотелось бы, но внутри прочно поселилось чувство верного выбора. Мне так хочется перелистнуть черную страницу своей жизни, и завтрашняя важная встреча должна в этом помочь. До сих пор не уверен в целесообразности затеи, но будущее расставит свои точки там, где они должны стоять. А пока у меня здесь и сейчас творится что-то невообразимое...

Витая в своих мыслях, сижу за ноутом, глупо улыбаясь зеленому огоньку «онлайна» Дэна. Снова и снова ментально тянусь к нему, но натыкаюсь на непробиваемый блок. Не понял! Может, нервотрепка вытянула силы? Все же целый день то в пробках, то в кабинетах важных персон, которые считают себя ахуенно важными. Но все равно я рад предстоящей беседе. Пусть маленькой, но возможности «коснуться» парня.

— Привет, Дэн! — стучусь, и мне становится светло, горячая волна разливается по телу, и в этой согревающей душу радости на меня выливают ушат ледяной воды:

— Иди ты на хуй со своим приветом! — рывкает на меня сообщение, а я, кажется, лечу в бездонную пропасть.

— Дэн, что случилось?

— Хули творишь, козлина?! — прилетает новое оскорбление и пощечиной хлещет душу. Впадаю в ступор. Горечь подкатывает к горлу. Становится до жути обидно. Никому и никогда не позволял себя оскорблять. Ни один обидчик не уходил безнаказанным, а от него проглатываю. Только сжимается все внутри, а сверху тут же ложатся стальные пластины лат.

— Дэн, давай без мата, — осаживаю парня. Во мне не кипит злость. Нет! Внутри меня все вымораживается холодом отчужденности.

— Ты страх потерял? Чего девчонке наговорил, что она вся в слезах? Совсем ахренел?

Именно это и делаю — ХРЕНЕЮ! Я-то насилую мозг в поисках причинно-следственных связей, что вывели парня из равновесия, а подоплека оказывается до невозможности проста: «Cherchez la femme».

— Безликий, последнее предупреждение, — обращаясь не дружески, а по нику, снова пытаюсь унять агрессию парня. — Без мата!

Как ни странно, это срабатывает. Будто Дэн чувствует мое состояние и решает не проверять на эластичность мое терпение.

— Кицунэ-сан, — не остается в долгу Дэн, в свою очередь переходя на «официоз», да еще и приправляя его японским акцентом. — Что за игру ты с ней затеял?

— Я? Игру?! — Ничего не понимаю, кроме одного: если бы я и надумал с кем-то поиграть в Сети, то только с Дэном, и ни с кем больше. А что он сейчас насочинял, это мне еще предстоит выяснить. — Дэн, а давай ты сейчас спокойно мне все объяснишь, потому что хоть ты меня застрели, не знаю, что такого я сделал...

— Да я бы щас не только тебя грохнул, но за массовое убийство дадут больше, чем я проживу. — Парня трясет в тихой ярости, и даже мой спокойный «посыл» не утихомиривает взрывную натуру. — А учитывая тот факт, что инета в тамошних местах нет, для меня и вовсе не жизнь.

— Инет есть везде, — «подбадриваю» своего виртуального уголовника. — Если хорошего провайдера найти, можно и с Богом договориться, но, по ходу, только не с твоей дамой.

— И с дамой можно, если осторожно. Но только не когда в мою игру мутный Джокер вмешивается.

— Было бы что мутить! — усмехаюсь. Ужасно тянет позубоскалить, но мужественно сдерживаю «души прекрасные порывы»*. — Я человек слова. Чувствовал бы что за собой, так бы и сказал. А сейчас просто не понимаю: что за предьявы?!

— А ты думаешь, я понимаю? Меня весь вечер такими сказками потчуют. Ахренеть можно! — Дэн вновь пропадает, видимо, успокаивает устроившую ему разнос подружку, а когда появляется, я ощущаю его смятение. — Лис, я тебя умоляю, напиши ей. Разберитесь сами. Я чувствую себя идиотом, — приходит короткое сообщение, а я закатываю глаза.

— Хорошо, — не хочу спорить с Дэном, хотя в мыслях все орет: «Да с какого?! Не пойму, в чем тут разбираться!».

Сам от себя в ахуе, когда терпеливо выслушиваю непонятные обвинения, и во мне все сильнее крепнет осознание, что женщины с Венеры, а мужчины с Марса, ибо, о чем говорит дама, я понять не могу. Как и не могу понять, что связывает моего Дэна и эту истеричную диву.

Мыльная опера, в главных ролях которой мистер Б. — Безликий, мадам М. — эта мадемуазель и, невольно, мистер Л. — я, затягивается на целый вечер. Ситуация жутко дергает нервы, обесточивает, но я с маниакальным упорством хочу распутать сюжетный клубок этого фарса, сочиненного дамой с буйной фантазией, и чуть зубы не стираю в порошок от накатывающей ревности, когда выслушиваю новые откровения.

«Вирт-подружка Дэна! Да мне насрать, кем она себя считает!» — тихо бешусь, едва сдерживая в себе взрыв сверхновой. Ярость накатывает такая — разве только дым из ушей не валит. Охота наорать большими буквами «КАКОГО ХУЯ?», но ни словом не выкажу, что сознание рычит диким зверем: «ОН МОЙ!».

Понимаю, что не имею на него никакого права, но мысль, что Дэн — мой парень, кажется мне абсолютно правильной. Она втемяшилась в голову, и я ничего не могу с этим поделать, да и не хочу. Во мне бушуют такие эмоции, чувства, которых и половины понять не могу. Мечусь по квартире и снова усаживаюсь за ноут.

— Дэн, вот честно, заебал. Что я как пацан? Мне, дураку, знаешь сколько лет? — пишу чисто риторический вопрос, когда время переваливает глубоко за полночь. — Я столько парней, девок повидал, но в такой переплет еще не вступал, — не знаю, что меня удерживает от желания грохнуть к ебням только ради него зарегистрированную страницу. — Устал.

— Выдохни. Все когда-то случается в первый раз, — его усталость ощущаю, как свою. — Я сам в ахуе. Но знаешь, это было бы немного печально, если бы не было пиздец как смешно, — пишет Дэн, и я действительно начинаю тихо смеяться над абсурдностью ситуации, хотя несколько минут назад мне было вовсе не до смеха. — По ходу, «мадам М.» из тебя стрелочника сделала. Не принимай близко к сердцу, это всего лишь инет.

— Да знаешь ли, не думал, что виртуальная жизнь может быть настолько реальной, — на автомате отвечаю и гоню от себя пугающие мысли, что после всего случившегося мне никогда не познать Безликого.

— Может, если ты ею живешь. Но я тебе не советую вязнуть в этом болоте. Давай, вытягивай ноги из трясины, а я пока уложу плаксивую дуреху спать.

— Иди, — согласно киваю монитору, а у самого аж зубы сводит от ревности, хоть и точно знаю, что знакомство у них только сетевое.

Жутко хочется надраться. Я выжат, как лимон, когда яблочко раздора*, видимо, отправляется в сады Морфея, ибо ее огонек «онлайна» гаснет.

— Лис, ты прости, что сорвался на тебя, — приходит сообщение Дэна, который все еще в сети, и я рад, наконец, остаться с ним один на один. — С этими девчонками беда просто.

— Забей! Все нормально, — сам не верю в то, что пишу, чувствуя себя разбитым корытом. — Голова раскалывается. Я, пожалуй, вмажу. Нужно стресс снять. — Потираю мучительно ноющие виски, соображая, какое «лекарство» выбрать из имеющегося в баре ассортимента.

— Знаешь, я слегка прифигел, когда, ведомый женской ручкой, попал к тебе на страницу, — новое сообщение выпрыгивает на экран.

— Для меня твоё явление в таком воинственном настрое тоже стало неожиданностью, — быстро набираю текст и иду доставать бутылку коньяка. Хорошо бы в чай или кофе, но мне сейчас это не поможет. Не люблю пить один, однако в этот вечер у меня появился вполне реально-виртуальный собутыльник. — Давай выпьем за... — В голове столько тостов, что не знаю, какой предложить, поэтому пишу все, что приходит в голову, чтобы Дэн точно не отказался: — Понимание? Терпение? Удачный исход дела? За нас — мужиков, и за них — женщин!

— Слушай, Лис, я бы за все выпил, только не вижу в этом смысла — я никогда не пьянею, — читаю сообщения со смайликом, ржущим до слез, и сам улыбаюсь во все свои коренные.

— Ну, это просто ты со мной не пил. — Подмечаю эту физиологическую схожесть между нами: я тоже частенько перепивал барменов.

— Не пил, да и хмельного у меня ничего нет, — снова юлит мой недособутыльник.

— Говори адрес, я закажу доставку на высшем уровне, — тут же кидаю наудачу. Ну, а чем черт не шутит?!

— Ноу, сэр! — И целая куча злобно пялящихся желтых морд скалит на меня зубы. — Я, пожалуй, кофе сварю.

«Не прокатило», — понимаю, но не теряю надежды. Мне надо его зацепить, я чувствую, что тоже ему интересен. Но главное — не ошибиться, не спугнуть чрезмерной настойчивостью.

— Дэн, для тебя можно проще, без «сэров» и «пэров». А то я Господином начинаю себя чувствовать, а это чревато, знаешь ли. Скоро буду предъявлять права и даже чужое загребать. — И тут же ловлю его обратку, аж дыхание перехватывает. Я так явственно ощущаю его эмоции. Мой таинственный собеседник напрягся или озадачен. Я его волную. И, чтоб удержать эту волну, задаю новый вопрос: — Сам-то не собираешься спать после такого представления?

— Может, почитаю что-нибудь, нервы подуспокою. — Такой серьезный ответ. Ни смайлика, ни скобочки-улыбки. Только вариант «почитаю» меня не устраивает. Не хочу его отпускать. Хочу разговорить, узнать лучше. Да, мы общались, но все эти поверхностные разговоры — словно брошенный вдоль воды плоский камешек: касается и отпрыгивает, — не дают мне проникнуть в его мир, всецело познать его глубину.

— Дэн, если не секрет, у тебя серьезно с этой девушкой? — пишу такой важный для меня вопрос. И так не хочу получить утвердительный ответ, хотя понимаю, что Дэн гетеро и мне не светит.

— С какой именно? У меня их целый гарем. — В какой-то мере я даже рад, что Дэн не видит, как перекосилась у меня рожа.

— Да ты бабник! — посылаю улыбки, а у самого кулаки сжимаются, да так, что короткие ногти оставляют полумесяцы на ладонях, желваки ходят, а улыбка превращается в оскал.

— Есть такое дело, — новый месседж, и мои собственные чувства зашкаливают, заслоняют, накладываются фоном на его. Я не слышу Дэна, не понимаю, хвалится он или пытается разозлить меня.

— Ты так развлекаешься? — продолжаю полуночную беседу, пытаюсь вытянуть из парня крохи информации и, признаюсь себе, чтобы самого себя понять.

— Каждый развлекается, как может, — словно между прочим брошенные слова, и я чувствую новую брешь в его обороне. Тянусь к нему, нащупываю те нити, что вплетал от беседы к беседе, и буквально чувствую, как вибрируют и раскаляются эти струны, по которым импульсом, огненной вспышкой сквозь пространство ко мне прилетает ответ. Миг, и меня пронзает БОЛЬ.

Я сворачиваюсь в фантомных спазмах, да так, что выпитая рюмка просится обратно. Хватаю воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Чувства, не мои — его, разрывают мозг. Не сходится! Что-то не сходится. Замираю, скованный этим всплеском эмоций, и тупо пялюсь в пространство.

«Что с тобой? — мысленно посылаю вопрос в эфир. Вдох-выдох, в полутрансе прошу: — Не закрывайся, дай помочь». Но там, за пространством, черный полог, через который не пробиться. Только отголоски боли прошивают мозг раскаленными иглами.

«Ты болен? Инвалид? С детства? Несчастный случай?» — я не могу напрямую написать такого, лишь попытаться хоть что-то выведать, и желательно так, чтоб он сам этого не понял.

— Наверное, ты прав, — пишу, обдумывая каждое слово. — Но я рад, что твоё развлечение дало мне возможность пообщаться с тобой. Столкнуло нас, так сказать, лбами.

— Кажется, это называется «роковая случайность»?! — И снова улыбки, которыми Дэн прикрывается, как масками.

— Я не верю в случайности. Как там говорится? Случайности не случайны... — Сумбурные мысли лезут в голову, но кое-как беру себя в руки и дописываю сообщение: — Я верю в судьбу. А ты?

— А я эту суку ненавижу! — Слова, словно крик. И новый импульс, но уже Отчаяния, что чувствую от Дэна, стоит комом в горле — не проглотить. Понимаю, что сейчас не время лезть в душу, боюсь спугнуть миг откровения, но как же я хочу ему помочь...

«Мне можно доверять, я не предаю», — посылаю свои мысли, надеясь, что не рассыпятся о стену отчуждения, и пишу простые человеческие слова, чтоб сгладить напряженность момента.

— Я тебя, конечно, не учу, но не стоит так говорить. Ты слишком молод, чтобы в ней разочаровываться. Судьба может приносить сюрпризы, — не могу отключить в себе психолога и оптимиста, пытаюсь настроить Дэна на свою волну.

— У меня такое впечатление, что она только этим и занимается — преподносит мне сюрпризы, — отвечает мой парень и, сам того не замечая, начинает открываться. То, что мне надо!

— Ну, в этом мы с тобой похожи... — усмехаюсь, невольно вспоминая круговерть последних месяцев. Сюрпризы, и сплошь неприятные.

— Как выяснилось, мы во многом с тобой схожи, — пишет Дэн, на этот раз меня вытягивая из хмурых мыслей. — Раз нас в Сети путают. — Я так явственно вижу, как он ухмыляется, что и сам начинаю улыбаться.

— Наверное, для этого есть причины, — пишу и жду ответа, а его нет. С минуту повисает пауза, словно Дэн пытается что-то обдумать.

— Кстати... — снова появляется мой собеседник. — А как случилось, что ты знаком с моей дамой?

— Я следил за тобой, — пишу правду, искренне надеясь, что мое откровение он воспримет как шутку, но меня окатывает удушливой волной, резонирующей в мозгу Страхом, Настороженностью. Что-то напряженное, подозрительное повисает в пространстве — я это ощущаю и панически боюсь, что вот сейчас он что-нибудь рявкнет и закроет окно, но Дэн в сети.

— Станный ты... — Читаю, но кажется, слышу его голос — тихий, надтреснутый, и спешу погасить его зародившееся смятение:

— Станный — не то слово. — Про себя думаю: «Знал бы ты, насколько». — И ты не первый, кто мне об этом говорит. Но зато мне можно доверять. Я не предаю — для нынешней жизни вот такая вот странность.

— Лис, это не странность, это аномалия, — Дэн буквально срывает с кончика языка мои мысли и возвращается к своим «баранам», вернее «овечкам»: — И что она обо мне рассказала?

— Ничего, что могло бы тебя так растревожить. — Его любопытство мне понятно, и все бы ничего, если бы не нерв, что ощущаю кожей. — Так что не бойсь, малой, не обижу, — шучу, надеясь развевать напряжение. Не получается. Эмоции Дэна не сулят мне ничего хорошего.

— Что бы она ни сказала — это все пиздеж! Мне скучно — я играю. — В атмосфере звенит Тревога, фонит Страхом, и я не знаю, как это погасить.

— Дэн, мне все равно, кому и что ты говоришь, — пытаюсь разрядить обстановку, не понимая, почему он оправдывается. «Ему стыдно передо мной? Неужели он думает, что я буду его осуждать? Как донести, что я не враг и не желаю ему зла?». Столько вопросов, и мне нужно сиюминутно найти на них правильные ответы, ведь с ним я не имею права на ошибку. — Хочешь, я расскажу тебе все о себе, фото, паспортные данные?

— Не хочу! Потому что следом ты попросишь все то же самое от меня. — И снова вырастает блок кирпичной стеной. — Я это уже сто раз проходил. С кем ни общаюсь, это одна из первых просьб. — Горечь, Злость. Кажется, ими пропитана каждая буква.

Я впадаю в ступор. Почему с ним так?! Я словно эквилибрист на канате. Один неосторожный шаг — и сорвешься в пропасть. Что ответить? Сказать серьезное: «Я не хочу лезть в твоё личное пространство»? А вдруг он подумает, что не интересен мне. Легкомысленное: «Захочешь — сам пришлешь». Но ведь уверен, что не пришлет, знаю, что боится, вот только пока не могу понять чего.

— Нет, Дэн. До этого же не просил. Можешь верить или нет, но я, как уже говорил, вижу именно ТЕБЯ за всеми твоими масками. Не закрывайся. Ты развлекаешься со стольким количеством мальчиков и девочек, так почему бы тебе не пообщаться со мной?

— Я сам выбираю себе собеседников, — незамедлительно приходит откат, но я так просто не сдамся.

— Знаю! — Гениальная идея коротким замыканием вспыхивает в сплетении нейронов. Денис азартен, легко вступает в споры, а значит, именно этим я и смогу увлечь его. В наших условиях «замониторья» и яростной охраны Дэном собственного личного пространства, остается только одно...

— Дэн, а ведь я тебе как собеседник интересен. Не отрицай, я же чувствую. Разве не хочешь узнать меня получше? — откровенно заигрываю, дополняя текст подмигивающими смайликами.

— А ты от скромности не помрешь!

— Какой есть! Да и с тобой надевать маски, думаю, не получится. — Я чувствую его заинтересованность, и меня это радует.

— А ты бы хотел? — В воображении мелькает образ Дома в маске и с хлыстом, вырывая у меня смешок.

— Мне это ни к чему, но если хочешь, я могу быть для тебя хоть Дьяволом. М-м-м?.. Как тебе такой расклад? — не хуже того самого рогатого искушаю парня.

— Планируешь приобрести по выгодной цене мою душу?

— Твоя душа бесценна. Я бы очень хотел, чтобы ты мне ее подарил. Ведь то, что дарят, назад не забирают.

— Не бойшься, что взамен я потребую твою? — Хитрющий смайлик, с прищуренными глазами смотрит на меня, вопрошая.

— Я-то не боюсь, а вот девятое чувство мне подсказывает, что боишься Ты. И даже не какого-то требования, а конкретно меня! — Вызываю парня на откровенность.

Перчатка брошена. Дуэль неминуема. Жду ответа, а у самого все играет внутри на адреналине.

— Не то чтобы боюсь, но все же ты вызываешь некое чувство опасности. — Выстрел. Пробный. От бедра. Озадачивает столь откровенным заявлением. Нет, я, конечно, знал, что порой пугаю, но не думал, что Дэн почувствует угрозу. Этого я хотел меньше всего.

— Это чем же, если не секрет? — Взвожу курок и очень надеюсь под прицелом моего пистолета получить от Дэна вразумительный ответ, дабы, не прибегая к оружию, исправить ситуацию, но слышу очередной щелчок курка:

— Не могу объяснить. Это что-то древнее, на уровне инстинктов. Просто рядом с тобой я зачастую чувствую себя голым. — Выстрел. Пуля

свистит у виска, пугая неприкрытой искренностью, и я в очередной раз теряюсь, не веря, что Дэн, перехватив инициативу, так откровенно флиртует со мной. Или я принимаю желаемое за действительное?!

— И что? Стесняешься? — Выстрел. Вздывает пыль под ногами Дэна. Рискую, подначивая этого «застенчивого» провокатора. Но кто не рискует — не пьет «Negroni»*.

— Как ты догадался? УВИДЕЛ, как я краснею? — Выстрел. Не в бровь, а в глаз. Денис бьет прицельно, но чувствую — не со зла, просто характер такой.

— Хочешь, чтоб я посмотрел? — Выстрел. Сбивает стетсон с головы Дэна. Не хочу пугать парня, но с ним так трудно сдерживать острое желание буквально кожей почувствовать его эмоции. — Так вот, сейчас я вижу, как ты играешь со мной. — Выстрел. — И тебе это нравится. — Выстрел. Кусаю губы, сдерживая довольную улыбку. Понимаю, что попадаю в нужные точки. Выстрел. — Хочешь продолжить?

— Почему нет? — Звук прокручиваемого барабана револьвера, и тут же... Выстрел. В крошево разбивает бутылку с текилой, оставляя нетронутой соль. — Все лучше, чем очередную часть Марлезонского балета смотреть.

— О не-е-ет... — Закатываю глаза, вспомнив прелюдию этого вечера. — Семнадцатый акт этого мозготраха я не вынесу, — намеренно стреляю в «молоко» и довольно потираю руки. Нюхом чую, я еще не выиграл, но уже не проиграл. — Давай оставим прошлое в прошлом. А на будущее у меня есть задумка получше.

— Излагай! — выдает милостивое соизволение мой безликий Божок и ловко крутит на пальце кольт.

— Излагаю. — Убираю ствол в кобуру и ташу дуэлянта в кабак. — Так вот. Есть у меня подозрение... — Наливаю противнику примирительную стопку виски и доверительно шепчу на ухо: —...что ты, мой безликий друг, обладаешь способностями, сравнимыми с моими, только глубоко их зарыл. — Интригую парня непознанным. — Не хочешь откопать сокровище? А заодно удостоверишься, что мои карты не врут.

— Хм-м-м... — тянет глубокомысленную паузу Дэн, со знанием дела смакуя проглоченное зелье. — А это может быть забавно. И как мы это сделаем?

— Твоим любимым способом, — сколько могу тяну интригу, и наконец раскрываю свербевшую в мозгу мысль: — Мы с тобой проведем еще одну дуэль. В поединке «верю-не-верю»!

Замираю, напряженно ожидая отклика, и он наплывает расслабленной теплой волной.

— Согласен! — Пожимаю виртуально протянутую ладонь и просто свечусь от счастья. «Йес-с-с!!! Он принял вызов, дал мне шанс, и я его не упущу».

— Значит так... — излагаю условия. Сон как рукой сняло, и бутылка коньяка забыта. — Правила простые... — Я словно паук плету сеть, опутывая парня невидимыми нитями. Свиваю вокруг нас кокон, один на двоих. — Я рассказываю историю о себе, а ты должен почувствовать, была это или небылица. И наоборот.

— А как я или ты проверим, что наши рассказы не пиздеж? — вполне резонный вопрос не ставит меня в тупик.

— А никак! Все на доверии. Никогда не пробовал быть честным? И, Дэн, должен предупредить: тебе придется быть очень убедительным, чтоб обмануть меня, ведь я тебя чувствую. А ты... Попробуй почувствовать меня, — завлекаю парня сложностью эксперимента и, кажется, слышу, как шелестят «шестеренки» в его голове.

— Вот прямщас чувствую, что ты откровенно пиздишь про «вижу» и «чувствую»! — Перевесила чаша неверия.

— Дэн, я никогда не вру! Только недоговариваю. А тебе предоставляется уникальная возможность вытянуть из меня все, что никому не рассказал бы. Только включи смекалку. Ты же умный.

— Окей. Давай попробуем, — парень явно доволен моей лестью, да еще и азарт набирает обороты.

— Итак, я начну, — пишу Денису месседж, а у самого сердце прыгает, словно акробат на батуте: прыг-скок, прыг-скок... Лихорадочно соображаю, что бы ему рассказать о себе. Нужно выверять каждый шаг. Думать, что из «вещдоков» выдать сейчас, а что приберечь на потом. И я решаюсь потихоньку раскрывать карты. — Я вкусно готовлю, но редко. Веришь?

— Почему? — вместо ожидаемого мной ответа «не верю» приходит встречный вопрос, но он мне нравится, ибо наша беседа заворачивает в нужное мне русло.

— Почему редко? Не для кого...

— Не-е-е... не верю, — тут же выдает свой вердикт Дэн, не забыв аргументировать: — Такие, как ты, не бывают одиноки.

— Какие «такие»? Ты считаешь, что уже достаточно хорошо знаешь меня?

— Достаточно хорошо можно знать только себя. Впрочем, людей я достаточно хорошо просчитываю, но ты, Лис, для меня пока еще темная лошадка.

— Не-е-е, Дэн. Я мустанг! — Наслаждаюсь нашим разговором. В нем все: юмор вперемешку с сарказмом, откровенные подтебки и нотки печали. — Одичавший, свободный и норовистый. А одиночество, знаешь, оно может случиться не только от неуживчивости характера, но и от нестандартного мышления. А я очень нестандартно мыслю!

— Это я заметил. Кстати, ты случайно не иностранец? Может, эмигрант? Вот в это я бы сразу поверил. Ты не только нестандартно мыслишь, но и нестандартно пишешь.

— Ничего удивительного. Я вообще с другой планеты. Альфа центавра Bb. Верить? — в шутку спрашиваю Дэна, порой сам на полном серьезе не зная, с какой я планеты.

— Верю! — без промедления выдает Дэн, и, кажется, мы оба ржем, как адские мустанги. — А вот поверишь ли ты в то, что я очень близко знаком с настоящей маркизой.

— Пиздишь ты, милый друг, — отвечаю без тени сомнения. Это не может быть правдой. Ну не знаком же Денис с дочкой какого-то западно-европейского дворянина. — Не верю!

— А зря! Это правда. Более того, я с ней сплю...

Рюмка замерла, так и не дойдя до моего рта. Внутри что-то неприятно екнуло. Одно дело — вирт-подружки, другое — когда кто-то реальный под боком. Чувствую, как парня распирает гордость, а меня ни хрена не распирает. Внутри наша, только что начавшая расширяться, вселенная схлопывается в точку.

— Да ладно! Знаком? — Меня клинит. Мозг отказывается «переваривать» полученную инфу. И уже безо всякого настроения впихиваю в себя стопарик без закуси, только сморщив нос на выдохе, и наливаю новый.

— Я тебе сейчас доказательство скину, — добивает меня Дэн, и я сижу в ожидании «улик». — Знакомься — Маркиза, собственной персоной!

На экран загружается фотка. Я смотрю в ее сине-голубые глаза, на аккуратную мордашку, темные контуры ушек, мягкие в носочках лапки, шикарные белые усы — и меня пробивает на «ха-ха».

— Кошка... — облегченно выдыхая, констатирую факт и улыбаюсь знакомой усатой мордочке. «Так вот как твою охранницу зовут. Буду знать». От этой простой фотки его любимицы мне становится так весело, что начинаю ржать. — Дэн, ну ты жук! Молодец! Этот раунд за тобой! — Щелкаю телефоном рюмку с коньяком и скидываю изображение своему визави. — За тех, кого мы приручили!

— А ты многих приручил? — Вопрос парня вызывает новый приток ликования. «О да! Ты интересуешься мной, Дэн. Я тебя зацепил!»

— Скажу честно: случалось. Но только раз это произошло целенаправленно, — не скрываю ошибок прошлого. У кого их нет? Однако это было по молодости и по глупости, а сейчас не хочу, чтобы он видел во мне того, кем я не являюсь.

— А тебя? — новый короткий вопрос.

— Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать*. Думаю, Дэн, тебе это знакомо.

— Может быть... — короткая брошенная фраза, и следом горечь стискивает горло удушающей хваткой, пробегает по нейронам, сжимая сердце в комок. Хочется написать: «Я тебя слышу, понимаю». Но осознаю, что парень просто не готов, что мое участие примет за жалость, и это неминуемо вызовет агрессию.

— Играем? — увожу Дэна от грустных мыслей, всей душой надеясь, что эта для многих «натуралистов» щекотливая тема ему интересна. — Я однажды поцеловал парня. Верить?

— Неа! — улыбается «Фома неверующий», и мне его неверие только на руку.

— Дэн, не ври мне. Забыл? Я все вижу. Ты же лазил по моей странице и видел то, что я особо и не скрывал, — подмигиваю своему визави.

— Ага. Все прошмонал, — бахвалится мой мальчик, но чувствую, как смущается, что его поймали на «горячем». — Кстати, давно хотел спросить: не боишься, что тебя спалят? Я уже не одного чела знаю, которым жизнь поломали за их гомотолерантность.

— Нет, Дэн. Ты же сам говоришь — это инет. Если и в Сети шифроваться, то смысл вообще вылезать?! И потом, я за свои интересы могу постоять и прогнуться ни под кого не стану. Трусом никогда не был. Как говорится: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»* — Читаю и понимаю: пиздец, как меня «подразнесло» в демагогии, а в жизни-то разные ситуации бывают.

— Это радует, но у меня по теме вопрос. Ты того парня по любви поцеловал или из спортивного интереса?

— Дэн, если тебе интересно, как это было... — кладу ноут на колени, уплывая мыслями в далекое юношество, — бери свою Маркизу на колени и слушай...

...Случилось это в те самые времена, когда одну страну развалили, а другую до сих пор не построили. Время было веселое, особенно когда мать отсутствовала дома. И я, внаглую пользуясь свободой передвижения, смылся в клуб. Ближе к двенадцати нас — малолеток — начали из этого злачного места гнать амбаловидными дяденьками. Ну мы особо и не сопротивлялись, было куда еще зарулить на ночь глядя: от злачных квартир до пришкольного двора или детского садика.

Так вот, мотаемся мы с другом вдоль да по улице и, как всегда, разговариваем о прекрасном: тачках, байках, пойле и девчонках. Он мне и говорит: мол, начал встречаться с девушкой, туда-сюда свиданки, но только один маленький нюансик парня напрягает — он еще ни разу не целовался и пиздец как боится облажаться.

Иду я, понятно головой ему поддакиваю, а в мыслях полный ахтунг. Что за фигня! Парень симпатичный, высокий, на ГОД!!! меня старше — и еще нецелованный. А если он нецелованный, следовательно, и дружка своего никуда, кроме кулака, не пристраивал. Это просто звезда! Куда мир катится?! Ну понимаю, что семья у него строгая, учеба — на первом месте, обликоморале и прочая лабуда, но не до такой же степени! Удивляюсь, как этого «принца» вообще с нами — оболтусами — потусить без охраны отпустили?

Думал-думал всяко-разно, да и пивасик во мне не только в кусты звал, но и на подвиги. Ну и ляпнул: «Давай научу!». Я-то, в отличие от него, уже давно в этом плане профи был. Девчонки на меня вешались, и посему поцеловался, и не только, я для того времени рано, а для нынешних нравов — уже нет.

Не поверишь — он согласился! Завел я этого недотрогу в темный уголок, прижал к теплой стеночке, обхватил за затылок, все же «гакусэй»* выше «сенсея»*, ну и с чувством, с толком, с расстановкой... начал учебный процесс.

Было чуть странно его целовать. Он выше, губы твердые. Но меня заводила его податливость. Несмотря на свои лидерские качества, парень спокойно взял на себя роль принимающей стороны и сыграл ее достаточно неплохо, хоть это и был его дебют...

— А потом он в тебя влюбился! — отзывается мой внимательный слушатель, притихший на том конце связи.

— Все же романтик в тебе не умер! — хохочу над такими скоропалительными выводами. — Но нет. Хоть после того раза я и преподавал ему еще пару уроков, но у меня сложилось впечатление, что парень стал меня побаиваться.

— Я же тебе говорю: влюбился! И конечно, он тебя боялся, а еще больше — своих мыслей: что ему охота не только целоваться с тобой, но и лечь под тебя. Просто признаться зассал, — настаивает на своем этот спорщик, и мне нравится его азарт и прикалывает ход его мыслей.

— Дэн, — улыбка еще шире. — Если следовать твоим выводам, ты тоже в меня влюбился. Сам же сказал, что опасаясь. Это твои слова!

— Ахреневаю с твоих выводов! — А я ахреневаю, что парень не отрицает мой подкол. — Сравнил йух с пальцем. Кстати... подожди минутку.

— Подержался? — через несколько минут подмигиваю парню смайликом.

— Ты и это видишь? — не остается в долгу и поддѣбывает меня эта злыдня языкастая. — Может, я курить ходил?!

— Захочу — увижу! — подкидываю фантазию парню, чувствуя, как его беспокоит сама вероятность вуайеризма. — И еще, Дэн, ты не куришь. Дым бы я учуял.

— А-а-а, ну да, ты ж говорил, что следишь за мной. Так, стоп! Ты что, в соседнем доме с биноклем сидишь? — Его напускной юмор так и фонит Тревогой.

— Вот ты фантазер! — Успокаиваю своего паникера. — Знаешь ли, не все можно видеть глазами.

— Тогда как ты это делаешь?

— Хочешь узнать? — Мне так легко «раскрываться» перед Дэном, как ни перед кем другим. — Ну, тогда слушай...

— А давай я начну! — Дэн внезапно сбивает весь мой серьезный настрой на ночь воспоминаний и, не дождавшись моего согласия, выдает: — В одном черном-черном лесу стояла черная-черная изба, а в этой черной-черной избе была черная-черная дверь...

— Ни хрена не угадал, мой сказочник, — перебиваю импровизатора, взглянув на безлунную, черную-черную ночь за окном. — Место это было светлым, лес — зеленым, село — богатым. А вот люди в нем жили и светлые, и темные, и с гнильцой, ну, впрочем, как и везде...

...Так вот, занесла какая-то нелегкая в это село женщину с маленьким мальчонкой, и поселились они на окраине в давно заброшенном доме.

Не особо этих переселенцев там привечали. Взрослые смотрели на пришлых с недоверием, дети сторонились странного пацана. И лишь одна одинокая бабушка, что жила по соседству, стала первой и чуть не единственной, кто заглаживал к новым жителям деревни, помогая то овощами, то советом, и которая приняла мальчика как внука. Только бабушке этой в пору было самой помочь.

— Ведьма!!! — орала вслед древней старушке шумная орава глупой детворы, науськанная «добронравными» взрослыми, которые просто боялись бабку и при встрече прятали глаза, а то и вообще уходили с дороги, отплевываясь через плечо да крестясь, будто самого черта увидели.

А малышня... Ей все нипочем. Закидывали старушке «по праздникам» камни в окна, вытапывали огород, а то и заколачивали дверь избы так, что женщина не могла выйти из дому.

— Бабка, что ходит к вам, — злая колдунья, — нашептывали мальчишке. — Знаешь, почему с ней никто рядом не селился? Она забирает людские души, чтобы жить дальше. Теперь она и ваши заберет, и ты с мамой умрешь.

Ну а что? В лучших традициях человечества — зудеть гадости за спиной человека, к которому каждый раз бежали за помощью, случись какая беда...

— Бред, — встревает в мой рассказ не молчаливый слушатель. — Они чо, «Soul Eater»* пересмотрели?

— Бред, не бред, а только пацан жутко струхнул. Мыслимо ли ребятенку сказать, что его с мамкой души на днях слопают и не подавятся? Стал он на бабулю коситься да мысли свои думать, и тут...

— Случилось страшное! — таращатся на меня выпученные глаза испуганного смайлика.

— Нет, не страшное, но весьма странное... — пытаюсь дорассказать серьезную историю, которую мой шутник-собеседник своими комментариями сводит к анекдоту.

...Подошла как-то эта бабушка к мальчишке и спрашивает: «А кто это тебе, милоч, такую херь про меня в уши напел?».

Парнишка стушевался. Ясно-понятно, что никому он про ту болтовню детей не трепался. Так откуда же бабуля узнала? Стоит, зенками хлопает, а бабка на него так пристально смотрит, да еще и что-то губами беззвучно шепчет. Пацан словно под гипнозом, и хочет молчать, да не может — язык сам собой ворочается и говорит имена. Вот тогда и понял малой, что слухи не врут, и баба Агата — ведьма...

— Страшно? — спрашиваю своего притихшего комментатора. Уснул, что ли?

— Неа, — посылает улыбки Дэн, опровергая мои догадки. — Интересно! Хочешь, я страшно расскажу? В одном черном-черном лесу...

— Нет, уж... — перебиваю этого рассказчика кошмаров. — Это моя сказка. Слушай дальше!

...Хоть и узнал пацан страшную тайну, бабулю бояться и не подумал. Понимал, что та относится по-доброму к их семье, а все остальное — собака лает — ветер носит.

Время шло, и вот однажды случилась с Агатой беда. Хватил ее удар, парализовав всю левую сторону, и единственные, кто взялся ее выхаживать, — та женщина с пацаном, что были уже как родные.

Но ведьма — она и есть ведьма. Баба Агата быстро пошла на поправку. Начала даже похаживать по дому, хоть и трудно ей было. Но, видать, чувствовала: недолго ей суждено землю топтать. И как-то, оставшись с парнишкой один на один, произнесла очень странные слова: «Избран... Передаю... Сила... Мой...».

Добрую часть произнесенного пацан так и не разобрал. Даже когда пытался вспомнить — не смог этого сделать. Все произошедшее было как в тумане, потеряв четкость и ощущение времени.

А потом бабушке резко поплохело. Умирая мучительно тяжело, будто нечто разрывало ее изнутри, она металась в агонии несколько суток. Что-то не отпускало, не давало уйти, держа на пике боли. Врачи только разводили руками, а селяне даже в дом не заходили и лишь крестились, стоя у двора. Страдал и мальчишка. Ему до слез было жалко бабушку Агату, но как ей помочь, он не знал.

Нечто зловещее, черное повисло над поселком. Лезло в мысли, вдыхалось с воздухом в легкие, выпивалось с водой. Вечно брехливые дворовые псы, поджав хвосты, забились в свои будки и только жалобно скулили, упираясь всеми четырьмя лапами на попытки хозяев вытащить охранников на двор. Еще вчера ласковые Васьки и Дуняшки словно взбесились. Шипели на всех и вся, выгибая спину дугой, топорща иголками шерсть. Сверкали зелеными демоническими зрачками из темных углов, оглашая окрестности жуткими воплями.

Последним мазком художника-декоратора испортилась погода. Далекие всполохи зарниц надвинулись свинцовыми тучами, грозящими обрушиться ливнем. Усиливающийся ветер поднимал в воздух пыль, закручивая ее в причудливо-живые веретена, гнал по опустевшим улицам, гнул к земле молодые деревца, безжалостно ломал кроны вековых тополей.

В такой вечер и пришел к дому Агаты старожил деревни и сиплым голосом сказал: «Чтобы ведьма умерла, надо крышу проломить. Тогда ее душа выпорхнет, и Агата наконец-то перестанет мучиться».

И пацан решил, вскарабкался на крышу. Его бил озноб, что-то жгло изнутри душу. Спазмы перехватывали горло, когда он слышал отчаянный вой боли бабы Агаты. Не медля ни секунды, он замахнулся топором и резко ударил по замшелой черепице. Осколки разлетелись в разные стороны. Крик усилился. Баба Агата заголосила так, будто мальчик ударил не по крыше, а по ней самой. И еще раз, еще... еще... Мальчик, закрыв глаза, все поднимал и опускал топор. В разные стороны летели щепки, утеплитель. Ветер набирал силу, норовя скинуть парнишку, но он не останавливался. Очередной замах — и топор ушел в пустоту...

Протяжный нечеловеческий вопль перекрыл какофонию бушующей стихии, и в следующую секунду над поселком повисла оглушительная тишина. Миг, другой, словно пауза между всполохами молний, и с неба полилась вода. Ливнем, сплошной водяной стеной обрушилась на землю, размывая грунтовые дороги, тропы, огороды, грядки. Превращая мирно журчащий ручеек в kloкочущее черное месиво грязи. Парень сидел на крыше и понимал, что это все.

Похоронили старушку за кладбищем, ссылаясь на то, что на старом погосте места нет. А вскоре по деревне прокатился мор. Умирали люди, дохла скотина, погибал урожай, но парнишку с мамой словно кто защищал. Может быть, дух бабы Агаты...

— Ну что, Дэн, веришь, что этим мальчонкой был я?

— Ого! Вот это ты завернул сказку!

— А ты как думал! — Улыбаюсь, довольный произведенным впечатлением. — Со мной все не так просто. Я эмпат, экстрасенс и по совместительству экста-секс. А по-русски говоря — ведьмак, — навожу тень на плетень, пытаюсь еще больше заинтересовать парня собой. — Так что, веришь?

— Знаешь, я ведь большой скептик, но почему-то сейчас мне хочется сказать — «Верю».

Читаю ответ Дэна, что в этот предрассветный час лучше всякого бухла теплом растекается по венам. Я рад, что открыл свой секрет человеку, которого ощущаю как родного, который, кажется, не только волнует меня, но и пробуждает мой дар, поднимает его на новый уровень.

— Ответ правильный, — пишу парню, ставшему намного ближе в этот чокнутый вечер. — Я и сам нигилист по жизни, и порой сомневаюсь в своем даре. Но ты, Денис, можешь мне доверять, ведь ты сам этого хочешь. — Я взволнован и чувствую, как, преодолевая пространство, меня наполняет его взволнованность. Мне так хочется прошептать это, глядя ему в глаза, но пока только пишу: — Верь мне, Дэн.

Примечание к части

Музло под настрой:

Alessio Bargiacchi a.k.a. AL355|0 - Strange Dream

<https://www.youtube.com/watch?v=UY4y5UB4W7w>

Непонятки и цитатки:

о-дайко* - большой барабан Тайко - http://4.bp.blogspot.com/_oK4VGDaHgc/TAecDRr9JZI/AAAAAAAAAbw/nZnu_Inhd88/w1200-h630-p-k-no-nu/odaiko.jpg

Отто Риппта* - <http://www.novate.ru/files/u34508/otto-rapp.jpg>;

души прекрасные порывы* - А.С. Пушкин

яблочко раздора* - https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3172/Яблоко;

«Negroni»* - <https://alcofan.com/negroni-v-domashnix-usloviyax.html>;

Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать* - «Маленький принц», Антуан де Сент-Экзюпери;

Тварь ли я дрожащая или право имею?* - «Преступление и наказание», Ф.М.Достоевский;
гакусэй* (японский) - ученик;
сенсей* (японский) - учитель;
«Soul Eater»* - аниме «Пожиратели душ»;

Часть первая. Вера. Песнь восьмая. Евангелие от Дениса

Psygram – Dance of Shadows
<https://psygram.bandcamp.com/track/dance-of-shadows>

*****

...Серый мир. Слово все вокруг внезапно потеряло цвет. Неподвижно-унылое серое небо, бетонно-серые стены домов, металлически-серые решетки оград, зернисто-серый растрескавшийся асфальт, по которому порывы ветра несут грязно-серое месиво из обрывков газет, мятых стаканов, окурков и струящуюся змейками серую пыль, временами поднимая ее ввысь, и тогда даже воздух становится серым.

Серая рыночная площадь. Расколотые бетонные блоки топорщатся витыми штырями арматур, обшарпанные столы, переломанные пустые ящики стоят каким-то рваным, невообразимым лабиринтом. Слово кто-то внушительный, мощный бежал, не разбирая дороги, сбивая все на своем пути.

И посреди этого серого хаоса я. Медленно поворачиваясь, обвожу взглядом безлюдное пространство. Базар — и пустой? Но я тут один.

Мне не тепло и не холодно. Мне не грустно и не радостно. Мне никак. Слово все мои чувства, эмоции, мысли, желания отключились. Я не знаю, куда идти. Направо, налево, назад, вперед — все направления безразлично одинаковы. Даже не знаю, что толкает сделать шаг к серому прямоугольнику старого строения.

Грязные двери раскачиваются на ржавых петлях, не издавая ни звука. Я слышу только гулкое эхо своих шагов. Комнаты. Одна, вторая. Пусты. Заглядываю в третью — тот же безрадостный пейзаж: крашенные стены, облезлый потолок, грязный, давно не мытый пол.

Стоя спиной к двери, не вижу — чувствую чужое присутствие, и разворачиваюсь. Черные тени выстроились полукругом, преграждая путь к выходу.

Магнитным импульсом проскакивает по нервам сигнал опасности, и во мне просыпается Ужас. Ледяной рукой оглаживает спину, перехватывает горло, не давая дышать, двигаться и даже думать, а тени растопыривают призрачные руки, надвигаются, загоняя меня в угол, словно дикого зверя.

И он просыпается. Зрачки расширяются, затопливая чернотой радужку, и в полумраке пустой комнаты очертания всего вокруг становятся четче, как будто невидимый художник на пепельном фоне обрисовывает контуры дымчатых предметов черным фломастером. Чуткие уши ловят каждый шорох. Языком ошупываю медленно растущие клыки. Короткие ногти удлинняются, превращаясь в острые когти. На руках щетинится грубая шерсть. Я чувствую в себе зверя, которого нельзя приручить, который не виляет радостно хвостом, который шляется сам по себе, который сам себе выбирает путь и человека. Я превращаюсь в разъяренного дикого КОТА.

И точно как кот, что встретил на пути врага, по-звериному страшно скалю зубы, начиная угрожающе шипеть. Только тени не отступают.

Пячусь от надвигающейся опасности. Открыть беззащитную спину сродни моментальному проигрышу, а значит — смерти. Утробный дикий вопль вырывается из моего рта. Я не сдамся этой тьме. Я не дам этим черным шупальцам высосать мою душу. Я чувствую затылком тепло света, пробивающегося сквозь крохотное оконце в стене. Настолько маленькое, что человеку не пролезть, но я же кот... Гуттаперчевое, изысканное создание. Я смогу, сделаю, нужно только извернуться и прыгнуть в это сияние...

Просыпаюсь от собственного ора. Испуганное сердце долбится о грудину. Липкий пот холодит кожу. Не понимая, где я, что я, заглядываюсь в темноту ночи. Больно выкручиваю кожу на запястье, прогоняя сон, убеждая себя, что живой. Стираю со лба испарину. Блять! Снова эти кошмары.

Горечь обжигает гортань, и я до сих пор ощущаю вязкую тьму с запахом сухой серой пыли. Гнетущее, тягостное состояние, когда вроде выплыл из жуткого сна, но потянул за собой ощущения, что выдернуло из закутков памяти твоё собственное подсознание. Одиночество.

Оно всегда было со мной. Шло по жизни неотступной тенью. Ведь я всегда и везде был один. Один. В шумных компаниях, где мне было нестерпимо скучно. Один. В своих странных фантазиях, которые не с кем было разделить. Один. Даже если шел с кем-то под руку. Но тогда этот Демон скромно прятался за спиной, а теперь стоит передо мной, заполняя каждый уголок души ледяными кровью силуэтами и душит, делая мою жизнь невыносимой. Задыхаюсь. Хочется выть.

«Заткнись! Заткнись, сука! Не смей ныть!». Сжимаюсь в комок. Стискиваю зубы. Останавливаю стремительный поток мыслей, превращая голову в холодный пустой космос. Я останавливаю время, словно бесконечно падая в черную дыру. Я замираю, сминая в руках влажную простынь, и, кажется, не дышу, заключив себя в матово-черный кокон. Никто не должен видеть меня таким. Даже ты... Расфокусированным взглядом ловлю красный отсвет глаз своей кошки, что обеспокоенно крутится рядом.

— Все хорошо, девочка, — убеждаю любимицу в том, во что сам не верю. — Еще пара минут, и буду в порядке.

Вытягиваюсь на матрасе. Тупо, без мыслей пялюсь в потолок. На виске что-то дергается, пульсирует, с каждой секундой усиливая головную боль. Тяну в себя тяжелый, густой воздух. Надо успокоиться, но организм не осознает реальность, до конца не пробудившись ото сна.

— Пошли, Маркизка, кофейку, что ли, сварим.

Кошка отвечает на своем, и я понимаю, что вместо кофе она предпочтет кусок парной говядины.

Спящий город. Безликие дома смотрят на меня из темноты черными глазницами окон. Слышу тишину ночи, что нарушает только легкий шум закипающей в турке воды да отдаленный гул никогда не засыпающих дорог. Вдыхая, зябко повожу голыми плечами и понимаю, что ни о чем не жалею.

Это было правильное решение — вырвать страницу за страницей из альбома под названием «Моя прошлая жизнь».

...Еще лежа в больнице, сам позвонил девчонке, которую, кажется, любил, и отпустил на все четыре стороны. Чего портить и ей жизнь? Да и она вроде уже сама все для себя решила.

Когда вырвался из больничных палат, первым делом безжалостно смел свои страницы в социалках. Удалил все свои фото, шапочные знакомства, ненужные контакты. Сменил симку. Я ушел в тень.

И наконец оклемавшись, принял самое главное решение — сменить место жительства. Разрушить окружившую меня в родительском доме гнетущую атмосферу сострадания, что душила, сжимаясь кольцами удава, день за днем. Просто больше не мог смотреть в переполненные слезами глаза матери. Надоело делать вид, что не замечаю ходящие на скулах отца желваки. Заебалось ВСЕ! Того Дениса уже нет. И никогда не будет. И не нужна мне ничья жалость. Мне никто не нужен. Я справлюсь сам.

Переезд в пустующую после смерти бабули однушку в центре города занял один день. Словно в известном стишке: ноут, рюкзак, картонка и маленькая кошечка. Моя Маркизка, русская дворовая сямка, когда-то подобранная на улице крошечным блохастым комочком костей и кожи, переехала со мной. Первая вошла в пыльную, пропахшую нежилым квартиру, где сразу стала полноценной хозяйкой. Обнюхала углы, поточила когти о старую мебель, отправилась обследовать кухонные шкафы в поисках домового, чтоб заключить мирный договор о ненападении, мимоходом интересуясь, где будет стоять ее лоток и кого мы будем жрать на обед. Так и начали обживать — вдвоем.

К черту ремонт и перестройку. Обшарпанность старых обоев закрыли бесчисленные постеры рок-групп, крутых байков, футуристических пейзажей, замещаая обыденность бежевого цвета энигмой черного. И среди этой вычурно брутальной тьмы как несбыточная мечта — белое розовое пятно О-Ханами*.

Ну что ж... Как сказал Лакан*: «Фантазии должны быть нереальными...».

«Вот и я буду жить, как доктор Жак прописал, — горькая усмешка кривит губы. — Теперь все мои фантазии будут нереальны».

Впрочем, нет худа без добра, и если я не могу воплощать свои мечты, то все еще могу исполнять — чужие. Начал с местных «синяков». Сунул по столынику деревянных на пропитое рыло — и на городскую свалку отправились совковая мебель, пылесборники ковров, все зеркала, кроме того, что в ванной, взгляд на которое бросаю только в случае крайней необходимости — побриться. Бесит эта пидерасия на лице. Даже сейчас не могу изменить своей привычке — держать фейс в чистоте. Попытка отрастить бороду и усы окончилась, едва начавшись: щетина росла клочками, да еще и рыжеватая. Так что на хер эти эксперименты!

Зато эксцентричный плод моих дизайнерских усилий по обустройству жилища удался на славу — не напрягает глаз и прост в использовании. Минимализм рулит. Вместо дивана — фuton на полу. Самое то для моей осанки, которую частенько поддерживают жесткие ребра корсета. Низкий стол, удобное мягкое кресло с кучей подушек, купешка в прихожей, маленький холодильник с мясом для любимой девочки. Что еще нужно человеку и одной кошке для обыденной жизни? Разве что турка да пачка хорошего кофе...

— Какой же решительный я был год тому назад... — Еле успеваю снять с огня убегающий бодрящий напиток. — Брал, и одним ударом катаны разрубал все канаты. А теперь что?.. Сам себя не узнаю. Молча выслушиваю невообразимый бред, мнусь невинной институткой на допросе, да еще и Лиса приплел разгребать всю эту хрень... До сих пор не пойму, что это было, но было это нечто невообразимое...

...Я сидел в Сети и почти никого не трогал. Мирно ждал доставку ужина, а до кучи и завтрашнего завтрака: традиционно русские суши и такая же русская пицца, — как на сцену вышла Она.

— Значит, фейковую страничку зарегистрировал?! — прилетела ко мне «молния» и громом среди ясного неба вдарила по темечку.

— Не понял... — В полнейшем ахуе моргаю на монитор глазами. Ну есть у меня запасной аэродром, так это вапще мой личный необитаемый остров, про который ни одна Пятница не знает. — Что за наезды?

— Не делай из меня дуру! — Я чуть ли не слышу ее крик. — Это же тоже твоя! — И мне, камнем в огород, прилетает ссыль вместе с очередными обвинениями: — Проверку решил устроить? Мне?! Что за игры ты ведешь?!

Изо всех сил пытаюсь увернуться от прилетающих булыжников — слов, но, как ни стараюсь, не получается. Каждый попадает в цель — по моим расшатанным нервам, и психопат во мне включается моментально. Не знаю, что и подумать, но вывод напрашивается тривиальный: девчонка меня разводит или набухалась «от счастья».

— Успокойся! Я ни хуя не пойму, о чем ты вообще говоришь. — Меня раздражают ее выходки.

«Что за собственническое поведение?! Может, я и делаю глупости в Сети, но чего я точно не делаю — так это никому и ничего не обещаю!» — Скрежешу зубами и борюсь с желанием прямо сейчас, сиюминутно, послать подальше и поглубже. Но снова выслушиваю откровенную галиматью:

— О твоей странице второй. Ты с нее ко мне яйки подкатывал! — Меня изнутри окатывает кипятком. Давно не краснел, но сейчас сижу и чувствую, как горят скулы.

— Ты с дуба рухнула? — Если бы буквы могли рычать, они бы это сделали. — У меня одна страница! — не моргнув глазом вру, тем более что отчасти говорю правду: играла я веду только с одного аккаунта.

— Меня не проведешь! Твой «почерк» ни с кем не спутаешь. Вы выражаетесь одинаково! Так высказываешься ты, и никто, кроме тебя! — сыплет на меня аргументами подруга, отчитывая совсем как законная супруга, которой у меня никогда не было. — И с кем еще ты с нее шашни водишь?

— Следуя твоей женской логике, сам с собой! — высказываю первое пришедшее на ум умозаключение, которое проще всего приравнять к абсурду. — Дурею с твоих фантазий! — Я не просто дурею, я словно взбаламученный коллоидный раствор.

Перехожу по ссылке и... выпадаю в осадок. Етит твою мать! Что происходит?! На аватарке скалит зубы горячий рыжий плут. Да и никнейм более чем знаком — ЛИС!

Это его страница. Парня, который однажды поступался ко мне в друзья и которого я уже не мог выкинуть из головы. Парня, в словах которого я видел свой взгляд на мир, читал свои мысли. Парня, думая о котором, я впервые так остро ощутил тоску, понимая, что не смогу познакомиться с ним поближе, и что-то сдавило за ребрами тисками сожаления. Парня, чей онлайн-огонек раздувал во мне обжигающую искру непонятно на что Надежды, которую я сразу же и гасил собственным Практицизмом: «Нет. Не в этой жизни».

— Я человека едва знаю. — Даже не пойму, почему оправдываюсь. Может, и правда чует женское сердце, что рыльце у меня в пушку. — Пару недель как в друзья добавил.

— Не ври мне! — снова буквенный ор из монитора. — Этот Лис — твоя собственная тень!

— Конечно! И как ты только догадалась? Я бы сам не додумался такой трюк провернуть, — следуя рекомендациям психологического айкидо*, тут же соглашаюсь с умопомрачительной ахинеей, понимая, что объяснять, что и как сбрендившей дурехе сейчас бесполезно, да и не хочу я ничего с ней насчет Лиса перетираться. У меня курьер со жратвой в дверь ломится.

Специально не подхожу к монитору, пытаюсь успокоиться. Разглядываем с Маркизкой суши, открываю коробку с горячей пиццей, что наполняет кухню ароматом копченостей, но аппетит у меня, как и настроение, ниже среднего. У кошки таких заебов нет, поэтому делюсь с ней рыбой и возвращаюсь в дурдом «Замонитория», где ждет подружка со скалкой и очередным измышлением:

— Значит, это какой-то старый знакомец, которого ты ради забавы пригласил надо мной покуражиться!

— Покуражиться я над кем угодно и без чьей-либо помощи могу, если мне в жопу стрельнет. Но мысль хорошая, — приправляю свои слова международным океем. — Может, и правда попробовать?

— Да ты, кажется, уже попробовал! Признайся, повиртил с этим Лисом? — новые «догадки» моей подружки меняют русло, впрочем, не изменяют направления с ахинеей на абсурд. Хочется приложиться лбом о столешницу.

«Ну как?! Как ты могла до этого додуматься?!» — вопрос, на который ни один мужчина не сможет найти ответа.

— В замочную скважину подглядывала? — Огрызнуться — первое, что приходит в голову, однако следом включаются мозги: — А-а-а... Я понял. Ты сама пофлиртовала с этим перцем и сейчас пытаешься на меня стрелки перевести. Ахренеть! — Голова выдает трезвые мысли, однако Ревность сорокаградусным пойлом бьет в печень, вот только не пойму, кого ревную.

— Дэн, это не так.

— Конечно так!!! — Моя уверенность в этой догадке растет с каждым мигом, как и градус Ярости, которую пробудила моя внутренняя подозрительная особа. — Ты уже настолько хорошо, видимо через спектрограф, его изучила, что сравниваешь со мной, — выстраиваю логическую цепь, в чем я всегда был силен. — И не просто сравниваешь, а практически путаешь, кто есть кто!

— Дэн, я только пару раз с ним поговорила ни о чем, и все, — теперь уже моя подружка уходит в глубокую оборону.

— Ну да, с этого все и начинается... — Подпихнув очередную подушку под поясницу, следуя железному принципу, что лучшая защита — это нападение, и чувствую, что если сейчас меня что и остановит, так это бетонная стена. — Сначала пару минут ни о чем. Потом пару раз от зари до зари на чисто конкретную тему! Да, родная?!

Злость кипит, и руки так и чешутся вьебать кулаком по монитору. Надо успокоиться, остыть, а то сейчас подниму Ревность до оранжевого уровня опасности. Вскидываю с места, будто и не болит ничего. Топаю в ванную. Как обычно, не включая свет, умываюсь, пытаюсь холодной водой смыть с себя эту опасную энергетику.

Маркизка, чувствуя мое состояние, мудро усаживается на подоконник и оттуда наблюдает за моими метаниями, намывая усатую мордочку. Плещаюсь в кресло и скрежещу зубами, не столько от боли в переломанных костях, сколько от все возрастающего желания зайти в настройки и в очередной раз щелкнуть по строке «Вы можете удалить свою страницу». Так бы и сделал, если бы не новое сообщение и следом картинка плачущей в ладошки девушки.

— Не говори так, Дэн! Ты делаешь мне больно...

Ох уж эти женские слезы... Пусть и виртуальные. Настоящие, к счастью, не вижу, но совершенно отчетливо чувствую. Это тот самый вид оружия, перед которым я всегда капитулирую, сразу и безоговорочно.

— Бля-я-я. Ну не плачь, пожалуйста! — На душе паршиво. Понимаю, как конкретно влип. Приручил дуреху, хотя вроде и не хотел. Да и она мне то и дело твердила о прививках и иммунитетах, но, видимо, против моей хЕризмы они не сработали. — Не реви! Все будет нормик, — как могу успокаиваю девчонку. — Сейчас я с этим рыжим плутом разберусь.

Разбираться и тем более ругаться с парнем, на которого не первую неделю неровно дышу, желанием не горю. Но надо же перед своей виртуальной «дамой сердца» себя показать джентльменом, которым я никогда не был. Да еще и Лис сам на рога лезет со своим приветом.

Зависаю в диалоговом окне, разглядывая огненные языки пламени, и... меня несет, как по бездорожью да еще и без тормозов. Только чувствую я себя в этой беседе не рыцарем в доспехах и уж тем более не штурманом, а системой стабилизации, которая ни хрена не работает. Кажется, еще миг — и крушение неминуемо, и тут сработал «ручник»!

Не знаю, что он ей говорил, какие нашел слова, чтоб успокоить бурю в стакане, но шторм как-то сам собой утих. Моя дама отправилась на боковую, а мы...

Скажи я ей, что она сама и стала тем мистически решающим фактором, что в один вечер сблизил нас на порядок, — так ведь не поверит. Но...

Все хорошо, что хорошо кончается. А этот безумный вечер закончился именно так. Мне было очень хорошо. Легко и просто болтать с ним, сначала ни о чем, а потом уже до зари на чисто конкретные темы. Слушать его фантастические и смешные истории. На время забыв обо всем, я словно занырнул в другой мир, и он мне нравился. Я чувствовал его как свой. Да еще и этот его закидон. Ведьмак... Сложно поверить, но чем

Бес не шутит. Станный этот парень. Очень странный. Но тем и интересен.

Все-таки все наши встречи не случайны и существуют какие-то высшие силы, что сводят людей в этом мире. Ведь мы с Лисом были в одном шаге, в одном вздохе, в одном ударе сердца от того, чтобы не встретиться никогда, сделай я тогда то, что наметил еще несколько недель назад. И погода ведь была соответствующая.

...За окном первый дождь после бесконечно долгой зимы смывал с планеты остатки снега, обнажая свинскую сущность ее цивилизованных обитателей. Тяжелые капли бились рваным ритмом брейккора* в стекло, оставляя на нем живые, постоянно меняющиеся мокрые тропки.

Ненавижу и люблю такую хмарь. Люблю — потому что на небе не видно солнца, что стало для меня ненужным, а посему раздражающим фактором. Ненавижу — потому что упаковка обезболивающего почти пуста, но ни ее капсульное содержимое, ни подушка под беспрестанно ноющей спиной, ни Маркизка на задранных на стол ногах не приносили облегчения.

Так и тянуло впасть в жесткую депру, распусть сопли. Вон... даже весна за окном рыдала. Только я, кажется, разучился. Говорят, слезы облегчают душу. Может, поэтому на моей было так тяжело. Все раздражало, и особенно остро — очередная сетевая подруга, что, забив на все мои большими буквами написанные предупреждения про «нехуй со мной дружить...», кажется, втрескалась в эту мою безликую персону по самое не могу.

И я уже тоже не мог. Устал от ее все более настойчивых просьб предъявить фото, ну хотя бы глаз, от заманчивых перспективами приглашений в гости. И я даже несколько раз собирался и ехал к ней в душном плацкарте вагона, но, конечно же, следуя своему непреложному правилу, только в мечтах. Устал от ее заебов, нравоучений и — особенно — тараканов в голове, которые с моими ну никак не уживались. Устал так, что даже дату наметил для очередного «конца света» для этих отношений и этой страницы ВК, и не по календарю мая, а по воле ее безликого повелителя. Отличная такая дата — День дурака.

Вот только нечто непостижимое не дало мне привести приговор в исполнение. И это непостижимое — ОН, что словно в насмешку постучался в друзья в тот самый первоапрельский день.

Все-таки время — странная материя. С одними оно проносится шальным ветром, с другими замирает затхлым смрадом, не давая нормально дышать. Вот и тогда: я тонул в сопливом болоте, не чувствуя дна, погружался в топкую трясины и вдруг увидел протянутую мне руку.

Увидел и ухватился за нее и... мое время пустилось вскачь. Да таким резвым галопом, что я тупо забыл про намеченный «армагеддец», а потом и вовсе отложил его до худших времен. А пока они не наступили, мне интересно узнать поближе этого человека. Тем более что он предложил такое прикольное развлечение. Поистине достойный оппонент. И я во что бы то ни стало хочу переиграть этого хитрого Лиса...

И переиграю! Вот прямчас! Только подружку эту истеричную спать отправлю, что-то совсем я к ней интерес потерял.

— Детка, мне поработать нужно, — гоню, как Пинокио, хорошо хоть нос не растет, а то у меня большие пиздежпроекты на сегодняшний вечер с Лисом заготовлены. Даже теряюсь, что бы этому Ведьмаку такого сверхъестественного рассказать. И не просто рассказать, а в такой клубок сплести быть и небыть, дабы никакой Экстрасенс не смог распутать, где тут нить правды, а где откровенная ложь. И уж поверьте мне на слово — в этом деле я мастер с большой буквы «М». Я переплету!

— Привет, Лис. — Радостно улыбаюсь парню, наконец-то появившемуся в Сети. — Как ты? Отошел после вчерашнего?

— Дэн, если ты про ту красавицу, то лучше не напоминай. У меня сразу глаз дергаться начинает, — хохмит мой собеседник. Ну, значит, в порядке. — Сам-то как?

— Да что со мной будет? Это ж тырнет. По морде никто не заедет, напополам не перепилит. Максимум, что мне грозит, — баня. Но это «горе» я как-нибудь переживу.

— Нравится мне твой настрой, — откликается Лис. Видимо, чувствует этот эмпат мое к нему расположение. — Ну что, продолжим нашу игру? Только сегодня я бы хотел услышать что-нибудь интересное от тебя.

— Прям щас и услышишь. Так что наливай чай, развешивай уши и подключай все свои ведьмовские сенсоры. Или у тебя тентакли*?

— А ты извращенец! Нафантазировал уже, как я тебя ощупываю тен-так-ля-ми своими? — Прыскаю в кулак, вспугнув пригревшуюся кошку. Он что, со мной заигрывает?

— А что тут фантазировать? Когда я уже чувствую, как ты их ко мне тянешь, — подыгрываю Лису.

— Это хорошо, что чувствуешь, Тогда чувствуй, как я тебя сейчас ими опутаю. — Сила внушения, конечно, вещь серьезная, но только не со мной. Гипнозу мое сознание не поддается. Однако я вроде бы действительно чувствую чье-то присутствие, и мне становится немного не по себе. Но это лишь миг, и Лис возвращает меня к действительности: — Так чем ты меня сегодня порадуешь?

В груди стремительно разгорается Азарт. У меня столько желаний, и они такие противоречивые. Я хочу выиграть в этой игре, и одновременно проиграть. А особенно жажду поверить, что Лис действительно сможет «ощутить» меня, как он выражается.

— Расскажу я тебе, как однажды на звезды смотрел, — начинаю свою игру, вытягивая ниточку правды. — Так что опутывай, слушай и решай, где правда, где ложь...

...На дворе стояло теплое бабье лето. Погода ясная, безветренная — самый сезон для астрономических наблюдений в средней полосе России. Ну и само собой, у студентоты факультета астрономии начались первые практикумы на природе. Только я к ним никакого отношения не имел, ну разве что косвенное. Просто парень я всегда был любознательный и любвеобильный, а группа, в которой в основном учились мечтательные девочки, — параллельной.

Слово «практика» уже о многом говорит. А вылазка за город — это вообще спешл предмет: там всегда все самое интересное и неприличное происходит. Ну, ты меня понимаешь. Ночь, луна, тепло чужого тела... Так что планы у меня были грандиозные: как минимум — потискать пару девиц, а как максимум — развести хоть одну на романтический трах в кустах сирени.

Вот и напросился в сопровождающие к компании знакомых и не очень девчушек на звезды глянуть. И что больше всего меня радовало — членосолец я в этой группе один, как перст.

Собрались мы чин чинарем у выхода из общаги. Девчонки все принарядились по-походному: джинсики в обличку, свитерочки прозрачные, ну и объемные рюкзаки, в которых, как я предполагал, лежали тетрадки и небесные карты. Я, как истинный ловелас, налегке. У меня все, что нужно, всегда с собой: смазливый мордех на лице, хорошее настроение под ним и пулеметная лента презиков в кармане. Если не использую, то хотя бы подругек развлекаю запуском воздушных зондов в космос.

Выдвинулись мы в поход. Шутки, гомон, я, конечно, уже по пути прикидываю, с которой реально замутить, а к каким даже и подкатывать не стОит, по обоюдотупым на то причинам: или у меня на них не стоИт, или они мне не дадут.

Железнодорожный вокзал. Пригородная электричка старательно трясет девичьи прелести и мои мощи целый час, прежде чем мы дружной толпой десантируемся на станции, которая одним своим названием — «Обсерватория» — говорит о том, что мы прибыли в заданное место и в правильное время, ибо уже вечерело.

Как оказалось, до «места» пришлось еще топать и топать по грунтовой дороге, дремучим лесом да в такую крутую гору, взбираясь на которую, я пару раз представил себе зиму и прочные ледянки, а еще пару раз сбил дыхание, так как попутно непрерывной болтологией, коей наукой я владею в совершенстве, пытался произвести на окружающий меня прелестный контингент неизгладимое впечатление.

Когда наш звездный десант добрался до спрятанного во сыром бору небольшого научного поселка, солнышко уже ушло за горизонт, и как-то ощутимо попрохладнело. Пока нашли обиталище научного руководителя этого проекта — совсем стемнело, и температура окружающей меня среды упала до неприлично низкой для надетых на мне легких джинсов и такой же ни хрена не фланелевой рубашонки.

Девчонки скромно стучатся, ну совсем как внучки к бабушке в сказке про Красную Шапочку. А когда двери обшарпанного одноэтажного строения а-ля сарай открываются, то на пороге оказывается совсем не старенькая бабушка, а вполне так себе молодой, хоть и сероватый «Волк».

Из светлого проема двери, откуда так приятно потянуло теплом обжитого жилища, высунулся молодой мужчина в очках, которые своими диоптриями лишь немного уступали телескопу. Парень невысокий и явно не из качков, ну типа меня, задохлик. Не красавец, но и не совсем обезьяна. Было в нем нечто неуловимое, что делает человека обаятельным, освещая изнутри сиянием недожинного интеллекта.

Стоит и недоуменно на нас пялится, типа «вам кого, детишки?». Девчонки ему объясняют, что на практику прикатили и ключи нужно добыть от секретных башенок с оптическими приборами. Я скромно в сторонке стою. Чего соваться? С ключевыми вопросами они и без меня разберутся. И одного не пойму: почему этот одичавший в пригородных лесах препод на меня так пристально пялится?! Наверное соображает, что я на его курсанта не похож. И что? Может, я студент по обмену? Из Зимбабве приехал на Северное полушарие посмотреть.

Хмыкая в кулак, когда вижу, что интерес в глазах «Волчонка» с каждой секундой превращается из любопытства в откровенную похоть. Видимо, в этих лесах негусто было и с бабушками, и с «Красными Шапочками». Ну так и на мне сказочной шапки вроде бы нет. Хотя от ушанки я бы сейчас не отказался.

Парень из дома в чем был выполз, очки снял, стоит ручонками машет, показывая студенточкам, как в этой тьме тьмушей, по лесу, до телескопов добраться. Но одного не понимает: что, сделай мы шаг от этой освещенной площадки в ту сторону, куда он перстами тычет, там не то что телескоп — член свой в штанах не найдешь. Все покрыто мраком.

Заполучив заветный ключик, идем темным лесом за каким-то интересом, о коряги спотыкаемся, разные волшебные слова с языка так и улетают прям в космос. И не только волшебные.

Даже слепой бы заметил, как серьезный научный сотрудник на меня чуть ли не слюной капает, а девчули мои явно зрячие были. А уж какие языкастые! Всю дорогу, не в космос, а конкретно ко мне, летят подкол за подъездкой. И откуда в нашем интеллигентном обществе столько яйщиц* развелось?

Огонь в моих чреслах поубавился, причем буквально. И не только оттого, что в мой огород голубыми камешками кидают, но и по чисто материальным причинам: одет я в одну пижонскую рубашонку, а на улице хоть и лето, но какое-то бабское. Шестидесят минут тому назад жарко было — и вдруг такой конкретный дубак. Теоретически погреться можно о какое-то девичье тело, а практически эти тела из рюкзаков куртки повываскивали и все, как одно, заняты, причем не мной — вполне конкретной звездой в руках, а теми, которые журавлем в небе.

И кажется, эти далекие миры им гораздо интересней, ибо девчата сразу окунаются в исследования, настройку приборов, отметку найденных звезд и туманностей на своих картах. И все своим миром захвачены и намека не дают на жаркую ночь.

Как ни обидно, но я остаюсь не у дел. Впрочем, занятие я для себя нашел — исследовал ближайшие кусты и помечал их, так как мой мочевого пузырь явственно и регулярно сигнализировал о переохлаждении системы жизнеобеспечения. Взбунтовался не только мочепровод, но и система безопасности. Все мои инстинкты обострились. И не то чтобы страшно, а просто как-то неуютно в этом окутанном ночью лесу. Кругом какие-то тени непонятные, пiski подозрительные, шорохи настораживающие, хорошо хоть волки не воют. А человек я цивилизованный. Сразу как-то на свет потянуло, и на хуй эту романтику и ночное небо. Не догоняю я, что в этом прикольного, даже когда девчонки орут мне из неотопливаемого помещения: «Денис, иди сюда, взгляни на Андромеду!».

Посмотрел на мутное блюдечко в пару сантиметров в поперечнике, и что? В голове куча злободневных вопросов: «А работающие батареи тут не предусмотрены? А пожарить кто-нибудь взял? А ночевать мы вообще где будем?»...

— Ну и, конечно, как бы какую из «Андромед» не на расстоянии в два с половиной миллиона световых лет рассмотреть, а так сказать, осязать всеми доступными чувствами. Тактильными! Да, Дэн?! — встречает в мое повествование Лис.

— Вооо... — улыбаюсь я подмигивающим смайликом. — Нравится мне твоя понятливость.

— Только понятливость?

— Не только. — Не хочу откровенно признаться парню, что он мне нравится на каком-то подсознательном уровне, но и отрицать его достоинства глупо. — Язык у тебя хорошо подвешен. Не расскажешь мне, как ты мою подругу в чувства привел? Мне эта загадка покоя не дает.

— Как-нибудь, но не сейчас, Дэн. Сейчас я само внимание. Слушаю твой рассказ.

— Окей. Только не забудь. Ну так вот... — продолжаю продолжать.

...Облегченно вздыхаю, когда мои звездочки насмотрелись на свои звездюлины и закрыли этот чертов куполообразный сарай на замок. Время за полночь. Плетемся обратным курсом, и снова к дверям этого очкастого.

Как ни странно, «серый хищник» не спит — в окнах хибары свет так и манит своим теплом. Видимо, этот «Волк», как и все астрономы, «сова».

Отмечает «санитар леса» в журнале, что мы в его бору ничего не спалили и не порушили, а сам опять на меня из-под очечек зыркает. Ну мне-то его стрельба глазами по фене, мне бы поскорей до общаги добраться и в кровать занырнуть.

И тут выясняется, что с «занырнуть» — еще один облом: первая электричка только рано утром, а пятизвездочной гостиницы для туристов в этих краях не предусмотрено. Нет и трехзвездочной, и вообще никакой. Зато в нашем полном и бесплатном распоряжении лес, небо и звезды.

Девочки между собой перешептываются, в каком из окружающих нас совковых бараков на ночлег притулиться. А меня вариант «барак» ну никак не устраивает. И то ли от голода, сжимающего мешок желудка в наперсток, то ли от холода, а замерз я как цуцик, то ли от злости, что поехал я за ягодками, но даже ни цветочка не сорвал, стрельнуло мне в жопа́ньку хоть как-то развлечься — стресс снять.

Стою за спинами девчонок и премило на препода зубы скалю, да еще и, уловив момент, подмигнул, словно мне комар в глаз залетел. И ведь этот очконавт заметил. И не только заметил, но и правильно мои намеки истолковал. Поплыл весь, засиял не хуже α Большого Пса. Сириус, епина мать!

И все вроде бы на мази, но есть одна проблема, вернее две: на хвосте девчонки и палиться особо не хочется.

Провожая усталую компанию до ближайшего строения времен царя Гороха, в котором, видимо, обитают бедные сотрудники со своими разнесчастными семьями. Как шпионы заползаем в обшарпанный подъезд. Оглядываю «царские хоромы», и до меня доходит, что в этих условиях я не то что девушку на секс не разведу, но и потискаться элементарно не уговорю. Забитое детскими колясками и каким-то хламом в мешках помещение так и кричит антисанитарией. Что уж говорить о личном пространстве?! Выбор койко-мест небогат, но и альтернативы нет. Тут, по крайней мере, не так холодно, как на улице.

Но мне холодно и здесь. Девчонки в предусмотрительно взятые с собой куртки укутались. А мне кутаться не во что. Я бы, конечно, с какой-нибудь из них согретую одежду снял и на себя напялил, но это как-то не по-мужски, да и не налезет на меня ни один их этих цветастых пуховиков. Я хоть и не Геракл, но и не настолько мелкий.

Принимаю для себя окончательное решение. Девчонки разместили свои тельца на пыльных мешках, я тоже сбоку пристроился, но ровно на пять минут. Ибо мне, по версии для девчонок, резко приспичило отлить.

Отливать мне уже было нечем, так что — по сказочному канону, в третий раз, — направил я свои стопы напрямик к препода: потолковать на чисто мужские темы за, так сказать, рюмочкой чая.

Подхожу к знакомой двери, хочу постучать, но дверь не закрыта. Значит, ждет меня этот полуночник...

— Смело, — вновь встречает Лис, видимо, увлеченный моим захватывающим рассказом.

— Ну, а что терять? — усмехаясь, мотивирую свой поступок. — Ночь осенняя длинная, и это ж не мой препод, зачет от него мне на хрен не нужен, но уж больно охота было этого одичавшего куратора подразнить.

— Подразнил? — Даже не знаю, почему я чувствую раздражение в этом коротком сообщении.

— А ты дослушай — и узнаешь, — призываю Лиса к вниманию, ибо самое интересное для его ушей, по моим прогнозам, впереди. — Так вот...

...Просовываю голову — этот «Серенький Волчок» в растянутых трикошках чайник кипятит. Я ему говорю: «Игорь Евгеньевич, нальете чайку? А то я так замерз, что даже переночевать негде».

И он мне тут же, сияя, как Арктур*: «Проходи, Денис. А может, чего покрепче? Для согрева?». Меня, конечно, согрело уже то, что мужчина явно заинтересован, раз имя мое в девичьей трескотне своим локатором уловил да еще и запомнил, хоть я и не представлялся...

— Фамилию можно? — неймется «внимательному» слушателю, и мое первоначальное недоумение, вызванное этим странным вопросом, внезапно сменилось необъяснимым предчувствием опасности.

— Лис, а если я напишу, ты этого перца найдешь и устроишь ему допрос с пристрастием? — спрашиваю, и понимаю, что говорю на полном серьезе.

— Надо будет, найду, — не менее серьезно выдает Лис, совершенно сбивая меня с дурашливого настроения. «Да что с этим парнем? Порой он откровенно пугает».

— Я сейчас не буду тебе ничего рассказывать! — отправляю грозному адресату не менее грозную, но ложную угрозу. Конечно, я не собираюсь останавливаться на полуслове. Мне победа как воздух нужна*.

— Ладно-ладно. Продолжай, — милостиво затыкается Лис, подтверждая свои намерения слушать смайликом с заклеенным ртом. (:-X) — Только без интимных подробностей. Общие черты.

У меня брови невольно ползут вверх. Откровенно не понимаю реакции Лиса на мой рассказ. Он же вроде гей, с какого же его так бесят еще не

поведанные мной «подробности» гомосекса?

— Ну вот, я только хотел улетное порево рассказать, а ты весь кайф обломал — притворно обижаюсь. Хорошо, что Лис не видит, как я пытаюсь губы надуть, а то бы со смеху не только Маркизка покатила.

— А что я обломал?! Продолжай! — настойчиво требует мой собеседник, и на какое-то мгновение я чувствую себя партизаном на допросе.

— Вот гад! — не могу сдержать рвущихся из меня эмоций, что вызывает этот парень своими заебами. — Уши развесил, да еще и командует.

— Я не гад. Я самый БЕСподобный! — прилетает мне в ответ «скромное» заявление, вызвав приступ хохота. Мда-а-а... Так меня еще ни с кем не кидало — от злости до радости за полминуты.

— Ты ахуенный! — на гребне счастливой волны отправляю Лису комплимент, который и сам был бы не прочь получить от него, и пока тот, видимо, нежится в лучах славы, продолжаю рассказ.

...Закрываю я дверь, чтоб какая мошкара на сладкое не налетела, а парень сразу отменяет официоз: «Да можно просто Игорь», — и так на меня поглядывает. Прямо ест глазами.

О чем мы потом болтали — неважно, только за горячим чаем с черствыми баранками я совсем разомлел. В животе потеплело, кровушка разморозилась, так и норовит мне в голову ударить, иль еще куда...

— Еще немного, и я научусь кусать свои локти. — Новая реплика Лиса заставляет меня рывкнуться:

— Еще немного, и я зачту тебе техническое поражение, потому что ты мне рассказывать не даешь! — В диалоговом окне повисает пауза. «Может, и правда пытается себя съесть?». Так что пока Лис собственные кости не обглодал, нужно побыстрее рассказ закончить.

...Встаю из-за стола и рассыпаюсь в благодарностях: «Спасибо, Игорь. Приютили, подогрели...». А он приблизился и за плечи так нерешительно приобнял: «Денис, а ты уверен, что согрелся? Ночь длинная, куда торопишься?». Да я куда и не торопился, но для проформы морду удивленную сделал — типа «че тебе от меня нада»? А Игорек лапками по моим рукам осторожно ведет, в глаза заглядывает и меня, беспартийного, не спортсмена, но, несомненно, невъебенного красавца, целует.

А губы у него мягкие, словно у девчонки, ну и я его тоже приобнял. Целуемся уже вовсю. Шарим друг по другу ладонями, изучаем. Он на меня напирал, я уже на столе сижу. Он между ног стоит, меня через джинсы ласкает. Само собой, я возбуждился, да и у него в растянутых трикошках явно всё нормик...

— Лис, что-то ты такой тихий? — Меня серьезно напрягает повисшая в эфире тишина. — Мне уже нужно бояться?

— Дэн, я и так знаю, что ты меня боишься. Правда, пока еще не понял почему. Бояться меня стоит, но только не тебе. Рассказывай давай.

Я настолько потрясен грозным закидом, что не нахожу что сказать. Получается, что Лис действительно чувствует мои эмоции. Ведь я то и дело гашу в себе эти произвольные вспышки то тревоги, то паники, то мандража. Вот и сейчас, чувствуя легкий испуг, дописываю рассказ...

...Аспирантик меня на стол заваливает. Я голову вывернул от поцелуя, говорю: «Игорь, я снизу не буду!». Он трется о меня стоячком и гнет свое: «Денис, ты чего? Давай не ломайся. Ты ж понимаешь, что сверху тебе не светит», — и меня к столу всем весом прижимает.

Мне, конечно, охота, но вот снизу я никогда не хотел, хотя и был иногда. Просто беда — ростом и комплекцией не вышел для полноценного Верха, но характер тот еще.

Я и глазом моргнуть не успел, как шаловливые ручонки пуговицы на рубашке расстегнули и уже за ремень на джинсах взяли...

— Просил же, без подробностей! — обрывает меня Лис, и следом оскаленные, раздраженные «морды» выстраиваются в ряд. — Короче! Наутро у кого зад болел?

Продолжать эту дурацкую историю у меня уже никакого настроения нет. Не знаю, почему Лис так агрессивно настроен. Я же спокойно выслушал рассказ про его шашни, а тут просто выброс эмоций, которые каждый раз заставляют меня сжиматься в комочек.

— Лис, так мы вроде играем, и вопрос я задаю. — Пытаюсь унять в себе поднятую этим заэкраным Ведьмаком волну, поглаживая маленького антистресса на коленках. — Верить, что зад пострадал не у меня?

В эфире напряженно искрящаяся тишина. Мне так интересно, чем в данный момент занят Лис, что фантазия тут же подкидывает картинку высокой башни древнего замка. Трепетный огонек свечи мерцает во тьме, бросая тени на напряженное лицо молодого мужчины, пристально вглядывающегося в наполненный белесым дымом хрустальный шар. Всклопоченные пепельные волосы шевелит тянущий из бойницы сквозняк. Чувственные губы что-то безмолвно шепчут. Длинные пальцы рисуют над шаром пассы, заставляя сферу оживать. Он поднимает взгляд, и я, словно отпрянув, впечатываюсь в спинку кресла. Его зрачки фосфоресцируют зеленым светом.

— Знаешь, Дэн... — поток моих фантазий прерывает месседж Лиса, — у меня противоречивые чувства: я верю и не верю твоему рассказу. Хотя, не скрою, он мне понравился своей открытостью. Я это очень ценю. И еще я узнал о тебе много нового. Первое: ты би, и меня это безумно радует! У меня есть шанс! Второе: ты невысокого роста, ну это относительно меня, и худой. Хотя я это и так знал, но все же доказательство приятно получить. Третье: ты учился в вузе, где параллельным факультетом был астрономический. А значит, ты, скорей всего, физик.

Я читаю сообщение Лиса и столбенею в полном смысле этого слова. Вот же... Он собрал обо мне инфу! НЕТ!!! Я САМ ПРЕДОСТАВИЛ! Никому же и полслова не рассказывал, а ему выложил. Сам себе задаю вопросы и на них же и отвечаю: «Меня это тревожит?» — «Нет!» — «Я жалею?» — «И снова нет!» — «А вот вопрос, что значит "У меня есть шанс!"?» — «Он на меня виды имеет? Вот это поворот»...

На горизонте начинают пробиваться первые лучи. Рассеивают ночь, словно прорезая черный полог бритвами. Прозаично, но Лис так же ворвался в мою тьму, вскрыл легко то, что я столь старательно укрывал. Почему, не знаю! Не трушу, признаюсь себе, что за то небольшое время, что мы знакомы, Лис успел мне понравиться. И не просто понравиться. Он меня волнует, как бы абсурдно это ни звучало.

— Лис, скажи, а ты случайно в спецслужбах не работаешь? — единственное, что нахожусь ответить этому самоуверенному плуту.

— Не-е, я бизнесмен, хоть и не совсем удачливый.

Я ощущаю грусть в его словах, хотя чуть ли не через слово в тексте идут улыбки. Я тоже так умею. Ты не проведешь меня, Лис.

— Как ты же и сказал, Удача, как и Судьба, тварь изменчивая и продажная. — На меня это не похоже — ободрять, поддерживать почти незнакомого человека. Почему с ним все иначе? — К такому, как ты, она повернется и встанет в правильную позу.

— Дэн, мне кажется, мы поменялись местами. То я тебя уверял, что в жизни все может случиться. Теперь ты меня. — Подмигивающий смайлик (:-)) вызывает улыбку.

— Почему нет? Знаешь, я могу быть очень хорошим другом, — пишу и понимаю, что кривлю душой. Он был бы последним, для кого бы я захотел стать другом. Но другого варианта у меня пока нет.

— Ты же не веришь в дружбу?!

— Может, верю. Может, не верю. Знаешь, я порой треплюсь просто так, от скуки. Сочиняю, придумываю. Что-то кому-то доказываю. Спорю. А самый элементарный способ подлить масла в огонь — отрицать очевидное. Я делаю это не со зла. Я просто так живу. Понимаешь? И мне по большому счету фиолетово, верят мне или нет. Человек — сложный механизм. Он видит то, что желает увидеть. Но почему-то мне очень хочется, чтобы ты видел за моими сказками истину. Видел и верил...

— Я тебя понимаю, Дэн, и безоговорочно ВЕРЮ!

*****

<https://www.youtube.com/watch?v=tlJspWy3sB0>

Примечание к части

Музла под настрой:

Psygram – Dance of Shadows <https://psygram.bandcamp.com/track/dance-of-shadows>

L'One - Возвращение <https://www.youtube.com/watch?v=tlJspWy3sB0>

Непонятки и цитатки:

О-Ханами* - праздник цветения сакуры в Японии http://st.gdefon.com/wallpapers_original/1328_yaponiya_sakura_most_2950x2094_www.Gde-Fon.com.jpg;

Жак Лакан* - французский философ и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Лакан,_Жак;

Психологического айкидо* - Литвак Михаил <https://www.litmir.me/br/?b=17678>;

брейккор* - стиль экстремальной электронной музыки. <https://www.youtube.com/watch?v=WRvyEIVS16w>;

тентакли* - щупальца;

яойщиц* -

Мне победа как воздух нужна* - что-то из прошлого века));

Приютили, подогрели...* - х/ф «Ирония судьбы, или С легким паром!».

Часть вторая. Надежда. Песнь первая. Евангелие от Елисея

Если Вера уходит истерзанной в кровь,
Ей на смену является призрак Надежды,
Облачённой в летящие флёром одежды,
Заверяя: всё будет чудесней, чем прежде,
И на трон возводя чаровницу Любовь,
Вопреки всем безверным, и снова, и вновь.
Жаннна ибн НннеЯ*

— Мерин, сам подумай, чем мне гээнкашник-то* поможет? — пока наше такси толкается в извечных, как человеческая тупость, пробках, пытаю рыжего, словно буденновский конь, парня, получившего столь нелепое погоняло за фанатично нездоровую страсть к мерседесам и еще, наверное, за свою огненную масть.

— Ну не скажи. Это же одна структура, — возражает абсолютно убежденный в своей правоте Мерин, сопровождающий меня на встречу с очень влиятельным человеком, который, как он уверяет, решит все мои проблемы. — Если он сам не подсобит, так посоветует, что делать, или даст тебе кого-нибудь в помощь. Сто пудов.

Сам понимаю, что именно эта «стопудовость» и стала решающим фактором, перевесившим чашу здорового скептицизма по поводу целесообразности встречи и моего упорного нежелания кланяться кому бы то ни было, выворачивающего душу болезненной для меня противоестественностью.

Самурай из Казахстана по-восточному приветливо раскрывает перед нами двери в новомодный японский ресторантик. Проходим к столику, ведомые симпатичной девчонкой в атласном платье а-ля кимоно. Не отказываю себе в удовольствии скользнуть взглядом по спинке и ниже.

Всегда считал: чтобы мужчина перестал смотреть на женщин, ему нужно выколоть глаза, в противном случае он все равно будет пялиться. Даже такой тип, как я, что и на мужские задницы засматривается.

— Я б ей вдул... — следуют похабный коммент и придушенный смехок Мерина, за что «вдувальщик» тут же получает неболезненный тычок кулаком под ребра.

Нам приветливо улыбаются, приносят меню. Заказываю чайник зеленого жасминового чая в ожидании. Нервничаю. Хотя с чего бы? Я знаком с этим ментом, пересекались уже, общались, но все как-то вскользь.

Мент задерживается. Явная тактика показать, кто здесь главный. Андрюха вовсю развлекает меня рассказами про очередную пассию, какую-то малолетнюю девчонку. Никогда не понимал и не принимал его увлечений, хоть и сам тот еще экспериментатор, но малолетки... Точно нет! Почти не слушаю его, да и мысли с какой-то нездоровой одержимостью вьются вокруг Дениса.

Интересно, а сколько Дэну лет? Даже когда смотришь на человека глазами, видишь не реальный возраст, а прожитый опыт. Мы несем в себе отпечатки наших прошлых жизней. Они словно кольца у дерева. И ты порой читаешь вселенскую мудрость во взгляде ребенка. Такие глаза бывают у детей, познавших боль, потери. А бывает так, что смотришь на седовласого человека, который, прожив жизнь, по сути своей остается дитем. И это не плохо и не хорошо. Это просто данность.

Но в случае с Дэном все так сложно. И дело не в том, что он скрывает лицо, а в том, что Дэн умело закрывается, прячется за масками. Он словно на качелях балансирует от детской непринужденности до мудрости старца, и это сбивает с толку. И все же чувствую: он младше меня, и не только в этой жизни, но и по числу прожитых циклов, вот только пока не могу понять насколько.

— Пришел, — полушепотом говорит Мерин, вырывая меня из раздумий, и чуть заметно кивает головой, указывая в сторону дверей.

Смотрю на приближающегося коренастого мужчину чуть выше среднего роста, за сорок. Волосы зачесаны набок, скрывая начинающиеся залысины. Но все еще красив, статен.

Каждая мелочь выдает в нем мента, хоть он и в штатском. И дело даже не в пистолете, только для приличия прикрытом не застегнутой кожаной курткой так, что рукоятка выглядывает из-под мышки. Именно внутренняя сила, осанка, выправка, цепкий взгляд карих, почти черных глаз, да и каждое движение, твердая походка выдают человека, знающего себе цену и привыкшего повелевать.

Он видит нас, кивает. Как мы и думали, мент пришел не один. Рядом с ним высокий мужчина, помоложе его, но старше меня. Деловой костюм сидит на нем «идеально» — как на вешалке, настолько он худой. Светлые пряди уложены в простую прическу. Высокие скулы, орлиный нос, в меру полные губы, необыкновенно красивые глаза — редкого ярко-синего цвета и такой же пронзительный, пытливый взгляд. Я замечаю, как парень сканирует обстановку зала, и уверен: он срисовал всех сидящих, приметил каждую деталь.

— Я позову, как понадобится, — небрежным движением руки старший останавливает подлетевшую было сервис-девушку. — Парни...

— Борис Николаевич... — приветствую уже знакомого мента, пожимая его крепкую ладонь.

— Елисей... — Мужчина демонстрирует цепкую память, несмотря на наше шапочное знакомство, и я переключаю внимание на его спутника.

— Александр Дмитриевич, — представляется мужчина и расплывается в такой обворожительной улыбке, что на глазах молодеет. — При своих можно Саша.

— Приятно познакомиться. — Пристально смотрю в лучащиеся добродушием глаза, морщинки в уголках которых говорят мне, что у стоящего напротив веселый характер, несмотря на не самую легкую работу. Красивый мужчина, про таких говорят: возраст нипочём.

— Взаимно, — Александр, так же пристально смотря, сжимает мою руку узкой холодной ладонью с длинными красивыми пальцами.

Слишком долго стоим, слишком долго палимся, да еще и, как два идиота, улыбаемся друг другу. Надо бы разорвать затянувшийся визуальный

контакт, но никто из нас двоих, похоже, не собирается отвести взгляд первым. Я-то поступаю так с одной для себя целью — пытаюсь проникнуть в черепушку стоящему напротив симпатяге, и читаю его с легкостью, как открытую книгу, не видя негатива. Наоборот, теплые волны откровенной симпатии исходят от мужчины, и чувствую, взаимно.

«И как тебе такому работается в ментовке? Не представляю, — задаю мысленно вопрос, глядя в яркую синеву, и снова уплываю: — А какие у Дэна глаза? Почему-то он всегда от меня отворачивается. Вот же чер-р-рт».

— Саша у нас работает в весьма известном месте. Звучном таком, для сериалов, — вклинивается в нашу визуальную дуэль Борис и сразу переходит к делу: — Итак... Рассказывай, Елисей. Что случилось?

И я рассказываю. Коротко и по делу. Как пригрел под боком крысу, а та отодралась и, как в сказке, бежала, хвостиком махнула, яйцо упало и разбилось. Только это яйцо — мой собственный бизнес, с нуля поднятый. А крыса — мой друбан, так называемый.

Смотрю во внимательные глаза Саши. Исходящая от него энергетика изменилась. Он сейчас так собран, напряжен, словно натянутая тетива лука. Контрастно отличается от того улыбающегося мужчины, что недавно жал мне руку. «Охотник. Защитник, — думаю, удивляясь, что есть еще такие среди продажных блюстителей закона. — Вот, оказывается, ты какой на работе». И это вызывает еще больше симпатии к совершенно незнакомому мужчине.

— Дело — херня. Выведенного яйца не стоит, — дружески похлопывает меня по плечу Борис Николаевич, вселяя в душу слабый огонек надежды. — Решим! Пару запросов. Негласно подадим в розыск. Найдем! Куда денется? В России, как нигде, работает поговорка «Был бы человек, а статья найдется».

«Вот поэтому я и стараюсь лишний раз не пересекаться с большим братом», — мысленно отвечаю большому менту, посылая куда подальше и его покровительственный тон, и твердую руку на своем плече, но в лицо улыбаюсь. А куда деваться? Сейчас от настроения этого Биг Босса зависит мое будущее.

А в настоящем для нашей компании подают суши на бамбуковых подносах с зелеными розочками васаби и розовыми горстками маринованного имбиря, теплые, свернутые в трубочки осибори* — обтереть руки — и светлое пиво. И вечер летит за серьезными разговорами, несерьезными шутками, правдивыми и полуправдивыми историями.

Я потихоньку расслабляюсь. Отпивая пиво, слушаю очередную байку Мерина и подколы Бориса Николаевича в ответ.

— Саш, можно же без отчества? — обращаюсь к менту, который не столько ест, сколько смолит, прикуривая сигареты одну от другой.

— Конечно. Я же сейчас не на работе, — мужчина улыбнулся, снова продемонстрировав, как меняет его это незамысловатое действие. Словно два разных человека обитают в одной оболочке.

— Ты какой-то задумчивый, — пытаюсь разговорить Александра, который кажется мне более простым и открытым, чем кидающий на меня изучающие взгляды и тем настораживающий Борис. — Проблемы?

— Да у меня из головы все одно дело не идет, — вдохнув очередную порцию никотина, решает поделиться тощий курилка. — О неуловимом домушнике.

— Ну прям как «Неуловимые мстители», — ржет захмелевший Андрюха.

— Хрен его знает, что за «мститель», только он и правда обносит вот такие хаты... — Похлопав ладонью по плечу, Саша обозначает наличие погон у хозяев. — Мы уже какой месяц за ним гоняемся, и все мимо смысла. И что самое странное: все квартиры стоят на охранке. Экипаж группы задержания приезжает за пять минут, а его и след простыл. Что мы только не делали! Чердаки, крыши, подвалы и даже соседей шмонали. Ни хрена! Всегда разные дома, всегда четко сработано. До приезда охранки он успевает обчистить квартиру и просто раствориться в воздухе.

— Точно призрак, — опять вставляет свои пять копеек Мерин, за что заслуживает злобный зырк от меня.

— Нам уже по шапке дают и грозят погоны сорвать, — Сашка снова затягивается, спалив чуть не четверть сигареты, и блаженно прикрывает глаза, выпуская дым. — Вор наглый, ничего не боится. Словно и правда бессмертный.

— Да смертный он, — тихонько отвечаю, поглядывая на Александра, перед которым в пепельнице растет гора окурков, словно ежик топорщась в разные стороны желтыми фильтрами, а еда так и остается нетронутой, будто питается парень святым духом, ну или сигаретным дымом. — Просто любит покататься, — тяну интригу, играя на нервах мента.

— Не понял, — Сашка смотрит на меня, а у самого тик дергает мышцы над бровью.

— Лифтер ваш вор, — решаю пощадить нервную систему следака и высказываю то, что было для меня очевидным с самого начала. — Он в шахту лифта залезает и катается, дожидаясь, когда охранка свалит. А потом под видом работника ЖЭКа спокойно уходит.

— Ты откуда знаешь? — удивленно таращится на меня Александр, на минуту забыв про свою дымящуюся соску.

— Просто знаю. — Пожимаю плечами и, откинувшись на спинку стула, напускаю тумана: — Чуйка у меня на такие дела. Вы проверьте. Я ж могу и ошибаться...

— Спасибо, — снова погрузившись в раздумья, тянет Сашка на автопилоте, видимо, переваривая полученную информацию, потому как, судя по практически нетронутому японским яствам, переваривать ему было больше нечего.

Спинным мозгом чувствую на себе чей-то неотрывный взгляд. Отворачиваюсь от ушедшего в себя Александра и встречаюсь взглядом с Борисом Николаевичем, что разглядывает меня с неподдельным интересом. Становится не по себе. Но я не привык опускать глаза, каким бы тяжелым и испытующим ни был взор. Криво улыбаясь, салютую ему бокалом.

Борис Николаевич не пьет, его бокал как был полон, так таковым и остался, в отличие от наших, что по третьему кругу обновились. Понимаю, что засиживаться не стоит и пора уходить, ибо промилле во мне начинают коварно посылать в мозг непонятно какие мысли под этим гипнотическим взглядом черных глаз, да и надеюсь, ждет меня в сети один более интересный перс, чем собравшиеся за столом.

Странное чувство. Голова полна какими-то чужими жизнями и моей смутной надеждой на успешное решение проблем. Перед взором мельтешат глаза... залитые пивасом серые, заинтересованно-веселые синие, пронзительно-серьезные черные. А душа... Душа тянется к Денису. Я еще не с ним, но уже ментально сплетаюсь, словно под кожу вживляю в себя, и тело отзывается легким возбуждением.

Чем сейчас занят Дэн? Охмуряет очередную девицу-красавицу? Или, может быть, парня, подцепив на дерзкий язык? А может, думает обо мне? Мне почему-то неприятна сама мысль о его шашнях, и греет призрачная возможность, что он может ждать моего появления в Сети.

Горячие струи смывают бесконечно долгий день и чужую энергетику. Хочу почувствовать его ауру без примесей, в чистом виде.

«Ощущает ли Дэн мое незримое присутствие? — И прыскаю в кулак, когда наконец-то открываю страницу ВК и вижу целую кучу приветов. — Ощущает!».

— Ли-и-ис!!! Ты здесь? Кукуй! — вопит утреннее сообщение. — Ты по каким норам весь день ныкаешься? Вылазь! — требует послеобеденное. — Ну вот, игнорит, прАтивный! Лан, пошел спать... Один! — хулиганит вечернее, но я знаю, что этот полуночник не спит.

— Дэн, ты по мне соскучился? — Не могу удержаться, чтоб не подъебнуть парня.

— А то! Я тут уши приготовил очередную сказку послушать, ну или как вариант тебе лапши навешать, а в результате весь день у окна сижу, на дорогу смотрю, слезы утираю, переводя салфетки не по делу, — тут же отзывается мой безликий шутник.

— Ну не плачь, я всегда с тобой, — отшучиваюсь, высылая изображение коробочки салфеток. — Хочешь, слезки утру?

— Обойдусь! Зараза!

— Я не заразный, но ядовитый.

— Ага, я уже чувствую странные глюки. То чудится, что кто-то за спиной стоит, то кажется, что в окно подглядывает, а это, оказывается, Ведьмак туману напустил.

— Да, признаюсь, моя работа. — Улыбка сама тянет губы. Приятно понимать, что человек чувствует мои тянущиеся к нему энергетические потоки. — Забыл предупредить: противоядия нет.

— Пока не уверен, что нуждаюсь в медицинской помощи, — подмигивая, зубоскалит Дэн. — Мне нравится это состояние легкого наркотического опьянения.

— Если я стал для тебя наркотиком, ничего не имею против, — подыгрываю парню. Совершенно забывая, что нас разделяет пространство, словно глаза в глаза смотрю своему собеседнику. — Только я навряд ли отношусь к легким опиоидам*. Привыкание быстрое, с подавлением воли и возрастающим желанием.

— Не испугал! Мою волю подавить сложно. Свободолюбие — просто нереально. Желания у меня и так запредельные, но, кажется, я к тебе действительно привыкаю, — исповедуется Дэн, радуя меня чуть язвительной прямоотой. — Так что хочу ежедневную дозу «ЛИСицина», а то я сегодня в одном изысканном обществе профессоров филологии тусил и чувствовал, что мне остро не хватает огонька, ну или огненной лисицы, чтобы все там спалить на хрен. А у тебя как день прошел? — обыденный вопрос, но и он заставляет что-то внутри вибрировать, откликаться мыслью: «Ты интересуешься мной».

— Слетал на один японский островок, — интригую парня, делясь заботами дня. — Встретился с высокопоставленным сегуном.

— Ого!!! Суши, саке, гейши... — подначивает меня Дэн. — Я тоже часто так летаю: один клик — и телепортнулся с Запада на Восток. Еще клик — и хоть на обратную сторону Луны...

— Если бы в один клик можно было все проблемы решать... — Хорошо, что Дэн не видит, как тяжело я сейчас вздыхаю. Не-е-е, на хрен этот реал! Я сейчас с ним, в нашем мире, вроде бы и нереальном, но для меня с каждым днем все более осязаемым.

— Не знаю, как все, а некоторые вполне реально, но только если траблы у тебя в Сети, — делится со мной Дэн, видимо, опытом своей паутинной жизни.

— Увы, отрешиться от реального мира не все могут.

— Как нехрен делать, стоит только захотеть, — не унимается Денис. — И поверь мне, в виртуальном мире жить легко и просто. Только никогда не забывай соблюдать правило трех «Н»: никому не верь, никого не бойся, ничего не проси. И все будет чики-пуки. Да и затруднения в Сети — они если и есть, то плевые. Ну залез куда-то, насмотрелся чего-то, возбудился ненароком. Случается с каждым и решается за минуту...

Слушаю непонятно на что намеки, и невольно думки улетают не в ту степь, или в ту... Меня стремительно накрывает жаркой волной, заставляя нейроны раскаляться от постоянно бегущих по ним переменных токов.

— Надеюсь, ты не во всем такой шустрый, — подъебка сама собой слетает с языка, и я чувствую смущение Дэна. — Знаешь ли, некоторыми «картинами» я люблю наслаждаться с чувством, с толком, с расстановкой... — откровенно заигрываю.

Жду его ответа, в нетерпении елозя в кресле. Меня отчаянно прет от фонтана его эмоций. Это словно искушать того, кто и сам готов быть Дьяволом-искусителем, но пока еще сдерживает себя. Интересно, как честен он будет сейчас, или опять нацепит маску циника и отшутится?!

— Лис, я тоже люблю посмаковать изысканные «блюда». А вообще по жизни я очень даже шустрый! Тебе до меня еще расти и расти.

Улыбка растягивает губы. Вот это заява! Такой наглости я не ожидал. Это же брошенный мне вызов! Ну, заяц, погоди... Решительно вскакиваю с дивана и беспардонно сбрасываю с себя домашние шмотки.

***** <https://www.youtube.com/watch?v=xVangwHvI60> *****

— Дэн, ты что, решил со мной пиписьками помериться? — Нахально ухмыляясь, просовываю ноги в широкие штаны хакама* и заматываю длинные, рассчитанные, видимо, на борца сумо, ленты пояса на талии. — Не стоит недооценивать противника. — Натягиваю на плечи кейгоки*. Защитный нагрудник «до»* на пузо. Расшитый канзи «победитель» передник «тарэ»* на причинное место. Рукавицы «котэ»*, естественно, не на ноги. Экипированный по всем канонам кендо, выхожу на помост, предупреждая наглого соперника: — У меня за плечами столько боев, что тебе и не снилось.

— Да ты что? — Мой соперник уже во всеоружии. Напяливает на голову мэн*, только огоньки глаз фосфоресцируют за решеткой шлема зеленым. — Неважно, сколько у тебя проведено боев. — Боккен* со свистом рассекает воздух. — Важно, сколько у тебя в этих боях побед и поражений.

— Дениска, не играйся с огнем, — как ребенку, грожу парню пальцем, спрятанным в «котэ», но понимаю, что мой партнер не из пугливых и без поединка не обойтись. Надеваю шлем и встаю в стойку. Выставляя перед собой деревянный меч, пафосно символизирую единение духа оружия и тела. — Я опытный боец!

— А я выносливый! — выпендривается хвастунишка и, ни на микрон не уступая мне в силе духа, пытается запугать самурая улицей красных фонарей. — У меня рекорд — пять часов боя с небольшими тайм-аутами. — Боккен взлетает над головой и обрушивается на меня сногшибающим шомен-учи*.

— Хм-м-м... — Уворачиваюсь, отбивая удар своей имитацией катаны. — Зато я до первого легко могу пару часов сражаться.

— БААААУУ!!! — устрашающий выкрик Дэна, и мы вплотную притираемся друг к другу. Как два бойцовых петуха, стоим маска к маске, напирая то грудью, то плечами. — Не пизди! Не верю!

— Хочешь докажу! — Пытаюсь нанести удар, поломав стойку партнера, когда тот делает шаг вперед. — Уверен: с тобой продержусь намного дольше.

— НО-У-У-У... — грозно подвывает в ответ Дэн и, в совершенстве владея мааи*, отскакивает на дистанцию одного шага и угрожающе вытянутого вперед тренировочного оружия.

Мягко скользя босыми ногами, кружим по помосту. Примеряясь, настороженно касаемся соперника лишь кончиками мечей — так, что кажется: еще чуть-чуть, и проскочит искра короткого замыкания.

— Что, слабо? — дразню, вызывая постукивая по его деревянной катане своей. — Ну что же ты отступаешь? Докажи свою крутость!

— Да я круче Kingda Ka! * — выкрикивает Денис, демонстрируя свой боевой настрой, и кидается в бой. — Я однажды в Тихом океане марлина на спиннинг поймал!

— Мели, Емеля, твоя неделя! — Отбиваю атаку, и меч Дэна отскакивает от моего. Треск скрещенных боккенов оглушает.

— Ага, мелю. — С разворота мягко уходит за спину, но не нападает, свято блюдет кодекс самурая. — Это была просто шука. — Выжидает. Пытаясь постичь вершины матсуки* и предугадать мои действия, мастерски заговаривает зубы: — И не Тихий океан, а мЭстное рукотворное морЭ. Я у нее потребовал справедливый выкуп за освобождение, а она решила мне все пооткусывать за какие-то жалкие «по щучьему веленью». Так психанула, что пришлось мне от нее из лодки в омут сигануть.

— Шучки вообще существа непредсказуемые, как и твои действия, Дэн. — Разворачиваюсь к оппоненту лицом и, не давая ему передышки, изматываю непрерывным перемещением. — А вот мои поступки вполне осознанны. — Осторожно скользя ногой по циновке. — Я бы даже сказал: последовательны. — Серия окури-аши*, движения словно в танце. Держу соперника в поле зрения и кидаюсь в атаку. — И я вполне осознанно прыгал с парашютом!

— А я без парашюта!.. — Пускается во все тяжкие Дэн, одновременно с прыгающими шагами пытаюсь долбануть меня по темечку. — За штурвалом сидел в кабине пилота самолета с этими самыми камикадзе. И так мечтал пинка под зад отвесить тем оробевшим перворазникам, кто не хотел борт покидать. — Мечтательный раздаватель пендалей отважно скрещивает со мной деревянную катану.

— По волшебным пендалям ты мастер*. — Делаю церемонный поклон камаэ-ката и тут же кидаюсь в бой: — Самому прыгнуть слабо было?

— Ага, высоты боюсь! — честно признаваясь в своих страхах, болтун в маске ускользает от атаки и проводит обманный маневр. — Зато я был в Японии.

— Ну если ты был в стране восходящего солнца, то я полмира объездил. — Хлесткий миги-мэн*. — Терпеть не могу сладкое. — По инерции замах, хидари-мэн* рассекает воздух. — И однажды на спор спиздил в бутике дорогие шмотки. — Открываюсь лишь на секунду и завершаю атаку стремительным рензоку-ваза*.

— Я тоже люблю острые ощущения! — Кидается навстречу мне мастер меча и, делая обманный ход, проводит удар по рукавице. — Даже однажды в поиске этих самых ощущений женился.

— А я умею вовремя включать мозги. — Злюсь на «соперника», но держу лицо и ловко уворачиваюсь. Проскальзывая под занесенной надо мной рукой, тычу концом меча в нагрудник. — И не люблю, когда мне врут!

— Никогда не вру! — Бесстрашно принимает укол в область сердца. — Просто фантазирую!

— Твои фантазии мне нравятся. — Сближаюсь и, стоя в упор, через свою маску пытаюсь разглядеть его глаза, скрытые за такой же защитой.

— Но порой тебя заносит.

— До-о-о... Я заносчивый максималист, — не отступает Дэн, горит азартом. — Если секс, то до изнеможения. Если люблю, то до безумия. А если надавлю на газ, то выжму до упора. Так что тебе, Лис, все равно за мной не угнаться.

— Догоню! У меня мощный байк. И это не фантазия! — Победный цуки в защитный язычок под маской, и Денис опускает боккен. Расходимся и, взмахнув деревянными мечами, завершаем битву ритуальным осаме-ката.

Чувствую, как его прет, и так хочу запомнить эти новые эмоции, запечатлев словно мазком краски по холсту неизвестный оттенок его чувств.

— Ты увлекаешься байками? — Денис стягивает боевую маску «мэн», и я ловлю его восторг, словно наркоман упиваюсь им. Открываюсь парню навстречу и впервые за многие годы не гоню дар. Наоборот: хочу, чтобы он рос, а я смог опутать им этого человека. Он мой проводник, мой катализатор.

— Это моя страсть. — Сердце скачет в груди, как при первом заезде по весне, когда еще снег и лужи, но ты уже не можешь держать в стойле своего коня. — Я очень хочу тебя прокатить.

— А я очень хочу прокатиться с тобой, — улавливаю звенящий нерв парня и нешуточный интерес. — У тебя есть второй шлем?

— Конечно, Дэн. — Все плывет перед глазами, складываясь в яркую картинку. Я не здесь и не сейчас, но я с ним...

*** <https://www.youtube.com/watch?v=JJ76zxbRKp0> ***

...Ласково поглаживаю черный глянec спинки коня и выгоняю из гаража. Не люблю экипировку, но сейчас кожаные штаны и косуха спасут от прохладного весеннего ветра. Мне нравится, как высокие берцы жестко облегают ноги. Шлемы на головы, вскакиваю в седло, движение головой, и ты прекрасно меня понимаешь. Мгновение, и я уже чувствую твоё тепло за спиной.

Ты прижимаешься ко мне так крепко, что между нашими косухами не остается и миллиметра. Убираю подножку, завожу движок, и под нами всхрипывает мощь двухсот лошадей. Кажется нереальным остановить этот табун или укротить. Но мой конь послушен, хоть и норовист.

— Помчались? — риторический вопрос. Я чувствую, ты жаждешь скорости, адреналина.

— ДА! — твой радостный возглас. — Я никогда еще не ездил за спиной.

— Теперь будешь, но только со мной.

Опускаю на шлеме забрало. Выжимаю сцепление и, включив передачу, прокручиваю газ... Специально чуть более резко, чем нужно, — чтобы явственно ощутить, как твоё тело, повинаясь инерции, сначала отдалается, а потом сильнее вжимается в меня. Как твои пальцы стискивают мою куртку. Как твои бедра сжимают мои ноги. Как твоё грудь прижимается к моей спине.

Сто двадцать. Между шлемами работает блютуз, но я сердцем слышу твоё учащённое дыхание и уже не знаю, то ли скорость бега гепарда по саванне, то ли твои прерывистые вздохи так заводят и пьянят, что хочется рвануть в полет.

— Готов? — Голос сипнет от нахлынувшего возбуждения.

— Готов! — твой ответ эхом, и легким движением мыска переключаю передачу, наращивая скорость.

Сто сорок. Бросаю тебе предупреждающее: «Держись крепче!» и резко кручу ручку газа. Конь хрипит. Отрывая переднее колесо от трассы, встает на дыбы. Я тебя слышу. Слышу твой то ли судорожный вздох, то ли восторженный вскрик. Слышу твой трепет, что разливается по телу теплом. И так рад, что ты разделяешь со мной эту страсть, впадая в раж.

Двести. Мы летим. Зеркало трассы серой лентой взлётной полосы уходит под колеса, и мир вокруг смазывается в сплошную зелено-голубую картину. Обходим одну за другой неуклюжие тачки. Позвоночник вибрирует, и, несмотря на прекрасную аэродинамику мотоцикла, я ощущаю мощный поток встречного воздуха. Мы, словно снайперская пуля, раскаляясь, режем его. И время сжимается в миг.

— Чувствуешь? Мы так близко... — мой голос в твоей голове. — Только мы вдвоем.

— Чувствую. Это как секс.

— Да, малыш, ты верно уловил. Летай со мной.

Двести двадцать. Мы одно и одни в этом мире. Я упиваюсь скоростью, ветром и... тобой. И я знаю: ты испытываешь то же. Мысли, чувства, мир на двоих — нас не разделить.

— Может, съедем на федеральную? Там машин поменьше. А может, хочешь на запад, на восток, загранку? Только скажи...

— Нет. — Звуки глохнут. Воздух становится клейстером, ни вдохнуть, ни выдохнуть. — Так что давай, глуши движок...

Торможу на обочине, удерживаю байк, пока ты, перекинув ногу, слезаешь. Подножка, и я сам спрыгиваю на гравий.

— Что случилось? — Снимаю шлем и тянусь рукой к забралу твоего. — Давай помогу...

— Нет!!!

Чернота трещинами разрывает свет. Словно налетевший вихрь скручивает цветную картину в бурую воронку, которая утягивается во мрак, с каждым мигom все больше превращаясь в тьму. Белый шум. Струящиеся контуры. Глаза, полные боли. Его?..

Душа сжалась в пульсирующий комок. Тупо пялюсь в монитор, улавливая отголосок тщательно скрываемого отчаянья:

— Нет, Лис. Инет — моя автострада...

Примечание к части

Музло для настроя на нужную частоту:

<http://musme.audio/mp3/detsl+aka+le+truk+kendo>

<https://www.youtube.com/watch?v=JJ76zxbRKp0>

Непонятки:

Жаннна ибн НннеЯ* - талантливый рифмоплет, наш, теперь уже надеемся, БЕСменный бет-редактор и просто БЕСподобный чел.

<https://ficbook.net/authors/1597475>;

гээнкашник* - ГНК - Госнаркоконтроль;

осибори* - (яп.) — влажное полотенце, которое подаётся перед едой для вытирания лица и рук;

опиоидам* - вещества, способные, кроме всего прочего, вызывать эйфорию (например - морфин);

хакама, кейгоки, до, тарэ, котэ, мэн* - http://kendo-life.narod.ru/odejda_dospehi.html;

Боккен* - деревянный японский меч, используемый в различных японских боевых искусствах;

шомен-учи, миги-мэн, хидари-мэн, рензоку-ваза - виды ударов; если интересно, туда => <https://ukrlabel.jimdo.com/кендо-история/стили-кендо/>;

мааи* - искусство держать и выбирать правильную дистанцию с соперником;

Kingda Ka!* - <https://www.youtube.com/watch?v=vM7VV38QcOc>;

матсуки* - способность предугадывать действия партнера;

окури-аши* - скользящие шаги;

По волшебным пендалям ты мастер* - <http://vgif.ru/gifs/153/vgif-ru-23645.mp4>;

Картинки:

http://cpw.imagenavi.jp/preview/189/18981656_PW36.jpg

<http://www.kendo-sakhalin.ru/photos/jap%20culture%202015/japan%20day%202.jpg>

<https://pp.userapi.com/c639322/v639322081/32dca/90XdZQ>

Часть вторая. Надежда. Песнь вторая. Евангелие от Дениса

— Маркиза, а может, ну его на хрен? Ну договорюсь на другое время. На улице чересчур много света. Он меня точно испепелит, — ищу одну «уважительней» другой причины, чтобы только в это невыносимо яркое весеннее утро из дому не вылезать. Солнце слишком желтое. Трава неприлично зеленая. А небо выедаёт глаза своей голубизной.

— Не-уа-а-а... — категорически возражает Маркиза, вдоволь наслушавшись моего нытья. Про то, что Мирон — гад разэтакий — не может прийти, ибо в преддверии лета у него вся неделя расписана по часам. Про то, что выбора у меня не остается и надо самому хер знает куда пиздюхать. Про то, что не больно-то далеко, но от одной мысли выйти из дому — тошно и скручивает желудок. Опять эти взгляды, откровенно любопытные, а что еще хуже — жалостливо-сочувствующие. Перешептывания за спиной.

— Ненавижу! — само слетает с языка. — Думают, я их мысли не слышу? — Бросаю взгляд на мою девочку, что сидит на компьютерном столе и заботливо впитывает дурную энергетику моих терзаний. Чувствует, насколько мне хреново. Единственное существо, что любит меня таким, какой есть. Не видит монстра. — Ничего, справлюсь, — глажу по все понимающей головушке, уверяя в большей степени не ее, а самого себя. Она тут же льнет, трется мордочкой о ладонь, тычется холодным носом, как бы подтверждая: «Справишься!».

— Ладно, малышка. Собираться надо. Весь мир подождет, но Мирон никого дожидаться не станет, — отвешиваю себе ментальный пендаль, нехотя напяливая джинсы и глухой свитер.

— Мя-уса-а-а... — напоминает кошенка, чтоб куда бы я ни собрался, но мамонта по дороге завалил. А какой ценой я это сделаю, ее вообще не колышет.

— Сам знаю, — отвечаю провожающей меня в путь любимице и чувствую, как от волнения холодеют кончики пальцев. Тру меж собой ладони, выдыхая в них теплый воздух. — Вот все вы, женщины, такие, — упрекаю хвостатую малышку. — Нет чтоб поддержать кормильца. Сказать: «Да наплюй! Нефиг в городе мышей ловить. Они экологически бесполезные — все, как одна, голимое ГМО». Так нет! Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, незнаю что...

Моя девочка молчит, знает: если Остапа понесло — с ним лучше не спорить. Только нервно подрагивающий кончик хвоста выражает ее недовольство моим гундежом. У выхода накидываю мантию*, закрываюсь капюшоном ото всех и всего. Жаль, что она не делает меня человеком-невидимкой. Я бы за такую дорого заплатил. Последним штрихом — рюкзак за спину да черные «вайфареры» на нос. Красавец, бля-я-я...

— Лан, Маркиза моего сердца, пожелай мне... — Замираю у таких ненавистных дверей в реальный мир. — Хотя... лучше ничего не желай. — Глубокий вдох. Обреченный выдох. Поворот ключа. — Ну... go...

Быстро перебирая ногами, спускаюсь по лестнице. Не люблю лифты. Замкнутое пространство давит, да и сама мысль столкнуться с кем-нибудь из соседей в этой клетушке нос к носу не приносит радости. Каждый считает своим долгом заговорить, какую-нить херь спросить, а то и сочувственно заглянуть в глаза. Нах! И так знаю, какие пересуды ходят вокруг моей «пиздец какой загадочной» личности, словно снежный ком обрастая домыслами.

Выскакиваю из подъезда, решительно преодолевая точку невозврата. Разноцветная тропинка из следов снежного человека через двор. Все еще прохладный ветер весны тут же забирается под одежду, трогает раны, что, откликаясь, начинают ныть.

«Самое главное — ни на кого не смотреть», — носом в пол, придерживая разлетающиеся черные «крылья» одежды, отмеряю метры по местной авеню, ступеньки под землю, спасительный полумрак перехода, и снова на этот чертов свет.

«Никто на тебя не пялится! На хрен ты никому не сдался», — сворачиваю в парк, сокращая путь. Аллея, прохладная тень, редкие прохожие. Парень и девушка. Сразу чувствуется — по уши влюбленные. Держатся за руки, о чем-то весело переговариваясь. У меня нет злости на чужое счастье, здоровье, красоту, как нет и жалости к себе. Но, блять, как же порой тоскливо становится, когда внутри словно начинает выть какая-то истерзанная скотина, которую я придушить готов собственными руками.

«Все твои заебы у тебя в башке! — снова улица, светофор со скопившейся в ожидании зеленого человечка толпой. — О! Спрячусь за широкой спиной этого мужика». — Мужик сворачивает в ближайшую пивнушку, я остаюсь без «прикрытия».

«Ну что ты, бабуля, на меня уставилась? Дьявола не видела? Перекрестись, и, может быть, милосердный мудака на небесах тебе все грехи отпустит. А я не могу. Я злой и безжалостный», — опускаю голову, натягивая капюшон пониже, и прибавляю ходу, разглядывая трещинки в асфальте тротуара.

«Все же нужно купить тачку... — характерный рокот заставляет поднять голову и проводить по-доброму завистливым взглядом парящего меж машин черного сокола*. — Или все-таки байк...» — не могу сдержать улыбку, вспомнив вечерние вирт-покатушки.

«Круто я с Лисом полетал. Такой кураж словил, аж дух захватило», — мысли о моем новом увлечении все чаще заполняют голову, вытесняя все прочие. Лишь на миг, но я действительно почувствовал спину парня, запах кожи и ветер в лицо. Всего лишь на миг, но это было нечто.

Меня раздражает любопытство: а что еще он может делать столь же хорошо? И так и подмывает бросить ему вызов. Проверить на вшивость уверения во владении тайными силами.

«Надо почитать что-то на эту тему. Просветиться непознанным», — еще пара кварталов публичной пытки, стоянка автомобилей перед навороченным фитнес-комплексом, внизу знакомая неброская вывеска, уже так близки крутые ступеньки в подвал...

— Денис! — вырывает меня из раздумий знакомый голос, когда до спасительной темноты остается всего каких-то несколько метров. — Братишка!

Поворачиваю голову и, изображая улыбку, тихо чертыхаюсь.

— Привет, Жентос, — вглядываюсь в осунувшееся лицо кузена. Капитально он «сдулся» за три года на гражданке. Пришел из армии эдаким бугаем, а шас дрыщ дрыщом. Неужели в этом мажорном клубешнике за железом нагулянный на казенных харчах жирок спалил? Но уж больно

выглядит нездорово...

— Тебя каким ветром сюда занесло? Качаешься? — Даже не подаю вида, как меня корябнул его вопрос. Знает же, гандон, что я никуда не выхожу.

— Нет, — холодно отвечаю и мотаю головой в сторону подвальчика. — Я сюда.

— О, я тоже свою обновил, — брательник задирает рукав куртки, демонстрируя замотанное пленкой предплечье и, кажется, не собираясь меня так просто отпускать. — Ну, а в целом, как твоё «ничего»?

— Стабильно, — отмахиваюсь от идиотских вопросов родственничка, уже второй раз пожалев, что встретил его на пути. — С глупых по баксу — умному на Bugatti.

— Насколько я знаю, ты все еще безлошадный? Не наскреб на жоповозку? — скалится Жентос, а я, не ожидая выпада, чувствую, как закипаю.

— Наскреб, — скрежещу зубами. — С выбором проблемы. Разрываюсь между леопардовым «Ягуаром» и «Феррари» в яблоках.

— А я уже выбрал, — брательник гордо указывает прикуренной сигаретой на припаркованную неподалеку черно-матовую, как помойное ведро, «Калину», лежащую брюхом на асфальте.

— Мда-а-а... — всем своим видом сочувствую кузену и не могу не высказать свой «восторг»: — Я лучше буду пехом ходить, чем на этом ездить.

— Понятно, что не «бумер», зато на свои, — продолжает рисоваться парень, а я давлю внутри психа, в очередной раз пожалев, что еще не прикупил ствол. Так бы и засунул в эту поганую пасть и не задумываясь разнес к хуям пустую черепушку.

— Видать, уебался, пружины на тачке спиливая, — не могу сдержаться, чтоб не подковырнуть фанфарона. — Выглядишь не очень...

— Ой, кто бы говорил, — выплевывает Жентос и тут же осекается, видимо, заметив, как дернулись желваки на моих скулах. — Дениска, ты это... извини. Нервы. Нервы. Просто бизнес раскручиваю. Заманался. Туда-сюда, бумажки, бюрократы, кредиты... Кстати, не хочешь в долю?

— Нет, у меня свой паровоз на рельсах, — отвечаю на автомате, прикидывая, как бы мне уже разойтись с этим типом и больше никогда не пересекаться.

— Зря! Бизнес прибыльный, — расплывается брат, чуть не брызжа слюной. — Тачку на прокачку. У нас же в городе тюнинг-сервиса нет, а пацанов, что увлекаются, море. Ты и сам такой был, пока в аварию не попал, — снова бьет по больному, и я клянусь себя за то, что не послушал внутренний голос и выполз сегодня «в свет». Мысленно даю себе слово: еще один тычок с его стороны — и он будет благополучно послан на йух.

— Ну, флаг тебе в руки. Как дорастешь до Экзибита*, подгоню тебе свою убитую «япошку», может, ты из нее самокат соберешь, — плюю очередную шпилькой.

— Конечно, братишка. Для тебя все по первому звонку и по льготному тарифу, — не ржавеет с посулами если не златых гор, то чашки растворимого кофе Жентос. — Кстати, Дэн, не займешь мне денег? Буквально на три месяца. Раскрутимся махом. У меня уже и гараж оформлен, и клиентуры на год вперед. Отдам с процентами. Просто сейчас поиздержался с покупкой оборудования, даже тут... — кивок в сторону здания, —...должен остался.

— И сколько тебе надо? — Мне похрен, сколько ему надо. Мне надо отделаться от этой назойливой мухи.

— Да всего штук сто, запчасти закупить.

— Я сейчас не готов дать тебе ответ, — теряя терпение, отбалтываюсь от брательника и подвожу черту нашей беседе: — Жень, у меня запись. Сам понимаешь... — Протягиваю руку, найдя веский повод наконец-то прекратить пустой треп. — Я тебе позвоню.

— Спасибо, братишка, — хлопает меня по плечу Женька и пожимает ладонь, и я еще раз отмечаю, что от прошлого богатыря-морпеха почти ничего не осталось. — Жду звонка.

Настроение стремительно скатывается к плintусу. Звонить брательнику не собираюсь. Хотя и сумма вроде небольшая, но я бабосы тоже не на кухне рисую. Да и ноет что-то внутри скепсисом — уж больно сладко поет этот соловей. А я всегда себе говорил: сомневаешься — не делай.

Быстро спускаюсь в салон, пока еще какая хрень дорогу не перешла, и наконец-то оказываюсь в до сих пор вызывающей внутренний трепет обстановке. Полумрак, темные стены в цветных фото татуированных гостей, прославляющих профессионализм мастера, и в просто красивых постерах разрисованных чернилами тел. Рваная болтовня джаз-рока приглушает зудение машинки и еле слышные редкие стоны. Ш-ш-ших — отъезжает в сторону шторка, и навстречу, заполняя собой все свободное пространство, выходит колоритный перс из тех, кого увидишь — и уже никогда не забудешь.

— Здорово, Дэн. — Моя ладонь теряется в лапе очень крупного парня, у которого на теле, кажется, не забыты только зрачки. Даже на лысом, как колено, черепе красуется какая-то готическая вязь.

— Привет, МIRON. — Я рад видеть этого сурового на вид, но по сути очень доброго мужчину с душой ребенка.

Он один из немногих, кому я могу открыто смотреть в глаза и быть уверенным, что человек не задаст ненужных вопросов. Видимо, через его могучие, но очень чуткие руки прошло немало таких, как я, что под вычурными картинками тату пытаются скрыть оставленные жизнью шрамы.

— Я уж думал, ты не придешь, — поблескивая штангой в брови, смеется мужчина, и в его козлиной бородке, разделенной на три тоненькие косички, трясутся вплетенные бусины. Я уже и забыл, как Миронов выглядит без всех этих цацек, но для него они что-то типа амулетов, масок, ну или стены отчуждения.

— Я тоже так думал, — отшучиваюсь, заходя в отдельный кабинет и чувствуя, как сразу начинаю мандражировать при виде пыточных инструментов, с маниакальной аккуратностью заплочных дел мастера разложенных на столике.

У него все уже готово. Мой эскиз перенесен на трансферную бумагу. Из колонок льется релаксирующее музло, но почему-то производит обратный эффект — откровенно бесит. Да и нахуй оно надо? Ведь в ближайшие часы я ничего, кроме звука машинки, не услышу. Кресло готово принять меня на очередные муки. Маленькие «кнопочки» с красками, машинки, иглы, вода — все под рукой. Мирон натягивает черные латексные перчатки, на которых не видно цвета крови. И понеслось...

Машинка жужжит, я стискиваю зубы, потя, как монашка в борделе. Кожу раз за разом словно вскрывают чем-то горячим, я шиплю, временами отпуская смачные маты. Салфетки, сначала с разводами красок, а после и окровавленные, постепенно наполняют корзину рядом, а невозмутимый Мирон пропускает мои сдавленные стоны через тоннели в мочках своих ушей.

Время растягивается. Кажется, это никогда не кончится, но в какой-то момент срабатывает защитный механизм, выплескивая в кровь адреналин, и постепенно жгучая боль притупляется. И уже не так сильно чувствуется, сколько в мою кожу впивается игл — три, пять или девять.

Ровно до того момента, пока мой Мастер не сменяет машинку и не берет иглы «вуду»*. Эти пятнадцать жал, словно заклинатели боли, возносят ощущения на новый рубеж. Терпение на исходе, как и силы. Стискиваю челюсти так, что кажется: еще секунда — и раскрошу все зубы к ебням. Стону, слышу успокаивающие слова Мирона «знаю, знаю, больно» в ответ, и диссонансом к ним сильнейший нажим, слово мужик старается забить как можно больше кожи, пока я не сдамся. Сжимаю кулаки до белеющих костяшек. Ничего не помогает.

— Бля-я-я, я, наверное, никогда к этому звуку не привыкну, — что уж говорить о боли, кислотой разъедающей кожу, которую невозможно терпеть, но терплю. А по шрамам — это адская пытка, от которой начинает сотрясать все тело, когда мышцы неконтролируемо сокращаются и уже не получается отключить сознание, разложить в своей голове чувства, переключиться, так сказать, на другой канал. Боль затмевает все. Контур можно терпеть, закрас — нереально.

— Мирон, а ты на члене тоже татуху набил? — пытаюсь отвлечься от суровости происходящего.

— Показать? — ржет в голос этот извращенец, а мне не до смеху. Мне даже страшно представить, сколько боли он вытерпел, покрывая себя несмываемыми узорами.

— Мирон, долго еще? — Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота.

— Терпи, казак, и так я тебе удовольствие на три сеанса растянул, — ворчит бугай, стирая выступающую через проколы кровь. Руку так разбарабанило, словно в нее рой пчел вонзился разом, хотя это недалеко от истины. А мне уже дурно. ВСЕ!

— Мирон... СТОП! — Я готов заорать и «Красный!», лишь бы увлекшийся иглоукалыванием Мастер прекратил свою злобучую сессию.

— У-у-у, Дэн, что-то тебе взблуднулось, — опытный в этих делах мужик сует мне под нос ватку с нашатырем. — Дружбан, только давай без обмороков, как в тот раз. Ты хоть и дырщ, но мне тебя, как барышню, на руках на свежий воздух тащить влом, — продолжает заговаривать мне зубы, смазывая горящую руку заживляйкой и накладывая поверх впитывающую пеленку, концы которой крепит простым скотчем. — Все, пиздуй домой. До следующего раза.

— Ага, как только, так сразу, — выдыхая боль, словно дым сигарет, обещаю Мирону не появляться в его адском бункере как минимум пару месяцев.

— Вот нахуя взялся, если боишься иголок?! — ловя меня у выхода, задает извечный вопрос. — Через две недели заживет, и жду тебя снова.

— Тогда тебе точно придется бригаду скорой помощи вызывать, — отшучиваюсь, собираясь в обратный путь, на собственном опыте зная, что набивать по подсохшей корочке в разы больнее. — Спасибо, друг, что терпишь меня. — Брофист, и я выскакиваю из «преисподней» на свет, который на этот раз вызывает у меня та-а-а-ко-о-ой облегченный вздох.

Еще пара обязательных пунктов в моем маршруте, и можно будет надолго замуроваться в своей спасительной обители.

Мясная лавка. Звонкий дренек китайского колокольчика над дверью. Блять, народу полно! Исподтишка наблюдаю за красивой продавщицей. Улыбается, пока очередь не доходит до меня.

«Да не нарик я и не грабитель. Чего так напряглась?» — Легко читаю эмоции, молча тыча пальцем в куски вырезки для своей хищницы. Голос сразу пропадает, а может, это просто откровенное нежелание разговаривать. Расплачиваюсь и быстро ухожу, разглядывая серую плитку пола.

Снова улица. Ряд фонарей. Торец дома. Маленькая коммерческая аптека — спасение для таких, как я, которым проще сдохнуть, чем к врачу за новым рецептом идти. Нахер! Опять осуждающий тон, поучающие разговоры, как мне не полезно забивать тело тату. Блять! Жить вообще вредно! И уж кто-кто, а я точно ни в чьих советах не нуждаюсь и со своим телом сам решу, что делать.

Затарившись анальгетиками, спешу домой, как-то сразу забыв о нелегких испытаниях. Мыслями уже в своем мире, где я один и не один. Где я безлик и многолик. Где я Бог и Сатана. Где обитает столько симпатичных Бесовочек и один прикольный Ведьмак.

«Интересно, он думает обо мне? Может, ждет?» — ухмыляюсь от собственных мыслей. Я так конкретно на него подсел. Мне кажется, я думаю о нем, даже когда не хочу ни о чем думать. Впрочем, я так не умею. В голове постоянно какой-то гудящий рой мыслей. Помнится, как одна дама пыталась научить меня практике «тишины ума». Я поржал. Это точно не для моего «процессора», который выключит только фатально-черная кнопка, с нарисованной косой.

Что бы ему сегодня такого наплести? Чем бы до опупения удивить? Может, показать ему новое тату? Тут же осекаюсь. А я бы показал ему? Ведь на свои фото в Сети я давно наложил табу, но с ним меня то и дело торкает нарушить собственные запреты.

День пролетает махом, обыденные хлопоты и работа неизменно вырывают половину суток из жизни. А сегодня и глазом не успеваю моргнуть, как вечер опускается на город, и во мне с каждым мигмом все сильнее разгорается азарт. Битый час треплюсь ни о чем со знакомыми и жду его,

постоянно переключая диалог на Лиса. Но сегодня что-то не так. Он в Сети, но не пишет. Ну что ж, если гора не идет к Магомету...

— Лис, привет, — сам иду к «горе». — Знаешь, я часто думаю о тебе. А вот сейчас понял, что не знаю твоего настоящего имени. Ну не Лисом же тебя зовут. Может, это производная от фамилии? Лисицын, Лисаев, Лисань? Или все же от имени? Елистрат? Елисей? А может, Алиса или Василиса?... — Ну а чего? Неожиданно ошарашить человека — мой любимый приемчик.

— Все шутишь? — отзывается Лис, и меня окатывает холодом отчуждения.

— Ну не рыдать же мне в твою футболку, — отбалтываюсь, пытаюсь пробиться через эти льды, и, кажется, сам начинаю мерзнуть. — С тобой можно заняться вещами поинтересней.

— Да неужели? — новый порыв северного ветра. — После твоего ухода по-английски я подумал, что таким образом ты решил мне продемонстрировать, насколько я тебе безынтересен.

— Лис, не еби мозг. — Понимаю, что поступил тогда неправильно, и от этого на душе становится мутно. Но что сделано, то сделано, сейчас надо просто сгладить углы. — Раз ушел, значит, у меня были на то веские причины, — пишу, и не хочу вспоминать, как «хлопнул дверью», не попрощавшись. Не хочу, но, блять, вспоминается.

— Например... — не унимается Лис, заставляя меня нервно елозить в кресле.

— Например, отлить приспичило.

Ну не буду же я ему сейчас расписывать, как почувствовал, что теряю с ним маски, что сам тянусь навстречу и сам разрушаю стены. А делать этого мне нельзя. Потому что знаю: я снова полюблю и сделаю больно себе и — самое главное — ему. А я не хочу причинять ему боль. Хотя неосознанно уже причинил...

Не желаю я плакаться в его жилетку, как меня жестоко колбасило от одной лишь дурной мысли, что я так отчаянно хочу, блять, сесть на байк за спину этого странного парня и прокатиться с ветерком. Но ведь никогда себе этого не позволю.

Не собираюсь распускать сопли и вспоминать, как глушил в себе накатившую истерику от чисто теоретической возможности, что он увидит мое лицо. Увидит — и отведет глаза. И это видение выдернуло меня из его мира и накрыло с головой безысходностью реала.

— Это ты не еби мне мозг, — строгость тона я слышу даже без голоса. — И если тебе хуево, не убегай.

Впадаю в ступор. Не имея объяснения, как Лис почувствовал меня, в очередной раз даю себе слово держаться с ним на расстоянии и тут же сам провоцирую парня:

— Ты ж сказал, что догонишь. Или трудностей испугался?

— Я ничего в этой жизни уже не боюсь. За себя так уж точно не особо переживаю. Другое дело те, кто мне близки. Так что скажи мне, Дэн, что с рукой? — Замираю, глядя на покрасневшую кожу вокруг тату, которую распутал «подышать».

— Ничего... — У меня, кажется, холодеет все внутри, а инстинкты пробегают по коже мурашками, вздыбливая все оставшиеся не сбритыми волоски на теле.

— У тебя рука горит. Обжегся? — Не могу поверить в происходящее. Рациональный мозг орет очередное «КАК?!», и я не могу не озвучить этот вопрос:

— Как ты это сделал? — Сердце бубухает молотом о наковальню. — Ты сталкер? — тут же озвучиваю свои страхи.

— Дэн, успокойся, не слежу я за тобой. Даже не знаю, где живешь. Просто чувствую твою боль.

— Это, знаешь ли, странно. — Давлю в себе поднявшуюся панику, рука сама тянется к ляфону. Щелчок затвора, и я пересылаю изображение тату Лису. — Зырь.

— Красиво, — парень одобряет мой выбор. — Я уже ревновать начинаю. Такая любовь к кошке.

— Она моя хранильница, — пропускаю его «шуточку» про ревность, хотя губы и трогает улыбка.

— Да, я знаю. Она очень старательно тебя оберегает. — Воображение рисует мужчину, и я так ярко вижу, как он тоже улыбается. — А ты, значит, любишь боль? — Не знаю, каким местом ощущаю любопытство Лиса. И решаю срочно впрыснуть кислороду в этот огонек, тем более что мой любознательный собеседник сам нарывается.

— Это смотря какую, — меня так и подмывает раззадорить Лиса на что-нибудь горяченькое. — Боль, она, знаешь ли, разной бывает. Одну врагу не пожелаешь... — От той, что меня терзает, я бы с удовольствием избавился. Но въелась же, сука, в плоть, в кости. Хер прогонишь. — А от другой и кайф можно словить, — откровенничаю с парнем, будто знаю его не недели, а года, и сам от своей борзости ахуеваю.

— Да-а-а? — Мой Ведьмак таращится на меня глазами смайлика (O_O). — Дэн, ты мазохист?

— Госпадыбожежмой! Куда тебя понесло?! — В покатун ржу, пугая своим непривычно веселым настроением хранильницу моего печального образа.

Щекочущий нервы разговор затягивает в омут с головой, и я уже давно не обращаю внимания, как растут цифры сообщений напротив имен моих девушек. Не до них. Не хочу отвлекаться. Меня словно на качелях-лодочке то подкидывает ввысь, то резко опускает вниз, и снова вверх, до сладких спазмов в солнечном сплетении.

— Я всего лишь пытаюсь считать тебя, — кидает очередную интригу хитрый Лис, но и мы не лыком шиты. Я сейчас такую книгу открою, чтение

которой вынесет ему мозг.

— Хочешь получить ответ на свой вопрос? — Я стремительно пролистываю страницы своей жизни на несколько лет назад. — Тогда я хочу услышать твое имя и... сыграть еще партейку в «верю-не-верю».

— Не вопрос. Но начну я, — тут же перехватывает инициативу, даже в этом пытаюсь быть первым. — Елизавета! Верить?

— Неа! Лис, я про женские имена так сказал, для прикола. Если честно, знаю девчонок, которые в Сети — парни. И хоть мне и пофиг, но таких я чувствую на раз. От тебя же исходит своеобразная энергетика, присущая сильному полу. У женщин она мягче, без скачков напряжения, даже у тех, что видят себя «с яйцами».

— Ну что ж, ты правильно чувствуешь. А в предложенных тобой версиях был верный ответ, — с готовностью отзывается парень, и я буквально вижу, как горят азартом его глаза. — Мое имя Елисей...

— Королевич? — перебиваю Лиса, тут же вспомнив пушкинского героя, видимо, тоже Ведьмака, раз одним поцелуем принцесс из гробов воскрешал.

— Бери выше, Дэн, — с величием верховного правителя Лис картинно указывает дланью в небо. — Мое имя означает Спаситель. А если без церемоний — попросту Бог.

— А-а-а... — Не менее картинно закатываю глаза и передаю пламенный факелообразный привет в штаб-квартиру креационистов* прямо на Магеллановы облака*. — Теперь понятно, откуда на меня время от времени снисходит благодать.

— Рад, что ты чувствуешь мое незримое присутствие, — то ли хохмит, то ли на полном серьезе остро умничает Лис.

— А ты не радуйся, — обламываю рыжехвостому божеству веселье. — Мое имя означает, что я принадлежу Дионису, так что тебе в этом плане ничего не светит.

— А ты не расслабляйся, — грозит «спаситель». — Дионис тоже бог. А поскольку этот забулдыга только и делает, что по кабакам квасит, то и оставался ты до сих пор без присмотра. Пришлось взять над тобой шефство, чтоб такое добро понапрасну не пропало. Посему смиришься! Твоя принадлежность мне в Книге Судеб записана.

— Да ты что?! Вот прям так и записано?! — Дурею от заоблачной наглости некоторых божественных созданий. — А я думаю, что хитровыбнутость твоего ума не имеет границ.

— А зачем нам себя ограничивать, Дэн? Каждый из нас создает свой собственный мир. И кто нам запретит быть в нем Богом?

— Мне так точно никто! — безоговорочно соглашаюсь с мудростью «спасителя». — А сейчас, как владыка всея безликой страницы ВК, я желаю уладить твой слух притчей из жизни некогда веселого балагура, который свято верит, что принадлежит лишь самому себе.

— Ну что ж... Вера — дело святое, — наострил уши мой заэкраный философ-Лис. — Я весь внимание. С нетерпением жду твоего рассказа и надеюсь, что он будет не менее интересным, чем те, что ты мне уже поведал. Ведь что ни говори, а я люблю... — Намеренно (жопой чую) затянутая пауза заставляет подозрительно прищурить глаза (= _ =). — Твои сказки.

— Ну что ж... — облегченно выдыхая, передразниваю Елисея. — Надежда — это вера в исполнение желаний. И хоть я и не волшебник и не умею исполнять желания, зато очень сильно люблю... — По биению пульса засекаю время, чтобы выдержать паузу ровно на одну секунду дольше Лиса. — Эти самые желания пробуждать.

— И у тебя это отлично получается! — поет мне Оду Лис. — Уже давно хочу... — Кладу руку на запястье и считаю толчки под пальцем, понимая, что нахальный Лис не только решил меня перепазовать, но и делает это. — Познать глубину твоей... — Виртуально-трепетно выдыхает мне на ухо, и еще одна пауза переплывает все мхатовские. — Фантазии.

— Вкуси же, мой хитромудрый друг, — ржунимагу. Игра мне нравится, и так забавляться можно до бесконечности, но ночь коротка, и надо переходить ближе к делу. Перехожу: — Вкуси и насладись моим искусством владения... — Решаю сходить отлить. Чего без дела в экран пялиться? А когда возвращаюсь, продолжаю разговор: — Языком! Насладись и, испытав неземное блаженство, постарайся не выпасть из кресла и... — Хитро подмигиваю сообщнице Маркизке. — Из реала...

...Последний курс института. Несусь по финишной прямой, на горизонте виднеется цветастая ленточка. Я еще не ученый муж, но уже и не сопливый мальчик. Остается самая малость — научный труд сварганить на какую-нибудь супернаучную тему с названием, которое ты через день забудешь, а через два — никогда не вспомнишь. Вот только со «сварганить» случается конкретная загвоздка.

Лето красное пролетело в укурной компании таких же, как я, балбесов. И не просто так, а за углубленным изучением зланных мест любимой Родины от гнусно-комариной Астрахани до комарино-гнусного Алтая. Ну и никак я после таких улетных каникул из бесшабашного настроения выйти не могу, и даже не пытаюсь.

То с первокурсниками на посвящение сгонял и такую дурь там курнули, что все кровососы в радиусе поражения передохли, а от нашего нечеловеческого гогота лесное зверье и прочая нечисть до весны в норы забились от греха подальше. То на концерт любимой рок-группы в столицу свалил и на гребне поднятой стадионам фанатов волны прогудел там неделю, чуть не долетев за тридцать секунд до Марса. А то и просто по клубешникам с ночи до утра со шмарами испытывая свой организм на прочность. Прочности хватало, но ровно до утра, а вот на лекции и семинары у меня уже не стояло. В общем, ушел я в такой отрыв, как только не вылетел с последнего курса — до сих пор не знаю.

Понял, что тону, в тот момент, когда проснулся хер знает где, хер знает на ком, обдолбанный хер знает чем. Еле разлепив зенки, кое-как накатал курсовую, скопировав все слово в слово с учебника, ну разве что фамилию СВОЮ не забыл приписать. И внаглую сдал. А на наезд препода, что тут все переписано, но с тонной грамматических ошибок, гордо выдохнул перегаром: «Я не по русскому языку курсовую сдаю!»...

— Пороть тебя было некому, — отзывается притихший было Лис, и я совершенно отчетливо чувствую неподдельную строгость в его словах, заставляющую поглубже задвинуть жопку в сидение кресла.

— Во-во... Примерно то же мне заявила и преподша по психологии, по которой, к слову сказать, сохла вся мужская часть потока, да и некоторая женская тоже.

...Так вот. Сижу я на одном из семинаров таким повелителем «камчатки». Премило улыбаюсь, внимаю мудрым словам, слетающим с полных, ярко-красных губ психологини, и мечтаю о чем-то о своем... Как вдруг из этих прекрасных уст звучит фамилия моих предков. Заспиртованным мозгом понимаю, что в данный отрезок времени носителем этого звучного имени являюсь я сам, тока не понимаю, чего она от меня хочет.

А когда до меня доходит, что дама решает со мной поиграть, то сразу же и соглашаюсь. К сожалению, игра оказывается не сексуальной, а всего лишь психологическим тренингом и заключается в том, что я — типа препод, а она и все мои одноклассники — мои ученики.

Выхожу я за дверь, минуту ожидаю, вхожу в роль и с воплем «Не ждали?!» решительно врываюсь в аудиторию. Моему взору предстает незабываемая картина: двое парней на передней парте, нагло демонстрируя мне спины, возбужденно делятся с сидящими на второй подробностями прошедшего в кувыркании в постели уик-энда.

Сидящие на третьей девчонки, отреагировав на мое пришествие, как на возникший в пространстве мезон*, наносят последние штрихи на свои заштукатуренные мордашки. Следующий дружбан всецело поглощен чтением детектива, красочную обложку которого демонстрирует мне не таясь. И так далее...

На моем «камчатском троне» вальяжно восседает психологичка, сканируя меня та-а-аки-и-и-им похабным взглядом, что мне хочется прикрыться, да еще и периодически облизывает накрашенные губы. Чью роль она играет, понимаю сразу, без подсказок.

— Господа, я вам не помешал?.. — попытка номер раз привлечь хоть какое-то внимание к своей персоне в роли препода. Реакции НОЛЬ.

— Вы на меня внимания не обращайте, — оптом отпускаю занятой своими делами группе все грехи и, плюхнувшись в преподавательское кресло, задираю ноги на стол — попытка номер два.

За моими действиями следит только всевидящее око да дама на «камчатке». А мне норм. Учесть этих балбесов, что делать, если ты вдруг стал человеком-невидимкой, не собираюсь, тем более что уже замечаю припрятанный в недрах преподавательского стола журнал мод.

— Я тут в сторонке посижу, какую-нибудь «Бурду»* полистаю. — Достая журнал и раскрываю на странице с девочками в бикини.

Насладиться прекрасным мне не дают. Преподша решительно поднимается с моего места, хлопает в ладошки, и группа выходит из своих ролей. А жаль, я только освоился и из этого удобного кресла выползть не спешу.

— Спасибо, Денис, — улыбается мне эта шикарная во всех отношениях женщина. — Из тебя получится отличный психолог, однако организовать коллектив и призвать его к порядку ты так и не смог.

— А может, я просто не хотел? — скажусь на красотку. Все же как она умеет себя преподнести. Чудо, а не женщина. Сразу чувствуется: профи!

— Денис, я вижу ваше нежелание самоорганизоваться, и это может иметь плачевные последствия.

— И чем же таким ПЛАЧЕВНЫМ мне это грозит? — Смотрю на верхнюю застегнутую пуговичку ее блузки, что так и норовит выскользнуть из петельки.

— Неспособность к самоанализу и к саморегуляции, — красотка зачитывает мне длинный список каких-то терминов, на которые мне начхать. — Неумение предвидеть развитие ситуации. Потеря таких важных для будущего руководителя качеств, как самообладание, сдержанность, самокритичность, целеустремленность, решительность, настойчивость, мужественность, энергичность, инициативность...

— Ооо... — только и могу выдохнуть, глядя, как красивые пальчики в процессе перечисления всего того, что я не запомнил, сложились в два милых кулачка.

— Жаль, что в учебных заведениях отменили порку. Вот что хорошо мотивировало учащихся к самоконтролю. И отлично вправляло мозги таким оболтусам, как вы. Я бы вас, Денис, точно выпорола...

Группа раздражается диким гогом, а я конкретно хреню, ибо буйная фантазия подкидывает мне образ, который тут же въедается в подкорку и с тех пор не отпускает, да еще и возбуждает до кипящей крови. Мне под мантию попадает конкретная жожа и зудит в голове мыслью «А может, попробовать? Вдруг да поможет расприздяйство победить?».

Думаю недолго. Дури в башке много. Где искать приключений на задницу — знаю. Лезу во всемогущий инет. Предложений поиграть в Теме предостаточно. Из всего многообразия Домов выбираю ту, что так похожа на мой идеал доминантной женщины — Диту фон Тиз.

Дверь мне открывает, конечно, не Дита. Но стянутые в высокий хвост волосы и подведенные стрелочками глаза, что насмешливо-иронично оценивают мой не совсем свежий вид, заставляют приятно потеплеть в паху. А под черным шелком халатика в пол мой наметанный взгляд нагло лапает вполне соблазнительные формы.

— Называешь меня «Госпожа»? — Строгий голос женщины сразу пресекает все мои попытки восхищенно-вежливо поздороваться и отвесить ей пару-тройку комплиментов.

— Да, Госпожа. — Словно крысеныш за волшебной дудочкой плетусь за этой Леди в ее будуар или, как это у них называется, в «красную комнату», вдыхая аромат парфюма от «ЛЕТУАЛЬ»*.

«Красная комната», которую мое воображение уже рисует по всем канонам БДСМ задрапированной в багровые тона и завешенной кожаноременными девайсами, оказывается обыденной залой в бежево-розовый цветочек с заблаговременно задернутыми шторами. Но не это меня поражает в самое озабоченное место, а стоящая посреди комнаты скамья, обтянутая кожаном. А когда нанятая мной для воспитательного процесса «Дита» распаивает, а потом и сбрасывает халатик, у меня и вовсе чуть боезапас не сДИТАнировал.

Даже не знаю, как грамотно начать описание ее прикида — сверху вниз или снизу вверх, ибо мой голодный взгляд скользит туда и обратно несколько раз и все не решается на чем-то конкретном остановиться. То ли на округлых бедрах в черных коротеньких шортиках в облипон. То ли на лифе, выгодно подчеркивающим шикарную грудь. То ли на ножках в ботфортах из тончайшей кожи, натянутых выше колен.

Останавливается мой взгляд не на всех этих прелестях, а на стеке, что оказывается в ручках у Леди, пока я на ее прекрасный образ слюной капаю.

— Будешь хорошим мальчиком? — спрашивает Госпожа и на меня посматривает, в руке стек покручивая да по открытой ладонке похлопывая. У меня аж жопа поджимается и член в джинсах чего-то хочет. Но то ли от нервов, то ли от нереальности быть хорошим нет-нет да и пробивает на «ха-ха».

— Дэн, тут тебе не цирк, в глазах Госпожи поблескивает сталь, в голосе металл. — Настройся. У нас все серьезно. Я задаю вопросы — ты отвечаешь. Я говорю — ты делаешь...

Тихие слова. Ни ора, ни рывканья, но меня словно током прошибает — веселуха забивается в уголок и сжимается в изжеванный комочек жвачки.

— Повторяю вопрос: ты будешь хорошим мальчиком? — снова вкрадчиво, нарезая круги вокруг моей непослушной персоны.

— Да, Госпожа, — отвечаю, сглатывая ком в горле.

— Стоп-слово?

— Есобняллый*, — вылезает из закоулков памяти какая-то абракадабра.

— Это еще что за мат? — Госпожа поглаживает шлепалкой мою небритую щеку, а во мне волны возбуждения раз за разом накатывают в аккуратно подстриженный пах.

— Госпожа, этого никто не знает. — Самым честным взглядом смотрю в ее насмешливые голубые глаза. — Оно космическое, внеземным разумом нашепанное.

— Понятно. Раздевайся, инопланетянин, — командует дама, проводя хлопущей стека от моего загривка до задницы, и, легонько шлепнув по жопе, обещает: — Сейчас узнаешь, как у нас на Земле уму-разуму учат.

Дыхание рваное, как у быка перед корридой. Пальцы впились в ремень. Понимаю, что надо сыграть роль «хорошего мальчика» и раздеться, вот только внутреннее упрямство срабатывает блоком. Как-то привык я, что наперво женщин раздеваю, а потом уж сам оголяюсь. Да и прилетающие мне команды отращивают на голове рога, которыми я упираюсь в землю и стою, как истукан.

— Денис, ты или слушаешься, или уходишь, — холодно говорит Домина. — Время я на тебя потратила, так что денег не верну.

Слушаться никого я не хочу — это не в моих правилах. Денег мне не жалко, но, блин, нужно же все в этой долбаной жизни попробовать. Приходится ломать себя. Скрипя зубами, слушаться, раздеваться, аккуратно складывать одежду, куда указывают.

Стоять перед женщиной обнаженным, скромно прикрывая эрегированное естество, да еще и когда тебе все твои прегрешения зачитывают, оказывается пугающе стыдным.

— Ты знаешь, что непослушание наказывается? — По голой коже скользит наконечник стека, вызывая неизбежную реакцию — мурашки.

— Да, Госпожа. — Это ожидание, что в любую секунду легкое поглаживание может заменить хлесткий удар, держит тело в таком напряжении, что в пояснице начинает странно тянуть.

— Ты знаешь, что заслужил его? — Стек скользит по моим кистям, защищающим хозяйство, и следом приказ: — Руки убрал!

— Да, Госпожа, — талдычу, как попугай, и подчиняюсь, и вот теперь становится реально страшно.

— Во время экзекуции никакой брани и тем более мата! — Яйки поджимаются, когда Госпожа обводит их эластичным прутком. — Или будешь наказан дополнительно.

— Да, Госпожа, — хрипло выдыхаю, ни хрена не готовый взойти на голгофу.

— Ложись на скамью. — Ложусь, осторожно укладывая ноющий член. — Я свяжу тебя. — Ноги, талию, руки опутывает веревка, а я уже дышу через раз и то ли от зашкаливающего волнения, которое не сравнить ни с одним экзаменом, то ли от кислородного голодания в голове все мутится.

— Значит, учиться не хочешь, малыш? — И свист прута заканчивается горячей полосой на жопе, заставляя дернуться. Слушаю, как по заднице разливается боль, но вроде и не так страшно, как казалось. Вполне терпимо. — Контрольные пропускаешь. — Свист, и новая полоса обжигает кожу. — Домашку не делаешь. — Удар, и следом еще три перехватывают дыхание и заставляют инстинктивно поджимать ягодицы.

Госпожа обходит лавку, давая мне продышаться и прочувствовать, как пониже спины полыхают огнем вспухшие полосы. И я чувствую, что горит не только там, куда вкладывают науку, но и морда лица с ушами.

— Любишь старшим хамить? — Хлесткий прут, вспарывая воздух, свистит и раз за разом ложится на уже битые места. — Тебя не научили вежливости? — Мне все труднее сдерживать невольно срывающиеся стоны, хоть и не хочу выглядеть перед дамой слабаком. — Значит, я научу! — И особенно кусачие удары заставляют шипеть сквозь стиснутые зубы.

Новая смена позиции дает немного остыть полыхающей жопе. Мысли путаются, одна половина мозга вопит вскочить с лавки и удрать к черту на кулички, другая искушает проверить, насколько я восприимчив к боли и долго ли еще продержусь.

— Травку курил?! — ХЛЕСТЬ! И вместо ожидаемого мной тонкого жала на задницу обрушиваются сразу семь плетеных хвостов «кошки»*. Мозг взрывает болью, заставляя судорожно хватать воздух. — Непростительно! — Новый удар, и с языка срывается запретное «БЛЯ-Я-Я...»

— Что? — Тонкие пальцы крепко сжимают шевелюру, вздергивая голову. — Я тебя предупредила?

— Да, Госпожа... — И новая боль расцветает на ягодицах, вытекая из кожи потом.

«Терпеть. Терпеть. Терпеть...» — вздрагивая при каждом ударе, сам себе твержу, но терпелка стремительно кончается. Уже отчаянно хочется орать. Боль высасывает силы, и я не понимаю, в какой момент перестая чувствовать ее. Только шум в ушах и бешеные толчки собственного сердца...

— Понравилось? — выплывает из замониторья Лис.

— Скорей нет, чем да, — хитро улыбаясь, пытаюсь сбить Ведьмака с толку. — Я понял, что у меня против команд — внутренний протест. Подчиняться — это не мое. Тем более человеку заведомо слабее меня.

— Ну хоть в учебе помогло? — не отстает с расспросами Лис. Видимо, серьезно я его зацепил этой Темой.

— Ага, защитился на отлично.

— Молодец! Порадовал своего научного руководителя.

— Не-е-е... Я от нее, как колобок, по-английски ушел. Даже все расчеты и выкладки, из которых она собиралась себе докторскую состряпать, в мусорке сжег.

— Что так?

— Ну вот такой я козлина. А нехрен на чужом горбу выезжать. Никогда мне не нравились люди с синдромом вахтера: ничего из себя не представляют, но гонору — как у фараона в кустах.

— Дэн, знаешь, ты чудо.

— Ага, знаю. Столько начудил — жизни не хватит разгрести.

— Жизнь у тебя еще вся впереди. Я тут путем нехитрых вычислений прикинул, что мы с тобой примерно одного возраста. И все же думаю, ты младше меня, и не только в этой жизни, но и в целом.

— А-а-а... Вон оно как все закручено! А я, когда прочел это твое «мне, дураку, знаешь, сколько лет...», так сразу подумал, что тебе за полтос, и никак не меньше. — Меня разбирает смех от взглядов этого парня на возраст даже меньше, чем годы Христа. — Насмешил...

— А ты меня с каждым днем все больше интригуешь. Особенно когда вот так открываешься. — Новое откровение заставляет полыхать скулы и слегонца отомстить Лису за то, что вогнал меня в краску.

— А ты меня часто удивляешь, иногда бесишь, а порой шокируешь... — пишу поток моих шутивых для Лиса и ни хрена не смешных для меня признаний.

— Мне нравятся все твои реакции, ведь я их так остро ощущаю. А что касается твоего рассказа... Я понял, что ты любитель ласк пожестче. Но ты не настолько доверчив, чтобы подставить свою задницу хоть и морально сильному, но малознакомому человеку. Для этого надо доверять, а ты зверь осторожный. Я прав?

Зависаю, глядя на экран. Улыбаюсь, как душевнобольной, и думаю, что же ответить Лису: правду или опять заинтриговать. Обрывает поток мыслей настойчивый, словно к себе домой, звонок в дверь.

Какого хуя?! Жратву не заказывал, никого не приглашал, соседей не заливал. Сижу и слушаю электронный перезвон в тайной надежде, что вот прямшас он закончится. Ни хрена — задверный гость наигрывает какой-то футбольный клич.

— Лис, пять минут, — быстро набираю и иду к двери с жестким намерением обложить кого бы то ни было фирменным трехэтажным с завитушками.

Прилипаю к окуляру глазка и аж зубами скрежещу. За дверью стоит конкретный хуй — Жентос.

— Братуха, открывай! — этот придурок орет на весь подъезд. — Не прикидывайся шлангом, я знаю, что ты дома.

Закатывая глаза, отпираю замок, пропуская в свою священную обитель откровенную нечисть.

— Жентос, какого хуя?... Мне еще проблем от соседей не хватало! — В душе мне, конечно, срать на всех живущих в этом муравейнике, но надо же выказать пришедшему козлу свое «радушие».

Брателло по-хозяйски проходит прямо в зал, который у меня по совместительству и спальня. Маркизка, тут же превращаясь в тигрицу, шипит на парня, чувствует, насколько напрягает меня его «изысканное» общество.

— Пошли на кухню. Тут все равно сесть некуда. — С тоской взглянув на зеленый огонек Лиса, закрываю ВК, а следом и вовсе сворачиваю все окна на мониторе. Нечего кому ни попадя лезть в мою личную жизнь.

— Закуску готовь, — ржет парень и достает из-за пазухи бутылку дешевой водяры. — Повод есть!

— Жень, я не пью. Такое тем более. — Внутри воронкой торнадо раскручивается раздражение. Не люблю, когда нарушают мой покой, а когда отрывают от интересного мне занятия — люто ненавижу.

— Ну ты чего? У меня ребенок скоро родится! Прикинь! Я отцом стану, ну, а ты, соответственно, дядей. — Усмехаюсь, чувство будто текилу с лимоном заказал, а выпить забыл, только кислятины наелся. Едва сдерживаю себя, чтоб не выразить соболезнования.

— Если для тебя это праздник, то поздравляю! — Даже за стол не сажусь, упираюсь жопой в подоконник, готовый в любую минуту проводить «дорогого» гостя.

— Конечно! Это же моя кровь! А если пацан?!

— А кто мать известно? — Не сдерживая сочащегося сарказма, наблюдаю, как брателло заливает в себя водяру за двоих.

— Вот ведь ты ж язва! — будто и не замечая моего настроения, гогочет. — Да ты ее знаешь. Это подружка Гузелькина. — Упоминание имени, которое я заставил себя забыть, больно корябает по душе. — Не хочешь узнать, как у нее дела?

— Меня это не ебет, — равнодушно выплевываю, и чувствую, как желваки ходят от злости.

— Она вернулась к тому мужику, что мордень тебе так знатно разукрасил. — Я все больше убеждаюсь, что парень, прикидываясь аутистом, упорно игнорит мои слова.

— Ты пришел, чтобы рассказать, с кем ебется моя бывшая? — Скрещиваю руки на груди, отгораживаясь от этого чуждого мне мира.

— Не-е-е, ты что, братух! Я насчет нашего утреннего базара. Сам понимаешь, девка с пузом. Время не ждет. Жениться надо, а я на мели.

— Ты ж на бизнес просил, — напоминаю кузену, что утром он мне другую версию выдал.

— Ну так и я тебе про это: бизнес поднимать, жениться, детей растить, — тут же не теряется брателло, и ведь, не моргая, честно в глаза смотрит, того и гляди перекрестится.

— Для этого сотки не хватит. — Мне и считать не нужно, цены на жизнь знаю.

— А ты можешь больше дать?

— А ты не ахуел? — Убиваю братана взглядом, чувствуя, как меня уже ломать начинает от запредельной наглости этого заемщика. — Почему бы тебе в банк не пойти?

— Ну ты чего, братиш? Я и так везде, где смог, занял, а с их процентами... Выручи... Для тебя же это не деньги. Я знаю. Твой папка хвастался, сколько ты бабла рублишь...

— А ты уже дебет с кредитом сводишь в моем кармане. — Во мне поднимается вверх, словно ртуть в градуснике, что-то плотное, темное, вязкое и столь же ядовитое. Я так взбешен, что готов на все, лишь бы только отделаться от этого быдлана. Прямо сейчас! Срочно!

— Карточка есть?

— Нет. — Та крайняя степень недоумения, которая выражается емким словом «АХУЙ», — ничто, по сравнению с тем, что я вкладываю в свой проникновенный взгляд. В наше время человек без Visa — это как неандерталец без дубины, как фараон без жезла, как депутат без мандата. А этот петух без яиц сидит, кушает водку и выдает какие-то нелепые объяснения: — Закончился срок, а новую еще не получил, — и по-щенячьи смотрит в глаза. — А налом никак?..

Я в шаге от убийства. Причем покарать хочется именно так — АНАЛОМ! Одного не понимаю: что со мной-то не так?! Нормальные люди отдают руками, забирают ногами, а у меня все через этот самый анал — я, и отдавая, начинаю с ног.

Сама мысль — снова тащиться на улицу, да еще и ради этого родственничка, порождает фантазии от шести до пятнадцати строгого режима. Но с другой стороны, парень однажды выручил меня, возможно, даже спас, вовремя подогнав мне на выручку местную братву. Так что в какой-то мере я тоже у него в долгу. Чувствовать себя должником, мягко выражаясь, не люблю. И видимо, в этой ситуации придется идти на сделку с осторожным делягой, что живёт внутри.

А может, оно и к лучшему? Есть возможность прямшас вытутить из квартиры этого незваного гостя, который, судя по тому, как он с сорокоградусной подружкой пригрелся на моей кухне, покидать захваченную территорию в скором будущем не собирается. А у меня были несколько иные планы на вечер.

— Хорош-ш-шо, — шиплю аки аспид, а Жентос расцветает как майская роза. — Напиш-ш-шешь расписку.

— Да хоть две! — почуяв запах денег, этот Герасим на все согласен.

Срываюсь в комнату. Бросая взгляд на светящийся заставкой экран, хватаю тетрадь, ручку. Что-то неудержимо тянет открыть ВК, но мне нужно закончить с капитаном Мудакером, чтоб спокойно вернуться в свой мир, где меня, я уверен, ждет Елисей.

— Пиши! — Шлепаю на стол перед захмелевшим парнем тетрадь, словно выкупая для себя личное пространство и время. — Я, фамилия, имя, отчество. Беру у... фамилия, имя, отчество. Сумма прописью. Обязуюсь вернуть в такой-то срок. Ты, кстати, когда бабло вернешь? — Вполне естественный вопрос. Погодить лет сто я как-то не готов.

— Отдам буквально сразу, как... — начинает мямлить кузен, а у меня в мыслях продолжение: «первую пенсию получу».

— Нет, — сразу обрываю этот принцип неопределенности. — Точную дату пиши. Сегодня двадцать первое... Даю тебе три месяца. Двадцать первого июля, и ни днем позже, вернешь долг.

— Хорошо, хорошо. Ну ты и зануда, брат. Верить надо родне.

— Роспись, расшифровка, число, — пропуская мимо ушей про «верить» кому бы то ни было, читаю, что он строчит, и, удовлетворенно кивнув, решительно вытягиваю брата из-за стола. — Собирайся! — команду парадом. Как «Оскар», вручаю ему недопитую бутылку и подталкиваю к двери.

На минуту заскакиваю в сортир и, кажется, кипятком писаю — до такой степени бешусь. Снова невыносимая улица, благо хоть глубокий вечер, да и до банка каких-то десять минут пешим ходом. Все тело странно вибрирует, будто кровь потекла быстрее по жилам. Да еще и не отпускает странное ощущение чьего-то взгляда в спину, от которого я никак не могу отделаться.

Двери банка уже давно закрыты. Провожу картой по считывающему устройству. Огонек с красного переключается на зеленый, напоминая о ждущем меня в Сети Елисее. У меня горят щеки, видимо, вспоминает. Впервые задумываюсь, что все же надо загрузить социалку на телефон, чтобы быть всегда на связи.

Освещенный предбанник. Вмурованный в стену банкомат отсчитывает купюры, а телефон тут же пиликает сообщением, что мой личный счет обмелчал на сотку деревянных.

— Спасибо, брат, — лезет с объятиями Женька, дыша в лицо перегаром. — Ты настоящий друг! На свадьбу приходи. Свидетелем будешь, а там, глядишь, и крестным...

— Непременно и ракообразно! — Ухожу от невыносимых лобызаний, наостряя «лыжи» до дома, до хаты. — Все, Жентос, пиздуй к своей БЖ.

— К кому? Куда? — Мнет красные купюры в руках, явно теряя на радостях последние мозги.

— Да хоть под муда! — кидаю вместо прощания и прибавляю шаг. Домой, к Лису.

Даже не раздевшись, бужу ушедший в спящий режим электронный мозг, открываю ВК и недоуменно пялюсь в монитор. Шквал сообщений от Лиса заполнил всю диалоговую ленту.

— Жду, — первое и самое безобидное, сразу же после моего про пять минут, которые растянулись в сорок пять.

— Дэн, ты куда пропал? Все хорошо? Как-то мне тревожно стало, — второе заставляет медленно опуститься в кресло и серьезно задуматься над происходящим.

— Дэ-э-эн! Ептыть, ответь! Кто с тобой? Я чувствую возле тебя чужую энергетику, — третье настолько перегружает мозг, что меня окатывает жаром. Будь это другой человек, я бы просто поржал, но сейчас мне действительно становится не по себе. Скептик во мне продолжает подавать голос: «Он не гнал? Он всерьез, если и не видит, то чувствует?».

— ДЭН! ЧТО ЗА МУЖИК? — уже орет злобными рожами четвертое, а у меня все холодеет внутри. Нет, этого просто не может быть. Мой практический склад ума не в состоянии принять столь мистические явления. Но тем не менее я стою перед реальным фактом ясновидения, если тут, конечно, не какой-то трюк с тотальной слежкой. Но кто я такой, чтоб за мной спецслужбы охотились?

— Денис, ты не слышишь, что я тебя зову? — Бля-я-я... А я действительно вроде бы слышал. Нет, не голос. Но меня ведь реально так и подмывало открыть диалог.

— Денис!!! Держись от этого человека подальше! — предостерегает шестое, с которым я даже спорить не хочу. Общество любого человека в реале стало для меня в тягость. Общество Женьки — выбесило на раз.

— Понимаю, что ты всегда делаешь все по-своему, но сейчас, пожалуйста, послушай меня. Этот человек насквозь прогнивший, лживый, бездушный. Прошу, не подпускай его к себе! — Да я бы и рад, но как отделаться от немногочисленной родни, которая время от времени возникает на моем горизонте?

— Неужели так сложно заглянуть? Ты спецом закрылся от меня? Почему я тебя не вижу? — вопрос за вопросом, на которые я не могу дать ответа.

Что значит «закрылся»? Что значит «не вижу»? Я не закрывал ничего, кроме вкладки. Глаза сами собой устремляются в окно, но там ничего, кроме черноты ночи и мерцающих звезд. Я не понимаю, о чем он говорит. Но хочу понять! Я не представляю, как он это делает. Но хочу уметь так же. Мне жарко, холодно, волнительно, тревожно, любопытно, страшно — водоворот эмоций захлестывает мозг.

— Что у тебя с ним за дела? — новый вопрос, и следом угроза, от которой перехватывает дыхание:

— КЛЯНУСЬ, Я НАЙДУ ТЕБЯ И ВЫПОРЮ! ТОЧНО ВЫПОРЮ!!! — Взбешенный смайлик и следом картинка плети. — ГОТОВЬСЯ!

Еле гашу первое желание подскочить с кресла и побежать проверить, закрыта ли дверь на все замки. Рядом Маркизка взволнованно мявкает, глядя в мое ахуевшее лицо. Да что ж это такое?! Что ж меня с ним так кидает-то?! Из огня да в полымя! Я точно с ним ебнусь!

Попробовал бы мне кто другой такое сказать. Да я бы сам его морально выпорол, не жалея эпитетов. А тут сижу, как нокаутированный боец, тупо пялюсь в монитор, не находя даже элементарных слов, чтоб осадить наглеца.

— Не понял! За что? — решаюсь, наконец, откликнуться и пишу, как будто оправдываюсь: — Лис, ты чего?..

— Явился! А ничего! СНИМАЙ ШТАНЫ! — У меня глаза лезут на лоб, но в солнечном сплетении что-то стягивается в тугой комок, лучики нейронов тонко дрожат, заставляя тело откликаться весьма однозначной реакцией.

— Не-не-не... — Мозг молчит, уйдя в краткосрочный отпуск. Затаился в черепашке в ожидании новых сигналов из космоса, и я не могу ответить Лису ни подъебкой, ни шуткой, ни грубостью, ни хамством. И кажется, не хочу. И кажется, мне это не кажется.

— ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?! — Да, я слышу, и тело живет своей жизнью. Возбуждение накатывает так стремительно, что срывает с губ стон. Поправляю в штанах болезненно ноющий член, задыхаясь от переполняющих меня чувств.

Сколько лет у меня не было реального секса? Три года более-менее сносной дочки, чтобы снять накапливающееся напряжение. Три года пролистывания порносайтов, от которых у меня уже стойкая тошнота. Два года чтения порносказок, вызывающих порой вместо ожидаемого возбуждения гомерический хохот. Год вирт-развлекухи с девчулями, и первоначальная острота быстро стала привычно-пресной.

Но с ним у меня впервые так сносит башню. Впервые задумываюсь: А каково бы?.. А если?.. С НИМ! Впервые так хочу большего. И так боюсь своих желаний.

— Пошутили, и хватит, — не решаюсь. Выдохом пытаюсь унять свое мучительное возбуждение.

— Денис, кто с тобой был? — не отступает от своего Елисей. И я не пойму, с чего такой интерес? С чего такие предъявы и собственнические замашки? Он что, меня ревнует?

— Это мой брат, — не вижу смысла скрывать. — Кузен по мамкиной линии.

— Это из-за него ты так возбудился? — Кровь приливает к скулам в одно мгновение, а пересекающий лицо уродливый шрам, кажется, просто горит.

— Что? — Я не понимаю, о чем говорит Лис, работает одна голова — нижняя. — Он просто брат! И я не возбужден! — А что я могу сказать? Ну не признаваться же, что возбудился на него, которого и в глаза не видел, а только болтал в Сети. — А вот ты тот еще извращенец! — Меня колотит нервяком. Что за тараканы ползают в голове этого человека?

— Да, я извращенец, — подливает кипящего масла на мой воспаленный мозг этот Ведьмак, и меня накрывает, мурашки бегут табунами по коже. — А ты не пизди! Я чувствую твое состояние...

— Лис, знаешь что? — Я даже писать толком не могу, постоянно сбиваясь на опечатки. Хочется скрыться, проораться в подушку, как последняя истеричка. Перед глазами двоятся буквы, растекаются в серые полосы строк. Ничего не видя, ору в эфир: — ИДИ ТЫ В ЖОПУ!

— В твою — с удовольствием. Но вначале я распну тебя на кровати, стянув ремнями ноги, чтобы не брыкался. Оседлаю твои бедра и ловко заломлю руки за спину, опутав красным шнуром. Уж поверь, справиться с тобой мне сил хватит.

Горло перехватывает спазмами, болезненно дергая кадык. Не хватает воздуха. Губы сохнут от судорожного дыхания. Меня затягивает в его сети. Он опутал меня ими. Я не вижу букв, я вижу то, что он вживляет мне в мозг: яркую в своей реалистичности картину властного мужчины, восседающего на мне, уткнувшемся лицом в кровать, без возможности вырваться. Дрожь прокатывается волной, от макушки до кончиков пальцев ног.

— Нет, я не возьму сразу плеть. Вначале я отшлепаю тебя падлом, потому что удар моей ладонью надо еще заслужить. Знаешь, я наношу удары в особом темпе, когда на каждые пять нежных шлепков прилетает один сильный, обжигающий, заставляющий скулить. Шлеп — шлеп, шлеп — шлеп, шлеп — ШЛЕП!!! — Вздрагиваю от каждого слова, будто каждое из них оставляет на коже полыхающий след. Жар выступает бисером пота по телу. Я горю.

— А после люблюсь розовыми половинками. И вот когда ты уже мокрый, измученный, плавишься в истоме, трахаю тебя, полирую твою задницу так, чтобы потом долго не мог сесть ровно.

Судорожно сжимаю подлокотники кресла в новом подкате. Что он творит со мной?! Это безумие! Я не могу это унять и не могу контролировать. Лава медленно, тягуче растекается из паха по телу, плавя нутро. Я так напряжен, что ноги мелко дрожат. Даже и не осознаю, когда рука оказалась на члене. Двигается по моей воле или направляется его мыслью — мне этого не разобрать. Я не здесь и нигде. Я меж мирами. В плотном коконе разноцветных искр распадаюсь на атомы в его объятьях.

Я там, где меня касаются сильные, уверенные руки, заставляющие трепетать. Где на меня смотрят такие дикие, но в то же время такие ласковые глаза. Где я, не скрывая лица, смотрю на него. Хватаю катастрофически недостающий воздух и тону в эйфории. В остром, нарастающем по спирали, сумасшедшем кайфе.

Примечание к части

Отзвездюленные непонятки:

мантию* - <https://aliall.ru/wp-content/uploads/2017/03/1097858591-1.jpg>;

сокола* - байк Hayabusa в переводе с японского - «сокол» <https://i.quto.ru/c533x400/4f44963d3c5ab.jpeg>;

Экзибит* - пендосский рэпер и ведущий тв-шоу «Тачка на прокачку»

<https://www.youtube.com/watch?v=akG-gxhZJrQ>;

иглы «вуду»* - https://styletattoo.ru/image/data/chastokol/IMG_7111-10-01-17-08-54.jpeg;

креационизм* - мировоззренческая концепция, согласно которой основные формы органического мира (жизнь), человечество, планета Земля, а также мир в целом рассматриваются как непосредственно созданные Богом <https://ru.wikipedia.org/wiki/>;

Магеллановы облака* - <http://bible-facts.ru/115-astronomy-nashli-gde-zhivet-bog.html>;

мезон* - элементарная частица;

«Бурду»* - журнал мод;

ЛЕТуАЛь* - с благодарностью Иринке - Неправильной принцессе за «наше» словечко >);(<

Есобняллый* - самопиар с отсылкой в...«Бесы»));

«кошки»* - <https://a.d-cd.net/2846f11s-960.jpg>.

Часть вторая. Надежда. Песнь третья. Евангелие от Елисея

— Мля-я-я... — Смотрю на стрелки часов, но и без них вижу, что солнце уже высоко, а я все еще в постели. Каждый день даю себе слово лечь до полуночи, вставать с петухами, пробежка по парку, а вечером до зала доползти, и вот опять... проспал все Царствие Небесное. — Это он виноват! — успокоив свою Демонессу-Совесть, самым наглым образом сваливаю вину с рыжей морды на безликую, и добрая улыбка растягивает губы, когда в который раз ловлю себя на мысли, что засыпаю и просыпаюсь с думками о Денисе.

Несколько месяцев как один миг пролетели с того дня, как ревнивая дамочка сработала катализатором в наших... М-м-м... Зависаю. До сих пор не пойму, как назвать эти отношения. Дружба? Нет, явно не она. Друзей не хотят. А у меня просто голову снесло, когда почувствовал состояние Дениса. Мало того что возбудился до шума в ушах, так еще и кончить никак не мог. Думал — ебнусь, пока довел себя до разрядки. И так чуть не каждый вечер...

— Неее, нужно срочно кого-то под себя уложить, пока до эректильной дисфункции не дожил, — перебираю в памяти многочисленных знакомых и близких друзей, с кем было или с кем может быть, и понимаю, что ни один из потенциальных кандидатов не вызывает не то что прежний, но даже мало-мальский интерес.

Мои благие намерения поваляться в постели еще с полчаса, размышляя о естественном и не безобразном, рубит под самый корешок противное зудение смартфона, ползающего по прикроватной тумбочке.

— Говорите, — еще не проснувшись, хрипловатым голосом отвечаю неопознанному абоненту и совершенно неожиданно слышу Митлана.

— Елисей, привет. — Короткая пауза в трубке дает возможность вспыхнуть в душе крохотной искорке надежды, что мое дело получило ход, но... — Как дела? Есть подвижки, новая информация? — интересуется мужчина, ничем конкретным меня не радуя.

— Приветствую, Борис Николаевич. — Выползаю из теплой постели и, как обычно, начинаю мерить квартиру шагами. — Нет. Пока глухо, как в танке.

— Хреново, — в голосе Бориса мелькают сочувственные нотки и сразу гаснут, сменяясь привычным ему деловым тоном: — Знаешь, по какому поводу звоню?

— Думаю, по делу, — усмехаюсь, понимая, что искорке надежды не суждено было перерасти в огонек радости. — Ну не хотите же Вы меня в ресторан пригласить?!

— Елисей, ты меня поражаешь в самую печень, — хмыкает в трубке голос. — Именно это я и хотел сделать. Ты часом не провидец?

— Нет, это навряд ли, — уверяю мужчину в том, в чем сам не уверен. — Если бы я им был, то знал бы, где соломки подстелить.

— Ну, судя по тому, как ты Сашке помог, я бы тебя именно так и назвал. — Одно лишь упоминание имени «петровского» вызывает улыбку. Все же есть люди, в которых «живет» солнце, и Сашка из таких.

— Неужели я прав оказался? — изображаю удивление, хотя уже давно перестал остро реагировать на свою способность видеть то, что в принципе знать не могу.

— Еще как! — оживает мой собеседник. — На очередном выезде и повязали этого неуловимого. Заглянули в шахту лифта, а там парень в спецовке, в чемоданчике не ключи гаечные, а отмычки всех мастей и краденое золотишко. Ты мне скажи, откуда ты это знал?

— Если бы я знал, откуда, — неоднозначно хмыкаю в трубку. — Уверен в одном — напарницу его вы упустили. — В трубке затянулось молчание. — Але, Борис Николаевич...

— Так вот, Елисей... — Голос какой-то тихий, отстраненный, из приятельски веселого переходит на официоз. — Надо встретиться. Как ты и предвидел, приглашаю тебя во «Времена года». Адрес, думаю, знаешь, но я на всякий случай вышлю СМС. Дело есть. Сегодня к шести сможешь?

— Хорошо, — соглашаюсь, по-прежнему не понимая, зачем я понадобился этому менту, и прикидывая, сколько мне туда переться на авто. На байке было бы куда быстрее, но сразу «предвижу», что в рест меня в прикиде байкера не пустят. — «Времена года». Шесть. Буду. До встречи. — Слышу довольный хмык, и короткие гудки разрывают наш диалог.

Остаток дня решаю насущные вопросы, даже пробую читать, но из головы никак не выходит этот странный звонок. Вроде все мои траблы должен был урегулировать Сашка. «Петровке» такие дела ближе к телу. Он бы и позвонил, если бы возникли какие-то недопонимания. При чем тут Митлан? Ответ на свои вопросы я получу только вечером.

И он неизбежно наступает, хотя летом в это время еще совсем светло, и панорамные окна небольшого здания выглядят приветливо, даже как-то уютно, отражая лучи заходящего солнца.

Припарковав авто без нескольких минут шесть, спешу к ресторану. Жутко не люблю опаздывать. Другое дело — задерживаться, но сейчас не тот случай. Сейчас лучше придерживаться принципа «точность — вежливость королей».

Набираю номер Бориса, слышу приветствие и то, что меня уже ждут на втором этаже, столик у окна. А вот это приятно, хоть и вселяет чувство дискомфорта, словно меня припирают к теплой стенке.

Я собран и как-то отстраненно холоден, несмотря на кипучие мысли. В голове и в душе раздраз. Умом понимаю, что мне выгодны такие встречи, знакомства, живем-то мы не в «городе Солнца», где все подчинено движению звезд. В этом мире не далекие светила, а мое собственное внутреннее «я» говорит мне, что я если и не боюсь Митлана, то уж точно — опасаюсь. Мне нравится и не нравится этот мужчина. От его взгляда что-то рефлекторно сжимается внутри и не отпускает. Почему-то необъяснимо тянет быть объектом внимания его черных глаз, и в то же время абсолютно не хочется, чтобы он смотрел на меня как на подопечного. Мне бы уйти в себя, разобраться, но и этого тупо не хочу. А вдруг додумаюсь до РАДУЖНЫХ выводов? Нет! Нет!! НЕТ!!!

Будни сказываются: в ресторане немного посетителей, и большая часть на открытой террасе, но внутри уже зарождается это странное чувство. Не знаю, как его интерпретировать, но оно возникает всегда и сразу, когда попадаю в помещение, наполненное энергией проходящих и уходящих людей. Я словно ошупываю пространство, но из-за того, что не умею ставить блоки, быстро устаю. Вот и сейчас десятки вибрирующих шлейфов чьих-то душ причудливо переплетаются в замкнутом пространстве. Без спроса проникают в мозг, что-то шепчут про свои судьбы и тянут, тянут из меня силы.

Поднимаюсь на второй этаж и сразу замечаю широкоплечую фигуру Николаевича. Мент курит, разглядывая что-то в стекле, и слишком наигранно делает вид, что не замечает моего появления. Мысленно ухмыляюсь: «Чего ломать комедию?!». Я прекрасно понимаю, что в отражении он видит меня, но специально не поворачивает головы. Как-то сразу становится неудобно, однако я решительно подхожу к столу.

— Еще раз привет, — Борис наконец-то отрывает взгляд от окна и, выдыхая струйку дыма, привстает, протягивая руку. — Присаживайся. Будешь что? Заказывай.

Этот барский тон бесит. Не люблю, когда пытаются взять надо мной верх, подмять под себя. Прогнуться под мир — это одно. Прогнуться под конкретного человека — НИКОГДА! «Да, ты старше, но и я не пацан. Такое повидал — не на одну жизнь хватит!».

— Приветствую! — сдержанно улыбаясь, протягиваю руку. Все во мне ершится, щетинится. Хочется послать этого мусора далеко и надолго, но чему я научился за все годы бесшабашной юности, так это тому, что не всегда стоит озвучивать свои мысли. Есть такие, которые лучше оставлять при себе, и я присаживаюсь напротив. — Спасибо, не голоден.

— А есть тот, кто удовлетворяет твои аппетиты? — ухмыляется мент и, глубоко затягиваясь зажатой меж пальцами сигаретой, испытующе смотрит в глаза, словно пытаюсь считать мою реакцию на этот неожиданно провокационный вопрос.

Я и правда ведусь, подвисяю. Внимательно вглядываясь в черноту глаз, пытаюсь понять, что за мысли бродят в голове Бориса. Мимолетная мимика, движение рук, зрачков стали бы мне подсказкой, но мужчина закрыт. На нем невидимая, но непроницаемая железная маска.

Дэн тоже любит их примерять, но они все мне нравятся, — невольно сравниваю свои ощущения. Они словно маленькие оконца, что приоткрывают мне вид на космос его души. Борис же — это не разноцветное свечение. Это черная дыра. Завораживает, притягивает, даже манит познать, но и пугает своей опасностью.

— Да расслабься ты, — хмыкает мент, без труда просчитывая мое состояние, хотя я вроде бы давно научился «держат лицо», и жестко давливая бычок в пепельницу. — Шучу. Пытаюсь разрядить обстановку перед серьезным разговором.

— Так может, ближе к делу? — направляю беседу в рабочее русло, поскольку способы, которыми Борис пытается меня «расслабить», откровенно напрягают.

— Да-да. Ближе к телу... — соглашается мент и снова подковыривает: — Торопишься на свидание? — Я начинаю ощущать себя под прицелом снайперской винтовки. Вроде и не собираются стрелять, но это пристальное вглядывание дергает нерв.

— Нет, на сегодня у меня запланирована встреча только с вами, — лукавлю, не собираясь откровенничать с человеком, с которым нужно не только держать ухо востро, но и просчитывать каждое слово.

— Давай все же закажем что-нибудь, а то ты слишком напряжен. — Мужчина, подзывая официантку, делает заказ на двоих, отчего у меня желваки начинают ходить и тихо поднимается температура выдержки, неотвратимо приближаясь к градусу кипения.

Так охота послать, однако терпеливо жду, когда же мент закончит свои психологические тесты и перейдет к делу. Но тот не спешит, словно заигрывая, поглядывает на меня поверх развернутого меню. Удивляюсь, когда слышу названия десертов. Как-то не вяжется у меня образ этого человека со сладостями. Мутный он какой-то.

Однажды узнал от Андриюхи, у которого в силу характера язык за зубами не держится, что Борис до сих пор не женат. Вернее, в начале карьеры, когда он был примерно моего возраста или чуть младше, у него была жена, и та ему даже пацанов-близняшек родила. Но вот что самое странное — развелись они, когда мальчишкам еще и года не было, и жена Николаевича запретила ему появляться в их жизни, полностью отсекала. Категорическое табу на любые встречи, словно и нет его. Хотя деньги на воспитание он исправно передавал через мать, что тайком делала для него фотки подрастающих пацанов.

Вспомнилось, как мне показалась неправдоподобно странной эта история. Чтобы мент, не в самом последнем чине, да не смог отстоять свое право на детей? Что-то тут было не так. Но это дела давно минувших дней, да и вообще не мое дело.

Я сейчас не могу понять, что на уме у этого человека. Мне не по себе от его давящей энергетики. От его умышленных попыток принизить, подмять под себя, что чувствуются во всем: в снисходительном тоне, в высокомерных жестах, даже в том, что он сам сделал заказ, будто я девушка.

Приносят ужин, расставляя блюда перед нами. Да... Поесть мужик любит — это я понял еще в японском ресторане. Борис с чувством, с толком, с расстановкой расправляется со своей порцией, не спеша посвятить меня в суть дела, в то время как я без малейшего аппетита колупаюсь в своей тарелке.

— Елисей, я хочу предложить тебе работу, — звучит словно гром среди ясного неба, когда я уже окончательно теряю терпение. — И прежде чем ты начнешь отнекиваться... — Митлан опережает события, до того как я открываю рот, чтобы сразу отказаться. — Скажу, что это очень хорошо оплачиваемая работа. — Мужчина откидывается на спинку стула, протягивает руку к пачке сигарет, но так и оставляет ее нераскрытой. — Тебе не придется больше ломать голову насчет бизнеса. Деньги польются рекой.

Сказать, что я удивлен, — ничего не сказать. Вроде при первой встрече ни словом, ни взглядом не показал, что нуждаюсь в работе. Да и не думаю, что произвел впечатление нищелюба. Или Мерин что натрепал?

— Большие деньги всегда связаны с большим риском, — внешне не выказывая никакого интереса, пытаюсь все же вытянуть из своего собеседника немного конкретики.

— Я думаю, ты рискованный парень. Фартовый, я бы сказал. Да и с мозгами неплохо. Как ты Сашкину задачу решил! — из уст этого тонкого психолога так и льется приторный нектар в бочонок моего самолюбия.

— Что за работа? — напрямую интересуюсь, ожидая вслед за словесным медом услышать вполне предсказуемую ложку дегтя.

— Я хочу, чтобы ты работал на меня, — снова огорошивает Борис и, видя, как меня корежит от его слов, тут же поправляется: — Вместе со мной. Я хочу, чтобы ты стал внештатником ГНК.

Я ахуюваю. Как могу держу покерфейс, но желание заржать в полный голос нарастает с каждой минутой. А еще спросить, не шутит ли он. Но, судя по серьезно-суровому выражению лица, мент предельно честен. Понимаю, что мое молчание затягивается. Николаевич, явно нервничая, наконец закуривает, пока официант расставляет на столе десерт — треугольники шоколадного торта.

— Елисей, пойми: нам нужны такие, как ты, — Борис придвигает к себе тарелочку с десертом, и его взгляд удивительно теплеет.

— Какие «ТАКИЕ»? — после всех его подзвонков меня взрывает. Под столом до хруста, до боли сжимаю кулаки. Мозг отключается в поглощающей меня злости, она клокочет на кончике языка, срываясь в слова, о которых потом пожалею: — Толерантные? Так я далеко не терпимый и ни под кого не ложусь! — С вызовом смотрю на мента, не отрывая взгляда, и вижу яркие изменения. Словно мой яростный напор скинул с его лица маску.

— Остынь. — Коварный блеск черных глаз, как будто кто зажег изнутри, румянец на небритых щеках Дьявола проступает в одно мгновение. — Я совсем не то имел в виду. — Примирительный жест открытой ладони, лукавая улыбка копирует мою. — То, что ты ни под кого не прогибаешься, я сразу понял. — Взгляд все так же внимателен. — Ты хорошо разбираешься в людях. У тебя аналитический склад ума. И чуйка звериная.

«Вот же! Он играет со мной, как со щенком! — с сожалением и опозданием понимаю, что мужчина грамотно и преднамеренно выводит меня из себя. Разводит, как пацана. Закусываю щеку изнутри, отрезвляясь. — Внимательнее, Лис, надо быть. Внимательнее! Следи за ним!» — сам себе отдаю команды.

— Борис Николаевич, у меня есть свой бизнес, его просто восстановить надо. Не понимаю, зачем мне соваться в ментовку? — Возводя неприступные стены и отключая эмоции, равнодушно ковыряю сладости, отпиваю чай и неотрывно слежу за тем, как взрослый мужик, аккуратно отламывая десертной ложечкой кусочек торта, отправляет его в рот и с наслаждением закатывает глаза.

— Да что это за бизнес? — усмехается мент и нарочито медленно слизывает с губы каплю крема, словно какую-то амброзию, мне аж неловко становится. — Так, возня мышиная. Тебе бы по-хорошему сейчас отучиться и стать в ряды. Уверен, ты быстро дослужишься до таких чинов, что и Сашка никогда не достигнет, да и я тоже. Нужно только время, твое желание, ну и, конечно, моя протекция.

Мысленно ухмыляюсь и буравлю мента взглядом. Протеже во мне увидел или решил моими руками бабло загребать?

— Нет у меня ни времени, ни уж тем более желания, — отбрыкиваюсь от всех этих заманух, к которым никогда душа не лежала, на секунды вспоминая, как еще в выпускном отбивался руками, ногами и зубами от родни, что пыталась пропихнуть меня в ментовку.

— Елисей, пойми, мы нуждаемся в помощи сейчас, — мужчина отламывает новую порцию торта, смакует, облизывая ложку, и не забывает засорять эфир пропагандой: — Наркооборот растет. Мы, конечно, ловим, пресекаем. Но это равносильно сражению с мифической гидрой: отрезаем одну голову — появляются две. Нам надо подобраться к сердцу монстра и если не убить, то хотя бы отсечь то, что его питает, — речь мента становится все пламеннее, как и глаза напротив. В своей страсти он похож на Дьявола, что уговаривает подписать контракт кровью, а на кону твоя душа. — Я чувствую, что ты сможешь, что ты тот, кто нам нужен. Ты pomoжешь нам перекрыть этой твари главные артерии. Ты же хищник, хитрый Лис, тебе ничего не стоит выследить, втереться в доверие, влезть в самое логово.

Слова вдохновляют, заставляют задуматься, сколько ходит дури в теневом бизнесе, сколько молодых умирают от этого яда. Только нужно ли мне почувствовать себя героем невидимого фронта? Да и прекрасно понимаю нюансы такой работы. Придется общаться с людьми, рядом с которыми даже не прошел бы. Они словно радиация: сами заражены и отравляют все вокруг.

— Как Вы себе это представляете? — удивляюсь напору мужчины. — Я не в теме совершенно. Я ненавижу всю наркошную братию, хотя, не буду врать, есть знакомые, что балуются кто травкой, а кто и коксом. Но влезать в борьбу с ними у меня нет ни нужды, ни желания. Это не мое.

— Я введу тебя в курс дела, научу, что и как. Познакомлю с дилерами, которые работают на нас. Мы позволяем им по-мелкому банчить. А они сливают информацию о поставщиках. — Я, конечно, догадывался, как работает сексотная* система, но абсолютное безразличие на лице мента, как будто позволять торговать смертью, пусть и в малых дозах, — норма, заставляет внутренне содрогнуться.

— Борис Николаевич, честно, я не готов. — Чувствую нарастающую нервозность, как бывает со всяким, кого пытаются заставить делать то, чего он не хочет. — Это слишком рискованно. Я знаю, как легко можно расстаться с жизнью там, где замешаны большие деньги.

— А кто не рискует, тот не пьет шампанского. — Борис наконец решает запить чаем наполовину съеденный торт. — Уж поверь, игра стоит свеч. Дивидендов, которые ты будешь получать, хватит не только на то, чтобы купаться в шампанском, но и на то, чтобы есть черную икру ложками. — Мент закидывает в рот бисквит, медленно смакуя, и тихо стонет.

Я в полнейшей прострации наблюдаю эту картину. Ни разу не видел, чтобы человек ТАК ел торт. Кажется, что он получает удовольствие, сравнимое с сексом. Словно вместе с этими кусочками лакомства его тело заполняют блаженство и нега. Никогда не любил сладкое, но сейчас смотрю — и чувствую, как рот наполняется слюной. Я уже и не слушаю, что говорит Борис, а только слежу за его кулинарным оргазмом.

— И ездить ты будешь не на старенькой иномарке, а на действительно дорогой тачке, — продолжает искушать меня этот демон-сладкоежка. — При этом ты окажешь неоценимую пользу стране, в которой живешь сам и будут жить твои дети. И не забывай: мы всегда прикроем твою спину.

Хмыкаю скептически. За свою спину я никого не допущу. Никому не доверяю. Но что говорить, его речь роняет зерно. Я люблю адреналин, драйв. А эта работа — еще один шанс испытать себя, сделать лучше, сильнее.

— Я подумаю. Дайте время. — Отпиваю уже ставший холодным чай и чувствую, как глоток стекает по разгоряченному пищеводу.

— Думай. Я уверен, ты примешь правильное решение.

И я думаю. Всю дорогу до дома. Эта мысль не покидает меня и когда сажусь за комп. И только зеленый огонек в безликом окне напрочь выбивает все мысли. Словно я переносюсь в параллельную вселенную, в другой мир, где только мы вдвоем и нет никого: ни ментов, любящих сладости, ни нариков, любящих дурь, ни знакомых или родни, любящих припираться в гости без приглашения. Нет неотложных проблем. И даже времени нет.

— Привет, малыш, — радостно набираю обращение, которое как-то само собой рождается и воспринимается как правильное, и тут же получаю по рукам:

— Лис! — На меня смотрит фиолетовая морда демоненка со сведенными к переносице бровями. — Еще раз так меня назовешь — и будешь пожизненно носить гордое имя Карлсон.

— Если пожизненно с тобой, то согласен, — настроение приподнятое, и я напропалую флиртую с парнем.

— Блин, ну и как с тобой серьезно разговаривать? — напускная строгость, но я-то чувствую, что Денис улыбается, отчего мне становится еще теплее, радостнее. Да что говорить? За день я откровенно соскучился без его виртуального общества.

— А кто сказал, что я не серьезен? — От широких улыбок начинает сводить скулы, заставляя задуматься, а когда я так открыто и искренне улыбался?

— Да-да, я так и понял, что ты собрался ко мне сватов заслать, — подъезывает меня сетевая злыдня, только и это в душе находит странный отклик, словно я тот чуковский крокодил, что в небе солнце проглотил, и теперь сияю изнутри.

— Пиши адрес, я готов и без сватов, — опять напрашиваюсь в гости.

— Мой адрес всегда в адресной строке висит. Welcome, — следует вполне ожидаемый облом, но я чувствую, что Дениса радует мое общество. И его веселость в свою очередь радует меня.

— Вот ты зараза вредная, — отшучиваюсь, хоть мне и немного грустно. И все же после встречи с Митланом беседа с Денисом как бальзам на душу.

— А ты весь из себя полезный, — дружелюбно показывает зубки Дэн.

— Для тебя — безусловно! — ни секунды не сомневаюсь в этом. Более того, моя уверенность в том, что я нужен Денису, растет с каждым днем.

— Хочешь сказать, что есть люди, для которых ты — пестицид?

Ревностная мысль: «Ты не представляешь, насколько и с каким удовольствием я потравил бы весь твой палисадник!» заставляет ухмыльнуться, но умалчиваю о своих кровожадных помыслах. Зачем парня настораживать? Не глупый, сам поймет, когда придет время.

— Дэн, я отношусь к людям так, как они этого заслуживают. Но и сам никогда не пытался казаться лучше, чем есть на самом деле. Я тот еще мудака и делал много вещей, которыми не горжусь.

— Лис, это воззрение сильного человека. Но, как правило, люди жаждут выглядеть тем, кем не являются. Я называю это «синдром вахтера». И в какой-то степени сам подвержен ему.

— Каким образом? — Я чувствую себя женихом, обнажающим в первую брачную ночь невесту. Неспешно снимаю с Дэна прочную броню и всю напускную шелуху, подбираясь к незащищенному нутру. Нежному и ранимому. Но я не сделаю больно, не раню.

— Ну... у меня завышенные амбиции, несоразмерно огромное мужское эго и сильно раздутое самомнение, — то ли смеется, то ли действительно откровенничает парень.

— А мне кажется, ты недооцениваешь себя, — пишу, что думаю, ведь вижу его настоящего.

— А мне кажется... — передразнивает меня Денис, — что ты, Лис, или слишком хитер, или влюбляешься...

— С чего такие выводы?

— Людям свойственно идеализировать человека, каким бы мерзавцем он ни был по жизни, в том случае, если его любят. Именно это ты и делаешь в последнее время — видишь меня в радужном сиянии.

Слова Дениса заставляют задуматься, а есть ли в них хоть толика правды. С парнем я не хитрю. Не желаю быть с ним неискренним. А любовь? Все мои влюбленности сводились к банальной похоти, удовлетворив которую, я остывал. С этим человеком не все так просто. Может, именно потому, что пока не могу заполучить его в постель, мой интерес и не ослабевает. Но хотя я его очень хочу, тут нечто другое. К нему тянется моя душа, иначе и не скажешь.

— Нет, Дэн, я вижу тебя таким, какой ты есть, — в сотый раз пытаюсь внушить Денису, что смотрю на людей несколько иначе.

— Да-да, я помню, что от тебя не скрыть рога, копыта и хвосты. Но я тоже не лыком шит. И того, что НЕ ВИЖУ, могу попросту смоделировать или проанализировать, — гнет свою линию великий спорщик и добывает меня убийственным в своей самонадеянности выводом: — Просто хочу, чтобы ты знал, что влюбить в себя я умею.

— Знаю, Дэн. Знаю, — уверяю парня, что в курсе его любовных походов. Мне кажутся смешными такие выпады, но что-то неприятное, очень похожее на жгучую ревность, ворочается, отвоевывающая себе пространство в черепушке.

— Так что будь осторожен, хитрый Лис, если не хочешь узнать, что такое магия любви... — выскакивает шуточная угроза, а мне становится совсем не смешно, потому что понимаю, что я бы с удовольствием порадовался, попав под его чары, если бы не ведал, насколько это действие может быть страшным.

— Дэн, к сожалению, я знаю, что это прекрасное чувство подчиняется магии, — горько ухмыляюсь, пытаюсь унять ревность, что голодным питоном выползает из головы и стальными кольцами сдавливает жизненно важные органы. — Только оно не настоящее. Это иллюзия, но настолько сильная, что ломает волю, как кнут — раба, что был когда-то свободным человеком.

— М-м-м... Как интересно... — И я прям кожей чувствую, как напряглись мышцы Дениса, чувствую на себе его испытующий взгляд, будто и нет меж нами расстояния, будто сидим за одним столом, глаза в глаза.

— Дэн, я по-лиси слухавил, когда сказал тебе, что специально не приручал. Наверное, тогда сыграл злую шутку пресловутый озвученный тобой синдром, — собираюсь с духом и хочу ответить взаимностью этому человеку, хочу, чтобы он понял, что мне можно доверять. — Однажды, по молодости и глупости, я сделал шаг, повлекший за собой немало бед. Знаешь, в чем самая гниль моего поступка? Я понимал, что поступаю неправильно, но эгоизм и самолюбие возобладали надо мной.

— Расскажешь?

— Если тебе интересно, слушай, — отступить не в моих правилах. — И надеюсь, ты не изменишь своего отношения ко мне.

...Было это во времена той юности, когда не только хочется, но уже и можно. Однажды поняв, что пользуюсь интересом, я решил жить так, чтобы не было мучительно больно за без кайфа прожитые годы.

Время попусту не терял. Приобрел фирменный взгляд и улыбку, благодаря которым, стоило мне бросить их в очередную жертву — и «киска, зайка, рыбка» оказывалась в моих хищных лапах. Одна, вторая, третий — я вошел во вкус и пустился во все тяжкие.

Стоило на горизонте замаячить смазливой мордашке, как я устраивал сафари. Заученные до автоматизма движения: чуть прижатый к шее подбородок, взгляд исподлобья с поволокой, насмешливо вскинутая бровь и улыбка набок. Подмигнуть контрольным выстрелом — и «дичь» сражена наповал. Школа, улица, другой город — пофиг. У меня был вполне конкретный и чисто спортивный интерес.

Я плевать хотел, сколько ходило пересудов обо мне, как среди учеников, так и среди учителей. Особенно после случая с одной молоденькой училкой, которая у нас проработала четыре месяца и внезапно написала заявление «по собственному желанию». Но это другая история, а тогда...

Я хотел добиться той, которой был откровенно безразличен. Из всех классов, параллельных и что помладше, она единственная не поддавалась на мои чары, чем неимоверно распаляла мой охотничий азарт.

Тогда я еще и не думал о своем даре. Хотя, как любой нормальный человек нежного возраста, мечтал владеть волшебной палочкой, телекинезом и способностью проходить сквозь стены. Ничем из вышеперечисленного я, естественно, не обладал. Зато имел по-звериному развитый, идеальный слух. Вот он-то и вовлек меня в эти «неприятности».

Как говорится, хочешь понять, чего желают женщины, просто выслушай их. Вот и прислушался я однажды к девичьему трепу.

— Идеальный парень, — вздохнула одна, и я тут же вклинился в разговор, желая, как истинный самец, переключить все внимание на себя.

Смех, флирт, выпендрож ровно до того момента, пока моя недотрога не вступила в беседу. Увлеченный рассказ девушки о каникулах на деревне у бабушки, где она познакомилась с каким-то парнем неопишущей красоты и изысканных манер — чуть ли не принцем на спортивном велосипеде, коротнул проводку у меня в голове.

— Значит, мне ты отказываешь, а на какого-то Ванюшку глаз положила? — сказал я, желая в душе прямо сейчас найти этого деревенского придурка и... нет, не набить ему морду, а трахнуть эту девчулю у него на глазах.

— Лесик, ты же игрок. Я никогда бы не стала с тобой встречаться, — кидает мне вызов девчонка. — Ты никого не любишь, кроме себя. А я хочу серьезных отношений, — и все это таким барским тоном, со взглядом Королевы на смерда, что меня переклинило во второй раз.

Сам не свой, и злой, как черт, пришел домой. Еще и парни всю дорогу подъебывали, вдоволь отыгравшись за все свои пасы передо мной...

— И ты решил отыгаться, — продолжает мой рассказ Дэн, и я вижу, как он неспешно гладит лежащую на коленях кошку.

— Конечно! Сейчас-то я понимаю, что это был заеб чистой воды, но тогда мне приспичило достичь своей цели любой ценой, — подтверждаю догадку Дениса, продолжая рассказ...

«Дар, говорите?!» — вслух спросил я, и, Дэн, ты не поверишь, но в теле тут же отозвалась Сила. Словно сидела и ждала, когда я позову. И я позвал. Мне не было страшно или совестно. И хотя в душе понимал, что девчонка не в моем вкусе, не нужна она мне, о любви и подавно нечего говорить, но в голове не было ни одной здоровой мысли, лишь обида, злость и, как следствие, возбуждение владели мной.

Я не смог остановиться. Мысленно задавал вопросы, как сделать, чтобы девушка сама под меня легла, и получал ответы. В голове тут же сложился целый обряд. Слова древнего приворота всплыли из дальних уголков памяти. Откуда — до сих пор не знаю. Только очнулся я уже поздно вечером. Скинув полдурман, понял, что очень устал.

«Я ее приворожил. Обряд на крови, — одинокая мысль пролетела в пустой башке, вызвав истерический хохот своей глупостью и слабый отклик надежды в душе. — Не сработает это. Хуйня на постном масле. Взрослый пацан, а занимаюсь бабскими забавами», — ругая себя, провалился в сон.

Наутро попытался выкинуть случившееся из головы, но тревожные мыслишки не давали покоя, напоминая яркими образами ту мерзопакость, что творил. Тревога усилилась, когда увидел, что девушка не пришла в школу. И на следующий день тоже. Спросил у подружек, говорили, что

девчонке нездоровится. Я продолжал успокаивать себя неверием, которое развеялось на третьи сутки.

Девушка сама подошла, позвала поговорить. Я верил и не верил своим глазам. Этот взгляд я бы не спутал ни с каким другим. Взгляд преданной собаки. Девушка сама подалась навстречу, сама попросила о поцелуе. И тогда до меня доперло, что сработало. Я победил природу! И, наверное, первым чувством было ликование.

Без особого желания начал встречаться с привороженной девчонкой, лишь бы утереть нос всем тем хмырям, что посмеивались над моим проигрышем. Но постепенно спесь сошла.

Всю силу приворота я осознал лишь со временем. Девушка никогда мне особо не нравилась, а теперь и вовсе изменилась: стала истеричной, дерганой, очень сильно похудела. Куда бы я ни шел, она тащилась за мной. Записочки, преследование — везде и всюду она. Порой ее выходы на грани фолла шокировали, но я понимал: это все — чтобы привлечь мой взгляд.

Приворот действовал и на меня, давил беспроектной апатией. Я чувствовал, как из меня, словно из крана вода, утекает жизненная сила. С каждым днем становилось все хуже. Я боялся за девчонку, а порой и за себя, и безумно хотел с ней расстаться, но... Не получалось.

Один эгоистичный поступок — и столько последствий. Как бы ни хотелось, время вспять не повернуть. Это был мой грех, моя ошибка, и мне самому предстояло все исправить...

— Исправил? — серьезность тона Дениса, которую чувствую в каждой букве, не оставляет сомнений: он верит моему рассказу.

— Да. Но чего мне это стоило, не спрашивай, — опережая события, пытаюсь оградить себя от вопроса, на который при всем желании не смогу дать ответ.

— Лис, я считаю, если человек захочет, он расскажет. А если нет, это его право — хранить молчание. Не в моих правилах без спроса в душу лезть.

— И за это я тебе очень благодарен, — облегченно выдыхаю, понимая, что не желаю лгать Дэну, а рассказать чудовищную правду не готов никому.

— Но есть другой вопрос...

— Все что угодно, Дэн. Спрашивай. — Освобождаю все каналы восприятия, готовый без промедления поведать Безликому доступные мне тайны мироздания, и по этим самым каналам ко мне накатывают странные в своей напряженности всплески кармических волн.

— Ты мне как-то сказал, что ничего не происходит просто так, и я с тобой в этом согласен. — С каждым словом все явственней ощущаю растущую магнитуду хаотических колебаний, буквально видя, как чуткий датчик сейсмографа мечется по движущейся бумажной ленте, выписывая пики приближающегося землетрясения. — Так почему именно этот эпизод своей жизни ты решил рассказать сейчас?

— Дэн, ты же сам мне эту тему подкинул, — зависаю, абсолютно не понимая, в чем подвох и когда и чем я встряхнул находящийся на тектоническом разломе островок обитания моего взрывоопасного собеседника.

— А мне кажется, что ты иносказательно решил выдать мне некую информацию, — тревожит меня очередной заморочкой Дэн и внезапно сотрясает энергетическим толчком: — Признайся: а ты больше таких экспериментов не проводил? А то меня терзают смутные сомнения*, что ты и надо мной подобный обряд сотворил.

— С чего вообще подобный домысел?! — не знаю, за что уцепиться, чтобы не потерять равновесие, в голове с каждым мигмом нарастает гул Земли*.

— Дэн, я два раза на одни грабли не наступаю, — спешу успокоить невесту что придумавшего фантазера. — Науку, что насильно мил не будешь, назубок выучил, как и то, что знания эти на краю могилы даются.

— Тогда объясни, почему я денно и ночно, как Маленький принц, об одном Лисе думаю? — мой «маленький принц» засыпает меня очередными непонятками.

— Может, это любовь? Без принуждения, самая что ни на есть настоящая. — отправляю свое объяснение вместе с улыбочками, а сам сижу и не знаю: то ли мне ругаться и злиться, то ли радоваться. Ведь Дэн, хоть и не прямым текстом, признался, что я ему настолько безразличен, что он подумал о вмешательстве магии.

— А может, все-таки без ведьмовства не обошлось? Может, ты и мне мозги каким приворотом засрал?

— Дэн, ты чего? Я никогда бы не стал такого творить! — Выбивая почву из-под ног, нервозность Дэна передается мне настолько резкими толчками, будто я нахожусь в эпицентре событий.

— Но сделал! — слова, что удар наотмашь. — Тогда поиздевался над девчонкой, теперь надо мной эксперименты ставишь! Признайся! Тешишь свое самолюбие? Блять! Я знал, что карма меня настигнет за все мои игры в Сети.

— Дэн, успокойся! — пытаюсь «докричаться», но без толку. Кажется, я что-то упускаю, что-то делаю не так. Но что?.. Там, за сеткой пространства, все гудит напряжением, напоминая приближающийся катаклизм, перед которым я чувствую себя беспомощным и не знаю, что делать.

— Давай, покажи мне здесь и сейчас, какой силой обладаешь! — вызов взорвавшимся вулканом выплескивает на меня раскаленную магму.

— Не пори чушь! Я никогда бы не стал принуждать тебя! — Вцепившись пальцами в волосы, пялюсь на разгул стихии. Ловлю эмоции парня, что кипящей лавой облизывают тело, и начинаю гореть. Паника. Уже моя. Накрывает с головой.

— Лис, я не маленький мальчик. Я через слишком многое прошел, чтоб вот так взять и влюбиться, даже не видя человека в лицо, — огненные

слова-бомбы разрываются вокруг.

— О чем ты говоришь? Человек в человеке душу любит, а не смазливую мордашку.

— Вот только не надо ля-ля. Человек сперва внешность видит, в глаза глядит, через них пытается душу разглядеть, и никак не наоборот. А некоторые и вовсе ограничиваются только первым пунктом.

— Я не такой! И ты, Дэн, тоже. Если перестанешь истерить — поймешь.

— Хочешь сказать, смог бы уroda полюбить?! — Новый взрыв сотрясает пространство, засыпая все вокруг пеплом.

— Для меня внешность не главное.

— Не пизди!

— Я как есть говорю! В своей жизни много повидал уродов. Не внешне — душой, и это самое страшное.

— Иди ты на хуй со своей философией! — Боль прошивает мозг. — Не понимаю, чего тебе от меня нужно? Какие цели преследуешь? Только знай: со мной у тебя полный облом! Я тот самый урод! Два в одном! Урод снаружи! Урод внутри! — Жар опалает лицо. Горящими комьями жжет ладони, голову, сердце. — Ну что, Гарри Поттер, достанешь свою волшебную палочку и превратишь чудовище в принца?!

— Я, блять, достану! Палочку-дуривыбивалочку! — не пишу, а кричу в пустоту. — Ты достал!!! Неужели так трудно поверить, что ты мне нравишься?!

Секунда... Две... Три... Я слышу время. В ушах застывшая стрелка хронометра растягивает каждый миг в вечность.

Пять... Шесть... Чувствуя запах горелой проводки, глотаю полынный кисель воздуха, а он не хочет наполнять легкие, оседая в горле пеплом.

Семь... Восемь... Вижу тьму. Ищу в безбрежном океане черного клубящегося дыма маленький зеленый островок нашего мира, и не нахожу.

Девять... Сообщение не прочитано. Электронный детектив пишет, что Безликий был в Сети, а сейчас его тут нет.

Десять... Срываюсь с места. Разъяренным быком ношусь по квартире, оставляя после себя хаос. Все, что попадает под ноги, пинаю. Все, что оказывается под рукой, летит в разные стороны. На полу оказывается перевернутая постель. Не убранная вовремя чашка разлетается на осколки, встретившись со стеной. Плазма плашмя падает на пол, едва останавливаясь чтобы на ней не сплестись. В мозгу пульсирует кровь, а по телу разбегается жар. Мне кажется, я горю в безысходной ярости. Дыхание срывается хрипами. Злость вышибает силы. Бесформенным мешком оседаю на ковер и раскидываюсь звездочкой.

— Дэн... Дэн... Дэн... — Тянусь к парню, но еле ощущаю. — Ты же сказал, что безразличен. Так почему убежал? Опять...

Охота выть, сорваться, найти. Хочу быть рядом. Обнять, взглянуть в глаза, уверить. Но для меня путь закрыт. Я не знаю, кто он. Не знаю, где его искать. И, кажется, я ему не нужен. Тоска наваливается, душит спазмами горло, давит стопудовой плитой на грудь. Больно. Там, за ребрами, ноет, кровоточит. И заплакал бы, но не умею.

— Нахуй я вообще начал этот разговор?! — Глаза сами натыкаются на дверцу бара. Напиться! Забыться хотя бы на вечер!

Разглядывая стройные ряды бутылок, останавливаю взгляд на водке. А что еще может лучше исцелить русскую душу, как не национальный алкоголь?!

«Надо перестать цепляться за Дэна и кого-нибудь бездумно трахнуть. Где-нибудь зависнуть, оттянуться. Может, и отпустит». — С этой мыслью останавливаю свой выбор на обычном клубе без приставок из трех букв, а прикид — на штанцах в обличку, рубашке посвободнее, зато расстегнутой до груди. Несколько чисто мужских цацек — для завлечения взглядов.

— Дениска, ты трус! — Алкоголь делает свое дело, и Боль перерастает в отчаянную Злость. — Значит, гербарий свой предпочел. Ну и пофиг...

Хватаю ключи и, хлопнув дверью, выхожу на улицу. Прохлада ночи не отрезвляет, да я и не пьян. Я захлестнут эмоциями. Моя малышка урчит трехлитровым движком. «Белугу» пристраиваю на пассажирское кресло. Ржу над мыслью, а не пристегнуть ли ремнем безопасности сорокаградусную подружку, и срываюсь с места.

— Упрямый! Несносный!! Твердолобый!!! — Неоновые вывески ночного города плывут перед глазами цветными пятнами. Даже в пылу гнева не могу матерно оскорбить Дениса, и от этого еще больше злюсь на себя: — Придурок! — Глоток из горла стекает в желудок, разливаясь по телу теплом. — Чего тяну жилы из парня?! Голову морочу?! — Пролетаю перекресток на желтый. Пузырь к губам. Глоток. — Отпустить, и дело с концом! — Едва успеваю притормозить перед лежащим полисменом. Нутро вымораживает от одной лишь мысли о расставании. Глоток. Еще. Тепло. — Хуйня! Переживу...

Знакомые двери, которые старательно глушат децибелы клубняков. На одну треть недопитый пузырь остается в машине, а я пока еще уверенной походкой иду к секьюрити, который смотрит мне в глаза, словно сканирует. Включаю неоновую вывеску фейса «Не бойся, сегодня я добрый!» и спокойно прохожу внутрь. Меня тут же окружает чужая энергетика, липнет, лижет, как и некоторые взгляды. Но они меня не напрягают. Хочу раствориться в толпе, утонуть в чужих эмоциях, чтобы они перекрыли, забили мои.

Тут же заказываю выпивку. Шотландская горючка смешивается с русской, придавая голове и телу столь необходимую легкость. Сканируя толпу, отслеживаю жертву. Но, как назло, цепляю взглядом тех, кого меньше всего хотел бы видеть. Дилеры. Прав был Николаевич: вижу, чую этих паскуд.

Парень. При себе ничего нет, заначки явно в туалете. Или с барменом работает: пока тот прячет среди бутылок товар на вечер, торговец смертью находит тех, кто не против поиграть с ней в русскую рулетку.

Девушка. Эта менее умная. Таблеточки в бюстике, под вкладышем пуш-апа. Если поймают — не отвертится. Видно, встряла в долги, раз таким занялась.

— На хуй! — рываю так, что подплывшая было ко мне девица разворачивается на сто восемьдесят градусов и ретируется. Только и остается, что проследить, как от меня уплывает нечто с длинными ногами.

Я не развлекаюсь и не отдыхаю, я напиваюсь. Планово: один бокал в десять-пятнадцать минут, с перерывом на выдохнуть. Не люблю я так. Мне бы закусить. Мясом. А тут только чипсы да сырные ломтики. Очередной тумблер* пустеет. В голове шумит, но не от музыки, которую, к слову, диджей неплохо миксует, а меня то ли покачивает в такт, то ли уже ведет.

— Бармен, — жест рукой на ряды бутылок, что двоятся за счет зеркал, или уже не только за счет них. Мимолетный взгляд, и меня прошибает озноб. Из мерцающего серебра на меня смотрит «тень» Безликого.

— Нет его тут, — отгоняю морок. — Это мое отражение. Это я стал безликим.

Срываюсь, врезаюсь в толпу. Тела, судьбы, мысли, эмоции. Радость и злость, счастье и ревность, безразличие, возбуждение — сплошным хороводом. И я в этом бурлящем месиве на штормовых волнах музыки.

— Дэн... Дэн... Денис-с-с... — шепчу, как заклинание, или мне шепчут его имя в самое ухо. Не могу перестать о нем думать. Облизываю сухие губы. Или мне облизывают? Касаются груди, а я плыву в такт музыке. Открываю глаза и опять столбенею. Меня толкает беснующаяся толпа, а я стою, будто ноги к полу примерзли, да и сам вымерзаю изнутри. Дрожь прокатывается, стекает ледяным потом по позвоночнику. В конвульсивно дергающейся многоликой массе вижу неподвижный безликий силуэт Дениса, моего изломанного мальчишки.

Стою и боюсь моргнуть. Боюсь, что исчезнет. Сердце колотится так, будто мне вогнали шприц адреналина прямо в нежно-сильную мышцу. Мне заслоняют обзор, и я уже готов растолкать всех, как вдруг...

Он тянет ко мне руку, что-то говорит. Я не слышу что, только вижу движение губ. Подлетевший ко мне парень пытается привлечь внимание. Но мне не до него. Внаглую отпихиваю в сторону. Мешает!

— Денис, — зову, но голос тонет в рокоте музыки и толпы, через которую я пытаюсь прорваться к нему.

Шаг — и образ пошатывается, идет рябью, а у меня все заходит в груди от осознания, что это просто видение.

Дышать... Не могу дышать. Боль с обидой пополам. Ни хрена это не дар! Это проклятие. Видеть, но не трогать. С губ срывается звериный вой. Еще шаг, в надежде схватить, задержать, почувствовать... Но нет. Толпа беснуется. Пульсирующие лучи стробоскопа разрывают зыбкую тьму, безжалостно рассеивая желанный образ, и я вновь один. Плохо, мне очень плохо. К выходу, на воздух. Пусть не свежий и пропахший смрадом выхлопных газов, но лишь бы вырваться. В ночь. Она укроет...

Сажусь в машину, и оставшаяся треть водки растворяется в моей крови. Откидываю голову на подголовник. Не хочу оставаться один. Мне кажется, я на краю и в мгновении от срыва.

Телефон в руке, и я даже не листаю. Смотрю на заставку абонента — постригся, сменил образ, но меня этим преображением не проведешь. Уж я-то знаю: как был послушным мальчиком, так им и остался. И по-прежнему одинок. Так и не нашел себе Верха, видимо, все еще надеясь, что вернусь. Он давно не звонил. Может, ждал звонка от меня. Но я же упрямый и никогда не навязываюсь. Однако в этот вечер все наперекосяк, и я сам готов набрать.

Уверен, что потом пожалею. Давно понял: ему нужны нормальные отношения, с градусом отклонения в нашу «ненормальность». Нужно ощущение, что я его Верх, Дом, Опора, а не просто бойфренд для хорошего перепиха. Но я не смог ему этого дать, не захотел взять на себя такую ответственность. Нет, я не боялся. Просто беря — надо отдать. А мне нечего ему предложить взамен. Он мне нравился, даже очень. Но то, что испытывает он ко мне, в разы сильнее.

Наверное, прав Денис, что любящий человек идеализирует любимого. Ведь даже после расставания Димка не возненавидел меня. И по-прежнему говорит, что любит. А во мне — ни малейшей искры, и даже раздуть не из чего. Поэтому — нет, но трубка у уха... Гудок... Гудок... Крохой здравого смысла мелькает надежда: может, сбросит? Но он принимает вызов.

— Привет, — выговариваю мягко, чуть тяну гласные. Слушаю дыхание, пытаюсь уловить его настрой, и слышу: напряжен, взволнован. — Ты один?

— Да... — короткий, без приветствия ответ. Голос сонный, хриловатый, но сколько вибраций в этом тихом выдохе: волны колебаний негармоническими всплесками свиваются в неравномерный поток.

— Встретимся? — для профформы интересуюсь, но уже знаю: не откажет.

— Приезжай. Я жду, — Дима без лишних слов все прекрасно понял.

— Скоро буду, — сбрасываю и срываюсь с места, направляя тачку по знакомому адресу. Чем дальше еду, тем конкретнее мысли перетекают от понурых к эротическим. Я хочу увидеть Димку, я даже по нему соскучился.

Знакомая высотка. Где-то в бардачке все еще валяются ключи и от подъезда, и от квартиры, которые давно пора вернуть, все же больше года как не вместе. Я когда-то принял их, чтоб не обидеть парня, но так ни разу и не воспользовался.

Вот и сейчас терпеливо слушаю трель домофона. Теплый ветер треплет волосы. Думаю, что Димка оценит мой расписздяйский прикид. Интересно, как встретит? Дверь без лишних «ктотамов» открывается. Под аккомпанемент сигнала влетаю в подъезд. Лифт. Нужный этаж. Возбуждение уже бурлит. В полумраке проходной зависаю на полминуты, смотря на теплый свет, льющийся из проема чуть приоткрытой двери. Все же приятно знать, что тебя ждут. Пусть эгоистично и даже подло, но это греет. В пару шагов сокращаю расстояние и распахиваю дверь.

Он стоит в коридоре, прижавшись спиной к стене напротив. Во взгляде тепло, нежность. Меня накрывает волной его эмоций. Тяжело быть

эмпатом, но бывают и плюсы: ничто не утаится от меня. Любовь, ненависть, желание, ярость, страх и надежда — все как на ладони. Я их ощущаю, как свои.

Легкая небрежность в одежде и образе, но я знаю: он успел подготовиться к моему приходу. Широкие льняные штаны специально приспущены на бедра и не скрывают того, что Дима побрился для меня, помня, как не люблю лишние волосы.

— Проходи, не стой в проеме. — Такое ощущение, что он боится, что я сейчас развернусь и вновь уйду, как бывало не раз. — Чай будешь?

Захлопываю за собой дверь, пристально наблюдая, как Дима, оторвавшись от стены, делает несколько шагов на кухню. Прямая спина, легкая поступь, и эти чертовы домашние брюки, которые сидят так низко, что я четко понимаю: под ними ничего нет. Срываюсь с места и заключаю парня в объятия, сковывая руки своими. Трюсь носом об изгиб шеи.

— Димка, ты же не думаешь, что я приехал к тебе чай пить?! — хрипловатый выдох, и прикусываю зардевшееся ухо. — Или ты для чайной церемонии так подготовился? — Пальцем подползаю под резинку штанов, щекочу голый пах.

Чувствую, как тело в моих руках трепещет. Я словно кот, поймавший птицу. Кажется, сдави чуть сильнее — и сердце остановит свой бег.

— Лис, ты что, пил? — делано смеется и так же делано пытается высвободиться из моих загребуших лап.

— Совсем чуть-чуть. — Для меня это капля в море, хотя от этой «капли» меня основательно штормит, баллов эдак на девять.

— Был повод?

— Ну-у-у, Димча, мне разве повод нужен?! — Водя носом по кромке волос, шумно втягиваю его запах, зная, как его это возбуждает.

— Ни стыда, ни совести у тебя, Лис. Заваливаешься ко мне подшофе. А еще говорят, только пьяные бабы о бывших вспоминают. Оказывается, и сильный пол этому недугу подвержен, — подкалывает меня парень.

— А я тебя никогда и не забывал, — почти не кривлю душой.

— Мне кажется, ты со мной играешь, как с мальчишкой, а ведь я старше тебя, — обиженно тянет далеко не мальчик, именно его и изображая — расстроенного ребенка.

— Ты, конечно, старше, но только не в постели. — Специально раззадориваю парня. Сжимаю пальцами напряженную шею и трюсь о ягодицы стояком. Грубой тканью джинсов о тонкий лен.

Толкаю Димку к стене и тут же впечатываю, вжавшись всем телом. Слышу сдавленный выдох. Ничего, не хрупкая барышня, вытерпит. Перехватываю запястья, сжимаю, не даю и дернуться. А мужчина и не собирается сопротивляться. Выгибается, жмется ягодицами к и без того болезненно эрегированному члену.

— Все еще хочешь чаю попить? — Толкаюсь бедрами, имитируя фрикции.

— Нет, — выдыхает томно, соблазнительно.

— А что же ты хочешь? — Продолжая эту маленькую игру, покрываю поцелуями холку.

— Хочу тебя.

— Молодец. Такой честный... А теперь на колени и отсоси мне. Покажи, как соскучился.

Отпускаю руки моего «пленника», даю Диме развернуться ко мне лицом, нажимаю на его плечи, и тот сползает по стенке. Придерживая за подбородок, смотрю на полные блядские губы, в расширенные зрачки, а перед глазами то и дело всплывает образ Дэна.

«Небось сейчас виртит с какой-нибудь из подружек», — мысль будит зверя. Почти не контролирую себя. Дурею. Засаживаю член так, что упираюсь головкой в самое горло, и Димка давится.

Кухня. Отдаюсь во власть наслаждения. Толкаюсь бедрами сильно, властно. Мои стоны, его мычания. Не сдержаться.

Коридор. Снова поцелуй, и шарящие по телу руки стаскивают ненужную одежду.

Спальня. Страсть кипит, срывает тормоза. Слушаю музыку его стонов, криков.

— Лис... Лис... Лис... Сумасшедший... — Беру его, подвожу к краю, но не даю кончить. Извожу, упиваюсь эросом между нами, пока не слышу такое нужное, долгожданное, победное для меня: — Прошу... дай мне кончить...

— Да, кончи для меня, малыш-ш-ш... — Скольжу горячими пальцами по взмокшей, покрытой татуировками коже. Очерчиваю выпирающие ключицы и ямочку между ними. Пресекаю попытку отвернуть лицо, крепко стискивая пальцами узкие скулы. — Смотри мне в глаза! — Не прошу. Приказываю. И, чувствуя его экстаз, накрываю тонкие твердые губы поцелуем, срывая с них сладострастный стон.

Все плывет перед глазами. Отпуская себя, иду следом, окунаясь в оглушительный оргазм, в котором на краткий миг теряются пространство и время. Блаженство растекается теплом по телу. Прикрывая глаза, понимаю, что мое наваждение не отпускает нигде, но тихое «люблю» выводит из пароксизма страсти.

— Ты никогда не называл меня малышом, — бубнит в плечо разнежившийся Димка.

— Ну, а сейчас назвал... — отбалтываюсь. Не признаваться же, что видел под собой другого.

— Лис, кто я для тебя?.. — неудобный вопрос дергает нерв осознанием, что, увы, разговора с Димкой не избежать. Надо ответить на признание, и мое банальное «спасибо» не спасет ситуацию. Но как же безумно лень даже просто открывать рот.

— Дим... Ну прошу, давай вот без этой драматической хуйни. Я думал, только женщины этот вопрос задают, — вспоминаю его подъёбку и плачу той же монетой.

— Ну, как видишь, не только. — Буквально кожей чувствую, что обидел.

— Прости, я не хотел тебя огорчить. — Примирительно обнимаю, ощущая, как он расслабляется в моих руках. Все же он тот еще манипулятор.

— Елисей.... — тянет паузу, словно пытается на что-то решиться. — Давай снова будем вместе. Я хочу быть более уверенным. — Не перебиваю: знаю, что ему сейчас трудно. — Прошу... — Сжимаю челюсти, про себя повторяя: «Только не продолжай. Только не это». — Лис, стань для меня Домом, я так нуждаюсь... — Сбивается и снова молчит, как и я. — Хочу каждый день видеть тебя, встречать тебя, жить с тобой. Тобой жить.

— Дим, а тебе не кажется, что слишком много «я хочу». Я сейчас начинаю новый проект, и прости, но пока не готов к серьезным отношениям, — мои слова прокатываются громом в ночной тишине, несмотря на то, что говорю их шепотом. — Обещаю, мы вернемся к этому разговору. Чуть позже... — говорю и внезапно понимаю, что уже все для себя решил. Что пути назад нет. А он...

Он улыбается, согласно кивает головой. Вот ведь...

— Димка, все же ты мазохист. Ты же прекрасно понимаешь, что я верность не храню, пью, могу сорваться и уехать на байке на несколько дней. Что бизнес сейчас для меня важнее отношений. А еще влежку могу тебе пиздюлей навешать, если мне что не понравится. И вот такое «добро» ты готов ждать?

— Да, — отвечает куда-то в шею и доверчиво льнет ко мне.

А мне и сказать на это нечего. Только дать то, что могу. Поэтому снова по кругу: страсть, ласки, граничащие с болью, и сорванные в столах-криках голоса...

Примечание к части

Музычка, под настрой от ЯКиЦунЯ : Линда - Камера пыток

<https://www.youtube.com/watch?v=15EqvN5eU-c>

Ваше забыл про визуализацию. Исправляюсь :))

Митланд Б.Н.- http://annahelp.ru/wp-content/uploads/2016/10/kurenje_8.jpg;

Сашка - <https://es.pinterest.com/pin/451415562634461188/?lp=true>;

Димка - <http://starlife.com.ua/media/photo/big/9UQ0N70QQD.jpg>;

Отснужинкиные хренпоймишки:

сексотная* - сексот - секретный сотрудник, осведомитель;

меня терзают смутные сомнения* - к/ф "Иван Васильевич меняет профессию";

гул Земли* - https://www.youtube.com/watch?v=bNIX3pr9_N4;

тумблер* - стакан для виски

https://www.verdeo.ru/i/media/verdeo/47/35/59946_9000116.jpg.

Часть вторая. Надежда. Песнь четвертая. Евангелие от Дениса

— Ведьмак... Точно Ведьмак... — Тупо пялюсь на погасший экран монитора, старательно вслушиваясь в непривычную тишину, что повисла в комнате вслед за тем, как только что работавший процессор решил, что с него хватит, и в аварийном режиме вырубил ПК.

Снимаю с головы ненужные в данной ситуации наушники, выдыхая скопившийся внутри мандраж:

— Бля-я-я... — я настолько потрясен, изумлен, обескуражен, что теряюсь в своих эмоциях и не могу адекватно реагировать.

Я, конечно, согласен с утверждением «если ты чего-то не видишь, это не значит, что этого не существует». Но я-то вижу! Только в существование поверить все равно не могу. Может, поэтому мозг включает внутри какое-то спящее пятьдесят восьмое чувство, которое грузит душу предчувствием грозящего пиздеца.

А пока этот гипотетический аллес капут не наступил, нужно решать конкретную проблему. Решаю — пинаю системный блок. Понимаю, что бесполезно, но как же трудно великорусскому рубахе-парню не применить к электронике беспощадно варварский национальный способ ремонта. Ударная терапия ожидаемо не помогает, но все же немного снижает звенящее в нервах напряжение.

Следующим шагом решаю использовать менее мощные, зато более умелые конечности — руки и включаю ПК с кнопки. На монитор является загрузочная страница, но, так и не завершив восстановление системы, комп вновь уходит в off.

— Какого хуя?.. — не могу сдерживать так и фонтанирующие эмоции, снова и снова пытаюсь уговорить электронные мозги воскресить мою паутинную жизнь. — Ты че творишь? — вопрос железу? Себе? Лису? Только никто из них не дает ответа, а я в панике отрицательно мотаю головой: — Нет, нет, нет...

Я могу пережить все: всемирный потоп в Сахаре и штиль в Аллее торнадо, извержение вулканов на Венере и уровень радиации на Марсе, третью мировую в киношке и даже второе пришествие Христа в реале! Но только не безвременную кончину моего компа.

Сижу будто в вакуумной банке. Ничего не вижу. Ничего не слышу. Да и сказать ничего никому не могу, кроме крутящейся возле меня Маркизы. Ей и говорю:

— Тащи отвертки. Щас армагеддец ликвидировать будем...

Через полчаса сборки-разборки железа, гудения в ночи пылесоса и высказывания особо забористых терминов, никакого отношения к устройству ПК не имеющих, погружаюсь в чернее черного хандру, понимая, что отладить эту рухлядь своими силами не удастся.

Скользнув взглядом по брутальным постерам на стенах, заглянув на кухне в холодильник и даже приоткрыв крышку кастрюли с чем-то пузырящимся внутри, пытаюсь найти позитив, и не нахожу. Кажется, что вместе с этим сдохшим куском железа во мне остановился пульс.

— Ну-у-у почему-у-у сейчас? — тихо подвываю на луну, которая сочувственно заглядывает в окно, но разговаривать со мной на тему причинно-следственных связей не желает.

Зато вследствие того, что до утра занять себя все равно нечем, заваливаюсь на футон, сграбастав в охапку свой пушистый антидепрессант. Надо бы уснуть, выдохнуться за все недосыпы в прошлом и еще на год вперед, но, как это обычно происходит, сна ни в одном глазу. Зато нервы на взводе. Башка раскалывается от мыслей, что выедают мозг компьютерными червями.

Приворот... Колдовство... Куда меня вообще понесло? Не иначе как хронический недотрахан и острый спермотоксикоз в голову ударили. А все он — Лис... Если у меня в его виртуальном присутствии так извилины выпрямляет, что говорить о компе... Этой горсти микросхем и давнано мозги коротнуло. Хотя, конечно, высохшая термопаста тоже вариант.

А ведь сколько раз себе говорил: «Купи ноут, планшет, из конца в конец нормальный телефон, чтоб не быть привязанным к своему паутинному углу». Так нет же! Все по древней традиции — пока баба с возу не слезет, мужик не перекрестится.

Креститься не умею, но при таком раскладе вскорости точно научусь, хотя точно уверен — не поможет. Надеюсь, этот Ведьмак видит, что у меня, ясен пень по его вине, техника накрылась, а не думает, что я опять сбежал в самом разгаре своего...

Бля-я-я... Что за истерику я закатил? Почему меня на ровном месте прорвало, как нефтяное месторождение в Саудовской Аравии? Облил парня грязью ни за что ни про что... Нарывкал. Инкриминировал средневековое преступление. Осталось только кострище у столба сложить и факел поднести. Инквизитор хренов...

— Маркизка, может, ты знаешь, что со мной происходит? — Глажу по бестолковке пригревшуюся тарыхтелку, но она, как чукча, на одной ноте поет и поет о чем-то о своем.

— Интересно, что он сейчас делает? Может, валерьянку пьет или что покрепче? А может, плюнул на безликого придурка и переключился на красивые глазки, стройные ножки, глубокое декольте или, что вполне вероятно, на какую-нибудь волосатую задницу. — Подмигиваю кошенке, ощущая, как в душе шевельнулось давно забытое чувство — Ревность.

Совсем как тогда, когда некоторые из моих «цветочков» вдруг начали писать мне о таинственном незнакомце, заставляющем своими сладкими речами восторженно замирать их трепетные сердечки.

— Наверняка он девчонкам не только мед в уши льет, — вилами на воде нарисованное предположение больно колет под грудиной. — Точно своими кубиками в профиль и анфас соблазняет. — Вроде бы дремлющая кошка приоткрывает глаза и беспардонно сворачивается в клубок у меня на животе, сразу почувствовав, какую удушливую волну с большой буквы Зависти подняли во мне эти мысли.

Жаль, не могу хоть одним глазком на него взглянуть. Сам никогда не попрошу, а магической силы мне не дано. Я же обычный хомо сапиенс, а не Ведьмак восьмидесятого левела.

Даже странно: я ни разу не видел Лиса, но уверен, он бы мне понравился. Я с первого дня нашего знакомства испытал к нему искреннюю

симпатию. И с каждой нашей встречей понимал, что есть в этом человеке что-то, что вызывает внутреннее волнение. Все же прав Елисей, что мы любим в человеке прежде всего душу, но порой так хочется взглянуть в глаза.

Э-э-эх... Мне бы какую заваливающую волшебную палочку, я бы этого колдуна со всех ракурсов разглядел. Изучил бы все его трещинки*, выровнял свои, а до кучи все в этом мире с ног на голову перевернул, чтобы кровь прилиwała куда надо, а не в то место, на котором сидим.

Купить, что ли, зонтик... Слетать на Туманный Альбион. Лондон. Двухэтажный автобус до застекленных арок Кингс-Кросса. Платформа девять и три четверти. С твердым намерением заглянуть к великому потомственному мастеру Гарику Олливандеру* в обшарпанное здание на южной стороне Косого переулка, разбежаться, зажмурить глаза перед кирпичной стеной и...

...Безлюдье. Здесь все одичало, заросло. Изыщные стволы молодых березок мотыляются на ветру. Задираю голову, чтоб взглянуть на верхушки елей, что сажал с бабулей еще не колючими былинками. А та, что моя ровесница, стоит роскошной красавицей, качает широкими лапами, приглашая укрыться в густой тени. Обнимаю ее шершавый ствол, вдыхая запах смолистых слезок.

Проселочная дорога превратилась в едва приметную тропинку. Некошенный луг щекошет голые ноги. Нереально яркое разноцветье трав не режет глаз, как и светло-сиреневый купол неба.

Тонкий запах набирающего силу лета волнует душу. Хочется раскинуть руки и обнять весь мир. Что-то радостное, свободное внутри окрыляет, делает меня невесомым. Выкрикнуть бы в небеса свое счастье и взлететь. Но я не нарушу эту трепетную тишину.

Заваливаюсь в мягкую, как облака, траву. Мне хорошо. Светло, благодушно, как не было давно. Шорох, и я, отрывая голову от земли, застываю.

Ярко-рыжий огонек затаился невдалеке. Лисенок. Совсем мелкий. Не шелохнется, только черные бусины глаз неотрывно следят за мной, порождая в душе восторг и умиление.

— Потерялся? — посылаю ему мысли, гадая, убежит или нет. Хочется потискать, тронуть шерстку хитрого пушистика. — Кис-кис-кис. — Первое, что приходит на ум, — подозвать поближе, и хитрая мордашка зубасто улыбается, что-то пытается мне ответить, издавая смешные звуки, так похожие на твяканье и мяуканье одновременно.

— Хочешь?.. — осторожно, чтобы не спугнуть, протягиваю Лисенку наливное яблоко, и он фыркает, будто смеется надо мной, ведет ушками, начинает вилять хвостом, показывая свое расположение. Не уходит, не приближается и не спускает с меня изучающего взгляда.

— Подойди, я не обижу. — Зверек осторожно подползает все ближе. Моему восторгу нет границ. Как, оказывается, мало надо человеку для счастья. Улыбаясь, как последний дебил, пропускаю густую шерсть между пальцев. И маленький смельчак отвечает на ласку, начинает урчать, выгибая хребет. А после и совсем заваливается на спинку, подставляя под ласки белое брюшко. Потягивает от удовольствия, иногда прикусывая руку, но не больно, а так... играясь.

— Будем дружить... — Лисенок замирает под ладонью, и я сам замираю. До меня запоздало доходит, что со мной рядом не домашнее животное, а дикий зверь, но мне совсем не страшно. А рыжик, словно почуяв мое состояние, забирается на колени и, высунув язык, слюнякает щеку.

— Останься со мной, — прошу, глядя в искрящиеся глаза существа, которое виляет хвостом, щекоча мне голень. Мгновение, другое, и ногу обжигает боль. Ничего не понимая, вижу, как Лисенок тает. Перетекая, вживляется мне под кожу, расцветая огненной картинкой мягко ступающего лиса, распушившего девять хвостов. Древний, великий дух-хранитель Кицунэ*...

Просыпаюсь, словно из проруби вынырываю. Вроде вот только глаза закрыл, а за окном уже светло. Смотрю на покрытую ожогами голень, словно пытаюсь увидеть в этих шрамах контуры татуировки из сна. А ведь и правда хорошо ляжет, скроет распутившимися хвостами эти уродливые рубцы.

«Интересно, что скажет, Лис, если я набью татуху девятихвостого? — думаю, вспоминая странный, до мистицизма, сон. — И вообще, почему он мне под кожу засел?!»

— Маркиз, ты всю службу завалила, — отчитываю свою питомицу. — Этот Ведьмак мне даже ночью покоя не дает, а ты и в ус не дуешь. Пока ты, как лошадь пожарная, фазу топила, втирался ко мне в доверие в образе Лиса! Я у него типа Маленький принц! — Рассказываю кошке сновидение. — А я его яблоками кормил... Прикинь? К чему бы это вапще? Надо погуглить...

Уже дергаюсь к своему паутинному углу, как вид разобранного системника долбит по голове реальностью жизни.

— Девочка моя, это ты сделала? — махнув рукой на грудку железа, в шутку придираюсь к Маркизке, которая с величием королевы всея квартиры снисходительно игнорирует мои наезды.

Готов, как царь Кошей, всплакнуть над своим «златом», но на сантименты времени нет. Решительно собираюсь, пока не начал изобретать тысячу способов, как и чем термопасту заменить.

— Значит так! Действуем по моему гениальному плану. Шас я этот тарантас в ремонт сдам... — Мой зубовный скрип слышно, наверное, на так нелюбимой улице. — А ты пока собирайся. В деревню свалим. Мне надо нервную систему поправить, кислородом отравиться и по травке босиком походить, чтоб всякие дурацкие сны да ведьмовские привороты заземлить.

Через час уже подхватываю кошку на руки, устраивая свою принцессу на переднее сиденье взятой напрокат отцовской «Зафиры». Пристегиваться царская особа не хочет, зато с интересом таращится через стекло на малознакомый мир. Готов насвистывать от подозрительно прекрасного настроения. Завожу машину, и go...

Радуюсь. Что ремонт и прокачка компа займут не так много времени, как я думал. И уже к вечеру я смогу вернуть себе свой мир.

Радуюсь. Хоть и по такому невеселому поводу, как сдохший комп, тому, что отдохну от работы и вынужденного общения с массой недалеких обывателей, которые с незавидной систематичностью выбешивают своей беспробудной тупостью, но с которыми я должен быть предельно вежлив и корректен. Примерно как российские дипломаты с Трампом. А как порой хочется клацнуть зубами, объясняя «шибко умным», что

вариант «утром стулья, а вечером — деньги» меня не устраивает.

Радуюсь. Что даже если бы и захотел поработать — не смог бы. Сети в глухомани, куда собираюсь переместить свои не святые мощи, даже в двадцать первом веке нет — еще не опутала всемирная паутина этот не забытый лесными пауками клочок земли.

Радуюсь. Что, в кои-то веки вырвавшись на природу, еду в безлюдное место, где никто не нарушит мой покой и уединение. Где могу хоть голышом гулять, и ни одна бабочка не бросит на меня испуганный взгляд.

Радуюсь. И не столько солнцу, что всюю улыбается мне с безоблачных небес, сколько тому, что в хорошую погоду не ноют переломанные кости.

Радуюсь, думая о скорой встрече с Лисом. Хотя и гоню от себя мысли о нем, но мне это откровенно плохо удается. Почему-то я все чаще и чаще с ним, даже когда не с ним. Мысленно делюсь обыденными мелочами о смысле жизни и философскими вопросами типа «кого съесть на ужин». Рассказываю реальные случаи из автобиографии и несусветные фантазии, возникающие в загогулинах мозга, и даже не спрашиваю, верит или нет. Просто надеюсь, что ему это интересно, ведь сам, «развесив уши», слушаю его истории. Да, именно слушаю, потому что, бегая глазами по строчкам, я явственно слышу его тихий голос.

И даже сейчас мне кажется, что он сидит вместе с Маркизой на пассажирском и, внимательно вникая в мою непрерывную трескотню, мечтательно улыбается, шуря на восходящее солнце. На секунду отрываю взгляд от дорожного полотна, чтоб открыто посмотреть на него, улыбнуться в ответ, и... улыбаюсь моей пушистой спутнице.

— Маркиз, я так стану конченным оптимистом, — обращаюсь к притихшей домашней питомице, которая хоть и выглядит сейчас испуганной, но — знаю! — обрадуется возможности почувствовать себя дикой кошкой: погонять мышей, полазить по старым яблоням, поесть и от души блевануть витаминчиками из зеленой травки.

Дорога к дому все больше напоминает послевоенную, словно после бомбежки, и низкий «Опель» то и дело шаркает по колдобинам брюхом. Деревушка вымирает, но за это я и люблю места моего детства и юности. Столько воспоминаний, как хороших, так и плохих, но плохие заперты в ящик Пандоры. Сейчас я просто хочу побыть один на один с природой, послушать ее умиротворяющее дыхание.

Резкий, на девяносто градусов, поворот к дому, и понимаю, что моим радужным надеждам не дано сбыться, по крайней мере не так быстро. У калитки припаркована древняя ободранно-вишневого цвета «девятка». Торможу «нос в нос». Вылезаю из салона, не понимая, кого и, самое главное, зачем занесло в этот тупик, из которого выезд только задним ходом. Маркизка хвостиком выскакивает за мной, принюхивается к загородному миру.

Захожу на двор. Дом не тронут, но картина «Пятеро жнецов в поле» не радует. Что делают парни — понимаю сразу.

Зеленые головки маков, что год за годом растут и сеются сами по себе на этой необхожденной земле, надсекаются канцелярскими ножами, и незваные гости так увлеченно промакивают бинтами сочащийся из надрезов млечный сок, что даже не реагируют на мое неожиданное для них явление.

— Парни, а вы, часом, не заблудились? — окликаю «козлов», что пасутся на моем огороде.

Нет. Они не смущаются и не пугаются. И что хуже всего — чувствуют себя хозяевами положения.

— А ты сам-то кто будешь? — поднимается из положения «раком» один из сборщиков урожая.

Окидывает меня тяжелым взглядом скота, и чувство опасности, что зародилось еще при одном только виде чужаков, вырастает в разы.

— Вообще-то, это мой дом и земля тоже моя. — Сжимаю кулаки, руки так и чешутся прикопать эту мразь тут же, на цветущей лужайке. В который раз жалею, что не обзавелся огнестрелом, и в отцовской тачке нет ни биты, ни ножа. Зато в их руках поблескивают острыми лезвиями канцелярские принадлежности.

— Парень, ты не кипишуй, — цедит один со спокойствием дохлой рыбы в глазах.

— Мы думали, тут заброшено, — вторит другой, прикуривая сигарету.

— Индюк тоже думал... — пытаюсь быковать если не кулаками, то хотя бы словами, видя, как шакалье сбивается в стаю. Конечно, так проще почувствовать силу, но я и без этих маневров понимаю: расклад не на нашей с Маркизой стороне, и осознание собственного бессилия бесит, клокочет в крови адреналином, срывая тормоза.

— Слышь, ты полегче, малой, — вкрадчиво тянет старший, на вид закоренелый урка. — Не нарывайся! Мы у тебя тут с твоего разрешения цветочки соберем и по-тихому свалим, — явно издевается блатной, выделяя слово «разрешение».

— Разрешения моего вы не дождетесь. Ноги в руки и го отсюда. Номер машины я запомнил. Не свалите — сообщу куда надо, — угрожаю нарикам, держа в руке бесполезный телефон. Тут еще поискать нужно место, где появится хотя бы призрак сети. Да и кто в эту глухомань придет?

— Чо базаришь, урод? — надвигается на меня коренастый парень с коротко, почти под ноль, стриженными волосами и наотмашь бьет по большому: — Ты, видать, уже однажды хайло разинул, раз тебя так покоцали.

— Может, хочешь, чтоб твой рыльник еще одним шрамом украсили? Или хлебало как у Гуинплена распахали? — с блаженной улыбкой маньяка шипит другой, руки которого покрыты болезненными отметинами.

— А может, сразу перо под ребра этому «красавчику», — сквозь зубы сплевывает мне под ноги третий, и меня кривит от омерзения. — И закопать, чтоб мамка не нашла? — В руке блатного выпархивает стальное лезвие «бабочки».

— Только вякни, сучоныйш, и хата твоя полыхнет, — кивок головы на старую развалюху, образец совкового постмодернизма еще одного с богатой на триллеры фантазией. — А если надо, и тебя найдем, тогда по-другому запоешь. Петушком.

— Но сначала я сверну шею кошке. Терпеть не могу этих тварей. У меня на них аллергия... — ржет самый старший и бурлит взглядом, в котором нет и тени веселости, не Маркизку, что, ощущая зверя, жмет к моим ногам, — меня.

До предела натянутые нервы вибрируют гитарной струной и того и гляди оборвутся, издав характерное «бляя-я-ям»... Все, что нестерпимо хочу, — стереть эту мразь с лица земли. Только холодный разум подсказывает: если сейчас хоть что-то вякну, тут и останусь, и все, что могу, — отступить. Подхватив на руки шипящую кошку, медленно иду к машине, на ходу бросая:

— Забирайте все, что вам надо, и убирайтесь.

Маркизка в салоне, я за руль. Не хочу ничего этого видеть. Сдаю задним ходом до поворота и уезжаю в поля. Меня колотит так, что приходится затормозить. Руки трясутся. Еле закидываю в рот успокоительное, что всегда со мной вместе с анальгетиками. Обливаясь водой из бутылки, запиваю. Ни мыслей, ни чувств, только гул высоковольтных проводов в ушах. Мозг, испытывая эмоциональную перегрузку, отрубается. Не замечаю, как засыпаю в тени лесопосадки.

Жарко. Как же жарко. Словно из наркоза, выплываю из дурного сна, когда солнце уже перевалило за полдень и вовсю херачит в стекла, нагревая салон. На душе такое опустошение, будто меня, как половую тряпку, изгваздали в грязи, а потом взяли и досуха выжали в ведро.

Настроение не просто испорчено — мне настолько мутно, что к горлу подкатывает тошнота. Какой раз замечаю: если радуешься поутру, к обеду хочется в петлю. Что за долбанный закон равновесия? Хотя может, и существует, чтоб на фоне всеобщего пиздеца иногда чувствовать себя счастливым. Или наоборот — после сиюминутного ощущения счастья окунуться в беспросветную депрессию с головой.

Только гложет меня не депрессия. Злость кипит внутри. И не столько на этих утырках, которых и так Бог наказал, лишив разума, сколько на себя. Что не смог ответить по достоинству зарвавшейся мрази. Что махнул рукой, а надо было кулаком. Что отступил, хотя нужно было проявить стойкость. Снова ищу себе оправдания. Снова эти гнилые мысли: «Если бы да кабы... да где бы тетрадь смерти с небес да прямо в руки свалилась*...»

Блять! Сам себя ненавижу в такие минуты. Это мерзопакостное чувство мазутом по внутренностям, до блевотины. Сколько раз давал себе слово не пускать в себя глупые мечты о всемогуществе злобного божка, которым мне никогда не быть.

Давно бы пора стать мужчиной, снисходительным и великодушным к сирым и убогим. Научиться разговаривать с быдлом с позиции силы. И уж если случилось дерьмо, не зарываться в него по самую макушку, а следовать закону бумеранга. Только вот кто бы научил, как это сделать. Я как был мальчишкой, что не смог дать отпор насильнику, так им и остался.

«Нужно возвращаться», — безо всякого желания делать это завожу движок, со скоростью пешехода направляя тачку обратно, сразу решая для себя, что если эти козлы до сих пор еще пасутся на огороде — возвращаюсь в город. Но их уже и след простыл. Хотя нет... Их следы повсюду. Видимые и незримые.

Выпуская Маркизку на «вольные хлеба», бреду по участку. Не смотрю на оборванные головки запретных цветов. Сколько лет тут росли, радуя глаз буйными красками. Никогда и мысли не было, что этот сорняк принесет мне столько проблем. Но вот случилось...

Такое чувство, словно мой рай осквернили. Словно эта нелюдь испоганила все вокруг несмыслимой, смрадной грязью. И как отмыться от этого дерьма, понятия не имею. Впрочем, одна мысль уже есть. Прежде чем навести порядок в себе, решаю очистить двор от опиумной поляны.

Переодеваюсь в опустевшем доме, где давно уже хозяйничают лишь мыши. Старая рубаха с продранными локтями. Поношенные штаны, из которых я когда-то «вырос», а теперь едва держатся на бедрах. Раздолбанные китайские кроссовки. В пару минут перевоплощаюсь из городского нерда в современного крестьянина.

Заглядываю в сарай. Рука сама тянется к древней, как Русь, косе. Пара росчерков правилом по изогнутому лезвию — и я, преисполненный решимости, возвращаюсь на маковую плантацию.

Ш-ш-ших... Коси, коса, пока роса, пока стебли растений упруги, наполнены соками земли. Только не могу я ждать ни утра, ни росы. Мне сейчас, в эту самую минуту, нужно выпустить пар. Потому что во мне уже включился этот старый патефон с заезженной пластинкой и будет круг за кругом каркать душу острой иглой самокопания.

Ш-ш-ших... Когда-то давно от бабули слышал, что Бог не дает человеку испытания, которые он не сможет вынести. Сколько еще краш-тестов я должен пройти, чтобы дойти до предела? Сколько?!

Ш-ш-ших... Сколько еще должен уверять себя, что все нормально, — потому что это ни хрена не нормально. Ненормально — день за днем вырубать мысли, почему не ушел тогда. На кой хрен тот Хрен, что якобы правит этим миром, оставил меня жить? Чтоб я сполна ощутил всю свою ненависть к нему?

Ш-ш-ших... Так я это ощущаю. Ежедневно, когда-то от тягостных мыслей, то от изнуряющей боли не могу забыться во сне. Ежедневно, когда, надевая многоликие маски, пытаюсь абстрагироваться от реальности. И каждый раз понимаю, что не живу, а лишь создаю иллюзию жизни. Но и из этих миражей меня то и дело выдергивают и мажут носом в говно вот такие типы...

Ш-ш-ших... Сколько еще твердить себе, что я сильный, что закалился и мне все похуй, что вытерплю что угодно и не сломаюсь?! Это все хуйня. И косой взгляд украдкой, и прямой тычок пальцем каждый раз, как в первый раз, бьет по нервам, словно по незажившей ране. И вроде давно должен наплевать с высокой колокольни, но боль не отпускает.

Наверное, многие думают, что если парни не плачут, то и души у них нет. Но это не так. Нам тоже бывает неважно. Только дать волю чувствам — значит проявить слабость. А мужчина должен если не быть, то хотя бы выглядеть сильным. Не жаловаться, не ныть и не перекладывать груз на чужие плечи. Все сам. Молча терпеть и тянуть свою лямку или вот так, стиснув зубы, косить, чувствуя, как душа обливается кровавыми слезами.

Ш-ш-ших... Пальцы крепко сжимают косье и рукоятку. Никогда не косил, но память предков направляет руки, и под эти размеренные взмахи от плеча теплые воспоминания о бабушкиных булочках с маком раз за разом сметаются в зеленый валик. Срезаю опиумные цветы, а в мыслях, словно тот самый Жнец, одним движением сношу головы своим непрошеным гостям. Ш-ш-ших...

Ровно постриженный луг. Запах свежескошенной травы. Пот струится по спине, испарина выступила на лбу и над верхней губой. Жар, и не только в теле — от физического труда, но и в голове — от кипящих мыслей.

Стою на крутом берегу небольшого пруда, что когда-то давно, почти как Бог землю, сотворил для своей спокойной жизни. Там — в другом мире — резвятся мелкие рыбки, размывая расходящимися кругами мое темное безликое отражение.

Точно. Надо освежиться. Вода. Она смое с меня грязные взгляды, остановит ход нелегких мыслей. Спинаваю кроссовки, сдергиваю рубашу, штаны. Думая, как бы не испугать белизной жопы невинных рыбок, спускаюсь по скользким, заросшим тиной ступенькам вниз. Теплая вода ласкает ступни, голени, бедра, доходит до груди, и я уже чувствую отрезвляющую прохладу бьющих из глубины родников.

Дыхание спирает, а по коже бегут мурашки. Толчок, ложусь на поверхность, что всегда так уверенно держит меня на плаву. Солнце слепит глаза, лишь порой скрываясь за белым пухом облаков, и кажется, будто я парю по небосводу, отраженному в глади воды.

Отчего люди не летают так, как птицы?* Только допотопный идиот мог задать такой вопрос. А вот «Почему не перерождаются, как мотыльки?» — вопрос современного придурка. Но как было бы прикольно завернуться в плотный кокон, распастись на молекулы и проснуться уже другим. Не вынужденным ползать уродцем-гусеницей, а умеющим летать красавцем-махаоном.

Все, что говорится в Библии про право выбора — полная херь. Дал бы Он мне сейчас такое право, разве я бы остался в этой жизни? Неа, я бы захотел в другую. В этой меня ничто не держит. Попробовать, что ли? Хули нам? Это ж так просто — опуститься на дно, вдохнуть полную грудь воды, и больше ни одной мысли...

Погружаю ноги в леденящую темноту, поднимаю руки к теплему солнцу, и пластичная субстанция послушно принимает мое тело, смыкаясь над головой. Перед глазами мутно-зеленая прозрачность хризолита. Солнечные лучи бликуют на тонкой грани поверхностного натяжения. Стайки пузырьков воздуха, так красиво отливая серебром, убегают вверх и щекочут скулы.

Мне не страшно, как было бы страшно, стой я на высоте. Мне не больно, как было бы больно, черкани я бритвой по запястьям. Мне не зыбко, как было бы зыбко на шатком табурете с петлей на шее. Мне никак. Просто немного холодно. Просто с каждым ударом сердца все труднее сдерживать в себе желание взмахнуть руками и оттолкнуться от дна. Просто с каждым мигом все сильнее переживает спазмами горло. Просто нужно-то всего лишь открыть рот, вдохнуть, и...

Что-то непонятное скользит по щиколотке. Снова задевает кожу под коленом и... беспардонно вцепляется зубами в бедро. Боль такая, что глаза на лоб лезут.

Выдыхая из себя остатки жизненно необходимого кислорода, пускаю пузыри и проклятья чертовой «пиранье», которой в этот драматический момент стрельнуло выкусить из меня кусок постного филея. Отчаянно молотя руками, всплываю на поверхность. Хватаю ртом воздух. Глаза режет. Из носа льется вода, вызывая противное жжение. Отфыркиваясь, отчаянным брассом стартую к железной лестнице.

На последней ступеньке мечется моя кошечка, боязливо трогая темной лапкой воду, мявкает, зовет. Пулей вылетаю на берег.

— Маркизка! Меня какая-то сволочь сожрать хотела! — Вытаращив глаза, пытаюсь разглядеть на ноге кровоточащую рану величиной как минимум с кулак, но на коже нет вообще ничего. Ни проколов от вампирских зубов приبلудного ундина, ни присосавшейся гигантской пиявки-мутанта, ни отпечатков челюстей озверевших плотоядных карасей.

— Мммря-я-ям, — нервничает моя девочка, зовет подальше от злосчастного пруда.

— П-п-пиздец... — клацая зубами и покрываясь гусиной кожей, сам готов бежать вприпрыжку, настолько замерз в ледяной воде.

«Идиот! Хули раскис! Будь мужчиной! Чего удумал? Ебнулся совсем?! — вычитываю себя и свой ахуевший мозг, что подкинул бредовую идею. — У тебя есть те, за кого ты в ответе, — краем глаза вижу мою хранильницу, что гоняет поодаль мотыльков. — Маркизка, мать, отец. Мои девочки, которым пудрю мозги всякой ерундой. И еще есть Он»...

Елисей... Нет, этому парню мозги не запудришь, и кажется, он сам заморочил мне голову. Он так нравится мне, но все же... Наши отношения мне непонятны. Что самое страшное, они все меньше и меньше походят на игру, и я боюсь их. Давно запретил себе чувства, но отказаться от Лиса не готов. Он какой-то наркотик. Я всего сутки как не был в Сети, но едва сдерживаю себя, чтоб прямчас не сорваться в опутанный паутиной мир.

Туда, где живет мое рыжемордое наваждение. Туда, где он так близко, а на самом деле, может быть, и очень далеко. Я ведь до сих пор понятия не имею, где обитает хитрый Лис. На другом континенте, или на соседней улице. Да это для меня и не важно. Важно то, что я чувствую его присутствие. Вот и сейчас словно кто смотрит в спину, и меня передергивает под этим взглядом. Не отпускает нерв. В голове пульсирует непонятно откуда взявшаяся мысль, что пугает и волнует одновременно.

Меня ведет неведомая сила, тянет к раскинувшейся над водой плакучей иве — свидетельнице моего проступка. Срезаю тонкие прутья с твердой убежденностью, что так надо. Тело натянуто, как струна, звенит. Но нервозность отступает. Все правильно! Мне хорошо, спокойно, будто я достиг аматы*.

Темная комната. Я обнажен. В широкое окно врываются кроваво-красные лучи заходящего солнца и отражаются от растрескавшегося зеркала, встроенного в старинный шкаф. Взгляд через плечо. Отражение...

— Ты будешь наказан! — Он стоит за спиной. Высокий, сильный, негодующий, сжимая в руке пук розог. — Упрись руками в раму. Ноги шире.

Даже мысли нет сказать поперек слово или не подчиниться. Свист прутьев — и ягодицы обжигает болью. Раз, другой, третий... Я терплю — знаю, что заслужил.

— Как ты мог до такого додуматься?! — глухой, строгий голос вызывает дрожь. Путья по-любовному жарко обнимают спину, обжигают кожу, покрытую татуировками и шрамами.

— Этого не повторится, — шиплю сквозь зубы, но дышать все трудней, как и сдерживать вскрики.

— Ты решил оставить меня в этом мире одного? — Я тону в боли. Погружаюсь в сингулярность, когда время и даже пространство изменяется. Когда с каждым ударом меня отпускает. Когда в голове становится пусто от мыслей, там живут только чувства. Выдыхаю боль. Кричу его имя. Я так хочу, чтобы он прижал меня к себе. Тронул пальцами саднящие полосы, но нет. Новые удары жалят тело.

Горю в лучах заката и внутренним пламенем. Чувствую его взгляд. Он скользит по моей вздрагивающей фигуре. Я возбужден. Кровь кипит в венах, шумит в ушах, но я слышу свист рассекающих воздух прутьев и его голос:

— Запомни: ты мой!

— Тво-о-о-й... — выдыхаю на исходе сил и молю: — Коснись меня, пожалуйста.

Довольный хмык в загибок, и его ладонь обхватывает мой возбужденный член, и я знаю: все, что мне нужно в этот миг — чувствовать его силу за своей спиной.

Мне не надо много, чтобы сорваться в оргазм. Кайф наполняет тело теплом, забирая в обмен на секундное блаженство силы. Ноги дрожат, руки соскальзывают с подоконника, и я оседаю. Бля-я-я, я ебнулся и, кажется, влюбился! Или влюбился и ебнулся. Не знаю, что здесь причина, а что следствие. Да и знать не хочу.

Дощатый пол студит горящую задницу, вызывая озноб, а я все никак не могу выплыть из космоса эйфории, что раскачивает меня, словно младенца в колыбели. Глубоко вдыхаю прохладный воздух ночи, наполненный терпким запахом секса, пота и... крови.

Примечание к части

Непонятки:

все его трещинки* - Земфира "Почему" <https://www.youtube.com/watch?v=VAZgVpQRZ3A>

Гарику Олливандеру* -

http://ru.harrypotter.wikia.com/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0_%D0%9E%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%9A%D0%B8%D1%86%D1%83%D0%BD%D1%8D

Кицунэ* - <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%86%D1%83%D0%BD%D1%8D>

тетрадь смерти с небес да прямо в руки свалилась* - <http://animevost.org/tip/tv/154-death-note.html>

Отчего люди не летают так, как птицы?* - говорят, что Островский, "Гроза"))

аматы* - нирвана <https://sunmag.me/sovety/29-03-2014-sostoyanie-nirvany-kak-ego-dostich-vidy-nirvany.html>

Часть вторая. Надежда. Песнь пятая. Евангелие от Елисея

...Накрывает. Резко, неожиданно. Гул в ушах. Проваливаюсь. Падаю, разрывая телом слой за слоем пространства параллельных миров, словно проламывая небоскреб этаж за этажом. Каждый этаж — чей-то мир, но мне не до них. Меня тянет, нет, не земное притяжение. Меня, словно по законам фундаментального взаимодействия, влечет моя запутанная частица. Мой Дэн.

Лечу к нему — на свет, а оказываюсь в непроглядной ТЬМЕ. Сплошная, от горизонта до горизонта. Дышит. Как будто живая пульсирует. Медленно кружит воронкой, сжимаясь в плотный сгусток в эпицентре — там, где на грани видимости мерцает неясная тень. Нестабильная. Неуловимая. Шипящей помехой на экране телевизора. Даже в этом мраке я узнаю его. Дэн! И...

Как свою, чувствую зеленую тоску, болотной тиной затягивающую душу в трясины безнадежности. Пасмурные мысли, проникая в меня, несутся с эритроцитами по руслам артерий и пропитывают тело черной меланхолией, оседая на языке привкусом горечи.

Свинцовая капля дождя срывается с небес и разбивается о вязкую тьму. Разбегаясь по ней светлыми кольцами, открывает вид на серое блюдо заводи. Железная лестница, уходящая вглубь, как дорога в умиротворение. Зыбкое отражение в воде отзеркаленного мира. Повислые ветви старой ветлы плачут соками земли. Ослепительные блики солнца заставляют прищурить глаза, глядя, как клубящиеся клочья облаков обрывками мыслей уносятся за край отражающей поверхности. И в этом перевернутом небе парит мой Денис.

Легкий, невесомый. Кажется, может нимбусом унести вместе с порывом ветра. Раскинутые руки и ноги бережно обтекает вода. Как бы я хотел оказаться на ее месте. Влажно лизнуть это тощее тельце. Взмах руками — крыльями. Ну же... Лети ко мне.

Он слышит мой зов. Летит. Или это я лечу к нему. Ближе, ближе... Я буквально вишу над Денисом, кажется — только протяни руку, и... Улыбка сама сползает с губ. А ведь я чего-то такого и ожидал. Но одно дело — предполагать, а другое — видеть.

Скольжу взглядом по глубокому рваному шраму, что пересекает лицо, по забитым татушками рубцам и следам ожогов, и боль за моего Дениса сжимает сердце стальным кулаком, не дает дышать. Больно смотреть — и понимать, что опоздал. Что не оградил от беды, а когда он выкарабкался из бездны, меня не оказалось рядом, и весь этот ужас он пережил без меня. Больно, что не помог, не поддержал. А должен был! Черт...

Не в моих силах повернуть время вспять, чтобы исправить выверты судьбы, но я могу залечить душевную травму Дэна, и самое главное — знаю как. Ничего в нем меня не пугает, не отталкивает. Наоборот, вызывает трепетную волну нежности и желание поцеловать каждый след, не из жалости, а из гордости. Мой маленький стойкий оловянный солдатик.

И еще хочется в голос заорать: «Ты этого стесняешься?! Ты поэтому меня избегаешь?! Да мне пофиг шрамы на твоём теле! В твоих глазах я вижу Вселенную, познаю Миры. С тобой я вечный первооткрыватель. Ты нужен мне, какой ты есть!». Во мне с каждым мигом растёт Надежда, что не только он необходим мне, но и я ему.

Я еще сильнее хочу быть с Денисом, чтобы окружить заботой, чтоб в моих руках он забыл все дерьмо, что случилось в его жизни. Чтоб в моих глазах он увидел любовь. Хочется улыбнуться, но улыбка выходит вымученной. Мне неспокойно. Тревога окаянными цепными псом рвется, брешет в голос.

Новая свинцовая капля падает на поверхность и разбивает картину на миллионы бело-серых пикселей. Рябь застывает, и я не могу оторвать взгляд, моргнуть, вздохнуть и вообще хоть что-то сделать, когда вижу, как текучая тьма затягивает моего мальчика. Как в ней растворяются его ноги, бедра, плечи. Как серо-зеленая влага наплывает на лицо, и Денис уходит под воду.

Время застывает. Превращаясь в снежинку, прорастает лучиками секунд, и с каждым новым кристаллом все внутри леденеет предчувствием беды.

«Нет! Ты не сделаешь этого!» — Древний, записанный на матрицу генетической памяти Страх шевелит волосы на затылке, сковывая душу Ужасом.

«Не позволю! Не отпущу!» — сквозь толщу воды отчаянно пытаюсь дотянуться до него, как когда-то тянулся, сам не зная к кому. Но теперь уверен: это был ОН. Мой Денис! Горел в пламени. Вырвал меня из лап смерти. Отвел от убийства. Он всегда был в моей жизни, невидимый, но осязаемый.

«Денис!» — зову того, к кому неосознанно стремился, как к единственно важному существу в жизни, а теперь там — в глубине, слышу глухое биение его сердца. Чувствую, как горят его легкие, выпрашивая глоток воздуха. Жив. И я так боюсь снова опоздать, что пересиливаю оружием протестом инстинкты и силюсь следовать за холодными объятиями непрогретой воды.

«Увидь меня! Я рядом. Ощути, как ты мне нужен», — прошу. Вьюсь вокруг серого контура моего человека, волосы которого колыхнутся хаотичным венцом вокруг головы, а голые ноги вязнут в иле.

«Останься... Я так долго тебя искал...» — умоляю, пытаюсь достучаться в закрытые двери его сознания. Но раз за разом, как на батуте, меня откидывает прочь. Был бы рядом зверем или человеком, вцепился бы зубами, но духом бесплотным не ухватить, не вытянуть. И чернота скручивается смертельным смерчем, готовая утянуть нас обоих в великое Ничто.

«Не смей!!!» — хочу заорать, но только больной кашель и хрипы рвутся из сдавленного горла, словно кто-то забил его кляпом, наполняя рот мерзким вкусом болотной тины.

Задыхаюсь. Удушливыми спазмами перехватывает горло, но я уже знаю, что делать. В руке то, на чем кровь многих существ. То, что может в один миг рассечь тонкую грань мира живых и мертвых. То, что наполняет душу уверенностью: сработает. Мой охотничий нож!

Без раздумий вонзаю в бедро стальной клинок. Боль моя, а вскидывается Дэн. Миг, и я хватаю ртом воздух вместе с моим мальчишкой. Вижу его ссутулившуюся фигуру на берегу и моментально вскипаю.

«Пиздюк! Мелкий сучоныйш! Как ты мог?! — праведный Гнев напалмом опалает мозг. — Высеку!»...

...Три дня! ТРИ ебанных, режущих душу, варящих мозг до состояния манной каши ДНЯ! Сомнамбулой колоброджу из комнаты в комнату, каждый раз бросая засушенные дела, которые я по чесноку и делать-то не могу, чтобы заглянуть ВК и в очередной раз убедиться, что Дэн все еще не в Сети.

До сих пор не знаю, как не ебнулся в тот момент. Как не перекрушил все вокруг, да и сам не покалечился. Все же в гневе я тот еще Демон. Надо же было так вызвериться, что напрочь отключилась система самозащиты. Хорошо, что отделался легкой царапиной.

«Легкая царапина» на бедре заклеена широким пластырем. Все еще саднит, дергает, но стараюсь не обращать на такие мелочи внимания. Я должен был что-то сделать, влезть в его сознание, на которое он, сам того не понимая, наложил печать. Выбора не было, и я нисколько не жалею. Он почувствовал — и остался со мной. А дальше...

От воспоминаний кидает в жар. Впервые я так открыто рассматривал обнаженное тело моего мальчика, сотрясающееся то от боли, то от кайфа. Возбуждение прокатывается по чреслам пламенной волной, и я закрываю глаза, восстанавливая картину. Не знаю, как получилось, что Дэн «услышал» меня, послушно исполняя в маленькой комнате деревенского домика все то, что я ему велел.

Замираю истуканом посреди комнаты, отгоняя пошлые мысли. Надо отвлечься. Поработать, из конца в конец, поразмыслить над предложением мента. Но, блять, не могу! Снова и снова тяну «щупальца» к нему. Знаю, что в порядке, жив. Чувствую, как, гоняя по кругу кровь, яркой звездочкой пульсирует его сердце. Но на этом все. Блок!

Впрочем, мое состояние нестояния вполне объяснимо, если учесть, что очнулся я от того, что дико замерз. Тело колотил озноб, но я горел внутри. Надетая на мне футболка настолько пропиталась потом, будто я взаправду вынырнул из воды. Только не вода — кровь расплзлась темным пятном по домашним джинсам.

За окном уже стемнело, а я, зависнув меж мирами, продолжал валяться на полу, разглядывая пляшущие тени на потолке, и не находил сил подняться. Я тогда так сильно растратился, что и сейчас даже мимолетных видений нет. Но впервые «тишина в эфире» не радует, а бесит!

— Где носит этого засранца?! — посылаю вопрос в пространство, а в ответ тишина, и только напряженное, как у разъяренного быка, пыхтение свидетельствует о том, что мое терпение — это не бабл-гам.

Скучаю. Тоска медленно трансформируется в раздражение. Раздражение перетекает во взрывную злость, которую выплескиваю на любого, кто подворачивается под руку, и, остывая, снова погружаюсь в хандру. Это выматывает. Никогда не думал, что могу так ярко реагировать, испытывать такую гамму эмоций. Он вулкан в моем личном Нифлхейме* — топит льды, заставляя гореть.

Мне его так остро не хватает. Хочу поговорить или просто помолчать, но только с ним. Хочу утешить, а еще сильнее — отлупить этого пиздюка. Черт! Как можно любить и желать прибить одновременно?! Я вообще с ним много чего хочу, вот только ни телефона, ни адреса Дэна у меня нет. Хотя бы СМС скинуть. Может, и зашевелилась бы совесть в этом утиписте.

— Неужели не чувствуешь, как ты мне необходим? — уже теряя надежду увидеть Дэна, падаю на диван. Готов поставить крестик на третьем дне отсутствия Безликого в Сети и лечь спать, и вроде как дрема начинает окутывать тело, как вдруг сознание взрывается зеленой сигнальной ракетой счастья.

Распахиваю глаза. Я слышу ЕГО! Душу топит неудержимой щенячьей радостью. Тяну лыбу Чеширского Кота, открывая страницу ВК. Как под гипнозом смотрю на бегающий карандаш и следом выскакивающее сообщение:

— Привет, Ведьмак! Ты мне за ремонт компа должен! — И я складываюсь пополам в приступе чуть ли не истеричного хохота, чувствуя, как меня отпускает.

— Пиши номер телефона! И я тебе мигом все долги отпущу, — рискуя потерять всякое доверие, стучусь в дверь.

— Щаз-з-з... — за дверью щетинится иглами дикобраз, но хозяин рад встрече, улыбается, шутит: — Сегодня я тебе номер, а завтра меня инопланетяне похитят?

— А ты бы хотел? — разведывая обстановку, кидаю камешек в окно.

— Конечно хочу! — летит из «горницы» решительное «да». — Каждый день мечтаю просочиться на какой-нибудь межгалактический звездолет и свалить в другой мир, а еще лучше — в другую Вселенную.

— Тогда кидай координаты, и тебя заберет ракетоплан «ЛИС 316-735». Свалим вместе.

— Я бы свалил, но грехи не пускают.

— Дэн, а если без шуток... — не отступаю, уже готовый завести движок космического корабля. — Одно твоё слово, и я организую тебе... ну, не звездолет, но билет на любой вид транспорта из любой части света. Может быть, тебе нужна виза? Шенген? Говори — это не проблема...

— Воу-у-у... Лис, попридержи коней, — улыбается мне Дэн, но чувствую: уже нервничает.

— Денис, ты понимаешь, что я чуть не ебнулся за эти дни?! Особенно после того, что ты натворил, — одно воспоминание, и у меня моментом срывает тормоза.

— Я ничего не творил, — врет Денис с абсолютной, непререкаемой честностью Творца на седьмой день, только сердце предательски скачет тушканчиком по саванне.

— Не пизди! — порываю, уже не особо подбирая слова, они сами выплескиваются из переполненной чаши моего терпения. — Я видел достаточно.

— Что ты видел? — Снова Страх, снова Недоверие. Да когда же ты уже прекратишь бояться меня?

Во мне бесятся эмоции. С одной стороны, злюсь на то, что Дениска, как упёртый баран, не верит в мои способности. С другой — радуюсь возможности в очередной раз их продемонстрировать. Только бы не спугнуть парня своим знанием. А вот смутить так и подмывает, что и делаю:

— Пруд... Железная лестница... — Понимаю, что нехорошо смеяться, но губы так и тянет ухмылка. — Дерево с гибкими ветвями... Мне продолжать?..

— НЕТ!!! — слишком быстрый ответ, чтоб понять, что писать его он начал уже на втором моем слове, и повисшая в эфире пауза звенит напряжением. Явственно вижу, как он раз за разом перечитывает мое сообщение, будто от этого может измениться недавнее прошлое. А еще чувствую, как этого бесстыжего вруна жарит стыд.

— Дэн, я тебя предупреждаю: если ты и умрешь, то только от моей руки. — С каким удовольствием я бы сейчас схватил Безликого за грудки и припечатал к стенке, и надеюсь, что мое видение до него дойдет, не разбившись о его блоки. — Я тебя сам пришибу за подобные выходки. Найду! И убью! К ебням! — разделяя слова, вкладываю в них всю серьезность своих намерений.

— Лис, не зажимай меня в угол! — рычит оскалившимся зверьком. Его страх почти осязаем. — Сделаешь шаг ко мне — и я сделаю шаг в окно...

— Ебнулся совсем?! — Из меня, словно из гранаты, чеку выдернули.

— Да! С тобой точно последним психом стал, — закипает на том конце ядерный реактор. Того и гляди выйдет из-под контроля.

Мне кажется, что в голове тикает бомба с часовым механизмом, начав последний отсчет. Встаю с кресла, понимая, что еще немного такого накала страстей — и рванет, раскидав мозг по стенам. В эту минуту тихо завидую курящим. Пара затяжек — и привел никотином нервы в порядок. Мои же звенят. Но кто-то из нас должен быть рассудительней. И это точно не Дэн.

— Дениска, ты псих не больше, чем я, — пытаюсь утихомирить качели эмоций, что раз за разом раскачивает мой парень. — Так что теперь я говорю: придержи коней! — призываю парня выдохнуть и сам немного остываю. — Я не хотел тебя расстроить, и нервировать тоже. Пожалуйста, просто поговори со мной. Разве я много прошу?

— Порой — невозможного.

— Нет ничего невозможного. Ты сам возвел стены, за которые никого не хочешь впускать, — снова пытаюсь открыть парню глаза на очевидные вещи. — И все же не отрицай, что не только я дал тебе доступ в свою жизнь, но и ты мне в свою. Смирись, милый мой. Я тебя не отпущу! И если что случится, пойду за тобой следом.

— Хватит... — облачком прилетает усталость, словно воздух из сдувшегося воздушного шарика. — Лис, найди для своих забав другую игрушку.

— Денис, я никогда с тобой не играл. Я чувствую тебя, как самого себя. Тогда ощущал, как тебе было плохо, и сейчас слышу, как тебе трудно открыться, — откровенно об откровенном, но мне уже надоела эта игра словами. — Не скрывай свои чувства. Мне никто, кроме тебя, не нужен! Ты же понимаешь, что я к тебе испытываю.

— Лис, я не хочу делать тебе больно. — Чувствую, как его накрывает отчаяние. — Пойми, я не могу тебе дать того, что ты хочешь.

— А ты знаешь, чего я хочу? — злюсь, как черт, на его упрямство, на то, что опять начинает закрываться. Меня колотит нервяк. Понимаю, что сейчас каждое слово может стать последним, но я не могу себе позволить его отпустить.

— Лис, твоё ЖЕЛАНИЕ для меня слишком очевидно, — капсочит мои хотелки Дэн, но и его в этом плане голод сквозит порой в каждом слове.

— И ты прав. Меня постоянно клинит от жажды изнашивать тебя всего, — не остаюсь в долгу, подчеркивая степень своих извращенных фантазий, и о-о-очень надеюсь, что не все мои тайные желания для парня настолько прозрачны, а то наверняка ужаснули бы его своей экстремальностью. Поэтому мягко увожу бурную реку нашей беседы в тихую заводь: — Но это не все, к чему я стремлюсь.

— У меня от одной перспективы стать изнашиваемым мурашки по коже, а это, оказывается, еще и не ВСЕ! — пытается шутить парень, но я слышу, как его разрывает неуверенностью в себе.

— Денис, ты плохо меня знаешь, если думаешь, что я ограничусь такой малостью, — хватаюсь за его слова, как за соломинку.

Пальцы порхают по клавиатуре, только я не пишу, а говорю, глядя в глаза Безликому. Не знаю, как объяснить ему, что мне плевать на его шрамы. Да и говорить сейчас об этом слишком рано. Но так хочется сказать, что для меня он красив, какой есть. Что я не испытываю жалости. Да и как можно испытывать это унижительное чувство к тому, кто несет на себе отметины побед в борьбе с судьбой?!

— Прежде всего, я хочу сделать тебя счастливым, — тянусь к нему всей душой, словно альпинист, что судорожно сжимает выскальзывающие из рук пальцы зависшего над пропастью товарища. — Позволь мне быть рядом. Не отталкивай. Ты ведь понимаешь, что наши чувства взаимны. Просто не отрицай этого.

— Я сам не знаю, что чувствую, — мой мальчишка отчаянно борется сам с собой. Мечется на разрыв чувств, но я уже прочно вплеся в его энергетические потоки. Держу, не отпускаю.

— Тише, малыш. Ты боишься своих чувств. Не веришь мне. Не хочешь понять, что я искренен и не несу никакой угрозы.

— Как я могу это знать? — Снова частокол теней прошлого не дает рассеяться демону Недоверия.

— Слушай сердцем. Оно не врет. Я понимаю, звучит пафосно, но в таких делах только оно помощник.

— Мои чувства рядом с тобой сходят с ума. — У меня самого все внутри сжимается в сладко-щемящий комок.

— Правильно. Так и должно быть. Просто отключи голову, у тебя в ней слишком много блоков.

— Лис, мне уже отключать нечего. Ты мне весь мозг вынес.

— Дэн, доверься мне. Почувствуй. Я рядом. Стоить только протянуть руку и сделать шаг...

*** Fluke — Reeferendrum*

...Шаг. Стою в проеме двери. Ты сидишь в объятьях черного кресла. Напряженный, недоверчивый, дикий, готовый в любой миг закрыть все окна и двери, отсекая себя от этого мира. Окружен полумраком, пульсируешь глубоким ультрафиолетом. Как же я хочу сорваться и стиснуть тебя в объятьях, но не спешу. Знаю: одно неверное движение — и ускользнешь за границу событий.

Шаг. Взгляд прикован к тебе. Не смотришь, отворачиваешься к окну. Темные волосы скрывают лицо. Пальцы судорожно вцепляются в подлокотники. Сжимаешься мнительным зверьком, что от любой протянутой руки ждет затрещины. А выпирающие позвонки на ссутулившейся спине готовы ошестиниться острыми шипами подозрительности. Так бы и впился в эту доверчиво оставленную открытой кожу. Стиснул челюсти, оставляя на шее следы зубов, как знак, что мой.

Шаг. Разворачиваю тебя к себе. Препираю путь к паническому бегству, накрываю ладонями побелевшие пальцы. Ледяные. Страх. Сочится из кожи тягуче-синими ручейками. Вымораживает сердце и душу. Мой мальчик, не бойся. Открой мне свое сердце. Не гаси жар, что, знаю, пылает под толстой коркой льда.

Шаг. Решительно выдергиваю тебя из кресла. Прочь из паучьего угла, в котором ты свил себе непроницаемый кокон. В наш — только наш — мир, где не будет места поглощающему свет черному, где вместе со мной ты вспыхнешь всеми цветами радуги.

Шаг. Тепло твоего тела так манит. Прижимаю к себе, и меня обволакивает твой аромат. Ни духов, ни одеколона. Запах чистой кожи. Как же он мне нравится. Утыкаясь носом в изгиб шеи, дышу тобой, готов заурчать от нахлынувшего удовольствия. Мое теплое дыхание щекощет ухо, и ты отрываешься сапфирово-колючей россыпью мурашек по скулам. Но я уже хочу большего. Не только шлейф запахов, но и вкус...

Шаг. Язык осторожно касается кожи. Словно зализывая раны, оставляет мокрые следы. Дергаешься. Ну уж нет! Не отпущу. Закрываю в клетку объятий, и беспредельная нежность течет от меня к тебе искрящимся ультрамариновым потоком. Губы обследуют шею. Мечу свое ласковыми поцелуями, грубыми засосами-укусами. Рисую пурпуром по не тронутой загаром коже, и ты таешь, сверкая небесно-голубым.

Шаг. Пытаюсь коснуться твоих губ. Снова уворачиваешься. Извиваешься в моих руках ужом, но уже горишь зелеными язычками жажды познания. Напираю, прижимая тебя к стене. Злюсь, когда ты опускаешь голову, занавешиваясь от меня волосами. Хочу сжать их в кулаке. Потянув, вздернуть голову, чтоб заглянуть в зеркала души, а в них увидеть чувства, что ты так тщательно скрываешь.

— Смотри мне в глаза! — фиксируя подбородок, почти рычу, еле контролируя зверя, что бесится из-за твоего упрямства. Пальцы не ослабляют хватку, веду указательным по теплым губам и тону в расширившихся омурах зрачков. Дрожь от тебя ко мне, от меня к тебе, и я прижимаюсь поцелуем. Сминаю губы, не даю опомниться, властвую, насилую рот своим языком. И фейерверком взрывается огненно-желтый, сметаю тьму вокруг.

Шаг. Мои горячие ладони шарят под футболкой, сканируя подушечками пальцев реакции отзывчивого тела: мурашки, вздымающие волоски на руках, сжимающиеся в твердые камушки соски. Бесстыже трусь бедрами о твои. Эти фрикции выносят мозг. Возбуждение разгорается, и чувствую ответный трепет. Откидываешь голову, подставляешься. Мне тебя так мало. Моя жажда, мое оранжевое пламя.

Шаг. Нетерпеливо, горячечно срываю с тебя шмотки. Тихий шепот. Требуешь, просишь, умоляешь остановиться. Только как это возможно, когда твои вибрации резонируют во мне?! Скручиваю наши необузданные стихии в единый огненный смерч. Не отступлюсь! Не отпущу! Никому не отдам! Мой! Сколько эмоций ты во мне будишь! Адский коктейль.

Шаг. Мы в постели. Пробегаюсь мелкими поцелуями по выступающим косточкам ключиц, успокаивая, уговаривая, ищущая. Вот так, чувствуй меня. Не закрывайся — и услышишь дыхание в унисон, ритм сердца единый. Знаю: слышишь. Вспыхиваешь алым, уже не в силах сдерживать свой огонь. Хочу, чтобы ты еще ярче горел в моих объятьях, кроваво-красным цветом страсти.

Шаг. Перемещая руку на пах, сжимаю каменную плоть. Жаркой волной по телу твой сдержанный стон, и больше не могу сдерживаться: хочу кожа к коже, глаза в глаза. Умоляю, прошу, требую — стань моим. Ответом дразнишь: то льнешь, то отстраняешься, то снова ластишься недоверчивой зверушкой, разрываясь между желанием любить и страхом новой ошибки.

Шаг. Рискуешь. Твои ладони ложатся мне на плечи, сначала робко, но через миг сжимаешь сильнее, царапаешь. И мне это нравится. Мне нравится в тебе все. Кипучая страсть и трогательная нежность, что порой мелькает в глазах. Бесстыдство и скромность. Нахальство и робость. Как ты совмещаешь в себе несовместимое? Шепчу тебе пошлости, желая смутить еще больше. И ты расцветаешь пунцовым.

Шаг. Сползая поцелуями к груди, задеваю языком сосок и прихватываю зубами. Распалившийся, выгибаешься, стонешь. Знаю: любишь эту особую Боль. Ты такой же извращенец, как и я. И эта грань тебя мне тоже нравится. Подхватывая под задницу, вздергиваю, и ты решительно сдлаешь мои бедра, пылая кармином.

Сливаемся, растворяясь в друг друга. Губы, руки ненасытны. Глаза пьяные от страсти. Голос хриплый, срывающийся. Плавись в нашей страсти, лучась инфракрасным жаром. И вот она, награда, — мое имя хрипом, стоном. Я дрожу над тобой, я тобой дорожу. Я предан тебе, я тебя не предаю. Не только ты мой, но и я твой. Я нашел тебя.

«Найти тебя... Дотронуться до тебя... Найти тебя... Дотронуться до тебя...» — в исступлении твержу сам себе, пялясь невидящим взором в ночь, и ничего не понимаю.

Я столько девочек-мальчиков в жизни под себя подмял, но никогда и ни с кем мне не было так упоительно кайфово, как с парнем, которого и пальцем не тронул, а лишь коснулся душой. И это чувство раскрасило мой мир радугой ощущений настолько реальных, словно он стоял здесь и сейчас передо мной и я осязал тепло и запах его кожи, сердца стук, шепчущие губы и срывающееся дыхание.

«Найти тебя... Дотронуться до тебя... Найти тебя... Дотронуться до тебя... Заглянуть в глаза...» — Душа, запертая в Бастилии тела, мечется,

все еще тянется к нему, такому далекому и близкому, побуждая тело томиться на волнах чувственности.

«Что ж такое между нами происходит? Происходит так просто и естественно, как будто я сенсорикой всю сознательную жизнь занимался, а ведь это не так. Я и знать не знал о подобном эффекте, но связь с Дэном — она не простая. Как назвать наши отношения? Да и можно ли их вообще правильно определить? Притяжение душ? Тантрический секс? Вирт?

Вбиваю в поисковик это слышанное, но не изученное слово, лажу по сайтам и через час ознакомления с современными задротствами тихо ахуюваю от извращенного многообразия мира сетевого секса. Все как в жизни, на любой вкус и цвет: от приторно-сопливой ванили до жесткого БДСМ, от миссионерской целомудренности до тошнотворного кинка. С одной тонкой, но весьма существенной разницей — пределы дозволенности ограничиваются лишь воображением, которое у человека может быть как весьма ограниченным, так и безграничным. И мне становится понятной противоречивость чувств, исходящих от Дэна. Мой мальчик, как и многие люди, только в Сети дает выход своим эмоциям, закрывая их ото всех в реальной жизни. Но я очень хочу, чтоб со мной он оставался искренним всегда.

«Найти тебя... Дотронуться до тебя... Найти тебя... Дотронуться до тебя... Заглянуть в глаза... Обнять... — Мысли жужжащим роем не дают уснуть. — А если кто-то еще вот так же касается его?»

Цепляюсь за этот вопрос и уже не могу отделаться. Дэн ведь и не скрывает, что у него целый гарем. А если он и с ними виртит, как со мной? В голове из кусочков пазлов складывается картина, от которой алая пелена застилает глаза. Все больше уверяю себя в его опытности в подобного рода играх. Накручиваю себе так, что лицо начинает полыхать. Удушливая волна Ревности перехватывает горло. Злость затмевает разум.

«Найти тебя! Дотронуться до тебя! Найти тебя! Дотронуться до тебя! Заглянуть в глаза. Обнять и уже не отпускать!» — Уверенность растет с каждым мигом.

В жизни Дениса могу быть только я. Не позволю ему с кем-то вот так же сливаться, ни телесно, ни энергетически. Не хочу, чтобы он открывался кому-то еще. Не хочу, чтобы фантазировал о ком-то, кроме меня. Пусть эгоистично, но зато правильно. Я знаю: этот человек — мой. И я — его!

«Найти тебя! Дотронуться до тебя! Найти тебя! Дотронуться до тебя! Хочу тебя...» — Пытаюсь успокоиться, хожу по одиноким комнатам большой для меня одной квартиры. Невидящими глазами наблюдаю рассвет, слушаю песни соловьев, а после и звуки начинающегося утра.

Я столько всего хочу. Может быть, впервые хочу не для себя. Для него. Хочу забрать, укрыть от забот. Хочу доказать, что он достоин лучшего. Хочу, чтобы он улыбался. Пиздец как ХОЧУ быть к нему ближе. Вот только ближе Дэна меня не подпускает. Но ведь я ж не отступлюсь. Я все сделаю, чтобы быть рядом.

«Найти тебя! Дотронуться до тебя! Найти тебя!» — Один за другим отметаю возникающие в мыслях бредовые и не очень планы по поимке секретного агента под кодовым именем «Безликий»: хрустальный шар или частный детектив, карты Таро или грамотный айтишник, кофейная гуща или еще какой мусор...

— Менты!!! — ору на всю квартиру и подрываюсь, словно Архимед, из ванны с кипятком, куда залез в надежде расслабить скованные неврозом мышцы. Ведь мне же сама судьба в руки карты дает, а я, как слепой котенок, расклад не вижу.

Хватаю телефон, что всегда со мной, и разочарованно вновь оседаю в воду. Для звонка слишком рано. Но может, это и хорошо, есть время еще раз все обдумать. И мозг включается, будто и не было бессонной ночи. В памяти черные, завораживающие своим блеском глаза Митлана. Искушают, утягивают за собой, предлагают столько всего.

«Предлагаю работать со мной. Ты сможешь!» — голос самого дьявола. Только вот изначальная формулировка «Предлагаю работать на меня» засела в подкорку и мне очень не нравится. Но ради Дэна я зажду свою гордость в кулак и перетерплю!

«Я уверен, ты примешь правильное решение». — Мое решение было изначально иным. Я бы никогда не связался с ментами. Судьба у меня такая, что ли? Всего надо добиваться потом и кровью. Видимо, не может мой путь быть прямым, как бы ни хотелось. Вечно меня кидает из огня да в полымя. Да и, скорее всего, скучно было бы мне жить по-другому. Ну, как говорится, то, чего добиваешься большим трудом, и больше ценишь. Но ради Дэна я пойду на этот шаг.

«И ездить ты будешь не на своей старенькой иномарке». — Усмехаюсь. Да мне похуй, меня и моя «малышка» вполне устраивает. А вот деньги на операции нужны. И я очень надеюсь, что если шрамы уйдут, к парню вернется Вера в себя, и тогда он забудет про маски и откроет сердце Любви.

«Ты тот, кто нам нужен». — Слова льстят, ласкают мое самолюбие и цементируют уверенность. И уже нет гамлетовского «to be or not to be». Для себя я все решил — БЫТЬ! Ради моего мальчика я пойду на сделку хоть с самим Дьяволом, что мне какой-то мент!

Думай. Думай, парень. Не зря же тебя зовут Лис, а этот зверек хитрый, изворотливый. Я не сомневаюсь в себе. Но жизнь не сказка, не кино, а безжалостная реальность. В голове настойчиво бьется мысль: «Надеть-то маску не проблема, вопрос в том, как при этом не потерять себя, не срастись с этой личиной. А играть мне придется далеко не героя любовных романов. Барыгу наркотой, торговца смертью. Убьют — и никто не узнает. Сколько Яуза и Москва-река хранят в себе вот таких вот самонадеянных — и не счесть. Братская могила, только подводная». Аж передергивает от перспективы. Но ради Дэна...

— Я сильный. Я смогу. И этого пиздюка найду. Не отвертится. — Кровожадная улыбка растягивает губы. Мозг уже просчитывает, складывает алгоритмы. Как-то не особо весело, больше нервозно. Прекрасно осознаю, что совсем не понимаю, с чего надо начинать, но тем и интереснее.

Да, рискованно, и будет ли от этого выхлоп — вилами по воде написано. Митлан, конечно, мягко стелет, только какое у этого «ложа» дно, мне еще предстоит выяснить. Но самое главное — я получу доступ к базам данных, дополнительным источникам и возможностям. Я точно найду Дэна при помощи спецслужб. Ко всему почему, возможно, подзаработаю. И естественно, не глядя со стороны, а с головой окунувшись в чуждый для себя мир, вырежу в своем «Я» еще одну грань и поставлю метку, что и это смог.

Чистый, как слеза младенца, и с такими же кристальными мыслями вылезая из ванной. Выискиваю в записной номер телефона и через несколько гудков слышу голос Митлана:

— Утро доброе, Елисей. Никогда бы не подумал, что ты жаворонок.

— Приветствую, Борис Николаевич.

— С хорошими новостями звонишь? — По голосу понимаю, что мент улыбается. Или я это придумываю?

— Я насчет вашего предложения, — торопливо выговариваю, не давая себе возможности передумать. — Я согласен...

Примечание к части

Нифльхейме* - в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров вселенной, земля льдов и туманов.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Нифльхейм>

Fluke — Reeferendrum* - <https://www.youtube.com/watch?v=5tc9ZiqgHS0>

Часть вторая. Надежда. Песнь шестая. Евангелие от Дениса

— Дэн, выслушай меня, пожалуйста. Я очень волнуюсь, но думаю, ты единственный, кому могу довериться. — Бровь невольно взлетает вверх. Мы, конечно, уже давно знакомы, но как-то не готов я выступать в роли священника в исповедальне.

— Не знаю, с чего начать... — В эфире повисает такая длинная пауза, будто парень собирается прыгнуть с парашютом и стоит на рампе, никак не решаясь сделать шаг в никуда.

— Начни с главного, — подбадриваю непривычно нерешительного собеседника, чуть не добавив «сын мой».

— Да, наверное, так будет правильно, — соглашается «прыгун» и сигает в омут с головой: — Дэн, меня одолевают... Странные желания. Причем настолько странные, что боюсь, услышав их, ты начнешь меня презирать. А мне бы очень не хотелось упасть в твоих глазах.

— Да с чего бы? Я не бог, чтобы судить или осуждать. — Теряюсь в предположениях, что бы могло означать столь загадочное вступление, но раз человек отважился исповедаться, значит, это ему действительно нужно. Только сегодня с моим собеседником что-то не так. Явственно чувствую, что ему совершенно необходим волшебный пендаль, и с этим у меня никогда не ржавеет: — Но покарать могу, если и дальше продолжишь на пороге мяться, — нетерпеливо отстукиваю по клавишам полет шмеля из катапульты.

— Понимаешь, именно это мне и нужно, — как-то странно срабатывает моя ментальная манипуляция. — Знаю, что кажусь сильным человеком, и по жизни мне приходится им быть. Но ты не представляешь, насколько я устаю носить маску бигбосса, вечно все решать и разгильячивать, когда в душе...

В чате снова повисает тишина, а меня уже так и подмывает взять плетль и от всей своей широкой души стегануть внезапно ставшего стесняшкой ловеласа поперек хребта.

— В душе я... последняя блядь! — прорывает «бигбосса» и несет по бурной реке откровений. — Я развратная грязная потаскушка, которая хочет под ошейник. Я настолько заебываюсь на работе, что в постели хочу отдать все бразды правления. Мне нужно чувствовать над собой силу и свое полное подчинение.

Теперь зависаю я, никак не ожидая такого откровения от НЕГО. Конечно, многие сильные мира сего нуждаются в доминанте. Но кто бы мог подумать, что подобные Демоны бушуют и этого властного мужчину, который так искусно скрывал свою сабмиссивную натуру.

— Не переживай, — успокаиваю парня. — Я понимаю твои чувства. — И я действительно понимаю, о чем мне говорят, не понаслышке зная, как трудно бороться со своими тайными желаниями, которые не все могут принять, не вытаращив глаза.

— Я надеялся, что ты поймешь, и рад, что не обманулся, — облегчение и радость сквозят в каждом слове. — Я интуитивно увидел в тебе человека, которому могу передать власть над собой.

Снова подвисаю. Вот это поворот! Сказать, что я удивлен, — ничего не сказать. Я со столькими заебами в Сети общался, что был уверен — меня уже ничем не удивить. Но вот удивился. Причем настолько, что недоуменно перевожу взгляд с Маркизки на монитор, с монитора на Маркизку, и даже пальцы не менее недоуменно замерли над черными квадратами букв.

— Ты хочешь, чтобы я стал твоим Домом? — на всякий случай спрашиваю то, что для меня совершенно очевидно. Не очевидно только одно — имел ли парень ДС-отношения в реале? И на что готов пойти, чтобы словить свой особенный кайф?

— Да, мой Господин! — отвечает сразу, без тени сомнения. — Позвольте мне Вас так называть.

Ухмыляюсь. Как я раньше этого не замечал? Да он просто великий манипулятор. Прикармливая волшебным эликсиром лести, ловко дергает за веревочки мое ЭГО. И что самое главное — оно отзывается, растет. Будоражит кровь и даже заставляет испытывать легкое возбуждение от острого интереса заглянуть в голову человеку с двойственной натурой и перспективы безграничной власти над одной из них. Я вроде даже начинаю ощущать себя выше, сильнее, мускулистее, да и член удлинняется, сантиметров этак на пять как минимум.

— Называй! — милостиво позволяю поднять мой рейтинг до уровня «Господина», понимая, что втягиваюсь в новую игру, в которой передо мной готовый подчиняться саб. Однако нужно ли мне становиться для него Домом, тем более что я ни разу не Садист?

Но с другой стороны, кто мне запретит замутить легкий бэдээсэмчик, примерить на себя маску Господина? Только надо как-то настроиться, ведь у меня еще ни разу не было опыта доминирования. Да и отношение к парню придется изменить, ведь в моих глазах он всегда был тем, кому подчиняются, а он мне очередной нежданчик в диалоговом окне выдает:

— Мой Господин, я так давно Вас хочу, и все, что Вы пожелаете, я приму как милость.

— Какая испорченная в своей откровенности сучка! — Пытаюсь нащупать верную тропу, на которую меня сворачивает порочный в своих желаниях игрок. — Так свербит дырка, что уже сдерживаться сил нет?

— Да, мой Господин. Я на все готов. Если прикажете, даже фотоотчет, но, если можно, без лица.

— Безликому Господину без надобности чей-то лик. Впрочем, как и все, к нему прилагающееся, — удивляюсь готовности человека столь легкомысленно скинуть в Сеть подобного рода компромат, но это его тараканы, которых я сейчас хочу расшевелить. — Хорошо, — включаю «зеленый» вирт-сессии. — Я могу дать тебе то, что ты желаешь, но мне нужно кое-что уточнить, — решаю расставить все галочки в БДСМ-анкете. Не хочу, чтобы что-то пошло не так. Это как врезаться на полном ходу в стену. — У тебя есть табу?

— Нет, мой Господин.

— Хочешь унижения?

— Да!

— Порка?

— Да!

— Safeword?

— Господин, я очень люблю жесткий секс и не скажу стоп-слова.

— Что ж... будь по-твоему, — мысленно перевоплощаюсь в Доминанта-садиста и перемещаюсь в подвал БДСМ-клуба. — Погнали...

*** Rammstein — Mein Teil ***

Комната боли в кроваво-багровых тонах. Крест, клетка, цепи, козлы, ряды девайсов, подвешенных на стене. Тьма твоей души словно сочится через поры, заполняя пространство, сгущаясь в углах. Съедает окружающие предметы, смещая их очертания на грань видимости. Из этой черноты выступают я...

— Я — твой Мастер. Я — твой Господин. Я — твой Бог! На губах играет надменная улыбка, в глазах — металлический блеск. Нарочитая небрежность в манерах. Подчеркнутая аккуратность в одежде. Черный шелк рубашки струится по торсу, бликуя в тусклом сиянии точечных светильников. Свободные брюки в тон безлунной ночи оставляют открытыми только босые ступни. Ты видишь меня, чуешь, как псина своего хозяина. Раздевайся! Приказ тоном, не терпящим возражений.

— Да, мой Господин. Торопливо сдергиваю поло. Спускаю джинсы, боксеры. Стою перед Вами обнаженный, стыдливо прикрыв возбужденное естество и гладко выбритый пах.

— Какая послушная девочка! Обхожу вокруг, разглядывая фигуру высокого, подкачанного мужчины. На колени, сучка! Это для тебя. Бросаю к ногам строгий собачий ошейник, который бренчит звеньями пристегнутой к нему цепи. Надевай!

— Опускаюсь на холодный пол. Застегивая на шею пряжку, готов вилять хвостом, если бы он у меня был. С преданностью собаки смотрю Вам в глаза.

— Кто разрешил?! Уничтожаю тебя взглядом. Ты на любого мужика так смотришь, мечтая подставить жопу под еблю и порку? Черная маска закрывает тебе лицо, лишая возможности видеть. Не хочу смотреть в твои блядские бельма!

— Простите меня, мой Господин! Темнота обостряет ощущения, заставляя нервно дрожать.

— ТЫ. НЕ ДОСТОИН. МОЕГО. ПРОЩЕНИЯ! С каждым словом наматывая на кулак цепь, натягиваю поводок, и черный ошейник, ощерившийся стальными зубами, туго стягивает горло. Ты...

— Я презренный раб. Хриплю. Беззащитный, беспомощный, даже не смея шелохнуться без разрешения Мастера, жду Вашего приказа.

— Ты никто! Выброшенная за ненадобностью замызанная шмотка. Потасканная шлюха. Грязь под ногтями! Сжимаю пальцы в волосах на затылке и с силой дергаю, заставляя запрокинуть голову. Если ты, блядь, думал, что я тебя выебу, то обломись. Мой хуй у себя в жопе еще надо заслужить.

— Позвольте мне, и я сделаю все, что Вы прикажете. Возбуждение дергает член. Желание сжать его мутит сознание, но я не смею, боясь прогневать Вас.

— Я не разрешал тебе говорить. Скольжу презрительным взглядом по слишком болтливым губам. Открой пасть, тварь! Высунь язык! Злобно улыбаясь, склоняюсь и, накопив слюну, сплевываю в широко раскрытый рот. Глотай!

— Ммм... Стону от накрывающего с новой силой возбуждения, сглатывая то, что дает мне мой Господин.

— Нравится, мразь? Удерживая твою голову за волосы, размахиваюсь и отвешиваю пощечину. Тащишься, когда тебя чморят?!

— Согласно киваю. Да, я такой. Я хочу принадлежать, хоть и понимаю, что недостойн. Мое место на помойке, а не рядом с Вами, мой Господин.

— Уткнулся мордой в пол! Слегка пинаю тебя в бедро и тянусь за тростью.

— Прячу лицо меж согнутых рук, выставляя подготовленную для моего Господина задницу.

— Дешевка! Кидаю взгляд на оттопыренные ягодицы и бесстыже выставленное напоказ, поблескивающее смазкой темное очко. Замах. Жесткий прут со свистом рассекает воздух, и хлесткий удар жалит твой зад.

— А-а-ах! М-м-м... Боль заставляет сжимать ягодицы, но знаю, что заслужил, ведь я посмел желать Вас. Я грязь, что может осквернить мое Божество, и должен быть наказан.

— Дворняжка! Совсем от рук отбился?! Жестокие удары один за другим ложатся на половинки, раскрашивая кожу в кровавые цвета. Жалости нет. Скот нужно понукать, иначе он сбивается с пути.

— Прошу, Господин. Скулю, молю... От боли поджимается задница и начинают подрагивать бедра.

— Что, неймется? Тростью скольжу по поджатым яичкам, промежности. Раздвинь жопу, покажи, как ты меня хочешь! Приказываю тебе.

— С готовностью подчиняюсь. Сжимаю половинки и растягиваю в стороны.

— Какой же ты бесстыжий! Блядь — и есть блядь! Смотрю на твой текущий конец, нажимаю на анус кончиком трости, дразню. Хочешь чего-то

побольше?! Смотрю, как трость проникает в разработанную дырку, что наверняка повидала немало хуев.

— Молю Вас, Господин. В заднице свербит. Зуд выбивает остатки мозгов. С члена капает, я как течная сучка.

— Еби себя сам! Достая XXL фаллос и кидаю тебе. Я до такой мрази не дотронусь.

— Да. Как пожелаете. Дрожащими руками обхватываю здоровенный хуй. Упираю основание в пол и седлаю сверху, чувствуя как имитатор грубо растягивает стенки ануса. Но я все сделаю, чтобы угодить моему Господину.

— Двигайся, потаскуха! Больно хлестаю тебя тростью, наблюдая, как принимаешь в себя немалую длину. Нравится ощущать, как двадцать пять сантиметров растягивают твою кишку?! Отвечай!..

— Дэн, ты чем занимаешься? — ведро ледяной воды на раскаленное железо. Пш-ш-ш-ш... Аж дух перехватило.

Лис в Сети. Стердаун*. Сканирует меня с головы до ног. Смотрит в упор убийственным взглядом борца ММА. И под этим взглядом вмиг до кончиков ушей заливаюсь краской Стыда, словно подросток, застигнутый матерью за дрочкой. Поджилки трясутся. Чувствую себя в клетке октагона*. Полуголая, модельного экстерьера герл, покачивая бедрами, проносит табличку «Раунд 1», и надо выстоять хотя бы пять минут. ГОНГ!

*** My Chemical Romance - Vampire Money ***

— Ничем! — Затянутые в перчатки кулаки сжимаются. Разминочные удары разрезают воздух. Ш-ш-шух. Ш-ш-шух... Мы один на один. Меж нами нет рефери, и зрителей тоже нет. Я стою под прицелом его всевидящего ока.

— Виртил?! — Резкий джеб* под дых выбивает весь воздух из легких. Пытаюсь продышаться, облизываю враз пересохшие губы и чувствую: Ревность Лиса имеет запах и вкус крови.

— Со свечкой стоял? — С разворота огрызаюсь мощным бэкфистом*, не собираясь уйти в лей-энд-прей*. Не привык ни под кого прогибаться, а тебе, Лис, и подавно не уступлю.

— Сучок! — Злость молниями сверкает в глазах. — С кем?! — Соперник в оранжевых трусах кружит на ближней дистанции, источая смертельную опасность. Легкими скачками передвигается по рингу, примериваясь, куда поточнее нанести удар. — Отвечай! — Свип*, и я теряю равновесие.

— С тобой! Время от времени. — Юлю, еле удерживаясь на ногах. Ложные выпады вправо-влево. Непросто сбить пронизательного соперника с толку, но и сабмишн* он от меня не дождется.

— НЕ СМЕЙ! — Левый кросс. — Мне! — Следом легкий отвлекающий. — Врать! — Длинный правый оверхенд* в корпус. Отлетаю в угол. Зверю!

— Не смей! — Подныриваю, нанося левый боковой под ребра. — Мне! — Правый прямой в солнечное сплетение. — УКАЗЫВАТЬ! — Левый в печень.

— Хороша была очередная забава? — Скользящий в плечо.

— С тобой не сравнится! — Бью в грудь и тут же ухожу на среднюю дистанцию.

— А со мной, Дэн, никто не сравнится. И ты это сразу поймешь, когда включишь верхнюю голову. — Унизительным поджопником прилетает лоу-кик*. Но меня такой фигней не вырубить.

— Самомнение зашкаливает! Не слишком ли много на себя берешь? — Пытаюсь завалить бойца апперкотом*, но мажу, и кулак рассекает воздух.

— В самый раз! — Противник не отступает ни на шаг, подавляя жестким прессингом. — А вот ты точно рако-лебеде-щукой один воз тянешь, только с места его так не сдвинешь.

— Не переживай, я уже приехал, так что могу на одном месте хоть раком, хоть орлом, хоть рыбой топтаться.

— Вот я и смотрю, что ты только и делаешь, что, в одном болоте буксуя, грязь месишь. — Удар в перчатки. — Тебе ТАКАЯ жизнь нравится?

— На вкус и цвет товарища нет. — Высовываюсь из-за перчаток и тут же ловлю по сопатке.

— А сегодняшнее «блюдо» как на вкус? Не обмануло ожиданий? — Резкий правый пробивает мою защиту.

— На любителя! — Нагло скалюсь. Дразня соперника, открываюсь, сбрасывая напряжение с рук. — И точно не мое!

— Я-то наивно полагал, что ты уже нашел СВОЕ! — Боец кружит вокруг меня, изматывая своей неумолимой верткостью. — А ты, оказывается, все еще в активном поиске? — Лис, переходя на ближнюю дистанцию, не моргая, испытующе смотрит в глаза. — И каково это, Дэн? — Исхитряется и прицельно бьет в челюсть. — Не тошно прыгать из койки в койку, пусть и виртуальную?

— Я прыгаю?! — Отбиваюсь: дальней, ближней, дальней. — Это бабочки сами летят ко мне в сети. — Вижу, как Лис открылся, и бью из последних сил прямым под дых. — И ты в их числе!

Дыхалка сбита. Соперник теряет преимущество. Валится на меня, сжимая в медвежьих объятиях. Стоим вплотную. Мутузим мелкими ударами то по печени, то по почкам. Не размахнуться как следует ни рукой, ни ногой. То ли обнимаемся любовно, то ли хотим убить друг друга. ГОНГ!

Жар. Шум в ушах. Вскиаиваю с кресла и буквально сбегаю в ванную. Надо смыть с себя энергетику поединка, которая кипит в крови адреналином и осознанием совершенной измены.

«Измены... Какой измены? Я ему ничего не обещал. — Стою под холодными струями воды. Бешусь. Ищу себе оправдания, и от этого еще больше бешусь. — Он мне не муж! Не любовник! А кто мне Лис?... Почему сейчас чувствую себя виноватым? И побежденным...»

Побежденным?... Да ни хрена! Капу в рот. Натягиваю перчатки. Мокрый, злой, выскакиваю на «ринг». Арианни Селесте* несет над собой табличку с надписью «Раунд 2». ГОНГ!

— За лоха меня держишь? — Разъяренным зверем Лис сразу кидается в бой. — Или ты со мной! — Уклон под ведущую руку и прямым в голову. — Или еще с кем-то! — Наступает, припирая меня к сетке мелкими тычками. — На вторых ролях я не буду! — Левым боковым хук*. — НИКОГДА! — И я клацаю зубами, едва не выронив капу изо рта.

— У меня никогда! — Обманные движения ногой, заставляя держаться на дистанции. — Никого! — Сжимаюсь в пружину, готовясь к прыжку. — Не будет! — Подлетаю, отталкиваюсь ногой от сетки и прицельно провожу хай-кик* в голову. — На первых!

Вертушка срабатывает отлично. Мой оппонент мужественно держит удар, но пошатывается, переваривая полученную дозу жесткой инфы. Копит силу в кулаках. Сокращает дистанцию.

— Я ТЕБЯ УБЫЮ! — Мощный удар рассекает бровь. — Слышишь меня, пиздюк?! — Железобетонная серия ударов спрол-энд-брол*, не сдвинешь, не обойдешь. Лис все время ко мне лицом. Собран. Опасен. Силен. Даже дыхание не сбилось. Взгляд зверя исподлобья.

— Напугал ежа голым задом! — Ухожу в глубокую защиту, закрывая рожу перчатками. — С какого ты мне тут предъявы кидаешь?!

— До тебя до сих пор не доперло? — Наступает противник. Удар с дальней вразрез на встрече дальней руки. Тут же двоекка, и дабл-джеб* отправляет меня в полет. — ТЫ МОЙ!

Плюхаюсь спиной на пол. ГОНГ!

Задыхаюсь. Мутит. Перед глазами кружат хоровод бесенята, что скалятся мне и тычут вилами, шепча шкодливо: «Сам виноват!». Пот градом. Сушняк. Нашупываю рукой бутылку с минералкой. Жадно пью, словно только что пересек финишную черту, пробежав «Песчаный марафон»* по Сахаре, и не за пять дней, а за эти минуты. Мысли распрямившимися пружинами торчат в разные стороны, создавая в голове хаос. Дышать... Дышать... Красотка белозубо улыбается. Подняла над головой табличку «Раунд 3». Я не сдамся! ГОНГ!

— Это ты так решил?! — Бросаюсь в атаку, перехватывая инициативу. — Меня спросить не забыл?! — Пытаюсь нащупать брешь в тактике бойца. Совершая обманное движение ногой, провожу супермен панч*, но едва дотягиваюсь до цели.

— Да мне и спрашивать не надо! — наступает боец, а я прячу разбитый фейс за перчатками и проворониваю момент, когда руки Лиса мертвой хваткой смыкаются на моей талии. — Ты и сам прекрасно знаешь, что мой!

— Иди ты на хер со своими познаниями! — Тело на рефлексх вспоминает сплоу*. Упираюсь ногами, перенося вес вниз. Сейчас ты почувствуешь всю тяжесть моей костлявой конструкции. — Решил на меня права предъявить? С чего бы?!

— Ты ж не дурак! — Соперник напряжен, всеми силами пытается оторвать меня от пола и провести саплекс*. — Но видать, дурной...

— Так найди себе не дурного... — Изворачиваюсь, пытаюсь выскользнуть угрем. Да какой там?! Каркнуть не успеваю, как уже лечу.

Изворачиваясь, как кот, плюхаюсь на пружинящий пол на четыре кости, и тут же к моей заднице прижимаются крепкие бедра и до нервной дрожи напрягающий пах. Чуть не встаю на дыбы, пытаюсь увернуть пятую точку от беспардонно интимного контакта. Но партнер не лыком шит — наваливается на меня всем своим весом и выворачивает руку в болевом приеме. Прижатый к полу, готов заорать и уверен: боец чувствует мое состояние, но безжалостен, до хруста в суставах гнет свое.

— Я уже нашел, кого искал! — Соперник откидывается вместе со мной на спину и крепко обхватывает поперек живота ногами, сцепляя их в замок. — Не дошло?! Может, тебе прямым текстом надо?! Так лови! — Ни разу не нежно обнимает предплечьем за шею и перекрывает доступ кислорода удушающим приемом. — ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ТРАХАТЬСЯ С КЕМ-ЛИБО, КРОМЕ МЕНЯ! Я ТЕБЕ ЗАПРЕЩАЮ! Ферштейн?

Задыхаюсь. Держаться все труднее. Аргументов все меньше, как и приемов. И уже нет сил вести бой, дыхание хрипами вырывается из груди. Где рефери, который разгонит нас по углам, крикнув заветное «Брейк!»? И я готов совершить сабмишн*, похлопав ладонью по полу, но вот он — заветный ГОНГ!

Между нами искрит напряженная пауза. Лис молчит. Я молчу. Смотрю на буквы в диалоговом окне и ничего не могу разобрать. Что говорил? Зачем? Почему? Все сливается в мутно-серые полосы. Я не проиграл, но и вкуса победы не ощущаю. Одна сплошная горечь запоздалого раскаяния.

— Надеюсь, тебе сейчас так же хуево, как мне, — бросает Лис, растягивая окровавленные губы в оскале. — Дэн, я дам тебе время. Подумай. Прими решение. Определись — звони. 8(9**)5***0 -**.

И я даже не успеваю глазом моргнуть, как на иконке моего Елисея вместо огненно-живого кицунэ появляется синюшно-дохлый пес, и в этот миг мне самому охота сдохнуть. В меня словно плеснули ковш жидкого азота, который, вскипая, клубясь белесыми бурунами, вымораживает нутро до кристаллического состояния. Кажется, тюкни по мне молотком, и рассыплюсь на хреллиард осколков — не собрать.

Ночь. Бесконечная. Без сна. Голова словно набита мукой, и в ней копошатся мысли-черви. Я настолько отчетливо почувствовал силки этого зверолова, что перехватило дыхание от невидимого ремешка на шее. Ощущение его силы и моей принадлежности. Он токсин, яд, что просочился под кожу, смешался с кровью, проник в мозг и сердце. Отравил меня, и это чувство — быть отравленным — мне понравилось. Я разозлился и зассал...

Трус! Испугался своих желаний, фантазий. Испугался столь явственного признака влюбленности — когда с самого раннего утра, едва открыв

глаза, и до поздней ночи, засыпая в своей одинокой постели под тихое тарыхтение Маркизки, постоянно думаю о нем. И не только о нем, но и обо всем, что его окружает или может окружать. О том, какое небо сегодня будет над его головой. О том, что он ест и как спит. О том, какие на нем джинсы и какой марки под ними труселя. А еще особенно остро царапает мысль, что на него в этих самых труселях или без них, вполне возможно, кто-то смотрит прямо сегодня. И не исключено, что будет смотреть кто-то еще и завтра. А я и такой малости себе позволить не могу. Ни сегодня, ни завтра...

Завтра... Настанет ли оно для нас? Сколько времени пройдет, прежде чем я дождусь его в Сети. И дождусь ли вообще. Нет. Я не хочу допускать даже малой вероятности того, что Лис не вернется. Он придет ко мне, а я буду ждать.

Верчу в руке телефон. Набираю одиннадцать цифр, что огненным всполохом во тьме оставил мне Лис, и, не найдя в себе мужества нажать на вызов, убираю сотку с глаз долой. Потом... Все потом. Я, как долбаная Скарлетт О'Хара, унесенная ветром хз куда, не хочу сейчас ни с кем общаться. И слышать никого не хочу. Одно утешение — Маркизка, что ластится под рукой.

Со мной никогда такого не было. Я стольким морочил голову, а потом безжалостно рвал виртуальные отношения, и ничего не дергало в душе. А в этот раз увлек парня виртуальной игрой, и что самое страшное — не заметил, как увлекся сам. Увлекся так, что теперь, когда его нет рядом, кажется, не могу даже дышать. Сам себя загнал в тупик и не знаю, где из него выход.

Отпустить его, оборвав отношения, или... А что «или»? Что я могу ему дать? Ну позвоню. Покаюсь. И все будет как прежде? Ночи переписок, болтовня по делу и ни о чем. Вирт, когда уже обоих припирает до немогу. Зачем он делает это со мной? Я-то понятно почему, а ему на кой хрен это надо? Он же, хоть и инопланетянин, но вроде бы нормальный мэн. Он же в реале любого под себя уложить может, однако упорно летит в Сети ко мне в сети. Ведь не вирта же он ждет от меня.

Только решусь ли я на этот шаг? Что будет, если он увидит мое изуродованное лицо, тело? Увидит — и начнет жалеть. Превратит мою жизнь в постоянное самокопание и будет думать о том, что надо бы свинтить, но как этого убогого теперь бросить. А еще хуже того — в конце концов решится и оставит меня после того, как впусти его в свою жизнь. И я не посмею его удержать, но и предательства не переживу. Не-е-е... На хрен все это. Плавали — знаем...

Выждать, нужно выждать. Надеюсь, уляжется снежный буран в душе. Рассосется ледяной затвор там, где Гольфстримом неслось теплое течение при одном лишь его появлении в Сети. Надеюсь, вытает из сердца осколок льда, что так больно колет в груди. Время лечит, нужно просто выждать...

Жду... Сутки завязли в эпоксидной смоле, в которой неумолимо тонет время и схватываются частицы минут. Я барахтаюсь в этом застывающем временном клее, пытаюсь выползти, найти спасительный край, а его нет. Я не знаю, что делаю, не помню, что ем, и ем ли вообще. Какие-то механические движения, запрограммированные понятием «надо». Надо побриться. Надо убраться. Надо поработать. Только нужно ли мне все это?

Жду... Еще сутки. Пустота. Я, кажется, ослеп. Тычусь по углам, как не открывший глаза котенок. Я как будто потерял что-то важное, что-то жизненно необходимое и никак не могу найти. Я заперт в вакууме. Нет... Я и есть вакуум...

Жду... Третьи сутки. Тишина. Я, кажется, оглох. На голове наушники, и вроде бы индикатор звука бежит на вкладке. Но я ничего не слышу. И в этом гробовом безмолвии появляется жужжание какой-то помойной мухи. Раздражает. Нервирует. Ползает по столу. Телефон. На автомате принимаю звонок.

— Привет, братуха! — на другом конце, антагонизмом моему настроению, фонтанирующий энтузиазмом Жентос.

Пытаюсь вникнуть в его разудалый пиздеж, но понимаю, что вникать не хочу, и вместо слов слышу сплошное «бу-бу-бу». Не хочу я эту галиматью слушать. Не обязан. Не должен... Зато он должен мне!

— Когда бабки вернешь? — перебиваю его трескотню, зацепившись за конкретную мысль.

— Так я тебе о том и говорю, — обиженно тянет, будто объяснял геометрическую прогрессию туземцу, а тот бананы в уши засунул. — У меня крупная сделка наклюнулась. Проверну и с тобой рассчитаюсь.

— Не представляешь себе, насколько я рад это слышать! С нетерпением жду исторического момента, — язвлю, но не кривлю душой, особенно в случае, когда на своем опыте оценил мудрость поговорки «хочешь потерять друга — одолжи ему денег». Другом мне Жентос никогда не был, так что я уже давно готов засунуть паяльник в жопу одному конкретному гондону, который так щедро кормит меня обещаниями вот прям сразу, как Бесы «Сказ»* допишут, вернуть долг.

— Только одна проблемка есть. — Я еще не успел воспарить, как брателло возвращает меня с небес на землю. — Не подсобишь?

— Если деньгами, то нет, — решительно закрываю благотворительный фонд «Помоги бедным родственникам».

— Не-е-е, братан, — ноет в трубку заебанец. — Тачку одну срочняк перегнать нужно, а у меня, как назло, права забрали. Эти козлы еба...

— Раз забрали, значит, было за что, — перебиваю кузена. Нет у меня настроения слушать очередную байку от человека, который с малолетства только и делает, что в какое-то говно наступает, а все вокруг за ним грязные следы подтирают.

— Братан, ты что, мусоров не знаешь? — на кой-то бес начинает оправдываться Жентос, словно я рефери, что над ним красную карточку поднял. — Они найдут, к чему доебаться, а у меня теперь сделка горит. Выручай.

— Почему я? Тебе больше дернуть, что ли, некого?

— Да пацаны все при делах. Кто на заводе, а кто в конторах батрачит. Не вырваться никак, — как по бумажке зачитывая, без запинки выдает стопятьсот причин назойливый родственничек, но спинным мозгом чуя: юлит. — А ты ж вольная птица. Перегонишь — и свои бабки забереешь, и сверху еще накину.

— Мутишь ты что-то, чувак, — высказываю интуитивные опасения, зная наперед, что услышу от конченного пиздобола очередные стопроцентные

гарантии. Их и слышу в следующий момент:

— Дениска, сделка верняк. Тачку чуток подшаманить нужно, и все. Покупаст уже ждет и задаток внес. Выручай.

— Документы, ключи, полис? — нехотя соглашаюсь, хватаясь за возможность не столько деньги вернуть, сколько в дороге забыться. Мне и правда надо развеяться, отвлечься от бесконечных мыслей о Лисе. Еще немного, и разлагаться начну.

Почему-то именно в дороге, когда тело работает на автомате — сцепление, передача, газ в пол, когда врывающийся в окно ветер бодрит и вселяет Надежду, что все будет хорошо, когда ты один на один с собой, мысли начинают работать четко, а приоритеты расставляются правильно.

— Так точно! Сейчас доставлю! — рапортует брат настолько радостно, как будто я ему лям баксов пообещал. — А с ОСАГО не менжуйся! Если что, дашь на лапу гайцу пятихатку и поедешь себе спокойно дальше. Расходы на форс-мажор беру на себя.

— Все у тебя через жопу, Жентос... — обреченно вздыхаю, искренне надеясь, что это последний сюрприз.

— Не ссы, прорвемся, — ржет парень в трубку, рассчитывая меня подбодрить.

— Подгоняй доки. Жду, — заканчивая этот деловой базар, слоняюсь по комнате неприкаянным призраком. Кажется, уже все думы передумал. Ан нет! Еще одна выползла на свет.

«Интересно, а Лис всегда за мной подглядывает?» — проносится в голове насаженный им бред, и я застываю на месте.

— Лис? Ты здесь? — тихо зову и вслушиваюсь в тишину, будто пытаюсь получить если не прямой ответ, то какой-то тайный знак.

Звонок. Вздрагиваю. Не столько внешне, сколько внутри что-то дернулось и напряженно затаилось. «Пиздец! Дожил. Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша». Выдыхаю и топаю открывать, точно зная, кто так нахально наигрывает на звонке футбольный клич.

— Жентос, блять, я же не глухой. Хули трезвонишь? — не скупясь на эпитеты, приветствую «дорогого» гостя. Парень выглядит странно. Какой-то лихорадочный блеск в глазах, дерганные движения. — Ты, случаем, не болеешь? Вирусни мне только и не хватает от тебя подцепить.

— Не, все нормально, — отмахивается кузен. — Денис, спасибо. Выручил! Я со сделки тебе сразу же долг верну. Вот доки, ключи, адрес...

— Ахуеть... — Читаю мятую бумажонку и понимаю, что пиздюхать нужно аж шестьсот кэмэ в одну сторону. — Женька, ты, блять, подумал, как я туда доберусь?

— Канешн! Я уже все порешал, — радостно скалится эта деловая колбаса. — Знакомый едет в ту сторону. Он тебя и подкинет.

— Знал бы, хер согласился! — рыкаю недовольно. Мне совсем не улыбается ехать с каким-то левым перцем, но уже согласился, и давать заднюю выглядело бы совсем не по-пацански. — Когда выезжаем?

— Тамир за тобой заедет завтра с утра. Я ему дам твой номер телефона.

— А вот это уж на хуй! — пресекаю самовольничество. — Я не беру с левых номеров. Сам позвонишь. Поработаешь передастом. Тебе не впервой.

— Сука ты все же языкастая.

— Зато тебе, говнюку, помогаю. Давай, покеда, — подталкиваю тело на выход. Не люблю я все же гостей. Незваных — просто ненавижу. Мне хорошо одному в своей собственной клетке.

Залезаю на страницу ВК в надежде новости полистать, послушать музыку, может, глянуть кино. В общем, успокоить нервы перед дорогой. А вместо запланированного релакса читаю переписку с Лисом. Отматываю дни и погружаюсь в странный лисий мир. Я сейчас в нем один и по-новому воспринимаю когда-то сказанные мне Елисеем слова. То, что раньше казалось шуткой, подьезкой, провокацией, сейчас понимаю как маленькие толчки в сторону осознания одной простой истины — я и правда нравлюсь ему.

Читаю, и нервозность поднимается на новую высоту, потому что передо мной немим укором висит портрет дохлой псины.

«Блять, что я натворил? Как все исправить? Как далеко я могу себе позволить зайти с Лисом?» — Туева хуча вопросов грибом ядерного взрыва разрастается в голове, и в мой мыслительный процесс счетчиком Гейгера в зоне повышенной радиации вклиниваются щелчки входящих сообщений.

Чпоньк-чпоньк... Открываю дверь.

— Дэн, не оставь меня, друг милый, дай ты мне собраться с силой. И до вешних только дней, прокорми и обогрей, — ноет Муха-горюха, слово в слово как стрекоза по Крылову.

— Оставь меня, Горюха, я в печали, — отмахиваюсь от любящей подеприть гостьи. — Ты ж видишь, что у меня на вратах Теремка написано «Не трогай — убьет!».

Только с грохотом захлопываю дверь, как назойливая мелочь, аккуратно сложив прозрачные крылышки, бочком протискивается в окно.

— Дэн, мне после вчерашнего грустно, и притворяться, уж прости, не умею. — Создавая сквозняк непрерывным хлопаньем длинных ресниц, летит поближе к любимой кухонной утвари — самовару и садится на варенье, продолжая сочинять стихотворенья: — А причин убивать Мушку вообще нет, я ж тебя ни разу не трогала.

— А ты хочешь потрогать? — интересуюсь, насколько далеко просчитаны ее планы на «попить чайку». — Давай! Только я сегодня какой-то

вялый. И притворяться, уж прости, не получится.

— Вот сейчас тебе точно повезло, что мне тебя не достать, — Горюха устрашающе протягивает в мою сторону членистые конечности, вооруженные шеллаковыми когтями, и продолжает плевать угрозами: — А то красовался бы уже с кровавыми бороздами на своей наглой физиономии.

— Пф-ф-ф... — фыркаю в монитор, радуясь своей безнаказанности. Борозд мне и своих хватает, а инет вещь хоть и глобальная, но в этом плане вполне безопасная. Найти в паутинных дебрях конкретного паука не так-то просто, а вычислить его дислокацию в реале — законными способами нереально. Поэтому спокойно сотрясаю воздух мухобойкой: — Напугала дикобраза кактусом.

Чпоньк-чпоньк... Открываю форточку.

— Дэн, мне реферат по репеллентам нужно написать. Помогите, плиз-з-з-з-з... — сквозь москитку протискивается и противно зудит над ухом Комарик-пискар. Молча сую в розетку фумигатор, отправляя кровопийцу в игнор.

Чпоньк-чпоньк... Открываю дверь.

— Дратути-и-и, — на пороге Теремка лупит зенки Лягушка-квакушка. — Как ваше ничего?

— Если кратко, то — ничего. Если в подробностях, то ничего пойдет, — надеюсь, что благополучно отболтался, тяну дверь на себя, вспоминая вселенскую мудрость, вложенную в уста, по моим подозрениям, моей прошлой реинкарнации: «Всю жизнь я страшно боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень»*.

— Дэн, через полгода до меня дошло, что во многом ты был прав, а я явно чушь несла, — квакушка нагло всовывает ласт между дверью и косяком. — Однако, полетав с утками по миру, я кое с чем не согласна. — Поднимает перепончатую лапку на манер Ленина на броневике и продолжает лозунги толкать: — Свобода и независимость — хорошо! Но свое болото ближе к телу!

— Ты меня не удивила, — наступаю на зеленую лапку, пытаюсь освободить дверь. — Тебе в зеленой трясине комфортно, потому что ты относишься к весьма многочисленному подвиду женского населения, который в народе зовут емким словом — овуляшки! — Выставляя в проем дуло духового ружья, пуляю ядовитыми дротиками: — Объяснять таким, что жить можно по-другому, бесполезно. Их существование подчинено одному-единственному фактору, — целью земноводной прямо в глаз и не промахиваюсь: — Базальной температуре!

— Ква-а-а... — отлетает от двери Квакушка и, плюхаясь в лужу, конвульсивно, как будто под током, дрыгает лапами. — Не понимаю, с чего такие выводы.

— А тебе понимать нечем! — Делаю умозаключение тем, чего у меня палата, что из гуманных соображений к себе любимому нужно добивать: — Ваш брат и без половины мозга нормально живет, а оставшуюся часть использует только с одной целью — плодиться и размножаться.

— Злой ты! — кидает смехотворное обвинение зеленое создание.

— Не представляешь себе, до какой степени, — хищно скалюсь, поднимая рептилию за аппетитную лапку. — Квакушка, мне тебя охота во французский ресторан отправить... На кухню, — делано медленно облизываю губы и сглатываю слюну. — Но поскольку двумя твоими тощими окорочками даже червячка не заморить, поживи еще, икру отметай, стрелу на болоте поищи, может, тебя какой Иванушка-дурачок в (U) поцелует, — выпитив губы, тянусь к лягушкиной полке, но останавливаюсь на полпути. — И превратишься ты из глупого пучеглазого головастика в не менее глупую и пучеглазую, но более истеричную лягу — ЯЖЕМАТЬ! — Щелчком отправляю лягушонку в очередной круиз с перелетными утками. Может, хоть с ними не рискнет мухоловку разевать.

— Кво-о-олочь... — прилетает мне ответ, и я бы порадовался, если бы знал, что слышу именно «прощальный салют», только уверен: это всего лишь «До свидания».

Чпоньк-чпоньк...

— Дэ-э-эн, не игнорь меня. Ну паз-з-зяз-з-з-я, — опять зудит сука-Комарик, а меня аж передергивает этот мимишный сленг. Игнор!

Чпоньк-чпоньк... Взгляд в дальний угол.

— При-и-ивет, — пищит из дырки в полу Мышка-норушка и смешно дергает усатым носиком, смакуя тянущиеся со стола ароматы. — Дэн, я тут отложила все дела, чтобы задать глупый вопрос. Можно?

— Нельзя! — перевожу взгляд с Маркизки на мысли о мышеловке. Но Маркизка, сытая и довольная, мирно посапывает в своей коробушке, а механических убивашек на расстоянии вытянутой руки не находится, придется все самому — тапочкой.

— Я такой фильм глянула про шарики, — видимо тугая на ухо, Норушка набирается храбрости и, выползая из норки, огорошивает продолжением: — Вагинальные.

Недоуменно таращусь на пугливого зверька, ковыряясь пальцем в собственном ухе. Может, у меня те же со слухом траблы? Ни хрена! Мышонка, все так же опасно озираясь по сторонам, упорно крадется к моему столу и продолжает изгаляться:

— Там одна Золушка с ними в (Y) на бал поехала, — ловко вскарабкивается на столешницу, устраивается поближе к яствам и набивает за обе щеки ванильные сухарики, продолжая занимательный рассказ. — В карете сидела, по красной дорожке ходила, на пиру пиновала, менует танцевала. А мне любопытно, как они из нее не выскользнули? И вообще, ей было удобно?

Чувствуя себя вареным раком, хую. Я-то наивно полагал, что являюсь человеком без комплексов, но мелкий грызунчик меня явно умыл. Надо срочно исправлять ситуацию. Исправляю.

— Норушка, точно знаю одно: ходить на базар за медовой брагой с анальной пробкой — меганеудобно, — осторожно заносу над серенькой приبلудой китайский сланец. — И хотя жопная игрушка приносит сначала массу неприятных ощущений, но из этой дырки не выскальзывает.

Что касается вагинальных шариков, предлагаю попробовать на себе. Обещай, что потом поделишься впечатлениями! — хлестко шлепаю по заднице развесившую уши гостью своего Теремка.

— Пи-и-и-и... — градом роняя бусинки-слезки, пищит Норушка. Скалит мелкие резцы, пытаюсь кусануть за палец, и грозит крохотным кулачком: — Отольются тебе мышкены слезки.

— Да-да. Жду не дождусь, когда ваш крысиный король на меня свое войско натравит, — большим пальцем вверх одобряю ее воинственные планы. — Меня уже давно утомила ваша мышьяная возня у меня в подполе, и я для вас волшебную дудочку припас, — машу перед носом мелкого вредителя литровой клизмой. — Оптом в канализации утоплю.

— Дэн, а может, не надо дудочку? — пьются к норе Норушка, опасливо косясь на не такой уж и тонкий наконечник. — Меня по этим катакомбам иногда заносит куда-то...

— В том-то и дело, что тебя не куда-то заносит, а в мой Теремок. Причем неизвестно зачем. Соскучилась? Так и скажи, я пойму. Знаю — без меня скучно. Только сейчас мне не до сладкоречивых чаевничаний. По-хорошему советую — пиздуй в свой норку, но если что, обращайся, я всегда готов к общению.

— Не понимаю, почему мне так трудно вконтактировать с тобой. Честно, не понимаю! — Традиционно махая хвостиком, мышонок соскакивает со стола мне на пах, пытаюсь, видимо, разбить все яички. Но поскольку я не менее традиционно успеваю прикрыть центр моей вселенной, ныряет в норку, которую она сама и прогрызла в стене, а не в ту, про которую подумали некоторые пошлячки. Разве что дверь не хлопая, ввиду отсутствия таковой.

Чпоньк-чпоньк... Барабанная дробь в дверь. Открываю.

— Дз-э-э-н... я так надралась. Ты не представляешь... — подпирает косяк в дупель косая Зайчишка.

— Зайка, может, пойдешь трын-траву косить? — аки благородный муж посылаю надравшегося по сусекам малоруссака не на хуй, как охота, а к Морфею в гости. — А то я сегодня ружье на стену повесил, может и выстрелить.

— Не-е-е... Я на лабутенах не стою. — Дыша перегарилкой, продолжает гнать агниябарто: — Со скамейки слезть не смог, весь до ниточки промок.

— Звякни братишке-Волчишке, пусть он тебе сопли подотрет, — показываю стволом дробовика направление.

— Его трогать низзя-я-я... — заглядывая косым глазом в дуло ружья, пьяно икает. — К братику вульф-френд нагрязнул. Так что они щас дуэтом воют. Ему не до меня.

— А меня это должно ебать? — передергиваю затвор, ни разу не собираясь вступать в либеральную партию деда Мазая.

— Ну Дэн, поговори со мной. Мне так скучно-о-о...

— Скучно тебе? Давай оторвемся! — согласно мотаю головой. — Давно хотел тебе сказать: «Зая, ты беспросветная ДУРА!». — Залп. Зайка, поджав уши и хвостик пупочкой, скачет в прекрасное далеко, откуда ветром доносится волчий вой. Выплывая из рта кроличий пух, разочарованно провожаю взглядом сверкающие пятки. Ну вот, а я только решил повеселиться...

Чпоньк-чпоньк... «Веселье» продолжается.

— Дэн, ну будь другом, — нудит нудный Комар, оправдывая свое определение. — Мне к понедельнику надо Тараканищу реферат сдать, а я немного занят.

— Над компом пищишь?

— Неее... Пищу, только когда на воздушном шарике еду.

— Я так понял, ты предлагаешь мне за тебя реферат написать, пока ты там «немного занят»?

— А ты можешь? — Блять!!! Пряма три «Н»: наглый, наивный, нудный.

— Конечно могу!.. — аж челюсть сводит от злости. — Могу послать... на все 33 буквы. Так что ноги в руки и пиздуй в.... — не могу выбрать верный адрес, но вовремя замечаю его у себя на рабочем столе. — В гугл!!!

Чпоньк-чпоньк... У меня тут проходной двор, а не Теремок. Рассматриваю в глазок, кого еще ко мне на порог принесло. Знакомые все лица!

— Слушай, мальчик, ты че такой дерзкий? — скалится на меня Волчишка — вирт-братишка, одетый по последнему писку моды в лайковые стринги с молнией от и до и заклепанную БДСМ-сбрую, небрежно накинув на плечи, видимо для приличия, шикарную каракулевую шубку.

— А меня таким мама родила. — Ищу глазами строгий ошейник и хлыст пожестче. — К тебе же вой-френд на красный фонарик заглянул, и чего ж тебе там не ебется?

— Ты почто Заю-у-у-ушку обидел? — воет под дверью модный малец, нагло игнорируя мои скромные вопросы и старательно нарываясь на индивидуальный курс дрессировки. — Зайка ученый, на трех вышках крученный. А ты...

— А я не по корочкам сужу, — хватаю Волчишку за загривок и потуже затягиваю ремень на шее. — И встречаю не по одежке, — вытряхиваю переярка* из сутенерского прикида. — Зато провожаю пинком под зад, — не моргая, таращусь в глаза серому чудику, возмнившему себя защитником и покровителем местной секс-индустрии, и поясняю: — Особенно тех, кто мой Теремок с БДСМ-балаганом путает.

— Самый умный выискался? — щелкает перед носом зубами Волчишка, пытаюсь запугать меня войинственно топорщащимся в стрингах

настроим.

— Я, во-первых, не самый глупый, — выворачиваю зубастик лапы, скрывая браслетами за спиной. — А во-вторых, знаю цену своему личному времени, — пара мощных прищепок на соски, послушать, как щас поет этот любитель зайчатины. — И меня бесит, когда не знающие чем себя развлечь тупые пезды его всякой хуйней засирают! — хватая с полки электрошокер, с наслаждением пропускаю через серую шкурку 3 Вт особо острых ощущений.

— П-п-полегче на п-п-поворотах. М-м-мне З-з-зайка не п-п-просто сестра, а лучший д-д-друг.

Смотрю, как трясется под напряжением мазафака, и понимаю, что ему моя дрессировка в кайф. Только вот мне его сабспейс на хрен не сдался. Мне с ним это ни разу не в кайф. Мне б его сабдропнуть какой-нибудь особо жесткой практикой, чтоб больше не лез ко мне в Теремок.

— Так вот подбери свою косую Крольчиху, — дергаю на обдолбыше стринги за резинку так, что эластичная тряпка впивается в промежность, — и развлекай! Например, занимательным рассказом об особенностях утренней дочки.

Развлекаюсь как могу, чувствуя, что с волками жить и по-волчьи выть я не желаю. У меня свои песни, и с кем спеть их — сам выберу.

— Слушай ты, пиздю-у-у-у-к, я тебя найду-у-у и уебу-у-у! — подвываю волчок арию, что больше смахивает на собачью брехню.

— Ага, давай, найди! — засовываю в болтливую пасть внушительного размера шарик и застегиваю пряжку намордника. — Уже готовлю вазелин и гондон!

Блокирую пустобреха. Найдет он меня, как же... Вот когда один рыжий плут мою дислокацию вычислить страшал, я действительно застал, а от тебя, Волчонок, я, как от бабки с дедкой, уйду. Ищи ветра в поле...

Пока еще и Медведь какой не приперся, вешаю на дверь амбарный замок и ухожу со страницы. Вот ведь... построил очередной Теремок. И вроде всем в нем места хватает, только того, кого я хочу в нем видеть, — нет. Оказался Лис зверем непростым. Жить со всем этим зоопарком под одной крышей не хочет. За одним столом сидеть и одну кашу хлебать не желает. Хвостом вильнул и свалил на все четыре стороны.

А мне вслед за ним покатиться охота. Заложить в этом Теремке динамит, поджечь фитиль и, прыгнув с подоконника, до, как тот Колобок, что от всех ушел. Надоело чувствовать себя кондитерским изделием, от которого то один, то другой так и норовит кусок отхватить. Не хочу, чтоб меня на части рвали.

Хочу целым, красивым, здоровым к Лису на носок. Пусть он меня съест...

Примечание к части

Музло под настрой:

Rammstein — Mein Teil <https://www.youtube.com/watch?v=PBvwCH4XX6U>;

My Chemical Romance - Vampire Money <https://www.youtube.com/watch?v=P3L6T0dfHa0>;

Звезданутые непонятки:

Стердаун* - <http://www.bjpenn.com/wp-content/uploads/2013/07/silva-weidman.png>

<https://www.youtube.com/watch?v=t0htikUcOpM>;

октагона* - <http://sergosport.ru/wp-content/uploads/2016/11/октагон-mma.jpg>;

джеб, бэкфист, лей-энд-прей, свип, оверхенд, хук, хай-кик, спрол-энд-брол, дабл-джеб, панч* - виды ударов и приемов, кому интересно - сюда:

https://vk.com/topic-33099054_25506753;

сабмишн* - сдача;

Арианни Селесте - <https://usatmmajunkie.files.wordpress.com/2014/05/arianny-celeste-ufc-166.jpg?w=1000>

«Песчаный марафон» - <http://www.mhealth.ru/form/sport/250-km-po-saxare-za-5-dnej-peshkom-eto-realno/>;

«Всю жизнь я страшно боюсь глупых...» - Фаина Раневская;

как Бесы «Сказ»* - да-да... БЕСпоощающий самопиар вкпе с БЕСжалостным самоедством.

Часть вторая. Надежда. Песнь седьмая. Евангелие от Елисея

— Ты у меня, с-с-сука, заговориш-ш-шь, — лучезарно улыбаясь, шипит крепкий мужик, что проводит не один час за железом, и нежным рывком выдергивает мелкого, сухопарого таджика из-за стола.

— Ни понимать па рюски. Перевощика дать, — коверкая слова, как Бог черепаху, в который раз талдычит задержанный, что совсем недавно, хоть и с акцентом, но прекрасно общался со мной на языке, который теперь так внезапно «забыл», и старательно изображает туповатого барана перед новыми воротами.

Даже если бы не знал его до организованной мной сделки, не видел, как тот борзел, подогреваемый жаждой легкой наживы, я бы и тогда не поверил в ту простодырость, что этот торговец смертью разыгрывает уже который час.

— Переводчик тебе понадобился... — Это не вопрос. Это очередное обвинение. — Сейчас сделаем! — гарантирует мент, и я даже глазом моргнуть не успеваю, как обещанное прилетает ударом по печени южного гостя, который охает и начинает усиленно хватать ртом воздух.

— Не вспомнил, на каком языке говорил, когда дурью банчил? — обеспокоенно заглядывая в глаза, интересуется опер чуть помельче, но с такими же пудовыми кулаками. Не дожидаясь правильного ответа, обреченно выдыхает: — Будем вспоминать, — и резкий тычок под ребра не дает задержанному дышать...

Здесь умеют обрабатывать «клиентов». Могут бить так, что и следа не останется, но человек после «свидания с пристрастием» будет еще долго тихо загибаться в худшем случае на нарах, а если повезет — в койке лазарета с зарешеченными окнами.

Но с этим не церемонятся. Знают: заступников у таких нет, да и в случае чего спишут следы побоев на сокамерников или на внезапно открывшуюся дверь.

— Что, говномес хуев, с перепугу память отшибло? Может, тебя еще раз напугать, чтобы вспомнил? — И до ушей доходит глухой звук нового с ног сшибающего удара и оханья.

— Перевощика... — таджик упорно выстывает одно из тех слов, что, видимо, еще помнит.

— А хуй тебе в рыло! — Но в рыло тычется не хуй, а ментовский кулак, который со всей мочи впечатывается под челюсть, откидывая к стене клацающего зубами мужичонку, и что-то жутко хрустит в его черепушке. — Говори, мразь!

Полчаса «вспоминаний» неродного для гастарбайтера языка, которые с каждой минутой становятся все жестче, и степной орел уже не хорохорится, как на стадии вежливых уговоров. Сделав пару попыток подняться, цепляясь за обшарпанную стену, оседает на пол, стонет.

Кривлюсь от отвращения, глядя на красные разводы на кулаках дознавателя — мужика бойцовской породы. Такие на раз дуреют от запаха крови и, может от этой собственной дурости, не боятся подцепить ВИЧ или гепатит от подобного рода чмырей. Такие не станут разводить сантименты, обещая задержанному бесплатного адвоката, а если и зачитают права, то только в качестве издевки. Эта категория людей — знатоки своего дела.

Одного не пойму — что я тут забыл?! Я свою работу сделал: вычислил очередного курьера, организовал передачу товара — партии, вполне достаточной для того, чтобы посадить на иглу половину учеников какой-нибудь городской школы, и даже не одной. Наркаторговец задержан с поличным, и причитающиеся мне десять процентов от стоимости наркоты давно греют карман.

Так за каким чертом Дьяволу-Митлану стрельнуло в жопу затащить меня в тайные, по его словам, казематы, о существовании которых мало кто знает даже из служащих этого заведения? Решил мне очередное испытание на стрессоустойчивость организовать? Так мне этих стрессов в последнее время и без его заебов хватает.

Мутный он, этот чел. В его присутствии я всегда чувствую себя, мягко выражаясь, неудобно. Хищником, встретившим на охотничьей тропе более сильного зверя. Не могу я с ним ни расслабиться, ни культурно отдохнуть на редких встречах по поводу и без. Инстинкты постоянно держат тело в напряжении, ожидая вероломного нападения от коварного «босса», который ни одного слова не говорит без подъебки, вкладывая в них какой-то свой, не всегда тайный, смысл.

Смысл его действий в эту ночь мне вообще непонятен. Все время допроса, на который он меня затащил, ловлю на себе его изучающие взгляды, словно Борис сканирует мои реакции на происходящее. А мне с каждой минутой становится все сложнее их скрывать.

Нет, мне не жаль арестанта, и сочувствия к нему нет. У судьбы всегда есть несколько путей. Этот человек избрал легкий — и сейчас тяжело расплачивается за свой выбор. А мне всего лишь тупо интересно, насколько еще его хватит, потому что я устал. Просто без всяких прикрас — УСТАЛ!

Обреченно кошусь на Бориса. Вот кто на самом деле хищник, причем тщательно маскирующийся. Такой кайф от избиения беззащитного существа может получать только истинный маньяк. В предвкушении конца этой пьесы, исход которой понятен всем, с нетерпением жду, когда актеры уже перейдут к последнему акту и все наконец-то закончится.

Но спектакль и не думает кончаться. Новые и новые удары сыпятся на таджика, а меня начинает ломать. Отчаянно хочу оказаться подальше отсюда. Раздражают эти продажные шкуры — менты. Раздражает этот торгаш смертью. Раздражает само место «новой работы», которое люто-бешено ненавижу.

Нечасто оказываюсь в монументальных стенах старинного здания, но каждый раз буквально кожей чувствую, насколько они пропитаны гнилостной энергетикой. Словно под землей разверзлась пасть неведомого монстра, пожирающего живые сущности и оставляющего после трапезы смердящие тлетворностью объедки человеческих душ.

Сколько их здесь... Большая часть черных, отягощенных земными грехами. Но нет-нет да мелькают светлые невинные, чьи хозяева угодили промеж жерновов некомпетентной власти. Но и те и другие одинаково неупокоенные. Смотрят на меня пустыми глазницами, вымораживают душу — кто смертельно опасной озлобленностью, а кто вселенской тоской.

И чем ниже этаж, тем сильнее ощущается тошнотворный смрад, который, кажется, стекает склизкой пузырящейся массой в эту камеру допроса. Мне хочется кричать: «Неужели их вижу только я?!». Кажется, вдыхаешь в себя не воздух, а чью-то неприкаянную сущность, и меня откровенно мутит.

Еле сдерживая рвотные позывы, выскакиваю в коридор и стремительно направляюсь в закуток сортира, хотя все внутри призывает делать ноги не просто из подвала, но и вообще из этого места куда подальше. Вот только позволить себе такую «роскошь», как позорно сбежать и тем самым выставить себя слабаком перед Митланом, я не могу.

Пытаюсь успокоиться, перевести дух. Взять себя в руки и не потерять лица. Но в голове такой хаос, словно били меня, а не взятого мной на торговле наркотой парня.

*** Wolf's Rain OST — Face On ***

Набираю в ладони ледяную воду и плещу в горящую физиономию. Капли сбегают с мокрых сосул волос, падают на футболку, расплываясь серыми пятнами. В мутном зеркале без рамки взгляд исподлобья. Безумный. Дикий. Черные омуты зрачков затопили радужку. Желваки ходят под окрасившейся лихорадочным румянцем кожей резко очерченных скул, ужесточая черты лица. Губы плотно сжаты, словно наложенная на них печать молчания заставляет хранить тысячи тайн. Демон. Я ли это? Нет. Всего лишь маска, чтобы не ебнуться в этом чистилище. Все их надевают, не только Дэн. И я не исключение.

При одной лишь мысли о моем сетевом наваждении вмиг спадает защитный заслон, и в отражении зеркала на самого себя смотрю я, или, правильнее сказать, — снова я. Расстроенный, замудоханный бесконечными думками о правильности сделанного шага. Но я не мог поступить иначе. Никогда ни с кем не делился. А уж Дениса делить с кем-то и давно не собираюсь. Он должен принадлежать одному мне. Однако понять это парень обязан сам, и разобраться в себе я ему время дал.

Только с разбирательством он не спешит. Не звонит, и — что самое раздражающее — я его практически «не слышу». Словно парень залез в ватный кокон, в котором безвозвратно глохнут все частоты, и сидит в нем, не высывая носа. А я не могу себя сдерживать и с упертостью мазохиста постоянно заглядываю к нему на страницу, наверное, для того, чтобы в очередной раз испытать щемящую боль вкупе со злостью, видя, что Безликий в Сети и снова кого-то добавил в друзья.

Кому-то еще дан зеленый свет. Допуск в его виртуальную обитель. А я сам закрыл в нее дверь, оставив себе лишь Веру, что Дэн позвонит. Но рингтон моего телефона, каждый раз заставляя на миг замереть и наполнить душу Надеждой «А вдруг?..», неизменно приносит разочарование. Неужели я ошибся — и не нужен Денису?..

На хер! Не думать! Не здесь и не сейчас. Эти мысли разрушают. Делают слабым даже такого сильного человека, как я. Бесспорно, что пережитые перипетии судьбы меня закалили, но это вовсе не значит, что ужесточили и очерствили. Я сохранил в себе уголок нежности и, чего греха таить, Любви, который открыл Дэну. Но именно из этого уголка поползла трещина уязвимости по неприступным стенам возведенной мной самим крепости отчуждения.

Да я и сам готов был для него разрушить свой бастион. С готовностью распахнул настежь окна, двери. И он сквозняком пронесся по всем «комнатам и залам». Вздоражил моих забившихся по углам Демонов, пробрал до мурашек по коже и, казалось, стал полноценным владельцем моих хором. Но...

Ветер — он и есть ветер... Его же в руках не удержишь. Налетел, вывернул раскрытый мной зонтик души наизнанку и понесся дальше, гонять пыль по мостовыми да портить девчонкам прически. Может, ему действительно со мной скучно? А может, я слишком эгоистичен и непозволительно многого требую? Ведь ветер — он и есть ветер. Захлопни окна, впустив немного свежего воздуха, и озорник-сквознячок сам собой зачахнет, умрет. А ты продолжишь задыхаться в замкнутом пространстве своего замка.

Я сейчас чувствую себя именно так — мне как будто кислород перекрыли...

— Елисей... — голос Митлана за спиной выдергивает из мыслей. — Все в порядке? — спрашивает скорей для проформы, чем действительно заинтересован, тонко намекая, что я не имею права здесь расслабляться.

— Да, все нормально. — Мгновенно даю себе команду собраться и натягиваю привычную маску похуиста. Закрываюсь кованой кольчугой и стальными латами. Не хочу ни перед кем обнажать свою душу, а показывать свою уязвимость здесь — вообще противопоказано.

Вовремя этот Дьявол явился, а то такими темпами и до мягких стен в желтом здании додуматься недолго. Нужно отвлечься, сосредоточившись на очередном важном деле, загрузиться по полной, чтобы с маниакальным постоянством не возвращаться к мыслям о Дэне.

Гулкие шаги по напольной плитке сталинских времен эхом разносятся по длинному коридору. Спиной чувствуя пристальный взгляд Бориса, возвращаюсь к камере. Мужики, что вели допрос, смолят в коридоре, тихо переговариваясь. Видимо, или «падишам» наскучило представление «мая твая не понимать», или «ишак» сдох.

— Блять, время спать, а мы ни в одном глазу, — жалуется один из парней, подпирая спиной стенку.

— И не говори, — устало вздыхая, соглашается второй и дает волю фантазиям забанного семейной жизнью мужика: — Я лучше бы к Любке поехал, да ночь у нее провел, пока жена у тещи гостит.

— Хули мы возимся с этим моджахедом? Все равно молчит, как рыба об лед, — снова сокрушается первый, разглядывая сбитые казанки.

— Определить на постой к академикам* — и через недельку жизни у параша и с порванным очком этот степной орел петушком закукарекает. — Никто не смеется над замызанной шуткой. Усталость дает о себе знать.

— Так и молчит? — вклиниваюсь в разговор ни о чем. Не очень меня радуют такие собеседники, но что поделать, я с мужиками в одной упряжке, хоть и внештатник.

— Так точно! — по форме, выработанной годами службы, отвечает опер и переходит на «человеческую» речь: — Я бы эту паскуду давно уебал!

— Глаза бликуют яростью, кулаки сжимаются, выдавая серьезность намерений.

— Не кипятись, — с некоторым раздражением в голосе выдает Митлан и по-отечески похлопывает сотрудника по плечу. — Он мне живым нужен и по возможности способным более-менее внятно говорить.

— Борис Николаевич, добрый вы слишком с подобной швалью. Давить по-тихому надо этих выроdkов.

— Неправильно ты рассуждаешь, Виктор. — Иронично-снисходительная улыбка, что так меня бесит, трогает жесткие губы. — Сам подумай, что с мертвого возьмешь? Ни бабок не стяжи, ни информации. Удалили, и что?! Это как одну крысу грохнуть среди всего помета. А надо найти их гнездо, вот тогда получим хоть какой-то временный эффект. А насчет выгоды... — Мужчина задумчиво почесал вечно щетинистый подбородок. — По всему вижу, родня этого хмыря не выкупит, да и диаспора за такую мелкую сошку дергаться не станет. Вывод, сам понимаешь, один — нужно вытянуть из него информацию о крупной рыбе.

— Расколем! И не такие ломались-ломались и в итоге сламывались. — Сотрудник потирает казанки на рабочем кулаке, показывая готовность к продолжению допроса с пристрастием. — А нет, так посадим в камеру, там по одному «волшебному» слову быстро развяжут язык любому.

— Неправильно, опять же! Ты слишком горяч и скор на расправу. Надо человека расположить к себе. Вселить в него Надежду! Чтобы он верил, что выход у него все же есть, — поучительным тоном Борис пускается в никому не нужную демагогию. — Знаешь анекдот? Даже если тебя съели, всегда есть два выхода. Так вот и нужно показать задержанному, что тот выход, что он видит как жопу, для него единственно верный.

— Больше делать нехуй. У нас тут что, городская свалка, возиться со всяким отбросом?

— Вот поэтому ты, Виктор, столько лет и сидишь в одном звании, — раздраженно заключает старший, устав объяснять очевидные для него вещи. — Тебе с такими понятиями лучше в группу захвата идти.

— Давайте я сам с ним поговорю, — вклиниваюсь в эту словесную перепалку. — Думаю, передо мной он перестанет валять дурака.

— Без проблем, только один ты в камеру не пойдешь, — Борис бросает на меня изучающий взгляд и поворачивается к порядком уставшим и злым подчиненным: — Ладно, парни, отдохните. Время «плохих» полицейских прошло. Сейчас моя очередь вступить в игру.

Заходим в камеру, и меня опять обволакивает сконцентрированная энергетика серой клетки с давяще низким потолком. «Запах» боли, страха, агрессии проникает в поры и, кажется, пачкает меня еще больше. Задыхаюсь от тягостного смрада, но терплю, убеждая себя, что это всего лишь фантом.

Зато причина моих изматывающих ощущений вполне реальна. Сидит за металлическим столом упрямым и бестолковым «ишаком». Живым, хоть и изрядно покоцанным. Раскачивается, как маятник, не обращая на нас никакого внимания. Молится, что ли? Я б на его месте тоже молился. Но на его месте я не окажусь никогда.

Быстрым взглядом намечаю для себя место дислокации — у самого входа, подальше от покоцанной мрази, и, утянув первый попавшийся стул, сажу его так, чтобы спинка загораживала солнечное сплетение от давящей энергетике, устанавливая своеобразный щит. Митлан, как хозяин положения, устраивается в голове стола. Закидывая ногу на ногу, бросает на столешницу пачку сигарет.

— Анзур, ты уж прости наших сотрудников. Горячие, неопытные, — спокойно, словно с давним приятелем встретился, начинает допрос Митлан, и меня передергивает от его тона, которым он «льет мед» на уши таджика. — Ночь на дворе. У всех семьи, дети, любовники... — Покручивая в руке дорожную зажигалку, бросает взгляд на меня и продолжает «задушевную» беседу.

Мое секундное недоумение сменяется внезапным осознанием, что передо мной разыгрывают вторую часть пьесы под названием «плохой — хороший полицейский». Не смогли сломать физически, значит, в ход пойдет психологическое давление. Знаю все эти приемы, только у меня выдержки не хватит с такой мразью так разговаривать. Но Николаевич в своем деле — профессионал.

Именно эта особенность так не нравится и напрягает меня в нем. Митлан всегда словно наблюдает за тобой, оценивает реакции, действия с точки зрения психолога. В общении он подключает и умело использует своего рода дар, что дается кому от природы, а кто и развивает в себе эту внутреннюю чуйку.

— Анзур, ты же умный, — «хороший полицейский» продолжает кормить пряниками «плохого парня». — Понимаешь, в какую передрагу попал? Тебе светит от десяти и выше, а ведь у твоей матери слабое сердце, — Борис даже и не пытается скрыть своей осведомленности. — Отец в возрасте. Уважаемый человек.

Мне даже не нужно смотреть на таджика, чтобы чувствовать то же, что видит мент: Анзур реагирует, дает слабинку под гипнотическим взглядом гээнкашника, который ни на миг не отпускает вожжи, понукая упрямую скотину.

— Представь, как им будет трудно. Придется передачи тебе на зону отсылать. Деньги в общак вкладывать, и немалые, которые с тебя стрясут по-любому. Никакой пенсии не хватит! Мефахмам*? — обращаясь на понятном допрашиваемому языке, психологически давит.

Черные глаза Митлана безотрывно смотрят на заключенного, будто пытаются разглядеть всю правду, что спрятана за одним черным и другим с изъяном — подернутым голубоватой пленкой бельма. И кажется, читают таджика, как открытый коран, подмечая каждый нюанс мимики, каждое неосознанное движение.

— Такой ты им старости хотел? Бедная женщина — ее ребенок в тюрьме, с горя же можно умереть. Какой позор для отца — сын наркоторговец. Но ты же, наверное, не виноват?! Тебя заставили? — Сколько сочувствия в голосе, статуя Девы Марии кровавыми слезами бы залилась*.

— А жена, дети? У тебя же мальчик?! — не повышая голоса, без кулаков и какого-то внешнего напряжения опытный психолог методично долбит таджика по ахиллесовым пятам. — Ребенок вырастет без отца. — Кадык наркоторговца дергается. — Когда ты выйдешь... Если выйдешь... — Борис настолько не спеша прикуривает, что сразу становится очевидным — дает таджику время хорошо осознать услышанные им слова. — Парень и знать тебя не будет! Без отцовского глаза по твоим же следам пойдет. А может, и хуже: не продавать будет, а покупать... — Митлан выдыхает сизую струйку дыма в лицо голодного до курева задержанного и заканчивает мысль: — Для себя.

Сидел бы сейчас перед ним бывалый урка, может, и не повелся на все эти психофокусы. И то не факт. У каждого есть болевые точки. Митлан безошибочно находит и без зазрения совести давит на них, внимательно подмечая, срабатывает или как.

— Но ты же можешь все исправить, — Николаевич кидает пророченное зерно в подготовленную почву, грамотно давая забитому человеку проблеск Надежды. — Не надо будет покидать семью. Безвозвратно терять лучшие годы жизни. Я даю тебе шанс... — мягко стелет добрый дяденька-полицай, направляя мыслительный процесс парня в нужное ему русло, однако не давая простора на колебания: — Один. Не упусти его.

Тишина повисает в камере. Молчит Митлан. Изредка посасывая почти докуренную сигарету, спокоен, как всегда, закрыт. Этаким большой Каа, перед которым единственная мартышка, которую он сожрет и не подавится. Уверенный в себе и своих отработанных на сотнях преступников психологических приемах, дает «клиенту» dozреть.

Молчит таджик. Вжавшись в спинку стула, напряжен до предела, всем своим видом показывает, что «доходит до кондиции» — рыщет по стенам затравленным взглядом, словно пытаюсь найти в них выход из безвыходной ситуации. Но меня ему не проведешь.

В напряженном безмолвии я отчетливо слышу его мысли и понимаю, что чернявый «простачок» не так прост, как хочет казаться. В нем кипит ненависть. Ненависть к стране, которая дала ему работу и кров. Ненависть к ментам, что выбивали из него показания. Ненависть к «добренькому» Митлану, щедро навешавшему ему лапши на уши. И ненависть ко мне, разрушительная энергетика которой огненным лассо окольцовывает грудь.

Заебало... Идиотская игра, в которую меня втянул Дьявол-Митлан. Театр абсурда, от которого проблеваться охота, но который мне не позволяют покинуть. Хочу домой. На свежий воздух. Прочь из затопленного негативом подвала, где даже Сети нет. А в бесполезном в аномальной зоне куске пластика, набитого микросхемами, меня может ждать сообщение от Дэна или его не принятый мной звонок.

— Блять! Харе спектакль разыгрывать! — теряя последние крупницы терпения, приближаюсь к наркоторговцу, нагло оттесняя Митлана. — Тебе никто не поможет. Только он, — указываю на дипломата-психолога, что с интересом наблюдает за мной. — Запомни: ты ничто и звать тебя никак. Тебя тут вообще нет. Твое правительство срало на тебя, — нависаю над столом, за которым сидит задержанный, неотрывно смотря через глаза в мозг. — Ты и тебе подобные — для них тараканы, что плодятся и подымают бесконтрольно. Издохнешь, и тебя даже мама родная не хватится, — напирая, из последних сил сдерживая дар.

— А ты щего суеищис? — поднимая взгляд, неожиданно крысится наркоторговец, и его лицо перекашивается от Ярости. В неотрывно пялящихся на меня глазах вызов. — Пиздэс тебе, Бес-с-с, — плююсь кровавой слюной, шипит гадюка, называя меня по придуманному мной же погонялу, и на почти чистом русском с разбитых губ слетает угроза: — Мои братия найдут тебя, твоих близких и, как шакалов бешеных, пирирежут.

— ТЫ. УГРОЖАЕШЬ. МНЕ... — Не спрашиваю, и его ответ мне не нужен. Из последних сил связываю рвущиеся одна за другой нити каната, что сдерживают лютого Демона, который рычит внутри. Уродливым монстром вытягивая членистые конечности из позвоночника, растет. Вздрыбливая жесткую щетину на холке, жаждет крови. Дышу, как бык на корриде, но ни хрена не отпускает.

— Если я отсюда выйду, все узнают, что ты мент, — подписывает себе приговор загнанная в угол крыса, что скалится зубами в разводах крови, обезумев от безысходности.

— Если выйдешь... — цежу сквозь стиснутые зубы, и уже не хватает времени на трезвые мысли.

В сторону отлетает и с грохотом падает на пол стул. Туда же летел бы и стол, если бы не был надежно прикручен к полу.

Убийственная волна Ярости накатывает, как цунами, смывая расшатанный землетрясением Гнева мой внутренний мир. В одночасье гибнут многоэтажки Выдержки и Стойкости, зеленые насаждения Рассудительности и Невозмутимости. Размывает фундамент монолитной конструкции Расчетливости. Рассыпается в стеклянное искрящееся крошево тектоника Трезвости. И в этом месиве из-под бесформенных руин Праведности поднимается мой Демон-Деспот.

Что-то очень похожее на рык вырывается из груди. Бросок руки словно атака кобры. Вцепляюсь в черные жесткие волосы и со всего размаха припечатываю рожу мудака о железную столешницу. И еще раз. И еще. И кажется, уже не могу остановиться. Желваки ходят. По венам течет Ненависть. Я хочу одного — убить эту мразь.

— ЕЛИСЕЙ! ОСТЫНЬ! — строгий окрик Митлана, и я уже хочу убить не одного, а двоих. Одного за то, что надумал мне угрожать, второго за то, что раскрыв мое имя.

— СУКА!!! — выплевываю в ответ то ли Борису, то ли арестанту, что хлюпает кровью в разбитом носу, которая ровной струей прокладывает красную дорожку через губы по небритому подбородку, заливая рубашку и капая на замызганные штаны.

КРОВЬ! И глаза застилают пеленой. Все вокруг плывет, сворачивается в размытый белесый круг, за пульсирующими краями которого для меня нет ничего и никого, но в центре мишени остается в фокусе ссутулившаяся фигура таджика. Он — моя жертва. Цель, которую я должен поразить.

Отпускаю Силу и «раскидываю сеть». Жесткие волны моей Ненависти накрывают все еще не сломленного человека, стремительно подавляя его волю. Еще пока не сильно сжимаю тиски, но в его сознании, заставляя дергаться, опускать глаза, уже поселился неподдельный Страх.

Не боязнь боли, что вколачивали в него менты. Не опасения за близких, что пытался внушить Митлан. Нет, это первобытный животный СТРАХ! Тот, что вылезает из темных углов спальни и вынуждает ребенка натягивать одеяло на голову. Тот, что всегда за спиной и заставляет взрослого опасливо оглядываться в пустом переулке и прибавлять шаг. Тот, что в минуты смертельной опасности леденит кровь в жилах и отдает легким приказ — не дышать. Но это лишь верхушка айсберга, а сидящий передо мной гондон сейчас узнает, что сокрыто под толщей вод.

— У кого берешь товар? — задаю вопрос и, словно прокручивая колесико громкости, прибавляю мощь напора.

Драгдилер дергается. Начинает рваться из-за стола, к ножке которого пристегнут левой рукой. Он сейчас крыса, на которую наезжают стены собственной клетки, сжимая камеру до размеров спичечного коробка.

Сканирую еще не до конца прогнившее тело. Четко вижу физически слабые места и чувствую себя мясником, что разделявает жертвенную тушку, — так и подмывает рубануть по болевым точкам тупорылого скота.

— Мне повторить вопрос? — Захожу за спину, сверлю дырку в затылке — самое уязвимое для наведения порчи место. И мразь сжимается в комок, ожидая нового удара. Но нет, я не стану его бить или читать нравоучения. Я знаю, что могу по-другому. И он это уже ощущает на своей собственной шкуре.

— Я... я... — мямлит наркоторговец, все еще разрываясь между собственным упрямством и инстинктом самосохранения. — Я скажу... Только ты должен...

— Я тебе ничего не должен, — перебиваю таджика и, вплетаясь в его энергетические потоки, становлюсь кукловодом.

Не люблю к этому прибегать — природная брезгливость отторгает чужеродные субстанции. Но сейчас перебиваю себя и, словно в куклу вуду, вонзаю стальные иглы в энергетическое поле мужаика.

— Алла-ахум-ма-а-а инна-а-а... — покрываясь липким потом, таджик начинает выть, словно мулла на башне мечети.

— Я тебя не посажу... — Прохожусь по точкам сплетения чакр: мозг — сахасрара и аджна, горло — вишудха. — Я буду развлекаться с тобой долго-долго... — Раскаленная игла пробивает грудину — анахата. Живот — манипура. — Пока не надоест... — И контрольным «наносу удар» по мужской гордости — муладхара.

Методично разрушаю то, что и так находится в шатком состоянии. И разрушил бы до конца, но мне нужно получить от него признание и постараться не сделать до этого овощем. Только таджику знать мои планы не обязательно. Его мозг должен получить другую информацию. И он ее получает, с лихвой.

— А когда я с тобой наиграюсь... — Мысленно сжимаю в кулаке трепыхающееся сердце. Парень бледнеет, хватая ртом воздух, дергается в конвульсиях. — Я убью тебя.

Вокруг сгущается и кипит энергия. Нельзя изменить сущность, нельзя изменить реальность, но ее можно исказить в глазах своей жертвы.

— Пусти... — хрипит наркоторговец, и, переполняя глаза, по его скулам бегут невольные слезы. Только Жалости во мне нет. Или вытяну из него все, или покалечу суку.

— Говори... — убийственно спокойно приказываю, удерживая мужаика на краю сознания.

— Аладди-и-и-н! — вопит в голос задержанный и начинает мелко трястись, словно под током. — Его зовут Аладдин!

— Пиздишь, — не даю таджику Надежды на прекращение пытки, но все же поощряю — чуть ослабляя напор, позволяю продышаться.

— Я не вру! — восклицает мужик с таким отчаянием, что не остается сомнений в правдивости его слов. — Аладдин! Он всех крышует! — и с каждым мигмом становится все более разговорчивым. — У него большая партия, на килограммы.

Я не знаю, кто такой Аладдин. Слишком мало варился в их адской «кухне». Но это нюансы. То, с каким раболепием таджик произносит до смешного сказочное имя, наводит на мысль, что птица действительно крупная.

— Хорошо, — с удовольствием отпускаю посеревшего, как стены этого каземата, мужаика, и тот обессилено сползает по стулу. — Сейчас придут добрые дяденьки-менты, и ты им все расскажешь.

Выхожу из камеры. Сил нет не то что идти, но даже моргать. Подпираю стенку, и меня передергивает, то ли от ее холода, то ли от омерзительного ощущения, что я покрыт зловонными стоками с головы до пят. Тело ноет, словно его, вывернув в суставах конечности, связали веревками и надолго подвесили на крюках, нарушив кровообращение. Но это херня, по сравнению с головой, в которой стоит непрерывный гул, переходящий в высокочастотный писк. Кажется, что мозг распух и давит на глаза и черепную коробку, которая готова взорваться от напряжения.

— Что это сейчас было? — голос Митлана бьет по ушам, раздражает.

— Я тот же вопрос хотел вам задать, — устало отвечаю, и кажется, каждое слово резонирует болью в голове. — Вы зачем мое имя сказали?

— Не переживай, ничего он не сделает, — успокаивает мент. — Он дал согласие на сотрудничество, а следовательно, встал с тобой по одну сторону.

— Знаю. У него не было выбора, — словесно отмахиваюсь от жужжащей рядом «мухи», а так хочется въебать по этой самодовольной роже. Вот только, к сожалению, сил нет руки поднять. И я бы спешл для этого козла нашел в себе скрытые резервы, если бы не одно «но», удерживающее меня от мордобоя понадежнее любых наручников, — козел мне пока нужен. Из-за Дэна нужен.

— Значит, не скажешь, как ты это делаешь? — не отступает Борис.

— Что делаю? — даже не пытаюсь изобразить недоумение, прямо смотрю менту в глаза, искренне надеясь, что он читает в них мою откровенную Неприязнь, потому что издавать звуки у меня сейчас желания нет.

— Я о том, что почувствовал.

— Что почувствовали? — продолжаю ваньку валять и чуть не валюсь от усталости. — Вы о чем?

— Не о чем... — наконец поняв, что ничего ему из меня не вытянуть, ухмыляется Митлан и буквально отрывает меня от стены. — Знаешь, а мы хорошая команда. Сработаемся, — тащит на выход, и я чувствую, каких усилий мне стоит каждый шаг. — Пошли, я тебе персонального водилу

выделю.

— Спасибо, как-нибудь сам. — Непроизвольно смахиваю невидимую скверну с рук, плеч, лица, а выглядит, как будто отмахиваюсь от Митлана. Бесят его «отеческая» забота и непозволительно наглое нарушение моего личного пространства. Хочу домой, под душ, под обжигающие струи горячей воды и... к Дэну. Как там моя заеба грешная?

Выползаю на «свет божий», хотя светом глубокой ночью даже и не пахнет, тяну из кармана смартфон, который то и дело блямкает наконец дошедшими до прежде недоступного абонента сообщениями.

Сообщениями от кого угодно, только не от него. И последние силы покидают тело, а в душу закрадывается тоскливо ноющая пустота. Такая же серая, как эта безлюдная ночная трасса, что так и подначивает притопить газ, и я гоню, не сдерживая мощь табуна лошадей.

Лечу, и в голове летят мысли, вернее, кружат спутниками вокруг одного звездунa. «Он позвонит! Должен! — убеждаю себя, и тут же Сомнение закрадывается в душу: — А если нет? Придется-таки найти айтишника, хакера. А может даже, и к Митлану в ножки бухнуться?! — От одной лишь мысли об этом типе становится муторно. — Только в самом крайнем случае! — Еле гашу поднявшуюся волну Раздражения, и из закутка сознания подает голос Праведность: — Правильно ли это? — которой тут же затыкаю рот: — Да похуй мне, правильно или нет. Я пойду на все, чтобы узнать, где свил гнездо мой упрямый нелюдим».

Уже возле дома взглядом ловлю на тротуаре свою тень. Замираю, разглядывая темное очертание себя самого. Я не устал быть один, я просто не хочу быть без своего соулмейта*. Знаю, что так же ему необходим, как и он мне. Денис...

Все мысли о нем. Моюсь, завариваю чай, смотрю вдаль, на мерцающие огни ночного города, укладываюсь в холодную кровать — все движения выверены до автоматизма. Я не здесь. Ищу его, хватаясь за тонкие нити вселенского хаоса, и до дрожи желаю, чтобы он решился и наконец-то позвонил. Я верю, он все поймет правильно, а я подожду.

Жду. Прошли уже сутки. Дэн не звонит, а я душой лечу к нему...

*** Tommy Lee — Hold Me Down ***

...По темному узкому коридору гулким эхом торопливые шаги. И, то опережая, то отставая, то множась причудливыми образами, по выщербленной временем каменной кладке за мной бегут мои бесплотные тени, порожденные зыбким пламенем одиноких факелов.

Я ходил здесь не раз, но впервые этот короткий путь кажется мне бесконечно длинным. Я словно не меряю шагами пол, а заново проживаю свою жизнь. И точно так, как в жизни, меня то окутывает облаком света, то погружает во мрак, то снова освещает огнем.

Мой огонек... Я лечу к тебе мотыльком на свет. Сколько лет я ждал этого дня. С маниакальным Упорством ждал, когда ты подрастешь. Повзрослеешь и превратишься из придорожного сорняка, что когда-то обжег меня взглядом по-детски озорных глаз, удивил мальчишеским характером и Отвагой, которые сподвигли тебя без стеснения заговорить с незнакомцем, в очаровательный в своей неброской красоте цветок.

А потом ты, обещанная мне отцом, ждала меня. Становясь для тех далеких эпох перестарком в семнадцать лет, ждала два долгих года моего возвращения из хождения за семь морей с караваном торговых кораблей. Столько пройдено морских путей. Столько пережито штормов. Мои волосы посеребрила седина, а кожу изъела морская соль. Но я знаю — ты ждала меня.

Нервничаю. Один Бог знает, как я нервничаю. Беспокойно отдергиваю выглядывающие из-под рукавов свадебного камзола белоснежные кружева, что так контрастируют со слишком загорелыми и натруженными для аристократа руками. Сердце бешено стучит, отдаваясь в горле, и, кажется, готово вырваться из груди. Возбуждение огненной волной жарит щеки, создает томление в чреслах.

Я с таким трепетом ждал этого момента, что в душе зародился Страх. С кем я был? Портовые шлюхи. Куртизанки, что вращаются в высшем свете, но по сути те же шлюхи. Все, как одна, — блудницы. А она... Она чистый, нетронутый цветок.

Мне нужно решиться. Сделать шаг в мягкий свет, что льется из-за приоткрытой массивной двери, за которой сокрыто мое счастье. Глубокий вдох... и я вхожу.

Небольшая комната с единственным крохотным окном наполнена теплом горящего камина. Тусклые отблески от потрескивающих в пламени дров гаснут в старинных семейных гобеленах. Но я не вижу красоты узоров. Мой взгляд устремлен туда, где за прозрачным пологом кровати виднеется тонкий силуэт той, что так безумно желаю.

Я хочу взглянуть ей в глаза и прочесть в них Любовь. Коснуться длинных, в легких завитках, распущенных для меня волос. Потянуть за завязочки на ночной сорочке, что скрывает от моего взора маленькую грудь, и ощутить учащенное дыхание, что вырывается теплом из приоткрытых уст. Припасть губами к бледной коже, которую не ласкали даже солнечные лучи. Уткнуться лицом в колени, заласкать до безумия и сделать своей. Я тяну руку к пологу и...

Отрываясь от подушки, сажусь в кровати. Сердце все так же бешено колотится за грудиной, только нет никакого камина и кружевного полога. Вместо пыльных гобеленов — современные обои. Солнце в зените всюду херачит через стеклопакет.

Протираю глаза. Рука на автомате тянется к телефону. Пара СМС высвечиваются на экране, но нет той, от кого жду весточки, и в который раз что-то болезненно обрывается в груди. Валиюсь обратно и тупо пялюсь в потолок. В голове все еще крутятся образы невинной девушки и английского мореплавателя.

Давно не видел отголоски своей прошлой жизни, в которой я был так недолго счастлив и в следующем плавании утонул, когда до дома оставался день морского пути. Из-за той глупой смерти я в этой жизни боюсь воды, хоть и плаваю неплохо. Просто каждый заплыв — борьба с собой, ведь я помню... Помню, как умирал.

Это страшно — каждый раз переживать заново. Чувствовать, как легкие наполняются водой. Ощущать удушливые, болезненные спазмы, когда уже не дышишь и сердце не бьется, но мозг все еще работает и осознает, что не вернусь к ней. Что не увижу ее. Что это конец! Видеть, как с погружением тела гаснет свет, сжимается в маленький луч, за который невыносимо хочется ухватиться. Но никак...

Таким лучиком света в той жизни для меня была моя супруга, что столь рано овдовела, но, храня верность, больше уже не вышла замуж. Таким лучиком в этой жизни стал для меня Дэн.

Кто-то назовет это реинкарнацией, кто-то скажет, что это бред шизофреника. Но я уверен, что в прошлой жизни был связан именно с Денисом. Ведь ни к кому в нынешней жизни я не испытывал того трепета, той радости, того безумного желания обладать, как в минувшей жизни к своему рыжему солнцу.

Никого я не мог назвать СВОИМ. Даже тех, кто отдавались мне душой и телом. Только ЕГО!

Я уверен в своей правде. Наши души из жизни в жизнь могут искать и находить друг друга. Не вражда ли в прошлой жизни объясняет вдруг возникающую с пустого места неприязнь к человеку, которого можно и не знать. Не близость ли душ в прожитых жизнях — причина того, что некоторых мы пускаем к себе в сердце, как родных.

Дэн для меня не просто близкий и родной, он мой, всегда был моим, а я его... В той жизни он был юной девушкой, в этой встретился мне парнем. Но кем бы он ни был, я его полюбил бы все равно. Все равно моя душа отозвалась бы и притянулась к нему. Такая Любовь не признает полов, возрастов, религий. Она всеобъемлющая, когда один человек для тебя становится целым миром и самой жизнью.

Моя душа лежит к Денису, но идут уже вторые сутки, а эта зараза мне не звонит!

Зато звонит тот, кого я хотел бы слышать меньше всего, — Митлан, одним своим явлением на горизонте поганя и без того поганое настроение. Без тени сомнения отклоняю вызов — не сейчас. Без тебя тошно.

Ничего срочного не может быть. Встреч на сегодня тоже не запланировано. А этот таджичонок еще несколько дней будет отходить от побоев, ну или покатается по всем точкам за тонированными окнами ментовозки. Но это все без меня. Сегодня меня нет для всего мира. Я кончился.

Можно было бы, конечно, съездить на квартиру к одному должнику, но настроение откровенно нулевое. Такое ощущение, что я тихо впадаю в депрессию без искрометной энергии Дениса. Хватаю с полки первую попавшуюся книгу и пытаюсь проникнуть в другой мир криминальных разборок, детективных расследований и драмы неоцененной любви. Но не могу понять и одной трети прочитанного. В голове крутится свой детектив, мучает сердце своя Любовь. Может, ну ее, эту гордость? Восстановить страницу и устроить пропиздон выебонистому пиздюку?! Нет, так нельзя! Он должен сам решить, что для него важно. Подождем, твою мать.

Жду. Проходят вторые сутки. Дэн не звонит...

Зато звонит какая-то сволочь в домофон, дятлом действуя на мозги. В голове проносится мысль: «В такое время крематорий кочегарит еще в штатном режиме или принимает покойничков уже неофициально?». Игнорирую, но трель продолжается, заставляя меня, во-первых, прикидывать один за другим планы идеальных убийств, а во-вторых, все же оторвать жопу от дивана. Нехотя плетусь к источнику шума. Чтобы хоть так унять его, снимаю трубку домофона, меняя электронное блямканье на человеческую речь.

— Откройте! Это полиция, — несется по-официальному грозный голос от входа в подъезд прямо мне в ухо, а заодно и к соседям в окна, и я даже не успеваю отреагировать, как следом раздражается дружное мужицкое ржание.

«Ну вот и с фирменными ментовскими шуточками познакомился», — устало улыбаюсь, узнавая голос Бориса и Сашки, и ничего не остается делать, как нажать кнопку, открывая дверь своего бастииона моим новым «другам».

— Мужики, ну вы совсем охренели! Завтра уже пойдет слух, что ОМОН на задержание приезжал, — пожимая протянутые руки, приглашаю мужчин войти.

— А мы тут с работы, и подумали: «А ведь мы так и не отметили начало нашего с тобой сотрудничества и не выпили с первой зарплаты. Упущение!» — в своей обычной манере трещит голубоглазый.

Сашка светится, как солнце, обворожительно улыбаясь. Николаевич сдержан. Красивые мужчины, что и говорить, но настолько разные, как день и ночь.

— Ты чего трубку не брал? — опять «включает начальника» Митлан, но я так устал, что даже беситься и как-то веско аргументировать не хочется.

— Занят был! — односложно отвечаю, подумывая, что выпить в компании — это не такая уж плохая идея, может, подотпустят невеселые мысли о Денисе.

— Но ты ведь один! — говорит Борис и, видя мое напряжение из-за его осведомленности, тут же смягчает тон: — Мы не помешали?

— Нет, проходите. Сейчас соображу закуску, только мне надо минут десять-пятнадцать.

Мужики проходят в зал. Так прикольно наблюдать, как оба опытным глазом скользят по стенам моей квартиры. Вот только каждый со своим интересом. На «ха-ха» пробивает, но я лишь улыбаюсь.

Борис, видимо, не узрев посторонних в моей берлоге, скидывает пиджак и кобуру и, окончательно расслабившись, по-хозяйски разваливается в кресле.

Сашка задумчиво рассматривает на полках шкафа фото, где я на отдыхе: одна — в компании девчонок, другая — на охоте, то с кабаном, то с лосем. Оставляю гостей изучать фотоотчеты о своих разного рода «сафари» и иду на кухню.

— Лис, а ты почему до сих пор не женат? — слышу Сашкин ор, пока вожусь с закусками.

— Как-то не встретился мне такой человек, которому бы я дал себя захомутать. Причем добровольно. — Умалчиваю, что жениться никогда не входило в мои планы. Не в этой жизни уж точно. А вот взять одного стервеца в мужья — так с превеликим удовольствием. Только бы

объявился...

Квартиру заполняет сногшибательный запах куриных отбивных, что дождались своего часа и наконец-то попали на сковородку. Польза есть и от таких неожиданных гостей: хоть поем, а так бы и забил. Маленький журнальный столик быстро заполняется тарелками со снедью, последним штрихом ставлю рюмки.

— Я за рулем. Поэтому только ем, — предупреждает Борис и хитро щурится, наблюдая, как я, словно прилежная женушка, приношу наструганный закусон, соображая стол на троих.

— Без проблем. Значит, едим мясо, — кидаю ему в ответ и не могу расслабиться, постоянно чувствуя испытующий взгляд промеж лопаток. Ощуаю, как меня выбешивает и интригует его тщательно скрываема за сжатыми у рта ладонями улыбка.

— Люблю, когда возле меня суетятся, — как будто назло, поддразнивая меня, доносятся слова Николаевича и врезаются, словно пуля в затылок. «Что за игру ты тут снова затеял?».

— Не переживай. Я за него выпью, — смеется Александр, и я понимаю, что он снова говорит с акцентом, а значит, снял маску строгого блюстителя закона и расслабился. — Лис, пепельница есть?

— Сейчас изобразим, — достаю из шкафа совковый подарок маман — хрустальную конфетницу, наконец-то сгодившуюся в хозяйстве, — подковыривая Санька: — Ты бы лучше ел за двоих, — подвигаю к нему тарелку с куриными отбивными. — Честно, смотреть на твои мощи больно.

— Зато вероятность попадания пули меньше, — Сашка поднимает рюмку и подносит к моей, нисколько не обижаясь на мой подъебон. — Ну что, за вливание в наши СТРОЙНЫЕ ряды?!

— За тебя, Лис, — Николаевич поднимает свой стакан с соком и врезается меж наших с Сашкой рюмок, словно клином разъединяя.

Вечер течет неспешно. Разговоры. Тосты за сорокаградусным чайком. Борис вводит в курс нового «проекта», что получил свое начало с показаний ночного драгдилера из Средней Азии. Рассказывает про информаторов, про уже начавшиеся задержания и вербовку мелких поставщиков и про то, что подбираться к загадочному Аладдину нужно очень осторожно, чтобы не спугнуть босса или не напороться на неприятности самому.

— Если вдруг кто из НАШЕЙ группы не будет доступен, хотя такого не бывает априори, — как всегда с толком и расстановкой не только рассказывает, но и ест Митлан, — то ты всегда можешь обратиться к Саньке. Он тебе в несколько минут организует пеленгацию, данные от паспортных до школьной характеристики. Распечатку звонков и СМС тоже не вопрос сделать, только это времени больше займет.

Санька согласно кивает, сминая в импровизированной пепельнице очередной окуроч, а я выцепляю из всего этого потока информации мысль, что висит вопросом на кончике языка, — как в случае чего добыть сведения о единственно важном для меня человеке.

Думаю думу и краем уха слушаю ментов. Митлан и Сашка рассказывают такое, от чего у меня неприятно бегают мурашки от осознания, что личной, частной жизни нет, если ты попал на глаза ментам. Пытаюсь отогнать мысли, странные ощущения. Мне с ними работать. С Сашкой, конечно, не так близко, все же он с Петровки, а вот с Борисом...

В голове, сигнализируя об опасности, красными буквами бегут тревожащие фразы: «А что им известно обо мне? Как глубоко копнули под меня? И самое главное, чем мне это все грозит?!».

— Ммммм... Как вкусно... — блаженно мычит Сашка, наконец добравшись до горячего. — Какая нежная свинина...

— Сань, ты чего, какая свинина? — ничего не понимая, смотрю, как Сашка отрезает кусок от куриной отбивной и тянет в рот. — Когда я ее жарил, это курица была.

— Что? — Сашка замирает с вилок у рта, на его лице, словно узоры в калейдоскопе, за секунды отражается столько эмоций, сменяя одна другую: Страх, Отчаяние, Отвращение...

— Ой, не могу... — Борис складывается пополам и чуть ли не хрюкает от смеха, вытирая выступившие слезы. — Ну, Лис, ну удружил...

— Мужики, я что-то не догоняю, — сижу и просто не могу понять, В ЧЕМ, МАТЬ ВАШУ, ДЕЛО?!

— А-а-а... Ты же еще не в курсе... — продолжает ухахатываться старший мент. — Сашка не ест птицу.

— Как? Что за верования такие? Про свинину слышал, а вот про птицу... — Мысленно перебираю все религиозные конфессии и не нахожу ни одного, где бы курица была сродни божеству. — Или это медицинские показания. Аллергия, что-ли? — Я не на шутку обеспокоен, слишком явственно вижу Сашкино омерзение, будто он не курицу ест, а обед Ганнибала Лектера.

— А вот такой у нашего Сашки заеб. Он не ест собратьев.

— Каких собратьев? — уже ничего не понимаю, словно в дурдоме оказался, и попробуй разберись в хитросплетениях чужих нейронов.

— Своих... Своих, — Бориса поражает новый приступ смеха. — У Сашки фамилия Гусаков. Поэтому он из принципа не ест птицу.

Думал, что у меня заебов полно, а оказывается, что бывают клинические случаи и похлеще.

— Саш, ты прости, я не знал.

Мужчина натягивает обворожительную улыбку и, глядя на Бориса, отправляет отрезанный кусок в рот.

— Вот видишь, я ем. Тем более что приготовил сам Елисей. — В глазах мужчины вызов, только кому?! Себе, своим вкусам или Борису? — Как я могу отказаться?

— Саш, да не мучай себя. Закуски, что ли, мало?

— Все очень вкусно, Лис, правда. — Узкая ладонь ложится мне на плечо, и тонкие пальцы скользят по руке, как будто невзначай.

Не успеваю подумать, что означает явно не дружеское движение, как слышу то ли рык, то ли хрип, то ли придушенный на корню кашель. Поднимаю взгляд. Черные глаза смотрят на нас со страстью гестаповца, подводящего еврейского смертника к стенке.

Как-то не по себе становится, видимо, как и Саше. Тот тут же переключается, только диву даюсь, с какой скоростью. Рассказывает про очередное дело. Что преступник на месте записочки оставляет. Вовлекает в беседу Бориса.

Меня начинает забавлять шекотливость ситуации, я прям чувствую, как Митлана распирает от чувства собственной значимости. Все же интересная он личность. Сильный, независимый и, по ходу, жуткий собственник. А как еще понять этот взгляд? Из раздумий выводит голос Бориса:

— Лис, а ты что думаешь?

— Ну, знаете... — отставляю на пол приконченную за беседой бутылку водки и открываю новую, разливаю по рюмкам, — почерк может о многом рассказать, раскрыть психологическую картину: характер, темперамент, наклонности. Я вот тоже хоть и не сильно, но разбираюсь. — В голове приятно штормит. В теле легкость, и Мировой океан становится сродни Азовскому морю. Хотя я не пьян, прекрасно оцениваю обстановку, подмечаю каждую деталь. — По почерку могу понять, что из себя представляет человек, даже не зная его. Буквы не врут.

— Дааа? Как интересно, — тянет Сашка, почему-то старательно изображая из себя пьяного. Только изображая. Ясно понимаю, что не может его так развести с полбутылки. Ментовская закалка не отпускает никогда. — Значит, и мой характер, и что я за человек, можешь понять? — А голос лилейный-лилейный, будто любовнику на ухо всякие пошлости шепчет.

— Напиши что-нибудь. — Пытаюсь отогнать от себя мысли небесного цвета, уверяя себя, что Сашка не того же поля ягода, что и я. Еще больше напрягаюсь. Маниакальные мысли, что меня окружили и пытаются проникнуть под кожу, выдавая себя за «своего», разрастаются в геометрической прогрессии.

— А что? — Сашка расплывается в улыбке, склоняя голову набок.

«Что ж ты творишь, засранец? Играешь? И играешь ли? Проверяешь меня? Или Митлана провоцируешь? Что ж, давай поиграем!» — Подаю ему лист бумаги и ручку. Старательно игнорируя жгучий взгляд Бориса, диктую:

— Ну, например: «У меня завтра в семь часов вечера встреча в кафе "Де-Марко"».

Прекрасно понимаю, что моя квартира сейчас театр, а зал превратился в маленькую сцену. Краем глаза вижу, как трезвый Николаевич сложил руки на груди и явно с интересом наблюдает за спектаклем, что разыгрывают два талантливо изображающих крайнюю степень опьянения придурка. Только он не зритель. Он тоже актер.

Я хожу по лезвию бритвы. Но не я один. И если Сашкино амплуа мне более-менее понятно, то Борис до сих пор «призрак оперы».

С волками жить — по-волчьи выть. Ну что ж, я подвою-подпою Сашке. Но цель моя — Митлан. Может, удастся найти в его системе защиты брешь, увидеть истинное лицо и узнать подлинные мотивы. А как это сделать? Вывести человека из себя!

«Надо быть осторожней», — думаю, пытаюсь рассортировать противоречивые ощущения, что устроили в душе полный раздор.

Смотрю, как Сашка быстро пишет. Скольжу взглядом по лицу, по четко очерченным скулам, на которых проявился румянец, по губам, что-то беззвучно выговаривающим и растягивающимся в улыбку, по глазам, что словно светятся изнутри, завораживают.

— И что же ты видишь? — протягивает мне листок Сашка, а я смотрю и чувствую, как у меня начинаю полыхать щеки. — Какой я человек? — Сашкин голос полупшепотом так близко, что я ощущаю его дыхание.

— Саш, ты правильный до мозга костей, ведь вместо сказанных мной «7» ты написал «19.00», — всматриваюсь в красивый почерк. — Сильный нажим говорит, что ты уверен и энергичен. А вот резкие линии — что ты взрывной, нетерпеливый и страстный.

Не знаю, что случается в следующую секунду, но я словно проваливаюсь в транс. Буквы пляшут. А я начинаю говорить, говорить не особо задумываясь.

— Ты надежный и преданный человек. Подобных тебе, для кого принципы и моральные качества важнее денег, осталось мало. Но и у тебя есть недостатки — Тщеславие, которое вполне объяснимо для человека, что всего добывается сам. Ты редко кого пускаешь к себе в сердце, и тем более получать от таких нож в спину. Ты до сих пор не можешь простить предательство своего друга, который сейчас в начальство выбился, а ты так и останешься в капитанах. Я мог бы тебе объяснить твою ошибку в сложившейся на тот момент ситуации, но думаю, не стоит трогать раны, что до сих пор кровоточат.

Понимаю, что надо заткнуть рот, но смотрю в широко распахнутые глаза Сашки и просто не могу остановиться. Он — открытая книга, от чтения которой не оторваться. Хотя даже не собирался доставать ее с полки.

— Взрывной, упрямый, уверенный. Ты достоин Любви, ведь сам любишь с полной самоотдачей. Хочешь казаться безжалостным, но это не так. Ты добрый, но понимаешь, что в наше время таким быть нельзя. И поэтому прикрылся защитным слоем Черствости, чтобы сожрать не смогли. Волевой. Ужасно злопамятный. Надежный. Повезет тому, с кем ты сможешь расслабиться и быть собой...

Глупая игра сработала катализатором, а эмпатия сыграла злую шутку. Я ощущаю Сашку, хоть и не хотел этого. Слова так беззащитно ударили по его замкам, что двери распахнулись, открывая вид на тайны его души.

И его мысли, пугающие своей откровенностью. Я ему нравлюсь, понравился сразу, с первой встречи. Он хочет со мной сблизиться, только убеждает себя, что исключительно по дружбе. Он до жути боится тех чувств, что я в нем бужу, а еще боится огласки, ведь эта работа для него очень важна.

Жарко. Горло першит, будто я не пил сутки. Сашка настолько смущен, что краска еще больше проявляется на щеках. Так же, как я, облизывает сохнувшие губы. Непозволительно близко. Кажется, подайся я чуть вперед, запусти пальцы в короткие волосы на затылке — и уже не оторвать от губ. Но мое ли это желание? Нет! Однозначно нет! Сашкино возбуждение перетекает ко мне, будоражит.

— Парни, вы явно перепили, — натянутый смех Бориса обрывает нити, через которые я считываю Сашку. — Представление с угощением удалось на славу, но пора и честь знать.

Даже не уговариваю остаться. Меня самого смущает и нервирует сложившаяся ситуация. Я не «вижу» мыслей Митлана, но его эмоции прекрасно отражаются на лице. В темных глазах полыхает возбуждение, желваки ходят от еле сдерживаемой злости. Уголок губ подергивается в недоброй ухмылке.

— Лис, ты не перестаешь меня удивлять, — бросает Борис в уже закрывающуюся за «дорогими» гостями дверь, а я, убедившись, что она захлопнулась, облегченно вздыхаю, слишком поспешно, зато вполне успешно выпроводив свежее испеченных коллег.

Пытаюсь переварить последние часы неожиданно долго дня и сам не понимаю, что творю. Хотел вывести на чистую воду этого серого кардинала Митлана, но сам, как мальчишка, чуть не пошел на поводу чужих желаний. И пошел бы совсем недавно! Хули нам? Еще одно имя в списке моих побед, тем более что Сашка вызывает во мне искреннюю симпатию. Но сейчас... Сейчас все не так. У меня есть тот, чувства к которому гасят все низменные желания к другим. Не предам Дэна и себя не предам. Он единственный, кем хочу обладать и, не буду врать себе, кому хочу принадлежать. И я буду его ждать.

Жду. Третьи сутки. Дэн не звонит...

Примечание к части

Музлы:

Wolf's Rain OST — "Face On" <https://www.youtube.com/watch?v=cYDox4mHx8Y>;

Tommy Lee — "Hold Me Down" <https://www.youtube.com/watch?v=A48VUvB6kWE>;

Zemfira - "Жить в твоей голове" <https://www.youtube.com/watch?v=lfLBb-Q4hlc>;

Звездуньки:

академиком* - опытный преступник, как правило, особо опасный рецидивист;

Мефахамм* (таджикский) - понимаешь;

статуя Девы Марии кровавыми слезами бы залилась* - <http://podrobnosti.ua/2127120-statuja-devy-marii-zaplakala-krovavymi-slezami-foto.html>;

соулмейта* - родственная душа, вторая половинка.

Часть вторая. Надежда. Песнь восьмая. Евангелие от Дениса

Boy Is Fiction — Oh! Toronto

Время начало отсчет. И я...

Спешу. Спешу. Спешу... Быстрым шагом залетаю в подъезд, перепрыгиваю через ступеньки мимо скворечников почтовых ящиков. Тычок в мертвую кнопку лифта и она оживает, загораясь красным, а мне остается только ждать...

Жду. Жду. Жду... Отсутствующим взглядом скольжу по автоматическим створкам дверей, по крашенным в грин стенам, по серой табличке указаний, как пользоваться чудом технического прогресса, который, как всегда, когда торопишься укрыться от людских глаз в своей келье, тащится со скоростью беременной улитки, кажется, с несуществующего сотого этажа.

Слышу. Чувствую. Ощущаю. За спиной легкий шорох. Неясное движение. Тихий голос:

— Привет, Любимый...

Замирают. Сердце. Душа. Время. Я боюсь развернуться, чтобы убедиться, что сбылись мои самые страшные страхи. Ночные кошмары. Тайные мечты. И мне и не нужно оглядываться, чтобы знать — это ОН.

Он. Здесь и сейчас. Он. Сломал все возводимые мной преграды. Он. Услышал крик моей души. Он. Не послушал доводы моего разума. Он. Нашел меня.

Я боюсь. Я так боюсь показать ему себя. Но не могу стоять к нему спиной.

Уткнувшись носом в пол, лишь слегка разворачиваюсь, пряча изуродованную часть лица, но я вынужден поднять голову, чтобы увидеть, как наверху, из пролета меж этажами выступает мужчина. Нестерпимо яркий свет льется в окно за его спиной и слепит меня так, что не могу разглядеть лица, фигуры, одежды и в этом белом сиянии вижу лишь темный контур.

Видю. Узнаю. Понимаю. И... срываюсь в бег. Бетонные плиты пролета. Ступени. Одна. Вторая. Третья. Торопливо перебираю ногами по лестнице, а она не кончается. Все новые и новые ступеньки возникают из ниоткуда, словно я, как последний идиот, пытаюсь сбежать вниз по движущемуся вверх эскалатору.

Не вижу, куда бегу. Не знаю почему и зачем. Но знаю одно — он все равно стоит у меня за спиной. Стоит. Улыбается. Протягивает ко мне руку. Шепчет:

— Дэ-э-э-э-э-н...

Подрываюсь. С четким ощущением, что проспал все на свете. Но лишь бросив мутный взгляд в окно, понимаю, что еще такая ранняя рань, но сна уже нет ни в одном глазу. В мыслях до опизденения странный сон.

Думаю о нем под прохладными струями воды в ванной. У плиты, заваривая крепкий кофе. Глядя по бестолковке мурлыкающую на моих коленях Маркизку. Ожидая звонка от кузена, чтобы отправится в путешествие за тридевять земель. И снова ожидаю, принципиально не набирая брату сам.

Немногих принципов придерживаюсь по жизни. Но тезис «точность — вежливость королей» сразу принял как должное, однако сейчас понимаю, что король в этом мире, видимо, остался я один. А самый последний холоп, выходит, Женька!

Сначала перенос времени выезда с неопределенного понятия «утром» на еще более неопределенное «после обеда» дергает нерв отсутствием так ценной мной пунктуальности. Потом девять часов кряду всех прелестей российских дорог, с небольшими остановками на заливаться и отлить, вместо запланированных семи подкидывают дров в горнило моей хронической нервозности.

Хорошо, хоть Тамир оказывается парнем не из непонятливых и сразу просекает, что извечную тему «дураки и дороги», как и другие не менее избитые темы, я обсуждать не настроен, и больше не предпринимает попыток заговорить, лишь изредка бросая ничего не значащие фразы в меня и ничего не выражающие взгляды на меня.

Я же всю дорогу только и делаю, что изучаю внутренний мир айфона, благодаря высшие силы, что заставили меня в последний момент поднять жопу и дойти до «Евросети», где и заменить давно устаревший прибалбас на новехонькое «яблочко».

Возможностей у продвинутого гаджета, что держу в ладони, до хрена и больше. Возможность реализовать эти самые возможности представляется не всегда. Сети то нет, то снова нет, а когда есть, понимаю, что могу заглянуть в любой уголок вселенной, кроме одного, в который меня тянет больше, чем во все другие вместе взятые, но в который Лис захлопнул перед моим носом дверь.

Я, наверное, и в самом деле дурной, который банально не ценит, что имеет, а потерявши — ноет. Нить не хочу. Да и первоначальный шок прошел, и с каждым часом в душе растет Вера, что Лис для меня не потерян. Ведь у меня в айфоне путеводная ниточка, за которую я все никак не решусь потянуть.

Три бесконечно долгих дня чаши моих весов непрерывно колебались между «да» и «нет», и казалось, невозможно найти равновесие. Вот уж поистине тот самый случай, когда и хочется и колется.

Хочу сделать шаг, чтобы стать ближе, но боязно впустить в сердце Надежду. Очень хочу набрать ему, но стоит моему номеру засветиться на табло его телефона — и мое местоположение можно будет вычислить с точностью до градуса широты и долготы. А мне страшно разрушить неприступную стену, что все еще возвожу вокруг себя. Пиздец как хочу услышать его голос, но ужас накрывает паникой при мысли, что он возьмет и все решит за меня.

А сейчас лечу хер знает куда и зачем, и с каждым пройденным километром тяжелеет мое притяжение к Елисею. Смотрю на мелькающие за

окном пейзажи и не понимаю, почему тянул столько времени, ведь я ни на миг не допускал мысли, что смогу теперь жить без него.

«Как приеду, сразу позвоню Лису. Хватит херней страдать», — даю себе слово, потому что безмерное желание вернуть одного конкретного парня в свою жизнь — это то самое «ХОЧУ», что перевешивает все мои «НО».

Уставший и злой, как голодная собака, добираюсь до обозначенной парковки, когда солнце уж скрывается за горизонтом. Растираю затекшие конечности и выдавливаю из блистера новую таблетку. Позвонки от долгого сидения ноют и готовы сыпаться в труселя.

Только по номерам нахожу нужную тачку. Глазами искал «почти новехонькое» авто, а стою перед видавшей виды развалиной. Не понимаю я Жентоса. Что ни слово, то ложь. Я и сам частенько пизжу, но не до такой же степени. С зубовым скрежетом осматриваю доверенное мне авто. Радует не сухой бензобак. Проверяю уровень масла, дернув шуп. Не хватало еще сломаться где-нибудь посреди этих степей. Доливаю омывайку, проверяю состояние шин. Даже запаска есть, и не одна. Надо же, какие заботливые. Ну, вроде все норм! Можно катить к дому.

Гнать машину в ночь не очень хорошая затея, но не ждать же до утра. Надо на родину, а то Маркизка отомстит мне за столь долгое отсутствие в поле ее кошачьего зрения.

— Парень, не прикуришь? — Внутренне вздрагиваю от неожиданности, когда за спиной раздается голос.

— Не курю, — на автомате отвечаю улыбчивому пареньку, который для русского глаза как нельзя лучше подходит под определение «эти казахи все на одно лицо». Скольжу взглядом по стильно одетой, но дистрофично худощавой фигуре. А «фигура» ответно изучает меня, сканирует черными глазами-смородинами, как обычно, дергая нерв, когда вижу, что взглядом цепляется за отметины на лице.

— Я тебя не закурить, а прикурить прошу. Машина заглохла, — абориген машет мне рукой в сторону.

И правда, метрах в тридцати, в ряду спящих машин, стоит черная «беха» лохматых годов, о закрытый капот которой опирается жопой еще один пацанчик из чисто конкретных, что никогда не вылезают из спортивных костюмов. Курит, посматривает в мою сторону, и нехорошее предчувствие на задворках интуиции наполняет душу Тревогой.

— Парень, извини, у меня нет проводов, — отбалтываюсь, понимая, что нужно чем быстрее, тем дальше валить из города, в котором свои хозяева жизни и в котором я всего лишь гость. Без лишних слов ныряю в салон, завожу «десятку». Газ в пол. Домой!

*** goreshit — burn this moment into the retina of myeye ***

Оставляю позади парковку, зачуханный городок, и снова дорога. Фары разрывают тьму. Непривычные скрипы, хрипы и бречание российского корыта нервируют. Коробка переключается только с хорошего тычка. Уже молчу про обороты, что скажут, как бешеный заяц. Никогда не любил отечественный автопром, но сейчас понимаю, что к концу путешествия эта колымага меня просто доконает, если раньше не сожгу ее на хрен! Еще и допотопный майфун откровенно издевается над моим мозгом. Радио если и ловит, то какие-то местные частоты, жирно намекая, что у врат в Азию Европа исключительно минус, а CD моментально сворачивает уши в трубочку блатным шансоном.

Приходится развлекать себя самому, мысленно подсаживая одного странного попутчика, что бестелесным духом витает возле меня.

— Лис, ты когда-нибудь на таком куске говна ездил? — быстрый взгляд на пустое пассажирское кресло. Ухмыляюсь: наверное, так и сходят с ума.

— Нет, говоришь? Ну все когда-то случается в первый раз, — продолжаю страдать херней в дороге. — А хочешь, я тебе про свой первый раз расскажу? Как «нет»?! — ржу на весь салон. — С другой стороны, правильно! Лучше тебе этого не знать, — соглашаюсь со спутником-невидимкой и слегка подбываю: — Ты ж небось силой мысли убивать можешь. Ну тогда про второй? Тоже не хочешь... Бида-а-а... А вот я про тебя все хочу знать. Какого цвета у тебя глаза и какой размер... обуви. Что ты читаешь в туалете и любишь ли запах жженных спичек. О ком мечтаешь по ночам и думаешь ли сейчас обо мне, — не затыкаю внезапно прорвавшийся «фонтан» бреда, осознавая, что думаю сейчас вовсе не о том, о чем говорю, потому что долбанный свет фар, что слепит то в зеркало заднего вида, то в боковое, постоянно отвлекает меня от увлекательной беседы с фантомом Елисея и уже откровенно подзабывает.

— Лис, ты тоже это видишь? Не знаешь, что за мудак к нам прицепился? — Притормаживая, плетусь со скоростью старпера на инвалидном кресле. — Обгоняй, я ж тебя пропускаю! — мысленно и вслух кричу преследующему меня водиле с буквы «му», но непонятная тачка висит на хвосте, как приклеенная.

— Что за на хер? Может, «зайца» из меня решил сделать? Так я не согласен. — Пытаюсь разглядеть новоявленных stalkеров, но фары слепят, и лишь когда дистанция между машинами чуть удлиняется, приметная обводка ксенона выдает марку. BMW.

Не хочешь обгонять — не надо! Газ в пол. Притапливаю, увеличивая скорость почти в два раза. Тачка не отстает. Но это и понятно. Куда «ладовской» ладье от баварского крейсера уйти?

Неясная Тревога все назойливей копошится в сознании, подкачивает к горлу комом, заставляя сосредоточиться, крепче вцепившись в баранку, то и дело кидать обеспокоенные взгляды на сияние фар за спиной. Болтать как-то разом перехотелось, да и Лис-невидимка притих. Надо бы съехать на обочину — успокоиться. Вдруг у меня на фоне постоянных думок о Лисе паранойя разыгралась? Но если моя догадка верна, останавливаться в этой непроглядной тьме посреди бескрайних степей противопоказано как чувством собственной безопасности, так и инстинктом самосохранения.

Гоню без остановки, собирая колесами колдоебины, которые передают болезненные «приветы» моим раздробленным позвонкам, и только на освещенном пятачке заправочной станции торможу. Подруливаю к колонке и провожаю взглядом черную немчуру, которая проплывает мимо со скоростью черепахи. И мне не кажется. Я чувствую, что там, за тонированным стеклом, чей-то пристальный взгляд сканирует ведомую мной тачку.

Выжидаю. Почему-то отчаянно не хочется покидать относительно безопасный островок света.

Понимаю, что сейчас не лихие девяностые, рассказы о которых вызывают желание перекреститься, но все же лезу в телефон в поисках объездных дорог, благо связь на заправке устойчивая. И даже думаю вернуться обратно в покинутый Мухосранск и дожидаться в нем рассвета.

Редкие машины одна за другой шуршат колесами по асфальту и бесстрашно растворяются в черноте ночи. Словно подначивая и насмешливо подмигивая фарами, говорят, что мое состояние сильно смахивает по крайней мере на шизофрению. Кто я такой, чтобы за мной мафиози гонялись? Джеймс Бонд? Кингсман? Полтора шпиона? «Спокойствие. Только спокойствие», — как тот Карлсон, внушаю себе и, более-менее успокаиваясь, вырываю на дорогу.

Пять минут — полет нормальный. Десять минут — я почти спокоен. Пятнадцать минут — еще чуток, и я вместе с Лисом-невидимкой поржу над моими заскоками. Двадцать — выдыхаю скопившееся напряжение и расслабляюсь в дешевом кресле, устраивая поудобней свою уже квадратную от долгого сидения задницу. Двадцать пять — грустно ухмыляюсь, снисходительно прощая себе собственную ебанутьность, и... сердце екает за ребрами, когда фары выхватывают из тьмы стоящую на обочине «беху».

Уже нет сомнений — ждут меня. Одного не понимаю: если решили грабануть, почему не подрезают, преграждая дорогу? У них стопятсот раз была такая возможность. Может, выжидают удобный момент? Место, подальше от населенных пунктов? Да что взять с пацана на разьебанной «десятке»?.. Вполне может быть, что им сама тачка нужна. Сколько за нее дадут на черном рынке? Штук сто, не больше. Да ну... Кто из-за этих грошей мараться станет.

— Остается только одно — им я нужен! Продадут в рабство или в цирк уродов. Или выкуп с родаков потребуют, — «шизофрения» новым витком закручивается в голове тугой спиралью.

Но ведь не показалось. Они снова за мной едут след в след. Мозги клинит от животного ужаса. Надо что-то делать. Только что?! Позвонить Жентосу? Толку от этого тупорылого! Скажет, как обычно: «Не ссы, прорвемся». Легко базарить, когда ты со своей продолжательницей рода в койке лежишь, а не посреди ночи по трассе один гонишь. Нет... Бесплезно...

Попробовать, к ментам подъехать? А они по ночам на этих пастбищах газон стригут? Что-то я ни одного патруля не видел. Хотя если подумать, а эти козлы чем помогут? На освидетельствование свозят, в баночку вежливо предложат пописать, не принял ли я чего, что у меня паранойя развилась. Да и доки не в порядке. Машину на штрафстоянку оттянут, а меня, чего доброго, в обезьянник суток на трое запихнут. Вот будет хохма! Нет, менты тоже отбой...

Думай, Денис, думай! Бросаю взгляд на телефон, что сиротливо валяется на пассажирском кресле. Дернуть, что ли, этого Демона? Авось не спит?

Авось да небось... Ох уж этот русский менталитет. Вечно мы впрягаем в сани пару сих неразлучных коняшек и пытаемся на них куда-то выехать. Только кони эти необъезжены, постоянно не в ту степь заруливают, так и норовя на кривую дорожку свернуть.

Сворачивать мне никуда не нужно ни с дороги, по которой почти лечу, ни с мысли позвонить Елисею, а не разговаривать с его «духовным образом», который я себе вообразил. И что? Что я ему скажу?

«Сумимасен. Оре ва бакаяро. Таскете кудасай!»? Или: «Сори плиз. Ай эм идиот. Хелп ми!»? Или лучше сразу на родном, для простоты понимания: «Привет, Лис. Если запланировал романтический ужин при свечах, отменяй! За мной гонятся серые волки»? А может, более драматично: «Вернись, я все прошу, только спаси!»?

Проигрываю в воображении трагические сцены в лучших традициях воспитанников Станиславского, каждой из которых покойный маэстро смело бы мотнул головой и сказал не свойственное ему «ВЕРЮ!». Столько всякой херни в голове, но я знаю то единственно правильное, что хочу сказать Елисею, и, пока не передумал, на ходу строчу СМС.

«Лис, ты нужен мне!» — палец на секунду зависает, но весомое «ТРУС» в мыслях долбит подзатыльником, и словно какой бес под локоть подталкивает — сообщение летит к адресату. Мое сердце тоже летит — в пятки. Сам того не замечая, вдавливаю акселератор в пол и лечу... в ночь.

Секунда, другая биением сердца, и салон наполняется трелью штатного звонка. На заставке пламенеет Лис, и мозг взрывает невообразимым аккордом чувств, заставляя тело гореть и мелко дрожать, словно в лихорадке.

Рингтон. Восторг — я решился, он ответил.

Рингтон. Паника — что сказать, как вести себя дальше?

Рингтон. Любопытство — если не ответу, позвонит еще раз?

Рингтон. Страх — вдруг набрал лишь для того, чтобы сказать «Да пошел ты...»?

Рингтон. Грусть — почему все так сложно?

Мне нужно принять вызов, но пальцы судорожно сжимают оплетку, заставляя искусственную кожу скрипеть от давления. Звонок прерывается, и в образовавшейся тишине слышу свое сиплое рваное дыхание. Пытаюсь успокоиться, но кажется, я уже почти спокоен, потому что чувствую: я не один, он рядом. И на этот раз Лис действительно не воображается, а ощущается. Словно шаловливый ветер ворвался в салон автомобиля, запутался в волосах, скользнул по напряженным плечам, рукам, побуждая расслабиться и не психовать. Я не знаю, как это объяснить, да и не хочу искать объяснения. Я чувствую то, что чувствую, и мне пофигу теории материализма.

Сигнал повторяется. Без тени сомнения касаюсь зеленой метки и... впервые в жизни слышу его голос.

— Денис, — тихий, вкрадчивый баритон льется в ухо. Щекочет барабанную перепонку долгим «с-с-с...» в моем имени, завораживающим, словно шелест гремучей змеи. — Я рад, что ты принял решение, — темнея*, растекается расплавленным металлом по сплетению нейронов. — Еще день, и я потерял бы Надежду на твой звонок. — Так и сидел бы, вслушиваясь в короткие фразы и ничего не отвечая. Но его: — Теряюсь в догадках, что тебя подтолкнуло, — выводит из транса осознанием, что сейчас не время для сантиментов.

— Лис, — в горле ком, голос сел от волнения. Хочу сказать, как безумно рад. Объяснить, что хотел позвонить и даже слово себе дал, что позвоню. Но у меня раскисли мозги, не позволяя собрать мысли в кучу, и приходится лишь подтвердить правильность догадок Лиса: — Ты абсолютно прав...

— А я всегда прав! — Наглая самоуверенность парня и мое почти невменяемое состояние пробивают на дурацкое «ха-ха».

— Пф-ф-ф... — фыркаю в трубку, и будь я дома, за компом, непременно поспорил бы на тему самооценки и ее роли в развитии личности. Но сейчас единственное, что приходит в голову, признать: — Я, кажется, влип...

— Что случилось? — Лис спокоен, выдержан. Правильно, Елисей, не паникуй. Истерить по поводу и без — моя прерогатива. Но сейчас, держась одной рукой за баранку этого пылесоса*, а другой прижимая к уху айфон, не самое лучшее время для нервных срывов.

— Меня преследуют, — ни разу не подбирая слов, даже и не пытаюсь не огоршить парня, лишь смягчая смысл сказанного жизнеутверждающим, как мне кажется, тоном диктора ЦТ, сообщающего об очередном фиаско вяло шатающегося курса рубля.

— Денис, если ты шутишь, то как-то неудачно.

— Лис, какие шутки?! — чуть не срываюсь на крик, не допуская ни малейшей возможности, что мои слова могут звучать нелепо. — Я у черта на куличках, и уже добрую сотню кэмз за мной, как приклеенная, тащится какая-то тачка. А я, блять, просто не знаю, что они от меня хотят и что мне, собственно, делать!

— ТихА! — Лис, хоть и грубо, но эффективно, обрывает мою начинающуюся истерику. — Ты едешь один?

— Да.

— Что за тачка? Они тебя подрезают?

— Нет. Не обгоняют, но и не отстают. Просто едут за мной.

Парень молчит, а я, пытаясь за рычанием движка услышать его дыхание, не решаюсь разорвать тишину в эфире.

— Слушай внимательно. — Голос серьезный, пронизан нотками стали. Таким отдают приказы, без возможности ослушаться. — Не гони! Сбрось скорость и спокойно доедь до ближайшей заправки. Посмотришь, съедет ли за тобой та машина, и сразу позвони мне. А сейчас не...

Пропавшая сеть на полуслове обрывает речь Лиса, и мне остается только захлопнуть открытый было рот, чтобы сказать, что уже делал так и, не проверив свои подозрения, не стал бы шкалиться и тем более дергать его. Но связь уходит в глубокий аут, и я бросаю бесполезную сотку. Вопреки всем наказам вжимая акселератор в пол, ухожу в отрыв, чтобы побыстрее выбраться из загоняющей в чувство одиночества зоны бессигнальной аномалии.

Вот ведь... Белым днем всю дорогу на юго-восток кемарил, а сейчас — глубокой ночью — сон как рукой сняло. Одометр мерно перещелкивает километры пути, а я, под стать прибору, прокручиваю в голове наш первый голосовой контакт. Не так я его представлял. Не об этом хотел поговорить. Но судьба распорядилась по-своему. И долгожданная задушевная беседа сам не знаю о чем или, возможно, с предъявлением предьяв определенного собственника и упрямым взбрыкиванием неопределившегося бесомыжника, отменяется. На повестке ночи совсем другие вопросы.

А впереди уже приветливо сверкает красно-желтый столб светодиодного модуля цен и крышванный во всех смыслах пятачок заветной заправки, притягивая редких в этот час автомотыльков. Так и я — лечу на ее спасительный свет. Уж там-то точно выстроится в ряд ровный штакетник столбиков устойчиво неустойчивой связи.

— Елисей... — не выходя из машины, выдыхаю в трубку, едва паркуюсь у здания заправки, и абонент принимает вызов.

— Тачку видишь? — сразу переходит к делу Елисей.

— Да, недалеко притормозила, — неотрывно смотрю на черную на черном тень, которую и не заметил бы, если бы не красные глаза аварийки, что зловеще подмигивают мне в ночи.

— Дэн, дай мне минутку. Не разъединяйся. — И в динамик врывается как будто увеличенный в разы шум радиоволн.

— Лис, ты тут? — прерываю затянувшееся молчание и, пользуясь случаем, пытаюсь прояснить обстановку: — Они едут за мной от самого Мухосранска. — Неосознанно говорю шепотом, давно узнав в преследующей меня тачке ту старую «беху», что вроде как заглохла на стоянке. — Водила ко мне подходил.

— Денис, я всегда с тобой, — слышу такие нужные мне сейчас слова, и то ли хриловатый голос Лиса заставляет мурашки разбегаться по скулам, то ли озноб, на который меня пробивают зависшие в зените спутники разыгравшегося в душе мандража — Фобос и Деймос*. — Что он хотел? Что-нибудь спрашивал?

— Ничего особенного, просто попросил прикурить.

— Значит, срисовал тебя, — словно раздумывая, кидает фразу Лис, невольно запуская мои мысли на очередной виток леденящих душу фантазий.

— Лис, не пугай, я и так сейчас обделаюсь от страха. — Морщусь, чувствуя, как прихватывает живот приступом, видимо, «медвежьей болезни», хоть и не жрал почти ничего уже скоро как сутки. — Эти парни менты? Тачка в угоне? Может, в ней убили кого или ею убили? — из меня словесным поносом сыплется поток криминальных версий, который обрывает такой заразительный смех:

— Дениска, в тебе почем зря пропадает великий сказочник, — подъезжает Лис, только мне ни хрена не до его подковырок. — Говори номера, я пробью на всякий случай. А пока расскажи, кто тебя попросил эту тачку перегнать?

— Брательник двоюродный. Чтoб у него упало и никогда не встало, — мои искренние пожелания «доброго здоровья» улетают в космос, вот только настигнут ли адресата — неизвестно.

— Дэн, я же тебе сказал, что парень гнилой и чтобы ты не связывался с ним, — сразу серьезнеет Лис, и его Раздражение сочится через динамик телефона, расплавленным свинцом капая на мою Строптивость. — Что же ты такой упрямый?!

— При чем тут упрямство?! — Ярюсь в ответ. — Одолжил поганцу денег, а он меня только «завтраками» кормил, — пытаюсь объяснить логику своего поступка, однако умом понимаю, что полная херь. Но не признаваться же, что согласившись на поездку, пытался убежать от мыслей о нем — рыжем плуте, поэтому выдаю версию, в реальности которой даже сам себя сумел убедить: — А тут нарисовался — хер сотрешь, пообещал железно вернуть, да еще и с серебряными процентами, вот только тачку попросил помочь перегнать.

— Про деньги забудь. Он не собирается их тебе возвращать, — «радует» меня Лис.

— Да ни хрена подобного! — возражаю, как всегда упираясь рогами во что придется, а в конкретном случае — подпираю ими приборную панель и настырно блею: — У меня расписка есть. — От мысли, что меня наебали, да еще и не какой-нибудь Виктор Люстиг*, а всего лишь мой туповатый родственничек, просто клинит.

— Давай мы с тобой дома поспорим на любую тему, а сейчас послушай меня, — перебивает Елисей. — Дэн, ты только не паникуй. Братеньник тебя подставил. В машине наркота...

— Чо-о-о... — недоуменно выдыхаю, потому что до сознания откровенно не доходит, о чем говорит Лис. — С чего ты взял? Опять видишь?

— Мне и видеть не надо, чтобы понять, что тебя этот хуй на перевозку развел. Как хочешь это воспринимай, но прошу: поверь. Я знаю, что говорю. Вся тачка напигована наркотой, как бомба террориста тротилом, — гвоздями из нейрела* летят в меня страшные по своей сути фразы. — Если рванет, ты в первую очередь пострадаешь. Знаешь, сколько дают? Не глядя, от десяти!

— От десяти... — повторяю, как попугай, срок, вонзившийся последним дюбелем если не в крышку моего гроба, то в перегоревший мозг, и внутри что-то нервно звенящее обрывается, образуя абсолютную, могильную тишину. — Этого не может быть...

— Не веришь? — раздраженный голос. Так вот, оказывается, как ты рычишь. — В багажнике запаска набита. Возможно, не одна. — И у меня перед глазами вырисовываются запасные колеса, избыточное наличие которых я списал на продажу авто со дополнительным комплектом резины. — Под обшивкой салона. Приглядиись. Я уверен, что даже не прикреплена как следует. — Взгляд скользит по салону, следуя словам Лиса. Двери: водительская, пассажирская; потолок, прикрепленный на обычные саморезы. Была бы под рукой крестовая отвертка... — Под сиденьями. Ты, скорей всего, даже задницей греешь упаковки с дурью.

Переключая связь на громкую, освобождаю руки и тянусь, кое-как протискивая кисть под кресло. Сердце бешено колотится и вдруг замирает, когда пальцами нащупываю полиэтилен.

— Лис, я кое-что нашел... — Не хочу верить своим глазам, но держу в руке свернувшийся ядовитой змеей сверток, действительно пригревшийся под моей собственной жопой, и даже принохиваюсь, но то ли наркотик настолько тщательно упакован, что ничем не пахнет, то ли я не натасканная полицейская псина.

— Ты что, брикет в руки взял? — почему-то возмущается Лис и следом обреченно выстывает: — Дэ-э-э-н... ты мог бы ничего не делать, не спросив меня?

— Наверное, нет... — на автомате озвучиваю естественное для меня поведение, во все глаза пытаюсь разглядеть через прозрачную упаковку содержимое. — Лис, ты уверен, что это наркота? В киношках показывают белый порошок. Его еще пробуют на вкус. — И нервный смешок непроизвольно срывается с губ.

— На смей вскрывать! — рывкает Лис, словно слыша шепоток сидящего на моем левом плече бесенка, который так и подмывает вскрыть упаковку и понюхать, чем эта срань господня пахнет. Но в противовес рогатому ангелок на правом шепчет не рисковать здоровьем без спросу.

— И не думал, — уверяю Елисея, хотя провокационная мыслишка уже заползает в голову. Но, как ни странно, внимаю то ли грозному рыку далекого парня в трубке, то ли отчаянному писку близкого белокрылого на плече, хотя пунктика слушать советов кого бы то ни было не записано в моих правилах. — Тут какая-то хуйня, больше на замазку похожа или пластилин цвета говна, который я бы и в руки не взял, не то что в рот тащить.

— Это гашиш. Хотя не факт, что они ограничились только смолой. Может, что и посерьезнее есть, — просвещает меня Елисей и обеспокоенно предупреждает: — Денно, прошу, ничего не трогай, не суетись в машину. Помни, что за тобой следят, а ты и так подозрительно долго стоишь на заправке. Скорей всего, они сейчас уже Женька дергают, так что надо убедить твоих сопровождающих, что все идет по их плану. А самим придумать, как выкрутиться.

— Слушай, а что, если я тачку пригоню прямо к дверям ментовки и сдам всю партию? — тут же выдаю первую дерзкую «придумку», что приходит в голову.

— Дэн, не пори хуйню, — Лис категорично обрывает полет моей героической фантазии. — Менты тебя же и сгребут. Никому ты не докажешь, что не знал и не ведал. Посадят и с гордостью очередную звездочку на погоны повесят.

— Ну тогда спалю ее к ебням, — едва запустив захолонувшее сердце, переключаюсь с героических методов на радикальные.

— Еще гениальные идеи есть?! — Елисей рывкает так, что я сразу вырубая громкую связь, опасаясь, что его рыки долетят до посторонних ушей. — Тебя убьют! И чего доброго, потом к родителям заявятся! — летят страшные перспективы последствий моего радикального плана. — А родственничек твой им в этом подсобит.

— Я сам уебу этого гондона, вот только до дома доберусь, — в ответ сотрясаю воздух абстрактными угрозами, но реальная безнадега все больше охватывает душу. Я тупо не знаю, как выбраться из говна, в которое вляпался, отчаянно цепляясь за Надежду на вроде бы здравую мысль, что призрачным, затухающим огоньком тлеет в голове: — Может, просто бросить тачку и свалить?..

— Так и сделаем. Но не здесь, — соглашается Лис, радуя и не радуя одновременно.

— Как «не здесь»? — возмущаюсь, но спинным мозгом чувствую, что за мной наблюдают из «бехи», которая сейчас даже аварийку вырубил и слилась с чернотой августовской ночи. — Лис, ты что, предлагаешь гнать эту колымагу дальше? — С ужасом от перспективы быть остановленным с партией наркотиков каким-нибудь полуночным патрулем гайцов, едва гашу желание выскочить из машины и больше не садиться в нее никогда.

— Дэн, прошу, успокойся! — в который раз одергивает меня Лис, не давая впасть в панику и наломать еще больше дров. — Здесь нельзя бросать тачку. Ты слишком на виду.

— Лис, я не смогу. Я не хочу на ней и километра ехать, — упрямо гну свое, хоть и понимаю, что деваться с этого пяточка мне некуда. Ну не скакать же хромым сайгаком по местным буеракам.

— Не спорь! Веди себя естественно. Заправь машину. Зайди в магаз, купи чего-нибудь пожрать. Сядь, спокойно поешь. Сделай вид, что кемаришь, а потом трогайся в путь. Надо подогнать тачку к стоянке дальнбоя, там легче затеряться, да и найти попутку тоже.

— Блять! Да где я в этих ебенях кемпинг найду?

— Блять! Просто пили по маршруту! Мимо стоянки фур ты никак не проскочишь. Я сейчас гляну, сколько кэмэ до ближайшей, и на предмет стационарных постов трассу проверю.

Смотрю по сторонам, словно ищу глазами зависший надо мной инопланетный корабль, ну или земной дрон, но понимаю, что не стоит так далеко ходить. Сдавшего мое местонахождение стукача я держу в собственной руке. И остается только охреневать от прыти некоторых Рыжих и Бесстыжих. Как и думал, стоило моим цифрам засветиться на его ляфоне — и я у него как на ладони. Только сейчас меня это не тревожит, а наоборот — радует.

— И еще, выслушай меня внимательно, — Лис замолкает, словно давая мне время сконцентрироваться. — Скорей всего, тебе сейчас позвонит браток. Единственное, что прошу: никаких эмоций или угроз. Говори с ним спокойно, ничем не выдай себя, — ценные указания откладываются в мозг, а бесценный указатель проверяет, все ли я усвоил, очередным рыком: — Ты меня понял?!

— Йес, сэр... — рапортую без особого энтузиазма.

— Молодец, — бодрится мистер «Железные нервы», только не особо я верю этой напускной браваде. — А сейчас дуй в магаз. Выпей кофе, ночь длинна. И не переживай. Я с тобой, — Лис сбрасывает вызов, а я тяжело вздыхаю и, засунув куда подальше козлиные рога, начинаю исполнять приказы.

Прячу сверток под пассажирское кресло. На негнувшихся ногах еле выползаю из машины. Медленно топаю к магаз, где сомнамбулой выхаживаю между прилавков со всякой херней. Бодрящая пепси, «пластмассовая» от времени булка и маленький стаканчик эспрессо, который я пью слишком медленно. Сонная кассирша начинает подозрительно пялиться на меня. В глазах мелькает испуг.

Топаю в сортир, дабы не нервировать даму, и сам себя пугаюсь, мельком уловив отражение в зеркале над раковиной, в которое так старательно пытаюсь не смотреть. Бледный, как привидение, с черными кругами под глазами от недосыпа и нервозности. И на фоне этой «красоты» еще сильнее выделились шрамы, отливая бордово-коричневым.

— Ну что, красавчик? Куда еще тебя занесет нелегкая? — спрашиваю свое отражение и вздрагиваю, когда в ответ в кармане раздается рингтон телефона.

— Братух, как дела? Как дорога?.. — слова Жентоса влетают в одно ухо и, пройдясь беспощадным рикошетом по и без того истерзанному мозгу, вылетают в другое.

— Норм... — Стыскаю зубы и, помня наказы Лиса, на корню давлю в себе желание послать кузена так далеко, куда даже «Вояджер»* не долетает.

— А ты чего стоишь? — Кровь вскипает в венах, порождая новое желание грязно обматерить неблагодарного мудака. — Случилось что? Сломался? — засыпает меня вопросами брателло.

— Все норм, Женька. — Усилием воли внушаю себе: я само спокойствие. — Спина разболелась. Вот и заехал немного отдохнуть, размяться. Уже собираюсь в путь. — Осознание, что брат не мог знать, что я стою, последним аргументом расставляет все точки над «і». — Нехер без дела звонить. Мне в роуминге твои ебанные приветы оплачивать в падлу, — не отказываю себе в возможности кусануть засранца и сбрасываю вызов.

Упираясь лбом в холодный кафель, перевожу дыхание и пытаюсь собрать мысли в кучу, а они, как назло, разбегаются шугаными тараканами. Я не понимаю, за что он так со мной? Что я ему плохого сделал? Насколько ебнутым нужно быть, чтобы влезть во все это дерьмо, да еще и меня за собой потянуть?

Что станет со мной, если меня загребут? Я просто не выживу среди прибалтненной мрази, где даже Лис мне не сможет помочь, и останется уповать лишь на того, кто вроде бы от крещения должен стоять у меня за спиной, но видимо затерялся в этом Мире вместе с нательным крестиком, потерянным мной в тот же день, как на меня нацепил его деревенский поп в китайских кедах.

В китайских кроссах возвращаюсь к злополучной машине, подкинутой мне, судя по всему, самим Дьяволом, но мой рыжей масти хранитель уже снова со мной. Обнимает, если не загребушими руками, то душой.

— Дэн, с кем ты говорил? Я звонил, у тебя было занято.

— Лис, до сих пор не знаю, как ты это делаешь, и какими силами владеешь, но мне действительно позвонил Жентос.

— Не нужно быть Ведьмаком чтобы знать очевидные вещи, — просвещает меня новоявленный гуру. — Например то, что место, откуда ты пилишь, — крупный перевалочный пункт всевозможной дури — общеизвестный факт. Из Таджикистана ввозят и дальше по всей России раскидывают.

— Почему эти вещи очевидны для тебя и не очевидны для меня? У тебя что, секретные осведомители есть? Карты таро? Мелок судьбы, что ты не только прошлое, но и будущее видишь? — Даже не знаю, почему ярость на Жентоса и раздражение на себя за собственную глупость вдруг начинаю перекидывать на Лиса. — Может поведаешь, что же меня ждет. Дальняя дорога? Казенный дом? Небо в клеточку, друзья в полосочку?..

— Дэн, я не могу исключить такой возможности, но поверь — я не допущу, чтобы ты попал за решетку.

— Блять, — по-взрослому матерясь, зажимаю глаза в детском желании, чтобы все это оказалось просто страшным сном. — Лис, что-то мне стремно...

Мне страшно. Страшно лишиться того небольшого блага, что собрал по крупичкам. Смертельно страшно снова сломать свою и так переломанную жизнь. Тоскливо страшно потерять из виду Елисея.

— Малыш, мне тоже страшно... — От этого неформального, даже интимного обращения кровь ударяет в щеки. Лис меня уже так называл, но услышать это покровительственное слово сейчас оказывается для меня вдвойне волнительным. Парень молчит, будто хочет что-то добавить и обдумывает слова. — Страшно обидно, что я сейчас далеко, за тысячи верст от тебя. И как бы ни хотел, не могу оказаться рядом. Но это не значит, что я не смогу помочь. — И наполненный грустным теплом голос тут же меняет тембр, переходя на уверенно-деловой. — Итак, к делу. Едешь еще семьдесят кэмэ. Едь спокойно. Не гони. Не нарушай. Стационарных постов нет, но если вдруг тебя тормознут каким-то чудом нарисовавшиеся в этих местах гайцы, сразу позвони мне. Хотя этого не произойдет — стопудово. Там небольшой городок, а к трассе прилегает стоянка отдыха дальнобоя. На ней всегда полно транспорта. Затеряться не составит труда. Найди попутку...

— Лис, ты сдурел?! — перебиваю самоназначенного руководителя операции «ХУизХУ», понимая что к моим уже существующим траблам добавляется еще одна — на чем добраться до дома. — На трассе? Ночью! Меня никто не посадит. На легковых сейчас просто не подвозят. Они даже не останавливаются. Я сам никогда никого не подво... — осекаюсь, договаривая «...зил» уже про себя.

— Найдешь фуру!

— Думаешь, что говоришь?! — кипячусь, злость мутит разум. — Да любой водила решит, что я блатной, и ебанет меня по черепушке монтировкой!

— Не мели чушь! — прерывает мою пламенную речь строгий окрик. — С чего бы? Дальнобойщики всегда берут попутчиков. Им это даже на руку. Одна беда — поболтать любят.

Слушаю и понимаю, что Лис не въезжает в мою ситуацию. Зато мое воображение вкупе с реализмом, сливаясь воедино, выдают вполне четкую картину расправы мускулистых мужиков над парнем с татуировками и рваным шрамом через лицо.

— Хорошо, я попробую, — с сомнением соглашаюсь, только чтоб успокоить Лиса, или вселить в себя хоть толику уверенности, и перевожу разговор на другую тему: — Может, пальцы стереть? Я тут везде наследил.

— Пф-ф-ф... — фыркает в трубку Лис. — Дэн, ты детективов пересмотрел. Это урки! Им на хер не нужны твои пальчики. Протри, конечно, баранку — мало ли, менты раньше найдут. И то могу сказать на девяносто девять процентов, что они — при нашей-то русской безалаберности! — ни хрена катать пальчики не будут.

— Блять, я убью этого мудака! — в который раз взрываюсь. Ярость гейзером бьет через макушку в звездное небо.

— Это я тебя прибью! — у Елисея, видимо, тоже сдают нервы, и он натягивает поводья, разве что пока еще нагайкой не хлещет. — Прекрати истерить! А то я тебя не прибью! Выпорю! — прилетает первый ментальный удар. — Будь мужиком! — второй хлещет, выбивая из мыслей дурь. И тут же, как поощрение, уверенное: — Ты справишься!

— Йес, Сэр. — Уже привычно отзываюсь своему генералу, все еще нарезая круги вокруг машины.

— Давай, решайся, — словно видя мои метания под яркими августовскими звездами, подталкивает в спину Лис. — Садись за руль. Газ в пол. А я пока найду тебе такси, если вдруг не найдется попутчика.

— Ахуеть... — нервно ржу в трубку, нехотя усаживаясь в салон. — Ты, часом, не бог Фей?

— Если хочешь, я для тебя им стану, — пользуясь случаем, внаглую заигрывает Елисей, слегка развеивая напряженную ситуацию. — Только скажи.

— Я подумаю, — обещаю ничего не обещать, но уже планирую подергать этого хитреца за усы и хвост при первом удобном случае.

— Думай, Дэн, хорошенько думай. А пока заводи тачку, и вперед. Самое главное — ничего не бойся. Я с тобой, а значит, ничего плохого не случится. Верь мне!

*** Fink — Looking Too Closely ***

Двигатель рычит, ненасытно пожирая литр за литром девяносто второго. Снова пропавшие палки сети на экране айфона не добавляют радости в настроение, как и разболевшаяся от напряжения голова. Нервы сдают, но расслабиться нельзя. Позади светят фары машины сопровождающих меня с грузом их товара наркодилеров, а впереди мне на каждом перекрестке мерещатся черти с полосатыми жезлами в светоотражающих жилетах и как минимум десять лет неба в клеточку.

А пока я еще на свободе, вольной птичкой лечу вдаль. Жизнь — вот такая дорога. Непроглядная тьма с небольшой полоской света, по которой ты стремишься вроде бы к своей цели, но на самом деле — бес знает куда. И хорошо, если этот клин не высветит чего-то страшного, но, к сожалению, случается и иначе. Наверное, Лис для меня стал таким лучиком, который не просто освещает мой путь, но разрывает в клочья крадущуюся ото всюду тьму. По всему телу, словно жгучие искорки от костра, разбегается возбуждение от мысли об этом до невозможности странном парне. Мой свет в окне. Мой темный Ведьмак. Мой инопланетянин...

Кемпинг вижу издалека. Радуюсь россыпи огоньков, будто ребенок сияющей гирлянде на новогодней елке. Чувствуя облегчение, чуть придавливаю газ и влетаю из тьмы на освещенную и заполненную фурами стоянку. Набираю Елисею.

— Лис, я на месте.

— Очень хорошо, — радостные слова вслед за облегченным выдохом в трубку. — Дэн, прошу тебя, будь осторожен. Они светиться не станут. Скорее всего, через некоторое время отъедут, чтобы ждать тебя на трассе. Это наш шанс. Найди на стоянке такси. Номер Х***ЕР***. Зарядки в телефоне надолго хватит?

— У меня с собой зарядное. Было бы во что воткнуть. — Выдергиваю из гнезда прикуривателя шнур, а то так и забыл бы впопыхах, пока выискиваю глазами заветное авто с шашечками.

— Это хорошо, предусмотрительный ты мой, — почти не издевается Лис и продолжает командовать парадом, видимо войдя во вкус: — Но на всякий случай предупреждаю — доберешься до дома, первым делом позвони. Ну... или напиши.

— Лис, ты восстановишь страницу? — тороплюсь спросить о наболевшем, выскакивая из чертовой колесницы. Спешу прочь от этой тачки, от этого места, от этой грязи. Единственное желание — домой! В теплые объятия моего паучьего угла. Моей пушистой малышки. Моего прозорливого Ведьмака.

— Уже! Делов-то пара секунд. — Не могу сдержать улыбку, чувствуя, как вместе с розовеющим на востоке небом сквозь пепельные тучи моего Уныния теплыми лучами пробивается Счастье.

— Я рад. И еще... — подбирая слова, нервничаю, как прыщавый старшеклассник влюбленный в своего учителя. — Я хотел тебе сказать... — И мне не терпится сказать многое, но понимаю — не здесь и не сейчас. Все потом. А сейчас простое человеческое: — Спасибо, Лис.

Я слышу его дыхание и еще... его улыбку. Это так странно, удивительно и подкупающе приятно — не видя, знать.

— Не за что, Дэн. И еще... — Чувствую, что Елисей взбудоражен не меньше меня, и его состояние, растекаясь в груди жарким океаном Счастья, резонирует между нами. — Я хотел тебе сказать... — под стать мне держит театральную паузу, заставляя замирать сердце и взволнованно трепетать душу. — Жду тебя, малыш...

Примечание к части

Музыка для вас:

Boy Is Fiction – Oh! Toronto

<http://ru23348.mp3cc.org/m/562669-boy-is-fiction/7031901-oh-toronto-original/>

Для особо одаренных - включать не видео, а голубую кнопку - слушать онлайн!!!

goreshit — burn this moment... <https://www.youtube.com/watch?v=JJ76zxbRKp0>

Fink — Looking Too Closely <https://www.youtube.com/watch?v=qoWRs7IXtYE>

Загадочные звездюленции:

темнея* - понижаясь

Виктор Люстиг* - знаменитый мошенник и аферист. Мировую известность приобрёл как человек, продавший Эйфелеву башню.

<http://lifeglobe.net/blogs/details?id=633>

баранку этого пылесоса* - к/ф "Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика"

Фобос и Деймос* - спутники Марса: страх и ужас ;)

нейрела* - гвоздезабивальный пистолет

Вояджер* - автоматический зонд, исследующий Солнечную систему и её окрестности

Часть вторая. Надежда. Песнь девятая. Евангелие от Елисея

— Привет, Лис! Я дома, — только поздним утром выскакивает такое долгожданное сообщение моего горе-путешественника, и я, наконец-то, спокойно выдыхаю.

Ночь без сна, рассвет на кофе и волшебных таблетках. Нервы все еще звенят, да и жажда прибить с особой жестокостью одного «братца Кролика» не утихает. Говорят, женщины коварны. Зато мужики — кровожадны. И в мысли уже прочно засел конкретный план предстоящей МСТИ! Я практически ощущаю запах и вкус поганой кровушки обидчика МОЕГО парня. Надо только побольше разузнать о нем, и я найду способ проверить этого гнилого перца на вшивость.

— Дэн, все хорошо? Возле дома никого не видел? Звонки? СМС подозрительные? — без лишних слов «включаю дознавателя». Мне прямшас нужно быть уверенным, что Денис в безопасности.

— Лис, ты чего? — Из диалогового окна недоуменно таращатся круглые глаза смайлика. — Я не даю свой номер никому. Адрес — тем более, — уверяет меня Дэн в том, что я и сам давно знаю, и подозрительно шурится. — Не пугай. Меня и так до сих пор мандраж колотит. Думаешь, за мной слежка?

— Не параной! Я просто спросил, — успокаиваю парня, хотя в душе понимаю, что хозяева товара на Женька точно наедут.

— Ты просто так ничего не спрашиваешь, — не унимается мой подозрительный странник.

— Денис, я уверен, что тебе ничего не грозит. Лишь бы братишка твой не сунул нос с разборками. Но сейчас я без сил, чтобы почувствовать какую-то опасность или тем более увидеть, — откровенно признаюсь, что бессонная ночь потянула нервы и силы.

— Если честно, сам еле на ногах стою, — чистосердечно признается Дэн и его усталость перемешивается с моей собственной. — Так что в целях личной безопасности закрою на замки все окна и двери, схожу в душ и, пожалуй, завалюсь отсыпаться. Зайдешь вечером?

— Ты меня зовешь на свидание? — подмигиваю смайликом, ощущая немалое облегчение от того, что мой мальчик в своем обиталище и что все у нас вроде как налаживается.

— Ага. Только сразу предупреждаю: место встречи изменить нельзя. — И мне прилетает ссыль на веселую песенку из прошлого века про «на том же месте, в тот же час»*.

— Хорошо, Дэн. Я зайду вечером... В Сеть, — соглашаюсь, с улыбкой глядя на Яндекс-карту, где в моем навигаторе уже красной капелькой отмечен его дом. Но раз Дэн еще не готов сделать настолько широкий шаг, что ж... Я подожду. Меня радуют даже вот такие его мелкие шажочки в мою сторону.

— Лис, спасибо еще раз... Без тебя я, наверное, до сих пор бы плутал по диким горам Предуралья. — Читаю, а самого потряхивает в отходняке при мысли, что сценарий наших с Дэном приключений прописан в известной поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». И страшно подумать, как бы сложилась его судьба, не оставь я тогда ему номер телефона.

— Рассчитаешься натурой, — скалюсь зубастым смайликом, прямым текстом намекая на самое тесное и близкое общение, на которое он, к сожалению, еще не готов. И я бы не отпускал этого экстремала из виду ни на миг, чтоб не вляпался в еще какое говно, да понимаю, что нужно дать отдых усталому телу и перегруженной нервной системе невольного наркокурьера. А посему нехотя отправляю парня в койку под надзор его хвостатого хранителя. — Спи давай, малыш... До вечера.

— До вечера, — даже не пытаюсь лязгнуть на меня зубами, машет рукой Денис, и его огонек гаснет.

До сих пор не устаю удивляться перипетиям судьбы. Какое затейливое макраме плетет эта стерва! Заглядеться можно на паутинный узор. Я согласился работать против наркоторговцев, а Дэн сам чуть не стал звеном этой цепи. Я добровольно ковыряюсь в этом мерзостном дерьме, чтоб подобраться к парню, а он, наступив по незнанию, сам шагнул мне навстречу. Отчаянно потянулся за помощью, как утопающий, что хватается за соломинку.

И я безмерно рад, что именно во мне Денис увидел свое спасение, и совместными усилиями нам получилось увернуться из-под чудовищных жерновов, которые раздробили бы все. А теперь с экрана смартфона на меня смотрит мое безликое наваждение и остается только надеяться, что его дорожное приключение пройдет без осложнений.

И мне самому уже пора оставить сумасшедшую ночь за спиной и прийти в себя, чтобы с головой окунуться в не менее безумный день, несущий и не очень дальнюю дорогу, и казенные дома, и надеюсь, не напрасные хлопоты. Дел и вправду невпроворот.

Сна ни в одном глазу, что называется — пересидел, но голова гудит не меньше, чем уже давно проснувшийся город. Хочешь не хочешь, вынужден принимать срочные меры по возвращению себе работоспособности: ленивая, под лозунгом «не хочу, но надо», зарядка. Контрастный, под желание проорать что-нибудь впечатляющее, душ. Крепкий, без нихрена, но под мечтания о скором вечере с моим любимым десертом под именем — Дэн, кофе. Свежая хлопковая рубашка от известного итальянца, под типа ношенные джинсы с неоправданно дорогими брендовыми потертостями.

Завершающим аккордом несколько пшиков «Homme Eau For Men», и под ментальный пендель «гоу, нас ждут великие дела» выпинываю себя из уютного домашнего логова во враждебную среду мегаполиса. Типовые дома, шумная улица, погасшие фонари, не новая, но любимая тачка. Вливаюсь в нервное течение автострима, мысленно прокладывая оптимально-необходимый маршрут. Первым делом следует навестить одного должника — некогда не последнего человека среди лихих людей, а сейчас нарика, что недавно откинулся* и пошел по новому кругу.

Узкий переулок, в котором доживают свой век деревья — великаны. Арочный вход во внутренний дворик старинного дома, неумолимо тонущего в культурном слое* так, что первый этаж уже практически поглощен асфальтом.

Столько всего повидали эти стены. Сколько всего впитала в себя земля. Место сильнейшей энергетики. Хорошей и плохой. Может в другое время я бы остановился, прислушался к отголоскам прошлого, заглянул в судьбы совершенно незнакомых людей. А может просто подождал, пока чья-то призрачная тень не нащепчет мне свою историю, как бывало не раз. Но не сейчас... Сейчас я собран и не настроен на лирический

лад.

Вездеходом открываю подъездные «врата» и меня обволакивает специфический запах старости, плесени, кошаков. Но это амбре не идет ни в какое сравнение с тем, что ощущаю, стоя на пороге нужной мне квартиры. Смерд, которым пропитан весь этаж, такой, что перехватывает дыхание. Стойкий — алкогольный. Едкий — химический. Резкий — мочи.

Буквально затыкая рот истерично визжащей во мне брезгливости, с пинка распахиваю как обычно сломанную дверь, с которой лоскутами слезает старый дерматин и... чуть не задыхаюсь.

Жуткая вонь, от которой режет глаза, проникает в легкие, выедавая на своем пути слизистые. Приходится дышать ртом и то через раз. Вдыхать эти миазмы носом нереально. И все равно от смеси паров кислоты и растворителя тут же начинает ныть голова.

Притон. По-другому сложно назвать это место. Желтые, выцветшие обои, местами оголяют выщербленные стены. Некогда модный паркет елочкой сейчас больше напоминает разбитую проселочную дорогу — так же грязно, серо и сплошь в трещинах и ямах. Свет едва проникает в окна, которые заклеены рекламными газетами. Ощущение, словно залез в гигантское ведро с грязными помоями, и невозможно себе представить, что здесь живут люди, хотя от человека в обитающих здесь божьих тварях мало что осталось.

— Миха! — Гаркаю на всю халупу. — Еб, твою душу, срань ты сатанинская! Благодетель пришел! Яви сюда свое рыло немытое.

Шаткой походкой ко мне навстречу выползает не ожидаемый мной Михей, а полуголое нечто. Грязные волосы сосульками обрамляют одутловатое лицо. До безобразия худые ноги в отметинах односторонней любви к дешевому наркотику. Незаживающие язвы и синяки вызывают приступы омерзения. Истощенное тело, обтянутое серой кожей, больше смахивает на ходячий труп, возвращенный к жизни вирусом «шестерка»* от «Фармкор»*. Кажется, протяни оно ко мне руки, и я поверю в мир Андрея Крузя*.

Как ни отвожу взгляд, не могу не видеть, что оно — это она. Я бы вообще усомнился в половой принадлежности «зомбьяка», если бы она не была облачена лишь в один грязный, некогда белый топ, прикрывающий то, что когда-то было грудью. «И снизу она, как Ева, не познавшая стыда...» — хмыкаю почти библейскому сравнению, глядя на обдолбанную бабу. Женщиной это существо язык не поворачивается назвать.

Можно только ужасаться, как быстро представительницы прекрасной половины человечества опускаются и порой заканчивают хуже самых безнадежных мужиков-наркоманов с огромным стажем.

— Мишка на кухне, — «Ева» поднимает на меня расфокусированный взгляд, улыбаясь щербатым ртом. — Проходи, — и видимо, желая проводить «дорогого гостя», шлепает босыми ногами на кухню, почесывая плоскую, обвисшую задницу.

«Похоже бабенку развели на хоровод,* — возникает вполне закономерная мысль. Хорошо хоть с психикой у меня железно. У всякого другого подобное зрелище вызвало бы шок, неизвестно как отразившись на потенции. — И встало же у кого-то на такое...» — не зная куда деть глаза, лишь бы не видеть этого срама, иду за голозадой дамой в закуток, где нормальные люди пищу готовят, а здесь...

Здесь готовят другое варево. Яд из смеси фармацевтики и бытовой химии, от вони которого прикрываю глаза, пытаюсь не дышать.

Э-э-х, Рамзи,* не видел ты, что такое адская кухня, когда давал название своему кулинарному реалити-шоу. А если бы увидел, то узнал, как выглядит сатанинский камбуз, где даже слуги Вельзевула — мухи дохнут, украшая своими высохшими трупиками облупленный подоконник. Это не просто свинарник, потому что свиньи такого сотворить не могут. Эта клоака — творение рук человека.

Грязный пол затоптан чем-то липким, бурым. Старые разбитые шкафы завалены пустыми бутылками из-под водки и растворителя. Обрывки бумаг, размочаленные спичечные коробки, опустошенные блистеры из-под таблеток почему-то не находят дороги в мусорное ведро. А черная от прилипшего не пойми чего плита, кажется, никогда не знала моющих средств.

На загаженном столе остатки «царского» пира: засохшие куски хлеба, пара открытых жестянок с чем-то недоеденным в томате, да скукоженные огрызки соленых огурцов. И главным блюдом красуется пластиковый пузырь, наполненный мутной жижей, в которой сразу узнаю свежесваренный «крокодил»*.

Навстречу мне из всего этого хаоса выступает тот, ради кого притащился в преисподнюю — король блатхаты. Морщусь от отвращения, еле сдерживая жгучее желание развернуться и свалить, бросив на прощание спичку, чтобы вся эта грязь дотла сгорела в пламени Инферно.

— Здорово, братуха! — приветствует меня расписной мужчина.

Тело — картинная галерея, по синюшным куполам которой можно посчитать ходки в места не столь отдаленные, не заглядывая в личное дело владельца. А короткий ежик волос только подчеркивает образ бывалого зека. Под татуированной кожей еще не до конца истлели мышцы, что Миха накачал в зоне, но при таком «питании» недолго им осталось украшать фигуру мужчины. Да и карие глаза, некогда пронизательные, живые, сейчас подернуты дымкой наркотического опьянения и смотрят на меня заискивающе, виновато. А трико с алкашкой завершают вид запойного пьянчуги.

— Здоровей видали! — Даже не думаю пожимать протянутую руку, пряча ладони в карманы брюк. — Мишаня, ты же, сука, сказал, что не начнешь заново, как выйдешь из тюрьмы. И что я вижу? Месяц продержался и по новому кругу?!

— Бес, ну бля, жизнь-сука такая несправедливая... — начинается старая песня о главном «не я такой, судьба такая».

— Не блякай мне! — На раз выхожу из себя. — Хер-ли ноешь? Сам себе оправдания ищешь?

Мудак откровенно бесит своим безволием. Да еще и его голожаопая шалава крутится на грязном пятачке. Стаскивает с натянутой через всю кухню веревки застиранные трусы, наконец решив прикрыть срам. Никого не тушуясь, напяливает на себя и начинает ныть, что ей ширнуться надо. И только веское Мишкино «заткни ебальник» ненадолго обрывает сучий скулеж.

— Ты обещал устроиться на работу. Матери деньги или продукты каждый месяц кидать, — припоминаю все данные мне клятвенные заверения, когда мужик обратился за помощью. — А я вижу, что ты закидываешь только в себя.

— А я пытался! Даже на биржу ходил... — Суетливо дергаясь, с преданностью псины смотрит в глаза. — Только бывших зеков не берут никуда.

— И ты с горя решил нажраться?! — Хмыкая, кривя улыбку в оскале отвращения перед человеческой слабостью. — Падла ты, Мишка! У тебя дочка маленькая, которой в этом году в школу идти.

— Я для ребенка все... — Бубнит под нос мужик и наливает в стакан водяры, выбулькав очередную поллитровку. — Книжки, тетрадки. Деньги найду...

— И спустишь в вену, — перебиваю пьяный бред.

— Бес, ты же знаешь, я могу бросить. Это... — Миха тычет пальцем в сторону разбросанных на столе шприцов. — Так... побаловаться. У Ванька днюха была. Я даже только водку пил. Это не мое, — на манер сопливого пацана отнекивается взрослый мужик, лишь бы прикрыть свое бессилие перед наркотой.

— Мишаня, мне похуй, — не скрываю своего отношения к опустившимся на дно, делаю вид, что не заметил дорожку* пораженной вены. — Это твой выбор. Но ты мне должен. Надеюсь, не забыл?

— Нет. Ты что? Как я могу? — Миха утвердительно мотает башкой, а я смотрю в по-собачьи преданные глаза и понимаю, что будь у меня оружие, прямо сейчас спустил бы курок, стерев с лица земли как это конченное убище, так и то, что выползает из зала, и от вида которого меня передергивает.

От того, что когда-то являлось человеком несет, как от гнилого куска мяса. Все руки и бедра изъедены гнойными язвами. Некоторые замотаны грязными бинтами. Другие еще слишком «пустяковые», чтоб на них обращать внимание. Боевой раскрас «крокодила». Это он оставляет на теле столь живописный узор своих «зубов».

Мутит. Едва сдерживаю подкатывающую тошноту и надо уже начать разговор, чтоб побыстрее покинуть блатхату, но здесь слишком много посторонних ушей, которые мне вовсе не нужны. Однако грязная шалава с полусгнившим Ваньком мнутса на кухонном пятачке, будто ждут какой подачки, а в результате окончательно добивают мое терпение.

— Вышли отсюда! — Рыкаю на собравшуюся шуштуру, сжимая кулаки. — Быстро!!! — и дождавшись, когда зомбяки оставят меня с Михой наедине, напирая на мужика. — Мне нужна информация. Что за новый дилер банчит* на районе?..

«Не бывает бывших нариксов. Не бывает! — Раздраженно барабаню пальцами по оплетке руля, но нервозность извечных московских пробок кажется цветочками по сравнению с обществом конченных наркоманов. — Кто подсел на иглу, с нее не слезет, » — понимаю, что Михаилу осталось небо коптить от силы полгода, но не испытываю никакой жалости.

Единственное чего страстно хочу — вымыться не только снаружи, но и изнутри. Стереть с себя гнилостную энергетику наконец-то покинутой блатхаты. А еще — сжечь к ебням надетые на мне шмотки, которые насквозь провоняли химозой.

«Таких падших легче просто уничтожить, чтобы не мучились и не мучили других. Я бы сам с удовольствием «лечил» подобную падаль, и даже не гуманным «золотым уколом», а девятиграммовой дозой в лоб. Ликвидировал, как зараженный скот, кем они по сути и являются».

Меня бесит лживость властелинов мира, что уже более сотни лет страстно призывают к борьбе с распространением наркотиков. А под этими красноречивыми лозунгами не менее страстно осваивают выделяемые на благое дело средства совсем в иных целях. И при этом получают такие баснословные доходы, что любому здравомыслящему человеку становится понятным — существование проблемы в их меркантильных интересах.

Меня поражает лицемерие неустаревающих в своем мракобесии душевных лекарей, о пороги священных храмов которых стирают обувь родные и близкие наркоманов в поисках ответа на вопрос: «где они ошиблись, свернув на путь, как им кажется, не предназначенный?».

Мне по барабану высказывание древнего мудреца, что природа вложила в человека потребность заботиться обо всех людях*. Сидя на троне, вкушая яства да любовников, не сложно быть добреньким философом—стоиком и мужественно принимать все дары судьбы.

Мне до фени демагогия ультрамодных мудозвонов, которые обожравшись гамбургерами, пребывают в блаженном умиротворении. Но пробовал ли кто из них объяснить матери ребенка-наркомана, как обрести душевный покой и принять то, что исправить нереально?

У меня своя философия: человек — есть единство трех начал: тела, души и разума. И если последний настолько убог, что не понимает последствий однажды сделанного шага, который неминуемо приведет к разрушению первого и уродованию второго, то туда этому недочелу и дорога. Нехрен церемониться с пока еще живой нежитью.

Я готов принимать то, что невозможно изменить. У меня есть достаточно мужества, чтоб изменить все возможное. Я всегда вижу четкую грань между тем и другим, но вот душевного покоя как не было, так и нет*. Да и не найти его в современном мире, где Честь должна быть с пудовыми кулаками. Достоинство — с железными когтями. А Справедливость — с клыками во всю пасть. Иначе тебя подомнут под себя или просто сожрут.

В кармане зудит мобильник, вырывая из невеселых философствований. На дисплее высвечивается имя, вызывая у меня недоумение и в тоже время добрую улыбку. Сашка! Что на этот раз нужно этому голубоглазому созданию?

— Привет! — Принимаю звонок, в надежде развлечь себя, пока толкаюсь среди запрудивших дорогу машин. Хоть время не так занудно будет тянуться. — Что нового?

— Привет, Лис! — Откликается Александр и следующей фразой вводит меня в некое недоумение: — Слушай, я могу чуть опоздать...

В эфире, словно коробка передач на нейтралке, повисает пауза, а мой несколько озадаченный «процессор» не знает какую скорость врубить: переднюю или заднюю. Наконец решаясь, втыкаю первую и прошупываю почву под колесами:

— Не понял, куда ты опаздываешь? — на сверхскоростях кручу шестеренками, перебирая список намеченных дел и вполне допуская, что в этой суеде упустил какую-то важную встречу. Но, увы, так и не могу ничего вспомнить, как и понять, почему мне звонит Сашка, а не Борис.

— Вот ты наглец! — смех мужчины, такой озорной и искренний, заставляет меня самого улыбаться и немного расслабиться, видимо, для того, чтобы в следующий момент огоршить по полной: — Сам на свидание позвал, а теперь отказываешься!

Снова буксую и никак не могу схватиться с сутью прилетевшего мне обвинения. В какой-то степени радуюсь, что пробка стоит мертвой цепочкой из железных коней, иначе точно вдарил бы по тормозам, и словил чей-нибудь бампер в жопу.

— КОГДА?! — Мне даже не нужно разыгрывать искренность моего изумления. В упор не помню, чтобы приглашал Сашку, тем более, что ни с кем, кроме Дениса, идти на свидание элементарно не хочу.

— Ну-у-у ладно... — Примирительно тянет Александр. — Не на свидание. НА ВСТРЕЧУ! Ты же сам сказал: в «Де-Марко». В семь.

«Бля-я-я...» — Мысленно стону и сейчас в не меньшей степени хочу ударить по тормозам, но только уже для того, чтобы не словить очередные приключения на задницу. Парень все же решился и сделал шаг. К сожалению, Саша не догадался, что я лишь играл. И развитие событий по вполне предполагаемому, но вовсе не желаемому сценарию мне откровенно претит.

— Саш, ты уж извини, но на вечер у меня другие планы, — тактично отказываю, прекрасно осознавая, — лучше сразу дать понять человеку, что мы друг друга не так поняли.

— Понятно, — слышу потухший голос, в котором четко проскакивают отголоски разочарования. Слишком долго решался, а пересилив страх, неожиданно получил отказ. Но, как говорится, не мои проблемы!

— Как-нибудь встретимся, пивка попьем. Напоим Николаевича! — Пытаюсь смягчить неловкую ситуацию и оставить наши отношения в рамках дружбы.

— Конечно, Елисей! Только думаю, нам придется применить грубую мужскую силу. А может даже и наручники, с инструментами инквизиции революционной России. — Вроде бы шуточная тарабарщина, только мне не смешно. Я подмечаю каждую деталь: стальной голос, отсутствие акцента.

— Думаю, мы найдем к Митлану менее радикальный подход, — пытаюсь заболтать Александра, но безрезультатно. Парень наглухо закрылся.

— Ну, бывай, — прощается, слишком поспешно для не задетого за живое человека, но все еще не отключает аппарат, словно бы цепляясь за ниточку Надежды.

— Будь здоров. — Нажимаю отбой, не давая Александру согреть в руках эту призрачную фею и, наконец-то, трогаюсь с места. Перекрытому движению дают зеленый свет, а я для Сашки включаю красный.

И не только для него. Я для себя все решил — для меня духовная связь с Денисом важнее ничего не значащего физического перепихона. Я слишком боюсь ее потерять вот такими шагами «В» или, правильнее сказать, «НА» сторону. Ради него я пойду на многое, если не сказать на все.

И здесь даже не в Дэне дело, хотя он безусловно является отправной точкой и главной целью, к которой стремлюсь. Дело во мне. Когда встречаешь такого человека, которого принимает все твоё существо — душа, тело, разум, то даже гипотетическая измена равносильна предательству самого себя. А я предателем никогда не был.

Утвердительно мотаю головой, соглашаясь с собственными мыслями, и гоню, поймав зеленую волну.

***

Просыпаюсь от чувства онемения.

Давно меня так не рубило, что анданте добравшись до дома, аллегро забросив все, до последних носок, шмотки в стирку, адажио смыл с себя вязкую, словно гудрон, энергетическую грязь блатхаты под горячими струями воды, почувствовал, как меня неимоверно тянет в сон. А так как до вечера оставалось прилично времени, решил не сопротивляться. И вот результат — в каком положении заснул, в таком и пробудился.

Подскакиваю, как в задницу ужаленный и несусь к столу, на ходу прихрамывая на ватную ногу и растирая руку, которую словно кто миллиардом иголок изнутри колет. Волнение и сердцебиение задрота-школьника перед свиданием с первой красавицей школы, разве что только ладони не вспотели. Открываю ВК и понимаю, почему меня так подорвало. Дэн в Сети и на моем «столе» уже лежит его письмо:

— Елисей, пока ты, видимо, дрыхнешь, как пожарная лошадь, я решил тебе кое-что сказать. Может быть даже хорошо, что ты сейчас offline, потому что я могу спокойно мысли в кучу собрать, а не дергаться в кресле, как на электрическом стуле, под твоим пристальным взглядом Ведьмака...

Лукавство! Игривое, задорное. Тянет губы в доброй улыбке, предназначенной моему странному и до невозможности неординарному парню. «Так тебя прошибает не меньше моего?!»

— Ты просил меня сделать выбор, и я его сделал...

Настороженность... Напряженная. Смертельно опасная. Я словно за игрой в русскую рулетку, и уже приставил к виску заряженный одной пулей револьвер. Пан или пропал!

— Честно, я бы позвонил тебе в любом случае. Просто отложил это событие до возвращения из внезапно свалившегося на мою задницу приключения. Но обстоятельства вынудили меня сделать этот шаг раньше. И как выяснилось не зря...

Упоение! Пан! Сладкая победа, с примесью горечи. Греет самолюбие, добавляя перчинку в пряно-тягучее варево чувств. Знал бы ты, Денис, как я ждал твоего звонка. Сначала слепо Верил, что ты откликнешься. Потом искренне Надеялся, что случится чудо. А в ту ночь меня разрывало Отчаяние от невозможности оказаться рядом с тобой. Но все равно я был безмерно счастлив, что ты сделал шаг навстречу и выбрал меня, как единственного, к кому решил обратиться за помощью в трудную минуту.

— А теперь к сути: давно хотел пролистнуть безликую страницу своей жизни, но случилось так, что в день, когда я решил ее удалить, ты постучался в мой Теремок...

Жуть! Рефлексивная, но вполне осознанная. Дергает нерв, пробегая по позвонкам неприятным холодком. Одна мысль, что мог опоздать, протяни хотя бы сутки, час, миг, вышибает воздух из легких.

— Ты пришел и поселился не только в этом «доме», но и в моих мыслях. За какие-то пару месяцев я прожил целую жизнь. Прожил с тобой. Прожил так, как не жил ни с кем и никогда прежде. Даже в реале. Мне было безумно волнительно, дико страшно, безмерно радостно, мучительно стыдно, а порой невыносимо горько. Я терялся в ощущениях, но все же... Мне было невероятно хорошо с тобой. Я чувствовал себя живым. А когда ты ушел, я узнал, что такое Пустота. И понял — без тебя этот переполненный жильцами «дом» мне постыл...

Счастье! Долгожданное, трепетное. Бежит теплом по руслам артерий и возвращается по венам к своему истоку, закливая бурный энергетический поток в чутком датчике наших переживаний — сердце. Так волнительно услышать слова любви. Пусть не высказанных напрямую, но все же именно тех — самых главных.

— Но вот ты вернулся, а ощущение, что пора перемен настала, не прошло. Я задыхаюсь в этом Теремке. Меня бесит этот бесконечный долбеж перфораторов в стены. Семейные драмы и комедии, добровольным или невольным слушателем которых становлюсь. Я элементарно устал от чрезмерных забот и внимания. От чьих-либо закидонов и сдвигов по фазе, потому что мне собственных хватает с избытком. Честно, заебал до опиздевания...

Недоумение... Растерянное, отупляющее. Оторопью стекает в темные подвалы души и поднимается жадной рвать и метать, крушить все на своем пути. Неужели ты говоришь обо мне?

— Я бы давно заложил взрывчатку под этот муравейник и грохнул, глазом не моргнул, но... Случился ты! И в связи с этим мистическим событием, я решил, обойтись без терактов. Но только потому, что имею желание хоть иногда иметь возможность позадрагировать над нашими играми-батлами. Они стали мне чрезвычайно дороги. Да-да, сам себя не узнаю. Я внезапно заразился Сентиментальностью...

Нежность! Щемящая душу. Лирическая. С привкусом соли. «Дэн, ты всегда был добрым и ранимым. Просто, как присуще настоящему самураю, спрятал в себе чувства, делающие душу уязвимой,» — вновь перечитываю нашептанные душой строки и впитываю эмоции, которые Денис вплеп в свои слова.

— Но сегодня я принял окончательное решение — все баста! Повешу амбарный замок на ворота в Терем и уйду. К ебени-фени! К черту! К дьяволу!!! Не могу больше это выносить! Не могу и не хочу!

Страх! Панический, беспредельный. Пробирает ознобом до костей. Кристаллизует кровь, словно кипятком, выплеснутый на лютый мороз*. Ты чего?! Ты куда?! Ты ахуел?!

— Я хочу уйти в монастырь. А еще лучше свалить на деревню к чертовой бабушке. Или улететь в такой уголок Вселенной, где меня никто не достанет, даже глядя через телескоп Уэбба*...

Злость! Дикая, неконтролируемая. Трансформирует улыбку в оскал, сжимает пальцы в кулаки. «В монастырь собрался?! Или меня под него подвести?!»

— И я отдаю себе отчет в том, что технически это невыполнимо. Но, во-первых, мечтать не вредно. А во-вторых, никто не запретит. Вот и мечтаю. Часто об откровенных глупостях. Иногда о странных чудачествах. Порой... о несбыточном. Но сейчас у меня имеется одна вполне осуществимая фантазия...

Ярость! Кровожадная. Вышибающая мозг. Оголяет нервы и инстинкты. «Пиздец тебе, Дэн! Шас ты у меня домечтаешься! Один неверный шаг, и я завтра же с ноги вышибу дверь твоей кельи и выебу тебе не только мозг!»

— Надеюсь ты еще не раскрошил зубы? Потому что я мечтаю пригласить в путешествие по моей Вселенной одного Ведьмака. Как ты, наверное, уже догадался — ТЕБЯ!..

Радость! Искрящаяся пузырьками шампанского. Дарующая крылья, чтоб лететь за этим приколистом хоть к черту на рога. Но сначала... Я убью тебя, гаденыш! Чуть до инфаркта не довел!

— Скажу по секрету, в бескрайних просторах Сети я заныкал маленький островок отчуждения, на котором обитаю, как Робинзон, когда мне становится жизненно необходимо побыть наедине с собой. Только не подумай, что я в deer web* обитаю. Мне и на поверхности нормик...

Огорчение! Досадное, колющее. На миг ощущаю себя ребенком обиженно кричащим: «Ах ты засранец! И что еще ты от меня утаил?!»

— А совсем недавно внезапно осознал, что и на этом острове не хочу быть один. Для меня вообще, по видимому, оставаться одному где бы то ни было — смертельно опасно. И я остро нуждаюсь в личном тело и душехранителе. Если ты вдруг согласишься взять на себя такую ответственность, то у меня маленькое условие...

Воодушевление! Захватывающий дух и мысли: «А ты думал я откажусь? Только у меня тоже будут к тебе условия, за соблюдением которых я строго прослежу, а за несоблюдение — не менее строго накажу.»

— Можешь назвать это эгоизмом, ревностью, самодурством, которого у меня полно, но я хочу разделить свой монастырь с тобой и исключительно с тобой. И ни разу не хочу, чтобы за тобой увязались хвосты. Так что когда соберешься в круиз, плиз-з-з, спрячь мой островок от посторонних глаз. Чтобы он был только НАШ.

Любознательство! Жгучее, ненасытное. Во мне вновь пробуждается открыватель, хотя понимаю — познать Дэна и за всю жизнь нереально. Мне не терпится сказать ему, что хочу, чтобы он был эгоистичным, ревнивым, но сейчас боюсь вывалить на него всю силу своих чувств. Боюсь спугнуть. Он столько раз от меня убежал.

— А сейчас, сидя на чемоданах, я дико мандражирую и думаю о том, что не хочу, чтобы в том новом мире между нами возникло недопонимание. Поэтому я должен тебе признаться...

Волнение! Необъяснимое. Девятибалльное. Разливается лихорадочным румянцем по скулам. Кажется, еще миг, и меня посетит Кондратий. Неужели это оно?

— Признаюсь — я клинический врун! Так что если ты вдруг, ну, чисто случайно, услышал от кого-то леденящую кровь историю про меня, будь уверен — это стопроцентный пиздеж. Так что когда некий Демон предложил мне игру в «верю-не верю», то все равно, как голодной собаке кость кинул. Само собой, рассказывая тебе сказки, я частенько врал. Но не всегда! Или врал, но не до конца. Ну, например, в универе я и правда подзагулял, но никто меня не порол, я сам за ум взялся.

Умиление... Снисходительное, за все места трогательное. «Слышал-слышал, и не мало, — усмехаюсь былому и думаю. — Только ты не врешь. Просто фантазируешь, — улыбаюсь, вспоминая, как меня переклинило при одной мысли, что к моему мальчишке кто-то мог ТАК прикоснуться. — И мне твои фантазии нравятся.»

— Прости, что был неискренен. Впредь я постараюсь быть с тобой более открытым и, пожалуй, начну прямо сейчас. Мини Исповедь: Я два года курил «Kent» и один раз матрешку. Я смотрю жесткое порно, но живу монахом-затворником. Я люблю секс, но не умею целоваться. Я пиздец какой смелый в Сети, но не могу решиться на реальную встречу. У меня в голове неконтролируемо размножаются тараканы-мутанты, но если я тебе такой нужен, лети на огонек...

Восторг! Пылкий, мальчишеский. Взрывом салюта в небесах. Я тебе дорог. Я тебе нужен. Это по-человечески хмельное чувство наполняет тело возбуждением. Разум — легкостью испарившихся переживаний. Душу — неземным блаженством.

Лечу по адресу и... Натякаюсь на новый бастион. Улыбаюсь, как блаженный, видя лишь причудливые глубины космоса на аватарке и очередной безликий ник. Как это свойственно тебе — быть никем. Только для меня ты стал всем.

А имя... «What's in a name? That which we call a rose by any other name would smell as sweet»*. Какие бы ники ты не придумывал, для меня всегда будешь — Денис, Дениска, Дэн! И еще тонна милых слов, что так не свойственны мне, но легко срываются с языка при мысли о тебе.

Для меня открыты двери, стоит только нажать заветную кнопку «Принять заявку». Но я не хочу. Не хочу писем не от тебя. Не хочу новостей не от тебя. Мое желание за эти месяцы не изменилось — хочу быть рядом с тобой и только с тобой.

Мне не нужно долго собираться. Давно для себя понял, если начинаешь жизнь с нового листа, то старые нужно рвать в клочья. Если Денис дорожит безликой страницей, то меня на моей уже ничего не держит. Каждая ночь с ним, каждое его слово лежит драгоценной песчинкой на побережье моей памяти и в любую минуту я готов найти и рассмотреть на просвет любую из них.

Забираю с собой заветный адрес и тут же окончательно и бесповоротно сжигаю за собой мосты.

Открываю чистый лист. Не так фантастичен, как Дениска, но как и прошлый, создан для него. Мое имя только для него. Мое фото исключительно для него. Я так давно хотел, чтобы он увидел меня. Увидел и понял, что я его человек.

Поисковик. Имя. «Нето»*. И знакомый участок вселенной приветливо светит с экрана. Жаль, что его страницу нельзя перетянуть черно-желтой, оградительной лентой — посторонним вход запрещен. Но я и без этих средств опутаю собой Дениска так, что он никого к себе даже близко не подпустит, как только поймет, что мы созданы друг для друга.

Кидаю заявку в друзья, уже давно поняв, что Денис мне гораздо больше чем друг, и его мир раскрывает мне свои объятия. Музыка, видео, альбомы, подписки — я загляну в каждый уголок, ведь все это теперь принадлежит не ему, а нам. Но не сейчас.

Сейчас я тянусь к нему всей душой, а он словно затянут в гидрокостюм. Затаился, молчит в нерешительности, понимая, что назад пути нет, а перед ним...

Перед ним мое фото. Отчетливо вижу, как внимательно, пристально вглядывается в глаза, изучает черты лица. Осторожно касается тонкими, со следами переломов пальцами экрана и замирает. Словно пытается через трехцветные пиксели считать меня. И я чувствую — считывает и бушующий океан эмоций простирается меж нами.

*** Revolution VIVID — Undercurrent.***

Дэн взволнован, мне тревожно. Дэн ошеломлен, мне неловко. Дэн разгневан, а мне становится так волнительно, что панически страшно.

Никогда не страдал низкой самооценкой. Никогда не заморачивался подобными мыслями, а сейчас думка за думкой штормовыми волнами накатывают на берег: «А вдруг? Вдруг я не в его вкусе? Вдруг не понравился?» Меня прошибает холодный пот. Озноб пробегает вдоль позвоночника, вздыбливает волосы.

— Малыш, привет, — осторожно касаюсь волос парня, что треплет свежий вечерний офшор*, и ощущаю, как свое, его не проходящее замешательство. — Ну ты чего? Не узнал?

— Узнал. Я видел тебя во сне... — Чувствую, Дэн горит и начинаю гореть вместе с ним.

— Так чего так перепугался? — пытаюсь утихомирить всполохи смятения, дышать нормально, но горло перехватывает спазмами, сколько не сглатываю подступивший к нему ком.

— Я ждал рыжего Лиса, а ко мне пришел темный Демон, — наплывают волны задумчивости, грусти, отрешения. И сейчас я, как никогда, жажду его обнять, подбодрить, залюбить.

— Малыш, так Кицунэ же и есть Демон. Просто теперь ты увидел меня в человеческом облики. — Пытаюсь шутить, чтобы расслабить напряженно замершего Дениса, стараясь услышать, на какую волну унесет моего «космического серфера». — Я хочу стать твоим хранителем. Только Ангел из меня никудышный. Но если ты доверишься мне, я задействую все мыслимые и немыслимые силы, чтобы ты легко скользил со мной по любым пиплайн*, не зная страха и печали.

— Если ты здесь, мой Демон, то я уже доверился тебе. — Настороженность Дена накатывает на берег пологой волной, и разбиваясь о мою искренность, возвращается озорными барашками Изумления. — Хочешь подписать контракт? Кровью? — Разбегается мой Немо и, ложась на серф, заребает в бурлящий океан.

— Одно твоё слово и подпишу... — Пристегиваю к ноге манжету лииш*, и без раздумий плыву вслед за моим мальчишкой, что призывно машет рукой, предлагая следовать за собой. — Не только кровью, но если потребуется, и другими «чернилами».

— Заметано! — Смеется проказник и поймав игривую волну, запрыгивает на доску, ловко рисуя на вздымающихся синусоидах озорства s-образные змейки. — Составим брачный договор.

— Ва-у-у! Согласен! — Догоняю пловца, резкими бросками пробиваясь сквозь волны его Драйва. Лишь бы не свалиться в эту бездну страстей, на разбиться о подводные камни.

— Ты обещаешь любить меня всем сердцем, душой, мозгами и, конечно же, членом! — Набирая скорость, скольжу за Денисом вверх-вниз по лазурной поверхности его глубокой взволнованности.

— А ты обещаешь мне беречь себя и не гонять, как сумасшедший на байке, — несется вперед Дениска — Немо, взлетая на самый гребень трепетной, клубящейся бурунами радости, эйфории.

— Настаиваю, чтобы ты не отрицал наши чувства и не закрывался от меня! — Ни на миг не задумываясь, вкатываюсь в водный тоннель. Справа, слева, надо мной, подо мной призрачная, зыбкая поверхность счастья, по которой я догоняю своего парня, слегка касаясь ладонью синей глади и она рассыпается меж пальцев искрящейся россыпью капелек торжества, удачи, фарта.

— А я желаю, чтобы ты больше не сносил свою страницу, как бы хреново тебе не было со мной. — Дэн, совершая эффектный слеш*, обдаёт меня пеной невысказанной обиды.

— Тогда я со всей серьёзностью заявляю: желаю, чтобы в твоей бедовой голове не было ни единого помысла что-либо сотворить с собой и оставить меня одного в этом мире. — Рискую, разворачивая боард* под опасным углом.

— Хорошо, но в таком случае я хочу, чтобы ты не относился ко мне, как к ребенку. Пендаль лучше помогает! — Денис мягко вырубивает на жесткой волне азарта, обдавая меня фонтаном радужных брызг.

— Требую, чтобы ты не изменял мне! — Задавливая нос доски, подныриваю под обрушивающуюся на меня, соблазнительную в своем распутстве, волну, на первый взгляд податливую, но на самом деле вышибающую дух своей суровостью.

— Запрещаю испытывать из меня что-то, связанное с моей реальной жизнью! — Дениска искусно скатывается с горы безрассудного мотовства, ловко подрезая меня и заставляя уворачиваться, чтобы не столкнуться и не словить рейл-банг*.

— Хочу, чтобы ты всегда говорил мне, если устал и захочешь тайм-аут, а не улетал в какой-нибудь еще глубинный космос. — Дружно, в пати-вейв* приближаемся к бескрайнему, лазурному побережью, понимая, что пришедший между сетями волн, лалл* предлагает завязывать на сегодня с серфом.

Я ощущаю легкую усталость от бушующих в эфире магнитных бурь, но все же ловлю ни с чем не сравнимый кайф, зависая у тонкой грани реального и мистического, что давно размылась под непрерывными приливами наших чувств. Наслаждаюсь этим драйвом и надеюсь, что никогда не узнаю состояния блаженного покоя, о коем мечтают люди. Потому что успокоение наступает тогда, когда умирает Любовь. А я ее еще только нашел, и вслушиваясь в безмятежный шелест прибора наших вибраций, не хочу искажать их даже самыми высокопарными фразами...

Когда любишь, чувства не описать словами.
Это во взгляде, в голосе, в крыльях за плечами.
Это из пальцев звенящим теплом струится.
Это внутри замирает, дрожит и вдруг начинает биться.
Это вдыхать тебя и выдыхать тобою.
Это прижаться телом, а обнимать душой.
Это сплетение мыслей в поток единый.
Это счастье — понять, мы с тобой неделимы...

Я слушаю наш мир и только сейчас, когда перестало штормить в космическом океане, совершенно ясно, отчетливо, пронзительно ярко слышу возбуждение Дэна и мне уже абсолютно точно не нужно никаких доказательств его чувств.

Под ногами только наш пляж. Над головой только наш космос. Я протягиваю руку моему человеку:

— Иди ко мне, малыш...

*****

офшор* - Offshore: Ветер, который дует в направлении океана и создает идеальные условия для серфинга.

пиплайн* - Pipeline: Очень известные Гавайские волны, которые подходят только для серферов высокого класса.

лиш* - Leash: Специальный шнур, который цепляется к доске, а за тем к вашей ноге, чтобы доска в момент падения не уплыла и за ней не пришлось плавать, в некоторых местах остаться без доски - достаточно опасно, поскольку до берега достаточно далеко.

слеш* - Slash: Очень красивый трюк, это резкий поворот доски на гребне волны и все это сопровождается большим количеством брызг.
боард* - доска
рейл-банг* - Rail Bang: Так говорят когда при падении ваша доска попадает вам между ног, эта проблема конечно же свойственна только мужчинам!
пати-вейв* - Party Wave: Групповой проезд на одной волне, не мешая при этом друг другу.
лалл* - Lull: (Затишье) Временное затишье океана между сетями волн. В это время серферы садятся на доски и отдыхают, а местные акулы прикидывают у кого их этих "тюленей" ноги не такие волосатые.))

Примечание к части

Снежинки:

на том же месте в тот же час* — "Неудачное свидание" песня Александра Цфасмана

откинулся* — выйти из тюрьмы, освободиться, отсидеть срок.

культурном слое* - слой земли на месте поселения человека, сохраняющий следы деятельности людей.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_слой

Андрея Круза* - популярный современный русский писатель-фантаст. https://ru.wikipedia.org/wiki/Андрей_Круз

«шестерка»* «Фармкор»* - виновники зомбиапокалипсиса из его же серии книг "Эпоха мертвых"

Рамзи* — знаменитый британский шеф-повар. https://ru.wikipedia.org/wiki/Рамзи,_Гордон

развели на хоровод* — групповуха

крокодила* — Дезоморфин

дорожку* — Вена пораженная флебитом из-за инъекций.

банчит* — торгует

...обо всех людях* — Марк Аврелий

...душевного покоя как не было, так и нет* — По мнению американского философа Массимо Пильюччи, возможно быть стоиком и в современном мире...

кипяток, выплеснутый на лютый мороз* — <http://tabloid.one/owql2zm0gvzl>

телескоп Уэбба* — [https://ru.wikipedia.org/wiki/Джеймс_Уэбб_\(телескоп\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Джеймс_Уэбб_(телескоп))

deep web* — https://pikabu.ru/story/glubokiy_internet_2107190

What's in a name? That which we call a rose by any other name would smell as sweet* — Шекспир.

Немо* (латынь) — никто

МЮЗИК:

Revolution VIVID — Undercurrent. <https://www.youtube.com/watch?v=MvtW4G4Ki5Y>.

Красота серфинга под музыку Ханса Циммера - просто для настроения))

<https://www.youtube.com/watch?v=1Ab5CPy2Has>

Часть вторая. Надежда. Песнь десятая. Евангелие от Дениса.

Revolution VIVID — Spectrum

Жар из глубин тела плещется лавой, растекаясь горящими реками к чреслам.
За плотно сжатыми веками расползаются цветные круги, как бензин по воде.
Напряжение мышц заставляет кожу источать испарину и особенный аромат секса.

Острый кончик забавника-языка виртуозно играет этюд на натянутой струнке уздечки.
Судорожно выдыхая, стону: «Бля-я-я, что ты творишь? Это невыносимо!».
Отгоняя жесткий подкат, кусаю сухие губы. Нет, не сейчас, я хочу гореть в этом огне вечность.

Губы алые, блядские, припухшие от поцелуев, скользят по длине напряженного члена.
Мы голодные, дикие звери. Основным инстинктом звенят до предела оголенные нервы.
Пульс в промежности, и не остановить волны кайфа, что затопляют разум, душу, тело.

Пальцами по волосам. Растрепать, а потом, сжав в кулак, оттянуть, удержать. Ну же!
«Смотри мне в глаза!» — Приказ. И тонуть в пьяных очах, что без слов о любви говорят.
И не зная, как не сорваться, не натолкнуть на себя, заставляя принять глубже.

Ладонями по шелку кожи. Скользить без стеснения, лаская, мучая, нагло, смело.
Отзываясь, гореть. Стоном, всхлипом, мольбою: «Возьми меня. Твой.» Давать вести,
Чувствовать власть над парящей под небесами душой, над распластанным на постели телом.

Миг блаженства, чуткой мурашливой шалостью выдохнуть «хо-о-о» на пылающее ушко.
И подмять, уложить на живот. Наслаждение взору — картина бесстыже приподнятых ягодич.
И смущенным соблазном стыдливо уткнешься лицом в смятую подушку.

Поцелуями мелкими по бугоркам позвонков, собрать бисер пота с крылышек лопаток.
И смакуя терпкую соль вождения, себе не отказать в грубой нежности —
На разгоряченной коже расцветают кармином укусов голодных, жадных отпечатки.

Не спешить, заставляя стонать, скулить, просить. Лишь дерзко сжимать половинки.
По виляющим бедрам отвесив горячий шлепок, заклеить алым следом ладони,
и дразня скользнуть к сжатой звездочке мышц членом по раскрытой ложбинке.

Не томить. Заполняя собой, вести в восхитительном танго мистического вождения.
Задавая ритм в пьянящем восторге, терзать любовью желанное тело.
Утыкаясь носом в затылок, каждой клеточкой ощущать томительное единение.

Двое к звездам летят, и стирает границы миров упоительный миг наслаждения.
Где тела утопают в блаженстве, а души звенят ощущением безграничного счастья.
Обладание тобой — это дар небес, что взрывает рассудок на мириады частичек безвременья.

Revolution VIVID — Trained Killers

Чувствую, как накачивает. Как лишь слегка приоткрывается и вдруг распаивается настежь наглухо запертая дверь, за которой томится
Отчаянье. И теперь затапливает душу так стремительно, что задыхаюсь. Со всего маха луплю по кафелю кулаком, чтобы пронзившей казанки
болью загнать в угол накрывающую меня истерику. Горячие струи воды бьют по голове, голым плечам, но я не знаю, как унять нервную дрожь.

Да что ж меня так кидает-то?! Ведь только что летал на крыльях счастья. Летал с ним. Расслабленное, наполненное теплом тело томилось в
блаженстве. Но стоило расцепить руки и я срываюсь в бездну, которая с ускорением свободного падения, надвигается на меня серым бетоном
реальности и заставляет сжимать все — челюсти, кулаки, сердце.

Да что ж меня так кидает-то?! Ведь совсем недавно радовался, что помирились, что Лис снова со мной. Но стоило увидеть его лицо и что-то
нервно дрогнуло внутри. Я был уверен, что никогда и нигде не видел Елисея. Элементарно не мог с ним пересечься. Потому что думаю,
столкнись мы на улице и уже не смогли бы разорвать взгляда. Я так точно нет. Так бы и пялился на него, сшибая собой попавшихся на пути
людей, столбы, косяки. А сейчас в мыслях абсолютно четкое осознание, что мы встречались. Вот только где и когда? Меня не покидает это
дурацкое чувство, когда мозг лазит по файлам памяти, но никак не находит нужный, как не силюсь вспомнить.

Да что ж меня так кидает-то?! Наверное, будь Елисей хотя бы не красавцем, мне бы не было так хреново, как сейчас. Но он не просто
симпатичный. Стоит только прикрыть веки, как на меня снова с доброй усмешкой смотрят до боли знакомые глаза, улыбаются эти его чертовы
сексуальные губы, вкус которых я, кажется, знаю и от которых мне с трудом удастся отвести взгляд.

Я не могу отделаться от ощущения, что он абсолютно, непрекаемо, непреложно мой человек, образ которого то ли я сам когда-то нарисовал в
своем воображении, то ли давным-давно был вписан в мою генетическую память. Но как бы то ни было, одно дело гипотетическая картинка. Но
фото, — это как удар под дых, когда вот он — живой, настоящий, готовый предложить тебе руку, а возможно и сердце. А ты...

— УРОД! — Смачный плевок в середину зеркала и даже не вытерев с тела влагу, выхожу из душа.

— Все у нас будет хорошо. Все будет хорошо, — твержу, как мантру, стискивая в объятиях подушку, словно все еще прижимаюсь к Елисею.
Разумом понимаю, что должен его отпустить, а душой — не могу.

— Успокойся, истеричка! — Ментальным пинком закрываюсь в черный непроницаемый кокон. Не хочу чтобы Лис видел или чувствовал меня
таким. Бес его знает, может не дрыхнет сейчас, а где-нибудь за шторой прячется, а я тут нюни распустил. Обвожу взглядом пустую, тихую

комнату, в которой, конечно же никого, кроме меня и моей хвостатой подружки, не может быть.

И почему именно ночью мне особенно хреново? Почему именно сейчас изо всех углов выползают мои Демоны и начинают выедать мозг вопросами, ответы на которые я не знаю. Не знаю, что со мной не так. Не знаю, почему у меня все через жопу. Не знаю, может ли вообще человек быть абсолютно счастливым? Или это я такой, блять, избранный, на котором принцип равного обмена работает молниеносно. И стоит мне получить крупинку счастья, как на меня тут же обрушивается ведро говна.

Или это мои собственные заебы не дают мне спокойно жить и радоваться. Но ведь я же не идиот. Не могу я ни видеть, ни делать вид, что не вижу, или просто тупо не обращать внимания на жестокость аргументов и фактов.

Устал. От собственных бредней. Мерзну. От непроходящего нервяка. А так хочется согреться и уснуть. Просто заснуть. Я знаю, что мне нужно перезагрузить мозг, и утром все будет хорошо...

Бах-бах-бах — грохот в дверь, как к себе домой, вырывает из вроде бы только что накрывшего сознание сна. Кто рано встает — тому Бог подает. Сука, что тарабанит мне в дверь, когда я еще зенки не продрал, видимо, решила сорвать особенно большой куш.

С трудом выпинываю себя с футона, бережно уложив на подушку кемарящую Маркизку. С твердым намерением, если не покалечить, то напугать до икоты стоящего за дверью хомо сапиенса, открываю дверь.

Не напугал. Только у самого что-то противно екнуло в животе. На пороге хомо, без разумной приставки и в дуплину пьяное. Жентос. И я не собираюсь сдерживать свои «родственные» чувства.

— Гандон! — Хватаю кузена за грудки и втянув в квартиру, подальше от соседских глаз, захлопываю дверь. — Значит тачку тебе перегнать нужно было?! — Припечатываю пьянь к стене. — Сейчас начнешь мне пиздеть что не знал, чем она напичкана? — Убивая взглядом, смотрю в мутные пьяные зенки и готов убить по-настоящему.

— Братан, ты чего? — Включая дурочку, пытается оторвать мои пальцы Жентос. — Простая тачка, простой заказ!

— Я тебе не брат! — Ярость вкупе с отвращением добавляет мне смелости. — На хуя приперся, гнида? Может нужно еще одну тачку с наркотой перегнать? Или все же долг решится вернуть?!

— Поговорить надо, — выдыхает на меня перегаром, вынуждая гадливо морщиться.

— Не о чем мне с тобой разговаривать! — Рычу, борясь с желанием стереть кулаком пьяную ухмылку с рыла предателя. — Ты, блять, меня подставил и думал, что я не узнаю?!

— Я тебя подставил? Я?! — Вдруг срывается Жентос, отталкивает меня и орет на всю квартиру. — ЭТО ТЫ МЕНЯ ПОДСТАВИЛ!!!

— Пошел вон! — Не собираясь продолжать этот пьяный базар, тычу пальцем на дверь.

— Дэн, ты, сука, понял хоть, что натворил? — Не планируя так просто покинуть мою обитель, наступает кузен. — Не догоняешь, что на бабки попал?!

— Ты что несешь?! — Не осознаю, не понимаю, не впиливаю до какой степени может дойти человеческая подлость. — Это ты мне должен. И вернешь бабло сегодня же.

— Я тебе нихуя не должен! — Гадливо улыбается Жентос, а я тихо выпадаю в осадок.

— Тебе память бухлом отшибло? Так я напому, — горю желанием врезать в это наглое рыло, но сначала утереть ему нос его же собственной распиской.

В пару шагов оказываюсь у своего стола, вытягиваю тетрадь, в которой этот быдлан под мою диктовку писал обязательство вернуть деньги, открываю нужную страницу и... теряю дар речи. Ведь я тогда даже и не проверил тетрадь, не глядя бросив ее в стол, а сейчас, на месте расписки насмешливо топорщатся куцые ошметки вырванного листа.

— Су-у-ука... — Выдыхаю сквозь стиснутые зубы. В голове даже мыслей трезвых не осталось. Одно желание — убить гада.

— А теперь слушай меня, — гад, как ни в чем не бывало подпирает косяк и, кажется, смакует то, как я покрываюсь красными пятнами. — Ты подставил ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫХ людей, и теперь должен им денег! И я тебе по-родственному советую их им отдать, а то мало ли что...

— Что? — По инерции интересуюсь, чем мне тут угрожают, на деле просто не веря своим ушам.

— Что слышал! — Гаденько ухмыляясь, выдыхает смрад мне в лицо. — Собирай бабло. Шестьсот штук. Не отдашь, я даже пальцем не пошевелю ради того, чтобы защитить твою задницу. А если потребуется, сам приведу их к тебе и к твоим родителям.

— Мразь! — Не улавливаю момент, в который сжимаю пальцы в кулак и наотмашь бью в ненавистное рыло.

— Урою, урод... — Подливает масла в огонь Жентос, и в следующую секунду меня догоняет хук в челюсть.

Отлетаю, чувствительно ударившись спиной о шкаф и зверею с каждым мигом. Не чувствую ни боли, ни сожаления, лишь в крови вскипает неукротимая Злость. Так давно хотел это сделать, а сейчас сам бог велел. А если и не велел, то даже ему меня не остановить. С грудным рыком мутжу подонка, вымещая всю накопившуюся желчь.

— Съебался отсюда! — Оттесняю родственничка к двери кулаками, которые сами находят цель. — Еще раз нарисуешься, и я тебя в ментовку сдам. ТВАРЬ! — Выталкиваю подонка из своего жилища.

— Только вякни, и за мной туда же пойдешь! — Летит мне угроза, но я уже захлопываю дверь.

Нервяк колотит — не унять. Собираю разбросанные в драке вещи, загоняю себя в ванную, и одного взгляда мельком в зеркало хватает, чтобы увидеть сочащуюся кровью губу. Плескаю воду в лицо, но и она не приводит в чувства. Оседая на край ванны так и зависаю, тупо плясая на текущую из крана струю. Без мыслей, без желаний, без чувств... Я, блять, гуру, что достиг просветления и погрузился таки в «тишину ума».

Кто-то мягко трется о голень, вытягивая меня из долбанного состояния нирваны*. Давай тяни меня, малышка. Может кому-то и хорошо в этом месте, но мне хуево. Я хочу думать. Хочу желать. Хочу чувствовать, пусть даже и через страдания. И я чувствую...

Чувствую, как саднит разбитая губа и не привыкшие к мордобоям казанки. Как по спине медленно, но неотвратимо крадется сука-Боль, заставляя ныть потревоженные ударом позвонки.

— Рано я расслабился, Маркизка, — с трудом согнувшись, подхватываю кошенку под брюхо и топаю за очередной дозой анальгетика, который конечно же не поможет, но хоть немного притупит всю прелесть грозящих мне ощущений.

Но не боль, которую еще притупляет выплеснувшийся в кровь адреналин, меня беспокоит больше всего, а хаос мыслей, что словно по команде «горшочек вари» уже начал выплескивать через край мой котелок. Только «каша» эта прогорклая с привкусом плесени. Ни одна ее ложка меня не радует. Ни подсластить, ни съесть, но и просто выкинуть никак не получается.

Как и предсказал Елисей, со своими кровными, похоже, придется проститься. Долговую расписку я благополучно проебал. Так что обращаться в суд стопудовый бесполезняк, только еще больше денег, времени и нервов потянет.

«Вот ведь гнида! И когда успел только?! Я же Жентоса ни на миг из вида не упускал! — Зашвыриваю в ящик бесполезную тетрадь. — Да и хрен с ним с эти стольником! Буду по-буддистски тупо считать, что карме было так нужно».

— А вот чо делать с братским наездом?.. — Пытаюсь хоть как-то снять нервозность, курсирую между кухней и компом в паутином углу и не нахожу «камня преткновения».

Написать заяву? Так он же падла меня и сдаст. Хоть Лис и сказал, что с этим траблов не будет, но откуда ему наверняка знать... Всплывет тачка, а в ней наверняка моих пальчиков дохрена и больше. И не только в ней, но и на пакете с гашишем. Бля-я-я... Я же во век от этого дерьма не отмоюсь.

Да и вообще с ментами связываться себе дороже. Как-то не привык я доверять этой скользкой братии решение своих проблем. Сто процентов, что есть прикормленные. Не факт, что с моим то «везением» именно на такого и не напорюсь. И тогда точно посадят. А что страшнее всего, могут убить. И не только меня.

— Что же делать? — Утыкаюсь лбом в стенку и готов побиться о нее черепушкой, лишь бы возникла хоть одна спасительная идея. — Как выйти из ситуации? И сколько у меня есть времени, чтобы найти этот самый выход?

По всему выходит не так много. Жентос, конечно, брехло поганое, но кто мне гарантирует, что эта козлина, обдолбавшись чем-нибудь, не приведет ко мне на порог друзей-упырей. Сейчас я с ним справился, но он был пьян, а я зол. А что будет, если их придет толпа? И придут не с пустыми руками. Я уже столкнулся с этой братией на даче и не горю желанием пересекаться снова. Тогда меня за букетик маков чуть не подрезали, а что случится сейчас, когда эти нарики уже наверняка знают, что я спецом кинул машину с их товаром.

«Что же делать?» — Паника захлестывает разум, а фантазия рисует мое ближайшее будущее в багровых тонах.

Съездить к матери, отцу, предупредить об опасности? Не-е-е... Так не пойдет. Маман такой кипеж поднимет. Всех на рога поставит. А еще чего недоброго, доведу предков до инфаркта.

Позвонить тетке, чтоб она за Жентосом приглядела? Вообще детсад! И что? Она этого жлоба в угол что ли поставит?!

Все же не привык я свои траблы на чужие плечи перекладывать. И с детства никогда так не делал. Я сам разберусь с этой ситуацией. И первым делом нужно достать ствол. Кончу эту мразь, если только сунутся ко мне или моим близким.

С «кончить», как мне кажется, проблем не возникнет. А вот где и как разжиться настоящим стволом? Это же не буханка хлеба, что в любом магазине купишь.

Инет? На ментов же и напорюсь. Там кругом подстава. С урками тоже знакомства не вожу, да и вообще мало с кем общаюсь. В мыслях перебираю всех приятелей, и понимаю, что есть только один, кто может не просто выслушать, но и помочь. И в данной ситуации это не Лис.

Лиса в это дерьмо лучше вообще не посвящать. Судя по тому, как быстро он вычислил мое местоположение на трассе, по крайней мере корпус коробки, в которой я обосновался, уже висит на его картах под прицелом. Скажи я ему хоть полслова, и он точно сорвется защищать меня от бандюганов самолично. А перспектива увидеть Лиса на своем пороге для меня пожалуй даже страшнее, чем встретить наркодилеров.

Так что, пролистывая телефонную книжку, с тяжелым сердцем опускаю палец ниже буквы «Л» и вызываю абонента на букву «М»:

— Привет, Мирон! Я зайду? — Напрашиваюсь в гости к своему тату-мастеру, понимая, что нужно ковать катану, не отходя от горна.

— Сейчас? — Удивленно спрашивает Мирон и после моего согласного «ага» с сомнением интересуется: — Бить будем?

— Не-е-е, — взгляд сам собой скользит по шикарному портрету Маркизы моего сердца на предплечье. — Мне с тобой поговорить по душам надо, — даже не представляю с чего начну этот разговор, но ситуация безвыходная.

— Надо же, — басовито смеется. — Ну, приходи, жду, — и тут же предупреждает: — Только за сеанс психотерапии я беру коньяком.

— Заметано, будет тебе коньяк, — касаюсь красной кнопки отбоя и, на миг задумавшись, вовсе вырубая телефон. Не хочу, чтобы Лис отслеживал каждый мой шаг. Бегом, пока не передумал, собираюсь в адский бункер.

Привычная дорога, все трещины и выбоины которой я знаю, как шрамы на своем теле. Но сейчас не иду, пряча лицо. Окрыленный злостью, я почти бегу. И бежал бы еще быстрее, если бы не боль, что метрономом тюкает в позвонках при каждом шаге. Но я не отступлюсь. Давно меня так не вштыривало — даже мысли нет смалодушничать. Я хочу и буду бороться.

Запахавшийся, с колющим боком влетаю в темную обитель светлого господина Миронова. Добрый великан встречает меня с кружкой горячего чая, и тут же утягивает в отдельную комнату, наверное, впервые увидев меня в таком, непривычном его глазу, состоянии.

Молча достаю из рюкзака и ставлю на маленький столик, сейчас свободный от кнопок с красками и тату машинок, пузырь «Ной». Символично! Для утопающего меня Мирон сейчас — тот самый ковчег.

— Денис, излагай, — с места в карьер призывает Мирон, тонко намекая, что у него не так много свободного времени, как мне кажется, и грузно плюхается на черный потертый диван, приготовив уши, видимо, для очередной душещипательной истории.

— Мирон, мне нужен ствол, — рублю с плеча главное, напрочь забыв все те побасенки, что мысленно готовил для неформального «психотерапевта» по дороге в салон.

— Бху-ха-ха-хуй, — от неожиданности Мирон давится чаем, и пытаюсь продышаться, гулко стучит массивным кулаком себе в грудь. — Я не ослышался?

— Мирон, мне ОЧЕНЬ НУЖНО, — вкладывая в последние слова всю крайнюю важность для меня «нужды», сразу ограждаю себя от расспросов: — И давай ты не будешь ничего спрашивать.

— И какой тебе нужен? — Совсем уйти от вопросов не удастся, только ответа на этот вопрос у меня нет. Не признаваться же мужику, что нихрена не разбираюсь в огнестреле.

— Мирон, полагаюсь на тебя, — дипломатично ухажу от прямого ответа, озвучив лишь свои пожелания. — Мне нужен не тяжелый, не очень шумный, ну и попроще в обращении.

Мужик озадачен, молчит, думает. Буквально вижу, как в бритой черепушке идет нехилый мыслительный процесс, и мне остается только ждать его ответа. Жду, хотя дается это нелегко.

— Я так понял, травмат тебя не устраивает, — мужчина не спрашивает — констатирует факт. — И как быстро надо?

— Еще вчера, — не скрываю, что время не терпит.

— Тогда могу предложить только Макара.

— Сколько?

— Для тебя двадцать пять. — Не снимая маски гангстера, мысленно стону: «Да уж, игрушки для больших мальчиков стоят немало». Только маска уж больно тяжела оказывается, я буквально ощущаю, как разрастается боль в спине. И никакая прямая осанка не помогает. Видимо не хило меня Женька в стене приложил, и скорей всего, по приходу домой придется снова мучить жопу инъекциями.

— Когда прийти? — устало спрашиваю, наверное, радуясь, что вопрос так просто решился и, не радуясь, слушаю, как боль уже тянет жадные щупальца к голове и немеющим кончикам пальцев.

— Завтра, после обеда подтягиваясь, — пожимаю руку и тут же направляюсь домой, уже чувствуя, как меня начинает конкретно «ломать».

Да и нервозность не отпускает, усиливая подозрительность, и даже порождая паранойю. Мне кажется, что за мной идут. Что стоят за углом. Что следят из припаркованных машин. А еще я понимаю, что время близится к полудню, а я так и не поздоровался с Лисом, а он, скорее всего, ждет...

Устало и очень осторожно опускаюсь в кресло, обкладываясь подушками и заворачиваясь в плед, потому что даже посреди лета меня начинает морозить. Открываю ВК и вымученно-грустно улыбаюсь.

— Утречка, Любимый. Ты все еще спишь после вчерашнего? — Приветствует меня утреннее послание Лиса.

«Любимый... Любимый... Любимый... — Бесконечно крутится в голове абсолютно-простое в своей естественности обращение, звучание которого я уже забыл, и к моей физической ломке присоединяется моральная. — Зачем я ему такой? Больной! Поломанный! Я же порой от боли дышать не могу.»

— Денис, у тебя все в порядке? Что-то мне беспокойно, — взволнованно докапывается час спустя второе, отзываясь в душе трогательным теплом, что обо мне беспокоятся. И тут же направленной болью выбивает дух осознание: «Должен ли я взваливать не его плечи все это? Нет! Не имею права.»

— Дэн, ты же слышишь, что я тебя зову! — Злитесь через полчаса третье. — Почему молчишь? Почему телефон отключен?

«А что я могу тебе сказать, Любимый? — сам не замечаю, как называю Лиса таким запретно-сложным для меня обращением. — Что, если меня не переехал паровоз, то день удался? А то, что меня пытается переехать брательник-наркодилер, так это вапще ерунда, выведенного яйца не стоит. И нужен я тебе такой «счастливчик» с кучей проблем?»

Озноб пробегает от плеч до кончиков пальцев. Боль — медуза, что тянет свои щупальца и жалит стрекательными клетками мои нейроны. Дергает их, поражая все больше и больше. Устраиваю на коленях клавиатуру, чтобы не поднимать руки и чувствую, как начинают отказываться работать два пальца. Еле успеваю натянуть привычную маску шута и отбалтываюсь, еще пока как могу:

— Привет, Любовничек. Ты меня потерял? — шучу, улыбаюсь, закидывая в рот очередную порцию колес. Ну не хочу я Лиса своими траблами грузить. Не хочу, и все!

— Не получилось! — почти мгновенно отвечает Елисей.

— Что не получилось? — меня так накрывает, что не могу понять, к чему клонит Лис.

— Слезть с темы, говорю, не получилось! — не ведется Лис, и я понимаю, что уже не в силах закрыться от него. — А теперь говори, что тебя привело в такое нервное состояние? Истерил?

Одно это его «истерил» и я едва держу в себе готовые выплеснуться слезы, которые нестерпимо режут глаза.

— Нет! С чего ты вообще это взял? — артачусь, упорно рисуя скобочки-улыбки и надеясь провести своего сказочного плута.

— Дэн, когда ты уже поймешь, что я не одна из твоих девочек, и врать мне бесполезно.

«Бесполезно... Бесполезно... Бесполезно... — эхом в болящей голове. — Все бесполезно! Бесполезно пытаться снять боль — она измучила меня. Бесполезно бороться с нариками — они сильнее меня. Бесполезно уверять, что все смогу и все поборю — я устал бороться. Бесполезно надеяться на будущее с Лисом — я один. Наши отношения вообще бессмысленны!»

— Ну истерил! И что?! — Взрываюсь, даже не осознавая до конца что и как говорю. — Сопли мне решил подтереть?!

Никогда и ни с кем не позволял себе так открываться, а вот с ним не выдержал. Словно плотину прорвало, и уже не могу перекрыть поток накопившихся за годы затворничества Терзаний.

— Почему не позвал меня? Почему все в себе держишь? — Вопрос за вопросом, на которые я не хочу отвечать, но слова сами срываются с языка:

— Потому что это мое дерьмо! Я не обязан его выплескивать на тебя! И НЕ ХО-ЧУ! — Ору, как последняя истеричка. Меня с новой силой начинает колотить. Боль телесная точит, но душевная не мелочится — убивает.

— Значит, радостью со мной можно делиться, а горем и печалью нет. Так?

— Да, так! — Мало забочусь о том, как воспримет мои слова Лис.

— Значит, я нужен тебе лишь для того, чтобы повеселиться и потрахаться?!

Чувствую обиду Елисея, и не знаю, как объяснить, что привык справляться со своей болью сам, не полагаясь на других. Что хочу быть с ним рядом веселым и легким, каким он встретил меня в интернете. Что так боюсь разочаровать его своей минутной слабостью. Что уверен — с веселыми легко, а слезы — они никому не нужны.

— Нет, это я тебе нужен для повеселиться и потрахаться. — Мне больно. Нестерпимо больно, и я подло, малодушно причиняю боль человеку, которого люблю.

— Ты совсем ебнулся?! — Рычит Лис. — Да повеселиться и потрахаться у меня до хуя кандидатов.

— Так почему ты не идешь к ним? Из «дохуя» выбрать не можешь нормального парня или девку, которая будет тебя вживую обнимать, а не виртуально? — Садист! Я точно садист! Ведь все понимаю, и объяснять мне ничего не нужно, но я с упоротостью маньяка бью человека, который меня любит.

— Мне нужен только ты...

— Ты не понимаешь?! — В нервяке корябаю кожу на скулах, словно пытаюсь содрать с себя это изуродованное лицо. — Я не могу тебе ничего дать!

— Ты даешь мне намного больше, чем представляешь, — то ли как взрослый с ребенком, то ли как врач с психбольным, разговаривает со мной Лис, пытаюсь уверить, что все хорошо. — Пойми ты уже наконец, я тебя не только телом хочу. К тебе моя душа тянется. Я не знаю, как донести до тебя, что мы связаны, что мы должны быть вместе.

— Вместе с кем?! — Не могу говорить. Из глаз срываются слезы, которые тут же стираю, как непозволительную для мужчины слабость. — Не знаю, кого ты там в своих видениях видишь, только это все иллюзии...

— Тише, малыш. Тише... — Елисей пытается унять мою вышедшую из-под всякого контроля истерику. — Не терзай себя. Я не задаю тебе вопросы, на которые тебе сложно ответить. Не жду от тебя никаких действий или признаний, хотя, честно, ты не представляешь, как сам хочу кричать всем и вся что ты мой, а я твой. Очень хочу!

— Не жди от меня ничего. Моя жизнь тот самый Ад, на вратах которого начертано «оставь Надежду всяк сюда входящий!»

— Я не оставляю! Верю — все у нас будет! Надеюсь, что ты тоже поверишь в нас и решишься пустить меня в свою жизнь. И я очень хочу, чтобы ты к этому решению подошел сознательно, а не из чувства долга или чего там. Чтобы ты смог спокойно признать, что наша связь для тебя не просто игра.

— А знаешь чего жду я? Каждый ебнутый день? — Кусаю губы, непрерывно стирая эту чертову прозрачную кровь, что льется из глаз. — «Game over» от тебя!!! Уйдешь, хлопнув дверью, в тот самый момент, как я поверю, что ты действительно любишь.

— Не дожدهшься. Я не могу и не хочу терять нашу связь. Она для меня действительно очень много значит. Не знаю, чего ты от меня еще ждешь, но слов отречения точно не услышишь. Я хочу быть рядом, пока ты мне это позволишь. Дэн, я Люблю тебя.

Не могу больше. Эмоции бушуют. Тремор в руках. Тремор в сердце. Спазмы душат горло. Мороз заполняет тело, будто резко наступила, как

минимум, ядерная зима. Меня колотит так, что зуб на зуб не попадает, а кожа на пальцах по-стариковски морщится.

— Дэн, не молчи. — Зовет меня Лис наперебой с жалобно мявкующей и обеспокоенно крутящейся рядом кошкой.

Молчу, безуспешно пытаюсь укротить эту внутреннюю стихию. Я запутался. Я боюсь. Во мне словно борются два моих я, разрывая мозг на части. Больше всего на свете хочу, чтобы Лис был рядом. Коснуться его. Ощутить его запах. Почувствовать на себе его силу и страсть. И больше всего на свете я боюсь, что мое желание сбудется. Надо успокоиться, но никак не получается. Кажется, меня все больше и больше затягивает в водоворот чувств.

— Прости, мне нужно побыть одному. — Закрываю двери в наш мир, и тут же телефон разрывает тишину квартиры.

— Не смей так делать! — Угрожающе рычит Лис мне в ухо. — Ты не один. Успокойся и все мне расскажи.

И я рассказываю, как пастору в исповедальне, в которой я никогда не был. Про ночную истерику в душе. Про утреннюю драку с братом. Про его угрозы. Про все свои страхи, главный из которых — страх потерять единственно важного для меня человека:

— Лис, прости, что втянул тебя в эту Паутину. Прости мне мое эгоистичное желание. Прости, что не хочу потерять тебя. Прости, что люблю тебя...

*****

ТОКИО — Я тебя люблю

<https://pp.userapi.com/c830109/v830109119/2bb57/IC4tlcqDBCM.jpg>

Примечание к части

Ongaku:

Revolution VIVID — Spectrum* <https://www.youtube.com/watch?v=7LBsburPKDs>

Revolution VIVID — Trained Killers* <https://www.youtube.com/watch?v=VsSAhDPfrfM>

ТОКИО - Я тебя люблю - <https://www.youtube.com/watch?v=w9u7P8ncFO0>

Снежульки:

нирваны* - В буддизме нирвана: свобода от желаний, страданий и привязанностей (отсутствие их влияния на события жизни)

<https://pp.userapi.com/c830109/v830109119/2bb57/IC4tlcqDBCM.jpg>

Часть третья. Любовь. Песнь первая. Евангелие от Елисея

Драгоценные наши девушки, ну не знаем мы, что подарить вам в этот сложный для каждого мужчины день. Цветы — банально, стихи — да ну... их писано-переписано от откровенной лести до сопливой пошлости. Чуть мозг не свихнули, пока не вспомнили, что у нас припасен для вас подарок, который вы с прошлого года ждете и от которого ни за что не откажетесь. Кароч, с праздником, и знайте, что мы вас ценим не только в этот мартовский, под знаком БЕСконечности день. Ваши Бесы ЛетАл }; -) { ; {

*****

— ...Любимый, — как же, оказывается, легко слетает с языка это простое, но такое важное слово.

Кажется, я уже не могу не дарить его Денису. Для меня стало совершенно естественным и необходимым приправлять им раннее «утречка» и позднее «спокнок», дурашливые подколки и нежные признания. Открыто говорить наедине. Украдкой шептать среди толпы людей. Или вот так — по-доброму улыбаясь, писать в салоне такси, которое отрывая от любимого, везет меня на такую нежеланную, но необходимую для предстоящей операции встречу.

Знаю, как смущают Дениса мои непрестанные подкаты, заигрывания, но ничего с собой поделывать не могу. Меня так и тянет зажать парня в каком-нибудь укромном уголке, потрогать, потискать, облапать, чтобы горел угольком под мехами. Ну не хочу я скрывать чувств от человека, которого люблю всем своим существом. Наоборот, все, о чем мечтаю — опутать Дениса Любовью, чтобы он ежедневно, ежечасно чувствовал ее дыхание и в этом жарком мареве полюбил себя и эту жизнь заново.

Моя зависимость от Дэна оказалась сродни наркотической. Он стал мне настолько жизненно необходим, что нет Дениса рядом, и начинается ломка. Меня словно обесточивает — умираю душой, изнемогаю телом. Он нужен мне, как доза, которую хочу принимать снова и снова, даже если эти чувства уничтожат меня. Но я ни о чем не жалею, и сам впервые в жизни хочу надеть кандалы Любви.

— ... Любимый, — через что только не пришлось мне пройти, чтобы наконец ловить тепло этих фраз? Огонь виртуальных баталий. Воду мутного пруда. Медные трубы... Медные трубы ликования сейчас постоянно играют в моей душе, словно я получил главный приз в рыцарском турнире.

— Уже соскучился? — задаю всегда так остро волнующий меня вопрос, в шутку подмигивая желтой рожицей, но для меня это вовсе не забава. Мне так важно знать, что мой родной человек ждет меня в нашем доме, тоскует, волнуется, ведь я и сам постоянно мерзну без его огонька.

— Конечно! Брожу по комнатам. Из окна в окно на дорогу смотрю. Уж полночь близится, а Лис-мэна все нет, — игриво в тон мне отвечает Дэн, но меня не проведи. Я сейчас не слышу голоса, такого родного, совсем юного, как-то удивительно мягко рокочущего на букву «р», но мне и не надо слышать, чтобы понять все одолевающие парня эмоции, в вибрациях которых отчетливо слышу Грусть.

Будь моя воля, ни на миг не упускал бы Дениса из виду. Но, к сожалению, постоянно рисуются неотложные дела, которые выдергивают меня из нашего уютного мирка. Вот и сейчас всей душой тянусь к чистой энергии любимого, а еду в грязный, зашлакованный пороками кабака, и приходится лишь рассчитывать на его понимание. Но я уверен, что Дэн меня всегда поймет, даже когда вместо того, чтобы заключить его в свои крепкие, мужские объятия, обнимаю только словами:

— Малыш, не скучай! Я всегда с тобой.

— Знаю-знаю, — соглашается мой всезнайка, как всегда пряча за виртуальными улыбками свое истинное состояние, и как супруг со стажем, пуляет вдогонку вполне ожидаемый вопрос: — Одного не пойму, почему я дома голодный сижу, а мой драгоценный возлюбленный в ТАКОЕ время хер знает где мотается. И что самое обидное, я нихрена не вижу, в каком месте это самое «херзнаетгде» располагается, а тот, кто знает, молчит как рыба об лед, сколько ни спрашиваю.

— Милый, прости. Мне надо еще немного поработать, — скрипя зубами, честно признаюсь.

Да я бы и не стал врать, если бы парень напрямую спросил, но Денис до сих пор не особо лезет в мое личное пространство, как и о себе мало чего рассказывает. И я понимаю — он просто привыкает, а на это нужно время. Но мне самому давно следовало бы рассказать Дениске где и кем работаю. Просто как-то к слову не приходилось, да и сейчас не самый подходящий момент для вдохновенного рассказа о поездке на встречу с нариком. У Дэна своих тараканов пруд пруди, не хватало, чтобы он еще за меня переживал да накручивал. Однако предупредить, чтобы не дергался, если вдруг не смогу быть на связи, обязан:

— Не теряй меня, малыш. Постараюсь закончить побыстрей и прилечу на крыльях Любви к своему голодному мальчику.

— Очень надеюсь, что к тому времени, как ты закончишь, я не закончу вручную, ну или не перегорю, — вдохновенно измывается над моими нервами Дениска. — Пойду на кухню. Как порядочный муж, ужин соображу. Заодно и отвлекусь, а может нет. Там ведь столько ассоциаций с одним твоим местом, которое мне очень нравится, — а мне приходится только воображать, куда и в какой последовательности я присуну свою отнюдь не ассоциацию этому болтуну, который только и делает, что искушает меня эротическими фантазиями: — Уже представил меня в коротеньком фартуке и безнихрена?

— Не дразнись, зараза! — клацаю зубами, ощущая, как мысли сбиваются с рабочего режима, зато другое место определенно настраивается.

— Жди меня! Пару часов, и я тебя прямо на кухонном столе разложу.

— Вау! А мне нравится твой боевой настрой! — восторгается мой нетерпеливый соблазн.

— Обещаю, тебе понравится еще больше, как только я доберусь до тебя. А пока давай сменим тему. Сам знаешь, как это неудобно — со стояком на людях появляться.

— Намек понял, меняем курс, — понятливый парень легко входит в мое положение, но не отстает с расспросами, удивленно таращась на меня глазами смайлика: — Одного не пойму, ты что, японец доумру въезывать?

— Драгоценный мой, не японец, думаешь я не вижу, как ты сам частенько засиживаешься до утра со своими инет-делами? — возвращаю брошенный в мой огород камушек любимому игроку в словесный керлинг.

— Так я дома, у тебя под боком засиживаюсь, — констатирует факт Дениска и не упускает случая подъехать трамвай на повороте: — А ты в ночи на встречу с местными якудза едешь?

— Вот ты фантазер... — даже и не знаю, что думать, когда в меня летят подобного рода догадки. Приходится лишь отшучиваться: — Любимый, тебя привлекают парни с татуировками драконов? — скалюсь улыбочками, подкидывая фото азиатов с забытыми ритуальными картинками спинами и ягодцами.

— Не-е-е... Я когда такое вижу, меня в жар кидает... — сам себе противоречит Денис, и я уже набираю грозно-ревнивую тираду с обещаниями того, что сделаю с одной вертлявой задницей, прежде чем отымею, но мой экстремал вовремя успевает увернуться от праведного гнева существенным дополнением: — При мысли о том, сколько боли они вытерпели и периодически терпят снова, чтобы поддерживать всю эту красоту в надлежащем виде.

— Денис, членам якудза забивать свои тела татуировками по статусу положено. Но объясни, для чего ты себя мучаешь? — Не могу не задать частенько возникающий у меня вопрос.

— А может, я, как отъявленный мафиозник, хочу показать свою невьебенную мужественность и откровенное презрение к боли, — летят ко мне полные героического пафоса фразы.

— Получается?

— С первым не ахти как, а со вторым, видимо, намного лучше. Иначе я никак не могу объяснить, почему возвращаюсь в тату-салон, несмотря на то что каждый раз даю себе зарок — больше ни ногой в ту степь.

— Твое поведение, Дениска, вполне объяснимо, — поудобнее располагаясь, бросаю взгляд в окно на яркие огни вывесок, мысленно прикидывая, сколько у меня осталось кэмэ до места встречи и времени на философствования.

— Поведай истину, сэнсэй, — оттопыривает ухосмайлик мой любопытный гакусэй.

— Во-первых, люди так созданы, что быстро забывают пережитую боль, — погружаюсь в демагогию, осознав, что расстояние неминуемо сокращается, но пару драгоценных минут в запасе еще есть. — Мы можем вспоминать и даже ловить фантомы пережитых страданий. Получив жестокие уроки, страшиться пережить их вновь. Но боль сломанных костей, обожженной плоти, муки рождения новой жизни и даже душевные страдания — все стирается из памяти, — раскладываю по полочкам тонкости человеческой психики. — А во-вторых... — небольшой паузой даю Дэну осознать первое и, лукаво подмигивая, огорошиваю этим самым вторым: — Все же ты у меня мазохист!

— Следуя твоей логике... — желторожими пузырями ржет до слез Дениска и продолжает наш расчет на первый-второй: — Я, во-первых, не человек, поскольку ничего не забываю. А во-вторых, могу быть и конченным садистом. Особенно как подумаю, каким местом ты можешь работать в десять часов вечера, — так и вижу за пикселями экрана прищур сканирующих глаз.

— Милый, ты же знаешь, я работаю исключительно головой, хотя никогда не боялся использовать руки, — уверяю парня в целомудренности своих намерений, при этом рискованно циркая словами по лезвию обоюдоострой двусмысленности. И в этой наглой провокации ловлю от парня нехилые волны таких возбуждающих своей сексуальной агрессией эмоций, что в жар кидает.

— Щас я точно тебе и то и другое пооткусываю! — не заставляя долго ждать, прилетает ожидаемо злобный рык. Все же мой Дениска, что бы ни говорил, собственник до костного мозга.

— Неужто ревнуешь? — для профформы кидаю вопрос, на который и так знаю ответ.

— Да! — следует прямой, как рельса, ответ, и я не могу сдержать благодатную улыбку, которая тянет губы.

— Уверяю, это взаимно, хотя ревность до встречи с тобой не была мне свойственна.

— Все когда-то случается в первый раз. Но ты можешь не волноваться. Если я дал клятву, то никогда не нарушу ее, — радует меня Любимый, а следом шутивно-серьезным комментарием неприятно царапает душу: — Но я понимаю, что ты целибат не принимал, так что все норм.

Наверное, только Дэн может в секунду кидать меня из огня в полымя, но как же мне нравится мой «ходячий клубок противоречий». Наверное, только такой парень, как Денис, мог поклясться не изменять мне и не потребовать ответной верности взамен. У меня вызывает недоумение его способность задавать неудобные вопросы и не требовать ответов на них, но при этом постоянно дергаться от мыслей, что я воспользуюсь предоставленной свободой. Он как будто непрерывно испытывает на прочность меня и, кажется, себя тоже.

— Нет, Денис, не норм! Даже если я не произнес высокопарных фраз, то для себя все давно решил. Я твое доверие никогда не предаю, ведь впервые в жизни по-настоящему люблю. И это не просто слова! — Пишу серьезно о серьезном, всем сердцем желая, чтобы Дениска наконец осознал, что я отсек все прежние связи ради него одного и нисколько не жалею.

— Я тебе Верю, Любимый, — слова достигают самого сердца и разливаются в душе теплом.

— Очень Надеюсь, что Веришь и Любишь так же, как я тебя, — делюсь с Денисом своими чаяниями, решительно отсекая вредоносные веяния роковой кухни Любви: — Так что не ревнуй!

— Это проще сказать, чем сделать, — не сдается клинический спорщик и начинает бесстыже капать на мое ЭГО вербальным медом: — Ты же ходячий секс. Я так и вижу, как каждый встречный-поперечный пялится на моего симпатичного Ведьмака и, не в силах противиться магнетическому воздействию его феромонов, думает исключительно об одном — каким путем запрыгнуть в койку к сексапильному Демону.

— Дэн, ты мне льстишь! — шлю смущенный смайлик, хотя нихера и не стыдно. Внутри приятно порывает облаканный зверь, но я понимаю, что свои собственные желания Денис неосознанно перекидывает на всех окружающих, и поэтому спешу успокоить белокожего Отелло: — Я никого не вижу. Может кто и бросает взгляды, но мне безразлично. Чтобы ты понял — это как на забеге, когда впереди маячит желанная цель, которую ты всеми силами стремишься завоевать. И бежишь так, что все вокруг, кроме этой самой цели, размывается в мутное пятно, не

имеющее никакого значения.

— И твоей целью был я! — Денис озвучивает аксиому, которую мне до сих пор приходится доказывать.

— Был с первых дней нашего знакомства, и есть в каждый миг, и будешь всегда и во всем!

— Лис, значит сейчас ты полагаешь, что достиг своей мечты?

— Да, несомненно, — пишу и для убедительности утвердительно мотаю головой. — Ты со мной, и я чувствую себя призером, получившим главный подарок судьбы.

— Ну... перед твоим напором трудно было устоять, — улыбается Денис, не представляя, скольких нервных клеток стоил мне этот самый напор, и так некстати пытается приоткрыть завесу будущего: — А что дальше? Ты поставишь перед собой новые цели?

Были бы мы сейчас наедине... В кровати, в прозрачной темноте нашей спальни или на диване, в призрачном свете бубнящей плазмы, в ароматной теплоте кухни или в обнимку в тесноте ванны... Я бы тогда, глядя в глаза Денису, поведал ему о всех своих стремлениях, которые, словно кометы, летят к центру моей собственной Вселенной, где царит единственный в целом мире человек — Он!

Но в салоне такси, наполненном запахом полироли и кождама, под смердящие грязными труселями хиты, от которых уши так и норовят свернуться в трубочку, остается только одно — подтвердить его догадки:

— Естественно, я не остановлюсь на достигнутом.

— Будешь разрываться между мной и бизнесом? — странный для меня вопрос, что вводит в некий ступор.

— Нет, Денис. Ты всегда будешь на первом месте, — признаюсь, что уже давно расставил для себя приоритеты. — А работа есть работа. Сам понимаешь, живем не у Христа за пазухой, а в жопе у самого Сатаны. Так что от насущных дел никуда не деться. Вот и сейчас приходится ехать на встречу, подчеркиваю — деловую, хотя пипец как хочу заграбастать тебя в охапку, завалиться на диван и киношку глянуть. А еще лучше...

Рингтон входящего вызова нагло вклинивается, разрывая нашу интимную беседу. На экране светятся знакомые цифры рабочего контакта.

— Бес, ты где? — слышу в динамике не совсем адекватный голос, что сливается с какофонией грохота музыки и гула беснующейся толпы.

— Тебе в рифму? — рычу, видя, что такси уже сворачивает на нужную улицу. — Подъезжаю.

Тяжко вздыхая, набираю Дениске обещание не задерживаться и, посылая вдогонку страстный поцелуй, вынырываю из нашего уютного мирка, чтобы окунуться в совершенно другой, чуждый мне, но в котором я вынужден крутиться. Расплачиваюсь с водилой и, натянув маску тысячи лиц*, открываю массивную дверь клуба «Conceal».

Тырц-тырц, тырц-тырц... Монотонное долбилово, которое и музыкой-то назвать сложно, зато легко может сойти за оружие массового отупления, через барабанные перепонки пытается исполнить свое предназначение. Всполохи стробоскопов и скользкие лучи высвечивают дергающиеся в конвульсиях танца фигуры, завораживая, вводя в особый транс. В этой мечущейся толпе не нужно что-то глотать. Стоит открыться, впитать пульсирующую энергию драйва - и поплывешь в общем кайфе. Но я не там...

Сканируя толпу, выискиваю одного конкретного перца, а он и сам видит меня. Приветственно машет рукой, видимо уже давно и нетерпеливо ожидая, и я понимаю почему.

Я узнал Влада совсем недавно, но отследил его судьбу чуть ли не с пеленок. Банально-жизненный пролог рассказал сам парень. Подсудно-криминальные главы поведали сотрудники. А уж паскудно-ожидаемый эпилог вижу своими глазами. Владимир — еще одно, пока живое свидетельство того, что если человек встает на скользкую дорожку — это как на салазках с крутой ледяной горки катиться: оттолкнулся и уже не остановишься.

Хочу было подойти к стойке заказать вискаря или водки, но Влад уже летит навстречу. Бесцеремонно вцепившись в рукав, чересчур настойчиво тянет в сторону туалетных комнат.

— Принес? — не особо заботясь о соблюдении конспирации, интересуется наболевшим, обдавая меня приторно-тошнотворным запахом дурман-травы.

— Сначала дело, потом получишь то, что тебе надо, — торможу торопыгу, которому уже невтерпех ширнуться. Подаю знак здоровенному качку армейской наружности и, вытянув из портмоне заветную карточку, получаю не менее заветный ключ.

Не нужны мне лишние глаза, посторонние уши. Мало ли кто может крутиться в этом злачном месте под видом завсегдатая: мент в штатском или такой же, как я, сексот, чья-то вездесущая шестерка или наркодилер. А уж жаждущих обдолбаться здесь, как лягушек в пруду. А каждый десятый ради того, чтоб затуманить себе мозг, готов превратиться хоть в экзотическую игрушку.

— Да не могу я уже. Пиздец, как надо починиться, — ноет парень, словно сука на морозе.

— Влад, чем быстрее ты поможешь мне, тем скорее я помогу тебе. Взаимовыгодный обмен. Понимаешь-ш-шь? — злобно шиплю, заталкивая торчка в небольшую приват комнату и закрывая за собой дверь.

Приглушенный свет блуд-закутка призван расслабить, но почему-то действует с точностью до наоборот: давит, раздражает. А может это дурная энергетика разврата, впитавшаяся в мягкую обивку стен и диванов, или дерганное мельтешение Влада и его двойника в высоком зеркале до потолка настолько пагубно действует на нервы, что едва давя в себе нестерпимое желание вьебать укуренному мозгляку. И только осознание, что с вывихнутой челюстью он мне навряд ли что-то расскажет, останавливает сжатый для удара кулак.

— Я ж всегда готов... — с готовностью салютует «пионер», но увидев мое движение, замирает тараканом под тапком. Не утихает только его нудный скулеж: — Поправь меня, Бес. Я тебе все, как на духу, выложу.

Подмечая каждую реакцию, словно кость для голодного пса бросаю на стол выданный Митланом для дела пакетик и чуть брезгливо не морщусь от отвращения. Тяжело не снимать надлежашую моей роли маску похуизма, когда видишь, как некогда классный парень, работник банка, а теперь вечно дергающийся, с бегающими зрачками торчок, достает из внутреннего кармана прежде дорогого, а ныне изрядно затасканного пиджака столовую ложку.

— Не трож-ж-жь... — угрожающе цежу сквозь зубы, одним взглядом останавливая протянутую к упаковке руку. — Ты не Влад. Ты, блять, Антошка, что повсюду со своей ложкой.

— Бес, ну будь человеком, — парень яростно скребет ногтями по рукам, точно пытается содрать с себя кожу, под которой ползают сотни красных муравьев, беспощадно жалающих плоть. Вены горят. Видел такое, и уже не раз.

— Говори, что знаешь, но только то, чего не знаю я, — подгоняю нарика, бросая тоскливый взгляд на притихший телефон. — Порадуешь, и будет тебе праздник, — так хочется в родные объятья моего Дениса, а приходится нянчиться с этим конченным придурком.

— Бес, ну ты же знаешь, у меня мало информации. Все на шухере*. Мало что всплывает, — словно оправдывается Влад, не сводя взгляда с вожденной дозы.

— Скажи, меня это должно ебать? — психую, видя, что парень тупо тянет время. Только не привык я так просто сдаваться, да и «клиент» скорей всего на мели, раз денег только на третьесортный ганджик наскреб. Но это и к лучшему, у парня уже первые признаки ломки, так что остается только чуток дождать. Что и делаю: — Нет информации, нет награды, — и одного легкого движения в сторону пакетика с дурью хватает, чтобы нарик открыл рот:

— Появился новый товар. Калики* дюже качественные. Говорят, местные аптекари* постарались. На сделку не идут, но я могу попробовать достать телефончик, — частит Влад, и я понимаю, что он бы сейчас маму родную сдал с потрохами.

— Хорошо! — поощряю развязавшего язык парня и пытаюсь поймать взгляд до жути странных глаз с покрасневшими белками и расширенными зрачками. Но это практически невозможно. Глаза наркомана непрерывно ищут что-то на стенах, потолке, мебели и ни на чем надолго не фокусируются. Поэтому стараюсь хотя бы словами запрограммировать пораженный наркотиками мозг на нужные мне действия: — Телефончик достань. О партии сам договорюсь. Но мне нужен выход на Аладдина.

— Ты чего? — сразу настораживается наркоша. — Зачем?

— Тебе скажу, как другу, — чуть не давлюсь на последнем слове, но играя роль наркодилера до победного, понижаю голос и доверительно сообщаю: — Нужен герыч на постоянку.

Не сказать, чтобы меня это ампула сильно раздражало, но якшаться вот с такими, да еще и прикидываться своим в доску парнем, мягко выражаясь, малопривлекательно, а грубо говоря — бесит! Впрочем, как и общаться с ментами. И в этом сюр-театре я снова чувствую себя меж молотом и наковальней. Только теперь я не глупый пацан, нашедший выход из кажущейся ребенку безвыходной ситуации в горсти снотворного, а взрослый, сильный мужчина. Оттого-то и твержу упрямо: «Ну, ничего, Лис, так закалялась сталь! Прорвемся».

— Бес, ты же с дутым* работаешь, — Влад не удивляется, скорей, просто цепляется за внезапно возникшую мысль тем, что осталось от извилин.

— Бабла много не бывает. У тебя своя игла, у меня своя — денежная, — похлопывая ладонью по карману, привожу железный аргумент, не забывая о щедрых посулах: — Поможешь, отблагодарю по-братски.

— Знаю одного барыгу-басурмана*, — возможность получить дурь на халяву делает парня все более сговорчивым. — Вроде он берет у Аладдина, но ты же понимаешь — только через закладку*...

— Влад, у меня серьезный бизнес! — жестко отсекаю все возможные ОБС-источники*. — Мне нужны только проверенные контакты, чтобы хуйню не подсунили и не опрокинули на бабки. Так что постарайся не подвести меня. Руки в кровушке пачкать не охота, и так Ягуза дохрена приняла.

— Я узнаю! — чуть не божится парень, давно продавший душу Дьяволу, и с преданностью собаки глядит то на меня, то на «кость», брошенную на стол.

— Бери, — разрешающе киваю, и нарик накидывается, по-другому не скажешь, на заветный «приз».

Погано. С души воротит смотреть на маниакальную улыбку Влада и его трясущиеся руки. На огонек зажигалки, что подогревает быстро вскипающую дурь. На вид шприца и пережатого резиновым жгутом бицепса. Но я смотрю. Вплываю в себя страшную картину превращения человека в... нечисть, что должна вживиться в генетическую память людей как нечто смертельно опасное.

— Бес, может сделаешь пять точек*? — просит Влад, похлопывая себя по предплечью. — Давай, ты же умеешь, а то у меня что-то руки дрожат.

— Иди на хуй! Чтобы я чужой баян* тронул... — отмахиваюсь от протянутого шприца, чуть не выбив его из рук наркомана.

Парень отстраняется, испуганно сжав в руке заветное варево, как нечто действительно драгоценное, и поняв, что помощи от меня ему не дожидаться, откидывается на спинку дивана.

— Странный ты все же, Бес, — усмехается Влад, сиюсь самостоятельно найти на исколотой, посиневшей коже истонченную вену или, как принято в их кругу говорить, бегунок.

Сколько раз за свою жизнь я слышал эту фразу, и не счесть, но от такого отброса — впервые. А смехок нарика щелочным металлом по воде отзывается внезапной вспышкой Ярости, которую уже не сдерживаю:

— Завали ебальник, пока я тебе зубы не пересчитал, — озвучиваю самую светлую из роящихся в голове черных мыслей.

— Че ты завелся? — парень откровенно давит психа, в который раз не попадая иглой в вену. — Просто странно, что ты столько дури крутишь, а сам не ширяешься, — не затыкает фонтан и, окончательно теряя Страх, похабно склбится, едва не подписывая себе смертный приговор: — А ты часом не мент?

«Какая разница? Я или наркотик?» — отчетливо слышу идею, подкинутую инстинктом самосохранения, который неприятным холодком стекает по позвоночнику, отрезвляя горячую голову.

Так бы взял и придушил этого обдолбыша, как и всех остальных, что сделали свой выбор не от нужды, не от безысходности. Любопытство. Простое человеческое любопытство. Почувствовать, как оно — кайфануть. Дебилы! Думают, курнут, кольнут раз — и все... А это и есть все. Трясина, которая никого не отпускает, затягивает, топит, пока не высосет последнюю каплю жизни.

Никогда не опущусь до чего-то подобного. Нет уж! Насмотрелся. Это сродни с помойки жрать, из сточной канавы пить или трахать дорожную венерическую шлюху.

— Был бы я ментом, оптом бы банчил и с таким мудьем, как ты, не якался, — огрызаюсь на урода, мотая на ус, что даже в таких мелочах надо держать ухо востро. Если подобная мысль пришла в эти прогнившие мозги, может прийти и в другие — более здоровые.

— Как станешь главой картеля, не забудь, кто тебе подняться помог, — словно избиратель депутату отдает наказы не отличающаяся ни умом, ни сообразительностью птица-говорун и, наконец найдя вену, затыкается.

В неярком свете привата шприц наполняется мазутно-черной кровью, и парень, растягивая жгут, отправляет дурь в недолгое путешествие к мозгу. Секунды складываются в минуту. Влад, прикрывая глаза, расслабленно растекается на диване, тихо стонет, уплывая из реального мира в наркотический дурман. Лицо — маска покойника, которому чужды эмоции, мимика. Умиротворение в абсолюте.

Я не снимаю маску отрешенности даже сейчас, хотя вроде бы можно уже расслабиться, но не позволяю себе такой роскоши, лишь передергивая плечами от омерзения, когда без зазрения совести забираю у нарика сотку.

— Не пойду-у-у... — невнятно мычит Владимир, отмахиваясь то ли от меня, то ли от кого-то несуществующего, и сучит непослушными ногами по ковролину.

— Что, Влад, пришли за тобой? — мне не интересно, просто само слетает с языка.

Не глядя на бесцельное барахтанье кайфующего парня, прохожусь по его контактам, смс. Кое-что выписываю, сортирую на возможно существенные и наверняка бестолковые.

— Завтра буду, — на удивление трезвым голосом обещает кому-то Влад, заставляя оторваться от моего сыскного занятия. Кидаю быстрый взгляд, но как только вижу глаза, убеждаюсь, что парень базарит в параллельном мире и точно не со мной.

— Не знаю как насчет завтра, но на днях мы точно встретимся, — бубню себе под нос, зная насколько короткая память у этого брата, и заканчивая обыск, обращаюсь уже к невменяемому собеседнику, повышая голос: — Не добудешь нужную информацию, останешься без десерта. А будешь мудить, без рук поломаю так, что ложку держать не сможешь. Слышишь меня, гандон?!

— Да, я сейчас... — Влад внезапно подпрыгивает, делает шаг и так и остается стоять, чуть шатаясь. Глаза закрыты, голова склонилась на грудь. Парень будто спит... **СТОЯ, КАК ЛОШАДЬ.**

— Сука! Залип! — сую в карман нарика его собственный сотик и с чувством хоть и не полного удовлетворения, но все же неплохо проделанной работы, направляюсь на выход.

«Дениска, уже лечу к тебе!» — на ходу строчу смс и быстрым шагом спешу в метро, в котором проще затеряться, если вдруг за мной следят. Благо не так далеко, да и не хочу я больше оставаться в этом энергетическом котле даже пятнадцати минут, чтобы дожидаться авто. Мне нужно домой, к Дэну. К единственному, с кем могу быть самим собой, без масок и фальши.

Уже остались позади теплые летние ночи, и в воздухе явственно пахнет осенью. Но не свежий воздух, а нервозность пробегает по телу холодной волной, заставляя воровато оглядываться и передергивать плечи.

Как же я заманался! Мотаюсь то по ментовкам, то по клубам и хатам, налаживаю контакты со спидозными утырками, хотя по-хорошему таких расстреливать надо — и дело в шляпе. Жаль, как в одном боевике, нельзя устроить судную ночь, уж я бы расчехлил свое охотничье ружье. А сезон в этом году уже начался, только не для меня. У меня нынче другая охота — в монолитно-бетонных джунглях.

Но на сегодня и это сафари закончено. Домой. К нему. К нему, в воющем пустом вагоне метро. К нему, в салоне поздней маршрутки. К нему, на верхний этаж типового муравейника. Ванна, контрастный душ. Чашка горячего чая. Бутер в зубы...

— Любимый, я дома, — полный предвкушения и в боевом настрое пишу Денису, надевая на голову наушники и подключаясь к музыке, транслируемой на его странице. — Заждался? — настраиваюсь на SM-игру. Впрочем, мне и настраиваться не нужно. Стоит подумать о нем, и все во мне настроено на нужную волну. — Что для меня приготовил, мой маленький извращенец?

— Как и договаривались, борщ, — улыбается моя заботливая хозяйшка, выставя на «стол» парящую тарелку с раменом.

— Ммм, а что на десерт? — запивая шутку юмора горячим чаем, пытаюсь разведать к чему готовиться.

— Надеюсь, ты любишь сюрпризы? — напускает еще больше туману Денис и приоткрывает дверь в очередную секретную комнату.

Не скажу, что все сюрпризы Любимого меня радуют, но этот — чувствую! — понравится. Я погружаюсь в наш мир, и нет для меня ценнее тех мгновений, когда касаюсь его душой. Это состояние схоже с трансом, гипнозом, где границы фантазии создает только твое собственное сознание.

Жаль, конечно, что Дэн так и не решился на нашу реальную встречу, а ведь тогда я был готов сорваться к нему в тот же миг. Но... Он попросил меня не спешить и даже вынудил подписать по всем правилам составленный контракт, в котором каждый из нас поклялся не переступать черты, и теперь этот док покоится в призрачной ячейке одного из облачных хранилищ. Пусть так, но он стал моим...

Примечание к части

Маска Тысячи Лиц* - понятие из мира Тьмы, когда Вампир может воздействовать на восприятие окружающих, заставляя их видеть иной образ, вместо настоящего облика бессмертного.

шухере* - Шухер - означает приближение некой опасности, и является возгласом предупреждением своих поделщиков.

Калики* - колеса, таблетированные наркотики.

аптекари* - наркоман, который умеет изготавливать наркотики.

дутым* - кокаин, крэк.

барыгу-басурмана* - сбытчик наркотиков, приехавший из Средней Азии или с Кавказа.

закладку* - тайник куда прячут наркотики, для дальнейшего сбыта.

ОБС-источники* - одна баба сказала.

пять точек* - Пять миллилитров раствора наркотика.

баян* - шприц для инъекции наркотиков.

Примечание к части БЕСценные наши друзья, очень сожалеем, что наши ВНЛ-вылеты превратились из регулярных в чартерные, но пока получается только так. И все же надеемся, что вы отбросите все БЕСотлагательные дела и присоединитесь к очередному полету. Ну что ... полетели? })(;{

Часть третья. Любовь. Песнь вторая. Евангелие от Дениса

— Утречка, Любимый... — простые слова, которыми начинаю теперь каждый свой новый день.

Казалось бы, банальное приветствие, но оно стало для меня не просто привычным, а абсолютно необходимым, сродни важному ритуалу, дабы пробуждаясь, сразу же погружаться в наш мир. Один на двоих. И в теплых объятьях Лиса чувствовать, что больше не одинок.

Должен же был случиться столь сумасшедший вираж на моем пути, чтобы вот так, казалось бы ненароком, столкнуть нас на перекрестке судеб. Столкнуть и разорвать затягивающую меня тьму вспышкой сверхновой. Только мрак моего космоса не отступает. Выползает из дальних уголков вселенной мыслями, что все события моей жизни не случайны и идут своим чередом, словно бусины, нанизанные на нить.

А иначе, не могу объяснить, почему именно сейчас, когда я окончательно и бесповоротно все для себя решил, а не три года назад, когда все было по-другому, в мою монохромно-серую жизнь ворвался до невозможности странный человек, раскрасил ее во все цвета радуги и пусть так, но стал моим...

Лис... Он действительно странный. Кто бы еще пошел на такие отношения? Ведь даже когда я признался ему и, самое главное, себе, что люблю, то ничего, кроме верности, Елисею не пообещал. И наше хрупкое счастье до сих пор приправлено горечью обстоятельства, что мы вместе, но не рядом. А еще... моей стопроцентной уверенностью, что долго такие отношения длиться не могут. Сколько продержится Лис, прежде чем скажет мне: «Я больше так не могу»? И что тогда?

Что тогда — не ведомо никому, но в одном я уверен на все сто: именно я держу в руках ключ от нашего будущего. Стою на пороге и все никак не решаюсь открыть в него дверь. Но открыть-то все равно придется, и я не должен тянуть резину до бесконечности. Ведь вопрос, который постоянно откладываю на потом и когда-нибудь, самый важный для нас на данный момент. Мне самому необходимо решиться и сделать шаг, но... Я не могу. Пока не могу или никогда не смогу — не знаю. Трусливо гоню прочь противоречивые мысли, в которых временное «пока» вселяет в меня такую трепетную Надежду на встречу, а беспощадное «никогда» вгоняет в приступы черной Меланхолии.

Но и эта эпизодическая хандра тонет топором в море эйфории от осознания одной простой истины: наши чувства — больше, чем Любовь. Ну, не могу я даже самой глубокой привязанностью объяснить непередаваемую бурю эмоций, что вызывает в моей душе человек, с которым никогда не пересекался в реале.

А в реале опять залипаю на всегда открытом фото, с которого мне иронично улыбается мой желанный Ведьмак.

«Лис, как же я люблю тебя», — я готов говорить эти слова снова и снова человеку, овладевшему всеми моими мыслями и желаниями. Мне до дрожи в солнечном сплетении хочется потрогать его, прижаться так, чтоб не разлепить и просто тихо лежать, согреваясь теплом и вдыхая аромат его тела.

— Дрыхнешь, засоня?! Э-э-э-х..., а у меня такой стояк, — дразню, скорее всего, спящего парня, потягивая первую порцию горячего кофе. — Ты спи-спи... А я пока тебя полапаю, — тянусь рукой и касаюсь...

...Скул, покрытых колючками утренней щетины. Невесомо обрисовываю контур губ, дуги бровей, и что-то трепетное разливается за грудиной, теплым облаком стекая в живот. Если бы все было иначе, я бы сейчас осторожно стянул с парня одеяло и нагло оседлал его бедра. Я бы приложил ладонь к его груди и долго слушал, как сердце моей Любви отзывается гулким тудумканьем. Я бы много чего себе позволил, если бы все было иначе...

А сейчас только так, в мечтах, могу быть смелым, развязным, хотя в жизни, наверняка, смутился бы. Смутился бы его, ни кого-нибудь. Ведь именно рядом с Елисеем постоянно чувствую никак не проходящую неловкость. И я даже знаю в чем причина.

Мне кажется, он отчетливо видит все мои извращенные желания, вызывая тем самым в душе жгучий стыд и даже страх того, что считая эти мысли, Лис осудит меня. Но и эта фобия, как ни странно, тоже возбуждает. Да так, что с головой накрывает жаркое марево, в котором плавлюсь без возможности остыть. Он мой огонь, к которому тяну руки и чувствую: тепло — хорошо, горячо — приятно, обжигает — страшно, но... не оторваться.

— Утречка, Любовь моя единственная, — прилетает горячий поцелуйчик, обрывая мои эротические фантазии настолько внезапно, что невольно вздрагиваю и в следующий миг уже не могу сдерживать искренней улыбки.

— Привет, Любимый. Спал или, как обычно, до утра сказки заблудших душ слушал?

— Спал, как лис на припеке, после того, как ты меня изнашивал! — Лис мечтательно потягивается в постели, по крайней мере, мне так видится.

— Мне тоже понравилась активная позиция... — пытаюсь смутить Елисея, при этом сам так некстати смущаясь, но разве ж меня остановит какой-то дурацкий жар, разливающийся по скулам. — Причем настолько, что боюсь подсесть на роль верха.

— Ну, если ты будешь подсаживаться сверху, как сегодня утром... — лукаво перековеркивает смысл моих слов хитрый Лис. — То я только «за».

— Что за наглая инсинуация? — чуть не давлюсь кофе, подозревая, что мои недавние фантазии не прошли незамеченными, и в очередной раз конфужусь, словно меня застукали за непотребством.

— Да ладно, Дениска, — так и вижу снисходительно-шаловатую улыбку Лиса. — Я ж проснулся от того, что увидел, как на моих причиндалах примостилась одна горячо любимая задница, — без стеснения стесняет меня беззастенчивый Лис. — Или мне показалось?

— Конечно, почудилось! — цепляюсь за так своевременно подкинутую отмазку. — Тебе это приснилось!

— Дениска, а ты чего краснеешь-то? — плескается на мои не погасшие угольки очередная порция смеси легких углеводов да еще и

приправляется шуточным наездом: — Рукоблудил, зараза, фантазируя обо мне? Быстро признавайся!

— Не-е-е, как я могу? — строптиво не признаюсь, округляя честные-пречестные глаза, и красочно иллюстрирую не совсем прямую речь смайликом с нимбом над бестолковкой. — Я вообще такими делами не занимаюсь. Ну разве что только с тобой в тандеме, — по-доброму подтруниваю не столько над Лисом, сколько над собой.

— Со мной и только со мной! — за долю секунды переходя с шуточного на серьезный тон, отзывается Елисей, и я понимаю, что для него, как и для меня, на этом моменте игры заканчиваются, но никто ж не запретит мне поиграть словами:

— Я не дам тебе повода заставить меня помолиться на ночь, — по-шекспировски уверяю суперревнивого любовника, что не оброну ни одного фамильного сопливчика.

— Я скорей убью тебя, чем кому-то отдам! — горячится пылкий Лис, органично вживаясь в роль не менее скорого на расправу мавра.

— О, горе! — шаловливо выдергиваю слова из староанглийской «песни», вольно импровизируя классический текст: — Не убивай! Убей хоть завтра! Нет! Через полчаса! Дай кофе хоть допить... — и не собираясь примерять ночнушку Дездемоны, умело перевожу стрелки со средневекового домостроя на современный эгалитаризм: — Тем паче, что у меня к тебе давно назрел один щекотливый вопрос.

— Вопросай, мой щекотун, — тут же заинтересованно откликается большой охотник до деликатных тем, моментально забыв обо всех гипотетических Кассио. — Я внимательно слушаю и готов поведать тебе все тайны мироздания.

— Не-е-е... Все не надо, а то жить станет неинтересно, — расслабляюсь, чувствуя, как откатывает жаркая волна, вызванная фееричным явлением моего любимого любителя вгонять меня в краску. — Но одну твою тайну все же знать хочу, — уже воображаю себя евреем, затаившимся под столом на тайной вечере и готовым услышать, что прям с завтрашнего дня каждый иудей должен будет принести в жертву богу кусок своей плоти, которая почему-то оказалась крайней. — Поведай мне, как ты это делаешь?

— Ну, Денис... этот процесс действительно требует тонкого подхода, — тянет интригу Елисей, посылая мне загадочные улыбки. — Только в нем нет никакого секрета. Я делаю это точно так же, как ты. Воображаю одного парня, что поселился в моей голове, сердце, душе, а потом... Кладу руку на свой крепкий ствол, и вот тут начинается самое интересное. Сначала я тихонько тяну шкурку, оголяя...

— Издеваешься?! — меня аж подкидывает в кресле от прямого попадания в мозг совершенно конкретной эротической фантазии, которая тут же рикошетом уходит в пах.

— Нет! Как я могу? — бессовестно врет Лис, в очередной раз вгоняя меня в пожароопасное состояние своими откровенными до пошлости словами. — Ну-у-у... разве только чуть-чуть.

— Кончай прикалываться! — капсочу, пытаюсь отогнать назойливое видение разгоряченного Лиса на пике экстаза, и нихрена не получается.

— Дени-и-ска, ты не представляешь, как мне нравится тебя смущать! — наконец-то без обиняков признается Елисей и добивает контрольным в голову мою на ладан дышащую Застенчивость: — Не менее, чем улавливать твой оргазм...

— Только не говори, что ты чувствуешь, когда я кончаю! — тихо ахуюваю, кликая по мордахе с отпавшей челюстью и инстинктивно ошупывая уши. Как бы не произошло спонтанного возгорания.

— Уже сказал! — довольно лыбится рыжий плут. — Каждый раз твой кайф накатывает на меня, как отголосок собственного экстаза. Когда ты кончаешь, я слышу твое участвовавшее дыхание и тихий стон, — продолжает вампирить Лис, измываясь над моими эмоциями, которые непрерывно кидают собственную брентную тушку из огня в полымя.

Я уже не просто горю. Польшаю! Кровь то накатывает к голове, то отливает в грудь и ниже. Оттого, как легко ведусь на подколки хитрого манипулятора, хочется до хрипоты проораться в подушку, но я только на секунду прикрываю глаза ладонью и, как ненормальный, начинаю тихо трястись от смеха.

— Все, Лис! Баста! — поправляю своего пробудившегося от горячих фраз змееныша, пытаюсь утихомирить словесный блуд ни на шутку разошедшегося развратника и ругая почем зря за поднятую тему самого себя, потому что примерно такого ответа и стоило ожидать от озабоченного моими оргазмами Ведьмака. — Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Конечно... — в невинность смотрящих на меня глаз не поверила бы даже сама Наивность. — Как и ты отлично знаешь, что я шучу, — Лис примирительно поднимает руки вверх, видимо решив не доводить меня до белого каления. — Единственная проблема, что я не знаю, реально ли объяснить необъяснимое.

— Но ты можешь хотя бы рассказать, что тебя разбудило? — задаю чрезвычайно интересующий меня вопрос. — Только в подробностях и безо всяких приколов.

— Если серьезно, то сквозь сон я почувствовал... — начинает вспоминать Елисей. — Что на меня кто-то смотрит, — через паузу уточняет: — Ты смотришь, — и тут же пускается в демагогию: — Знаешь, такое странное ощущение, которое заставляет поднять глаза, даже когда с головой погружен в дела. Поднять и встретить взгляд человека, который беззастенчиво пялится на тебя. Вот это и пробудило. А потом случилось легкое движение воздуха у лица, которое утренней прохладой пробежало по всему телу, вызывая мурашки, и вернулось странной тяжестью на бедрах и теплом в груди. С левой стороны. Как-то так...

— Ах-ре-нет! — пишу по слогам и также, шаг за шагом хренею, очень надеясь, что прямо сейчас Елисей не слышит, как у меня в зобу дыхание сперло.

— Так значит мне не приснилось! — ловит меня на слове Лис. — Дэн, и кто из нас после этого плут?

— Ты! — утверждаю без тени сомнения. — Потому что я практически ничего не делал. Просто на фотку твою смотрел и фантазировал. У меня Маркизка свидетель! — призываю на помощь свое малочисленное войско, уютно пригравшееся на коленях. — Но как ты почувствовал?!

— Денис, ты вроде умный парень, но порой два плюс два сложить не можешь, — подковыривает Лис, чуть не до крови царапая мое ЭГО.

— Даже милая пушистая хранительница, которая сейчас мурлычет на твоих ногах, уверен, давно уже поняла, что ты такой же, как я...

— Мля-я-я... Дежавю, — закатываю глаза к потолку, внезапно вспомнив напрочь стертое из памяти событие из своего отрочества. — Лис, а ты знаешь, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Но у нас и в этом свой эксклюзивный вариант. Потому что когда в прошлом веке я услышал от некой дивы нечто подобное на свой счет, то ржал до слез. Но когда я в этом веке снова слышу эти слова и от ТЕБЯ, мне нихрена не смешно.

— Ты мне не рассказывал, — с толикой обиды сокрушается тот, кто, видимо, считает, что обязан знать обо мне все.

— Ага, — утвердительно мотаю головой, тут же находя отмазку выпавшему из моей автобиографии факту: — Лис, в свое оправдание могу сказать, что я даже об этом не вспоминал. У меня в неокортексе никогда не задерживается инфа, которую я считаю маловажной или вовсе мне не нужной. Да и потом, ты же мне тоже многое о себе не рассказываешь...

— Я готов тебе рассказать абсолютно все, что тебя интересует, вплоть до размера моего члена, — чуть не божится мой Ведьмак-приколист, и меня снова бросает в краску, ибо я и правда хотел как-нибудь в шутку поинтересоваться этим вопросом. Но развить чисто пацанскую тему мне не дают, поскольку Лис, как истинный лис, тут же виляет в кусты: — Но сначала ты вытащишь из извилин своей избирательной памяти этот случай и расскажешь мне, как это было.

Откидываюсь на спинку кресла, подпихнув под поясницу жесткую подушку. На коленях мурлычет кошка, которой в те давние времена еще не было в подлунном мире, но которая сейчас — я уверен! — разделяет мое суждение, что Елисей ревнует меня даже к моему прошлому.

— Ее звали Джемма, — начинаю рассказ, не видя в древнем событии ничего того, что я бы сейчас не мог или не хотел поведать Лису. — Она проживала в соседнем доме и частенько попадалась на глаза, ибо не заметить ее в толпе было просто невозможно.

Одевалась Джемма подчеркнуто не элегантно, я бы даже сказал слишком броско для ее лет. Но это был ее неповторимый стиль, и в ином прикиде я ее не встречал никогда. Причем «никогда» — буквально! Потому что не только летом, но и в самый лютый мороз дама выходила на улицу лишь в легком платье и гордо топтала сугробы ногами, обутыми в летние туфли.

И я бы никогда не узнал имени этой экстравагантной женщины, если бы в один летний день моя бабуля не вручила мне корзиночку с какими-то поганками и не попросила доставить и передать эту драгоценную ношу прямо в белые рученьки той самой мадам.

Первый этаж высотки. Звонок, и бледнолицему дрыщу в пубертатном периоде жизни открывается вход в чужой мир. На пороге, заполняя своими пышными формами весь проем двери, стояла она, выедавая глаза канареечного цвета платьем и кроваво-красными бусами, обвивающими в три ряда массивную шею, скрытую за двумя подбородками.

Нас, детей, выросших на анимэ и диснеевской мультипликации, образ эксцентричной дамы шокировал раз и навсегда. Ибо увидев перед собой живое воплощение морской ведьмы Урсулы, даже такой подроженный индивид, коим на тот период являлся я, терял дар речи и, кажется, забывал собственное имя. Впрочем, злой или коварной «Урсулу» назвать было нельзя.

— Дени-и-ис, мальчик мой, — ласково пророкотала Джемма низким грудным голосом. — Проходи, я тебя ждала, — и буквально за шкирдок втянула меня в свои апартаменты.

Назвать ее обиталище странным — ничего не сказать. Не-е-е. В нем не было черных портьер, не дающих проникнуть в помещение лучам света. Не увидел я и зловещих хрустальных шаров и миллиона защитных амулетов от сглаза, кучи пыльных образов и веников из дульче воночих трав.

В квартире Джеммы аппетитно пахло жареным мясом, было светло, уютно и не без претензии на роскошь, если претензией можно назвать мебель, оклеенную обоями под шелкографию цвета стальной изморози. И безразмерную кровать в завитушках, сделанную, видимо, под необъятные размеры самой властелины королевского ложа.

Странной оставалась сама атмосфера этого места, где было как-то подозрительно тихо для первого этажа, но при этом непрерывно щебетали птички, хотя ни клеток, ни голосистых пичуг я так и не углядел. Зато сразу же увидел здоровенный, литров на двести, аквариум в том месте, где во всех нормальных домах стоит телевизор.

Рыбок в аквариуме не наблюдалось. Только здоровенная коряга темной тенью просматривалась в мутной, как мыльный раствор, воде. Каково же было мое изумление, когда в ответ на мой стук ногтем по стеклу из-под утопленной дровины, извиваясь и разевая огромные пасти, выплыли две здоровенные не то рыбы, не то змеюки, точь-в-точь похожие на тех мурен, что прислуживали Урсуле в диснеевской «Русалочке».

Не-е-е. Я не испугался и не заорал. Я просто тихо АХРЕНЕЛ...

Вот так я и познакомился с Джеммой. Иногда таскал ей всякую хрень, что бабуля собирала по лесам. Иногда, молча и тушуясь, пил с женщиной чай, потому что понятия не имел, о чем с ней можно поговорить. А она, кажется, и не искала тем для болтовни, но тем не менее говорила много. Но вот о чем — не спрашивай. Я в упор не помню. Ты же знаешь, память у меня избирательная.

Я знал, чем Джемма живет и чем занимается. Слышал, что про нее судачили моя бабка с маман, но как-то не верил во всю эту псевдонаучную херню. И все же однажды попросил женщину навести порчу на одного человека, которого когда-то ненавидел. Но она мне отказала, сказав, чтобы я даже мыслей таких в голове не держал.

Я и не держал. Спросил и забыл, но спустя несколько месяцев странная дама вдруг ни с того ни с сего заявила, что я и сам многое смогу, если меня научить. Вот тогда я и поржал над ее словами и... отказался, сказав, что меня никакое мракобесие не интересует.

Больше Джемма об этом не заговаривала, а я уехал учиться в другой город. Через несколько лет на зимних каникулах случайно увидел ее на улице в валенках, теплой шубе и в пуховом старушечьем платке на голове. Той же зимой ее не стало...

— Вот и вся история, — сворачиваю балаган, удивляясь ощущению, будто все это произошло в какой-то совершенно иной моей жизни.

— Денис, я сейчас получил еще одно подтверждение правоты моих догадок, — отзывается притихший было Лис. — Просто я принял свой Дар, а

ты его отрицаешь, но все равно пользуешься им. Только неосознанно.

— Не начинай, — отмахиваясь от бредового с моей точки зрения утверждения, и то ли Маркизке, то ли Елисею в который раз пытаюсь внушить: — Нет у меня ТАКИХ способностей. Я тебе сто раз говорил.

— Малыш, пусть ты той старой ведьме не поверил, но мне-то ты можешь доверять, — словно бычара, упирается рогами Лис и припирает меня к стенке железобетонным аргументом: — Ну ты же не станешь утверждать, что сегодня утром я почувствовал не тебя?

— Еще чего?! — одна мысль об даже ментальном контакте МОЕГО Елисея с кем бы то ни было порождает в душе такую дикую Ревность, что, кажется, я и спрашивать не стану, молился ли на ночь МОЙ «Дездемон». Однако рациональный мозг упорно не желает принимать все на Веру: — Знаешь, Лис, я и в детстве дурачком не был, а сейчас и вовсе, хоть и несостоявшийся, но все-таки почти ученый муж. А всякому образованному человеку ведомо, что любое утверждение требует конкретного подтверждения, — пытаюсь грамотно изложить мысль, при этом не вывихнув извилины.

— Совершенно с вами согласен, любимый профЭссор, — в очередной раз включает стебатора любимый собеседник и самым наглым образом считывает мои мысли: — Желаете проверить свои способности?

— Совершенно верно, обожаемый коллега, — не остаюсь в долгу, со знанием дела подхожу к выбору эпитетов. — Мне до опизденения охота получить неопровержимые доказательства вашего спорного предположения.

Меня, и правда, чуть ли не с первых дней знакомства с Лисом озадачивают необъяснимые явления, происходящие между нами. Мы то говорим в унисон, то думаем. Ведь сколько раз замечал, как Лис слово в слово озвучивает мои мысли, или наоборот: я строчу внезапно возникшие думки, а Елисей удивленно признает, что именно это и хотел написать. Да и «строчу»... Язык не повернется назвать это сообщениями. Мы слышим друг друга, словно общаемся напрямую и ведем диалог.

А разговаривать с ним я могу, кажется, до бесконечности. Но что самое странное, я впервые столкнулся с человеком, с которым могу не только поговорить обо всем и ни о чем, но и просто помолчать. И мне будет совершенно комфортно в этой красноречивой тишине. Но сейчас не тот случай.

— И каким образом изволите удостовериться? — старший научный сотрудник Елисей подозрительно щурит на меня глаза-щелочки.

— Самым что ни на есть научным! — шутя намекаю на то, что все будет серьезно. — Проведем эксперимент! Если, конечно, у тебя нет на сегодня других планов.

— Дениска, сегодня я весь твой! — прилетает ко мне благая весть. А у меня от этого «ТВОЙ» все внутри сладостно сжимается. С каким удовольствием я бы показал и доказал что ты мой, да так, чтобы на задницу ровно сесть не смог.

— Рад! — большим пальцем вверх искренне одобряю нечастое явление в нашей с Лисом жизни. — Итак, в том что ты чувствуешь мои ментальные прикосновения, я уже убедился, — поправляю на носу несуществующие очки. — Но если у меня, как ты утверждаешь, есть третий глаз, следовательно, я должен ощущать твои.

— Хм-м-м... Мне бы очень этого хотелось, — тактично юлит хитрый Лис, решительно настроенный довести задуманный мной эксперимент до конца.

— Вот сейчас и проверим, насколько невъебенно сильна наша мистическая связь, — волнуясь, ведь я никогда не пытался использовать некое неведомое шестое чувство, а включал исключительно пять очевидных, ну или собственное воображение. — Поступим так... — излагаю план операции «Ђ». — Ты мысленно касаешься меня, а я попробую понять, какую именно часть тела ты нагло полапал.

— Лады, — тут же отзывается тот, кто всегда готов протянуть ко мне загребушие ручонки. — Единственное, не уверен, что у тебя с ходу получится.

— Не получится — скажем как все экспериментаторы-неудачники «упс» и рванем в бомбоубежище, — озвучиваю план «В», но очень надеюсь, что сработает схема «Ђ».

— Ну что ж... Приступим, — предвкушающе растирает ладони Лис, видимо, уже готовый затискать меня до умопомрачения.

— Yes, sir, — подтверждаю готовность и подогреваемый Азартом нервно ерзаю в кресле, одновременно пытаюсь открыть чакры, которые в душе не ебу, где находятся. Расширить сознание, не перегрев при этом мозг. И само собой, заглянуть за горизонт, протянув свои энергетические щупальца-нити к Елисею.

— Настройся... — командует парадом Лис. — Слушай себя.

Легко сказать «слушай». Но как это сделать? Так странно — сидеть и сканировать свои собственные ощущения и пространство вокруг. Ждать чего-то магического, сверхъестественного. Может быть, искрящихся в воздухе энергетических шаров. Может, четкого ощущения прикосновения или мимолетного дыхания в ухо. Но... ничего не происходит. Совсем ничего.

— Губы? — наугад выдаю ответ, требуя соблюдать чистоту эксперимента: — Только честно.

— Нет, — безо всяких обиняков огорчает меня Елисей.

— Давай попробуем еще раз, — не сдаюсь, хотя сразу чувствую, как внутри всколыхнулась Досада и разбредила Нервозность.

— Конечно, — соглашается Лис, терпеливо мотивируя меня на псевдонаучную бесовщину: — Расслабься. У тебя получится. Чувствуешь?

Чувствую? Да ничего я не чувствую! Я так напряжен, что не понимаю, где кончается реальность и начинаются мои фантазии. По какой причине возникает это хорошо ощутимое тепло в руках? Если не брать в расчет непрерывно сжимающиеся кулаки и растущее Раздражение, которое подобно ураганному ветру набирает силу в моей душе, то это несомненно магия.

— Вроде ладони стали теплыми, — отвечаю только чтобы хоть что-то сказать Лису.

— Ладони — передатчики силы и энергии. Ты напряжен, сосредоточен, вот она и начала концентрироваться.

— Хорошо, — буквально сквозь зубы выдавливаю слова, внося существенную поправку в нашу игру: — Давай сузим область до этой самой области. Кладу на стол левую руку. Касайся любого пальца и сожми посильней. Я попробую почувствовать, — но понимаю, что и сейчас для меня это нереально сложно. Я не знаю, что нужно делать.

— Сжимаю палец, покусываю. КАКОЙ? — мой личный медиум дает мне время подумать, а я тяну время, жутко страшась дать неверный ответ. И не знаю чего больше боюсь: самому разочароваться или его разочаровать. — Ну и? Ощути, где горит?!

Горит? Да нигде у меня не горит. Полыхает! Пламя в груди от Злости, от Обиды. От осознания, что Лис меня идеализирует. Видит во мне то, чего нет. Я искренне пытаюсь отключить в себе циничного прагматика и стать, хоть на миг, как Лис, потому что больше всего на свете хочу этого — ощутить прикосновение хотя бы его души. Но я не могу этого сделать.

Чертова фрустрация! Так сложно сосредоточиться, когда внутри иронично ухмыляется Разум и, отрицательно мотая головой, бормочет: «Да-да, выдавай желаемое за действительное». А та неугомонная сущность, что есть Душа, мечется по телу и, тыча носом то в один палец, то в другой, с Надеждой глядит в глаза и не столько спрашивает, сколько утверждает: «Вот! Только что... Ты же почувствовал?!» И я чувствую то, что хочу чувствовать, даже если это неправда. Остается только проверить правильность моих ощущений.

— Мизинец! — выдаю ответ, ни хрена не уверенный в его правильности.

— Безымянный...

Буквально физически ощущаю боль разбившейся на сотни осколков Надежды, что теплилась мечтой быть для него иным, избранным, таким как он, а значит, быть с ним единым.

— Блять! — уже не давлю в себе психа. — Все-е-е. Бесполезно! Сразу сказал — нет во мне ничего!

— Не расстраивайся, — подбадривает и успокаивает меня дипмиссия в лице Лиса. — Я не был достаточно сосредоточен. Нужно начать с малого, и мы разовьем в тебе ментальные способности. Ты, главное, не бойся.

— Да не боюсь я! Просто со мной вся эта хрень не работает! — складываю руки на груди в замок, пытаюсь утихомирить зверя по имени Ярость, готового рвать и метать.

— Эта хрень работает! Просто на тебя какие-то печати наложены. И сделал это скорей всего ты сам. У тебя же разум, зашлакованный понятиями «нет, этого не может быть!», а в итоге получаешь бремя под названием «у меня не получается». Верь в себя, и все получится.

— Я верю в то, что вижу, слышу, чувствую, знаю, — привожу свои доводы, не желая принимать другую точку зрения. — И все эти составляющие говорят мне, что нет во мне никакого Дара!

— Не психуй! — так явственно слышу грозный рык.

— Я спокоен, как в танке, — нервно барабаню по клавиатуре пальцами, лицо горит, но отнюдь не от смущения или стыда. Злодейка Злость в компании с обиженной Обидой и разочарованным Разочарованием уже устроили дикие пляски вокруг разожженного костра.

— Кому ты это говоришь, танкист хренов? — на меня смотрит недовольный стикер. — Только посмей сейчас сбежать или спрятаться.

— От тебя спрячешься! — огрызаюсь, не желая, чтобы Лис почувствовал, что творится у меня на душе. Там мрак, словно кто взял и выключил свет в целом мире. — Лис, дай мне десять минут. Мне нужно успокоиться.

— Пять минут, и чтобы был снова со мной...

С тобой... Знаешь ли, что ты всегда со мной? Прусь в ванную сполоснуть перегретую физиономию. Кошка трется у ног, видимо, не меньше тебя обеспокоенная моим нестабильным состоянием. А ты...

Ты же стоишь за моей спиной. Подпираешь косяк проема двери и по-доброму улыбаешься, встречаясь со мной взглядом в этом чертовом зеркале, в которое я пытаюсь не смотреть, чтобы не видеть уродливые шрамы. Секунда, и прячу лицо в ладонях. Холодная вода обжигает, а я снова и снова набираю ее в пригоршни, пытаюсь привести себя в чувства.

Тесный закуток кухни. Садись за стол, и наша кошка запрыгивает к тебе на колени. Ластится, подставляя ушастую голову под твои сильные руки. Гладишь ее, но прожигаясь взглядом мой затылок, спину, задницу. Насыпаю несколько ложек кофе в турку. Так волнительно ощущать на себе твой взор, который будоражит посильнее любого крепкого напитка. А я все стою и стою к тебе спиной, но...

Знаешь ли, как хочу обернуться? Как хочу смело взглянуть тебе в глаза и бесконечно долго разглядывать этот необычный цвет радужки. У кого можно было выторговать такие глаза? У Бога или Дьявола? Теплые, чайные с зеленым ободком по краю. Они же совершенно несовместимы с твоим светло-русый оттенком волос?! Но мне нравится... Безумно. Мне бы так хотелось читать в них все оттенки твоих чувств, но я все стою и стою спиной...

— Кофе? — быстрый взгляд через плечо, чтобы ты не видел страшную половину меня, которую не прикрыть, не скрыть от тебя даже маской.

Наливаю кружку себе и еще одну... для ТЕБЯ! От горячего напитка по квартире разливается уютный запах домашнего очага. От жаркого тебя накатывают штормовые волны Возбуждения.

— Я бы начал с десерта, — сдерживаю улыбку, с полуслова понимая смутные намеки.

— Боюсь, что десерт может оказаться горьковатым, — мягкая поступь. Я ощущаю кожей твоё приближение. Инстинкты кричат — опасность, но как же будоражит и пьянит это волнительное чувство.

— Отлично! Не люблю сладкого, — бесцеремонно врывается в моё личное пространство, по-собственнически вжимает меня своим телом в столешницу, мурлычет на ухо: — Хочу... — и все внутри вибрирует от твоего многозначного «хочу», разбегаясь по коже табунами мурашек.

— Съешь меня, — разворачиваюсь в кольце твоих объятий и тону в омуте любимых глаз.

— Мой... — шепчешь одними губами, и я готов пить, целовать, трахать этот красивый рот со вздернутым уголком губ в извечной ухмылке.

Я готов дрожать в твоих руках. Готов доводить до безумия нежными ласками или звериным напором. Готов быть для тебя послушным и строптивым, стеснительным и дерзким, Топом и Сабом. Лишь для тебя. Лишь с тобой. Отдаваясь — брать и любить... Любить... Любить всей душой и телом.

Мой морок, моя мечта, мое наваждение...

Тишина... Только шелест начавшегося дождя заполняет пространство. Кружка кофе для меня согревает ладони. Кружка кофе для тебя остывает на столе. Тебя со мной нет, и снова убийственные мысли лезут в голову.

Позволю ли я себе когда-нибудь эгоизм пожелать тебя всецело? Или так и буду жить в мечтах, пока не сойду с ума? А если решусь? Какие последствия будут у этого шага? Миг счастья? А что потом? Видеть, как твои глаза тускнеют от осознания моей боли. Заставить тебя так же страдать. И ты же не бросишь, будешь рядом. Только что останется от Любви после Жалости?

Нет, я такого врагу не пожелаю. Уж лучше пусть все остается, как есть. Наверное, Судьба у меня такая: попасться в собственные Сети, спутавшие наши сущности в замысловатый узел, который невозможно развязать, а только лишь разрубить. Но и рубить никак. Только тронь этот животрепещущий клубок чем-то острым — и не только моя, но и твоя душа истечет кровью.

Я не могу, не хочу причинять боль тебе, человеку, которого фактически боготворю. Ты мой и только мой. И я тебя никому и никогда не отдам. А в том, что у нас все вот так... В этом никто не виноват... Или виноват? Я не знаю. Я уже ничего не знаю.

Отхлебываю горячий напиток и вымерзаю изнутри. На негнущихся ногах возвращаюсь в паутинный угол. Знаю, ждешь, всегда готовый обнять, утешить, согреть своим теплом. И я снова обманываю себя иллюзией, что ты рядом со мной не только в жизни, судьбе, сердце, мыслях, но и прямо здесь: стоишь, касаясь моего плеча своим.

— Лис, знаешь, как я тебя люблю? — грустно улыбаюсь.

— Знаю, чувствую! — отзывается мой такой далекий и такой близкий человек. — А ты знаешь, что твоя любовь взаимна?

— Знаю! Чувствую! — и в этом утверждении не обманываю ни тебя, ни себя.

Я действительно не просто знаю, а именно чувствую твою Любовь. Чувствую настолько остро, что сердце сжимается в тугую ком, и мне в который раз за долгие годы затворничества хочется позволить себе слёзы. То ли от счастья быть любимым, то ли от боли, что разрывает душу нереализованностью простого человеческого желания:

«Любимый, как же мне безумно хочется быть с тобой»...

Часть третья. Любовь. Песнь третья. Евангелие от Елисея

— Елисей, Богом молю, пощади! — худенькая, чернявая женщина в траурных одеждах виснет на моей руке.

Люба... Любава... Любовь... Цыганка, с которой общаюсь не первый месяц. И не только неимоверное количество безвкусного рыжья* в ушах, на шее, пальцах в сочетании с цветастым платком на голове выдает в ней принадлежность к кочевой нации. Это в темных глазах, в золотозубой улыбке, в самой ауре, что обтекает женщину бурой, испещренной рваными дырами кляксой.

С ней пришлось раскрыть карты почти сразу. Сложно обвести вокруг пальца уроженку касты, в которой природой заложено видеть чуть больше, чем обычным людям. Да я особо и не конспирировался, понимая, что бояться мне нечего, пока у нас с Любаней взаимовыгодное сотрудничество. Чего душой кривить? Знаю, насколько необходим матери двух сыновей-дегенератов, которые только и делают, что попадают в ментовку с частотой вылетов чартерных рейсов.

Так что деваться ей некуда, кроме как идти ко мне на поклон, чтобы в очередной раз вытащить своих «малых деток» из кутузки. Для меня это не сложно: пару звонков, и вольнолюбивые ромалы снова на свободе. Трясут бубенцами до очередного залета.

Как ни прискорбно, мне это только на руку, ибо у меня имеется свой интерес — элементарная финансовая выгода. За мое покровительство Люба уже не одного барыгу сдала, но все мелочь, а мне-то необходима добыча покрупнее. И, честно, мне порядком надоело играть с ней в добренького дяденьку-мента.

— Люба, сколько можно? Заебал! — я готов, как волк в знаменитом мультике, с возмущением спросить: «Шо? Опять?», но только стискиваю челюсти так, что желваки ходят. — Если они у тебя дебилы, держи их дома на цепи!

— Драго, это дети. Болезнь совсем их поразила. Не знают, что творят, — причитает цыганка, пуская слезу. — Елисей, скажи сколько надо денег. Любую сумму дам.

— Сотка за год. А твоим сыночкам грозит около десяти. Потянешь? — сгущаю краски, прекрасно зная, что таких денег у Любани нет, ведь основной ее доход уходит в вину этих самых «деток».

Вижу перекошенное испугом лицо цыганки и уже морально готовлюсь к ее завыванию. Что и случается. Люба хватается за голову и на одной ноте начинает скулить, мешая русские слова с цыганскими. Ну, блять, началось! Но в этой игре главное не уступить, не спеша проводя «жертву» по всем ступенькам ада: запугать человека, показать ему безвыходное положение, подчинить себе, а потом дать Надежду. Я усвоил этот психологический ход четко. Ведь у меня хороший учитель — Митлан, который всегда говорит: «Нет жалости! Дожимай до конца!», — что и делаю:

— Да и не каждый шальные деньги возьмет, когда тут светит звезда и постоянная прибавка к жалованию, — зажимаю Любаню тисками безвыходности. Жертва еще трепыхается, но и деться никуда не может, ощущая давление правды жизни.

— Помоги, Елисей. Ты же знаешь, я отблагодарю, — молит золотая рыбка, что попалась в мой невод.

— Еще одного наркошу подкинешь с дозой на поправиться? — отмахиваюсь, изображая полное безразличие. Охотник внутри радостно скалит зубы, сам же держу покерфейс — надо красиво играть. — Не интересно!

— Все что угодно сделаю, только помоги!

«Все сделаю...» Да мне не надо все! Мне нужен один конкретный человек — Аладдин.

Который месяц охочусь за неуловимым наркобароном. Сколько троп исхожено, на которых этот крупный зверь оставил свой смертоносный след: Миха, недавно решивший сменить свой реальный земной ад на гипотетический подземный; Влад, который изрядно помурывив мне нервы все-таки вывел на двух братьев-цыган, что вроде бы закупались у Аладдина, но как выяснилось больше сидели на игле, чем банчили купленным товаром. Уж молчу про целую кучу шушеры-информаторов, что так и не смогли подвести меня к заветной цели достаточно близко.

Сколько приманок подброшено, на которые любой другой хищник уже давно бы позарился, но только не Аладдин. Видимо, чуйка у него звериная. Осторожный, скользкий, точно червь, но опасный, как ядовитая змея. Выползает то тут, то там, но стоит нащупать его гнездо, снова скрывается из вида.

Я вымотан этой гонкой и спинным мозгом чувствую — Аладдин за мной наблюдает, присматривается. Поэтому время не на моей стороне. Если вдруг выплывет, что я сексот, он меня просто завалит, уж средств и власти наркобарону хватит. А значит, надо спешить, сделать очередной шаг и, втеревшись в его кодлу, уничтожить гадину.

Если, конечно, найду способ войти в этот круг. Если у меня достанет сил. Если хватит изворотливости справиться с опытным хищником. Столько всяких «если», и только одна безусловная составляющая — мое природное упрямство.

Вот оно-то и заставляет упорно идти по следу Аладдина. Не полагаться на волю провидения, а шаг за шагом выслеживать добычу, доверяя лишь своей интуиции охотника, которая настойчиво подсказывает, что Люба — тот самый ключик, что откроет мне врата в его царство. Все же больше полугода закупает «три девятки» у этого драгдилера. Остается только самая малость — «ключик» под себя заточить, а для этого уже заготовлен шаблон:

— Люба, успокойся, — останавливаю причитания цыганки. — Ты же знаешь, я бессилен перед женскими слезами, — нагло вру. Я закрыт, и ее слезы меня нисколько не трогают. — Я ж не зверь какой. Помогу. Договорюсь с ментами и даже цену собью до минимума. Но ты же понимаешь, долг платежом красен, и я сейчас не о деньгах...

— Со ту камэс, драго? * — спрашивает на цыганском, видимо от волнения путая язык, и тут же повторяет по-русски: — Что ты хочешь? — в черных глазах Любы Вера и Надежда.

— Мне нужен Аладдин, — без обиняков подхожу к главному и преподношу женщине то, чего она так жаждет — кроху Надежды. — Поможешь мне, я помогу тебе. Ты же хочешь, чтобы твои сыновья были дома. Пока еще я могу замаять дело, но очень скоро будет поздняя метаться.

— Мирó дэвэл! * Драго, ты чего? — кровь сходит с лица женщины, в глазах отражается Страх. — Не связывайся с ним. Он страшный человек! Бэнга! *

— Не пугай Беса чертом. И пострашнее видали!

— Ты хочешь его посадить? — неверяще шепчет наркоторговка, видимо рассчитывая, что я сейчас скажу «шутка», и все замнется.

— Зачем же сразу посадить? Я всего лишь хочу сотрудничать, — профессионально вешаю на уши супердлинную лапшу, не особо рассчитывая, что Люба мне поверит. Но мне откровенно похрен! Мне важен результат, поэтому продолжаю излагать легенду: — У меня есть партия конфиската. Очень большая. И если бы это было только мое, я, конечно бы, дал на реализацию тебе и даже подождал с деньгами. Но есть те, кто выше меня, — поднимая процесс убеждения на новый уровень, похлопываю двумя пальцами по плечу, жестом намекая на начальство с большими звездами на погонах. — И они ждать не хотят. Аладдин же может купить все разом! Вот поэтому он мне и нужен.

Не отводя взгляда, предельно серьезно смотрю в черные глаза. Словно гипнотизируя, подключаю Дар. Мне необходим только положительный ответ, и я его добьюсь. Подавляя женщину своей энергией, прогибаю. Могу включить и Обаяние, но с такими людьми можно только на стороне Силы разговаривать, чтобы чувствовали, кто тут правит балом. И она сдается:

— Хорошо, я помогу. Но сначала вызволи моих мальчиков, — наверное, даже апокалипсис не искоренит в цыганке торгашку, но мне важно ее первое слово — согласие!

— Люба, если ты меня обманешь, я сделаю так, что твои сыновья отправятся на «курорт» в мордовские зоны. Одна малява важным людям и ты пацанов не дождешься, — ставлю точку в нашей сделке, собираясь покинуть маленькое кафе, где решил пересечься с несчастной мамашей, не избежавшей судьбы тех, кого злодей рок вот так же обрек на вечную борьбу с иглой. — Через три часа можешь подъезжать к отделению. Деньги не забудь. Из своего кармана не собираюсь отстегивать.

Уже в машине договариваюсь насчет Любиных отпрысков. Моего звонка ждут, предвкушая солидную прибавку к зарплате размером в годовой оклад за сущий пустяк — выпустить на волю двух мелких барыг-наркоманов и уничтожить подготавливаемый на них материал. Вот такая она — борьба с наркотической гидрой без прикрас. Это на словах все благородные олени, а на деле обыкновенные шакалы. Хотя что говорить, я от них недалеко ушел.

Через несколько часов мотаний в столичных пробках, как в дешевом блокбастере, выступаю гарантом сделки, пряча за пазуху приличную пачку купюр для оперов и скромную для себя. Любой труд должен быть оплачен, а свое личное время после встречи с Денисом я стал ценить на вес золота, ведь каждый час на «работе» — это минус шестьдесят минут с ним.

Провожая взглядом удаляющийся фольксваген, в котором Люба, как курица-наседка, сжимает в объятиях своих непутевых сыновей. С каким-то злорадством думаю, что когда я завершу это дело, больше некому будет ее гавнюков вытаскивать, и они отправятся туда, где им и место. Хотя, Люба и там купит им максимально комфортное существование. Дачки-передачи сделают свое дело, но прошлой лафы уже точно не будет.

Передаю бабки ментам и, традиционно отказываясь отметить сделку в кабаке, направляю тачку домой. Меня гложет странное предчувствие, которое не могу идентифицировать, но оно кислотой прожигает дыры в моем душевном состоянии, и мне это решительно не нравится. Я заигрался, но когда бежишь по финишной прямой, отступать поздно.

Поэтому просто даю себе слово, что последний рывок, и уйду, брошу несомненно драйвовое, но в то же время смертельно опасное занятие. Не хочу вконец спаскудиться, общаясь с отребьем, когда у меня есть тот, с которым могу быть выше всей этой грязи.

— Лечу к тебе, радость моя! — отсылаю эсэмэску Денису, гоня тачку домой. Знаю, ждет меня мое такое непростое счастье.

С порога «открываю двери» в нашу вселенную, и все прочее отходит на второй план. Работа, люди, мои переживания и дурное состояние — за горизонтом событий. Есть ОН и Я. И пусть весь мир подождет.

— Любимый, я дома, — расплываюсь в улыбке и обнимаю душой моего мальчика. Так соскучился, что хочется подвинуть Маркизку, лечь головой к нему на колени и раствориться в его Любви.

— Привет, Любимый, — чувствую, как тянется ко мне Денис, наплывая волнами Радости. — Рассказывай, где моего Ведьмака носило? Небось на Лысую гору летал?

— Если бы мне предстоял такой захватывающий вояж, я бы непременно тебя с собой взял, — смеюсь, представляя, какой устроил бы шабаш моему возлюбленному. — А от тех злчных мест, в которые твоего странника нелегкая занесла хочется отмыться. Так что мне срочно необходима горячая ванна. И ты, Любовь моя, идешь со мной!

— О-о-о. Я об этом целый день мечтал, — безоговорочно верю словам Дэна, ведь несмотря на занятость, каждый миг душой и сердцем стремлюсь к моему парню, а мои мысли он прямо сейчас считывает: — Чтоб усесться меж твоих ног, привалиться спиной тебе на грудь и, согревая кости в теплой воде, слушать захватывающие рассказы из жизни обыкновенного Ведьмака.

— Все так и будет, малыш, — тащусь в ванну, увлекая Дениса за собой.

Все так и будет... Не просто надеюсь, верю, что когда-нибудь все так и будет. Да и сейчас ты не где-то там, далеко на востоке, а со мной рядом. Раздеваясь, раздеваю тебя. Касаясь, ощущаю твои прикосновения. Погружаясь в горячие объятия воды, смыкая кольцо рук на твоем животе, чувствуя, как забавно пытается всплыть твой «поплавок». Мое наваждение. Так хочется расслабиться, но твоя близость будоражит, возбуждает.

— Так чем таким «грязным» ты занимался? — любопытствует Денис, откидывая голову мне на плечо.

— Охотился! Бешеных псов отлавливал. Хотя честно, я бы предпочел отстрел! — аллегориями рассказываю Любимому о своих героических попытках сделать мир чище, с опаской ожидая новых вопросов. Но Денис, как обычно, тактично уходит от сложных для меня тем, видимо

чувствуя, что я чего-то не договариваю.

— Да ладно, ты же не такой! — лишь шутливо возмущается, и все же, выдавая себя, вспыхивает искрами жгучего Любопытства.

— Какой не такой?! — кажется, начинаю злиться, причем на себя, осознавая, что действительно никогда не показывал своих темных сторон Дэну, а ведь давно должен был. — Любимый, я далеко не добренький, как ты ошибочно полагаешь, — старательно подбираю слова, пытаюсь исправить ситуацию, не наломав при этом дров. — Понимаешь, этот мир делится на охотников и добычу, подчиняясь одному непреложному закону: если не ты, то тебя, — озвучиваю свое четкое мировоззрение. — И как ты уже догадался, себя я позиционирую отнюдь не с жертвой.

— Да-да-да... Я так и понял, когда стал непосредственным участником экшена, в котором некий хитрый охотник за привидениями расставил в Сети силки на безликого охотника за мотыльками, — подкалывает Дэн, брызгая в лицо холодной водичкой неопровержимых фактов. — Но знаешь что странно? Хотя я и попался в твою ловушку, трофеем себя ни разу не чувствую.

— И правильно! Ты же сам о себе сказал: «Охотник»!

— Не-е-е, Лис. Это я так, образно выразился. На самом деле ни на кого я капканы не расставлял, так... развлекался от делать нехуй. Не вижу я себя в этой роли ни в переносном, ни в прямом смысле этого слова. Тем более, что всегда считал охоту бессмысленным убийством, которое давно перешло в ранг недешевых развлечений.

— Насчет «недешевых» — это ты прав. А развлечение... Проблема в том, что в современном обществе мужчины перестали быть кормильцами, опорой семьи. Перестали чувствовать себя защитниками. Потеряли связь с мужским началом, превращаясь в инфантильных диванных собачек. Так что охота — это скорее тренинг. Отличный способ не дать ослабнуть среди стекла и бетона инстинкту мужика-добытчика, которого общепринятые нормы загоняют в рамки метросексуального стиля.

— Ну да... А зверье, которое заведомо находится в проигрышном положении, расплачивается жизнью в жестоких играх взрослых самцов. Устраивали бы тогда сафари на равных себе. Мало ли человеческих отбросов топчет землю.

— Дени-и-ис... — от души хохочу, в который раз удивляясь схожести наших мыслей. — Значит по твоим понятиям животных убивать нельзя, а людей можно?

— Нужно! — горячится Дэн. — Я много раз думал об убийстве, но в своих мыслях всегда представлял именно людей, а вот животные... Не уверен, что смог бы нажать на спусковой крючок.

— Уверен, что смог бы. Ты, милый мой, далеко не пацифист и способен на убийство. Я чувствую в тебе хищника. Просто ты свои инстинкты посадил на цепь. Не почувствовал азарт схватки с диким зверем, когда и сам становишься ему подобным. А дай тебе нож или ствол в руки и поставь один на один с тварью, которая сама в тебе жертву видит, ты бы заговорил иначе, — запальчиво излагаю свои мысли. Во мне волнуются, смешиваются эмоции. Боюсь быть непонятым Дэном, но азарт растолкать впавшего в спячку Денискиного зверька толкает продолжать разговор.

— Ты говоришь как охотник! И не абстрактный, а самый что ни на есть настоящий.

— А если скажу, что так и есть? Я охотник, и заядлый. Раньше каждый год выбирался в леса. Так сказать, отпускал внутреннего хищника, — признаюсь и прислушиваюсь к эмоциям Дэна. Все же не хочу фальши между нами, как и не хочу, чтобы мой парень не понимал, кого подпускает к себе. — Разочаровал?

Тишина... После нашего эмоционального спора повисает еще более напряженная тишина. Такая, что не нарушается даже плеском воды в ванной. Я и сам готов расплескаться бушующим штормовым океаном. Никогда не предполагал, что могу так нервничать, но сейчас меня накрывает именно он — МАНДРАЖ!

Я же чувствую, как метает Дениса. О чем он сейчас думает? Что решает? Примет? Да? Нет? Вопросы повисают над головой дамокловым мечом. Но даже от «убивающего» меня ответа не стану любить парня меньше. Ради него я готов отказаться от этой части себя и уже открываю рот...

— Не-е-е, точно нет, — опережает мои намерения Денис. — Скорее удивил, — и его мягкая улыбка мановением волшебной палочки снимает все тревоги. — Просто для меня твое откровение оказалось несколько... неожиданным.

— Мне нравится открываться тебе, — протяжно выдыхаю, даже не заметив, что в ожидании «приговора» уже давно задержал дыхание. — Это всегда так волнительно, — это всегда на грани.

— Знаешь, Лис, я сейчас понял, что мы столько с тобой общались, но почти ничего не говорили о своих увлечениях, интересах. Так что нужно это недоразумение срочно исправить.

Да я так рад, что готов хоть роман в трех томах написать о невероятных приключениях моей жизни, лишь бы не осталось никаких тайн между нами.

— Начнем исправлять прямо сейчас? — все больше сплетаю вокруг нас кокон единения, вдохновленный тем, что мое жестокое, с точки зрения обывателя, пристрастие не оттолкнуло Дениса.

— Расскажешь про охоту? — в свою очередь ошарашивает меня Дэн. — Мне интересно!

— Конечно! — приглашаю парня в дремучие, русские леса, где пробуждаются все первобытные инстинкты, превращая избалованного полуфабрикатами городского жителя в отважного добытчика-зверобоя. — Вылезай из ванны, одевайся теплее и... поехали...

*** Эдуард Артемьев «Охота на лис» ***

Когда я со своей двустовкой собрался в Смоленскую губернию, сезон охоты был открыт уже как три месяца. И хоть я не очень люблю осень с переменчивой погодой, непросыхающей слякотью и холодными ночами, которые опускались на землю слишком рано, но все же в ту пору

существовал один непреодолимый соблазн: нагулявшийся, отъевшийся за лето на щедрых дарах природы кабан.

Шесть часов пути, половина из которых по колдобистому бездорожью российских дорог, и я на месте. Глухая, наполовину вымершая деревня, где доживали свой век старики. Зато лесные уголья всем на зависть. Лось, заяц, птица и, конечно, кабан. Как-то видел отметины когтей медведя. Сосна была словно вспорота глубокими бороздами, но вот самого «Потапыча» так и не встретил.

Устроился на постой у бабули-божьего одуванчика, а к вечеру подтянулись и другие охотники. Егерь Серега под всеобщее взбалмошно-взволнованное настроение известил нас, что выдвигаемся с самого утречка, а так как я птица ночная, мне легче и не ложиться. Вот и пробухали мы с мужиками до самого выезда.

Японский джип хорош по российскому асфальту. УАЗ — единственный беспроемный вариант по отечественным грунтовкам. Посему и оставляем все свои шоссейные вездеходы в деревне, а загружаемся кто в козла, кто в буханку и трогаемся встряхивать желудки, а заодно и хмельные головы. Бодун страшный, но чистый, морозный воздух быстро приводит в чувства, будто и не было всех этих литров русско-народной огненной воды.

Всю дорогу пытаюсь удержать свою задницу в продавленном сиденье шедевра отечественного автопрома и налаживаю контакт с местной красавицей из потомственных дворян. Да и сама бывалая ногастая* охотница, почуяв мужскую силу, не отказывается от моего внимания: то ненароком прижимается к бедру, то лукаво заглядывает в глаза.

— Ну кто бы сомневался, что ты своего нигде не упустишь! — клацает зубами Дениска, вызывая у меня приступ хохота. — Помнишь хоть, как зазнобу звали?

— Шельма! — решаю не терзать боле Ревность Дениса, хотя так и подмывает подергать струнки еще чуток: — Хороша сучка! Резвая, поджарая, настолько азартная, что предчувствуя предстоящее развлечение, аж повизгивает от нетерпения. Я и сам переполнен предвкушением скорого слияния с природой и некой первобытной свободой.

Охотничий кордон. Запах прелой листвы. Засыпающая природа. Краткий инструктаж, и мы разбредаемся по двое. Мне нравится мужик, с которым встаю в пару. Хмурый молчун не мешает болтовней, видимо, сам наслаждается бессловесным общением с лесом.

Крадемся по возможности тихо, пытаюсь не нарушить эту осеннюю тишину и не спугнуть добычу. Даже Шельма лишний раз не подает голос. Прибежит, глянет, словно проверяя целы ли, и вновь мчит в чащу по своим собачьим делам, следуя только ей слышимым шлейфам запахов. Мы и сами становимся немного зверьми, только более опасными. Переглядываемся, показывая жестами неприметные для простого взгляда признаки присутствия зверя.

Адреналин бьет в голову, подхлестывая оголившиеся инстинкты, когда натыкаемся на лежанку. Кругом взрытая земля с торчащими корнями, помет. Кабан близко. Сердце трепещет, дыхание частит. Где-то впереди яростно заливается собака, выманивая вепря из теплого логова.

«Давай, умница, гони на нас», — мысленно посылаю приказ, переглядываюсь с напарником, и оба вскидываем ружья.

Превращаюсь в слух. Отчетливо слышу каждый мягкий прыжок собаки по устланной прелой листвоной земле, торопливый бег преследующего ее зверя. Явственно вижу метающиеся в чаще тени. Дрожь капелек влаги на растянутых меж ветвей нитях паутины. Даже мельтешение пыли в солнечных лучах, пробивающихся косыми стрелками через кроны деревьев. Я словно в оптический прицел отслеживаю периметр.

Первой выскакивает собака, делает петлю и уходит чуть в сторону, давая нам обзор. Следом за ней кабан ловко перескакивает поваленное деревце, намереваясь поквитаться с потревожившей его покой охотницей. Секунда. Зверь, замечая нас, лишь на миг замирает и с разворота несется прямо на меня.

Я взволнован и спокоен одновременно. Взовожу курок. Выдох. Ловлю промежуток между ударами сердца. Выстрел. Серое облако зависает над звериной мордой, и кабан заваливается на бок. Подскочившая Шельма тут же вгрызается клыками в агонизирующего зверя. Терзает то за дергающееся копыто, то за ухо, то за шею, утоляя свой первобытный голод одомашненного хищника. Нам остается только ждать, когда кабанчик затихнет.

Первый трофей в этом сезоне, но не последний. От ночной охоты все дружно отказываемся. Каждый спешит разделать свою добычу, а потом, расположившись у вечернего костра, насладиться обжигаяще горячим куском самолично пойманной дичи под граненый стаканчик «чая» и заливчатый пиздеж сотрапезников.

— Круть! — вставляет свои пять копеек притихший было Денис.

— И я про то же! — ухмыляюсь, довольный тем, что увлек парня не совсем привычным для него времяпровождением. — Так вот, Любимый... Должен признаться, я не очень уважаю огнестрельное оружие, предпочитая ему более благородное — холодное. Как говорил Суворов: «Пуля — дура, Штык — молодец!» Только с финкой на зверину — это, как минимум, глупо. Поэтому, помимо охоты, чрезвычайно ценю возможность самолично освежать убитого зверя, блеснуть, так сказать, мастерством работы с охотничьим ножом.

А разделка — это целая наука. Своего рода таинство для охотника. И у каждого к этому процессу свой подход, хотя и существует одно общее правило — нужно действовать чрезвычайно осторожно. Все же кабан — это свинья в квадрате, ибо метит территорию не только мочой, но и секретом, которые остаются на шкуре... И это не просто вонь, а самая что ни на есть вонища! Поэтому ни одного лишнего надреза. Все по связкам и суставам. Упаси бог что-то задеть в пищеварительной системе! Кровь и запах секача просочатся в мясо, которое будет тогда только псу под хвост.

Итак... Крепкая распорка меж задних ног, и тушка подвешена вниз головой. Острое лезвие рассекает горло, и кровь уходит из еще не остывшего тела в холодную землю. Дальше шкура. Кожа у кабана толстая, просто так не обдерешь. Только острая финка и крепкие руки делают свое дело, и вскоре на землю падает лохматый «скальп» с живота вместе с яйцами и кабаньим достоинством. А что? Они ему больше не понадобятся! Теперь можно вспороть и брюхо, из которого вываливается столько кишок, что только удивляешься, как все это там поместилось. Запах железа, соли ударяет в нос. Он уже пьянит, а не отталкивает...

— Мля-я-я... ТЫ МАНЬЯК! — тарашится на меня Денис, но я чувствую — шутит, и мои откровения его не пугают. Наоборот, вселяют нешуточный интерес, и я бы сказал — возбуждают!

— И это мне говорит человек, который десять минут назад предложил устроить сафари на хомо сапиенс! — ржу аж щеки болят, но понимаю, что увлекся и слегка переборщил с откровениями, к которым современный человек не всегда готов. Но, как я и думал, ничто кроважидное моему парню не чуждо. — Денис пойми, трудно описать это восторженное чувство добытчика, если никогда не сталкивался с охотой. Эту эйфорию. Самодовольство. Гордость. Ты на раз ощущаешь себя если не Богом, то Супергероем и с членом на пять сантиметров длиннее.

— Верю! — охотно отзывается мой благодарный слушатель. — Так что давай опустим эти мерзопакостные подробности. Сам понимаешь, мясо я только в магазине добывал...

Эх, Дениска, как бы я хотел утянуть тебя в леса. Я бы приволок к тебе живого зверя в силках, чтобы ты взглянул ему в глаза и понял, что ты для него Бог, высшее создание. Я бы вложил в твою ладонь свой нож, хотя никому не даю его даже тронуть. Я бы встал за твоей спиной, вливая свою уверенность, и помог пресечь жизнь, просто оттого, что таков закон жизни — если не ты, то тебя. Эта кровь разбудила бы твои инстинкты хищника. А почуяв запах смерти, ощутив, как уходит жизнь, ты стал бы ко мне еще ближе, обвенчавшись обрядом на крови. Я вижу: когда-нибудь в будущем это обязательно случится, а пока...

— Ок, проехали, — охотно опускаю кровавую сцену и продолжаю путь назад в прошлое: — Знаешь, Дениска, охота охотой, но на третий день полного беспредела начинаешь чувствовать себя неандертальцем. Безумно хочется выйти из пещеры и, затарабанив себя кулаками по груди, проорать что-то по-звериному насчет бани, которую обещали истопить еще вчера, но видимо, дров для пришлых москалей в лесу и сегодня не нашлось.

Может еще и поэтому не сразу заметил, что волочу ногу. Ну побаливала немного... Так какой же настоящий мужик в пылу азарта и алкогольного угара на такую мелочь внимание обратит? А когда обратил, нога опухла и покраснела от колена и по самое немогу. Все говорило о воспалении, а до ближайшего медпункта километры и километры. Да и не по-мужски это — паниковать из-за пустяшной пустяковины. К тому времени на моем счету был уже не один кабан. И если каждый боров плюсовал пять см к моему достоинству, то представляешь, как я был крут?!

Думал недолго. Вернее, совсем не думал. Принял для стерилизации водяры. Все, как положено: внутрь и наружу. Прокалил на костре лезвие любимой финки и... полоснул по фурункулу. Кожа на ране настолько истончилась, что под острым лезвием охотничьего ножа расползалась на раз.

Смотрю, как дурная кровь стекает по ноге, и не понимаю, почему ничего не чувствую. Однако постепенно до пьяного и обдолбанного адреналином организма доходит, что с ним что-то не то. Боль набегает по нарастающей. Пульсирует, током дергая мышцы. Нога горит, будто на нее кто раскаленного масла плеснул.

— Мля-я-я... Хоррор какой-то! То кровяща, то кишки... Теперь еще и членовредительство, — тарашится на меня Денис, и я чувствую — не шутит, а мои откровения его пугают. — ТЫ ТОЧНО МАНЬЯК!

— Разве что сексуальный! — подмигиваю своему слишком впечатлительному парню с шикарным воображением, решая все же закругляться с трешаком: — В общем, мужики еще долго по-доброму подтрунивали надо мной: «Страшный ты человек, Елисей, коль способен не только кабанье мясо разделять.» А на память об охоте у меня осталась награда, — фоткаю рубец, что звездочкой затянулся на левой ноге, и отправляю Дениске. — На правой шрам покажу как-нибудь потом, а то перевозбудишься на мои боевые отметины.

— А у тебя и на правой есть? — удивляется парень, на коже которого этих самых отметин и не счесть.

— Есть, Дениска, — потираю след, который оставил на долгую память его глупый поступок. — Но эту страшную историю я тебе в другой раз расскажу.

— Может и я когда-нибудь расскажу тебе про свои, — глухая боль отражается во мне, как своя собственная. Я чувствую ее настолько остро, что сердце сжимается в тугой ком, и мне в который раз за эти месяцы нестерпимо хочется крепко, по-мужски прижать Дениса к себе и вытянуть из его души эти бессмысленные страдания.

— Любимый, такие отметины нужно нести с достоинством. Ведь это доказательство твоего поединка со смертью, в котором ты не проиграл, — направляю поток мыслей Дениса в правильное русло.

— Что-то я не чувствую себя победителем. — Мужские невидимые глазу слезы струятся огненными ручейками в истерзанной душе. Нет, так не пойдет. Надо взбодрить моего меланхолика.

— Как не чувствуешь?! — шутиливо, но все же искренне возмущаюсь. — Ты же уже получил главный приз — МЕНЯ!!!

— Лис, я тебе не говорил, что ты нахал и наглец?! — усмехаясь, зубоскалит в ответ Дениска. Вот и хорошо. Пусть кусается — потерплю. Грубит — пресеку. Но больше всего я хочу, чтобы он улыбался.

— Не-е-е, ты сказал, что я странный, — напоминаю себе, что это привычное и обидное для меня слово, слетевшее с его уст, впервые нисколько не задело. Наоборот, мне до звона в ушах хотелось быть для него особенным. Оригинальным до эксцентричности. Экстравагантным и экстремальным. Самобытным и своенравным. Удивительным до экзотичности. Фантастическим и даже паранормальным. Но больше всего единственным и любимым.

— Ну, так вот, слушай. Ты нахальный нахал, наглючий наглец и феноменально странный иностранец, каких в природе не существует! — не угадывает ни с одним из моих определений себя-любимого Денис. Но все же радуется, попадая в цель, ибо по всему получается, что я для него исключительный... — Инопланетный инопланетянин!

— Но ведь таким я тебе и нравлюсь! — нескромно заявляю, поддерживая имидж дерзкого пришельца.

— Нет! Ты мне не нравишься... — принадлежащий мне, а не какому-то там заоблачному божку, уже не кусается, а безжалостно шарахает небесным молотом по голове. И остается только тупо пялиться в экран, собирая в кучу «что, как и почему», пока не получаю вполне логичный ответ: — Люблю тебя я...

Я! ТЕБЯ! ЛЮБЛЮ! — три слова, что по отдельности не больше, чем звуки, ноты на линейках нотного стана. Но стоит любимому человеку

объединить их в одно, связать единым штилем, и звук наполняется глубинным смыслом, превращаясь в гармоничный аккорд, который резонирует в твоей душе и заставляет задышаться, переполняясь эмоциями.

Так звучит Восторг, когда поднимаешься под самые облака на сверхзвуковой скорости и вдруг, срываясь в контролируемое падение, больше не ощущаешь гравитации, понимая, что можешь летать.

Так звучит Счастье, которое безумно в своей способности выносить остатки разума, превращая взрослого рассудительного мужчину в прычавого пацана, ошалевшего в захватившем его трепете первой влюбленности.

— Дэн, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ Я! — Так звучат мои чувства, и я готов каждый миг дарить Денису мотив этих слов.

Ведь Любовь — это музыка. Музыка того самого невидимого ирреального инструмента, что есть душа. Инструмента настолько сложного и непознанного, что понять принцип его звучания не дано никому. И мы лишь принимаем тот факт, что он существует где-то там, в глубине наших тел. Существует, чтобы ловить вибрации других таких же инструментов и отзываться веселыми созвучиями дружбы или режущими слух дисгармониями неприязни, монотонной тишиной равнодушия или теплыми нотками родительской привязанности.

А однажды, встретив ту самую единственную душу, что настроена на твои частоты, вдруг взорваться музыкой Любви, рожденной, кажется, в самом сердце и разливающейся по всей твоей сущности тонкими гармоничными вибрациями, для которых не только дальние дали пространства, но даже время не помеха.

И чтобы там ни говорили, что разобщи смычок и струны, пальцы и клавиши, палочки и мембрану — и музыки не станет, это все не про нас. Разум не принимает примитивную сущность этой формулы, потому что для меня вибрации Дениса осязаемы: трогают, заставляют трепетать, перекачиваясь барашками морских волн по радужному морю моей души. Я ощущаю их на своих губах нежностью поцелуя. На своей коже — страстью родных объятий или щекотливым касанием пера, что наполняет бархатным теплом каждую клеточку тела.

Моя Любовь... Она такая разная. И я готов играть эту музыку в любых тональностях и ритмах: аллегро, анданте, адажио. Нежное пронзительное соло на скрипке или сокрушительная мощь симфонического оркестра. Лирические импровизации блюза или страстные роковые риффы.

Что угодно и как угодно, лишь бы он навечно стал моей мелодией, моим инструментом, моим менестрелем. Я сам готов быть для него кем угодно, и все же больше всего хочу стать композитором. Чтобы самому написать симфонию Любви и заполнить эту невыносимо длинную паузу разделяющих нас километров ликующей партией Веры в реальность нашей встречи. А пока лишь редкие ноты Надежды скрашивают печаль моего сердца:

«Любимый, как же мне безумно хочется быть с тобой»...

*****

— I Miss You - https://www.youtube.com/watch?v=g-eUJ_IRUME

Примечание к части

Музло: https://www.youtube.com/watch?v=_WXqInNyw-Y*
просто красиво)) — I Miss You https://www.youtube.com/watch?v=g-eUJ_IRUME
Сноски:

рыжье - золото

Со ту камэс, драго? (цыганский) - что ты хочешь, дорогой

Мирó дэвэл! (цыганский) - бог мой!

Бэнга! (цыганский) - дьявол

ногастая - выносливая собака

Картинки под настрой:

Люба: <https://pp.userapi.com/c621703/v621703439/8c180/bizHMjjHdiQ.jpg>

https://image.fhse.ru/hunting/2016-12-f02c2e9d609c134619bd00a249f618ee__rsf-500-375.jpg?hash=42c467b9

http://sanatur.ru/static_1/b/9/b9a205602a25f1abe7a5c222eface97.jpeg

<https://i.ytimg.com/vi/9aPhCwi54wE/maxresdefault.jpg>

http://gasenkotamara.ru/wp-content/uploads/2016/02/kabani_03-1024x682.jpg

<https://tvoytrofey.ru/uploads/attacher/2015/09/02/04/image/54da65ff06b3f.jpg>

Часть третья. Любовь. Песнь четвертая. Евангелие от Дениса

— Ма, не знаю я, где он, и знать не хочу!

Раздражение вскипает в крови при первом упоминании об уроде нашего рода Женьке, а уж после вопроса матери и вовсе выплескивается Злостью.

— Не психуй, — совсем как Лис, останавливает мой зубовный скрежет маман и начинает сыпать в уши последние новости с фронтов: — Сестра звонила. Извелась вся, плачет. Говорит, Женька уже неделю не появляется, на звонки не отвечает. Что нарисовались какие-то гопники. Его искали. Дверь входную раскурочили и машину его подрихтовали на свой вкус. А вчера пришел знакомый с работы, принес паспорт и телефон Жени. Говорит, что тот на работе оставил, — переходит на шепот, будто тетка способна услышать это вполне вероятное предположение: — А если его убили?

— Честно, мне похуй! Собаке — собачья смерть, — выплевываю страшные слова, но именно они передают мои мысли насчет непутевого кузена. — В полицию пусть обращается.

— Да она хотела. Просто опасается, что если его менты найдут, то сразу закроют. Ты же знаешь, чем парень промышляет. Поэтому надежда только на близких и знакомых.

— Ма, я ему не близкий и знакомства с такими не вожу, — как бы я был счастлив, если бы хоть одно из этих слово оказалось правдой. Но увы, родичей мы не выбираем, да и они почему-то никак не хотят забыть о твоём существовании.

— Знаю и очень рада, что вы с ним не одного поля ягоды. Я бы умерла с горя, — сокрушается маман и озвучивает мои мысли: — Но родственников мы не выбираем, и Нина мне не чужая. А как мать, я могу ее понять. Просто прошу, поспрашивай знакомых пацанов. Вдруг что-то узнаешь. Сестру жалко, почернела с этими постоянными нервотрепками.

— Хорошо, но ничего не обещаю, — исключительно для профформы успокаиваю мать, понимая, что брательник дергает нервы не только тем, кто связан с ним кровью, но и вот так, косвенно, моим близким. — Сама знаешь, я практически ни с кем не общаюсь...

Повисает пауза, приходя осознанием, что сболтнул лишнего. Не нужно было беречь свои и ее раны, ведь она до сих пор считает себя виноватой в случившемся, упорно не желая смириться с мыслью — чему быть, того не миновать.

— Сын, заеду к тебе через денек, продуктов завезу. Может чего приготовлю, — наполненные грустью слова, и я ее понимаю. Наверное, все женщины такие — какими бы взрослыми распризданиями не становились их дети, по сути они остаются всего лишь детьми.

— Благодарю, ма.

Да, именно так. Мое собственное пожелание блага, а не обезличенное «спасибо». Не хочу я желать какого-то там мистического спасения богом самому родному мне человеку, которому я действительно благодарен. И не только за подаренную жизнь, а за то, что однажды вырвала меня из лап смерти. Это ее деньги скрепили титановыми винтами мои раздробленные позвонки. Это ее слезы, а чаще крепкое словцо, поднимали меня с больничной койки, чтобы заново учиться ходить. Это ее материнская Любовь не дала мне сделать последний шаг и сорваться в пропасть небытия, когда я стоял на грани Отчаяния. А теперь я и сам хочу жить. Жить для нее, как когда-то...нет, не поклялся, а просто пообещал. Жить для себя, потому что мне стал нравиться этот порой невыносимо болезненный для меня процесс. Жить для него, потому что чувствую себя не просто любимым, а жизненно необходимым.

Мне так хочется сохранить тот хрупкий сосуд Счастья, что держу в руках. И не только сохранить, но и защитить, хотя и отдаю себе отчет в том, что слишком много факторов, как реальных, так и виртуальных, могут похерить его в одночасье. И если с такой редко, но метко шокирующей напастью, как пропавшее электроснабжение, я бороться не могу, да и не стоит, ибо она эфемерна, то с угрозами в человеческом обличье — запросто!

И не проходит ни одного дня, чтобы я не думал об этом, все более и более укрепляясь в мысли, что смогу. Правильно Лис сказал, что ни в коей мере я не «белый и пушистый». И пусть когти и клыки мне жизнь обломала, но я нашел им замену.

Неосознанно тянусь рукой в верхний ящик компьютерного стола к моему недавнему приобретению — игрушке для взрослых мальчиков, заблаговременно размещая в голове стикер с памяткой понадежнее заныкать этот «компромат» перед визитом маман.

Не могу удержаться от искушения, и шершавая рукоятка пистолета Макарова, в быту просто ПМ, удобно ложится в ладонь. Какой же совершенно особенный кайф — держать в руке ствол! И плевать, что оказался не особо крупным. Но эти шестнадцать сантиметров и восемьсот десять граммов убийного железа заводят с полуборота, возбуждая похлеще любого немецкого порно.

Да что там порно! Это возбуждение совсем иного рода. Это не когда ты смотришь на прокачанную ботоксом пустышку или интеллектуально раскрепощенную злючку и думаешь — хороша чертовка, но ведь не даст. Наоборот. Этот красавец сам всегда готов на самый близкий контакт, вселяя в тебя силу победителя, решимость действовать, уверенность в себе.

Он настолько хорош, что даже звездно-совковое тавро на боку не портит его арийские корни. Его так и хочется поладить по стволу, а то твердо сжать двумя руками и попробовать указательным пальцем упругость спускового крючка. Или осторожно отвести до отказа защелку магазина, чтобы вытянуть из рукоятки обойму из восьми смертельно опасных девятимиллиметровых малышек медной масти.

Но самое заводное не извлечь, а ловко загнать этот стройный октет в темное нутро, услышав характерный «чпок». А следом опустить флажок предохранителя, снимая блокировку. И вот уже мой парень в полной боевой готовности: стоит лишь взвести курок, оттянуть затвор, мягко нажать на крючок, и кончит с глухим хлопком, наполнив комнату запахом пороха.

— Надо съездить в деревню потренироваться. Может, и правда пробужу в себе охотника? И как-нибудь в студеную осеннюю пору рвану с Лисом в глушь, в Саратов. Что скажешь, Маркизка? Хочешь зайцев погонять? — моя девочка не хочет. Она осуждающе смотрит издалека и, нервно подергивая хвостом, протестует против запаха оружейного масла, раздражающего тонкое кошачье обоняние.

— Правильно, — мне не зазорно принять кошачью точку зрения. — Зайцы... Они глупые, трусливые и мелкие. На них охотиться, все равно что

кошку грохнуть, — привожу свои доводы, которые Маркизе моего сердца явно приходится не по вкусу, ибо она начинает заниматься гигиеной и демонстративно отказывается со мной разговаривать.

— А на лис охотиться — вообще кошунство. Я скорее сам пристрелю любого, кто Лиса обидит, — сотрясая воздух угрозами, навожу прицел ПМ в пятидесятичковую зону дартса и вздергиваю руку, имитируя выстрел.

— На кабана, конечно, норм, потому что кабан — он хоть и дикая, но все же просто свинья! — вопросительно смотрю на мелкую вредину, ища хоть какой-то поддержки своим гипотетическим намерениям, и не нахожу. Наверное, по этой причине делаю откат: — Только стремно, потому что кабан хоть и просто свинья, но все же пипец какая дикая.

— На крыс! — наконец нахожу правильный и относительно безопасный объект для отстрела, с удовлетворением замечая нешуточный интерес в голубеньких глазах сиамской принцессы.

— Привет, Любимый! — сообщение от Лиса выскакивает как Бес из табакерки. — Как настроение? Чем занимаешься?

— Привет, Любимый! Настроение боевое... — резво зашвыриваю Макар в ящик стола подальше от всевидящего ока моего личного Саурана*. — Занимаюсь... — лихорадочно шелестю шестеренками, дабы поубедительнее соврать. Ну не рассказывать же, как секунду назад дрожил своего железного дружка. Даже представлять не хочу, что Лис сделает, если узнает о его существовании. — Блин, потерял... — шарю глазами вокруг, пытаюсь выпепить взглядом какой-нибудь объект, и наконец, нахожу годную отговорку: — Блокнот, — верчу в руках «потерянную» вещь и для правдоподобности осторожно скидываю в пыльный угол за глухой боковиной стола. С глаз долой, и совесть чиста. — Ну не могу найти и все, а у меня в нем пароли записаны, — пизжу, как дышу. — С тех пор, как у меня комп полыхнул от твоих энергетических воздействий, приходится перестраховываться, прибегая к доисторическим способам.

— Какой он? Представь мысленно. Сейчас гляну...

— Да ладно! Ты что, можешь найти? — пытаюсь не представлять в потайном ящике ствол, хотя глаза так и скашиваются к палевному месту. «Не думать... Не думать. Не думать!» — приказываю себе, но это как в притче о белой обезьяне: стоит только сказать «НЕ ДУМАЙ!», и все мысли устремляются к этой самой «мартышке».

— Ну да, — явно скромничает Лис. — Не всегда получается, но попытаться можно.

Неужели мой Ведьмак и на такое способен?! Становится жутко стыдно спалиться за враньем. Да еще стыднее от мысли, что заставил человека тратить силу на насосанную из пальца уловку. Но екарный бабай, ведь до жути любопытно, найдет или нет? Невероятным усилием воли представляю образ валяющейся за столом «потеряшки».

— Он большой, с мою ладонь. Коричневый, в обрамлении, — еще и словами подкрепляю увиденное.

Лис не отвечает, а я начинаю нервничать. Страшно подумать, что мой Ведьмак своим третьим глазом прямо сейчас сканирует мое жизненное пространство: небрунный с ночи футон, пыльный бабушкин фикус и творческий беспорядок на столе, а мимоходом заглядывает в верхний ящик, где валяется гора сильнодействующих таблеток и красавчик ПМ. Но еще страшнее от мысли, что Елисей видит и меня. Ведь чувствовать — это одно, но видеть — совсем другое. Инстинктивно прикрываю ладонью изуродованную часть лица и не могу усидеть на месте, словно вместо кожаной обивки у меня под задом индийский коврик из гвоздей.

— Посмотри на полу. Между стеной и столом. Справа. Ты, видимо, его ненароком смахнул.

Ага, как же, ненароком?! Мне даже не надо доставать этот злосчастный блокнот, чтобы написать Лису, что он прав.

— Лис, а ты любой предмет найти можешь?

— Дениска, тут все очень сложно и даже своеобразно. На блокноте твоя энергетика, и я просто поискал его мысленно, увидел, как он лежит, чуть раскрыв корочки, в пыльном углу. Вот и озвучил первое, что пришло в голову.

— Лис, а ты когда-нибудь искал таким образом людей?

— А как же! Тебя! Не успел подумать, как оказался в нужное время и в нужном месте, — честно признается Лис, нисколько не смущаясь столь наглого вторжения в личное пространство. Но такое ментальное его приближение уже не злит и даже не стесняет.

— А кроме меня? — подъезжаю на хромой козе к интересующей теме.

— Денис, к чему эти вопросы? — подозрительно шурится Лис. — Только не пизди, что просто так спросил. «Просто так» — это не про тебя!

— Честно, я даже заикаться боюсь, — мнусь, не решаясь спросить о Женьке и вполне резонно подозревая, что мой вопрос сработает детонатором в обманчиво безопасной гранате Лисьего терпения. — Вдруг ты психанешь, и у меня опять комп пыхнет. Ну или так ментально «повлияешь», что на жопе отпечаток твоей пятерни проступит, — попеременно показываю то зубы, то язык.

— Говори, чего умышленно, а то и правда проступит, и не одна! — грозит Елисей, и я настолько явственно чувствую всю серьезность его намерений, что задница опасливо поджимается.

— Не рычи, — пытаюсь утихомирить своего зверя и тактично начинаю почти издалека: — Я про Жентоса хотел спросить...

— Он опять тебя дергает?! — Бабахает первый взрыв. — Я убью эту гниду! Найду и пришибу к хуям! — Гроыхает второй и третий.

— Тише-е-е... — Сползая в подпольный «окоп», таращу глаза и ищу белую тряпку, чтоб немедленно капитулировать, пока меня не накрыло ковровой бомбардировкой «Града». — Никто меня не трогал! Я Жентоса вообще с тех пор ни разу не встречал и номер его забанил.

— Пусть только посмеет нарисоваться! Собственными руками удавлю! — Накрывает меня новым залпом. — Только доберусь...

— Так ты можешь... — это уже не вопрос, потому как уверен — может.

— Захочу, из-под земли достану и туда же закопаю! — Артиллерия нацеливает крылатые ракеты дальнего действия на удаленные точки, а наводчиком, похоже, выступаю я.

— Да я сам бы с превеликим удовольствием, — в качестве альтернативы пытаюсь свернуть крупномасштабные военные действия до местечковых учений. — Но насчет «закопаю», давай не будем опережать события, потому что закапывать некого...

— В смысле? — недоумевают Лис, и я не пойму, рад он или огорчен.

— Жентос пропал, — первый шаг на заминированное поле. — Мне маман утром звонила. Сказала, что его уже неделю, как найти не могут.

— Кто его ищет?

Вопрос заставляет задуматься, потому как я ни разу не уверен в том, что действительно стоит рассказывать Лису о визите гоп-компании. Все же к поиску самого Жентоса это не имеет никакого отношения. Но я рад, что пока ничего не взрывается и, тактично уходя от прямого ответа, делаю еще один шаг на опасную территорию:

— Мать и жена гражданская. Кому еще эта срань господня нужна, который у своей мамки вроде как все золотишко приватизировал, а деваху чилдреном одарил и смылся? — озираясь, продвигаюсь короткими перебежками, готовый в любое мгновение свернуть поисковую операцию. — Лис, честно, мне похуй, где этот урод. Я вообще думаю, что зря девчонки слезы льют, он просто где-то ширяется.

— Это он? — и в диалоговом окне является цветуще-пахнущий фейс брательника.

— Да... — опознаю родственника, пытаюсь вспомнить, когда я успел Лису фото Жентоса скинуть, и ну никак не припоминаю такого факта. — Но это, видимо, старое. Он сейчас...

— Не важно! — Перебивает Елисей и ненадолго исчезает, предоставив мне время на недоуменно пошкрять щетину на подбородке. — Передай тетке, чтоб не ревели. Жив он...

— Ты это как узнал? — почему-то душу берedit странное, в которое я не хочу верить, подозрение: — Лис, ты его, как меня, видишь, или у тебя есть еще какие-то секретные каналы?

— Нет! Еще чего не хватало?! — Злющие черти наполняют диалоговую строку. — От таких экранироваться надо, а не душой касаться.

— И где он? — меня разбирает не просто спортивное любопытство, а вполне закономерный интерес, что уже не одну неделю держит нервную систему в постоянном напряжении, ожидая обещанного неадекватным брательником пиздеца.

— Не так далеко, как мне бы хотелось.

— А поточнее, — допытываюсь, как последний докапица.

— Денис, я не справочное бюро и не могу сказать адрес. Могу описать только место, что вижу.

— Опиши! — во все глаза таращусь на экран, готовясь посмотреть очередную серию «секретных материалов». Мне уже не столь интересно, где находится Жентос, но жутко любопытно, как работает «виденье» Лиса.

— Денис, давай так: я найду говнюка ради несчастных женщин, которые сейчас изводят себя черными мыслями, но взамен ты мне пообещаешь, что даже носа не сунешь в эти дела.

— Клянусь сокровищем нации! — даю слово, подобно древнему ирландцу, приложив руку к самому, по их мнению, дорогому. Да мне и клясться не нужно, чтобы абсолютно точно знать: никогда и ни при каких условиях я не желаю пересекаться с кузеном.

— Дай мне пять минут, юморист, — снова вводит меня в ступор Лис и исчезает из «поля зрения», предоставляя возможность обмозговать и переварить полученную инфу.

Поразмышлять и правда есть над чем, тем более, что заставлять взаимодействовать пирамидальные и вставочные нейроны всех шести слоев неокортекса — мое любимое занятие. И сейчас там искрит осознанное мышление, словно google засыпая сервер поисковыми запросами. Насколько безграничным может быть сознание человека и его возможности. Почему одним дается дар, а другим нет? И откуда берутся эти познания? Генетическая память? Энергия космоса? И кто в состоянии прояснить ситуацию, если даже Лис не может дать вразумительный ответ.

— Первое, что увидел — заброшенные, недостроенные многоэтажки, скорее всего те, что на окраине города, — киваю, подтверждая, что есть такие, где собирается всякая шваль. — Но там он сутки был и свалил, от кого-то прячется, видимо от тех, чей товар ты не довез. Сейчас он в деревне. Километров тридцать от города. Рядом возводят новые коттеджи, но этот дом старый. Сруб. Забор — зеленый штакетник. Жентос не один. С другом. В доме вонь страшная. Варят гадость.

Читаю сообщение Елисея, и перед глазами вырисовывается вид из окуляров бинокля знакомый пригород.

— Я ЗНАЮ, ГДЕ ЭТО! — ору, пугая Маркизку, и капслючу Елисею. — Он у Васки! У друга своего! — во мне по-панибратски обнявшись, хором поют Ангелы и Демоны, призывающие к мсти, и никуя не холодной. — Я сейчас в ментовку позвоню. Анонимно.

— Ну ты наивный, как дитя. Для ментов нет ничего анонимного, — Елисей в момент охлаждает мой пыл. — Хочешь, чтоб к тебе дяденьки в погонах с визитом явились? Просто позвони матери. Дальше это проблемы той, что не смогла воспитать. И не забывай, ты обещал...

— Да без проблем, Любимый, — успокаиваю Елисея, предчувствуя, что тот готов взорваться новой канонадой, но мне и самому не помешало бы заглотнуть дозу персена, потому что волнуясь до мандража, чувствуя себя героем какого-то детективно-мистического бестселлера, читаю

который сложно принять сюжет за чистую монету, и все же так хочется верить в реальность происходящего.

Нервно барабанила пальцами по ручке кресла, тычу в последний входящий.

— Ма, вроде как нашлась пропажа, — делюсь полученной информацией, слегка искажая ее источник. — Мой друг видел Жентоса у Васьки Теркина на даче. Передай тетушке, чтоб сгоняли туда за своим обдолбышем. Она должна знать где.

— Спасибо, сына. Я сейчас же передам сестре, — и в телефоне идут гудки. Вот так всегда бы, четко и без соплей.

— Дениска, мне по делам смотаться надо, — именно так, четко и без соплей, «радует» меня Елисей. — Буквально на несколько часов. Но я, как всегда, на связи. Обещай не скучать!

— Обещать не стану. Уже скучаю, — с трудом пряча за шутками скребущую душу Обиду, благословляю вечно занятого Лиса на все четыре стороны: — Лети, мне тоже поработать надо.

Работы и вправду скопилось столько, что и за несколько часов не разобрать. Я со своей влюбленностью совсем бизнес задвинул, а деньги, увы, с небес не сыпятся.

А как было бы здорово: перекрестил лоб и хуяк тебе кейс полный зелени. Еще разок сотворил крестное знамение — двухколесная зверюга в двести кобыл промеж ног. Ну, а если задом наперед чудодейственные пассы отмахать — не иначе как время вспять повернется и станешь ты снова красавец-удалец, рашен добрый молодец.

Только таких чудес на свете, увы, не бывает. Вот и приходится садиться за «наковальню», чтобы было на что осуществить свои потаенные мечты. Благо, в моей кузне не нужно махать кувалдой, достаточно лишь легкими щелчками по клавише превращать чужой товар в свои деньги, и лишь сокрушаться, что не родился японцем, которые уже совершенно легально могут пользоваться криптовалютой, а мне все еще приходится искать обходные пути для вывода фиатного бабла. Погружаюсь в процесс с головой, пока в традиционно неформальный шумовой фон моей пещеры не вклинивается банально штатный рингтон входящего звонка.

— Нашли? — Сходу задаю интересующий вопрос, вновь слыша в динамике близкородственного абонента. Все же интересно проверить дар Елисея. А все он — скепсис!

— Нет еще, — голос матери печален. Чувствую, что-то не договаривает, и это «что-то» меня слегка нервнует.

— Что так? — Интересуюсь только по одной причине — ну не хочется мне верить, что Лис ошибся. — Пропажи не оказалось на месте?

— Сына, там все заморочено. Девчонка после его выкрутасов на сохранение легла. Отцу на собственного сына насрать. Видимо, давно крест поставил. А сестре просто не на чем ехать, даже на такси денег нет, и своего Егорыча я с завода выдернуть не могу...

— И что?! — Пятой точкой ощущаю — предчувствия меня не обманули.

— Денис, на тебя одна надежда. Надо сестру отвезти к этому проклятому дому.

Пудовая гиря обрывается и падает внутри, расплющивая сознание предсказуемой реальностью происходящего.

— Сразу говорю — я никуда не поеду! Даже не начинай! — топором обрубаю все концы. — Мне нахуй не сдались чужие проблемы!

— Сестра мне не чужая! И помочь ей больше некому, — по-начальственному строго аргументирует маман, но прекрасно зная, что приказывать мне чревато, результат получится с точностью до наоборот, тут же переходит на просящий тон и мой непечатный диалект, выдавая крайнюю степень нервозности. — Сын, ну пожалуйста. Думаешь, я пиздец как рада, что меня всем этим ебаным дерьмом грузят?..

— Ма-а-а, ты без ножа меня режешь... — упираюсь ногами в пол, словно не только словами, но и всеми силами стараюсь не поддаться на уговоры, но понимаю, что рассказать матери о том, в какое дерьмо меня втянул этот уебок, я абсолютно точно не могу. Могу только стонать: — Ну почему я всегда оказываюсь крайним?

— Ты не крайний, — спокойная убедительность женщины сквозит в каждом слове. — Ты ответственный и отзывчивый. И сердце у тебя доброе, хоть ты и всячески пытаешься это скрыть. Не упряжься. Помоги ей... — звучит материнский наказ, и боль в голосе родного человека заставляет сдаться:

— Хо-ро-шо... — Выдавливая из себя логи согласия и, отключив вызов, утыкаюсь лбом в подставленные ладони.

«Бля-я-я, и что я теперь Лису скажу? Опять обманул? — От нервяка начинают болеть кости. Настроение падает ниже нижнего. — Сколько же этот сучок мне проблем в жизнь принес и продолжает приносить. Что ж все никак не освободит мир от себя?!»

Скрепляю сердце, смотрю на телефон и понимаю, что не имею права не позвонить Елисею, хоть и уверен, что сейчас разразится, как минимум, третья мировая.

— Привет! Не отвлекаю? — притворно весело щебечу в трубку.

— Денис, что случилось? — как и предполагал, мне даже не дают собраться с мыслями.

— Почему сразу «случилось»? — вливая мед в голос, оттягиваю неизбежное.

— Да потому что ты бы просто так не позвонил, — Лис не оставляет мне надежд на мирное решение проблемы. — Кто угодно, но только не ты!

— Что, все так печально? — грустно вздыхаю, соглашаясь с правотой своего Ведьмака.

Ведь я действительно не балую Любимого звонками. Постоянно открытый ВК и вацап, редкие смс и еще более редкий вайбер — вот избранные

средства общения. И я даже понимаю, почему так старательно избегаю голосовых сообщений: я все чаще ловлю себя на мысли, что всеми фибрами души хочу нарушить подписанный нами контракт.

— Все нормально, Любимый, — поймав мой настрой, успокаивает Елисей. — Я уже еду домой. Ты счастлив?

— Был бы, если бы не одно «бы», — откровенно признаваясь Лису и самому себе, что об эти «бы» спотыкаюсь всю свою жизнь. И, решительно собрав всю свою волю в кулак, врубаю таймер часового механизма: — Лис, я еду за Женькой.

Слышу, как отщелкивает секунды повисшая между нами пауза-мина замедленного действия, с каждым мигом повышая уровень моей паники.

— Вот так, значит?.. — Лис не орет, но его тон сразу заставляет леденеть изнутри. — Категорично! Мои слова и твое обещание — похрен... — подливает «маслица» в огонь и заводится еще больше.

Нервно передергиваю плечами, шестым чувством ощущая Ведьмака за своей спиной. И если бы не четкое понимание, что нас разделяют километры, я бы сейчас сжался в комок, ожидая внушительной затрещины.

— Прости, мне на горло наступили, — выдаю до банальности глупое оправдание. — Я как мог отбивался, но мать так просила. Я не смог ей отказать.

— А мне, значит, смог?! — уже угрожающе рычит Лис с неприкрытой обидой в голосе, отчего становится еще хуже, хотя казалось бы куда еще...

— Лис, я не знаю, что тебе сказать. Прости. Но кроме меня больше некому...

Я словно кручусь между жерновами чувств. Меня разрывают... Обида на Лиса, что категоричен и прямолинеен словно рельса — хер согнешь. Негодование, что командует мной. Раздражение на мать, что неосознанно впутывает меня туда, откуда я пытаюсь выпутаться. Злость на брательника, чтоб ему всю жизнь икалось. И конечно, Гнев на себя, что не смог отказать никому, кроме как самому близкому человеку. И вся эта адская смесь приправляется сладкой перчинкой Отрады, что за меня переживают, беспокоятся. Что я важен и нужен. Что я его.

— Не за что тут извиняться. Не ломай себя. — Слышу, как Лис цедит слова сквозь сжатые зубы, и на заднем фоне звуки вымещаемой на чем-то твердом злости.

— Я позвоню или напишу, как приеду, — тихо выговариваю, не желая доводить Елисея до точки кипения.

— НЕТ! — Рывкает мой любимый абонент, да так, что я невольно отрываю трубку от уха. — Ты будешь со мной постоянно на связи, и только попробуй исчезнуть.

— Йес, сэр! Только не психуй, — я бы сейчас согласился голой жопой в муравейник сесть, только бы не делать то, что делаю. — Не переживай, я вооружен и очень опасен.

— Чем? Ножом? Вилкой? Может быть Отвагой? — скептически фыркает в трубку Лис. — Или ты Маркизку решил с собой взять, как когтистое подкрепление?!

Миг, и меня кидает в жар, заливая краской скулы. Одно лишь предположение, что Елисей считает меня слабаком, напалмом выжигает мозг.

— Не недооценивай меня, — не смеюсь над, надеюсь, шуткой, задетый за живое подобного рода уколами.

— Ну что ты, Денис? Наоборот, я ценю тебя как никого другого. И тот факт, что там, куда ты собрался, находятся на всю голову больные убудки, меня не радует.

— Не бойся за меня. Я поеду не один, — злюсь, засовывая в карман куртки пушку и сразу ощущая, как почти кэжэ технологичного железа оттягивает карман.

— Конечно, не один. Я буду рядом, — а вот это уже лишнее и никак не входит в мои планы.

— Лис, я справлюсь, — отчужденно заверяю, мягко пытаюсь отодвинуть Ведьмака чуть подальше от себя. — Я не ребенок. Не нужно меня так чрезмерно опекать.

— Мне нужно! — даже и не думает отступить Лис. — И не смей закрываться! Выпорю!

— Люблю тебя я. Знаешь? — грустно улыбаюсь, как всегда теша себя мыслью «может быть, когда-нибудь».

— Знаю! — Уверенно отзывается мой Ведьмак. — И я тебя люблю. Сильно! Много! Но все равно выпорю...

— Ясно-понятно, — почему-то даже угрозы Елисея согревают душу и заставляют грустную улыбку смениться на счастливую. — Не скучай, Любимый, я быстро. — и пока любитель загнать меня в краску не сказал еще чего-нибудь смущающе-возбуждающего, нажимаю отбой.

Быстро... Ага, как же! Сколько раз говорил себе ничего не загадывать. Скажешь близко — окажется далеко. Скажешь сладко — наешься соленого. Запланируешь мигом вернуться — хрен тебе по всей морде!

Пока забираю машину, пока доезжаю до тетки, пока нахожу описанный моим Ведьмаком дом, дело идет к вечеру, тем более, что осенью темнеет махом.

С сожалением бросив взгляд на заляпанную по самую крышу машину, стою у зеленого перекошенного забора, за которым темнеет старый деревенский дом, на вид заброшенный и нежилой. В окнах нет света, отчего в наступающей ночи они выглядят чернее черного. Слегка приоткрытая дверь тихо покачивается, будто ее только что толкнули. Или это сквозняк?

Сколько фильмов просмотрено-пересмотрено про полицаев, выбивающих двери с ноги, а когда в жизни вот так перед неизвестностью стоишь, то

на собственной шкуре ощущаешь, как какая-то сволочь-опаска в душе скребется.

Прислушиваюсь к тишине. Грею ладонью в кармане ПМ, но ситуация, как в кавказском тосте*: имею желание зажать в ладони ствол, но не имею возможности — из машины выходит тетка, светить перед которой огнестрелом и тем более наставлять на любимое «чадо» точно не стоит.

— Женечка, сыночек! — бьет по нервам плаксивый выкрик за спиной, заставляя внутренне содрогнуться, а через пару вдохов из дома выскакивает человек и поганой крысой чешет огородами.

«Васька-подельничек», — мысленно посылая респект Лису, провожаю взглядом темную фигуру и облегченно выдыхаю, благодаря providение, что не вытащил пистолет, а то бы, чего недоброго, выстрелил от неожиданности. Дело за малым: найти и забрать брателло. Будь он неладен!

— Теть Нина, лучше подождите в машине, — стараясь развязать себе руки, почти насильно усаживаю женщину в салон и, не давая себе времени на малодушное «блять, пиздец тут стремно», иду к дому.

Шаг за шагом по липкой грязи. Пистолет из кармана под пояс джинсов. Стресс! Очередной. Чисто мужской стресс. Не знаю, как киногероям, но мне лично пиздец, как некомфортно чувствовать ствол пистолета так близко от своего собственного ствола. Как говорится: и незаряженное ружье стреляет один раз в жизни. Но мой-то ПМ заряжен, и отнюдь не холостыми.

Шаг на крыльцо. Словно пальцы сплетаю с пальцами Лиса. Плечом толкаю дверь, которая со скрипом распахивается, и шагаю в темноту.

Вдох-выдох. Не видно ни зги. Подсвечивая себе путь экраном мобилы, медленно продвигаюсь по захламленному коридору, в котором черт ногу сломит.

Вдох. Тошнотворный запах, определить который я не могу, буквально вышибает дух. Выдох. Рукавом куртки прикрываю лицо.

Не дышу, вглядываясь в темный проем, ведущий в комнату. Весь на стреме, наверное, готовый к любому нападению. Даже если из-за угла выскочит паук-мутант, сначала пристрелю, а потом подумаю. Но ни пауки, ни мухи на меня не покушаются. Скорее всего передохли от этой вони. Высветив клавишу выключателя, врубаю свет, и — ура! — под потолком одиноко и тускло загорается творение Эдисона, вырывая из царства мрака владычество хаоса.

Только краем глаза цепляю раскуроченную мебель совковых времен, книги, что в беспорядке валяются у печки и, видимо, там и кончают свой путь, смятые пивные жестянки и водочные бутылки. Окурки горкой в тарелке на столе. Все внимание «королю» этой помойки — Женьке.

Не сразу понимаю, что не так с парнем, который полусидит-полулежит на грязной кровати, разведя руки в стороны, словно приготовился похлопать в ладоши, но так и забыл, что хотел сделать. Бессмысленный взгляд сосредоточен на чем-то невидимом мне, и от этого становится особенно жутко.

— Женька, ты чего? — тихо спрашиваю брата, не особо рассчитывая на ответ, но тот шипит:

— Ш-ш-ш... Спугнеш-ш-ш... — в этот момент резко дергается, хватая что-то словно муху в кулак, а потом, довольно улыбаясь, протягивает мне двумя пальцами НИ-ЧИ-ВО.

Было бы смешно, если бы не было так страшно смотреть на человека, ловящего в параллельном измерении каких-то, наверное, чертей.

— Лис? — даже не замечая, как подношу трубку к уху. — Я нашел Женьку, только он не в себе...

— Буянит?

— Нет, он перебирает руками, словно паук плетет нить, — смотрю на брата, что всем своим видом напоминает съехавшего с ума, только разве что слюни не пускает. — Что делать-то?

— В первую очередь уезжай оттуда. Глюки у парня, его нужно под капельницу, — в голосе Елисея усталость, что он пытается скрыть, но я ее слышу в прямом и переносном смысле. — А во-вторых, успокой тетку. Из-за ее панического фона я тебя еле слышу...

— Сученыш! — выплевываю на Жентоса накатившую Злость. Но она придает сил сдернуть с кровати парня на голову выше меня. Он не особо сопротивляется, но и не помогает. Повисает бесформенным мешком дерьма, кем по сути и является.

Не отказываю себе в желании заехать укурку под ребра кулаком. И въебал бы еще пару раз, но в комнату врывается тетушка и, кудахтая, как курица-наседка, помогает мне дотащить обдолбанного братца до машины.

Гоню тачку в сторону города, изредка поглядывая в зеркало заднего вида. Там женщина то пытается поймать руки сына, то заговорить с ним, заглядывая в пустые глаза. Но все бесполезно. Этого человека нет с нами, да и самого человека нет. Осталась одна оболочка.

И уже в стенах родного дома эта оболочка начинает превращаться в полоумного. Шарахается ото всех, смотрит в никуда, и как итог — начинает тихо подвывать. Так хочу уйти, но в глазах тетки, что цепляется за меня, словно утопающий за соломинку, паника. Не могу я оставить женщину в беде хоть и не знаю, чем ей помочь.

— Лис, честно, я никогда не сталкивался с такой хренью, — снова дергаю Любимого, перемещаясь на балкон подальше от чужих ушей. — Может, скорую вызвать?

— По-хорошему, так и надо. Его бы в наркологичку положить. Может пребывание в спецучреждении немного мозги вправит. Но вот беда: день-два, он отойдет и лечиться не захочет. Он же уверен, что не болен. А насильно у нас не держат. Так что это пустая трата денег, нервов и сил.

— Но не оставлять же его вот так?! — неопределенно машу рукой, словно Лис видит неадекватного Женьку.

— Денис, пусть решает его мать. Но сразу предупреждаю, если решит вызвать скорую, ты оттуда уходишь прямо сейчас. Медики обязаны сообщать. Десять-пятнадцать минут — и приедут менты. Дальше сценарий ясен: обыск, выискивание всех заначек, а они у него точно есть, и, как следствие, пойдет брателло под следствие. Я не хочу, чтобы дергали еще и тебя.

Пересказываю тетке все перспективы дальнейших шагов и вижу, как она становится бледнее бумаги, порождая мысли, что все же придется вызывать скорую, но уже для доведенной до «ручки» родственницы.

— Лис, похоже неотложка — не вариант, — очередной консилиум на двоих. — Я уже заебался на все это смотреть, но и бросить не могу.

— Найди знакомого или частника! Рекламную газету возьми. Там есть объявления. За деньги в любое время приедут, — строго выговаривает Лис, побуждая к действию, и я прохожусь по всем немногочисленным знакомым, подгружая мать и тетку.

Елисей оказывается как всегда прав, и вскоре басовитый мужской голос, что отвечает на звонок: «Наркологическая помощь. Двадцать четыре часа», четко и ясно дает понять: время — деньги.

Денег у родственников, сколько себя помню, никогда не было, сейчас и подавно нет, а значит откупаться и покупать себе свободу опять приходится мне. Но пять штук деревянных кажутся сущей малостью за возможность наконец-то оказаться дома, рядом с Любимым.

— Любимый, я дома, — радостно пишу, едва переступая порог. Приветствую скушающую Маркизку, намереваясь по-быстрому сгонять в душ и занырнуть в горячие объятия Елисея, но холодное:

— Я тоже, — остужает мой пыл, а недавняя Радость зябко ежится, сжимаясь в сморщенный комок.

— Злишься? — задаю вопрос, ответ на который не только знаю, но и отчетливо чувствую.

— Да! — слышу то, что знаю, понимая, что снисходительности от Лиса ждать не придется.

— Я же извинился, — все же делаю попытку намбе ван к примирению, хоть и Надежды особой нет. — Хочешь поиграем?!

— Нет!

— Киношку? — попытка номер два.

— Нет!

— Минетик? — козыряю, казалось бы, беспроигрышным вариантом.

— Дэн, заканчивай прикалываться, — сухой отказ, от которого на душе начинают скрести кошки.

— Нет, так нет, — тяжело вздыхаю и, откинувшись на спинку кресла, ухожу в глухую оборону. Вот только молчание — худший способ на пути к примирению, тем более, что в мыслях давно уже назойливой мухой крутится один вполне закономерный вопрос: — Лис, откуда ты все это знаешь?

— Что именно?

— Про медиков, про ментов, про услуги. Согласись, если человек не сталкивался с подобными траблами, он просто не в теме, но ты как будто знаком со всем этим изнутри. Ты случайно сам не врач? Или может быть мент? А может ты наркобарон?

— Вот ты фантазер! Еще чего насочиняешь? — наконец-то появляются смешливые нотки.

— Насочинять? Да запросто! — с ходу цепляюсь за конец улыбчивой нити и по ней ишу выход из лабиринта раздора, попутно заглядывая на «кухню» своего воображения, чтобы отдать ему волшебный приказ: «горшочек вари». И «горшочек» варит: — Ты врач, который был вынужден оставить блестящую карьеру мозгоправа, из-за всплывшего на поверхность труп служебного романа. Думаю, ты трахнул ведущего хирурга или, что мелочиться, главврача! А теперь работаешь на мафию и штопаешь бандюганам рваные раны, полученные от полицейских церберов.

— Мимо! Хотя кое в чем ты прав, — нехотя тают арктические льды под напором моего лучезарного обаяния. — Я хотел пойти на медицинский и даже сдал вступительные, но на тот момент денег на обучение у меня не было. Надо было строить бизнес.

— Тогда ты химик, — без промедления преподношу на блюдецке с голубой каемочкой вторую порцию «каши». — Преподаешь на кафедре, и ни один студент не может сдать экзамен по твоему предмету, но не потому что не знает, а потому что у них мозг выключается под воздействием неких ведьмовских феромонов. А в свободное время — признавайся! — ты занимаешься Алхимией. Философский камень сварганить пытаешься? Ну или варишь дурь в секретной лаборатории где-нибудь в диких лесах подмосковья и владеешь огромной сетью дистрибьюторов.

— Пипец тебя понесло! — пробиваются ручейки положительного настроения. — Я хорошо разбираюсь в химии, но не настолько, чтобы стать варщиком. Да и не по моей чести дело.

— Все, я знаю! — выкладываю на стол очередную перемену: — Ты секретный агент, который работает на правительство и выслеживает криминальные элементы по всей Вселенной и за ее пределами.

— Ха-ха-ха, — стремительно наступает весна. — Любимый, ты явно меня возвеличиваешь в собственных глазах. Одно слово ФАНТАЗЕР. Но мы с тобой пара.

— Фантазер не фантазер, но хочу заранее предупредить: я полицаев терпеть не могу, а врачей тихо ненавижу. Ну, а нариков так вообще бы собственноручно изничтожил, аки тараканов.

— Дэн, ну ты хоть сам с собой-то будь честен, — прилетает мне ложкой не в бровь, а в глаз. — Врачей ты не ненавидишь, но боишься. А боишься оттого, что все же вид человека в белом халате тебя возбуждает. А вид человека в форме — еще сильнее.

— Тебя послушать, так у меня в голове, что ни страх, то фетиш, — моему наигранному возмущению нет границ. И я бы даже в шутку обиделся, если бы меня так стремительно не разбирал смех.

— Конечно, ты желаешь далеко не всего того, чего боишься, — идет на компромисс мой личный психоаналитик. — Но то, что ты боишься и хочешь меня — это факт.

— Пожалуй, не стану спорить на эту деликатную тему, — мягко уваливаю в кусты, не сказав ни «да», ни «нет». Зато от души заливаюсь соловьем: — Я лучше в очередной раз спою Оду твоим антинаучным способностям, алгоритм работы которых мне так и не понятен. Но я до глубин души потрясен насколько безошибочно ты увидел местоположение Жентоса.

— Я не все вижу и не всегда. Все же этот процесс тянет много сил, — поясняет Лис. — Но то, что хочу, не только увижу, но и учую, словно зверь. Например, как тебя, Любимый.

— Да ладно! Хочешь сказать, что ты меня в толпе найдешь по запаху, ауре, энергетике?

— Все еще сомневаешься?! — вспыхивает рыжим пламенем негодования Лис.

— Я скептик и всегда буду сомневаться. Но тебе я верю и хочу предложить одну интересную игру.

— Сказал же не хочу! Ты наказан и сегодня останешься без развлечения.

— А если мы поиграем не сегодня и не здесь...

— Не понял... Ты что умыслил? Что за игра? — заинтересованно «принюхивается» Лис.

— Игра, от которой ты не откажешься. Ты же азартный, увлеченный. Охотник! Так погнали на сафари?

— Не поеду я никуда, — незамедлительно следует отказ. — В лесу нет сети, а оставить тебя на несколько дней я не в силах.

— А не надо в лес, — сам настолько увлечен авантюризмом пришедшей в голову мысли, что не думаю, что творю. — Этой осенью в городе «И» одно мероприятие намечается — фестиваль восточных культур. Я приеду, ты приедешь, и мы с тобой поиграем. Я буду дичью. Ты охотником. Поймаешь меня, вернемся вместе. Нет — значит не судьба...

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Денис, даже не хочу слышать, что не судьба. И вызов принимаю! Но имей в виду, я не допущу никаких откатов. Пацан сказал — пацан сделал.

— Заметано! — улыбаюсь, чувствуя себя абсолютно безрассудным, слегка умалишенным и непривычно блаженным. — И чтобы ты окончательно поверил в серьезность моих намерений, а также в качестве сожаления за испорченный вечер я сделаю тебе маленький презент. Только не думай, что это подсказка и все будет так просто...

Примечание к части

Саурана* - в легендариуме Толкина майар из свиты Вала Аулэ.<http://hobbitonline.ru/oko-saurona-vsevidyaschee-oko.html>
как в кавказском тосте* - имелся в виду фильм "Кавказская пленница"
<https://www.youtube.com/watch?v=gsQvdhgQwEE>

Часть третья. Любовь. Песнь пятая. Евангелие от Елисея

«Не думай, что все будет так просто...»

Да я и не думаю. У меня в жизни все непросто. Непросто с бизнесом. Непросто с людьми. И с любовью такое же уравнение со множеством неизвестных. Только я не сдамся, и пусть место охоты для меня даже не лес густой, а какие-то уму непостижимые дебри, я не упущу шанс.

От одной мысли о встрече с Дэном вмиг бросает в жар, и в груди начинается такой тарарам, будто там голозадые туземцы устроили дикие ритуальные пляски, а вместо бубна у них мое собственное сердце.

Мне уже не нужно прикрывать веки, чтобы воссоздать образ Дениса. Сейчас я в любую секунду могу взглянуть в его смеющиеся глаза.

Смотрю на крохотный, видимо, вырезанный из какой-то старой фотографии фрагмент с настолько маленьким разрешением, что на экране смартфона изображение выглядит, как в тумане. Это он и не он одновременно. Еще не сломленный, еще улыбающийся, совсем юный мальчишка. Но даже тогда — МОЙ Денис!

Наша любовь, как деревце. Когда-то давным давно, может даже не в этом веке, в двух душах заронилось маленькое зерно, которое возросло, сплелось кронами и вросло корнями в саму нашу суть. А сейчас я хочу отведать плоды этого дерева.

Рука непроизвольно тянется к экрану. Скоро я смогу по-настоящему дотронуться до тебя. Провести пальцами по коже, очертить скулы, острый нос, тонкие губы. Скоро смогу заглянуть в серую дымку озорных глаз и забрать себе твою душу. Ту, что принадлежит мне!

Скоро. Уже так скоро, но пока... За окном полупустой кафешки, что у станции метро, мерзнет плаксивый день промозглой осени, и на душе такая же серость. Воочию наблюдаю, как в дверях заранее оговоренного места встречи материализуется Дьявол во плоти — Митлан, и, тяжело вздохнув, выключаю телефон, отгораживаясь непроницаемой маской. Даже глазом не решаюсь заглянуть в наш мир. Слишком легко Денису получается оголить меня, но при посторонних это непозволительно.

Приветствия, какие-то незначительные фразы — все пропускаю мимо ушей, не для того я приехал на другой конец столицы, чтобы расшаркиваться и время терять на пустую болтовню. Меня ждет Любимый.

— Больше слушай!

«Внимательно» слушаю детальный инструктаж Митлана, более детально изучаю меню, выбирая горячий чай с вареньем, который мне нахваливает молодой официант восточного типа. Ну, а кто еще может работать мальчиком на побегушках в чайхане?..

— И не забывай: дешевый понт дороже денег, — продолжает вдохновенно «петь» о своем Митлан. Не узнаю своего «босса». Вечно сдержанный Борис говорит настолько запальчиво, того гляди кончит от перспектив. — Не стесняйся врать. Показушничать. Он пойдет на контакт, если почувствует в тебе своего.

— Понятно, — согласно мотаю головой, хотя и без ЦУ новоявленного «Станиславского» в погонах прекрасно знаю, как играть роль наркодилера. Я все знаю. Все, кроме одного — что на уме у этого мутного человека, общение с которым всеми силами пытаюсь минимизировать и оставлять в деловых рамках. Но, видимо, мое желание не слышат высшие силы.

— А вообще как дела? — звучит абсолютно не нужный, но вполне ожидаемый вопрос.

«Ну почему ты не можешь не лезть в мое личное пространство? Я же не спрашиваю тебя, почему ты зовешь своих молоденьких девочек мужскими именами, хоть мне и пиздец как любопытно.»

— Все хорошо, — вежливо отговариваюсь, от всего сердца посылая Митлана ко всем чертям: «Ты действительно думаешь, что я сейчас начну тебе душу изливать?»

— Давненько мы не встречались в неформальной обстановке.

«Да-да, в последнюю нашу встречу ты привел ко мне шлюху, которая тянула под столом ноги к моим причиндалам. Так что я бы тебя с твоими экспериментами еще лет двести бы не видел», — мысленно огрызаюсь.

— Сашка каждый раз про твои отбивные вспоминает.

«К чему ты это говоришь? Не скрываешь, что по-кумовски перебиваешь мне кости за спиной? Так для меня это не новость. Только вот какую роль в твоей игре играет Сашка? Не думаю, что он был подставным, и неприкрытая боль в его голосе оказалась всего лишь игрой. Хотя, кто его знает... Может ментов уже и этому учат».

— Вам больше заняться нечем, кроме как обсуждать мои кулинарные способности? — уже не соблюдая субординацию, вкладываю в каждое слово по тонне скепсиса.

— Не ерничай! Нам есть много чем или кем заняться, но находится время и для хобби.

— Например, увлеченно перемыть мне кости, — не спрашиваю, утверждаю. Да и Митлан особо не отпирается. Только не могу понять, к чему он ведет.

— Нет, всего лишь твои пристрастия, увлечения, привязанности... — меня окатывает холодом и тут же кидает в жар. Сумасшедший контраст выбивает испарину и дух.

Лукавые взгляды и однозначные полунамеки Бориса откровенно нервируют. Чтобы хоть как-то отвлечься, разливаю принесенный чай с ароматным чабрецом по пиалам. Но даже сейчас, принимая от меня чай, как подношение его величеству, Митлан-сука довольно лыбится, непонятно о чем думая и на что намекая.

Медового оттенка варенье из молодых грецких орехов разбавляет крепость горячего напитка. Терпеть не могу сладкую терпкость, больше предпочитаю терпкость иного происхождения, солоноватую. Но это все дома, с Денисом. Ругаю себя, ловя на мысли, что опять поневоле думаю о своем парне. «Не здесь! Не сейчас!»

— Может, закончим разговор обо мне и вернемся к делу?.. — вскидываю взгляд и ловлю на себе пристальный — Бориса. В темных глазах отсвечивает дьявольский костерок Азарта.

«Что ж ты на меня так смотришь? Словно знаешь обо мне то, чего я сам о себе не ведаю. Знаешь, но не говоришь. Поиграться со мной решил? Я для тебя невиданная зверушка? Хочешь пальцем тронуть, но сильно опасаясь, что я тебе руку отгрызу? Правильно, бойся!»

Я же вижу, что тобой движет. И это далеко не вера в светлое будущее без наркотиков. Меркантильный интерес, жажда наживы — вот основной мотиватор. Ты уже видишь финишную черту и главный приз — Аладдин, которого я должен преподнести тебе на блюдечке с голубой каемочкой. А ты слижешь с этого блюдечка сливки, ведь крупная партия наркоты принесет колоссальную прибыль. Ты же уже чувствуешь запах шальных денег, вот тебя и прет не по-детски»...

— Мне пора! — делано смотрю на часы, надетые по случаю. Время еще есть, но общаться с Митланом — сложная задача. Он интересен мне, как личность. Но тяжело понимать, что Аладдина посадить он вовсе не хочет. Очередная дойная корова, которую Борис планирует поставить в стойло моими руками. Но отступать поздно...

— Позвони мне, как закончишь! — мою ладонь слишком долго сжимают. Или я уже во всем вижу провокацию?

— Без проблем, нащальника! — отшучиваюсь и покидаю кафе, спиной ощущая прожигающий взгляд Бориса.

После давящей энергетики Митлана Денискино общество как глоток чистого воздуха после газовой камеры. Никогда не подумал бы, что могу впасть в такую зависимость. Никогда не подумал бы, что меня будет потряхивать от необходимости ощутить, услышать его.

— Любимый, я чего-то не пойму, это тебя так колбасит? — даже не удивляюсь, когда читаю сообщение от Дениса, как только включаю сотку.

Парень чувствует меня, и что бы он ни говорил, происходит это неспроста. Пусть пока Дэн не принимает то, что не может или не хочет понять умом, но я уверен, наступит тот день, когда он перестанет отрицать очевидное.

— Не стану скрывать, я весь на нервах. Даже больше: меня колотит самый натуральный мандраж от одной мысли о нашей предстоящей встрече. Ты же не думаешь, что я из стали? — отшучиваюсь, не горя желанием говорить, что к радости от думок о Денисе присоединяется какой-то животный инстинкт, кричащий об опасности.

— Нет, любимый, конечно ты не Кларк Кент*. Для меня ты хоть и не совсем обычный, но все же человек из крови и плоти, которую я очень люблю. Так что кончай дергаться, а то твой психоз мне передается, а мой — тебе. Так недолго и в резонанс войти. Никакого афобазола не напасешься.

— Денис, с тобой мне не нужна никакая химия, — не в силах сдержаться, тяну к себе Дениску. Мы словно два танцора на танцполе, где нет соперничества, а только шаловливые па в ритме bachata*. — Ты и секс с тобой — мое самое верное, надежное и любимое успокоительное!

— Знаешь, как твои слова меня радуют? — парень выкручивается из моих объятий и мягко подлазит под руку. — Пряма улыбка до ушей...

— Я ее вижу. И не только ментально. Ты с каждого гаджета мне улыбаешься, — мои страстные па и не менее страстный шепот в ухо.

— Установил мое фото на заставку? Сдурел? — от меня и снова ко мне, соблазняя, прижимаясь всем телом. — А если кто увидит?

— Сдурел от любви к тебе, — руки скользят по совсем не мягким изгибам тела. Сильный, пластичный, страстный. МОЙ! — И никто не увидит! Это мой телефон, и посторонние в нем не лезят.

— Это понятно. Только при современных технологиях никто не может быть уверенным в абсолютной приватности своей личной жизни. И даже с твоими экстрасенсорными способностями навряд ли возможно почувствовать постороннее вторжение какого-нибудь мерзкого червя или, тьфу-тьфу, управления «К»*.

— Милый, это пахнет паранойей! Да, кому мы нужны? — успокаиваю Денискины страхи.

— Не скажи... Знаешь, сколько любопытствующих, которых хлебом не корми — дай в чужом грязном белье поковыряться? — не унимается парень. — Меня каждый раз передергивает от мысли, что какой-нить компьютерный гений хакнет наши страницы и заглянет через замочную скважину в некий далеко не безобидный порноуголок.

— Еще скажи в интернет сольет в виде какого-нибудь бестселлера, — юмору, уводя Дэна от темных мыслей. — Не ссы! Пусть только попробует, я ему такого ментального щелбана отвешу, что все процессоры сгорят.

— Да-да... Плавали, знаем, — любимый параноик тут же припоминает мне некий инцидент, в котором моей сознательной вины даже близко не было, и следом подкатывает со странным вопросом:

— Лис, меня давно одна мысль гложет, покоя не дает. Ты легко нашел Жентоса. Ты чувствуешь и видишь меня так, что мне порой становится неловко. И даже на электронику, как выяснилось, влияешь. Тебе никогда не хотелось показать всему миру, а не мне одному, свой дар?

— Любимый, ты мне предлагаешь в битве экстрасенсов поучаствовать что ли? — улыбка тянет губы. Того и гляди гомерический смех прорвется. Видимо, Денис очень давно не смотрел ТВ, раз еще не разобрался в подноготной телевидения.

— А почему бы и нет?! Уверен, ты бы не просто дошел до финала этого шоу, а выиграл!

— Ну, во-первых, от того, что это действительно всего лишь ШОУ. А во-вторых, у каждого участия, как и у победы, есть своя цена.

— Понимаю... Требуются колоссальные затраты фуриоку...

— Нет. Все гораздо примитивней. Необходимы элементарные финансовые вложения. Участие — миллион, победа — десять. И это цена вопроса первых сезонов. Думаю, чем дальше, тем дороже.

— Я не понял... — недоумевает Денис, делая умозаключение прямо противоположное утверждению «не понял». — Так это не тебе, а ты должен за победу туеву хучу бабосов отстегнуть?!

— Конечно. Но поверь, эти деньги быстро отбиваются. Поток желающих решить все свои проблемы магическим образом как тѣк полноводной рекой с первобытных времен, так и в двадцать первом веке ни хрена не иссяк.

— Ну еще бы! Я и сам не отказался бы от помощи высших сил, если бы не понимал, что это все муйня суеверная. Да и честно, сколько не смотрел это шоу, всегда ловил себя на мысли, что никому из этих претендентов на звание верховного мага не доверился бы.

— И правильно. Доверие нужно заслужить, а в «битве» большинство участников шарлатаны с большой дороги. Хотя и было несколько сильных магов, но все, как один, темные.

— Ужос! — шутливо ужасается Денис. — Вуду-пипл?

— Вуду, шаманы, знахари, целители — все они банально колдуны. Просто названия разные да атрибутика, дабы неизгладимое впечатление на клиентов произвести, а суть-то всего этого действа остается одна: дать человеку Веру, что его проблемы легко решить заговором, приворотом, молитвою. А Вера, она ж порой сама по себе чудеса творит. Не просто же так существует эффект плацебо.

— Не всякому челу можно фуфло впарить, — включает циника мой закоренелый Циник.

— Это так. Но ведь ко всем этим врачевателям люди в самом крайнем случае идут. Порой на грани отчаянья. Поэтому даже когда им дают всего лишь крупицу Надежды, они готовы Верить во что угодно. Этим и пользуются современные «Джуны — Кашпировские». Зачастую не оказывая никакой помощи, просто внушают, что без их содействия человеку никак не обойтись.

— На том их бизнес и держится, даже если ты полный ноль в экстрасенсорике.

— Да, Денис, много сейчас подобных бизнесменов, но не все авантюристы. Есть еще истинные ясновидящие. Такие люди за свою помощь денег не берут.

— А чем же они тогда живут?

— Работают, как любой работяга, ну или просто подношения принимают, — раскрываю всю подноготную истинного светлого целительства и исподволь интересуюсь, насколько мой Любимый просвещен в темной его стороне: — А знаешь, где ведьмаки свою силу черпают?

— Конечно знаю! Из людей сосут, — выдает Дэн, вызывая у меня довольную улыбку.

— Отчасти верно. Но тянут из людей именно темные маги, а светлые берут энергию у природы: в лесах у деревьев; в горах у камня. А вот догадайся, куда может пойти за подзарядкой именно темный колдун, когда сильно обесточен?

— К гадалке не ходи — на погост! Как представлю: ночь, кладбище... Одинокая фигура бродит меж крестов, а вдоль дороги мертвые с косами стоят, — и тишина... — от души стебется Дениска, почти цитируя неуловимых классиков. — У меня аж все холодеет внутри.

— Денис, я дурею с твоей логики, — пытаюсь вычислить, каким образом Денис связал толпу народа и места вечного упокоения, и не могу. — На кладбище-то зачем? Там живые люди только по случаю появляются, а энергетикой мертвых подпитываться я бы никому не посоветовал.

— Да потому, что все колдуны и ведьмы постоянно на кладбище отираются. А по ночам особыми ритуалами сатану из Ада вызывают и мирно гуляющих под полной Луной готов чуть не до смерти пугают.

— Придумщик! — чуть не до слез хохочу над фантазиями Дениса. — Но все же ты не далек от истины, — признаю, что парень интуитивно понимает тонкую материю энергии, только киношные образы явно замусорили его сознание. Надо исправлять недоразумение: — Если вкратце, существуют ритуалы, которые привязывают к магу заблудшие души. Такие, как души самоубийц, что долго мечутся по земле, не находя упокоения. Вот за ними и приходят темные колдуны на погост, а когда надо совершить какую-нибудь пакость, пускают эту сущность в расход, оберегая тем самым себя любимого.

— Что-то меня перекрестить потянуло, — как обычно отшучивается Денис.

— Не бойся, любовь моя. Я тебя от любой напасти защищу, и ни один чародей к тебе и близко не подойдет, — успокаиваю того, кто даже в шутку лоб не перекрестит. Но ему и не нужно, я давно слепл вокруг него своеобразный кокон, который подпитываю своей энергетикой. — Да и большинство таких обрядов канули в лето, хотя есть еще люди, владеющие знанием.

— Ты владеешь? — прилетает опасно провокационный вопрос.

— Да, не буду врать, — честно признаюсь. — Но пользоваться этой силой не спешу. Это крайний случай.

— Любимый, поправь меня, если я ошибаюсь, но по всему получается, что ты именно темный Ведьмак, — не вопрос, утверждение с отчетливой опаской, скрытой за любопытством.

— Милый, понимаешь, по сути мы все одного поля ягоды. Но одни переступают черту, а другие нет. Я, хоть и получил знание, всего лишь раз применил его на деле, о чем сильно жалею. Как думаешь, можно ли меня считать темным за тот проступок?

— Думаю, что мы все имеем право на ошибки.

— Я не все! — хорошо, что Дэн не слышит сталь в голосе, не видит сжатых челюстей и кулаков. — К себе у меня очень высокие требования, и то, что я могу простить другим, себе не прощу никогда.

— Лис, не перегибай палку, — мягкие волны Любви несут Успокоение. — Мне абсолютно все равно к какой лиге ты принадлежишь. Я уверен — прежде всего ты очень хороший человек, просто потому, что несешь в мою жизнь только свет.

— Малыш, ты смотришь на меня через призму влюбленности, — озвучиваю постоянно беспокоящие мысли, включая мистера Скеписис, что всегда рядом, и господина Самокритику — надежного двигателя саморазвития. Для меня важно, чтобы Денис видел перед собой не какого-то загадочного Ведьмака, а реального человека, со всеми присущими ему недостатками и слабостями. — Ты не отдаешь себе отчета, что связал судьбу с человеком, который может провести ритуал на погосте. Который может подпитаться людской энергетикой. В частности... твоей.

— Лис, даже если это так, для меня это ничего не значит, — уводит меня Дэн с опасной грани самокопания. — Я люблю тебя со всеми твоими тараканами. Подпитываешься от меня? Да на здоровье! Тем более, что мне от твоих подпиток только хорошо. Я уверен, у нас полный симбиоз. Мы, как инь и ян, гармонично обмениваемся энергией: я поглощаю твою тьму, а ты забираешь мою тьму. Я отдаю тебе свой свет, а ты даришь мне свой.

— Дениска, люблю я тебя. И твою странноватую логику тоже люблю.

— А я тебя как! Безумно! — в груди разливается тепло пламенных импульсов, что мечутся от Дениски ко мне. Душа принимает успокоение важных слов, сказанных в нужное время. А разум просто счастлив новому вопросу, который наконец-то кажется логичным и вполне закономерным: — Вот только одного так и не понял: где же ваш брат силы черпает, если рядом с ним нет такого чудесатого донора-вампира, как я? Или ты мне и эту страшную тайну не раскроешь?

— Любимый, я тебе по большому секрету скажу. Только прошу... никому и никогда... ни-ни... — напускаю столько таинственности, сколько могу, чтобы не заржать, как адский конь. — Это страшное место. Полный непреодолимой притягательности дом, в который постоянно стекаются простые смертные, как пчелы в улей. Именно там, под колокольный звон могут подзарядиться обесточенные темные, — рассказываю чуть не фильм ужасов, очень надеюсь, что мой фантазер от переизбытка фантазий не превратится в снеговика. — Ну что, все еще не догадался?..

— Да не может быть... — на меня неверяще округляются глазки смайлика. — Неужели это то самое сооружение с колокольней, про которое я думаю?

— Верно! ЦЕРКОВЬ!

— Бля-я-я... ТАК И ЗНАЛ, что там не так все просто, как кажется! — взрывается восторгом открытия Денис.

— Во-о-о!!! Говорю же, что есть в тебе что-то эдакое! Чуешь ведь, — в который раз раззадориваю «Фому» во всех смыслах неверующего. — А если серьезно, церковь — место скопления энергетических сил, эгрегора*. А еще многие храмы ставили на местах энергетических выбросов, так называемых надломов. Раньше в таких урочищах проводились языческие обряды, а с приходом православия стали строить моленные дома...

—... В которых мракобесы в рясах решили замутить реалисти-шоу «побойся Бога», — тут же подхватывает мой рассказ Денис, далеко не уходя от истины, но, естественно, в своем духе.

Несколько часов с любимым человеком пролетают как один миг, и как не неохота, а нужно выныривать из нашего уютного виртуального убежища, чтобы окунуться в дискомфортный реал.

— Денис, у меня сейчас встреча. — Знаю, что огорчаю парня, но по-другому никак. До randevu с Аладдином минуты... — Не скучай!

— Жду тебя, Любимый, — слова, которые так необходимы мне не только сейчас, но и всегда. Знать, что Дэн меня любит и ждет, а я никогда не обману его Надежд.

Оставляю машину подальше от места встречи. Не хочу, чтобы преступные элементы срисовали номера, а вешать левые — влом, да и нет с собой. Иду по пустынной промзоне и, приподняв воротник пальто, зябко кутаюсь в кашемировый шарф. Холодно, стремно и все слишком странно...

Странно, что Аладдин выбрал для встречи именно это место. Хотя, чего странного? Ему явно не с руки светиться в дорогом ресторане или у памятника рабочему и колхознице на ВВЦ.

Станный автосалон, что арендует складское здание в каком-то захолустье на окраине, но реализует далеко не дешевые автомобили. Может, серый бизнес? Скорее всего так и есть. Какого-нибудь подпольного миллионера, который никогда не попадет в список Форбс. В Рашке таких, что головастики в деревенском пруду.

Странное и непривычное мне состояние. Волнуюсь, даже слегка побаиваюсь. Говорят — на ловца и зверь бежит. Но Аладдин — это точно не тот случай. Я не знаю, какой информацией обладает главарь банды, держащий в руках не только серьезный наркооборот, но и власть, жизни. И я понимаю, с какой легкостью он может сжать пальцы на моем горле, но что еще страшнее, если он узнает о моей слабости — Денисе.

Я видел его на фото, но изображение очень плохого качества. Так что заглянуть в душу наркобарона возможности не было, да и глаза Аладдин прятал, словно чувствуя слежку. Мне предстоит это сделать прямо через несколько минут. Не блокирую свой дар, он мне сейчас жизненно необходим.

В салоне среди новехоньких красавиц-машин с заоблачной ценой не так много посетителей. Если откинуть персонал в три человека и молоденькую даму с уверенным четвертым размером в сопровождении папика, то значит... Значит, этот эффектный восточный принц в классическом прикиде, даже на первый взгляд ценой, как крыло от Боинга, и есть... Аладдин?..

Я обескуражен! Озадачен до растерянности внезапным разрывом шаблона. Как же обманчиво фото. Ожидал встретить какого-то базарного урюка, а тут... Этот человек кардинально отличается от представителей своей расы, которых так привычно видеть то с лопатой, то с метлой.

Я не маленький, но Аладдин меня выше на полголовы. Мужчину можно назвать красивым, хотя и нет в его внешности той слащавой восточной красоты, что воспевают в сказках. Таких, как он, свои же называют «белой костью». Сильный самец, знающий цену себе, своему времени и

вообще всему миру.

Неспешная твердая походка, величественная статья, властный взгляд, что прожигает насквозь. Кажется, он видит все и понимает все. И еще... от него исходит нестерпимо приторный запах крови. Этот человек убивал. И убивал людей без сожаления, будто скот.

Мне стоит огромных усилий собраться и отойти от шока. Надеваю не просто маску. Я копирую его, отзеркаливая. И только тогда расправляю плечи, открыто смотрю в глаза и, отогнав первый страх, иду с ним рядом как равный. Аладдин вроде бы тоже расслабляется и даже шутит, советуясь со мной насчет тачки, которую решил купить.

Удивляет: даже диалог мужчина ведет, как прирожденный султан, выстраивая чистую, без тени акцента речь абсолютно грамотно и ни разу не приправив ее так привычной нам нецензурщиной.

И снова удивляет: Аладдин не просто подает себя, как верховного правителя, но и обнаруживает качества тонкого дипломата. И все мои попытки заговорить о деле настолько ухищренно уведаться в ту или иную сторону, что обсуждаем мы что угодно: тачки, женщин, политику, погоду, но только не «работу».

Через час блужданий по салону подвожу итог встречи:

Купленная Аладдином за наличку машина — одна штука. Кто-то сказал про дешевые понты? Нихрена они не дешевые. На кону не один и не два миллиона.

Номер телефона восточного принца — одна штука. Естественно, в обмен на мой рабочий.

Моя потерянная челюсть — одна штука. И целое море волнения и предчувствия, что просто так я от этого человека не уйду.

— Если что-то срочное — звони, — его величество Аладдин безо всяких церемоний жмет на прощание руку простому смертному Елисею. — Не переживай, если наткнешься на автоответчик, — словно из-под земли возникший джин-телохранитель открывает «султану» дверь в бронированный, судя по просаженной подвеске, автомобиль. — Я перезвоню сам...

— Без проблем! — И прежде чем захлопывается дверь авто, я выдерживаю такой долгий и тяжелый взгляд, что кажется, в гляделки со смертью играю.

Уже в машине накатывает неудержимая дрожь. Клацаю зубами и успокаиваю себя банальным «замерз», но все же признаюсь — это нервы. Нет, меня нисколько не обманули его речи и доброжелательный вид. Я впервые четко ощущаю, что встретил матерого волка, который не станет прикрываться овечьей шкурой. Который не скалит зубы и не вздыбливает шерсть на загривке. Но в любое мгновение вот так же спокойно развернется и с улыбкой на лице полоснет тебя клыками по горлу.

Правильно Люба сказала — он страшный человек. Он даже не человек, а черный монстр в человеческом обличье. Так что расслабляться с ним мне абсолютно точно не стоит. А так хочется.

Устал я от этой гонки, да и впереди совсем другая охота — на моего безликого, но такого светлого зверька. Так что еще один звонок — и на отдых перед поездкой в неведомые дали, если конечно смогу уснуть, мечтая о предстоящей встрече с Денисом. Мечты, мечты... В чем ваша сладость? Мечты ушли, осталась...

— Елисей, ты куда не поедешь! — рычит в трубке телефона голос Митлана, выведенного из себя моим сообщением об отгуле за прогул.

— Я разрешения не спрашивал! — не менее резко обрываю оппонента. — Справитесь без меня! Это всего лишь сутки — двое.

— Ты понимаешь, что подставляешь нас?! — Мент переходит на повышенные тона, но все еще пытается сдерживать себя. — Наконец-то Аладдин вышел на связь, а ты сваливаешь хуй знает куда.

— У меня есть свои дела. Скажем так — БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫЕ! — чуть ли не по слогам рычу в трубку. — Ничего эти пару дней не решат. И потом — я постоянно на связи.

— А если он что-то заподозрит? Все труды к хуям похерятся! — слышать мат от невозмутимого Митлана настолько непривычно, что я понимаю степень его остервенения. Но мне откровенно пофиг, на горизонте яркой звездой маячит моя мечта — Дэн, и я не останавливаюсь ни перед чем, чтобы заполучить его.

— На крайняк у меня есть легенда, — сочиняю, что называется, на ходу. — Скажу, что с местной братвой поехал встречаться, обговорить поставку партии. В общем, спокойствие, товарищ майор. Только спокойствие.

— Так дела не делаются! Ты на службе, а я — твой непосредственный начальник!

— И только по этой причине я ставлю Вас в известность.

Злость закипает. Не хочу сейчас никаких выяснений отношений на тему «я начальник, ты — дурак», или «вы мне не указ». Не хочу слушать претензии и нотации, дурацкие наставления. Раньше не нуждался, самостоятельно действуя, и сейчас держусь того же мнения. Единственное, чего хочу — добраться до города «И» и поймать Дениса. Но ведь Митлан просто нарывается на грубость:

— Ты хотел сказать — перед фактом поставил?! — залупается мент, упорно не желая разойтись добром и решив окончательно вывести меня из себя.

— Борис Николаевич... Вам меня не переубедить, — сухо обрываю собеседника, разом отключая все эмоции. — Я уже все решил!

Примечание к части

Ladies and Gentlemen, небольшая ложка дегтя в бочку ваших Надежд.

МЧБес предупреждает: в связи с великАЛЛЕТными погодными условиями расписание вылетов ВНЛ-рейсов меняется с «через 168 часов по столовой ложке» на «когда Гот на горе перекрестится». <https://coub.com/view/3598j>
Верим, что каждое внезапное пришествие Бесов на эту бренную КФ-землю вы будете ждать гораздо сильнее, чем явление Христа народу.
С Любовью, ваши БЕСбашенные })(:{

*****Снежинки средь весны*****

Кларк Кент* - главный герой сериала «Тайны Смолвиля» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кларк_Кент_\(Тайны_Смолвиля\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кларк_Кент_(Тайны_Смолвиля))

bachata* - красивый и чувственный парный танец, который появился в далёкой Доминиканской республике. <https://www.youtube.com/watch?v=gqiv3X1MWFQ>

«К»* - Управление «К» — подразделение Министерства внутренних дел России, борющееся с преступлениями в сфере информационных технологий, а также с незаконным оборотом радиоэлектронных средств и специальных технических средств.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Управление_«К»

эгрегора* - В религиозных движениях — «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями группы (общности) людей и обретающий самостоятельное бытие.

Часть третья. Любовь. Песнь шестая. Куплет первый. Евангелие от Елисея и Дениса.

«Да какой же Бес меня за язык дернул?!» — на чем свет стоит клянусь одному хорошо мне знакомому парню. Не иначе как в тот миг, когда втянул Елисея и самого себя в эту авантюру, со мной случилось временное помутнение рассудка.

Уже несколько часов, как ищу удобное положение для своих костей в кресле междугороднего автобуса и не нахожу, а еще вся ночь впереди и день, наполненный настолько волнительной неопределенностью, по сравнению с которой кот Шредингера* — детский лепет этого самого теоретика. И надо бы из конца в конец пристроиться, поспать, да какой там. Меня так колбасит, что сна ни в одном глазу.

И вроде бы уже смирился с мыслью о появлении на публике, потратив не один вечер на продумывание наиболее безболезненных вариантов своего выхода в «свет». И уже убедил себя, что беспокоиться особо не о чем — в подобном виде я не только не выделюсь, а наоборот — затеряюсь на этой тусовке, как рыба в косяке. И уже чертову дюжину раз на корню пресек свою дурацкую привычку видеть во всем знаки. А они, как назло, только и делали, что подкидывали мне черные мысли, что не суждено нам быть вместе, ибо на каждом шагу возникали хоть и преодолимые, но все же препятствия.

Сначала батя залупился и не дал в поездку машину. Следом отсутствие прямого поезда из этой Мухосрани до другой Мухосрани подняло нерв, а тащиться с пересадками для меня смерти подобно, если не физической, то душевной точно. И так то одно, то другое. Но, вполне возможно, я просто искал железобетонную отмазку, за которую смог бы зацепиться и никуда не поехать. Но ведь Лис-то хорош! Ловко меня на понт взял: «Пацан сказал — пацан сделал!»

Хотя, я бы и без понтов сделал. Ведь по сравнению с меланхоличной жизнью калеки до встречи с Елисеем, сейчас чувствую себя пусть не совсем здоровым, но абсолютно точно — живым. Спринтером, у которого открылось второе дыхание.

Даже маман, пришедшая забрать на время моего путешествия Маркизку, долго всматривалась в меня, а потом обескуражила внезапным вопросом: «Сын, ты влюбился?».

«С чего ты взяла?» — отмахнулся, пряча свое смущение за маской недоумения.

«Светись весь». — Ну и что на такое ответить? Конечно, я свечусь. Сам чувствую, как течет изнутри горячее излучение, только не догадываюсь, что оно заметно и окружающим. И меня это пугает.

Да-да... Я стал настолько суеверным, что изо всех сил стараюсь скрыть свою Любовь не только от людских глаз, которых практически не вижу, но и от самого себя. Я стал бояться радоваться, смеяться, опасаясь, что вслед за минутами счастья непременно нагрянет какая-нибудь гадость. И все же, оказывается, я свечусь.

Вот и буду сейчас освещать салон автобуса, в котором засыпает свет, заставляя стихать разговоры и выделяя монотонный аккомпанемент шуршания шин об асфальт.

Вглядываюсь в темноту, разрываемую желтыми клиньями фар встречного транспорта. Натягиваю поглубже капюшон мантии и, спрятав кисти в длинные рукава, сплетаю руки на груди, отгораживаясь ото всех. Я душой с моим Лисом, хотя телом трясусь по ухабам российских дорог.

Так хочу хоть одним глазком заглянуть в наш мир, чтобы немного успокоиться, приободриться. Но нет... Послав прощальный поцелуй и обнадеживающее «до встречи» Любимому, я давно уже вырубил гаджет, дабы не искушать себя возможностью всю ночь протрепаться с моим Ведьмаком, а в результате в ноль посадить батарею с сомнительной возможностью подзарядиться.

Завидую способности техники по одному нажатию на кнопку спокойно спать в кармане рюкзака. Я так не могу. Ведь на призрачной глади моей решимости и сейчас мелкой зыбью идут бесконечные сомнения, а от мысли о предстоящей встрече с Лисом бесконтрольно подымают нервные клетки. Потому что не просто надеюсь — ВЕРЮ, что даже если он не найдет меня в этой толпе, я совершенно точно увижу его. Увижу не на фото, не в своем воображении, а живого, реального. И это станет настоящим испытанием.

О, духи, дайте мне сил не сорваться. Не броситься отчаянно в объятия своего парня. Или трусливо не сбежать. Ведь я сам поставил условия и должен придерживаться правил. Но как бороться за свою Любовь со своими же Демонами, которые развязали во мне холодную войну? А когда пытаюсь примирить все враждующие стороны, рассовывая по квадрату Декарта* тысячи вариантов «что будет или не будет, если...», мне кажется, я успокаиваю их, но обманываю сам себя.

Я устал от этих бесконечных терзаний. Перегруженный треволнениями мозг настойчиво требует перезагрузки, но стоит ненадолго окунуться в спасительные объятия Морфея, как на сцену выходит мое дремлющее альтер Я — чистосердечное, прямолинейное подсознание.

Вылезает и подбрасывает экспрессивные картины нашей встречи, безжалостно прорисовывая тушью самые тайные желания, пугающие своей откровенностью, и поэтому скрытые в акварельных полутонах глупого, иррационального страха увидеть разочарование в любимых глазах. Не померкнет ли после этого Солнце в нашем мире?..

«Елисей. Лис. Мой охотник и хитрый хищник в одном лице. Как ты? Спишь, или так же, как я — мучаешься бессонницей, думая о завтрашнем дне и рефлекслируя?» — от одной мысли о любимом в теле вспархивает стая легких бабочек и каждым взмахом крыльев проясняет мозг, затянутый плотным туманом переживаний.

— Я увижу тебя, — на краю сознания шепчу заветные мысли, и призрак улыбки трогает уголки рта...

***

— Я увижу тебя! — твержу, словно мантру, кружась веретеном по квартире.

Почти не спал, но чувствую себя Гераклом, готовым укротить в себе критского быка, снести авгиевы конюшни и отказаться от всех девственниц мира ради одного-единственного парня, который стал для меня светом в окне.

Уже собран рюкзак с необходимой мелочевкой, что может понадобиться в дороге, уже проложен маршрут по М7, и рассчитано время в пути.

Время, что мне придется провести без моего мальчика, который, взяв тайм-аут на «не тратить батарейку в дороге», всю бесконечную ночь, а по ощущениям — несколько дней, не появляется в Сети.

Удивляюсь его выдержке. Я так точно не могу и в который раз, даже не знаю зачем, заглядываю в наш мир. Наверное, вошло в привычку. Наверное, сдают нервы.

Ведь все эти дни живу то в возбуждении, то на адреналине от предвкушения такой долгожданной встречи. Меня постоянно и в любое время суток накрывают видения, в которых чувствую душевные метания Дениса и переживаю их вместе с ним.

А то и собственное воображение подкидывает жаркие фантазии, и тогда я отчетливо представляю, как медленно подхожу к Дэну. Как читаю в его глазах бурю эмоций от бесконтрольного Страх до бесконечной Любви. Как сжимаю его в объятиях и стою, уткнувшись носом в макушку, вдыхая запах волос, и не хочу расцеплять рук. И в этой кантус фирмус* меня накрывают такие волны эйфории, что захлебываюсь в эмоциях. А сегодня — верю! — все изменится, и мои фантазии воплотятся в реальность.

Раннее утро, и еще темно. Осень, властвуя над миром, меняет свет на тьму, тепло на холод. Марш-бросок до автомобиля. Блаженная улыбка не сходит с лица. В мыслях имя, наши разговоры, бессонные ночи заставляют частить пульс, повышают температуру, разливаясь лихорадочным румянцем по скулам.

«Я найду тебя! Найду! — Даже мысли нет, что будет иначе. — Мы вернемся вместе, и ты будешь сидеть вот здесь, рядом со мной, — кидаю взгляд на пассажирское кресло, на котором вместо Дэна пока «сидит» рюкзак. — Я сделаю тебя счастливым!» — И давя на педаль акселератора.

МКАД, как всегда, ничем не удивляет. Скручиваясь в кольцо уробороса, пестрая анаконда пробки уходит своей «головой» аж до «Рязанки». Взгляд на экран сотового. Времени еще предостаточно, но психоза это не уменьшает. Раздражает все: каждая тачка, что мельтешит перед капотом, мешая набрать достаточную скорость; повисший над трассой зловонный смог; гудки клаксонов, и особо — наглые обладатели «люстр» на крышах.

Чтобы вырваться из потока, сам наглею выше крыши и, рискуя нарваться на неприятности, выруливаю на выделенную полосу. Вот теперь можно и притопить. Скорей. К Денису. Стрелка акселерометра ползет вверх. Я бы взлетел, если бы моя немка могла летать. Но она не может...

Удар немецкого колеса, угодившего в российскую выбоину, пробивает арийские амортизаторы до упора и передает привет славянской заднице, по инерции подкидывая меня в кресле так, что макушкой проверяю на прочность крышу салона, а языком — знание русского всемогущего.

«Херня, прорвемся!» — мысленно завершаю витиеватую тираду во славу «Автодору». Это все мелочи жизни. Главное, что уже вижу конец пробки и радуюсь, словно дикий мустанг бескрайним просторам прерий.

Только чувство радости потихоньку гаснет вместе с ощущением, что машину упорно ведет вправо. Пытаюсь выровнять и держаться своей полосы, но одержимую собственными демонами тачку упорно несет на отбойник.

— Блять, блять... Только не это! — догадка медвежьими когтями полосует душу, и мне ничего не остается, как включить аварийку, притормаживать, выруливая на «бермудский треугольник» безопасности, где вечно стоят попавшие в передрагу «корабли» автодорог. Сомнения отпадают, как увядшая листва с деревьев, когда вижу дымящееся колесо.

— Ну-у-у, не-е-ет... Как ты могла меня так подвести? — валю с больной головы на железную подвеску, не желая осознавать, что я теперь безлошадный.

Хватаюсь за все: за эту самую голову, что готова разорваться, буквально слыша, как тиктакет уходящее время; за сердце, что резко потяжелело, заныло и вообще готово прикиннуться аппендиксом; за машину, будто своей ментальной силой смогу что-то исправить.

— Да что за херня происходит?! — Во мне рекой Стикс* течет Злость, сливается с Коцит* — Ярость.

Укрываюсь в салоне, не в силах боле слушать шум проезжающих машин и тишину убегающего времени, когда Я СТОЮ. Вакханалия в душе и мыслях. Нечто темное, что всегда толкало меня на безрассудные поступки, шевелится внутри. И нужно прямчас успокоиться, а иначе натворю дел.

Откидываюсь на спинку кресла, прикрывая глаза. Из динамиков, в унисон с моим состоянием, звучит французская песня* далекого семьдесят пятого и тревожит печалью, которой наполнен мотив. Вслушиваюсь в красивый мужской голос и вроде начинаю приходить в равновесие.

«Думай, Лис, думай! Пересесть на байк?!» — Первая мысль, как блин: скомканная, рваная и безумная.

«Но на улице ни хрена не май месяц. Хотя и не совсем холодно, но все прелести осенней погоды уже вовсю радуют любителей «пушкинской поры». Да и несколько сот кэмэ в седле не вселяют энтузиазма. Я потом не то что не почувствую Дениса, я его не замечу, даже если он рядом пройдет. Спортбайк — это не чоппер. Опять же, проходить весь день в замызанной грязью защите на многолюдном мероприятии — не вариант», — приводит веские доводы разум и взрывается новыми идеями: «Попутка? Поезд? Автобус?», которые тут же проверяю на осуществимость.

Инет. Пролистываю варианты «BlaBlaCar», расписание ж/д и автовокзалов. Бешусь, когда то одно, то другое упирается в ненавистное «НО»: попутки были, но уже сплыли; автобусов полно, но столько часов в пути меня никак не устраивают — я тупо упущу половину драгоценного времени.

«Блять! Блять! Блять!!! Ну почему именно сейчас?!» — снова выхожу из берегов. Не хочу, не верю, что не судьба. Не замечать очевидных фактов невозможно, но я сильнее обстоятельств. Меня ждет Дэн, я не имею права его подвести. Все будет по-моему, тем паче, что уже нашел вариант, как быстро и более-менее комфортно долететь до города «И»: могучий, летучий, с раздвоенным хвостом вариант, под названием «Ласточка».

Осталось решить только один вопрос. Если бросить машину, за сутки ее точно эвакуируют — заебешься искать, да и ждать техпомощь времени нет. Значит нужно подергать за ниточки. Сказано — сделано! Пара звонков, и один из концов отзывается обещанием быть как только, так

сразу. Вариант вполне приемлемый, но только не сейчас. Псих накачивает такой, что желание отыгаться на первом встречном за все исключения поднимается к точке невозврата.

Искренне надеюсь, что никто под горячую руку не подвернется, снова собираюсь в путь. Давно я туриста не изображал, но сейчас придется. Рюкзак за спину. Документы на авто в багажник, багажник на ключ, ключ под пассажирское сиденье. Пусть рискованно, но выждать, пока по пробкам до меня доберется техпомощь или человеческая взаимовыручка, не собираюсь.

Времени в обрез. Такси до Курского. Едва успеваю на скоростную птичку. Кассы. Билет. Бегом по перрону. Заскакиваю в, хвала духам, полупустой вагон. Плюхаюсь в синее кресло, скользнув взглядом по розетке с волшебными кодом — 220В. Только когда состав трогается, позволяю себе перевести дыхание. Полетели...

За окном рыжим лисом мелькает осень, но мне не до ее красот. Я еду ему навстречу. Он едет навстречу мне. Мы, как два пилигрима из школьного учебника по математике, вышли из пунктов «А» и «В» и должны встретиться в пункте «С». Должны. Непременно должны!

— Любимый... Это приключение я запомню надолго...

***

— Любимый... Это приключение я запомню надолго, — выхожу из уже ненавистного автобуса, разминая затекшую спину. Благо таблы с собой догадался взять, а то бы уже проклял все на свете.

Незнакомый город даже пахнет как-то по-иному. Незнакомые улицы непривычно прилипли прямо к фасадам старинных домов в два-три этажа. Незнакомые люди никуда не спешат, и только — чувствую — бросают вслед привычно любопытные взгляды. Ну хоть что-то в этом мире неизменно с римских коллизеев и до нынешних времен: поглазеть на тех, у кого не все гладко сложилось в жизни.

В рюкзаке припасено мое спасение, и я бы рад хоть сейчас закрыться ото всех, но уверен, в таком виде привлеку еще больше внимания. А значит, необходимо как можно быстрее добраться до места встречи, которое изменить нельзя, чтобы уже там с честью сыграть роль неуловимого оборотня, что так жаждет быть пойманным.

Поездка в такси кажется минутным развлечением, по сравнению с автобусной одиссеей, а дворец культуры больше походит не на охотничьи угодья, а на стилизованный под старину желтый дом, обитатели которого внезапно вырвались на волю.

Затаившись за вековой елью, осторожно приглядываюсь, прислушиваюсь, приноживаюсь к обстановке. Как ни странно, она радует.

У входа в ДК толпится такая толпёнь странных задротов, что затеряться в ней мне будет проще простого. Девочки, мальчики, взрослые и совсем еще дети непрерывно перемещаются, кучкуются в стайки, таскают какие-то декорации, нетерпеливо ожидая, когда же их допустят на собственный праздник.

Смех, радость — толпа фонит предвкушением шоу и заражает меня жадой приключений. Впервые за долгие годы затворничества я действительно хочу оказаться в этом буйстве эмоций. А с моей задумкой ничто не помешает этого сделать.

Остается осуществить замысел, и все бы ничего, но одно обстоятельство серьезно тревожит. Лис опытный зверолов, и мне нужно быть осторожным. Что, если он уже здесь и устроил засаду прямо на входе?

Вот тот высокий парень в фашистской форме, что стоит ко мне спиной — вроде фигурой похож, или вот тот жеманный пиратик с «Чёрной жемчужины». Хотя нет, Елисей бы так ни за что не нарядился. Или нарядился? Кто знает, на какие безрассудства он способен? Все же насколько мало я изучил Любимого, да и чувствовать, подобно ему, не могу. И почему у меня нет такого же ведьмовского «нюха»? Я бы хоть как-то смог взять лисий след, и сам бы с удовольствием поохотился за этим охотником.

Но не умею я ничего такого сверхъестественного, вот и замирает сердце, когда вглядываюсь в любую статную фигуру, пытаюсь разглядеть в ней своего парня.

А разглядеть нелегко. Толпа жаждущих не хлеба, но зрелищ все прибывает, и двери ДК уже открыты, поднимая степень моего волнения на новый уровень. Словно не во дворец врата распахнули, а в душе моей — настесь.

Пора. Игра есть игра, и настало время проникнуть на территорию нашего угодья, чтобы осмотреться, разнюхать все норы, лазы и пути отступления. Ну не ныкаться же под этим раскидистым деревом весь день? Настало время перейти под совсем иную защиту.

Несколько совсем не волшебных пассов, и я собственным телом чувствую покровительство древнего демона, который мне безумно нравится. Близость этого божества расправляет сутулые плечи, даруя уверенность и легкое безрассудство. Его сила течет адреналином по кровеносным сосудам, распалая азарт. Уколом тестостерона заставляет схлопнуться страх, превращая этого слона обратно в муху.

Я — все равно я, но уже и немного он — пронизательный, мудрый, изворотливый. Легкий прищур раскосых глаз выдает лукавство. Хищный оскал зубов — решимость действовать. Здесь никто не запрещает серой мышке обернуться в грациозную кошку. Скромной кошечке — во всемогущего тигра. А властному тигру — в послушного щенка, и хоть несколько часов побыть самим собой.

Вступаю на извилистую звериную тропу нашей игры и уже знаю, как сделать первый шаг, чтобы сразу не угодить в невидимые силки. Врубаю мобилу и счастливо улыбаюсь, видя, что Лис в сети. Ждешь весточки от меня, мой Охотник? Ну так лови...

«Любимый, я на месте», — набираю совершенно безобидный текстово-тестовый запрос и отправляю адресату...

***

— Любимый, я на месте, — читаю смс и чуть не подсакиваю в кресле.

Ни разу в жизни так не нервничал. Видимо, по закону подлости, когда всем своим существом летишь к Любимому, дорога кажется бесконечно

долгой, а сегодня так и вообще все через жопу. Мало того, что мой мальчик уже в городе, уже ждет меня, а я все еще тряусь в поезде, так еще и изначальный план — поймать Дэна на входе летит кувырком к Бесу на кулички. Ну что ж, не будем искать легких путей. Ведь чем труднее достается желанный трофей, тем он ценнее.

— Лечу к тебе, счастье мое. И очень быстро, — строчу смс, улыбаясь, как debil в весеннее обострение. Чего только не нафантазируешь во время такого путешествия — до боли в паху от перевозбуждения. Разум пьянит эйфория. Во мне царствует весна, пробегаемая ласковым ветром по коже, хоть на дворе совсем не соответствующее время года. Как сказал классик — унылая пора, очей очарование.

— Оу-у-у! Я сразу вообразил тебя верхом на «Соколе», но думаю, тогда бы ты мне не ответил. Так что смею предположить, что ты летишь на крыльях любви! — незлобно подкалывает мой давно уже близкий и уже не такой далекий человек. А скоро, совсем скоро он окажется от меня на расстоянии вытянутой руки и еще ближе...

— Ты, как всегда, проницателен, малыш, — вздыхая, обвожу взглядом ряды кресел ненавистного общественного транспорта, отмечая, что одно несомненное преимущество у него есть: я могу спокойно трепаться с Любимым, что и делаю: — Но верхом на «Соколе» в такую даль ехать, мягко выражаясь, проблематично. Так что я решил долететь в чреве «Ласточки».

— Не понял. А почему не на машине? — невольно сыпет соль на рану Денис.

— Это я тебе расскажу при личной встрече! — перевожу стрелки на позитивный путь. — В перерывах между поцелуями.

— Какая будоражащая перспектива, — подхватывает мой настрой Денис и не преминет раззадорить: — Но для начала тебе нужно будет меня найти. Ты же не думаешь, что я попаду в прицел твоего ствола, едва заслышав знакомый манок. Согласись, так будет неинтересно.

— Любимый, не стану кривить душой, я бы не отказался от такого расклада, — откровенно признаюсь, чувствуя, как в сердце теплится Надежда, что Денис пересилит страхи и сам подойдет к своему охотнику. И все же не могу не признать его правоту: — Но пожалуй соглашусь, что такой сценарий будет больше смахивать не на охоту, а на игру в «поддавки». И тем не менее верю... — не могу отказать себе в ответной провокации, — что ты не отсидишься весь день в какой-нибудь темной норе под разлапистой елью?

Даже не знаю, почему именно картинка испуганного зайчика с прижатыми ушками, затаившегося под сенью колючего лапника, приходит в голову, ведь Денис точно не мальчик-зайчик.

— Нет, конечно! — словно отвечая на мой внутренний вопрос, отзывается Дэн. — Я намерен играть по правилам и хочу, чтобы ты поступил так же. Поэтому не отключу телефон, но прошу — не звони. Я хочу, чтобы твоя охота была честной.

— Любимый, я с тобой всегда был и всегда буду честен, — уверяю Дениса, но понимаю, что в этом плане ситуация сложная: глаза мне никто не закрывает, да и в голове все равно копошатся хитроумные идеи — устроить засаду на моего дикого зверька в местах, куда не только земляне ходят, но и такие инопланетяне, как я: буфет, гардероб, туалет. Поэтому и считаю своим долгом расставить все точки и запятые: — Малыш, надеюсь ты понимаешь, что я не буду ходить на этом мероприятии с завязанными глазами, и все же постараюсь не высмотреть, а именно учуять тебя в толпе, подключив дар сенса.

— Согласен, — одобряет мои планы Дэн и даже расщедривается на некий карт-бланш. — Ничего не имею против «высмотреть». Ведь я сам скинул тебе некий маленький презент.

— Для меня это бесценный дар... — хочется столько всего написать, но от волнения путаются мысли. — Жди меня, малыш. Не пройдет и часа, как материализуюсь в городе «И» и приложу все силы, чтобы поймать в свои загребущие лапы мою желанную дичь, — шуточно и совсем не шутя уверяю Дениску, что не успеет и глазом моргнуть, как его настигнет моя всеобъемлющая Страсть и Любовь.

— Жду, — такие важные для меня слова. — А пока ты еще не утолил свой голод, хочу от всей души пожелать тебе ни пуха ни пера.

— К Бесу!!! — искренне радуюсь, удивительно к месту припоминая прицепившееся ко мне погоняло.

Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум — сердце в груди. Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум — колеса по рельсам. Я все ближе к нему и уже так соскучился, что хочу коснуться хотя бы душой. Но рано, слишком рано. Надо добраться до места, прежде чем прощупывать пространство. Не нужны мне чужие жизни, судьбы. Мне никто не нужен, только он.

Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум — мечется в теле душа. Трепещет, мается. Я мечтаю облачить все свои мысли в слова, если это вообще возможно, и, глядя в глаза Денису, рассказать, как безумно люблю его.

Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум — время отсчитывает секунды, минуты. Час. Всего лишь час...

***

Час. Всего лишь час на то, чтобы освоиться на территории, пока на ней вполне безопасно и можно относительно свободно передвигаться.

Относительно — это мягко сказано. У гардероба столько народа, что приходится буквально лавировать между сумасшедших ученых и несостоявшихся Наполеонов. Протискиваться меж пышных кринолинов разряженных придворных фрейлин и целомудренно отводить взгляд от полуголых нимф, одетых, кажется, лишь в заколки для волос да бодиарт. Шарахаться от ножей Фредди Крюгера, от когтей фури, от грязных бинтов спелёнутых мумий, от окровавленных клыков вампиров и... от вспышек фотоаппаратов.

И вроде ничего страшного, просто дает о себе знать привычка оставаться безликой тенью, а в остальном, как ни странно, чувствую себя среди не вполне адекватных людей вполне комфортно. Просто уже забыл, как это бывает весело и прикольно. А сейчас мне нестерпимо хочется вспомнить такую далекую, прежнюю жизнь.

Я бы непременно потискал вот ту смазливую девчонку, что держит над головой разноцветный плакат с надписью «обними меня». Не из каких-то амурных чувств, а просто ради забавы. Я бы сказал несколько особо сногшибательных лозунгов прессе, что сует мохнатый микрофон во все размазанные рты. Я бы даже пересилил себя и сфоткался с какими-нибудь сказочными долбаебами, чтобы потом потрепать нервы Лису и

поугорать над его сценами ревности. Я бы...

«Ладно, помечтал и хватит!» — сам себя останавливаю, понимая, что становиться пациентом этого дурдома мне не к лицу. Мне бы сменить свой черный прикид на белый халат и вжиться в роль врача-психиатра, который не горит желанием вылечить этих счастливых шизиков, а отстраненно наблюдает за вакханалией безумства. Впрочем, кажется именно им я себя и чувствую, не спеша раздавать диагнозы и прекрасно понимая, что каждый в этой монотонной жизни имеет право на маленькое или большое сумасбродство. И я сам здесь конкретно из-за своего...

Хотя сходить с ума мне сейчас недосуг. Включаю мозги и, поджидая своего охотника, обхожу зону предстоящей игры, придирчиво анализируя обстановку.

По хоженным тропам, на запах еды. Буфет под вывеской «Итадакимас»*. Спрятаться тут негде — прилавок, столики, стулья. Аромат печеного, вареного, жареного такой, что можно слюной захлебнуться. Надо валить отсюда, потому как имея огромное желание пожрать, но не имея особой возможности, так и тянет надаться. «Как-нибудь потом», — обещаю себе и крадусь дальше.

Фойе. Пестрящие всякой непонятной мне всячиной торговые лавки. Невиданно-странные мягкие игрушки, к которым тянутся взгляды и руки сумасшедших отаку. Невообразимо дорогие пластиковые фигурки, цены которых заставляют отваливаться челюсть. И тут — как на открытой площади, разве что обмотанные воздушными шарами колонны можно использовать как временное прикрытие и за которыми мне-дрыщу укрыться не проблема. Пока шарю глазами по сторонам, чокнутые продавцы суют под нос то значки, то кружку, то книжки с целующимися на фасаде парнями. Тут сплошная пропаганда того, что пропагандировать запрещено, или я вижу то, что хочу видеть?

— Как-нибудь потом, — бросаю пустое обещание крейзи-торгашам и уношу ноги от греха подальше — в такую приветливую темноту.

Зал. Огромный! По периметру амфитеатр и балконы. Множество входов, которые при необходимости могут стать выходами. Отлично, тут легко затеряться, особенно во время представления, когда зал погружен в полумрак. Как говориться, чтобы спрятать вещь, положи ее на видное место. Я конечно не вещь, но можно попробовать слиться с многоликой толпой. И, кажется, у меня уже получается.

Звонок. Один, второй, третий. То ли люди, то ли куклы*, будто под звуки волшебной дудочки исчезают за дверями зрительного зала, а я стою одиноким кабанчиком на открытой площадке для прикорма. И если бы мой охотник сидел сейчас на вышке — взводи курок, пли, и добыча в твоих руках. Но только мой зверолов слегка задерживается к открытию сезона, давая мне фору на старте. И я не могу не воспользоваться моментом.

Да и прятаться не особо охота. Пусть даже у меня нет никакого конкретного плана и скорей всего придется действовать по обстоятельствам, все же я первым занял территорию, а следовательно преимущество на моей стороне. Я ведь могу быть не только преследуемой добычей, но и сам повисеть на хвосте у Лиса. Опасно, рискованно, но тем увлекательней.

Мне немного любопытно, что творится за дверьми, откуда доносится приглушенный гул, похожий на музыку и, вероятно, людской рев, больше напоминающий вопль сраженного Тесеем Минотавра. Но желание собственными глазами запечатлеть, как мой Охотник идет навстречу своей судьбе — это как Бетельгейзе по сравнению с Солнцем*.

Время. Время! Уже скоро он должен выйти на исходную, и меня так лихорадит, что внутри непрерывно дрожит какая-то дурацкая поджилка. И не вырвать ее и не утихомирить. Ухожу вглубь фойе, чтобы не отсвечивать рядом с изображающими спецназ парнями в камуфляже. Силой заставляю себя оторвать взгляд от входа и все равно смотрю только туда, словно стрелка компаса на магнитный полюс.

«Он?»... — взглядом цепляюсь то за одного, то за другого парня, каждый раз внутренне содрогаясь при мысли, что любой следующий входящий человек может оказаться Лисом.

Время. Время! Сердце скачет табуном жеребцов, отдавая гулким цокотом «копыт» в уши. Адское пекло. Лоб, ладони в испарине волнения, и остается только судорожно глотать воздух, вычлняя взглядом из толпы новую фигуру.

«Он? Не он»... — провожаю взглядом долговзосого фрика. Глаза не находят те единственные черты, что так желаю увидеть. Кажется, еще немного и меня разобьет удар. Голова гудит. Перед глазами все плывет. Мне нужно взять себя в руки, потому как в теперешнем моем состоянии увидеть среди постоянно входящих-выходящих гостей приближающегося с неизбежностью рока Лиса... Да я залетевшего птеродактиля не замечу.

Время. Время! Утыкаюсь носом в витражное окно, за которым по широкой площади разбредаются «клиенты психушки», и сам недалеко от помешательства. В голове кавардак, там пируют мои обдолбанные Демоны, ширнувшиеся адреналином, обкурившиеся кортизолом, опьяненные дофамином.

Ель, за которой я сам прятался всего час назад. Рядом парень. Черная куртка. Рюкзак через плечо. Светло-русые волосы. Вдалеке не разглядеть черт лица, глаз, губ. Но мне и не надо видеть, чтобы знать — это...

Он! — душа, разум, тело замирают космологической сингулярностью*. Напряженным, взрывоопасным, кипящим супом*. Только тронь и разлетится частичками Бога, порождая новую Вселенную.

Лис... Мой Лис... Отдаю прохладе стекла палящий зной своих рук, готовый просочиться сквозь прозрачную преграду вездесущим электроном, чтобы окутать призрачным облаком ядро своих чувств. Между нами растет напряжение, пробегаая вдоль позвоночника волной мурашек, порождая тремор в руках, вставая в горле комом. Жар. Холод. И снова жар.

И пока меня телепортирует из Африки в Антарктику и обратно, само «ядро» уже срывается с места и решительным шагом приближается к своему нестабильному элементу. Пропускает сквозь пальцы взъерошенные волосы. Цепкий взгляд скользит поверх голов. Еще миг и остановится на мне.

Возбуждение — Страх. Счастье — Страх. Эйфория и снова страх. Внутри дымят микросхемы и не срабатывают предохранители. Сигнал пришедшего сообщения поджигает детонатор в моей голове-мине.

Отлипаю от стекла. Читаю привет от своего Охотника. Медленный разворот. На ватных ногах шаг. Шаг. Шаг... Косоглазым русаком — только пятки сверкают! — набираю скорость, с каждым мигот приближаясь к спасительным дверям, а вслед за мной несутся мои-его мысли:

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать. Кто не спрятался, я не виноват»...

***

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать. Кто не спрятался, я не виноват», — отправив смешную детскую считалочку Дэну, улыбаюсь, как умалишенный.

Счастье, искреннее и такое чистое, лучится, греет изнутри предвкушением долгожданной встречи. Не думал, что все будет так легко, но стоя у этого вечнозеленого дерева, я отчетливо чувствую моего мальчика.

Он был здесь совсем недавно, касался рукой шершавого ствола, а потом ушел внутрь странного дворца, около которого слоняются подозрительно странные люди и нелюди.

Девочки, мальчики и даже взрослые особи вроде бы человеческой расы, играют в свои собственные игры: в супергероев и мегазлодеев, в земных засранцев и космических засланцев, в небожителей и жителей с пропиской в преисподней, и еще бес знает в кого. Обрядившись в картонные латы или залатанные обноски, в строгую форму или бесформенное кигуруми, в голографические облачения или полуголое разоблачение, отпускают на выгул своих личных Демонов. И где-то среди этой садовогоморя мой Денис, которого мне, во что бы то ни стало, нужно найти.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — Найду! Непременно найду! Прошел уже час, но я все еще вижу его еле приметный след. Уже почти истаявший, серебристо-голубой. Но все еще манящий, возбуждающий, заставляющий вскипать мою кровь огненной лавой.

Жар разливается по телу. Я столько времени нервничал, волновался, мандражировал, но только сейчас осознаю в полной мере, что такое острый психоз, смешанный с азартом зверолова. Какой там охотничий кордон! Все на свете кабаны, медведи и даже мамонты меркнут перед возможностью поймать главный трофей моей жизни — Дениса.

Гормоны Любви и стресса в крови насыщают каждую клетку, пьянят, и меня штормит так, что подрагивают пальцы. Я всегда был вспыльчивым, но никогда не терял голову, а в этот миг чувствую, как конкретно едет крыша.

Хочется совершить какой-нибудь подвиг или, может быть, глупость, что для меня сейчас однохуйственно: посадить три тополя на Плющихе и заблудиться в них; построить летучий корабль и, сказав волшебные слова, умотать с Дениской на далекие восточные острова; ну, или растянуть плакат над какой-нибудь центральной улицей с лозунгом о свободной любви. Классно придумал, на целых пять штук деревянных потянет! Так что отложим это безумие на потом. А пока...

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — Дурацкая детская считалочка не выходит из головы, но заставляет сосредоточиться на главном.

У нас серьезная игра. Охота. Мысленно приказываю себе прекратить валять дурака и собраться. Под восторженный трепет души неугомонной гончей держу нос по ветру, пытаюсь уловить энергетические отпечатки Дэна, что словно в окулярах тепловизора появляются то тут, то там, и зовут-тянут за собой.

Сложно. Очень сложно. Всегда сторонился подобных мест. Слишком много людей, слишком много судеб и не всегда счастливых, даже у юных посетителей. И хоть я готовил себя к чему-то подобному, все равно страшно сунуться с головой в этот кипящий котел страстей. Но удача в самом начале охоты придает сил, уверенности. Всего-то нужно ухватить один конец тонкой нити, чтобы на другом обнаружить свою Любовь. И эта нить уже у меня в руках. Тонкая, вибрирующая, драгоценная.

Осторожно прошупываю пространство, стараясь не касаться ничего стороннего. Только получается, мягко выражаясь, хреново. Моя зона комфорта два шага, но об этом, видимо, не догадываются чудики, что толпятся перед зданием ДК, и то и дело нагло вторгаются в личное пространство. Даже когда я закрыт, сложно отсечь тянущиеся шлейфы чьих-то судеб, молящих о помощи. А сейчас мне просто не под силу заглушить серым цветом фосфоресцирующие вокруг разноцветные пятна эмоций. Не получается. Это сбивает. Но ничего. Справлюсь.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — Судя по всему, публика здесь не только неформальная, но и законнепослушная. На входе серьезные парни в военном камуфляже, разгрузках и с пластиковыми автоматами, которые на первый взгляд выглядят вполне впечатляюще. Правильно! Порядок должен быть даже в таком балагане. Может зря я не принарядился, а то бы сошел за своего?!

Фигуристая девочка с кошачьими ушками, цокая жуткими когтями по клавише ноута, быстро меняет мои деньги на лицензию на охоту — цветной бумажный браслет. Теперь я легальный ловец тела одной горячо любимой души на этом празднике непослушания и могу изнутри изучить «темный лес», чтобы выдернуть из него своего упрямого неслуха.

Нетерпение зудит в каждом нерве. Нестерпимо хочется сорваться и вихрем пронестись по всему этому дворцу, заглянуть в каждый потаенный закуток и темный уголок. Но все же я опытный следопыт и знаю, что такое выдержка.

Не спеша осматриваюсь. В фойе ярмарка. Немногочисленные разряженные клоуны копошатся в товарах. Денис проходил здесь, но шлейф его ауры истерт чужими касаниями, словно ластиком, а оставшиеся обрывки разметаны светлыми клочьями, словно островки снега на согретой весной земле. И так же неумолимо тают. Мечусь между ними, надеясь не потерять след. И новой удачей — яркий, свежий.

«Ты меня видел, Любимый?» — Через стекло разглядываю дерево, под которым стоял, и накрываю ладонью отпечаток пятерни Дениса, ощущая его тепло, что сохранилось, как специально, для меня. Если бы не толпа народа, я бы мигом нашел парня, даже если бы он, как в сказке о Царе Салтане, в комара превратился и в щель забился.

Но и сейчас я на верном пути, не только видя, но и чувствуя сердцем, как уползает за двери зала мерцающая змейка таких родных отметин. И словно мангуст, движимый инстинктом, я иду по этому извивающемуся хвосту к опасно переполненной всяким бредом голове — Денису.

Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать... С каждым шагом все ближе к нему — с каждым шагом все громче восторженные выкрики и грохочущее музло. С каждым шагом все плотнее сплетаются чужие эмоции, пряча за собой след Дениса — с каждым шагом приходится

открываться все сильнее.

Двери зала, как врата в другой мир. Словно Джек Воробей стою у того рубикона, за которым — знаю — попаду в клыкастую пасть пульсирующего монстра человеческих эмоций, но мне нужно туда.

«Надо было прикупить костюмчик пирата. Вот бы Дениска обрадовался», — прилетает шальная хохма в голову перед тем, как набираясь отваги и полные легкие воздуха, ныряю в самое чрево энергетического кракена.

Шок! Гомон звуков и голосов децибелами бьет по ушам. Представление — буйством красок по глазам. Публика — разрывом шаблонов по мозгу. Но все это мелочь по сравнению с кошмаром эмпата. Моим личный кошмаром. На меня в один миг обрушиваются чужие радость, восторг, ожидание, ревность, любовь, желание, зависть, обида, злость — плещутся в голове разноцветными всполохами северного сияния.

Зал словно в коконе. Плотно опутан живыми, трепещущими волокнами энергетических шлейфов, что колышутся в воздухе разноцветными щупальцами монструозного спрута, а шабаш перевозбужденных неформалов кормит это чудовище фонтанирующими эмоциями. Сидя не только в партере, но и в проходах, выкрикивают что-то на своем тарабарском и порождают сотни помех, которые безжалостно колют мозг раскаленными спицами. Мне кажется я схожу с ума...

Стены давят, не давая выхода эмоциям дорвавшихся до своего мира задротов. В сознании мельтешат маленькие пазлы чьих-то жизней. Прошлые или возможное будущее. В этой мешанине ничего не разобрать. Случайное касание — и меня, словно током, прошибает чья-то судьба. Чуждая, незнакомая. А я хочу увидеть только одну: того, кто мне дороже всех на свете Но... Не вижу.

«Денис, Дэн, где же ты?» — С ужасом понимаю, что вычленил частоты Любимого в этом бушующем эфирном океане почти нереально.

Я потерял нить и мне плохо. Накатывает тошнота, слабость, да так, что пошатывается. Я уже не нож, что прорезает материю, идя по родному следу, — чужая энергетика полосует мозг черным клинком боли, без раздумья вгрызается острыми клыками и жадно тянет из меня соки. Холодные касания, словно длань вампира, шарят по мне, ища слабые места.

Пытаюсь поставить защиту, но она дает трещины под натиском энергизирующей толпы. Нет... Нет. Нет! Невыносимо! Этот монстр может запросто поглотить меня, высосать внутреннюю силу, да так, что не один день уйдет на восстановление, а наша игра и вовсе закончится так и не начавшись. Значит придется...

Закрываюсь, ухожу в глубокую оборону. С этой минуты «слепну» на третий глаз. Дышать становится легче, но действовать вынужден по-другому: смотреть оставшимися двумя, Дар подключать лишь иногда и больше полагаться на дедуктивный метод.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — Не теряя Веры, надеюсь, что сердце или разум подскажут, если уж по-другому никак.

Ставлю себя на место Дэна, вычисляя, куда бы пошел, где спрятался, и понимаю, что если парень обещал не отсиживаться в темном логове, значит вариант у него один — спрятаться среди этих неформалов серой мышкой, черным котом, безликой тенью...

Стою в проходе и шарю взглядом по головам зрителей. Где-то среди них бедовая головушка моего Дениски, но какая именно та самая — родная и мозгобучая, понять безумно трудно — зал забит людьми, как подсолнух семечками.

Пытаюсь выхватить из полутьмы желанные черты, фрагмент знакомого тату или хоть какую-то подсказку, отмечаю причудливые парики всех цветов радуги и затейливые черно-белые чепчики горничных, пышные бантики и маленькие шляпки, витые рожки и звериные ушки...

«Не-е-е... Денис бы такое никогда не надел. Или надел?» И вроде бы я уже хорошо изучил повадки моего парня, но кто знает, какие еще бесы водятся в его тихом омуте, в котором мне так хорошо и комфортно.

А в этой заводи далеко не хорошо и совсем не комфортно. Я медленно, но верно подыхаю. И вроде бы закрылся, но боль все еще пульсирует в висках, давит на глаза. Все тело чешется и хочется помыться, стереть с себя чужую энергетiku. Даже в полумраке мне здесь слишком пестро. Слишком шумно — каждый второй пытается быть заметнее первого, а первый не желает оставаться на вторых ролях. Слишком многолюдно — бурлящая, живая масса. Всего слишком...

Народ отрывается так, словно завтра уже не наступит. И я их понимаю: изо дня в день жить в чуждом мире и наконец-то, пусть на день, но попасть в свой круг, где можешь быть кем хочешь и никто не посмотрит на тебя, как на идиота. Наверное, это предел желаний. Их желаний, не моих. Все, чего я жажду — найти моего мальчишку.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — На сцену чередой выходят персонажи, один чудней другого. Под грохочущую музыку и представленный на экране видеоряд позируют перед сотнями сумасбродов, которые с готовностью отзываются, приветствуя своих кумиров одобрительными выкриками и аплодисментами, а у меня в мозгу каждый раз детонирует ядерная бомба. И за шквалом взрывной волны бурной радости, щенячьего восторга, безоблачного счастья я не чувствую самого главного — моего Дениса.

Устаю. Мне нужен тайм-аут. Уже разворачиваюсь на выход, чтобы в фойе хоть немного успокоить звенящие напряжением нервы, как слышу со сцены бодрый голос ведущего, что представляет очередного участника фестиваля:

— Встречаем! Унесенные призраками! Безликий!..

*****ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!*****

Ребят, в комменты к части никак не всунуть все, что хотим вам рассказать, поэтому то, что не требует перехода, пишем тут! А все что требует... это значит, что нам объяснять в лом, а вы все же смотрите. Бесы плохого не посоветуют ;) (; {

кантус фирмус* — Cantus firmus (лат.: заданный, предустановленный, буквально «твёрдый», напев) — заданная мелодия в одном из голосов полифонической композиции.

французская песня* — кто догадался какая? ;) (; {

Итадакимас*(японский) — приятного аппетита

супом* — поскольку не нашел более-менее доступного для понимания не физику объяснения этого термина, объясняю сам, так сказать, «на

пальцах». По теории большого взрыва в момент рождения Вселенной не было ни протонов, ни нейтронов, ни электронов, как собственно не было ни времени, ни пространства. А все вещество находилось в состоянии кварк-глюонной плазмы. То есть существовали кварки-материя и глюоны-энергия, которые непрерывно трансформировались друг в друга. Это состояние и носит термин первичный «суп».

Примечание к части

Снежульки:

кот Шредингера* — https://ru.wikipedia.org/wiki/Кот_Шрёдингера

квадрат Декарта* — <https://4brain.ru/blog/квадрат-декарта/>

Стикс* — олицетворение первобытного ужаса <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стикс>

Коцит* — река плача, приток Стикса, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кокитос>

То ли люди, то ли куклы* — Макаревич

как Бетельгейзе по сравнению с Солнцем* — <https://pp.userapi.com/c845217/v845217165/4888d/Xd8dCglcjd4.jpg>

космологической сингулярностью* — https://ru.wikipedia.org/wiki/Космологическая_сингулярность

Картинки, под настрой:

<https://pp.userapi.com/c834100/v834100554/15e209/bFxVuGR2jWl.jpg>

https://pp.userapi.com/c834100/v834100554/15e23f/RygPH4K_lig.jpg

<https://pp.userapi.com/c834100/v834100554/15e247/f9BVoYHNnhM.jpg>

<https://pp.userapi.com/c617620/v617620474/199a0/lrPDXN8zIOY.jpg>

<https://pp.userapi.com/c844417/v844417201/72b26/4SyVVvqKWaU.jpg>

Часть третья. Любовь. Песнь шестая. Куплет второй. Евангелие от Елисея и Дениса.

—...Безликий*! — Дыхание перехватывает на выдохе, и я не могу вдохнуть. Хочется выскочить из своей душной кроличьей норы и к ужасу местных фермеров ускакать куда-нибудь в Австралию за глотком свежего воздуха.

Но я все стою, затаившись за пыльной портьерой у выхода, и заворуженно смотрю, как из темноты закулисья на высвеченный круг сцены выплывает фигура в черном балахоне до пят и белой маской вместо лица. Маска с моим сетевым ником.

«Что это? Снова знак? Причуды судьбы? Западня, подстроенная Лисом? Решил за мои нервные окончания подергать?..» — в голове бурлит котелок страхов и параноидальных мыслей, которые пытаюсь остудить и привести в порядок, но запредельное волнение только раздувает пламя под этим ведьмовским варевом.

«Так, стоп, истеричка!» — сам себя бы высек за панические припадки, и в череде абсурдных предположений возникает единственная здравая мысль: — Это просто случайное событие и ничего больше. А Лис... Он, скорее всего, сейчас находится в зале и так же, как я, таращится на сцену. И что самое ужасное — может принять это огородное пугало за меня. Мля-я-я... Это будет обидно. И все же страшно любопытно — поведется или нет».

И в этом страшно и любопытно меня так и подмывает высунуть нос из укрытия, чтобы разнюхать обстановку. Впрочем, бояться особо нечего — нужно постараться, чтобы разглядеть черного кота в черной комнате. И хоть здесь и не особо темно, на меня по любому никто не обратит внимания. Я такой, как все. Обратит может только Лис, если, конечно, учует мой след.

А следы я напугал знатно! В одну дверь вошел, понял, что притулиться в партере не выйдет — там яблоку упасть негде, не то что моей тощей заднице. Отважно пересек весь зал, благо в зале постоянно происходит какая-то броуновская* движуха, и затаился на противоположном конце. Кстати, затаился-то я зря. Обещал ведь Лису не отсиживаться по углам, так что...

Настороженный взгляд по сторонам — вроде чисто. Никто не приставляет к спине ствол, не шепчет на ухо: «Пиф-паф». Осторожный шаг из пыльного уголка — не наступить бы на какой руконогий сучок, притулившийся на ступеньках прохода. Зал гудит, колышется, словно трава от порывов ветра, тянет былинки-руки вверх. Где-то здесь мой Лис. Я слышу его, чувствую, вот только не вижу, и это нервирует, заставляет дышать через раз, покрываться мурашками и в ознобе поводить плечами.

Крадусь по стенке вниз, непрерывно сканируя зал, балкон, сцену. Я точно хамелеон готов вращать глазами независимо друг от друга, лишь бы охватить пространство вокруг все и разом.

Где он — мой желанный Охотник? Если сейчас выскочит бесом из табакерки — у меня же душа вылетит с третьей космической скоростью* и через червоточину* улетит на ближайшую экзопланету*, а я рухну бездыханной оболочкой к его ногам. Нервы, чувства, мысли натянуты до предела, и я даже не знаю, которой из этих струн ловлю движение в разноцветной, словно летний луг, массе людей.

На раз замираю морской фигурой, и вслед за мной замирает все вокруг: звуки — я не слышу штормового рокота музыки и криков толпы, только грохот собственного сердца резонирует в ушах; образы — я не вижу ничего. Сцена, зал, да весь мир растворяются во тьме, а мои собственные софиты высвечивают одного-единственного актера — моего Ведьмака.

«Не смотри на него. Не шевелись! Даже дышать не смей!» — напряженно шепчет в одно ухо скованный первобытным страхом Разум. Но все же радуется, что я сделал правильный ход, сразу отказавшись от образа Каонаси*. Слишком банально. Слишком очевидно. Слишком явная подсказка. Да и ходить целый день, как мусульманская женщина, с головы до пят в чадре — с ума сойдешь. Я бы и свой простой прикид давно и с удовольствием снял, если бы мог.

«Посмотри на него. Тебя же коробит от мысли, как жадно он смотрит не на тебя, — переча Разуму, режет правду-матку истерзанная Душа. — Признайся — жалеешь, что не ты сейчас на сцене, » — по-мазохистски жестоко сыплет хлорид натрия* на свои же открытые раны.

«Нет, не жалею, — врет изворотливый Разум. — Я затеял эту игру. Я поставил условия. И все будет только так, как я решу! А если он думает, что этот в черном — я...»

«Нет, нет, нет... — метает Душу, прекрасно знающую, что не все на свете можно просчитать. — Любимый, оглянись. Ты же говорил, что чувствуешь меня.» — Рука непроизвольно дергается, словно я хочу остановить Елисея, закинув на него невидимое лассо.

— ЗАТКНИТЕСЬ ОБА! — зло кидаю бессмысленный приказ, как будто можно заткнуть этих черта и ангела на своих плечах, когда мое собственное тело телепает от близости Лиса.

— Тише... тише, глупое. Он же услышит тебя, — уговариваю свое обезумевшее сердце, а оно и не думает успокаиваться, тарабанив в анаэробной зоне под тихое перешептывание моих верных сестричек:

— Он услышит, — верит Вера.

— Пусть услышит... — надеется Надежда.

— Услышь меня! — молит Любовь.

Только мой Ведьмак спускается к сцене, глядя на актера под маской Безликого, а меня нестерпимо душит моя собственная маска...

***

«Маска...» — не верю своим глазам.

То, что парень не придет без прикрытия, было понятно с самого начала. Слишком зациклился на несущественном, слишком закрылся, чтобы была хоть малейшая возможность, что он явится на сборище людей не имея щита от любопытных глаз. Я был поражен, на какое безумство пошел Денис ради Любви. Но чтобы парень вышел на сцену!.. Да не может этого быть! И все же сложно поверить в подобные совпадения. Ну не

просто же так мне идут вот такие знаки, подсказки, искушения?

Нужно проверить, игра ли это Дениса, или судьба решила таким образом позабавиться не только со мной, а с нами обоими. Не загаси я Дар, и отсюда бы понял, кто под черным балахоном — силы хватит. Я почувствую и так, просто не настолько далеко.

Спускаюсь вниз, направляя все свои мысли, чувства на Безликого. Взгляд скользит по странной маске, черному балахону, рукам, скрытым за перчатками. Я у сцены. Я готов залезть на нее, лишь бы не упустить свою добычу. Пытаюсь прощупать того, кто скрыт за маской, и не слышу ничего, даже когда безликий актер приближается вплотную и, протягивая руки, предлагает щедрые дары.

Подставляю ладони, в которые загадочный искуситель сыплет горсть золотых самородков. Глаз не видно, но чувствую — на меня смотрят. Внимательно, с интересом, с откровенным желанием. Только моя душа не отзывается: не замирает сердце, не влечет потянуться в ответ, схватить, притянуть.

Фейк. Это не Дэн! А тот, что скрывается под маской, такой же поддельный Безликий, как и его бутафорское золото.

Разочарование на миг. Всего мгновение сожаления, что пошел по ложному следу. Но мне нельзя раскисать, охота еще не закончилась. Горячие Вера с Надеждою упорно твердят, что Дэн совсем близко, смотрит на меня и молит о том, чтобы я его поймал, а хладнокровная логика уже подкидывает новый план: дожидаться перерыва и попробовать поймать моего зайца на выходе из зала.

Вероятность, конечно, слишком мала — выходов два, а еще и балкон. Да и под какой маской скрывается парень я тоже не знаю. Не сдирать же с каждого десятого нацепленную на лицо бутафорию. Меня через пять минут эти ребята с игрушечными калашами вежливо выведут из помещения, заломив белы ручки за спину, и game over*.

Остается надеяться на одно — Его Величество Случай, что столкнет нас носами, лбами, рукавами. Да хоть чем-нибудь! Только пусть столкнет! Я же уже молиться готов, только не знаю как и каким духам. Вот и бормочу себе под нос дурацкую, зацепившуюся за язык считалочку: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»...

Подпирая задницей обмотанную гирляндой воздушных шариков колонну, стою у всех на виду «в засаде». Заняв самую выгодную позицию, с которой мне открывается вид на «звериные тропы», мечтаю лишь об одном — чтоб мои мечты не оказались той самой надутой резиной, что лопнет при первом неосторожном прикосновении. А лопнуть могут. Запросто.

Потому как навстречу мне из распахнувшихся дверей зала устремляется лавина перевозбужденных чудиков, в момент разрушая все хлипкие заслоны, что пытаюсь воздвигнуть. И я тону... Тону в непрерывном потоке мельтешащих фигур, лиц, масок, масок, лиц. Мне остается только отчаянно цепляться взглядом то за одну, то за другую соломинку. И словно на миг замораживая время, выдергивать из людского океана особенно кучерявые барашки волн.

Стайка девчонок в одинаково коротких топиках и юбочках искрит драйвом удачного выступления. С непосредственностью ребенка кружатся, сверкая кружевными труселяшками и отнюдь не детскими формами. Пересекаюсь взглядом с одной, другой, третьей, и досадливо отворачиваюсь. Мне не до их романтических бредней.

Футурамный циник Бендер*, зажимая в зубах сигару, неуклюже переставляет ноги. И, вовремя прерывая побуждение постучаться в забрало, снимает с головы жестяное ведро с антенной, подтверждая мою догадку, что под маской вселенского похуиста не Денис.

Пытаюсь отсечь прелестных созданий, не подходящих под поисковые запросы полом, но взгляд невольно тормозится на том, кто подходит и не подходит одновременно: здоровом небритом мужике в сейлор фуку*.

«Не, мужик, даже не смотри в мою сторону. Вижу, что тебе, заебанному бытом, нужно выплакаться в чью-то жилетку, но мои уши не для тебя. Меня и по жизни задолбали постоянные попытки незнакомых людей ни с того ни с сего излить мне свою душу».

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать... Не отвлекайся, Лис! Тебе нужен дрыщ в маске».

Дрыщ! Дергаюсь к фигуре в черном лайковом комбезе с желтым ушастым мотошлемом на голове* и сразу разочарованно жму на тормоза: девчонка — сквозь тонкую ткань явственно проступает грудь.

Дрыщ! Белоснежные пряди парика скрывают глаза, а черная маска с зубами застегнутыми на молнию* — лицо. Вдруг он? Сердце грохочет в груди. Вдыхаю запахи, словно зверь, что пытается поймать в воздухе шлейф желанного аромата и выследить свою добычу. «Да блять! Расступитесь!» Как же трудно просочиться через эту кишашую прорву, но сам уже чувствую, что продираюсь напрасно — это не мой мальчишка.

Широкая лестница на балкон. Взгляд цепляется за спускающуюся по ступенькам субтильную фигуру и явно мужскую. Цилиндр, кроваво-бордовый костюм. Маска наигранного веселья с шутовской лыбой до ушей*, от которой не становится весело ни на йоту. Он или не он? Парня хватает под руку синеволосая девчонка. Смеется, фонтанирует счастьем. Черт! Опять мимо!

Каждая минута на этом шабаше — выстрел дробью, который решетит защитный кокон, и из его крохотных отверстий сочатся мои жизненные силы. Слабею. Медленно, но верно сдуваюсь. Я могу подпитаться чуждой мне энергией, но не хочу. Не после того, как испробовал ЕГО.

Это все равно, как вдохнув свежий воздух с вершины гор, вдруг оказаться в гуще километровой пробки: дышать можно, но только в случае острой необходимости, которую сейчас испытываю, и все равно не хочу открыться.

Да и не могу, как делаю это наедине с Денисом в тишине своей квартиры. Не могу по одной простой причине — я слышу все. И это «все» резонирует в мозгу, заглушая ту единственную частоту, которую хочу уловить. А в попытках подпитаться от Дениса не столько заряжаюсь родным, любимым, полностью моим и для меня, сколько травлюсь чужим.

Но травит меня не столько это, сколько четкое осознание, что переоценил свои возможности. И все же тешу себя Надеждой, что Денис не просто так решился на эту игру. Не из-за банального же чувства вины за тот случай? Нет! Я уверен! Он так же, как и я, хочет быть рядом.

«Давай, Денис, сделай это! Понимаю, что ты прячешься, но я же — нет. Вот сейчас стою у всех на виду, и ты не можешь не заметить меня. Дело за малым — откинуть в сторону надуманные запреты и только чуть-чуть подыграть мне. Тем более — знаю! — так же, как я, выискиваешь в

толпе знакомое лицо. Решись, приблизься, и я почувствую на себе пронзительный взгляд твоих глаз».

Но передо мной мелькает и кружится калейдоскоп загадочной таинственности черных, харизматичной роскоши фиолетовых, студеной глубины васильковых, прозрачной наивности голубых, природной естественности зеленых, сумасбродной веселости желтых, жутковатой притягательности красных, и нет только его, — наполненных пленительной грустью — серых.

Прикрывая лицо ладонью, не даю себе видеть, ведь глаза часто врут. Правдиво только сердце, и оно сейчас трепещет в поисках моего мальчишки. Снова и снова зову его. Знаю, что мы связаны, и Денис должен откликнуться, но все же самому мне сейчас не справиться.

Уходя в себя, прошу высшие силы помочь и знаю — подобного рода помощь требует платы. Будь у меня в руках нож, я без промедления отдал бы маленькую дань. Но сейчас приходится действовать единственно доступным способом: закусываю щеку, и рот наполняется привкусом соли. Веду носом, по-звериному, на инстинктах слышу, куда тянет связующая нить. И уже чувствую на себе чей-то испытующий взгляд, что наполняет меня жизнью.

Трепет — душа тянется к нему. Душно — разум не справляется с нахлынувшей информацией. Жарко — по телу струится желание. Поворачиваюсь на свет и в многоликой толпе встречаюсь взглядом со своей тенью.

«Дэн, заеба грешная, так ты примерил лисью шкуру и устроил мне охоту на самого себя?» — поедаю глазами того единственного, ради которого приперся на этот маскарад.

Дыхание перехватывает от всепоглощающей радости. Сколько раз я видел во сне, как целую тебя, как иду за тобой следом, охраняя твою поступь, ограждая от всех коконом безумного обожания, чувством по природе своей ненормальным, потому что невозможно так любить, воздвигая под человеком пьедестал, теряя интерес к окружающему миру, забывая все и всех. Но я именно так люблю.

А на меня из толпы, наострив уши, оскалив клыки и улыбаясь лукавым разрезом восточных глаз, смотрит древний дух-хранитель — Кицунэ*.

Рвусь вперед, но словно все сговорились. Безумная толпа преграждает путь. Толкают, наступая на ноги. Фотографируются, ослепляя вспышкой. И среди этой суматохи кто-то робко дергает за рукав.

— Обними меня, — мимишный голос за спиной.

Лишь на миг отрываю взгляд, чтобы отмахнуться от зацепившегося репейника и вижу, как передо мной подпрыгивает от нетерпения, наверное, фея. Машет прозрачными крылышками и табличкой, на которой разноцветными фломастером написано то, что она только что сказала*. Не помню, когда терялся в последний раз, но в этот — нападает какая-то необъяснимая оторопь, а на плече уже виснет сопливо-розовое создание. Вырываюсь из объятий нимфетки, шарю взглядом по толпе, но моего плута уже и след простыл.

— Денис! — мой зов тонет в гуле толпы...

***

— Денис! — слышу голос Елисея, прячась за чей-то широкой спиной, когда лишь на мгновение выхожу из-под гипноза колдовских глаз.

«Да что за бесовщина тут происходит?!» — Точно вода просачиваюсь меж бесноватых людей, натягивая поверх маски черный капюшон, и психую, чувствуя совершенно не свойственное мне состояние, близкое к панике.

Всегда считал себя принадлежащим к той малочисленной группе людей, что не поддаются стороннему воздействию, а тут, едва сцепившись взглядом со своим желанным Ведьмаком, стою истуканом и пошевелиться не могу. И теперь точно знаю, что чувствует кролик, глядя в глаза удава: завораживающее мгновение, когда понимаешь — твоя судьба и жизнь тебе уже больше не принадлежат.

«Что, Денис, решил ушки прижать, хвост поджать, лапки вверх — просто взять и сдаться на милость своему Охотнику? И будь, что будет... — подъезжает вечно трезвый Разум и в который раз внушает: — Он охотник. Ты добыча, и никак не наоборот. А ты, вместо того, чтобы играть свою роль дичи, сам превратился в stalkera и даже не борешься с постоянным искушением подойти к Лису как можно ближе, коснуться его, будто невзначай, или совсем уж по-детски дернуть за рукав. Не нарушай правила игры!»

«А ты только что снова нарушил! — поддакивает опьяненная любовью Душа и тычет носом в неоспоримый факт: — Он ведь увидел тебя! И не просто увидел. Почувствовал! Так куда ты бежишь? Зачем?»

«Потому что Лис — охотник! И как любому сыскарю, ему ценна именно та добыча, что заработана потом и кровью, — приводит свои доводы рациональный. — А если улов сам идет ему в сети, интерес угаснет быстро. В твоём случае — абсолютно точно! Поразглядывает, потискает и... погонится за новым трофеем. Сдаться так просто нельзя!»

«Нет, Дениска, в отношении Лиса ты можешь быть абсолютно уверен. Елисей не один раз доказывал, что любит. И сейчас он не кого-то позвал, окликнул, а именно тебя. Так что остановись. Иди к нему и разреши все свои сомнения», — перечит непознанная сущность.

«И все же я не уверен... — колеблется рассудительный. — Я не знаю, что со мной происходит, когда вижу своего любимого Охотника. Вижу без ружья и без лука, да и ножа при нем наверняка нет. И все же понимаю, что этот безоружный человек вооружен и очень опасен.»

«Он словно огонь, — вторит романтическая. — Притягателен и опасен. А вооружен тем необъяснимым магнетизмом, что непреодолимо влечет к нему».

«Но, как оказывается, притягивает не только тебя... — язвит толковый. — Вон сколько вокруг него вьется ярких бабочек и мотыльков».

«Это ничего не значит, — возражает та, что сейчас кажется более здравомыслящей. — Ну и что, что ты видишь эти откровенные и брошенные украдкой взгляды? Что ужасного в том, что на Елисея каждый второй смотрит, каждый третий оборачивается и провожает взглядом, а кто посмелей вообще готов на шею повеситься?»

«Меня это бесит! — пьянея от жгучей Ревности, сходит с ума тот, что должен быть, как стеклышко. — Не могу видеть, как МОЙ охотник лезет на сцену за каким-то огородным пугалом, мечется среди людей за призраками, а то и с девками обжимается!»

«Ты просто любишь не меньше меня, вот и сходишь с ума, — по-доброму усмехается проницательная. — Так подойди и заведи его у всех. Тем более, что он сам этого хочет.»

«Сначала пусть меня поймает! — упирается тот, что всему голова. — А не взглядом выцепит в толпе».

«Дэн, ты такой умный, но такой дурак! — не имея разумных доводов, отмахивается трепетная. — Глаза — зеркало души. Ведь ты же уверен, что именно твой взгляд привлёк внимание Елисея. Так чего ты ещё хочешь?»

«Я просто хочу понять... — гну свое, прекращая глупые распри между душой и разумом. — Почему я?»

***

«Почему я? Почему из всех крутящихся тут парней и девчонок это крылатое создание выбрало меня? Почему именно сейчас?» — с откровенной досадой отрываю от себя руку девчонки, гася на корню острое желание зазвездить этой звездюлине поджопник, чтобы не лезла к взрослым дядям, когда они готовят марш-бросок к своей добыче.

Ощущения сказочные — словно разом перекрыли кислород, азот и все остальное, что мы загоняем в легкие, и становится нечем дышать. Злость сочится из каждой поры. Бешенство дурманит мозг. Жарко, как в аду. Никогда не потел, и сейчас просто горю изнутри.

Внутренне содрогаюсь, когда слышу звонок, и все же облегченно выдыхаю — многоликая толпёнка снова утекает пестрой лентой в темноту зала, оставляя меня наедине с моими мыслями.

А мысли колобродят от отчаянно-злых: «Да где же он? Почему сбежал? Что за детский сад — я же почувствовал его! Поймаю — пиздец котенку!», до обнадеживающе-радостных: «Я совсем близко! Ещё чуть-чуть и ты, мой трусливый зайчишка, окажешься в загнувших лапах своего серого волка. В моих руках!»

Хищно шурясь, прикидываю, что моя задача намного облегчилась — я знаю, под какой маской скрывается от любопытных глаз Денис. Остается только изловить хитрожопого и хиромордого засранца. Я и не собираюсь тянуть кота за бубенцы, и прямчас начну планомерно прочесывать этот «темный лес», наплевав на то, что идет представление. А пока мой бесценный трофей мечется в сомнениях и трахает свой собственный мозг и мои нервы, заберусь-ка повыше: на дозорную вышку под потолком. Там народу меньше да и обзор получше — весь зал как на ладони.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... — Публики и правда поубавилось. Балкон почти пуст, да и в зале не сказать что яблоку негде упасть. Видимо, пение новоявленных звездочек на японском, с сомнительным попаданием в ноты, могут выдержать не всякие уши. Моим приходится терпеть: отключить идеальный слух не получается.

«Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать»... Под нечто корейско-попсовое обхожу периметр. Нет. Денисом тут и не пахнет. Только понапрасну спугнул обжимающуюся в углу парочку.

Под что-то печально-фортепианное облакачиваюсь на перила, изучая с высоты своего положения партер. Не тешу себя ложными надеждами, что Дэн откроется и будет меня дожидаться, оставаясь в той же маске. Но глаза поневоле рыскают по рядам, ища остроконечные белые ушки, а натываются только на светящиеся прямоугольники сотовых. Может быть один из этих светлячков зажат в ладони Дениса.

Мне все труднее концентрироваться. Стоит ли говорить, что мечтаю покинуть этот дворец маргиналов. Но только с Дэнком. А значит, надо пойти на маленькую хитрость. Если уж Дэн юлит, то что взять с меня?! Я — не благородный олень! Я, блять, злой и страшный серый волк! Обещал не звонить — не буду. Но ведь написать моему неуловимому прятальщику я могу? Запросто!

— Денис, тебе нравится, как парни поют? — Преследуя совершенно определенную цель, закидываю удочку. И, слушая J-роковую фанеру, под которую одетые в а-ля матрица ребята изображают решивших культурно оторваться роботов, получаю недожданный ответ:

— Не Гакт*, конечно, но для сельской местности пойдет, — со знанием дела отзывается Дэн, сдавая себя со всеми потрохами — значит, парень в зале. Вот только специально или нет?! Я ощущаю себя на лесной тропе, где можно свернуть и затеряться в дебрях, да так и не найти того, что искал.

— Дэн, а ты чего сбежал-то? — задаю мучающий меня вопрос.

— А бес меня знает... Инстинкт! Я ведь зверь, а охотник — ты. И ты меня не поймал! — ловко выкручивается Денис.

— Поймаю, у меня еще полно времени. — Подкрепляю свои слова уверенным кивком головы.

— Кстати, времени у тебя не так уж и много: у меня поезд в восемь, — ошарашивает меня Денис. — Так что у тебя остался только час.

«Только час! Доигрались! В пылу охоты я как-то и не подумал, что Дэн, в отличие от меня, побеспокоился об обратной дороге. Всего шестьдесят минут. Выходит, он и не рассчитывал со мной уехать? Или рассчитывал, что я поеду с ним?» — Мысли, мысли словно осы жалят и не дают покоя. — «Каких-то три тысячи шестьсот секунд», — кровь резко приливает в голову, и мне становится дурно, но не показывать же Денису свои панические настроения.

— У меня целый час, куча волшебных минут, целый вагон и маленькая тележка секунд. Я успею! Ведь в каждое из этих мгновений могу поймать тебя.— Блефую, чувствуя, как во рту и в душе разливается горечь. Кажется, парень решил обвести меня вокруг пальца. Хитро!

— Поймай, если сможешь. Мне уже поднадоел этот маскарад, — подначивает мой мастер перевоплощений. Но я не злюсь. Дэнку очень идет образ, в который он так естественно вжился, но для него это только образ, а у меня плутовство в крови. Надо действовать.

— Устал, малыш? В маске, наверное, жарко и не так спокойно дышиться?! — откровенно провоцирую. Ну, а куда деваться, когда времени уже

прошло прилично, а результата все еще ноль?

— Не, Лис. Я же к маскам привычный. Но если ты так беспокоишься о моем самочувствии, найди иними, — прилетает ответное подстрекательство.

— Ну тогда оглянись, чтобы я сделал это. Я у тебя за спиной, — ход конем. Понимаю, что хитрю, но я же Лис.

Черный силуэт в середине зала дергается и резко поворачивает голову, и вместо темного затылка вижу белую маску с торчащими ушками и красными разводами по морде. Да ты ж моя прелесть, попался! Сердце словно на батуте прыгает за грудной клеткой, того и гляди через горло вскочит. Парень, что сейчас беспокойно озирается по сторонам, и задирая лисью морду вверх, замирает, потому что видит меня — точно Дэн. Я готов перемахнуть через перила, но, оторвав руку, судорожно сжимающую ограждение, просто машу Денису, одними губами проговаривая: «Привет, Малыш!».

Секунда Счастья. Мгновение Радости. Миг Восторга. Денис поднимается с кресла. Не сводя с меня взгляда, стоит в нерешительности в проходе и... срывается с места.

***

Срываюсь с места. Меня словно напором его энергии подбрасывает, гонит вперед, вживляя какой-то первобытный страх, что клокочет в горле и трясет поджилки. Я чувствую себя тем зверем, что бежит от охотника, ощущая то между лопаток, то на затылке прицел.

Бежать, бежать, бежать. Несусь сам не зная куда, наступая на ноги, не разбирая пути. Торопливо по ступенькам вниз. Курилка, сизый дым клубится в свете люминесцентных ламп, табачное амбре — тут Лис точно мой след не возьмет.

Сортир. Закрываю на поворотный запор дверцу. Плюхаюсь на фаянсовый трон. Внутри все дрожит от зашкаливающего адреналина.

Задыхаюсь под этой зубастой личиной, чувствуя как капельки пота ползут по вискам и щекоют кожу. Мне нужно хоть немного продышаться. Да и маска уже не нужна. Стягиваю с головы не мое лицо. Влажные волосы прилипли к горящему лбу.

«Ведьмак и хитрый Лис — адская смесь в одном флаконе. Обещал не звонить и не позвонил же, но все равно обвел вокруг пальца. А я повелся!» — В горле ком, трясущимися руками тычу в зеленую кнопку, что соединяет меня с Лисом:

— Еще раз так поступишь, и я отключу телефон. Или вообще смену номер, — сгоряча срывающимся шепотом сыплю угрозами одна страшной другой, сжимая в зип-папку осознание, что первый схитрил и сбежал. — Это нечестно!

— Малыш, а может прекратим игру в кошки-мышки? — ластится ко мне хитрый Лис. И почему его голос так спокоен? — Разве мы тут не для того, чтобы встретиться?

— Любимый, мы договорились. Ты обещал, что будешь играть честно. Хвастался, что учуешь меня в толпе. Поймаешь. Ты мне врал? — беспощадно кусаюсь и царапаюсь словами, понимая, что ломает меня совсем не от этой маленькой проделки Елисея.

— Не смей меня обвинять во лжи! — рыкает хитрюга, видимо, решив перейти на кнут, раз пряником не получилось заманить. — Я не нарушил ни одного условия.

— Ах да... ты их просто ловко обошел, — тычу Лиса носом, забывая, что у самого рыльце в пушку.

— Это был ответ на твой привет. А вот ты, малыш, признайся, вообще собирался со мной встретиться? — вопрос, что ставит меня, сидящего в тупике, в тупик.

— С чего ты взял, что нет?! — не сдерживаясь, рявкая, запоздало понимаю, что мой ор эхом разносится в замкнутой системе кафельных стен.

— Иначе бы ты обратный билет не купил, — Лис шлепает своим аргументом по моим губам.

— Лис, билет — это всего лишь клочок бумаги, который всегда можно порвать. А взял я его потому, что из этой Мухосрани в мою Мухосрань хрен на чем доберешься, а ты после нашей все еще возможной встречи, вполне вероятно, захочешь уехать и... — сглатываю так внезапно подступивший к горлу ком, —...без меня.

— Сдурел совсем? Только попробуй сбежать, я все головушки твои пооткусываю! — напирает Лис, применяя тактику «лучшая защита — это нападение.»

— Откуси, только сначала верхнюю, — пытаюсь шутить, понимая, что если Лис все же не исполнит обещанное, то мне нужно выпить хотя бы что-то, чтобы мозг не болел.

— Любимый, я знаю, что ты устал, — словно считывая мое состояние, отзывается Лис. — Я тоже устал. Просто оставайся там, где сейчас находишься, и я приду за тобой. Или наберись мужества и выйди ко мне САМ.

— Хорошо, — соглашаюсь сам не знаю на что, давая отбой.

Выползаю из кабинки, ощущая, как напряжение всего дня африканским слоном давит на плечи, спину и изломанные кости. Боль накрывает разом, да так, что ноги подкашиваются, и перед глазами все плывет.

Маска ложится на край раковины. Шарюсь в кармашке рюкзака и, найдя заветные колеса, закидываю в рот. Наклоняюсь и прямо из-под крана жадно глотаю холодную воду, пытаюсь не столько запить таблы, сколько залить пожар внутри самого себя.

Да так и замираю в позе «зю», когда слышу хлопок входной двери. Сердце вместе с таблетками падает в желудок, и там бултыхается в холодной водице. Я уже не один в маленьком пространстве туалетной комнаты. Мне так страшно поднять взгляд и увидеть у себя за спиной

Лиса. Мне так хочется, чтобы это был именно он.

Но, уткнувшись носом в кран, я ничего не вижу, просто слышу приближающиеся шаги, и мой мотор, переставая трепыхаться, спокойно идет ко дну. Вцепившись в края раковины побелевшими, в цвет фаянса, пальцами, буквально приказываю себе: «Посмотри ему в глаза!»

Отрываюсь от серебряной струйки текущей воды и встречаюсь с внимательным взглядом голубых глаз. Ударом под дых мелькающий в них испуг. Парень, чуть выше меня, но намного моложе. Тушует, неловко отводит глаза, цепляясь взглядом за лежащую на краю раковины маску, бормочет:

— Красивая маска... — Знакомая реакция. До тошноты изученная. И все равно каждый раз больно режет.

Выдыхаю и в кои-то веки смотрю в глаза своему отражению. Красивая маска для уродливого лица. И сколько ни прикрывайся, обязательно кто-то разглядит тебя, когда ты безоружен. Вот так же стушется, испугается и в омерзении отведет взгляд, или наоборот — начнет пристально рассматривать, при этом не скрывая того же отвращения.

А что бы случилось, если бы сейчас на месте этого мальчугана оказался Лис? Страшно, горько, больно...

— Да, красивая! — натягиваю поглубже капюшон и спешу на выход. Надо заканчивать с этим сафари...

***

«Надо заканчивать с этим сафари», — все еще таращусь в экран смартфона, ошарашенный звонком Дениса.

Но именно этот звонок и раскрывает местонахождение моего пугливого «Лисенка». Тихое местечко с хорошим эхом. И хотя ни один нормальный человек без этого укромного уголка не обходится, все же странный выбор. Для Дениса это тупик, и если он там — я вынесу все двери, но поймаю моего оборотня.

Торопливо по ступенькам вниз. Курилка, сизый дым клубится в свете люминесцентных ламп. Фу-у-у... Табачное амбре заставляет задерживать дыхание и неприязненно морщить нос. Спешу к двери с нарисованным мальчиком, тянусь к ней рукой, а она открывается сама.

Сталкиваюсь с ним нос к носу. На меня, задрав расписную мордашу, смотрит кицунэ. Сердце обмирает, мозг отключается, глаза все еще шарят по зубастой пасти, а руки уже сами автоматически стискивают плечи.

— Попался! — Напираю, оттесняя добычу к стене.

— Аааа, пусти! — приглушенный хрип из-под маски.

Ага, как же! Адреналин жарит тело, а жалкие попытки моей добычи вырваться еще больше раззадоривают. Колено между ног. Стискаю парня в далеко не лисьих объятьях. Ни рыпнуться, ни сбежать. Носом в макушку. Тяну воздух и...

— Ты кто?.. — резко выдыхаю. Все еще не веря, что не то, не мое, не родное, стягиваю с головы парня лисью морду и вижу лицо незнакомца.

Тошнота подкатывает так быстро, что я еле успеваю отшатнуться прочь.

— Это не твое! — Получается зло, еле контролирую себя, сжимая в руках маску Дениса. — Где взял?

— Она моя! — испуганно лепечет пацан, и я его понимаю. Я в таком состоянии, что сам себя бы испугался. Готов убиться или убить. — Мне ее подарил тот парень с... — рука незнакомца скользит по правой скуле.

— Где он?! — рявкаю так, что мальчишка вздрагивает и вжимается в стену, будто пытается пройти сквозь нее в параллельный мир.

— Ушел, — мотает головой в сторону двери, словно у него приступ нервного тика случился, или по молодости лет Паркинсон разбил. — Пару минут как...

Я уже не слышу его, чуть не плечом вышибая дверь с нарисованным мальчиком, вылетаю из сортира. Курилка, сизый дым клубится в свете люминесцентных ламп. Торопливо через ступеньку вверх. Шумное фойе. «Где ты?! Где ты?!» — кружусь замедленным волчком, а вокруг бушует океан человеческих эмоций.

«А-а-а-а...» — немой вопль. Невыносимо!

Через перегороженную офисными столами и камуфлированными секьюрити проходную выскакиваю на площадь. Уже вечереет. Прохлада осени пытается пробраться под одежду и остудить жар тела.

Верчу головой, высматривая Дэна, но и тут сплошь проветривающие укуранные мозги отaku. Кучкуются стайками, что-то возбужденно обсуждают, но я не могу различить голосов, что сливаются в монотонный пчелиный гул.

Время — мой враг — на исходе. Как есть усаживаюсь на гранитные ступени входа в ДК. Отгораживаюсь ото всех, надеваю маску Кицунэ и дышу Денисом, так отчетливо чувствуя следы его ауры на куске крашеного картона.

Мир словно глохнет. Я Лис. Я на нашей планете, где есть охотники и куры, где есть мой маленький злобучий Принц, что приручил меня. Но в этом мире, как и везде, нет справедливости.

— Любимый, — пишу Дэну, всей душой надеясь, что Любовь пересилит его Страх и Неуверенность. — Не убегай, прошу...

***

«... Не убегай, прошу», — да я и не бегу. Я даю тебе возможность убежать и жить своей жизнью, чтобы не ловить взгляды, что будут всегда сопровождать меня, а значит и тебя, мой навечно любимый.

Но Лис почему-то не бежит, а сидит на грязных ступеньках ДК, спрятав свою сущность за моей маской и понуро опустив голову.

Не грусти, Любимый. Я тебя слышу. Чувствую, как ты измотан и понимаю, что поставил перед тобой практически невыполнимую задачу. Я ехал на встречу с тобой и сейчас соберусь с духом, выползу из своего укрытия, тихо подойду, наконец-то дотронусь до тебя и... будь, что будет...

***

Чье-то робкое прикосновение трогает плечо. Вздрагиваю. Секунда неверия — нет, этого не может быть. Мгновение Надежды — а вдруг, просто я вымотан и совсем не чувствую Дэна. Миг Восторга — веря своим собственным домыслам. И новая бездна отчаянья — мне не нужно видеть, чтобы знать — это не мой маленький принц.

Потеряшка, что стоит рядом в собачьем ошейнике и с щенячьей преданностью заглядывает в прорези глаз, сам хочет стать чьей-то прирученной игрушкой. Только мне эти новомодные потехи неинтересны. Я хочу себе того единственного, что принадлежит мне.

— Что, малыш? — убираю с плеча руку сублинного создания с табличкой на груди «ищу хозяина», на миг сжимая тонкие холодные пальцы.
— Прости, но я ищу другого. Искал. — Цифры на смарте безжалостно показывают, что мое время истекло.

Снимаю маску и треплю парнишку по волосам, между лохматых неко-ушек. Улыбаюсь грустно, пряча за улыбкой разрывающую меня боль, и в этот миг отзывается тот, кого я так и не поймал:

— Прости, Любимый. Время игры закончено и... значит не судьба. Выбери этого мальчика, а мне пора домой.

Сердце уходит в пятки... Денис видит меня и делает совершенно неверные выводы. Набираю номер, но телефон отключен. ШОК...

Устало потираю лицо ладонями. Боль давит на лоб, тюкает пульсом в висках. Я настолько опустошен, что все мои Демоны забились по углам и не издают ни звука. Только мысли гудят турбиной самолета, лопастями размешивая мозги в кашу: «Да как же так?! Я перешагнул через залупающуюся начальство. Через сломанную тачку. В конце концов — через себя, когда решил трястись в этом хоть и скором, но ОБЩЕСТВЕННОМ поезде. И все это ради того, чтобы услышать «значит не судьба»?

«Не пойму, за что он так со мной? — вдруг высовывает нос Обида и накатывает с такой скоростью, что не успеваю задавить эту суку в зачатке, а следом уже выползает на сцену Злость и начинает скалить зубы не хуже маски, которую держу в руках. — Напялил на себя мою личину, вильнул хвостом и свинтил?! — сардоническая, злая усмешка кривит губы. — Поймаю и пришибу паршивца!»

«Нет, нет, нет. Так не пойдет! — мотаю головой, отгоняя садистские замыслы в красных тонах, от которых за прикрытыми веками пляшут кровавые круги. — Сначала выебу, а потом убью! Но сперва»...

Злость тянет за собой подружек. Ярость, Досада, Раздражение сжимаются в кластер моего я. Скулы сводит, к горлу подкатывает горький ком. Сжимаю кулаки с такой силой, что костяшки белеют.

«Надо успокоиться», — глоток воздуха — раз, но все еще дышу загнанно, желваки ходят ходуном, а в голове мысли чернее чернухи.

«Еще не все потеряно», — глоток воздуха — два, и в душе снова тлеет уголёк Надежды.

«Адресок-то давно пробит. Единственное, что меня сдерживало — это наш контракт», — глоток воздуха — три — возрождает в душе уверенность.

«Но Денис первым нарушил собственные требования и тем самым развязал мне руки. Да и не в моих правилах отступать», — глоток воздуха — четыре, и я готов к решительным действиям.

«Так что никуда он от меня не денется. Главное сейчас придумать, как догнать беглеца, и Ярость не самый лучший советчик. Успокойся, успокойся, я сказал — УСПОКОЙСЯ!» — глоток воздуха — пять, и первая трезвая мысль озаряет сознание:

«Поезд в восемь, значит? — мельком бросаю взгляд на сотик и понимаю, что успеваю. Городок не такой большой и до мкадовских пробок никогда не дорастет. — На вокзале перехвачу, — срываюсь с места и торможу такси. — Поймаю и залюблю до смерти. Чтобы даже вякнуть ничего поперек не смог!»

«Судьба, говоришь? — нетерпеливо барабаню по пластиковой обшивке двери «логана», направляя машину к ж/д вокзалу. — Да если бы я полагался на судьбу, разве были бы мы вместе? Разве не мы сами вершители своих судеб? Только мы принимаем решения, и каждым своим выбором выстраиваем цепь последующих за ним событий.»

«Я так упорно добивался тебя не для того, чтобы услышать «выбери этого мальчика», — держусь за маску Дениса, что хранит след его ауры, словно за путеводную нить. — Ты впустил меня в свою жизнь, и это было твое решение, а не какой-то там леги с гадалочными картами», — продолжаю внутренний диалог, словно заранее готовлю пламенную речь, которую выскажу в глаза Денису, как только поймаю его.

«Я, едва встретив тебя, сразу понял, что в этой жизни мне никто больше не нужен. Отсек все «левые» связи и не жалею — это мое решение. Мы начали строить наш мир — это наше общее решение. А сейчас ты самолично вздумал свалить все на какой-то там злой рок и трусливо бежишь от меня? Не позволю!»

Выскакиваю из такси. Здание вокзала. Снова толпа народа, ожидающего свои поезда. Электронное табло. Выискиваю глазами рейс из этой Мухосрани до денискиной Мухосрани и... не нахожу...

***** конец главы *****

и опять у нас в отведенную зону не влезает все, чем хотим поделиться ((Так что часть сносок тут.

броуновская* — Броуновское движение — беспорядочное движение микроскопических частиц твердого вещества взвешенных в жидкости или газе, вызываемое тепловым движением частиц жидкости или газа.

третьей космической скоростью* — скорость при которой объект преодолевает тяготение Земли и Солнца и уходит за пределы Солнечной системы.

червоточину* — гипотетически возможные туннели в пространстве, существование которых еще пока не доказано.

экзопланету* — планеты за пределами Солнечной системы, но находящихся в зоне обитаемости, то есть в той зоне на орбите звезды в которой условия на поверхности планеты будут близки к земным. И ближайшая к нам такая планета — Проксима Центавра b.

хлорид натрия* — соль

Примечание к части

Музычка к настрою Лиса в конце главы))

<https://www.youtube.com/watch?v=nDyq9b ppl2E>

Звезданутая визуализация:

Безликий* - <https://pp.userapi.com/c844320/v844320432/7cdec/6ipgV9Mo22g.jpg>

https://www.youtube.com/watch?v=K_sz1XtLEz8

Каонаси* - <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Каонаси&stable=1>

game over* - <https://pp.userapi.com/c844320/v844320068/7be42/JVe5SjrwTno.jpg>

Бендер* - <https://pp.userapi.com/c849332/v849332877/4af6/kSi-oitHLUo.jpg>

мужике в сейлор фуку* - <https://pp.userapi.com/c849332/v849332877/4afd/UPwqpyBMMIQ.jpg>

мотошлемом на голове* - <https://pp.userapi.com/c849332/v849332877/4b07/Tar2B-ur76Y.jpg>

с зубами застегнутыми на молнию* - <https://www-s.mlo.me/upen/hvx/201410/20141013/Ken-Kaneki-Tokyo-Ghoul-Costume-486499-2444497.jpg>

с шутовской лыбой до ушей*- https://pp.userapi.com/c849332/v849332463/4e47/pvrg8gQ_QAs.jpg

Кицунэ* - https://pp.userapi.com/c844320/v844320949/81460/MkV_YKvF_A0.jpg

только что сказала* - <https://pp.userapi.com/c844320/v844320949/81470/xRgUBxLZiC0.jpg>

Гакт* - <https://www.youtube.com/watch?v=3KQSRnylJi4>

Часть третья. Любовь. Песнь седьмая. Евангелие от Дениса

Солнце. Ослепительно яркое пробивается косыми желтыми росчерками сквозь иссиня-черные, переполненные водой облака, и заставляет щурить глаза.

Так давно не взбирался на этот крутой холм, а тут вдруг решил проверить на прочность свои ослабшие после долгого отсутствия физической нагрузки мышцы. Дыхалки не хватает, приходится останавливаться на середине пути, чуть дальше и почти у самой вершины.

Всегда тяжело плыть против течения, сать против ветра и подниматься в гору. Вот и мне нелегко. Но все же иду, словно перешагивая некий рубеж очередного преодоления себя. Потому что так нужно. Мне нужно. И собственное упорство толкает в спину, бьет под жопу волшебным пендалем: «Билять, гоу, вперед!»

Мне нравилось бывать тут в детстве. Несмотря ни на что, нравится и теперь. Здесь запахи ярче, воздух прозрачней, небо ближе. А сейчас, кажется, протяни руку — коснусь набегающих на меня туч, что ворчат о чем-то своем, озаряясь частыми всполохами далеких зарниц.

Вдыхаю жаркий воздух, дурея от особенно сладкого аромата трав, который сплетается со свежими нотками озона, и что-то древнее будоражит память предков. Такое странное сочетание первобытного страха и восторженного ликования, которые побуждают противоречивые желания: укрыться от надвигающегося разгула стихии и в то же время стать частью ее.

Будто те далекие или близкие вспышки небесных разрядов образуют настолько плотную сеть магнитной напряженности, что по нашим собственным нейронным системам начинают течь стремительные ионные потоки, удерживая тело, душу, разум в легком возбуждении. А может быть в эти моменты мы думаем, что с нами говорит Творец.

Перун, Зевс, Тор, Индра, Юпитер, Глаих, Шанго, Шибле — столько имен, а все одно — Он. Тот, которого ищу в себе. Которого хочу постичь. К которому у меня столько вопросов.

И кто знает, может я все же получу ответы на них в неясном будущем, когда достигну просветления, или прямо сейчас, когда на душе у меня мрак Марианской впадины, где так же темно, холодно и... одиноко. Но сейчас я не один, а один на один с природой. Один на один с собой. Один на один с ним.

Сильный порыв ветра разгоняет полуденный зной, полощет полы легкой рубашки, ерошит отросшие волосы. Вдалеке искрит и ворчит приближающаяся гроза, заставляя смолкать непрерывный стрекот кузнечиков, пронзительный щебет невидимых птиц, шебуршание хрен знает кого. Точно вся эта живность не смеет вмешиваться в мой диалог с ним.

— Скажи, зачем все это? Ты решил меня на прочность испытать? — тихо шепчу и, задрав голову к небесам, ищу мудрый лик седовласого старца среди клубящейся грозовой черноты, готовой вот-вот пролить на меня свои тяжелые слезы.

— Ты извращенец? Садист? Маньяк? Тебе доставляет удовольствие измываться над собственными детьми? Ответь мне! — Огненный столб взрывает чернь в ответ и разбегается мерцающими ветвями, порождая оглушительный треск, словно кто-то божественно могучий безжалостно рвет небесное сукно.

— Чего ты ждешь от меня? Чтобы я бухнулся на колени и начал петь тебе «аллилуйю»? — новый разряд опасно близко утекает в землю медной змеей, но все еще звенит в ушах орудийным залпом.

— Да хрен ты угадал! Я сам себе Бог! И я есть! Вот, стою перед тобой! — я пытаюсь перекричать шум мечущихся под порывами ветра деревьев, что, как и я, не желая кланяться, корчатся, извиваются, хлестая послушный воздух упругими ветвями. И первые капли дождя оставляют мокрые следы на моих плечах и раскинутых в стороны руках.

— А ты где? Покажись. Дай мне явный знак или тонкий намек, чтобы я поверил в тебя, — редкие слезы небес стремительно сливаются в сплошной шелестящий поток, прячущий многоцветье лета за унылой серой пеленой и облизывающий меня прямо через промокшую до нитки одежду холодными влажными языками.

— И если ты такое ссыкло, что очкуешь спуститься на собственное творение, посылая сюда лишь мессий, и свидание с тобой возможно только на небесах — что ж, я готов. Давай! Направь на меня свою длань карающую, и мы с тобой свидимся. И тогда... — Бьющая по глазам вспышка слепит, прерывая мою пламенную речь, и всего через миг звуковая волна наотмашь жахает по ушам увесистым кулаком.

— Нет, я не позволю тебе меня судить! — Шмотки липнут к телу. Я перед ним все равно что голый, но не прячусь, как и не тычусь раболепно носом в землю. — Мы сядем, как равные, и поговорим по-мужски, с глазу на глаз, — сжимая жилистый кулак так, что ногти впиваются в ладонь, грожу сам не знаю кому, а этот инкогнито плюет мне в лицо новыми зарядами тропического ливня.

Но я же не отступлюсь. Вытирая со лба небесную благодать, нагло скалюсь и под рокот грозы то бесом-провокатором пытаюсь развести Творца на «слабо»:

— Ну что же ты так? Не любишь слушать? Только своим апостолам рамен на уши вешать горазд?..

А то тем самым библейским змием-искусителем соблазняя Его маленькими земными радостями жизни, которые и на небесах сойдут за то еще развлекалово:

— У меня множество интересных и не совсем удобных для тебя тем. О смысле жизни. О добре и зле. О том, почему ты даешь одним все и забираешь у других последнее. А вот эта — о культе личности и ее раздвоении — так вапще тебе близка, как никакая другая.

Небеса свирепеют, пишут то тут, то там причудливые зигзаги огненных иероглифов, но куда их озлобленности тягаться с моей. Я скачу по ступеням принятия неизбежного* в каком-то своем хаотичном порядке и каждый раз, не достигая принятия, неминуемо зависаю на гневе.

— Не хочешь? Считаешь, что я слишком ничтожен для тебя?! — Содрогаюсь от холода, покрываюсь гусиной кожей и провожаю взглядом уносимые шквалом сизые ошметки облаков.

— Я и не сомневался, что не достучусь до тебя. Если ты есть, то просто трус и ничтожество. У тебя кишка тонка со мной тягаться! — ору, оттопыривая сморщенный от воды средний палец и целясь в прозрачно-голубые просветы, втыкаю ввысь факел, давая ЕМУ последний шанс покарать меня за дерзость. — И знаешь что?.. Я в тебя не верю!..

«А в Лиса верю, — вырываюсь из объятий так внезапно нахлынувшего прошлого. — Он, конечно, не Бог, а просто непростой человек. Но именно он показал мне всю силу и возможности своего разума, не потребовав взамен слепого преклонения, а лишь попросив о Любви. Он терпеливо прощал все мои заебы, не ставя при этом на колени. Он не судил мои скотские выходки, но всегда готов был понять и принять их подноготную. Да что говорить... Он хотел бросить к моим ногам мир. А я»...

«Я тот, которому рядом с ним не место. И дело не в глупой ревности к каждому брошенному ему вслед взгляду, а в том, что рядом с ним должен стоять равный, заслуживающий, достойный. А какой же я достойный, если когда-то не побоялся заглянуть в глаза Богу, а вчера не смог заставить себя предстать перед любимым человеком. Предстать, чтобы он сам, наконец, понял, насколько Любовь застила ему глаза»...

«Трус! Ссыкло! Придурок!» — и так далее по списку. Всю дорогу награждаю себя эпитетами один краше другого и понимаю, что ни каждый из них в отдельности, ни все они скопом не опишут степень ебанутости моего поступка. Но что сделано, то сделано, и ничего уже не изменить.

Наблюдаю в окно приближающийся и до боли в ягодицах знакомый автовокзал. Тело измучено непривычно долгим путешествием и готово развалиться на запчасти. Разум безжалостно выплевывает в лицо нелюбимые мысли: «Какого хуя сбежал? Да еще и Лиса наебал. Как я ему теперь в глаза смотреть буду, и буду ли вообще после такой подставы? Бросит же! Как пить дать — бросит! Хотя о чем я говорю?.. Я ж сам все решил.»

А потом тихо сходит с ума и упорно молчит, образуя в голове ту абсолютную пустоту, степени которой не терпит Вселенная*. Но у меня в черепушке он самый — глубокий непостижимый вакуум, в котором не рождается ни один таракан, а те, что были, видимо, аннигилировали с антитараканами.

А душа... Душа болит, ноет, глотает слезы, упорно не желая никому показать свою слабость. Она должна быть сильной. Сейчас, как никогда. Потому что все так и есть — я принял решение.

Сердце сжимается в нестерпимой тоске при мысли, что как только доберусь до дома, напишу Любимому прощальное письмо. Покаюсь перед Елисеем, что приручил, что влез в душу, хоть и не имел на это права. Попрошу прощения и... сам уничтожу наш мир.

Понимаю, что правильнее было бы позвонить, но сейчас никак — разряженный айфон валяется в рюкзаке красивой коробулькой дорогого, но бесполезного хлама. Может это и к лучшему. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и найти в себе мужество на этот отчаянный шаг.

Да и будь аккумулятор заряжен, все равно не включил бы сотик, потому что уверен — Лис позвонит сам. Уверен и панически боюсь, что именно так и случится, а я трусливо не решусь принять звонок. И не потому, что боюсь самого разговора. Нет! Просто слышать его голос — это слишком больно. Это даже ужаснее, чем та боль, что ломает меня всю дорогу. К той я привык. С ней научился мириться...

Хотя давно меня не мучила именно такая, ноющая, вытягивающая все силы, словно я один сплошной гнилой зуб с оголившимся нервом, что дергает и дергает, не давая покоя. Но это все ерунда. Эту напасть можно заглушить таблетками, сном. А вот что делать с той, что теперь навечно станет еще одной моей спутницей? Херня, что время лечит. Знаю точно, эта боль во мне никогда не утихнет, и привыкнуть к ней нереально. Боль осознания, что я отпустил Лиса...

Спрятав голову в сложенные на спинке переднего кресла руки, жду, когда все пассажиры выйдут из автобуса и после, еле передвигая ноги, сам покидаю железное нутро «Ивеко». Тело налитое тяжестью. Не хочу ни есть, ни пить, ни дышать, и жить тоже не хочу. Каждую частичку моего «я» пронизывает такая беспросветная апатия, что разверзшись сейчас земля под ногами, без тени сомнения шагну в недра лавового монстра.

Но земная твердь остается твердью, а я на одном упрямстве и желании как можно скорее оказаться дома и сделать то, что должен сделать, шагаю в сторону стоянки такси, даже не пряча, по обыкновению, лица. Все плывет перед глазами, смешивается в одно сплошное ничто. И на это ничто мне глубоко плевать.

Похер! Мне сейчас все похер. Только не трогайте меня, не касайтесь ни рукой, ни словом, ни взглядом. Иначе я за себя не ручаюсь.

Касаются. Натыкаюсь на какого-то парня и никак не могу с ним разойтись. Глядя сквозь него, дергаюсь вправо, влево, снова вправо. На кончике языка уже висит грязный мат, но, наконец, расхожусь с этим столбом. Сознание цепляется за мысль, что где-то уже встречал эти раскосые глаза. Но мне похуй. Мне сейчас все похуй.

Я все еще с Лисом. Заезженной пластинкой говорю и говорю с ним в мыслях, спрашивая и сам же отвечая на его немые вопросы: «Как ты там? — Мне тоже плохо. Злишься? — Прости. Проклинаешь тот день, когда связался со мной? — Я буду с теплотой вспоминать его всегда. Ищешь ли утешение в ком-то другом? — Правильно, забудь меня. А может ищешь меня? — Не стоит, я не достоин тебя», — гоню от себя Елисея и все еще тешу свою бессмертную Любовь агонизирующей Надеждой, когда Вера уже не дышит.

И в этом немом диалоге слепну, гложну, немею и натыкаюсь на внезапно затормозившую передо мной черную бэу.

— Привет, красавчик! Тебя подвезти? — в опущенное стекло, перекинувшись через пассажирское сиденье, лыбится какой-то прибалтанный бомбила.

Может и запрыгнул бы в салон, не глядя, но это подъебистое «красавчик» гвоздем вклинивается в мозг, а может и какие другие внутренние рога заставляют инстинкты оголить звериную натуру и опустить шлагбаум перед моими намерениями.

— Обойдусь, — равнодушно кидаю в ответ, шагаю в сторону, пытаюсь обойти немецкую тачилу с тыла, и нос к носу сталкиваюсь с тем самым парнем, с которым никак не мог разойтись несколько минут назад.

— А я настаиваю... — не просит гость с юго-востока, убирая сотку в карман стильной куртки и озарение системной прошивкой подрывает мое сознание.

За долю секунды очнувшийся Разум выстраивает ряд событий недавнего приключения: ночь, машина с наркотой, вот эта черная бэха и вот этот

выебонистый тип, попросивший тогда прикурить, а сейчас стоящий передо мной.

Пытаюсь развернуться на сто восемьдесят, чтобы рвануть в сторону вокзала, где всегда курсируют менты, да куда там. Цепкие пальцы уже сжимают плечо. Распахнутая дверь тачилы зияет вратами в ад, в которые меня швыряют мешком с костями.

— Хули надо? — злобно выплевываю, безрезультатно дергая заблокированную дверь, когда тачка с пробуксовкой дергается с места, взвизгивая покрышками на пыльном асфальте.

— Поговорить, — обернувшись ко мне вполоборота, сообщает примостившийся рядом казах и типа успокаивает: — Ты не бойсь, побазарим по душам и разбежимся, — в голосе лед. Равнодушный, спокойный взгляд змеи буравит насквозь и источает опасность. Только я не боюсь. Мне похуй. Мне сейчас все похуй.

— А кто тут боится? — Не понимаю, откуда берется то мертвенное спокойствие, что заставляет меня вальяжно откинуться на спинку сиденья и с вызовом впериться в черный зрачок, после недолгого колебания выбирая левый. — Да и базарить мне с вами не о чем. — Давно не смотрел людям в глаза, но сейчас я бы с любой гадюкой потягался в искусстве не моргать.

— А вот у меня к тебе есть несколько неотложных вопросов, — играясь с зажигалкой в руках, парень все же прикуривает и задает, видимо, первостепенный: — Где Тухлый?

— В душе не ебу, о ком ты говоришь, — ухожу в несознанку, хотя конечно «ебу». Не трудно догадаться о ком речь, но вот тянет меня поиграть с огнем, позлить утырков, что мне кровь испортили и продолжают портить.

— Ты дурочку-то из себя не строй! — желчью пропитано каждое слово. — Тебя же Тухлый подрядил машину перегнать. Так что не гони, что не при делах.

— А, так это ты о Жентосе, — насколько могу очаровательно улыбаюсь одними губами, одновременно убивая взглядом. — Так тут нет никакого секрета. Насколько знаю, он решил поправить здоровье в наркостационаре. Кстати, если вы его проведать решили, то не туда едете, — отслеживая путь, указываю пальцем направление. — На следующем повороте налево.

На указанном повороте никто не сворачивает. Водила продолжает ехать по нужному ему маршруту. Только мне туда точно не надо, у меня на сегодня другие планы.

— Ну, раз твоего подельника не достать, значит с тобой нам невъебенно подфартило, — казах по-дружески хлопает меня по плечу, вызывая острое желание въебать ему в скуластую челюсть с этого самого плеча.

— Ага, удачно это мы с перцем пересеклись. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Да, братуха? — вставляет свои пять копеек водила, зыряка на меня через зеркало заднего вида. Мне ему ответить нечего. В ответ подельнику утвердительно кивает головой узкоглазый и снова переключает внимание на меня:

— А теперь вопрос второй: как думаешь, кто будет отвечать за утеранный товар?

— Ты мне викторину что ли устроить решил? — закусываю удила, потому как сразу понял, чем дело пахнет. — Так вот, я в ваши игры не играю, — что-то меняют во мне ушедший в никуда тошнотворный Страх, но вцепившаяся в сознание зубами остервенелая Ярость.

Остервенелая Ярость на наркодельцов, но еще большая — на самого себя. Я заигрался и доигрался. Я потерял все, чем так дорожил. И мне похуй. Мне сейчас все похуй.

— А еще раз дотронешься до меня, — брезгливо стряхиваю с плеча костлявую кисть, — я пожалуюсь своему парню, — практически по-обыкновенному чудю*, с горечью понимая, что парня у меня, скорей всего, уже нет. — И он превратит вас в крыс.

Скорей от неожиданности услышать такую херь, чем от страха, водила резко бьет по тормозам. Ключнув по инерции корпусом, взрываюсь дебильным хохотом. А когда ловлю на себе изумленно-подозрительный взгляд раскосых глаз, заливаюсь еще громче.

— Пидар что ли? — казах отодвигается от меня чересчур наигранно, будто от вич-больного, а меня еще больше разбирает смех.

— Не-е-е... Ведьмак! — продолжаю хохмить, скрывая за ненормальной веселостью четко работающий разум. Никогда не предполагал, что могу так ясно мыслить и предвидеть ход событий. Но именно сейчас, когда умолкли все мои Демоны, сознание приобретает кристальную чистоту, и даже засранка-Боль уходит куда-то в тень и там только тихо постанывает.

— А ты, я смотрю, шутник? — скалится узкоглазый, ни разу не поверив в мою ненормальность.

— Еще какой! — показываю зубы в ответ.

— Так вот, юморист, — казах все так же тянет лыбу, всем своим видом напоминая подлую крысу. — Та твоя с Тухлым шутка не проканала. Товар не доставлен. Тачка у ментов. Сдать ее мог только ты, когда бросил на дороге. Значит, и ответ нести тебе.

— Не, парни, со мной у вас полный облом, — я не ору. Внятно и с нажимом проговариваю каждое слово, будто вколачивая их незатейливый смысл в недалекие мозги: — Тачку. Я. Не сдавал. Жентос меня попросил перегнать машину. Машину! Не товар! Знал бы, чем ваша колымага нашпигована, сразу бы этого гандона послал. Так что по всем вопросам к дружку вашему Тухлому! Часы приема на входе в больничку прочтете. Андестенд? — отправляю наркодилеров куда подальше, слабо надеясь, что они прямшас оставят меня в покое и отправятся по указанному адресу.

— Не борзей! — так и есть, не пошли, зато на мой же манер и подъебывают: — А то нервы у нас слабые, а кулаки жесткие. Андестенд? — гундосит водила-славянин.

— Вкуривай сюда, красавя. Нас все эти заебы не ебут, — выпуская мне в лицо струю вонючего дыма, проясняет ситуацию сосед-азиат.

— Я так понял, что ваши заебы должны меня ебать? — озвучиваю очевидную догадку, совершенно не понимая, куда подевались мои инстинкты самосохранения? Ну хоть бы один вылез и язык прикусил, так нет же, в меня словно Бесы вселились, и вся эта бодяга выглядит сюрреалистичной киношкой, в которой я играю главную роль.

— Парни, вы по-русски понимаете? Говорю вам — это не мои разборки, — старательно веду предназначенную мне Судьбой партию, вполне натурально задыхаясь в прокуренном салоне.

— Уже твои! Нам нужно наше бабло! И ты нам должен! Усек? — И как аргумент мне в бок упирается лезвие ножа.

Может быть этот избитый, шаблонный трюк и сработал бы пару лет, месяцев, дней тому назад, но не сейчас. Мне похуй. Мне сейчас все похуй.

Я столько раз оступался и отступал. Я столько лет давил в себе зверя и тешил свое мужское эго пополняющимся счетом вирт-побед. Мне надоело вилять хвостом или брехать из-за забора Сети. Вот она — реальная опасность, и я не отступлю.

Надоело быть жертвой. Я мужик! Пусть не такой сильный и решительный, как Лис, но что мне мешает стать таким? Стать охотником и загнать в угол двух козлов, что прикидываются сейчас передо мной хищниками. Хочу ощутить эту эйфорию, самодовольство, гордость, про которые рассказывал Любимый. Хочу ощутить себя Богом, Супергероем и с членом на пять сантиметров длиннее. И даже если в этом поединке я проиграю, то проиграю как мужчина.

— Усек, чего тут не понять, — спокойно отвожу от себя холодное оружие, отчетливо представляя, как достану свое, но очень горячее. — И сколько я вам должен? — подчеркиваю «должен» и подкрепляю свою издевку в голосе традиционным жестом кавычек.

— Уверен, что сможешь рассчитаться? — При всем своем напускном спокойствии вижу, как загораются черные глаза восточного гостя, что означает только одно — он уже делит шкуру неубитого медведя. — Может поработаешь на нас, и мы тебе по доброте душевной спишем часть долга. Только на этот раз товар до адреса доставишь. И без фокусов.

— Отличное предложение! — Без выебонов цепляюсь за такую удобную для меня возможность. — Может тогда все ж подбросите меня до дома, как и предлагали, и там обсудим что да как. Познакомимся поближе. Меня кстати Безликий зовут. А тебя? — играю в лошка, которого они во мне увидели. Ну ничего, я им подыграю. Мне привычно надевать маски.

— Безликий? — таращатся на меня две пары глаз. — Хуевое погоняло. Будешь Красавчик! — И дружный гогот наполняет салон бэхи.

Мне не смешно, но ржу до слез вместе с теми, кто знает, куда и как ударить побольнее. Пусть бьют, что не убьет меня, сделает сильнее.

— А твое дай угадаю, — открыто глядя в черные зрачки, не остаюсь в долгу. — Узкоглазый? Луноликий? Ну не Япончик же? Тебе до него, как раком до Кореи.

— Нарываешься? — даже через куртку своей собственной печенью ощущаю колющее жало финки. — Жить надоело?

— Давно, — китайским болванчиком мотаю головой. Мне похуй. Мне сейчас все похуй.

— Что так? Жизнь не сахар? — заботливо интересуется водила.

— Может тебе ее подсластить? — еще один сочувствующий рядом достает из кармана крохотный пакетик «сахара» и машет перед моим носом.

— Почему нет? В жизни нужно все попробовать, — снова согласно киваю. — Но не в машине же. Я люблю комфорт и безопасность.

— Так говори адрес или мне самому посмотреть? — крысится азиат, указывая головой на карман мантии.

— Не-е-е, слушай, давай для начала без личных досмотров, — подмигиваю желающему обшмонать мои карманы и называю водиле свой домашний. — Погнали, пацаны. Заклучим сделку... — «с дьяволом» — заканчиваю мысль про себя.

Кураж. Ебанный во все дыры кураж бурлит в башке. Я сейчас сам режиссер этого низкобюджетного бестселлера, и хуй мне в рыло, если все пойдет не так, как я спланировал, а тачка уже рвется по знакомым улицам.

«Прав ты, Лис! Ты всегда и во всем прав! Это никакая не Судьба, а я сам свернул с верного пути и вот теперь расхлебываю последствия. Но я буду ответственным за свои поступки. Единственное, чего боюсь, что так и не успею сказать самых правильных слов тебе. Или все же скажу... Обязательно скажу, без всяких «или», как только разделаюсь с этой мразью. И да поможет мне... Хотя нет, мне никто не поможет. Я сделаю все сам!»

Смотрю на упырей и тихо ненавижу. Блять, сколько отбросов ходит по земле, воздух портят, да жизнь другим отравляют. Сколько они дури толкнули на рынок?! Сколько таких парней, как я, развели?! А сколько еще дерьма сотворят? Добра от таких не жди. Еще и заделают в наркотическом угаре чилдренов, которые продолжают путь своих отцов.

Да и я, если подумать, что хорошего сделал? Построил дом? Посадил дерево? Вырастил ребенка? Кого-то осчастливил? Да нихуя! Я даже Любовь свою не сберег.

Ну вот и настал момент совершить хоть какой-то по-настоящему правильный поступок — убрать этот мусор, чтобы не только я, но и вообще никто больше не спотыкался об него на своем пути. Хотя и понимаю, что цена такого шага будет слишком высока.

Ведь выстрел наверняка услышат горячо «любимые» соседи и позвонят куда надо. Через какое время приедут менты? Пятнадцать, двадцать минут? И что дальше? Тюряга? Пожизненное? Я на такое не подпишусь, как и бежать и прятаться не собираюсь.

Мысли несутся чередой, но я в этот миг не желаю думать о том, что для меня из этой ситуации только один выход. Думать — значит колебаться, а колебаний в своем выборе я больше не хочу. Мне сейчас все по-хую!

Единственное, что горит в мозгу красно-синим проблесковым маячком — я во что бы то ни стало должен успеть написать Лису и объясниться с

ним. Сказать, как сильно его люблю, и что если не в этой, так в следующей жизни мы обязательно будем вместе и будем счастливы...

А пока два потенциальных трупа везут меня, а до кучи и самих себя навстречу Судьбе. Видимо, эти парни, как и я, в какой-то момент жизни сделали неправильный выбор. И теперь расплатятся за него. А потом буду платить по счетам я...

— Проходите, гости дорогие, — распахиваю настежь дверь родной однушки. — И не забывайте, что в гостях, — от всей души радуюсь, что меня никто не встречает, потому что додумался передать на поруки свою голубоглазую хранительницу матери.

Непринужденно забрасываю рюкзак в угол. По врожденной привычке стаскиваю обувь. Чуть тяну время, раздеваясь, но уже прикидывая, что и как.

— Что-то не похоже, что ты платежеспособен, — подкалывает азиат, осматривая более чем скромную обстановку моей квартиры.

— Бля-я-я, ты что, из этих?.. — присоединяется славянин, не находя определения то ли мне, то ли более чем неформальному убранству моего паучьего угла.

— Ты очень проницателен, братан, — хлопаю по плечу водилу и тычу пальцем в постер с парнями в стильных плащах и не менее стильных очках. — Я из этих самых, — протискиваюсь между двух мужиков, которые вертят башкой и словно малые дети таращатся на мою «картинную галерею», что мне сейчас только на руку — пусть глазеют.

— Вот молодежь пошла, хлебом не корми — дай поиграть в суперменов, — хохмит в ответ «братан», видимо желающий, чтобы эта самая молодежь брала пример с него, и верила, как Нео Морфиусу.

Пропуская мимо ушей комментарии, мягкой поступью идущего на эшафот подхожу к своему столу. Кресло в сторону. Верхний ящик. Рука сама тянется к шершавой рукоятки. Легкий тремор останавливаю волевым приказом: «Хватит. Не дрейфь!»

— Руки в гору, сучье! Живо! — приказ, словом Божиим вместе с кланьем затвора.

— Красавчик, ты чего? — бледнеет расписной, да и луноликий, глядя в стальной глаз смерти, явно чувствует себя не лучшим образом.

Зато я ловлю кайф. Ни с чем не сравнимый кайф властелина судеб, видя, как вытягиваются рожи ненавистных чмырей перед моим собственным аргументом, с которым рискнет поспорить разве какой киношный дебил*.

— Я тебе не красавчик! — опираюсь жопой о подоконник, чувствуя раздрай в душе: прям не знаю с кого начать расстрельную миссию. — И только попробуй рыпнуться! Стреляю без предупреждения.

Э-э-эх... Надо было, как в кино, пламенную речь замутить минут на мнадцать, с пафосом, с театральными жестами и громкими словами, а я только наслаждаюсь моментом да перевожу ствол с одного визитера на другого и жду того самого движения, что даст мне повод нажать на спусковой крючок.

Увы, повода не дают. «Дорогие гости» послушны, как овцы в овчарне: с грацией балерины задирают хенде хох и так и замирают, не рискуя без команды начать крутить фузте.

— Хорошо-хорошо, как там тебя... — нарушает повисшую тишину потерявший память азиат.

— Безликий... — бубнит славянин, напоминая подельнику мое погоняло, но все же обращаясь ко мне: — Прости, непоняточка вышла. Мы поняли — все вопросы к Тухлому, ты не при делах, — согласно повторяет недавно сказанные мной слова, перемещая руки вперед, словно ладонями прикрывая себя от смертельной угрозы, зажатой в моих руках.

— Ты только не дергайся, — увещевает узкоглазый того, кто спокоен, как удав перед двумя кроликами. — Мы сейчас уйдем и больше тебя не побеспокоим, — осторожно кивает в сторону двери и даже пытается сделать шаг.

— Это ты не дергайся! — мечтаю проделать дыру в тупой башке, направляя дуло в лобешник желающему сделать ноги и припоминая «подельникам» их собственные слова. — А то нервы у меня слабые, а палец на крючке затек.

В моей собственной голове полнейшая вакханалия. Образы один кровавее другого будоражат сознание. Я затмеваю жестокостью и изобретательностью и Хичкока*, и Такаси Симидзу*, и Фрэнка Дарабонта*. Хотя те ужасы, что генерирует мой мозг, намного страшнее. Жалко, что живу не за городом, а значит ничему этому не сбыться...

— Безликий. Не горячись. Ведь посадят тебя, — увещевает казах.

— Мне похуй!

— За нас тебя порешат на зоне, — продолжает давить на психику, приводя веские для него аргументы. Но не для меня!

— Похуй!

— Калмык, ты чего перед этим ненормальным расшаркиваешься? — взрывается тирадой водила, выходя из ступора. — Он не выстрелит. Ссыкло он. Петушок. Таких топтать надо, а не договариваться.

Быдлик дергается ко мне, видимо, намереваясь потоптать, и выбор сделан. Все как в замедленной съемке и словно не со мной. Но мозг работает четко. Тело слушается приказов. И только сердце не слушается и бешено колотится под напором колоссального выброса адреналина.

Дуло на водилу. Я буквально вижу, как боек разбивает капсулю и девять смертельных граммов, закручиваясь волчком, вылетают из ствола ПМ. Как свинцовое жало вгрызается меж ненавистных глаз, оставляя на лбу темное пятно. Как буравит мозг и выходит с другой стороны черепа, увлекая за собой ошметки серого вещества, красной крови и русых волос. Без лишних слов, в мгновение ока гася искру жизни в человеческом теле. Безвозвратно. Бессрочно. Во веки веков.

Я! ЕСМЬ! БОГ! И со мной еще одно божественное создание.

Чувствую за своей спиной ЕГО. Слышу, как ЕГО дыхание шевелит волосы на моем затылке. Вижу, как поверх моих ладоней ложится призрачная длань. Нежно обтекая водами соленого моря, наполняет Верой в правоту моих действий. АМИНЬ!

Палец плавно жмет на спусковой крючок, и неожиданно сильный грохот бьет по ушам. Отдача дергает руки вверх, правое плечо обжигает болью, а сознание недоумением:

«Что это было?! Я не мог промахнуться!» — возмущенно вопит «декабрист» Разум, а я с абсолютным равнодушием наблюдаю, как водилу откидывает назад, и по его плечу начинает расплзаться темное пятно.

— Су-у-ука... — шипит парень, оседая в руки своего друга.

— Еще слово и сукой станешь ты, — кривя похабную улыбку, указываю стволом на «ствол» парня.

Но это все слова. Поверх макарыча вижу, как наркоторговец, стена, кривится от нестерпимой боли. Как алые разводы змеятся по ладони, зажимающей рану, и крупные капли крови разбиваются об пол.

Горечь подкатывает к горлу. Неудержимые спазмы сжимают пустой желудок и резко согнувшись, выблеваю желчь. Все плывет перед глазами... Меня лихорадит. Всем телом чувствую, как накатывают то горячие, то холодные волны. Гольфстрим по холодной Атлантике.

— Валим! — Калмык подхватывает раненого друга и тащит к выходу. — Нагрязнут менты — нам пизда, — и хлопок двери грохочет еще одним выстрелом.

Голова гудит, горло горит, обожженное желудочной кислотой, руки трясутся, когда нервный перегруз берет свое. Просто стоять на ногах стоит невероятных усилий. Но мне тоже надо валить подальше отсюда. И прямо сейчас.

Что ни говори, но раз меня миновал наихудший сценарий развития событий, надо тщательно продумать каждый следующий ход и разложить карты наилучшим образом. Не думаю, что эти утырки побежали в ментовку заяву писать, но за незаконный огнестрел по головке меня точно не погладят. Три гуся влепят, глазом не моргнут*.

Но в тюрьму я не хочу ни при каком раскладе. И не только в тюрьму, но и вообще иметь каких-либо дел с защитниками правопорядка, а значит нужно перестраховаться. И оголившиеся до предела инстинкты берут руководство над разумом и телом.

Слух. Я ловлю каждый звук. Обычная перебранка соседей сейчас побуждает вслушиваться в каждое слово. А вдруг там говорят обо мне? Шум поднимающегося лифта заставляет замереть в напряженном ожидании, что еще миг — и кабина остановится на моем этаже. Но нет... Облегченный выдох, и я снова мечтаю по квартире.

Далекий вой сирен ледяным холодом облизывает нутро. Шелест шин проезжающих мимо и паркующихся у подъезда машин толкает опасно бросать напряженный взгляд сверху вниз и отгонять ужасающее по своей сути предположение, что это полицейский воронок за мной.

Обоняние. Пороховая вонь кажется пропитывает кожу, волосы и каждую клетку моего тела. Проникает во все трещины моей пещеры и омрачает «розовую мечту». Сам себя останавливаю в первом порыве распахнуть настежь окна. Нет!!! Отдергиваю руки. Это подозрительно! Кто в эту пору рамы открывает? Менты сразу спалят! Придется довольствоваться форточкой, но хоть так впустить в помещение свежий воздух.

Меня выворачивает от ужасной смеси запахов, но я держусь на упрямстве и каких-то неведомых внутренних резервах, о существовании которых даже не подозревал.

Зрение. Выватывает кровавые кляксы на полу. Росчерк пальцев на стене, ручке двери. Все смыть, стереть из жизни. Но самое страшное — явная выбоина в стене от прошедшей навывлет пули. И сама пуля, клином застрявшая в бетоне. За каким-то хреном трогаю сколотые края и этой самой пулей лечу на кухню. Нож. С трудом выкопываю сплюснутый кусок свинца и засовываю в карман. Избавлюсь позже.

Оставшийся след смыть, как и быстро заделать, не получится, но до гениальности простое решение приходит в считанные секунды. Трясущимися руками снимаю плакат и прячу улику за летящими лепестками сакуры. Он столько раз меня оберегал от падения в черноту депрессии, надеюсь, спасет и сейчас. А теперь за уборку!

«Скорей, Дениска! Скорей! Глаза бояться — руки делают!» — сам себя подгоняю поганой метлой и выдавливаю, высыпаю, вытряхиваю в ведро с водой ВСЕ, что нахожу под рукой. Гуглить, чем и как удалить чужую кровь из своего жизненного пространства мне недосуг.

Никогда и не думал, что могу так быстро наводить порядок в своем хаосе. Но как оказалось — могу. Придирчивым взглядом санитарного инспектора оглядываю свой дом и остаюсь доволен результатом. Последним штрихом выливаю воду в унитаз, половую тряпку пакую в пакет — выбросить сразу же в мусоропровод — и умываю руки.

Нет, я не просто мою — я готов содрать с них кожу, снять, словно лайковые перчатки. Но не могу, и эта кровь теперь навечно останется на моих руках.

«Хуй с ним! Переживу, — отгоняю страшную картинку расплывающегося темного пятна на плече парня. — Закинусь таблами, снотворным. Отосплюсь и все забуду. А вообще... нахуй таблы! Нажрись! Точно нажрись! В хлам! Но сначала самое главное — спрятать оружие и обеспечить себе алиби».

Впервые так рад столь быстро развивающимся событиям. И использованный билет на автобус все еще валяется в одном из карманов рюкзака.

«Ездил с задротами потусить, — на ходу сочиняю себе легенду, тем паче, что она недалеко от правды, и благо цветная полоска браслета так и болтается на руке. — Прямо с вокзала поехал к родным. По маме родной соскучился, аж жуть как, заодно и кошечку свою мне нужно забрать. Без нее спать не могу! Все! «Неоспоримое алиби» готово. Не подкопаешься. А здесь... Меня здесь не было».

С оружием еще проще. Заворачиваю ПМ в тряпье, пакеты, уже решив, где заныкаю компромат. Гараж — там в отцовском, вековом автохламе его никто и никогда не найдет, а мне этот ствол еще ох как может понадобится. Ведь твари остались в живых и не думаю, что они великодушно отпустят мне все грехи и забудут дорогу к моему дому. Мне нужно быть начеку. Мне придется быть готовым ко всему...

Примечание к части

Чудесный cover Саши Капустиной к состоянию Дениса "На моей Луне" :

https://www.youtube.com/watch?time_continue=209&v=qpne_WSPfgo

К вопросу о ликах, что смотрят на нас с небес))

<https://pp.userapi.com/c626617/v626617795/7204c/B16eJkZq1KU.jpg>

Ну и звездюльки:

ступеням принятия неизбежного* - Стадии принятия неизбежного: Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие.

по-обыкновенному чудю* - фильм "Обыкновенное чудо"

<https://www.youtube.com/watch?v=9TqzB6ZnKYE>

киношный debil* - <https://www.youtube.com/watch?v=2Su9LnkaojM>

Хичкока* - https://ru.wikipedia.org/wiki/Хичкок,_Альфред

Такаси Симидзу* - https://ru.wikipedia.org/wiki/Симидзу,_Такаси

Фрэнка Дарабонта* - https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Дарабонт,_Фрэнк&stable=1

Три гуся влепят, глазом не моргнут* - статья 222 ук. рф <http://ppt.ru/kodeks.shtml?kodeks=20&paper=222>

пустоту, степени которой не терпит Вселенная* -Закон пустоты. Смысл его в том, что Вселенная не терпит пустоты, и если где-то образовался вакуум, она стремится его заполнить. С точки зрения квантовой механики понятия "вакуум" в его классическом представлении не существует вовсе. Даже если удалить из сосуда ВСЕ макрочастицы, такие как молекулы воздуха и атомы, пространство все равно не будет пустым. В нем под действием случайных флуктуаций энергетических полей постоянно идет рождение и уничтожения так называемых виртуальных частиц. Канец((больше поле не дает бла-бла делать.

Часть третья. Любовь. Песнь восьмая. Евангелие от Елисея

Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Без отдыха, на перекладных иду по следу Дениса уже не первые сутки, а чего мне стоило добраться до порога его дома знаю только я и те бесовские матери, к которым послал все свои клятвенные обещания с грандиозными планами и кое-чьи ласковые уговоры с неприкрытыми угрозами.

Устал, как голодный лис в погоне за вертким кроликом, но сейчас я так близко к заветной цели, а эта цель... куда-то смылась, и томительные минуты ожидания, складываясь в часы, проверяют на устойчивость мою психику.

Неустойчивая! Короткий щелчок — и движок лифта начинает наматывать стальные тросы, а во мне в который раз, словно на колки гитары, натягиваются струны нервов — того и гляди лопнут. Сердце трепыхается мотыльком, увязшим в паутине, и от этих отчаянных рывков по тонким нитям нейронов растекается напряженное смятение, заставляя замирать тело, разум, душу.

«Успокойся!» — мысленно приказываю сам себе, слыша, как двери кабины открываются где-то внизу.

Только успокоиться в отношении Дениса мне, по-видимому, не суждено. Я все еще злюсь на него, хоть и понимаю, что как только увижу, сразу прошу и трусливое бегство, и маленькое транспортное плутовство. И тем не менее всю дорогу пытался заглушить в себе, что уж говорить, обиду и гнев на сорванца, замороженного внутренними Демонами. Но похоже, что не только не успокоился, а наоборот, растравил этих собутыльников, к тусовке которых присоединились чувства тоски и опасения, что мне будут не рады.

«Где носит этого засранца?! По-любому уже должен быть дома. Но его нет...» — снова патрулирую лестничную площадку, кажется, изучив каждую трещину в окрашенных стенах коридора, и изредка бросаю взгляд на железную дверь, которая почти два часа назад, несмотря на все мои настойчивые просьбы, так и не открыла вход в апартаменты любимого беглеца. Да и телефон на все попытки дозвониться до Дениса, словно попугай, твердит одну и ту же песню про «абонент не абонент», порождая в сознании безумное желание ебнуть эту говорун-коробульку об стену, а в душе — смутное беспокойство.

А беспокоиться есть от чего. Еще в лифте обратил внимание на затертые капли крови, но не придавал им никакого значения: мало ли кто по сопатке получил. Да и несмотря на усталость, почувствовал — это не Дениса. Но когда следы привели к заветной двери, волей-неволей озадачился.

«Что могло тут случиться? — почесывая изрядно отросшую щетину, снова и снова натыкаюсь взглядом на редкие бурые капли на пыльном полу и отрицательно мотаю головой, отгоняя дурные предчувствия, — Нет! Все хорошо!» — хоть и совершенно не уверен в этом.

Уверен я буду только когда увижу Дениса в целостности и сохранности. А для этого нужно еще немного подождать. И я жду, сжимая-разжимая ледяные пальцы и прислушиваясь к движению лифта и к нащепыванию внутренних Демонов:

«Ну же, Денис, не испытывай мою выдержку на растяжимость! Я все равно никуда отсюда не уйду, а ты рано или поздно вернешься в свое жилище. И лучше бы тебе это сделать до того, как иссякнет мое терпение», — не умолкает Нетерпеливость, подзуживая слегка прихуевший от близости к заветной цели Разум перейти от пассивного ожидания к активным действиям: подергать всезнающих соседей, подключить собственные полуиздохшие силы или, как вариант, силы совсем не духовные, что в моем теперешнем состоянии более приемлемый вариант.

«Все... жду еще десять минут и начинаю нагло пинать осевший в этом подъезде люд. Не даст результата — не менее нагло позвоню Александру Дмитриевичу и попрошу отследить симку моего наваждения, если телефон, конечно, не сдохнет, — с тоской смотрю на тонкую желтую полоску индикатора заряда в смартфоне. — А если сдохнет, совсем уж нагло вломлюсь в дом родителей Дениса, и коли он окажется там, заграбастаю себе свое, а заодно и предложение сделаю, — пытаюсь дурацкой хохмой отогнать нарастающую бесючность. — Ага, прям так и скажу: «Прошу руки вашего сына!»».

Три минуты канут в вечность вместе с моими реальными и нереальными фантазиями, заставляя дергаться с каждой секундой все больше и больше. Того и гляди моча в голову ударит при мысли, что Денис пытается скрыться от меня не в родных стенах, а бежит еще в какие-нибудь ебень.

Семь минут отсчитывают назначенный срок, прошивая токами нервы. Мне нужно что-то делать, но я не могу. Я могу только ждать. Ждать и психовать. И в этом психозе не нахожу себе места. Лютым зверем мечусь в тесном пространстве межэтажья: спускаюсь на несколько ступенек ниже, приближаясь к родным пенатам Дэна и снова возвращаюсь, чтобы прищуриться на огненный диск не по-осеннему яркого солнца.

Девять минут. Лифт оживает, натужно скрипят тросы, заставляя вслушиваться в нарастающий звук приближающейся кабинки. Дыхание замирает, когда понимаю, что ею пройдены все нижние этажи. Неосознанно прошупываю пространство и вся моя сущность сжимается коллапсирующей звездой, потому что не просто искренне надеюсь, не просто слепо верю, а твердо знаю, что случится через миг.

Зеленые стены, серые ступени, белый потолок — все сливается в один перламутровый туман. Ледяные еще мгновение назад пальцы горят, согретые той жаркой, с золотистыми бликами упоения волной, что разливается по всему телу и делает ватными ноги. Судорожно сжимаю перила и смотрю туда, где на горизонте событий звучит металлический скрежет открывающихся створок дверей.

Черная мантия. Сутулые плечи. Накинутый капюшон. Опушенная голова. Рюкзак через плечо. Руки, сцепленные на груди. МОЙ ДЕНИС — поедаю глазами того, кто срывает с меня все защитные оболочки. Разум уходит в аут. Тело горит в адреналиновом пекле. И оголенная Душа взрывается фейерверком чувств: Счастье — чистое, высшее, Нежность — всепоглощающая, бескрайняя, Возбуждение — не унять, непостижимая Любовь...

— Денис... — В горле ком, голос не слышится, кажется, произношу имя Любимого одними губами, но меня слышат.

Парень вздрагивает, словно от удара электрошокера, резко вскидывает голову и на меня смотрят широко распахнутые, самые красивые в целом мире глаза. А я плавлюсь в этой ртути, в этом утреннем тумане, в этом штормовом море. И ТОНУ!

Отчаянно барахтаюсь, не понимая, почему в глазах, что смотрят на меня сейчас, на мгновение вспыхивает вселенский ужас, а в следующий миг утекает в узкую черноту зрачков, оставляя на радужке лишь серую обреченность, фоновую диким, первобытным страхом, будто перед Денисом стоит не любимый человек, а Дьявол, пришедший по его душу.

— Бля-я-я... — тихий матерный выдох под нос шокирует неправильностью происходящего и дергает нерв силлогизмом, что я здесь нежеланный гость.

Где-то хлопает дверь, как сигнал к решительным действиям, и мой Денис торопливой, но какой-то неуверенной походкой инопланетянина, которому в тягость притяжение Земли, топает к своей двери, упираясь одной рукой в стену, словно боясь, что та сейчас на него рухнет.

— Стоять! — ору командным голосом, абсолютно не понимая, чем вызвана такая паническая атака Дениса, но, кажется, только подливаю масла в огонь.

Звенят ключи предвестником события, что парень прямшас вознамерился укрыться за стенами с железными воротами, откуда я его никаким кнутом или пряником не выманю во веки веков.

«Да хрен ты угадал!» — тело двигается на инстинктах. Ни мига не думая, в три шага проскакиваю пролет, ощущая себя заядлым паркурщиком. Налетаю коршуну на убегающего зайца, и, прижимая парня к двери, обвиваю руками, словно смирительной рубашкой.

«Мой! Мой! Мой!...» — Я столько раз мечтал, как заключу его в объятия, но не мог и предположить, что реальные ощущения изгибов вырывающегося из моих тисков тела будут так до дрожи будоражить мое собственное. Голова кругом от близости Любимого, и эмоции, пусть не те, что я ожидал и какие-то неправильные, но и не затертые, не потерянные пространством, отключают разум. Утыкаюсь носом в макушку, по-звериному тяну в себя родной запах, в котором почему-то фонит чужеродная для Дэна нотка спирта, и дурею...

— Попался! — опьяненный своей победой, резко выдыхаю отчаянно дергающейся добычей в затылок, чувствуя, как у самого сбивается дыхание. Но я ж все равно сильнее, сколько не рвись. — Сдавайся! — не прошу, требую. — Сопротивление бесполезно.

— Да хуй ты угадал! — из уст Дениса неожиданно грубо звучат мои недавние мысли, приправленные не менее неожиданным продолжением: — Живым не сдамся... — и мне со всей Денискиной дури прилетает крепким затылком по услужливо подставленному носу.

Резко наступает ночь, и зажигаются яркие звезды. Боль пронзает переносицу, лоб, но самое гадливое — ощущение, как кровавая юшка наполняет нос и медленно стекает по стенкам носоглотки. «ЕБАААТЬ!» — только и проносится в звенящей голове.

— Денис, ахуел совсем? — по-русски искренне возмущаюсь, инстинктивно зажимая разбитый нос одной рукой, а второй продолжая держать добычу.

Дергайся бы сейчас у меня в руках кто другой, уже приложил бы его лобешником о железную дверь, и не раз, но ведь с моим затравленным зверем так нельзя. Вот и обхожусь воспитательными мерами: сгибаю ногу и от всей своей уязвленной в самых лучших чувствах Души отвешиваю парню горячий любовный поджопник.

Попадаю не столько по тощей заднице, сколько по съехавшему с Денискиного плеча рюкзаку, из бокового кармана которого стремительно вылетает до боли в печени знакомый «снаряд». Описывает заданную земным притяжением параболу и с хрустальным звоном подрывается о бетон, рассыпая в зоне поражения брызги чистой, как кристаллы Сваровски, жидкости и прозрачного, как слеза, стекла.

Мир замирает. Денис замирает. Я замираю. «На счастье!» — сверкает молния в мозгу, а по тесному закутку разливается поллитровая лужа и, перекрывая смрад подъезда, источает ни с чем не сравнимый аромат русской водки.

Замершую статую из трех фигур: я, Дэн и убитая бутылка — хоть на фонтан водружай — расколдовывает волшебный мявк и Денискино недоуменное:

— Лис?

Парень разворачивается к своей «избушке» задом, ко мне передом, таращится во все глаза, будто во второй раз за последние 666 секунд увидел Дьявола во плоти, и вот только теперь ему это, сколько ни крестись, точно не кажется.

— Нет, бля, серый волк! — Утираю сочащуюся кровь и закидываю башку назад, будто это может остановить кровопотоп. — И тебе привет, Любимый, — гундосю, а самого на ржач пробивает.

Трясет и Дениску, вот только его попытки смеяться с каждым мигом все больше напоминают начинающуюся истерику.

— Ну все-все, очнись. Сейчас-то признал? — Пытаюсь успокоить, прижимаю к себе любимого драчуна, хотя мне самому не помешало бы взять себя в руки. — Это я, твой Ведьмак. А тебе что, бес с рогами померещился? — И из-за пазухи на свет божий высовывается помятая темная мордашка — нет, не того, кого помянул, а голубоглазой кошки, что удивленно таращится на обнимающихся парней. Как не раздавил бедолагу в порыве любви, не знаю!

— Привет, Маркизка. Ну хоть ты скажи своему хозяину, чтобы он перестал хуевертить. А то ж я и отшлепать могу. И за беготню, и за головоприкладство, — говорю пушистой девчонке слова, предназначенные Дэну, и кошка со мной молча соглашается, да и парень молчит, только быстрое дыхание — почти свистом — вырывается из легких и, обдавая меня ядреным перегарным амбре, проясняет кое-что в Денискином поведении. — Дэн, милый мой мальчик, а ты по какому поводу надрался?! — почти ласково рыкаю на правах старшего, но получается как-то совсем уж не строго: мешает вполне естественно сочащаяся кровь и совершенно ненормальная веселость.

— Лис, прости-прости... Как ты тут?.. Я не хотел... Я думал это... — несет какую-то пьяную околесицу, начиная и не заканчивая свои мысли, но упорно игнорируя мои вопросы. — Ты в порядке? Держись! — подрывается горе-алконавт и дрожащими руками никак не попадает в замочную скважину. — Давай домой...

От этих простых слов становится тепло на душе. «Домой», а не «ко мне». Значит, Дениска уже разделил со мной не только виртуальный, но и реальный свой мир. И, как не неохота, но приходится разжать объятия, отлипнув от желанного человека. Поворот ключа и Дэн, запустив вперед кошку, залетает в квартиру следом, немедленно утягивая за собой меня и отсекая нас от всего света труднопреодолимой преградой. Голова кругом. Вот он — долгожданный миг, в котором мы вдвоем, не считая кошки.

Но с кошкой не считается нельзя. У нас с ней заговор и космический контакт! И она уже признает во мне своего: третью у ног, выписывая

загадочные круги. Глажу маленькую хранительницу, почесываю за ушком, перекидывая на нее часть своей любви, пока нет возможности ей сполна одарить ее хозяина, который мужественно преодолевая антитрезвое состояние нестояния, суетится возле нас.

— Раздевайся, — командует Дэн, сдвигая створку купе, и на пол летят кроссовки, рюкзак, мантия. — Ванная тут, — открывает одну из двух очевидных дверей. — Льда нет, но в холодосе должно быть что-нибудь. Я щас...

Только вместо очевидного и логичного похода на кухню за «чем-нибудь» Дэн пьяной пулей залетает в соседнюю дверку, откуда тут же доносятся понятные любому перепившему человеку звуки.

Не спеша раздеваюсь, пытаюсь не залить кровийшей чистые полы и занимаю примыкающее к сортиру помещение, использовать которое по назначению мечтаю уже давно.

— Любимый, ты в порядке? — моя очередь задать вопрос, на который может быть только один ответ. Он и звучит:

— Нет!

Смывая кровянищу с фейса, разглядываю покрасневший нос в противоестественно крохотном зеркале и отправляю очередной запрос за тонкую перегородку:

— Может тебе помочь? — Откуда прилетает злобный рык:

— Блевать я и сам умею!

— А не будешь без меня бухать! — бросаю незлобный упрек выплывающему из сортира бледно-зеленому призраку Дэна.

— Я и с тобой не буду, — бурчит под нос по дороге в кухонный закуток и жадно заливает в себя минералку. — Садись, — наконец достает из морозилки то самое «что-нибудь» — кусок замороженного мяса и заворачивает в полотенце.

Послушно усаживаюсь на предложенный табурет, подставляя лицо. Я готов сделать что угодно, лишь бы Дэн стоял со мной рядом, как сейчас, когда прижимает к горячей переносице импровизированный компресс.

Из-под опущенных ресниц наблюдаю за моим зверьком и глупо улыбаюсь собственным мыслям. Я столько фантазировал о том, какой будет наша первая встреча, а получилась она вот такой странной. И все же я не обманулся в главном: нет во мне ощущения, что это впервые. Я не чувствую себя здесь гостем. Это наш дом. Мы словно и не расставались. Есть волнение, но это как радость после недолгой разлуки.

Мы здесь вместе с первого дня знакомства, а может даже и раньше, просто запаматовали когда появились в жизни друг друга. Но вот снова рядом, и это такое наслаждение — чувствовать, как меня постепенно, но верно обволакивает облако родной энергетики.

Пусть Денис напряжен, пусть насторожен, пусть ожидаемо прячет взгляд и не знает, что сказать, но самое главное — он со мной, и я пью его жадными глотками. Точно тот Моисей, что сорок лет мотался по пустыне в поисках своей цели и наконец обрел ее. Вот и я пью и не могу насытиться. Пью и пьянею от близости, едва сдерживая желание обнять, вжать в себя, впиться в эти тонкие, плотно сжатые губы страстным поцелуем. Но отрезвляю сам себя: слишком рано, слишком мой израненный зверь напуган и растерян. И понимаю — надо просто дать ему время, чтобы на этот раз не нарваться уже на клыки и когти.

— Спасибо, — не контролирую голос, и он отдает хрипотцой возбуждения.

— За то, что я тебе в нос заехал? — как-то грустно шутит Денис. — Прости, честно, я не хотел, — и бросает быстрый виноватый взгляд, а я читаю в его глазах то, что он не говорит сейчас вслух: ошеломленность, растерянность, смущение.

— Не переживай, я бы так же среагировал, если бы на меня со спины напали, — смотрю на него снизу вверх и не могу отвести взгляд.

— Долго меня ждал? — вопрос в пространство, но для меня.

— Всю жизнь и два часа семнадцать минут, — пара «тараканов» — педант и романтик — орут во мне на два голоса.

— А вот в эти крайние часы ко мне никто не приходил? — вслушиваюсь в тихий голос, впитывая тембр, не нарушенный динамиком телефона, но странный вопрос ломает мой лирический настрой:

— А должен был? — высказывает глупая барменша-Ревность и подливает Red Bull опьяненному Разуму и захмелевшей Душе. — Ты кого-то ждешь?

— Тебя уж точно не рассчитывал встретить, — даже не знаю, как воспринять его слова: как пощечину или как поощрение за решительность?

— Денис... — перехватываю его руки, сжимая в своих. Так бы и держал, не отпуская. — Нам нужно поговорить.

— Это точно, — в глазах Дениса что-то меняется, словно в серых тучах проскальзывает молния. — Только сначала надо собрать осколки, а то соседи заебут.

Парень выскальзывает из рук и слишком поспешно скрывается из виду, оставляя меня наедине с Маркизой и куском оттаивающего мяса.

— Ну что, малышка, показывай, где твой хозяин компромат прячет, — ради собственного любопытства и от делать нечего иду хвостом за пушистым хвостом.

Вплетаю себя в пространство квартирки, скользя взглядом по уже давно знакомой обстановке, в которой все пропитано им — моим мальчиком, и самодовольно улыбаюсь. Так забавно отмечать, что здесь почти все, как в моих видениях. Может чуть мрачнее, капельку ярче, немного детализированнее.

Куда ни гляну, везде вижу навязчивые картинки, как мы занимаемся сексом, и не просто хочу — жажду заново пережить эти ощущения, усилив их близостью не только душ, но и тел. И вроде бы все хорошо, но в эти светлые образы упорно вклинивается что-то чужое, враждебное, опасное. То, что вздымает волосы на руках и затылке, зарождая в груди злобный рык. То, что будучи изможденным не почувствовал сразу. А сейчас, лишь слегка подзарядившись от моей «любимой батарейки», явственно ощущаю.

Впрочем, чтобы сложить воедино все несоответствия, которые занозами вонзаются в разум, мне не нужен Дар.

Пострадавший нос наконец-то начинает нормально функционировать, и я полицейской ищейкой чую в квартире тяжелый дух. Этот резкий запах не спутаю ни с каким другим, распознаю его из сотен. Запах пороха.

Не хочу верить в картину, которую складывает аналитический ум, но факты упрямая вещь: Дэн пьян, кровь на площадке, запах пороха в квартире, а сама квартира «вылизана», но для меня это все равно, что труп, завернутый в полиэтилен. А еще... Я, наконец, понимаю, что не так.

Сакура висит не на той стене, где я ее видел. Глядя на голый прямоугольник среди черноты ниферских постеров, веду пальцами по летящим лепесткам и чувствую за ними провал. «Блять!»

— Дэн, что здесь произошло? — как можно спокойнее спрашиваю заходящего из коридора парня, хотя готов рвать и метать.

— Ничего, — Денис внезапно закрывается, и все выдает в нем крайнюю степень психоза: дерганные движения; то, как стремительно идет к своему столу, не поворачиваясь ко мне лицом; как буквально отшвыривает стоящее на пути кресло; как одним махом сметает в ящик блистеры с таблетками, и следом туда же летят рисунки, записи. Кажется, Денис готов разнести в щепки свой паучий угол, но так и замирает, вцепившись пальцами в край потертой столешницы.

— Кому ты врешь? Забыл, с кем говоришь? — снимаю со стены постер и, видя выбоину в бетоне, холодею от страха за Дениса. — Ответь, что это? Откуда у тебя оружие? В кого ты стрелял? — засыпаю парня вопросами, а тот как в рот воды набрал и даже не смотрит в мою сторону, переполняя чашу терпения. — ОТВЕЧАЙ! — демонический ор эхом мечется в пространстве маленькой квартиры.

Эмоции выходят из-под контроля и, совпадая с частотами Дэна, впадают в резонанс. Как свои ощущаю веру и недоверие, надежду и безнадёгу, любовь и смятение, приправленные раздражением и даже злостью моего мальчика, который сейчас слишком нестабилен, и излучает настолько разнофазные волны, словно его накрыло и не отпускает биполярное расстройство. Но я жадно поглощаю все, чем одаривает меня Денис и еле удерживаю в узде тот табун чувств, что рвется во всю прыть во мне самом.

— Ты мне допрос решил устроить? — Даже не предполагал, что в голосе Дениса может быть столько стали. — Что ж, я отвечу на твои вопросы, — парень, не таясь, разворачивается ко мне лицом, но в глазах не долгожданная Любовь — там плещется Вызов. — Это, как ты уже догадался, пулевое отверстие, — взглядом буравит во мне такую же дыру. — Оружие я купил, чтоб защитить своих близких и, если получится, себя. Защитить от тех, с кем меня недавно столкнула жизнь. А сегодня столкнула снова.

— Денис, о ком ты говоришь? — перебиваю бурлящий поток денискиной речи, наполненной подводными камнями, которые разбросала сама жизнь, а собирать сейчас придется мне. Самое время.

— О тех, чей товар я перевозил той ночью, когда впервые позвонил тебе!

— Выходит, эти беспредельщики к тебе на квартиру нагрянули, — цепляю еще один важный «валун», стоя на том самом месте, где — вижу — не так давно стояли двое.

— Нет, тут сыграло партию так нелюбимое тобой провидение, — с явной издевкой подковыривает Денис. — Я случайно пересекся с ними на вокзале. А сюда спецом заманил, потому что не видел другого пути избавиться от этой мрази, — парень переплетает руки на груди, не столько отгораживаясь от меня, сколько пытаясь унять нервную дрожь. — Я ствол, знаешь ли, подмышкой не ношу.

— Чего они хотели? — желваки ходят под щетинистой кожей. Мне все труднее контролировать раздражающие его и меня самого эмоции.

— Лис, включи мозги! Чего они от меня могут хотеть?! — Раздражение сквозит в каждом слове. — Конечно же денег! Ну или чтоб я отработал, — Дэн криво усмехается, и чувствую, как нелегко ему даются эти воспоминания. — Пришлось им растолковать, что я долгов не делаю, да и работать на них не планирую.

— Кровь в подъезде их? — Собираю далеко не японский сад камней, да и не до медитаций мне сейчас — глаза шарят по стенам, входной двери, выискивая то, что в панике мог не заметить Денис.

— Да. У меня не было времени закрывать следы еще и там. Я чуть не ебнулся от мысли, что шас нагрянут дяди в погонах.

— Не переживай, малыш, если за два часа никто не нагрянул, то уже и не приедут.

— Они вернутся, — Дэна всего передергивает, и, чувствуя его отчаянье, знаю о ком он говорит. — Спросят с меня за все.

— Любимый, тебе нечего бояться. Сейчас ты не один, — хочу обнять парня, чтобы он почувствовал мою защиту, но стою, как вкопанный, ощущая, что мой Дэн ошестинился диким зверем. Тянусь к нему всем существом, пытаюсь сбалансировать его потоки, только Дэн пьян, и его сознание искажено то ли воздействием алкоголя, то ли еще какими неизвестными мне факторами.

— Я ответил на твои вопросы? — фраза Дениса звучит прелюдией к опере. — А теперь ответь на мои.

— Хорошо, только давай ты проспишься, а завтра я тебе расскажу все, что ты только пожелаешь узнать.

«Да что с тобой, Любимый?» — я буквально нутром ощущаю странные, чуждые возмущения, что выплескиваются из Дениса, и мои благие намерения отправляются напрямик в ад:

— Лис, даже если я телом упиваюсь в гавно, то никогда не пьянею головой. Так что не ищи причин, чтобы увильнуть от разговора. Я хочу здесь и сейчас кое-что для себя прояснить.

— Сейчас, так сейчас, — даю добро, хоть мне и не нравится настроение парня.

Подпираю стену спиной, так как сестра за стол переговоров тут просто не на что, и внимательно смотрю на Дениса. Хочется скрестить руки. Я устал, да и на такой прием не рассчитывал. Но если Дэн хочет продолжить разговор, почему нет?

— Как ты оказался у моих дверей, если я никогда не говорил тебе свой адрес? — прилетает первый остроугольный камушек. На миг что-то очень похожее на стыд трогает сознание. Всего мгновение, но сейчас я ни на йоту не жалею, что воспользовался связями и вовремя подсуетился. — Как ты за тысячу километров узнал, что в машине наркота? — Не в бровь, а в глаз попадает еще один осколок гранита. — И самое главное, как получилось, что та тачка оказалась у ментов?!

Поменявшись ролями, мы стоим друг против друга. Не отвожу взгляда от яростно бушующей стихии в любимых глазах и не знаю, что ответить. Сказать, что новость ошарашила — ничего не сказать. Все новые открывающиеся подробности той ночи срываются рыхлым пластом снега и летят на меня неудержимой в своей сокрушающей силе лавиной.

— Она у ментов? Ты в этом уверен? — еще надеюсь на какую-то ошибку, недоразумение, хотя не верить Денису я не могу.

— Лис, я ни в чем не могу быть уверенным. Нарики обвинили меня в пропаже товара. И не делай вид, что ты не в курсе, — Дениса так телепает, что его метания больно дергают виски. — Ты мне говорил, что я два и два сложить не умею?! Так вот я умею! И чтобы распутать этот клубок, не надо обладать ДАРОМ. В ту ночь о том, чем была напичкана машина, знали только те парни, Жентос и... ты, — Денис озвучивает очевидное продолжение, захлебываясь эмоциями, и, пристально глядя на меня, выплевывает новый аргумент: — Ведь я узнал о наркоте с твоей подачи.

— Ты сделал неверные выводы, Любимый! — Мотаю головой, отрицая и задыхаясь под обвалом вполне логичных доводов, но все-таки ложных обвинений. Мне безумно трудно удерживать себя на одном месте. Нервничаю и эта нервозность подталкивает к движению.

— Не морочь мне голову! — останавливает меня Денис и отгораживается вытянутой рукой. — Почему ты постоянно уходишь от ответа? Лис, ты мент? Просто признайся — ты машину сдал? — и, видя мое замешательство, срывается на крик: — ОТВЕЧАЙ!

Несколько шагов между нами и целая стена непонимания, которую мне, во что бы то ни стало, необходимо прямо сейчас разобрать по кирпичику или просто снести, чтобы восстановить бесценные, но надорванные нити доверия.

— Дэн, я ничего и никого не сдавал, — смотрю в холодную сталь Денискиных глаз, четко выговаривая каждое слово.

— А кто тогда?! — Вопрос, на который не могу дать ответа.

Меня вымораживает, и не столько от обвинений Дениса, сколько от зарождающихся в голове страшных догадках. На меня бульдозером, медленно и неотвратимо, накатывает осознание, что я виновник Денискиных проблем. Невольно, но именно я.

— Денис, я сожалею, что не рассказал о себе раньше, — говорю как можно спокойней, понижая градус накала. Не хочу оправдываться и не вижу в этом смысла. И все же я обязан сейчас трезво мыслить и по возможности отрезвить мысли любимого человека, которого одолевают Демоны сомнения. — Во-первых, нет, я не мент, — решаюсь на каминг аут, который давно должен был сделать. — Но да, работаю с ментами. Я внештатный сотрудник, и моя задача — выводить на чистую воду наркодилеров.

— Так значит, я всего лишь твоя работа? — уходит в паранойю Денис и наотмашь шарахает по лбу кувалдой обвинения: — Лис, я тебе верил, а ты меня подставил.

— Дэн, не носи чепухи! — Сжимаю кулаки, будто в них могу удержать Злость на самого себя. Но осознаю, что сам виноват в том, что парень перевернул все с ног на голову и сейчас не просто бьет меня затылком по носу, а режет острыми бритвами слов. — Денис... — Пытаюсь поймать его взгляд, зафиксировать на себе, чтобы вырвать из черного хоровода тихой истерики, глухой обреченности, слепого неверия... — Малыш, это же я, не кто-нибудь. Я тебя люблю и никогда не предаю. Разве я дал тебе повод в себе сомневаться?

— Я сейчас одно сплошное Сомнение! Я душой не хочу верить в то, что говорит мне разум.

Понимаю Дениску, как никто другой, и все же душу царапает обида. Я и сам бы никому безоговорочно не доверился. Никому, кроме него.

— Денис, если между нами нет доверия, то мне лучше уйти. Ответь честно — хочешь, чтобы я ушел? — выпаливаю сгоряча и самому становится дурно от одной перспективы положительного ответа.

Дэн молчит, и в образовавшейся тишине я слышу его панические мысли и сам готов сорваться в истерику. А так хочется встряхнуть парня и заставить посмотреть себе в глаза. Мне страшно. Страшно до безумия, что столько прожитого, пройденного вместе может раствориться в кислоте неверия, и всего лишь одним словом Дэн разрушит нас. А меня без него уже не может быть.

— Лис, я уже без тебя не смогу, — из уст Дениса звучат мои мысли и нервная дрожь пробегает с макушки до самых пят щемящей радостью, что он только что не убил меня отказом.

— А я без тебя не хочу.

Так было всегда и во все времена. Я иду к нему, не в силах преодолеть его магнетизма и шаг за шагом сокращая расстояние между нами, признаю свою зависимость. Нежно, бережно притягиваю Любимого к себе, даже через плотную ткань черной худи ощущая, как нервотрепка морозит его изнутри, и так хочу согреть своей Любовью. Наклоняюсь, утыкаюсь носом в изгиб шеи, дышу им. Живу им.

— Лис, я так устал, — тихий шепот, без истерик и надрыва, исповедью о наболевшем, и мне больно вместе с ним. Больно за него. — Не понимаю, за что мне все эти испытания? Я отработываю грехи своих прошлых жизней? Или чьи-то грехи? — протискивает руки под мои и цепляется пальцами за футболку на спине, словно тонет, а я его спасательный круг. — Может, это плата за любовь к тебе? Это и есть тот самый равноценный обмен?

— Ну куда тебя опять понесло? — нежно поглаживаю по вздрагивающей спине. — Я с тобой, и мы все решим! Будем счастливы вместе и только

вместе! Верить?

— Я верю тебе, Любимый. Верю! Только не оставляй меня одного в этом мире, — горячее дыхание мольбою о главном, и мне страшно вместе с ним. Страшно за него.

— Ни за что не оставляю, — говорю Денису такие нужные ему слова и знаю, что это не пустое обещание. — Но и ты обещай больше от меня не убегать!

— От судьбы не бежишь, — грустное счастье в словах Любимого щемит сердце за моей грудиной, и я радуюсь с ним и печалюсь с ним.

— Конечно, ведь твоя судьба — это я. Так что лучше ее не испытывать, а то Судьба превратится в злой Рок, догонит и таких пиздюлей надает — мало не покажется. Неделю на задницу не сядешь. Так и знай! — полушепотом выдыхаю в ухо шаловливые угрозы и ловлю ответную реакцию Дениса, от которой готов взвыть. Мне в кайф его близость. Чувствовать, как парень тянется ко мне. Может бессознательно, инстинктивно, но разве это не доказательство истинных чувств?

— Давай обойдемся без рукоприкладства, — Денис рад так же, как и я, пылает, горит Любовью. — Все-таки я рассчитываю на легкую снисходительность от МОЕЙ любимой Судьбы.

«Как бы я хотел держать нити твоей судьбы в своих руках. Знать где, в какой день и час тебе не нужно быть, а куда пойти, чтобы ухватить Синюю Птицу за хвост. Стелить солому на каждую подозрительную кочку и латать ямы на дороге твоей жизни. Укрывать от любого ненастья зонтом своего обожания. Словно ластиком пройти по прошлому, чтобы больше ничто не тяготило твою Душу. Хотя нет, именно прошлое сделало из тебя — тебя. Моего такого противоречивого, и все же очень сильного человека, с которым я стою на равных. Кого до безумия люблю и так же до безумия хочу, чтобы ты смело и без сомнений смотрел своей судьбе в лицо и не отводил взгляда».

— Посмотри на меня! — с нажимом, со сталью в голосе, но по-другому сейчас никак. — Денис, подними свои глаза на меня.

— Блин, лучше бы не трезвел, — обдает мое ухо теплое дыхание слов, от которого по скулам разбегаются мурашки. — Может не так страшно было бы, — напряжение в теле, словно я сжимаю в руках тугую пружину, что заимствует у меня силы воли, решимости. Рваный выдох, и Денис отрывает голову от моего плеча...

«Серые глаза — рассвет, пароходная сирена, дождь, разлука, серый след за винтом бегущей пены*». В них вызов, вынуждающий меня почувствовать свою слабость и идти на мелкие уступки. В них страх, заставляющий быть сильным и упираться «рогами» в землю. В них страсть, порождающая щемящую нежность и дикую похоть. В них Любовь, связующая все мои чувства воедино.

— Люблю тебя, — выдыхаю в тонкие губы, и мозг отключается напрочь. В голове мой дурман, и его марево обволакивают собой все пространство, сплетаясь вокруг нас в жаркий кокон. В нем только он и я.

И едва ли не впервые в жизни так до безумия хочется смять эти упрямо сжатые губы поцелуем, пробуя, вкушая, смакуя... И, хмелея без вина, не замечать, как робкие, нежные касания перерастают в исступленное слияние, когда любишь ртом, языком.

Дорвавшись друг до друга, горим во всепоглощающей Страсти. Я владею его устами, чтобы Денис осознал, что он мой. И чувствуя, как с каждой минутой Любимый становится смелее, ненасытнее, отдаюсь в поцелуе, чтобы он ощутил мою жажду, потребность в нем и что я — его.

— Ли-и-ис, — хриплый стон Любимого срывает все мои стопы.

С рыком прижимаю Дэна к стене. Нагледя от податливости парня, вклиниваюсь коленом меж его ног и сам стону, чувствуя очевидную твердость в его паху. Реальность слаще мечтаний.

Покрываю поцелуями шею. Языком скольжу по мелким колючкам щетины на скулах. Запустив ладони под худы, сжимаю явственно проступающие через кожу дуги ребер, ощупываю еле приметные борозды давнишних шрамов. И жажду не просто касаться, а всецело владеть этим израненным телом. Я голодный до него. Я жадный до него. Хочу без преград подчинить и подчиниться.

— Денис, у меня от тебя башню рвет, — теряя всякое самообладание, трусь как кобель стояком о его бедро и вздергиваю скрывающую от меня желанное тело толстовку, тут же получая по рукам в прямом и переносном смыслах.

Цепкие пальцы резко одергивают худы. Еще секунду назад горящий со мной Денис камнеет и, кажется, даже гаснет.

— Лис, прости, — виноватый выдох, и парень снова прячет глаза. — Не сейчас. Я не могу... — Но я уже и сам виню себя за то, что заставил Дениса почувствовать замешательство и стеснение. Я обязан был учесть, что ему неловко раздеваться при свете и страшно показать отметины жизни на своем теле, но не прислушался к голосу Разума. Да и невозможно это рядом с этим парнем.

— Малыш, ну что ты, — не даю Дэну уйти в себя, как и не даю отстраниться от себя. — Я тебя очень хочу, но я не насильник. У нас с тобой все еще будет, — сдаюсь, понимая, что слишком гоню коней и давлю, несмотря на то, что не хотел. — Я подожду, когда ты будешь готов.

— Люблю тебя, — и парень сам стискивает меня в объятиях. Ловлю его эмоции — чистые, благодарные, и это бесценный дар его души.

Столько вопросов посылает в мозг мое перевозбужденное тело. Например, как быстро мы перешагнем этап поцелуев, или будет ли Дэн в реале так же смел, как в вирте, если он в такой степени застенчив сейчас. Но зачем спрашивать то, что скоро — уверен! — узнаю на деле, а пока надо бы немного остыть и много отдохнуть.

— Ты, наверное, устал, — считывает мои мысли Денис. Да и на фейсе написаны два дня без сна и жилетовского станка.

— Любимый, ты чрезвычайно проницателен, — воркую на соблазнительно близко подставленное ухо, борясь с искушением прикусить розовую мочку. — После того, как ты сгонял меня в одно трижды ебанутое царство, разбил морду лица и чуть не добил вопросами, я просто с ног валюсь, — шуточно наваливаюсь на Дениса. — Ну, а сейчас можно мне организовать правильную сказку? — Почти с мольбой пытаюсь заглянуть за дымку любимых глаз. — Сначала накорми, спать уложи, потом вопросы расспрашивай. А то у нас с тобой все через одно место, — совсем не то место, которое имел в виду, маяется у меня в ширинке, и я знаю, что плотно прижавшись ко мне, Денис чувствует это.

— Ладно тебе, Лис, все по русской традиции... — Меня умиляет, как старательно парень прячет смущенную улыбку. — Сперва рожу бьем, потом милуемся.

— Надо исправить ситуацию и срочно разрешить злободневные и крайне волнительные вопросы... — Само собой разумеется спрашиваю совсем не про то, о чем думал: — Что мы будем есть и где будем спать?

— Ужин ты расколотил, — усмехается Дениска и кивает головой на угол комнаты, в котором приютился свернутый в рулон тюфяк. — А спать будешь как настоящий самурай — на футоне.

— Значит так, сокровище мое бесценное, — скрипнув зубами, беру в руки бразды правления. — Поручаю тебе хоть по-щучьему велению, но сообразить романтический ужин на троих, — подмигиваю усатой мордашке, что удобно пристроившись в ортопедическом кресле, таращится на нас во все глаза. Видимо, не только я ждал продолжения.

— Йес, сэр, — отзывается мой совсем не рядовой и тоже оглядывается на свою хранильницу, словно ставя не меня, а ее в известность: — Раз уж ты Маркизкино мясо разморозил, придется ограбить кошку, чтобы накормить нашего голодного Лиса.

— Любимый, договаривайся с нашей девочкой, — меня прет эта реальная не игра в наш мир. — И организуй царское ложе для мальчиков, — не представляю, как можно спать на полу, но видимо с Денисом мне предстоит пройти и это испытание. — И да, спать ты будешь у меня под боком и у стенки. Даже не думай, что в ванне перекантуешься, — считывая отнюдь не кошачьи мысли, на корню пресекаю недопустимое самовольство.

— Вылези из моей головы, — смеется Дэн, кажется, одним этим редким для него действием делая меня счастливым и заставляя думать, как еще раз услышать его проявление радости.

— Ни за что не вылезу! — категорически отказываюсь покидать пределы с таким трудом завоеванного мира. — Мне безумно нравится твоя вселенная! И, кстати, о ванной... — едва сдерживаю готовое сорваться с языка предложение потерять спинку. — Мне надо срочно в душ. Смыть с себя все, что ненароком нахватал в аду, под названием фест.

— Видел я, какие ты там взгляды хватал, — небольно кусается Денис, с трудом выдираясь из моих загребуших рук.

— Я никого не вижу. Я тебя люблю, — нехотя отпускаю парня, не отпуская распутные мысли о нем. — Так что не ревнуй, малыш, и будь любезен, выдай своему охотнику полотенце и какой-нибудь шмот переодеться. Пойду остыну и, наконец-то, почувствую себя человеком, а не грязным похотливым животным, — улыбаюсь трезвеющему на глазах парню, который послушной золотой рыбкой исполняет мои просьбы, начиная с последней.

Недолгие поиски, и мне вручается растянутая до безразмерного размера футболка, очевидно, когда-то бордового цвета, но все еще с четко различимым принтом ползущей ящерицы и домашние брюки, которые Денис, видимо, покупал на вырост, но так и не дорос. Внаглую устраиваю стриптиз и оставляю свою смущенную до кончиков ушей добычу разбираться с оставшимися двумя желаниями, в глубине души, разума и одной конкретной части тела надеясь на исполнение четвертого.

Не исполнилось. Впрочем, так и должно было случиться по всем сказочным канонам. После сытного ужина накатила такая неодолимая усталость, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Так бывает, когда слишком долго держишь себя в напряжении и вдруг понимаешь, что все самое сложное ты уже преодолел. Вот и я так же, после стольких перипетий отпустил себя и даже не заметил, как вырубился на тесном, жестком ложе, выиграв еще одно маленькое сражение и уложив-таки Дениску себе под бок.

Думал, просплю как минимум до полудня и... не угадал. Всегда спал чутко, но эта ночь стала исключением. Иначе сразу бы просек, что Дениса нет рядом. А тут и не заметил, когда мой согревательный элемент во весь рост успел выскользнуть из рук.

И все же тихий шорох поблизости вытягивает меня из царства Морфея, возвращая в еще дремлющее тело сознание и мгновенно наполняя его тревогой.

Блеклый свет экрана телефона рассеивает крохотный кусочек темноты, достаточный чтобы различить темный контур фигуры Дениса, который сгорбился над столом и с упорством копателя «майнкрафт» что-то выискивает в недрах своего стола.

— Дэн, — голос еще хриплый ото сна.

Парень на миг замирает, словно преступник застигнутый врасплох, и снова продолжает поиски, торопливо проговаривая предназначенную мне «колыбельную»:

— Спи-спи, я сейчас.

Но мне уже не до сна. «Силы» восстановились, и я ощущаю Дэна как никогда, понимая, что подняло парня посреди ночи.

— Денис, тебе нельзя принимать таблетки. Ты выпил, — предостерегаю, прекрасно понимая, во что может вылиться смешивание несовместимой химозы.

— Да брось, ничего не будет. Я их столько сожрал, что могу плевать ядом, — парень за шутками пытается скрыть, как ему сейчас плохо, но меня не обмануть.

Мне не нужно особо напрягаться, чтобы чувствовать Его и его БОЛЬ. Она импульсами проникает под кожу, скручивает каждую мышцу, высверливает каждую кость, и мне становится дурно, но не от этих фантомных реакций, а при мысли, что безжалостная садистка мучает моего человека.

— Иди сюда, — тяну руку в мрак комнаты. Я должен помочь. Я могу помочь и сделаю это немедленно. И видя, как Денис продолжает копать, с нажимом приказываю: — Живо!

Целых полминуты наблюдаю, как мой упрямец борется между желанием упереться рогами в землю и тем самым нарваться на грубость, или все же внять гласу разума и послушаться. Я уже готов встать, чтобы «помочь» ему с выбором, но Денис, видимо, услышав мои мысли, разворачивается и идет ко мне сам. Оседает сломанной куклой, но все же прижимается, ища не то защиты, не то утешения.

— Ложись, — сам осторожно укладываю Дениса на живот, отчетливо видя, где таится источник мук, терзающий его тело. Он просвечивает сквозь тонкую футболку, пролегая коричнево-красным стержнем от шеи до копчика, и мне не надо чувствовать, чтобы понимать насколько ему сейчас больно.

Тело напряжено. Испарина впиталась в ткань. И окружающая нас темнота кажется благом, не давая мне видеть мертвецки бледное лицо и сухие потухшие глаза Любимого. Потому что даже невольный стон, сорвавшийся при неловком движении с плотно сжатых губ Дениса, заставляет болезненно сжаться сердце.

— Тише-тише... — нависаю над уткнувшимся лицом в подушку парнем и задираю на нем футболку. Денис не сопротивляется, видимо, находясь в том состоянии, когда разум уже мутится, а может просто темнота стирает его застенчивость.

Дар звенит в сознании высоким напряжением, преобразуя силу мысли в целительную материю, и, разливаясь по телу жаром, нагревает ладони, которыми касаюсь измученного тела. Сами собой приходят слова и срываются с губ не то молитвою, не то заклинанием. Проваливаюсь в транс, раз за разом вытягивая из Любимого колющие нити боли и сжигаю их в пламени, что рвется прямо из души. Это нелегко и даже больно, но я готов разделить на двоих те страдания, что пришлось испытать моему парню. Нет, мужчине!

Закрываю его собой, как щитом, и так и согреваю Дениса в объятиях, делясь своей силой и светом минуты, часы, вечность, пока не слышу, как скованное болью тело расслабляется и с губ срывается облегченный вздох. Мирное сопение утягивает в сон. Я устал. Я очень устал...

Примечание к части

Музыка под настрой:<https://www.youtube.com/watch?v=wmmDMgHG5M8>

Серые глаза — рассвет, пароходная сирена, дождь, разлука, серый след за винтом бегущей пены* - Редьярд Киплинг

Часть третья. Любовь. Песнь девятая. Евангелие от Дениса

Massive Attack - Saturday Come Slow

— Маркиза, отвали, я спать хочу, — вяло отмахиваюсь от кошки, которая непривычно настойчиво щекочет усами, тычется мокрым носом и дышит мне в ухо, и снова проваливаюсь в теплое, пуховое облако сна.

Нет, я не падаю. Я лечу. Невесомый, согреваемый бархатными лучами солнца, что касаются кожи, щекочат и, кажется, пронизывают тело насквозь, преобразуясь в легкое желание. Так бы и парил в междумирье, обволакивающим сладкой негой, где мне легко, свободно, где у меня ничего не болит и из которого так не хочется выплывать.

— Просыпайся, Любовь моя. Нас ждут великие дела, — мурлычет Маркиза голосом Лиса, и я стремительно пикирую с небес на землю. Из дивных грез в чудесатую реальность, которая шельмоватой цыганкой выдергивает из колоды разномастные карты и показывает мне расклад.

Прошрое. Бубновая шестерка стелет передо мной дальнюю дорогу. Черномастный пиковый валет смотрит с прищуром и бросает в меня лайковую перчатку. А вслед десятка той же масти, преобразуясь в изящный фужер, напоминает пьянку в скучной компании отца.

Настоящее. Червовый туз сулит судьбоносную встречу. Десять красных сердец расцветают Любовью. И на современном коне летит сквозь пространство крестовый король — Лис!

Будущее увидеть не успеваю, потому что, распахивая глаза, упираюсь взглядом в реальную действительность и едва давя первое желание шарахнуться в сторону, а в следующую секунду уже тихо тряусь от смеха:

— Изыди, Демон! — Протягиваю руку к оскалившейся маске Кицунэ. — Это моя!

— Твоя, — нависая надо мной, Лис сам стаскивает с лица экипировку мистического лиса и скалится уже человеческой, самой очаровательной для меня улыбкой. — И я весь твой! — И я не могу отвести глаз от этих чувственных губ, которые мой Ведьмак медленно обводит языком и, околдовывая, превращает легкое утреннее напряжение в паху в по-настоящему жесткую проблему. — Как ты себя чувствуешь? — хрипловатый шепот отзывается в теле до странности приятными вибрациями, и мне кажется, что я, точно губка, жадно впитываю сочащиеся из парня теплые энергетические потоки.

— Удивительно хорошо... — Не без труда отрываю взгляд от шепчущих уст и перевожу на... Нет, все еще не могу прямо смотреть ему в глаза и, отворачиваясь, рассматриваю белые разводы на маске Кицунэ, подшучивая над своим совершенно ненормальным состоянием. — Если бы не видел перед собой Демона, подумал бы, что в раю.

И в самом деле, за долгие годы «после» я настолько привык жить по принципу «если ты проснулся и у тебя ничего не болит — значит ты умер», что сейчас слушаю свое тело и не понимаю, почему чувствую себя необыкновенно живым.

— Так давай слетаем? Если не в рай, то на седьмое небо! — Провокационно вжимается в меня Лис и, видимо, чувствуя мою нерешительность, стремительно седлает бедра. — Но только вдвоем!

— Ты чего творишь? — выдыхаю вместе с остатками воздуха первое, что приходит на язык. Мне не страшно вместе с этим парнем и в ад спуститься, тем более что inferно, уже зародившееся в животе, в момент достигает скул, заставляя их гореть изнутри.

— Разве непонятно? Бужу тебя! — заявляет Елисей тоном дворецкого, сообщающего: «Овсянка, сэр», вот только то, как он сжимает меня бедрами, никак не вяжется с придворным этикетом, а больше напоминает начало порносцены в энцовом фанфике.

— А шторы зачем задернул? — Подозрительно шурюсь на окно, хотя шуриться не приходится: солнечные лучи едва пробиваются через плотную ткань портьер. Зато приходится из последних сил держать себя в руках, ибо окружающие меня ведьмовские феромоны уже проникли в кровь и нагло творят в моем теле любовную алхимию.

— Чтобы ничто не мешало мне этого делать, — поясняет тот, серьезным намерениям которого не посмел бы помешать, пожалуй... никто! Ни солнце. Ни я. Ни Маркизка, что куда-то смылась, оставив меня один на один с озабоченным чародеем.

— Делать что? — тупо уточняю совершенно прозрачные лисьи намерения, которые у него не только на лбу написаны, но и топорщатся в районе ширинки. Голос предательски хрипит, и конструктивного разговора не получается, поскольку Елисей провокационно елозит на том, что стремительно выключает мой Разум.

— Тебя будить... — Хитрый плут кольцом уробороса закидывает наш содержательный диалог и наклоняется, намереваясь, судя по загадочной улыбке Моны Лисы, продолжить побудку поцелуем.

Не знаю, срабатывает ли условный рефлекс скрывать свои уродства или безусловное желание не смотреть в глаза сильному зверю, — а от Лиса прет такая волна, что невольно хочется разорвать зрительный контакт, — но успеваю увернуться, что в общем-то не особо помогает выйти из-под воздействия непреодолимого в своей притягательности обаяния Елисея.

— Не смей отводить взгляд! — эротичный шепот вмиг сменяется грозным рыком. Сильные пальцы клешнями впиваются в подбородок, разворачивая мое лицо анфас. — Запомни раз и навсегда: если в стае хищников ты опустил взгляд, значит слаб и переходишь на низшую ступень иерархии. Всегда смотри в глаза открыто, как вчера... когда надрался! — В изгибе его губ играет бесовская лукавинка. — Тем более в мои, — и прежде чем становится стыдно за «надрался», моих уст касается легкий поцелуй.

— Мне некомфортно... — Даже не пытаюсь уйти от нежных ласк, лишь ловлю моменты для оправданий. — ... когда на меня смотрят.

— Тебе нечего стыдиться, — пронзительный взгляд колдовских глаз, что сейчас кажутся черными, через мои зрачки буравит мозг. — Стесняться меня просто запрещаю! — Меня с головы до ног окатывает крутым кипятком, а Лис замирает, словно прислушивается к чему-то слышимому только ему, и внезапно одаривает меня улыбкой маньяка, радикально меняя свое же мнение на противоположное: — Хотя нет, смущайся. Мне нравится!

И мой Ведьмак, словно намеренно стремясь усилить достигнутый эффект, настолько смачно проводит языком по горящему огнем шраму, что у меня перехватывает дыхание и кидает куском руды в доменную печь, расслаивая в этом горниле внутреннюю сущность на две противоречивых составляющих. Одна из которых пылает открытым пламенем, жажда продолжения похотливого, страстного. А другая смущенно томится и плавится в предвкушении, точно девственница на выданье, которой и хочется и колется. Но как ни поверни, вожделяют обе части меня, сливаясь в голодную, возбуждающую плоть похоть.

— Чер-р-р-т! — Меня утягивает в омут бесовских очей, которые, кажется, светятся изнутри и, заволаживая, пристально вглядываются с такой любовью, что ее не нужно озвучивать, она струится непрерывным потоком.

— Ну почти угадал, — тихий выдох в самые губы, и заполненное сердце, отбивая анаэробные ритмы, готово выпрыгнуть из груди. — Знаешь, какие у тебя глаза?

— Бес-с-с... — Как-то внезапно кончается воздух, заставляя прервать речь на вдох, — ...цветные, — когда теплые ладони Лиса, проскальзывая под футболку, очерчивают дуги ребер.

— Бесконечно глубокие. Бесподобно туманные. Безумно красивые, — капельки сладчайшего яда капают мне в уши, расслабляя тело, будоража душу. Вызывая желание заткнуть эти бесовские уста поцелуем, но как же мне нравится слушать его чуть сиплый голос.

Мне все еще приходится гасить в себе вспыхивающие искры неловкости, но желание ощущать его прикосновения в разы сильнее. Мне нужно чувствовать его силу. Мне необходима его властность, чтобы заткнуть своих малодушных Демонов и преодолеть самого себя.

И Елисей слышит меня. Сжимая запястья, заводит руки над головой, не позволяя рыпаться. И я не дергаюсь, потому что хочу, чтобы он делал то, что делает: задирает футболку, по-звериному прижимается, заставляя вставать дыбом волоски на моей коже. Лижет, целует, прикусывает и снова лижет, точно хищник, готовящийся сожрать свою добычу.

А добыча и не против быть съеденной. Я голодный до него. Я хочу его. Я его! И, получив свободу, уже сам сжимаю в объятиях крепкие плечи Лиса. Не отталкиваю, а тяну к себе, и тихо схожу с ума от близости любимого тела, которое источает жар любви, накрывающий меня штормовыми волнами.

— Ли-и-ис, зараза, ты чего творишь? — выставляю, чувствуя, как зубы любимого Зверя смыкаются на скукожившемся соске.

— Бужу тебя... — все тот же странный ответ давно проснувшегося мне. — Просыпайся, — ладонь Лиса мягко накрывает теснящийся в труселях член. — Я чувствую тебя...

«Да бес бы меня побрал! Чувствуй»...

Чувствуй, как воле подвластно твоей рвется натянутых струн напряжение.
Голые нервы, несдержанный стон — миг вечных душ, бранных тел сопряжения.

Чувствуй, как скрытые силы внутри льются потоком, рождая Вселенную.
Ищут незримые глазу пути, кроличьи норы к тебе, вождленному.

Чувствуй, как огненной плазмой нутро плавит нещадно твоя гравитация.
И разбегаюсь взрывною волною, нас накрывает Любви радиация.

Чувствуй, как взглядом вершишь волшебство, тело звездой распалив голубую,
Что отзывается всплесками кайфа, жаром Инферно, соленой водою.

Чувствуй, как жаркие губы твои, странных созвездий творя очертания,
Легким дыханьем — космическим ветром гонят туманностей-мыслей метания.

Чувствуй биение пульсаров-сердец, ритмом единым в круженье захваченным,
Жесткие джеты, что бьют изнутри, тьму прорезая свеченьем утраченным.

Пей моей сущности протуберанцы, в танце-катарсис себя мне даруй.
И, расцветая полярным сиянием, просто люби меня, верь в меня, чувствуй...

***

— Лис, я ведь могу и подсесть на такие побудки, — блаженно улыбаюсь, все еще чувствуя, как в теле искрят потоки блаженства.

— Я только за! — жаркий шепот опалает щетинистые скулы. — Перед чашкой кофе выпить твой поцелуй — лучшее начало нового дня.

— Любимый, все же ты невозможный романтик! — Пытаюсь смутить своего Ведьмака, но какой там... Кажется он безраздельно заграбастал себе эту привилегию.

— Это я с тобой такой, а в другом мире я очень жестокий и злобный, — и подтверждая свои слова, Лис строит жуткую рожицу истинного Демона, глядя на которую прыскаю со смеху, но все же подыгрываю любимому актеру:

— Ужос! — Тарашусь притворно испуганными глазами на любимый фейс, не понимая, почему панически боялся Лиса в сети, а сейчас, когда он так близко, во мне нет и тени страха и только въевшаяся в подкорку застенчивость все еще заставляет... нет, не отводить взгляд, но просто, как бы ненароком, прятать неприглядную половину моего лица. — Интересно было бы узнать, что станет с теми, кто встанет у тебя на пути.

— Денис, я могу проигнорировать любые нападки, которые касаются меня, но не пощажу никого, кто тронет тебя, — никогда не думал, что в

один взмах ресницами человек способен настолько измениться. Нет, он не строит страшную рожицу Демона, но черная тень, проскользнувшая в глазах Елисея, заставляет насторожиться все инстинкты. Осознаю серьезность сказанных слов и не знаю, что на это ответить, а мой Ведьмак уже снова балагурит, преображаясь в Демона-искусителя: — Пошли в душ, а то у меня уже кожу тянет, да и тебе не помешает руки помыть.

— Лис... — открываю рот, чтобы скромно послать похабника на три веселые буквы, но он предупреждает и это мое действо:

— Да-да-да, знаю, не сейчас, — и давая мне шанс на расслабиться и просто поваляться в блаженной неге, стремительно поднимается с нашего японистого ложа. — Я вперед!

Подвисаю, провожая взглядом голую лисью задницу и не отказывая себе в удовольствии помечтать о жарком продолжении побудки с ее участием, что немаловажно, совсем не в главной роли. «Вот ведь... Ведьмак!» — ухмыляюсь собственным мыслям, ощущая, как вроде бы сытое тело реагирует на соблазнительный раздражитель.

— Елисей, ответь честно, ты меня провоцируешь? — пытаюсь перекричать журчание воды, доносящееся из — уверен! — специально не закрытой двери ванной.

— Ага! Давно и упорно! — Заглядывают в комнату две рожицы: чисто выбритая и усатая. — Пять минут тебе на все, про все, — задает темп похабно улыбающаяся и перемигивается с удивительно голубоглазой. — А мы пока с моей помощницей кофеек сварганим.

И, стоя под теплыми струями воды, я не могу не улыбаться, пожалуй впервые за столь долгое время чувствуя себя абсолютно счастливым. Мне сложно поверить в происходящее, как и невозможно представить, что еще недавно Лиса не было в моей жизни. Разум отказывается принимать этот неопровержимый факт, как данность, наполняя сознание Верой, что такого просто не может быть.

На моей коже до сих пор горят его поцелуи, и кажется, так было и будет всегда. В моей Душе царит покой и в то же время удивительно приятное волнение, вспыхивающее искрами Надежды на будущие жаркие объятия в прохладе ночи. Я чувствую себя нужным, важным и защищенным, словно в сотканном из шелковых нитей Любви коконе, за пределами которого меня не касается ничто и никто. А в нем я раскрываюсь, таю в чувствах Елисея, трансформируюсь из неказистой гусеницы в прекрасного мотылька.

Им и выпархиваю из тесного пространства ванной, сразу же окунаясь в облако кофейного аромата и под прицел влюбленно-лисыных и удивленно-кошачьих глаз.

— Любимый, присоединяйся, — ласково мурлычет обладатель веселого прищура, взглядом указывая на единственный свободный табурет и продолжая одной рукой поглаживать ластящуюся на коленках кошку, а другой прижимая к уху сотик, в который договаривает, видимо, прерванную моим явлением фразу, только уже совсем другим тоном: —...да, Саш, именно так.

— Ты кому звонишь? — Чужа подозрительно быстро возникшее беспокойство, невольно вслушиваюсь в неузнаваемо строгую речь любимого.

— Другу, — прикрывая трубку, отвечает Лис и продолжает уже в телефон: — Тут верные 210, 163, 119, 228.

Прозвучавший секретный код заставляет меня медленно отстранить уже поднесенную ко рту чашку.

— Понимаю, что не твой профиль. Но, Саш, ты меня знаешь, по ерунде не стал бы тебя беспокоить, — в дружеском обращении Лиса сквозит серьезность. — Я в другом городе, и не в моей компетенции местных командиров дергать. Тут звонок из столицы нужен, — повисшая пауза превращает меня в слух, потому что догадаться, что речь идет не о добыче куска дефицитного мяса Единорога, смогла бы даже Маркиза.

— И кто у нас друг? — не веря своим догадкам, задаю вопрос, ответ на который скорей всего знаю.

— Мент, — озвучивает мои мысли Лис и дополняет их весьма известным в миру' адресом: — Петровка, 38.

— Браво! — Отдаю должное не столько оперативному во всех смыслах вмешательству, сколько звериной реакции Лиса, успевающего остановить полет чуть не перевернутого мною стола, когда под жалобный перезвон столовых приборов пружиной вскакиваю с насиженного места и самими что ни на есть насильственными действиями пытаюсь вырвать трубку из рук любимого не мента.

— Ну так ептыть... — чуть не раскланивается Лис, перехватывая мою загребушую длань, и невероятным пируэтом разворачивает мою же тушку к себе спиной, прижимая медвежьим хватом за грудь и прижимаясь мужским фактором к заднице.

«Ну вас нахрен!» — проносятся мысли стремительно — только черные пятки сверкают — улепетывающей из кухни Маркизы, правильно посчитавшей мужские разборки не ее женским делом.

— Лис-с-с, — извиваюсь ужом в железном капкане лисьих рук. — Какая статья за посягательство на жизнь господ при исполнении?

— 317 и 318 вроде. А что? — без запинки выдает знаток уголовного кодекса.

— Ты толкаешь меня на преступление! — предупреждаю, но все же останавливаю желание повторить вчерашний прием, ибо трезвый с утра Разум работает четко и опережает двигательную силу инстинктов, включая установку, что калечить свое и горячо любимое — недопустимое для меня действо.

— Любимый, за преступлением следует наказание! — хмыкает Елисей, сильнее сжимая меня в объятиях и на всякий пожарный убирая голову из зоны поражения моего бодливого затылка, видимо, догадываясь, чего от меня можно ожидать. — И поверь на слово, я не доверю этот увлекательный процесс правоохранительным органам.

— С-с-сдурел... — перехожу на шипящий шепот, словно мои «хоромы» уже под прослушкой, как минимум, ФСБ. — Не понимаешь-ш-шь?

— Дэн, успокойся и не дергайся! Ты веришь, что в надежных руках? — Надежность хватки Елисея чувствую своими собственными ребрами, когда тот усаживается на край стола и само собой усаживая меня на то, что должно обеспечить надежное прикрытие моего тыла.

— Верю, — радую того, кто поступает так, как считает нужным, но при этом не советуется со мной, и вот этот факт меня совсем не радует, но

все же не убивает моей веры в него. — Но ты не все знаешь...

— Извини, Саш, — Елисей переключается на загадочного Александра, который наверняка слышит нашу перепалку. — Не, ничего не случилось. Это мы тут... плюшками балуемся, — смущенно откашливается, не желая, видимо, посвящать в наши семейные дела не такого уж и близкого друга. — Хорошо, рассчитываю на тебя. Через час созвон. Если получится раньше до местных «достучаться», дай знать, — наконец-то прощается с ментом, но мне и без невидимого присутствия «третьего лишнего» не становится легче.

— Я просто хренею с тебя! — все еще шепотом хренею, хотя нас уже никто посторонний не слышит. — Ничего, что нас слушали?

— Денис, ты мне должен все рассказать, — пропуская мимо смысла мою обеспокоенность, гнет свое Лис. — Слышишь? ВСЕ! Как выглядели? Что говорили? Имена или погоняла. Что делали? Номер машины, если помнишь. Я не собираюсь отпускать эту ситуацию и прощать тех, кто тронул мое.

— Лис, прошу, не нужно никаких ментов, — не оставляю попыток урезонить парня. — Ты не понимаешь, что в этой ситуации все против меня? Я ранил одного. Оружие не зарегано. Если машина действительно у ментов и всплывут мои пальцы, я уже не отделаюсь легким испугом. Меня закроют! — срываюсь, паника накатывает удушливой волной. Мне пиздецки хреново от вырисовывающихся перспектив, хотя всего день назад было откровенно похуй. Но тогда со мной не было Елисея.

— Вот уж этого я точно не допущу! — В голосе Лиса столько уверенности, будто он глава ОСБ и не какого-то отдельного района, а вся Русь. — Если к тебе до этого не пришли, то уже и не придут.

— Хочешь, чтобы сейчас пришли? — я уже рычу от досады.

— Не переживай, я сделаю так, что тебя и меня это дело никак не коснется. Просто конкретно на этих парней устроят охоту и на следующей же сделке посадят, — почти успокаивает меня Лис. Но это «почти» так и отсвечивает на задворках сознания невыключенным утюгом. — До кучи и с той тачкой разберемся. Я вполне допускаю возможность, что товар забрали менты. Неучтенка, да еще и в таком количестве — всегда хороший куш, но вот каким путем ушел товар, мне еще предстоит выяснить.

— Лис, мне страшно за тебя. Там, где крутятся такие деньги, человеческая жизнь ничего не стоит, — говорю и чувствую, как осознание смысла собственных слов сжимает Душу в тугой ком. — Жаль, что не замочил этих тварей.

— Хорошо, что не убил, — отзывается Лис. Он все еще держит меня, хотя я давно уже не вырываюсь, и вообще не горю желанием отлипнуть от тепла его тела, которое дарует мне чувство защищенности, а будоражащий тембр голоса — желание слушать его, если не вечность, то очень долго. Что я и делаю, вслушиваясь в собственные ощущения: — Убийство есть непростительный грех, — ухмыляюсь, пробуждая скепсис безбожника. — А у тебя душа светлая, — я свечусь рядом с тобой. — Не стоит ее пачкать, — если бы пришлось, я бы запачкал. — И потом, ну ты только прикинь... Ночь. Луна. И мы с тобой в парке культуры прикапываем два коврика с начинкой, — трясусь от смеха, уже прикинув. — А с тебя еще и помощник никакой, бухарик ты мой любимый...

— Не подбъебывай, — слыша добрый смех у себя за спиной, мне так хочется развернуться и посмотреть в глаза Елисею, но что-то внутри все еще не дает мне это сделать, зато я уже позволяю себе маленькие откровения: — Любимый, в моем плане побега от тебя было одно слабое звено: если бы ты ехал на своем авто, мы бы с тобой напились вместе.

— Жаль, что я не приехал раньше... — И я не столько слышу, сколько чувствую горестный вздох, вздымающий его грудь. Сильные руки еще крепче сжимают меня в объятиях, а горячий шепот заставляет не дышать, впитывая таинство странного откровения: — Меня разрывает от мысли, что и теперь ты прошел через смертельную опасность один, а меня не оказалось рядом. Денис, я всегда считал, что мы сами творим свою судьбу. Сами выбираем дороги, по которым идти. Сами выбираем с кем этот путь делить. Но уже склонен признать, что это какой-то рок, что я постоянно не успеваю оградить от бед самого важного для себя человека...

— Елисей, ты о чем? — Меня не на шутку пугают его слова, и в этот миг, напрочь забывая о своих заебах, я разворачиваюсь к Лису лицом и сам заключаю его в объятия. — Ты приехал, а рано или поздно — не так уж теперь и важно...

— Для меня важен каждый твой шаг. Ты столько всего пережил — хватит не на одну жизнь, — теплое дыхание слов щекочет кожу, а нежные касания волнуют тело. — И я сделаю все, чтобы убрать грязь с твоего пути, чтобы ты больше не спотыкался. Я хочу сделать тебя счастливым.

— Уберем, не переживай. Мы сделаем это вместе и тогда уже ничто не помешает НАМ быть счастливыми, — уверяю Елисея и мне самому хочется верить в собственные слова. И если я еще и не верю, то очень надеюсь, что так и будет, но Лис — он другой.

— Я верю тебе, Денис. Верю, как никогда и никому не верил, — смотрит в глаза, а кажется, в самую душу. — Я для себя уже все решил. А ты?

— А разве я дал повод сомневаться? — Улыбаюсь, разглядывая в любимых глазах солнечные лучики.

— Ну тогда признавайся, где купил пистолет и куда дел? — Вот такого вопроса я совсем не ожидал и отвертеться не получится.

— Нууу... — тяну паузу, прикидывая, как не сдать татуированного богатыря. — Купил у знакомого. Спрятал надежно! Будь спокоен! — Откровенное сомнение в глазах Лиса говорит мне совсем об обратном.

— Пуля где? — С дотошностью Пуаро и Холмса в одном флаконе, Лис продолжает задавать отнюдь не риторические вопросы.

— Бля-я-я... — Меня бросает в пот, как при лихорадке. — В кармане лежит. Я забыл выбросить.

— Де-ни-и-ис... — в свою очередь тянет Лис, прикрыв глаза и неодобрительно мотая головой. — Ты просто невозможен! — сокрушается, заканчивая речь серьезной угрозой: — Пороть тебя надо! Два раза в неделю. Один раз в наказание, второй раз в назидание.

— Еще чего с утра пораньше придумаешь? — осторожно интересуюсь, ибо мне действительно интересно знать, чего ожидать от моего неугомонного Ведьмака. Но, чувствуя подозрительно странный отклик в теле, не могу даже возмутиться творящимся произволом, а только гоню прочь подкинутые неумной фантазией образы, от которых поджигается все, что может поджаться и все, что не может, тоже.

— Придумал уже! — сообщает Лис, видимо решив никогда и ни в чем не разочаровывать меня. — Допиваем кофе, и пойдем купим мне зубную щетку, НАМ позвать, — отслеживая взгляд Елисея, вижу подглядывающую за нами из-за угла усатую мордашку. — И попутно выберем диван.

— На хуа?! — клацаю зубами, даже не успевая заметить, как выхожу из берегов. Я конечно понимаю, что характер доминанта диктует Лису его несгибаемую рельсу поведения, но у меня-то и в мыслях не было становиться сабмиссивом. — Это моя пещера и жить в ней я буду, как сам того пожелаю! — Отважно отвоёвываю свое законное место под пыльной люстрой на полу. — Нахер мне не сдался никакой диван!

И только выдохнув весь поток слов и эмоций, понимаю, что наговорил лишнего. Нарычал на Лиса, а это не инет, вкладку не закроешь, нахуй не пошлешь и надо взглянуть в глаза напротив. А глаза напротив смотрят на меня с непередаваемым восторгом и изумлением. И в следующую секунду адский гогот проносится по моей квартире, отскакивая эхом от пустых стен.

— Моя ты прелесть. Это уже не твоя пещера, а НАША берлога! И удобный диванчик нужен НАМ, — непонятно кого это «нам» имея в виду, улыбается Лис той, что ходит сама по себе, но которая уже явно и негласно признала в нем старшего в нашей маленькой стае. — Двое против одного. Так что возражения не принимаются, — и ставит точку в недолгих дебатах.

Только его точка трансформируется в бесконечное многоточие, ибо до моего одуревшего от лисьих феромонов мозга внезапно доходит простая, но вылетевшая из головы мысль, что Елисей хоть и уже со мной, но еще не навечно.

— Лис, а ты... — Не справляясь с волнением, проглатываю внезапно застрявший в горле ком. — Надолго останешься? — Еще не услышал ответ, а сердце уже давит тоской по еще не свершившемуся, но неизбежному будущему.

— А пока Маркизка не выгонит, — смеется Лис, но в его глазах нет веселости. Видимо не только меня тревожат мысли о скорой разлуке.

— Она не выгонит. Так тебе рада, что вы, похоже, уже с ней в тайном сговоре, — поддерживая Лиса, прячу за шуткой грустные мысли. Грустить буду после, а сейчас надо радоваться каждой минуте, каждому мгновению рядом с любимым человеком.

Мгновения. Как быстро они летят рядом с Любимым. Стремительно. С космической скоростью.

Мгновения откровения. Когда не страшно поведать о всех своих злключениях. И не только. Не страшно открыть свой личный «сундук Пандоры», познакомить со своими Демонами, и в ответ получить не менее «скромный» подарок: увидеть понимание в глазах и ни грамма осуждения.

Мгновения неловкости. Когда этот невозможный человек при любом удобном ЕМУ случае касается меня, заставляет на людях гордо держать спину, расправить плечи и не опускать взгляд. И я не опускаю, открыто встречая любопытные, а иногда и осуждающие, завистливые. Только они меня больше не трогают, не царапают душу, не оставляют на ней кровотокающий след, а просто стираются, как что-то ненужное. Есть Я и ОН, а все остальное — белый шум.

Мгновения тревоги. Когда в наш мир вклиниваются телефонные звонки и дергают нерв зловещим зрелищем того, как Любимый, точно оборотень-Кицунэ, вмиг перекидывается из сумасбродно-легкомысленного Лиса в непривычно серьезного Елисея.

Мгновения неконтролируемой злости. Когда меня все же затаскивают в мебельный. Когда я вижу, как вокруг Лиса кружат хоровод девицы-красавицы, а он, словно спецом решая позлить меня, тестирует своей пятой точкой то один, то другой траходром, каждый из которых сожрет добрую половину нашего жизненного пространства. А чего хочу я, так это показушно взять его за руку, а лучше за задницу, чтобы ни у кого и мысли не осталось к нему подкатывать. Он мой.

Мгновения Веры, что у нас все надолго и всерьез. Когда Лис как будто мимоходом затаскивает меня в лавчонку «дома быта» и через несколько минут мне в ладонь ложится связка ключей и листок с адресом.

— Дэн, это тебе. Если надумаешь приехать так же неожиданно, как я, не хочу чтобы ты меня ждал два часа семнадцать минут.

— Я ждал тебя всю жизнь, так что потерпел бы и эти часы, но все равно спасибо, — меня так греет его доверие и я знаю, что сделаю в первую очередь, когда мы окажемся в НАШЕЙ берлоге.

Мгновения Надежды. Когда, не таясь, наблюдаю за широкой спиной моего любимого Ведьмака, решившего накормить нас и колдующего над котлом с чем-то непередаваемо вкусно пахнущим. И мне остается только мечтать, чтобы этот миг превратился в день сурка и я всегда видел любящий взгляд, слышал любимый голос, чувствовал сильные и нежные любимые руки.

Мгновения Любви. Когда мимолетные касания перерастают в страстные объятия и жадные поцелуи и, растворяясь в ощущениях, чувствах, мы никак не можем насытиться друг другом.

И все это кажущееся бесконечным счастье обрывает один раздавшийся среди ночи звонок. Я не вижу глаз Елисея, не знаю того, с кем он говорит, но с каждым мигom чувствую, как вслед за по-дружески непринужденными ответами какому-то сказочному принцу в нашем мире повисает и разрастается звенящее тревогой напряжение. Точно какая-то неведомая злая сила наполняет наш маленький, но такой хрустальный замок кипятком, и тот уже готов вот-вот лопнуть.

Я еще никогда не видел и не чувствовал Елисея таким. Не балагуром, не змеем-искусителем и даже не ожесточенным демоном, готовым порвать каждого, кто ненароком задел то, что ему дорого. Мой Любимый фонит тревогой, настороженностью и даже страхом. Сердце колет и выдает непонятной ненавистью к тому, кто так действует на моего человека. И имя его Аладдин.

— Тебе нужно уехать? — Обнимаю со спины застывшего Лиса, молчаливо вглядывающегося в плотную осеннюю тьму за окном.

— У меня есть дела, которые не могу бросить, — парень разворачивается ко мне лицом. Такой большой и сильный и... потерянный. И, кажется, в этот момент большим и сильным должен быть я.

— Не волнуйся, я понимаю, — сжимая сердце в кулак, уверяю не столько Лиса, сколько себя в том, что если он сейчас не зовет меня с собой, то не потому, что не хочет, а потому, что не может.

— Денис, я завершу это дело и вернусь, — считывая мои мысли, отвечает Лис. — И уже ничто не разлучит нас, — слова, как обет. Взгляд, что не лжет.

— Не вернешься, я тебя из-под земли достану и до смерти затрахую, — пытаюсь разрядить чересчур накалившуюся атмосферу. Слишком Лис сейчас напряжен, слишком взвинчен.

— Обещаешь? — За несколько дней, проведенных вместе, я видел разные улыбки Лиса: радостные, добрые, ироничные и даже насмешливые, но ни разу не замечал, чтобы Елисей так печально улыбался. И я совершенно точно не хочу видеть его таким.

— Клянусь, — я бы мог и не говорить этого высокопарного слова, но оно само слетает с языка.

— Счастлив, — мое грустное счастье, обдавая кожу теплым дыханием, прячет эмоции в изгибе моего плеча, не желая обнажать свои слабости, но мне так хочется, чтобы Лис иногда был со мной слабым и знал, что я никогда его за это не осужу.

— Посмотрим, как ты будешь счастлив, когда я начну напоминать тебе свою угрозу каждый день, вечер, в обед и вместо утреннего «добротра», — шучу, но уже знаю, что именно так и поступлю, чтобы Елисей ни на минуту не забывал, насколько необходим мне.

— Кстати, Любимый, — подпрыгивает Лис, точно я своим наездом напомнил ему нечто важное. — Обязан предупредить тебя насчет телефона, — не радует меня продолжение. — Я всегда был недоверчив, а сейчас думаю, что у меня не просто так обострилась паранойя. Я больше чем уверен, что меня прослушивают. А значит и тебя.

В следующий миг во мне разрывается нечто, похожее на баллон с жидким азотом и нутро вымораживает, точно мамонта арктическими льдами, а весь жар внутреннего реактора стремительным верховым пожаром гонит к голове и полыхает костром на скулах.

— Еба-а-ать! Ты... — Как космонавт в разбитом скафандре на Луне хватаю ртом воздух, а его нет. — Ты понимаешь что там... — Не находя слов, тычу пальцем в паучий угол, где мирно дремлет не только всемирная паутина, но и мой сотик. Мозг лихорадочно пролистывает гигабайты истории, пытаюсь вычленив где, как и когда мог сдать явки, пароли, имена, а упирается в одно — НАШИ НОЧИ. И я готов выгореть дотла, понимая, что только НАШ мир освещают свечкой незримые третьи, четвертые и пятые, но все как один — лишние.

— Денис, не паникуй! — Лис хватается за меня, тонущего в океане хаоса мыслей за волосы и тянет на поверхность. — Я все понимаю и расстроен не меньше твоего, но прошлое не изменить. А вот наше настоящее мы вполне можем взять под контроль!

— Сносим все?! — выдаю первую пришедшую на ум идею фикса и готов «прямым» грохнуть все свои страницы в Сети и утопить в унитазе айфон.

— Не пори горячку! — охлаждает мой пыл Елисей. — Мы должны действовать сообща, и ты должен мне помочь.

— Конечно, Любимый, — во мне бушует злость и безмерное желание оградить наш мир забором с колючей проволокой, а еще лучше непроницаемым матовым куполом, чтобы ни одна падла не сунула в него свой любопытный нос. — Говори, кого нужно убить, а я вспомню, куда заныкал ствол.

— Так, любимый мой киллер, — обманчиво спокойный тон главы клана якудза заставляет настороженно примолкнуть, дабы не лишиться какого-нибудь особенно ценного кончика языка или пальца. — Отставить мокруху, а Макар пусть пока полежит за сейфом в гараже.

— Откуда ты?... — только и успеваю выпалить, подбирая потерянную челюсть.

— Увидел! У тебя вот тут все написано, — и указующий перст Лиса шутиливо тычет мне в лоб. А сейчас слушай и вникай, — начинает инструктаж мой внештатный сотрудник, что, в отличие от меня, всегда с холодным умом подходит к делу. — Ни в коем случае ничего не удаляй. Нам нужно сделать вид, что не знаем о прослушке, чтобы никого не провоцировать на еще более тщательную слежку. И все же по возможности нужно скрыть нашу личную жизнь от посторонних ушей и глаз.

— Мне не звонить тебе? — От одной мысли, что больше не смогу ни в 100500-й раз рассказать Елисею, как сильно я его люблю, ни элементарно узнать, как у него дела, душу наполняет муторной тоской.

— Звонить обязательно! И писать, — отмена страшного для меня «низя» не особо успокаивает, но хотя бы немного радует. — Просто не говори ничего важного и чересчур личного. Для этого у тебя будет новый. Купи телефон самый простой, без навигации и выхода в интернет. К нему сим-карту. Не на себя. Попроси знакомого и, желательно, не близкого родственника, — четкие распоряжения, какими впору приказы на войне отдавать. — Социалки то же самое. Пишишь, с кем писался, спокойно работай, и ничего не удаляй.

— Хорошо. Я все сделаю, — обреченно вздыхаю, понимая, что я сделал бы больше, чем все, только бы Лис не был так серьезен, словно и правда отправляется на фронт.

— Спасибо, Любимый. Уверен: вместе мы справимся, — притягивает меня к себе Елисей и нежно обнимает. Мы стоим так, прижавшись друг к другу, долго-долго, точно никто из нас не хочет, чтобы этот миг заканчивался. Но его обрывает Лис: — А сейчас давай спать, нам рано вставать.

— Нет... — Отрицательно мотаю головой, потому что не хочу отпускать от себя Любимого. Ни сейчас не хочу, ни вообще не хочу. — Нет, — не хочу, чтобы наши три бесконечно счастливых дня, наполненных нежностью, поцелуями, взаимными ласками, точно мы притирались друг к другу, завершились этим незаконченным тактом. — Нет! — Мне жизненно необходимо здесь и сейчас принадлежать ему не только душой, но и телом. — У нас всего лишь ночь. Я хочу стать твоим.

— У нас целая ночь, — точно сканируя мой облик, пальцы Лиса вслед за его взглядом тихо скользят по шраму на лице. — И ты мой...

Bloc Party - The Pioneers (M83 Remix)

В отчаянном, за которым нет дороги назад, порыве сдираю с себя футболку. Мне не страшно раздеться. Тьма скроет мои шрамы. Ночь развевает моих Демонов, оставив лишь одного — неутолимую Страсть первобытных инстинктов. Страсть, что пробуждает во мне ОН.

Тот, кто дал мне этот непостижимый мир. И в этом мире мне не нужно небо, мне не надо земли и даже воздух кажется лишним в тот момент, когда подрагивают и горят пальцы, касаясь крепких мышц. В тот миг, когда сохнут губы, но, встречаясь с его устами, получают живительную влагу. И я готов пить этот нектар, смакуя каждый глоток или жадно высасывая каждую каплю. И понимать, что хочу столько всего и сразу, что теряюсь в своих желаниях и в эту секунду сам себе напоминаю маньяка.

Не думаю, что творю, и не хочу думать. Сегодня, сейчас, в эту ночь будет править балом мое тело, которое вожделеет Лиса, жаждет насыщаться им, напиваться им, принадлежать ему. И я знаю, что Лис слышит меня. Понимает мою жажду и стремления и не противится моей прихоти вести нас в этом танце Любви, а лишь изысканно тонко поддается, проверяя, насколько далеко я готов зайти в своих желаниях.

Мои желания... Я столько раз обнажал его в своих мечтах. Сверху, снизу, полностью или только самое важное. Я рвал на нем шмотки так часто, что будь это в реале, его гардероб был бы кучей рванины. Но сейчас я освобождаю его от одежды с таким внутренним трепетом, словно делаю это в первый раз. И мне нестерпимо хочется то облизать парня везде, где только захочу, а то вцепиться в плоть зубами и пить его кровь. И эти странные желания наполняют мой рот слюной, словно я голодный пес, получивший сахарную кость.

Я скольжу ладонями по изгибам его тела и не отказываю себе в стремлении не нежничать, а по-мужски крепко сжать Елисея в объятиях, впиться короткими ногтями в крепкие ягодички, оставить на ключицах пару-тройку багровых меток. МОЙ!

И когда мы встречаемся взглядом, я читаю в его глазах Любовь. И, выстывая в зацелованные губы свой кайф, я шепчу дичайший бред о своих чувствах, просто для того, чтобы он не только видел, но и слышал, как сильно я люблю его. И пусть я похож на сумасшедшего, но он же понимает меня и простит мне это неадекватное состояние. Ведь я опьянен именно им. Его ароматом, превращающим меня в похотливое животное. Его вкусом, который становится для меня сродни амброзии. Его голосом, камертоном задающим мои внутренние настройки. Его аурой, которая окутывает нас теплым облаком счастья.

Облаком, в котором меня кидает от желания сморгнуть режущие глаза слезы до стремления скрыть блаженную улыбку, тянущую губы. И в этих противоречивых ощущениях пытаюсь удержать себя в равновесии, но меня против воли подкидывает то вверх, то вниз, то к нему, а то от него. Я словно на ринге, когда, седлая его бедра, чувствую себя юным наездником, что решил приручить дикого мустанга, который сам желает быть прирученным и признает во мне своего человека. Человека, которому можно не только доверить тело, но и открыть душу.

И я отвечаю ему взаимностью, и в нашей постели все правильно и нет никаких запретов, потому что это Любовь и Согласие. Я слышу его, а он слушает меня. Слушает и слышит. Подчиняясь, направляет.

Мне больно, и он видит это. Замирая и, кажется, даже пугаясь, молит остановиться, но я не хочу. Мне в кайф чувствовать, что даже боль мне дарует Любимый. И мне жаль, что она столь мимолетна, потому что столь сладка, что вызывает желание сжать в себе его плоть еще сильнее и почувствовать эту будоражащую тело пытку еще раз. И двигаться. Быстро ли, медленно ли, но не останавливаясь, вскидывать бедра и оседать на его члене, погружаясь в пучину плотского наслаждения.

Его кожа, как и моя, покрыта бисеринками пота. Под моими ладонями его напряженный пресс. Его руки на моих чреслах желают помочь. Его голос, хриплый от страсти, срабатывает пусковым механизмом, и, чувствуя в себе сладостные спазмы приближающегося оргазма, я ощущаю его своим и принадлежу ему...

Примечание к части

Бесы рекомендуют: музыкальное сопровождение обостряет восприятие))

Massive Attack - Saturday Come Slow <https://www.youtube.com/watch?v=JnE8dxbonDQ>

Bloc Party - The Pioneers (M83 Remix) https://www.youtube.com/watch?v=ZwWPZrVj_qQ

Часть третья. Любовь. Песнь десятая. Евангелие от Елисея

«Гребанный параноик», — мысленно вешаю ярлык на одного знакомого мне типа, мило улыбаясь на пороге его нетипичной квартиры: видеозвонок, дверь, как врата в бастيون, туева куча замков и система оперативной охраны. И это только то, что успеваю бегло заметить, проходя в святая святых — родные пенаты Бориса Николаевича Митлана, что само по себе странно.

Впрочем, странности начались немного раньше: когда на мое предложение встретиться по поводу сделки с Аладдином, я удостоился чести быть приглашенным на рюмочку чая не в припаркованный тонированный автомобиль, не в очередное безликое кафе и даже не в служебный прямоугольный кабинет, а прямиком в пещеру этого оборотня преимущественно в штатском.

Но так даже лучше. Во-первых, мне все же пиздец как интересно взглянуть на обиталище этого мутного индивида, ведь жилище рассказывает о своем хозяине не меньше, чем манера поведения или речь. А во-вторых, я в спокойной обстановке смогу сообщить своему патрону все новости. Причем классически анекдотичные: одну хорошую и одну плохую. Вот только нужно решить, с какой начать? Или, как в анекдоте, отдать право выбора Митлану?

Впрочем, это совершенно не важно. Просто считаю необходимым уведомить мента о моих планах, чтобы потом без претензий. А то с него станет сыграть в брошенку. А мне оно надо?

Мне спокойствие нужно для себя и Дениса. Не хочу, чтобы мой парень психовал и дергался по каждому поводу и без. Хватит с него передрыг! И с меня хватит! Уже в край остопиздило реалити-шоу с Митланом-режиссером, где контролируется каждый мой шаг, да и каждое слово тоже. Где чувствую себя псом в электрошейнике, любое действие которого, не согласованное с «хозяином», сулит разрядом тока, пробирающим до самых яиц.

Мне нужно вернуть себе свободу, чтобы начать новую жизнь с Денисом. И может быть эта моя непоколебимая уверенность в том, что легко смогу осуществить задуманное, позволяет чувствовать себя совершенно спокойно в непривычной обстановке чужой квартиры. Не стесняюсь, так же как Митлан не так давно у меня, рассматриваю бесхитростный интерьер, хоть и не без претензий на уют и технологичность, унылый вид из окна на помпезную новостройку, личные фото в китайских рамках. Не отказываюсь от горячительного чая-кофе. И отказываюсь от весьма дорогого чего покрепче.

— Борис Николаевич, должен сразу предупредить... — Обсудив чё и как и получив очередные инструкции и необходимый для покупки партии герыча нал, без «предварительных ласк» перехожу к плохой новости: — Я провожу эту сделку и больше не сотрудничаю.

— Елисей, ты в своем уме? — Все же приятно видеть, как изумленно вытягивается вечно надменное лицо мента.

— Абсолютно! — Явно разочаровываю Бориса, видимо, посчитавшего мое заявление временным помутнением рассудка. И с интересом наблюдаю, как Митлан неожиданно вскакивает со своего стула, даже дома выбрав позицию «во главе стола», и поспешно уходит в коридор, возвращаясь оттуда с пачкой «Parlament».

— Елисей, ты вроде не наивный чукотский мальчик, чтобы верить, что из нашей организации можно взять и так просто, по собственному желанию уйти?

— И что мне помешает? — Тут же закусываю удила, не намереваясь еще и дальше позволять помыкать собой.

— Ну-у-у, не чуди, — мент неожиданно примирительно тянет слова, надевая маску доброго дядюшки или даже папика, что отчитывает пацаненка. Но меня не провести. Ни ласковые речи, ни весь этот театр одного актера не собьют меня с панталыку. Я вижу суть этого человека: большой и важный Каа, готовый заглотить кажущуюся непомерно большой добычу и не подавиться. И эта его сущность незамедлительно являет свой лик: — Ты же знаешь, у нас много рычагов воздействия.

— Со мной ваши методы не прокатят, — пренебрежительно отмахиваюсь от «сенсационной новости» Бориса, мол, «плавали, знаем». И все же настораживаюсь, следуя принципу «предупрежден, значит, вооружен».

— Да неужели? — Митлан тут же меняет маску добрячка на личину сатира, и циничная ухмылка кривит его губы. — Хочешь попробовать? — Мускулистые кольца змея медленно начинают обвивать меня, но я просто так не сдамся.

— Найдите себе другую подопытную крысу, — нагло кусаюсь, чувствуя, как вместе с давлением мента во мне поднимается противоборствующее раздражение. — У меня нет ни малейшего желания быть марионеткой в ваших руках и вечно жить под вашим всевидящим оком.

— О чем ты? — включая дурачка, почти искренне играет Митлан, разве что ресницами не хлопает, и сквозь прищур меня пристально изучают очень умные глаза, подтверждая мою уверенность: все он понял.

— Ой, да ладно! — Откидываюсь на спинку стула и складываю руки в замок, закрываясь, однако решаю раскрыть карты: — Борис Николаевич, как давно мой телефон на прослушке?

Лишь секундное замешательство мелькает в глазах напротив, но мне хватает, чтобы зацепиться за эту трещину в его маске и прочувствовать скрытые за ней эмоции. И снова покер-фейс: шельмоватая ухмылка на губах, лукавый взгляд Мефисто.

— С самого первого дня, — Митлан скидывает мелкую карту и даже бровью не ведет, точно знает все расклады и прикупы, но то, как нетерпеливо достает сигарету и глубоко затягивается, выдает его нервозность с головой. — Елисей, не будь ребенком. Ты же должен понимать, что я не мог не подстраховать тебя и твою деятельность, — поет сладкоголосые песни сирена в мужском облиции.

— Благородного оленя изображаете? — Внутри кипит, но я не позволяю Митлану увидеть, насколько взбешен, как и не позволю ему надеяться, что я буду довольствоваться столь малой победой и поверю, что со мной играют в открытую. — Тачку с наркотой вы пригнали? — Подкидываю на стол козырную карту. Мне до чертиков хочется пережать горло этого изворотливого гада. Знать бы еще, сколько тузов у него в руках припрятано.

— Ну, не я лично... — пасует мент, но и не думает сдаваться, точно эта игра со мной его забавляет. — Было не с руки лететь за Урал. Но теперь мне будут обязаны, а в нашей среде взаимовыручка и связи ценнее денег. Но я могу поделиться. По нашей обычной расценке — десять

процентов. Все же твоя заслуга в этой негаданной сделке есть, — тут же бьет мою карту припрятанным королем, и ментально — под дых.

Еле проглатываю комок горечи, накатывающий от понимания правоты собственных догадок, что именно я виноват в проблемах Дениса: не ушла бы тачка с товаром — не наехали бы на парня те урки.

— Борис Николаевич, я не собираюсь морали читать, мне одно непонятно, на кой-ляд вы мне все эти патетические песни пели про идеологию, про нравственность, если ГНК с наркоторговцами в доле, и всем правит металл? — Мысли стройными рядами складываются в нерадужную картинку.

— Не строй из себя невинную овечку! Ты сам работаешь не за «спасибо» и не за идею. Это всего лишь бизнес! Для меня, для тебя, для большинства избранных, — снова змеем-искусителем пытается подкупить меня грубой лестью.

— Деньги можно и другим способом заработать. Подниму бизнес и как страшный сон забуду с какими людьми столкнулся, — блефую конечно, отдавая себе отчет, что такого бабла никаким честным бизнесом не поднять.

— Не с твоим характером работать тихо и спокойно, — глубокая затыжка и сизый дым окутывает лицо мента. — Да и не дадут. Ты же уже с этим сталкивался, — откровенно подъезживает Митлан, припоминая начало нашего «сотрудничества»: — Я помог тебе тогда. Могу помочь и впредь. Ты не смотри, что я в майорах. Просто не в моих интересах светиться, но у меня везде есть свои руки, связи. Ты бы быстро пошел по карьерной лестнице. И всего-то и надо — быть со мной.

— С вами? — Иронично вздергиваю бровь. — Это как?

— Работать со мной... Как я уже говорил тебе в начале нашего знакомства, — цедит слова, подчеркивая «работать», но во взгляде иное. Совсем иное. Митлана бьют эмоции и ему все труднее контролировать себя, видимо, такого разговора он никак не ожидал, и я здорово спутал его карты. — Я уже готовил командировку в Питер, где познакомил бы с нужными людьми, которые полностью изменили бы твою жизнь.

Слушая весь этот пиздеж, четко и ясно вижу картину, которую вообразил себе Борис: северная столица, мы вдвоем, и я, как верный пес, подставляюсь под него, и в дальнейшем буду подставляться под любого, кого Митлан посчитает нужным себе человеком. Большие деньги, власть и вседозволенность будят в людях извращенных Демонов, что жаждут испробовать все пороки мира, и один из них — натянуть парня, при этом оставаясь для общественности благоверным отцом семейства.

— Елисей, ты перешел бы совершенно на другую ступень. Ты с моей помощью сможешь достичь таких высот, о каких никогда и не мечтал. Ты ж в легкую станешь своим среди всех. И среди криминала, и среди официалов. Будешь блатным.

— Кем? — С души воротит слышать все эти высокопарные речи. Но что еще противней — осознавать веру Митлана в то, что он сможет слепить из меня себе куклу, что уже меня сломал, и я пойду на любую авантюру, которую он предложит. — Вы вроде взрослый человек. Опытный сотрудник, а несете такую ересь! — Меня так и подмывает выплюнуть Борису в лицо, что единственная перспектива, что светит мне сейчас — это за непослушание отправиться в места не столь отдаленные, куда я успел отправить немало барыг. — И к слову... мне и на своей СТУПЕНИ хорошо. Я не рвусь во власть. Как и в менты не рвусь.

— Ты пожалеешь, — не угроза, констатация ЕГО ПРАВДЫ!

— Я вообще никогда и ни о чем не жалею, даже о том, что влез во всю эту грязь под названием ГНК и внештатное сотрудничество.

— Вот! Правильно ты сказал. Ты уже влез, вошел в эту среду и многое знаешь, — цепляется за подкинутое мной слово Митлан. — Мы вложили в тебя средства и рассчитываем на полную отдачу. Ты думаешь, я бы стал цацкаться с каким-то левым парнем, решать его мелочные проблемы, если бы не видел в нем перспектив дальнейшей продуктивной работы? Да за кого ты меня принимаешь?!

Митлан не кричит, но каждое его слово гвоздем прошивает сознание. Я молчу и только сверлю мента глазами, чувствуя, как безумно трудно сдерживать «души прекрасные порывы» что-нибудь разбить, расколотить, а лучше уничтожить.

— Ты уйдешь только тогда, когда я посчитаю нужным, — в голосе сталь. Митлан включает большого босса. Привык, что его слушают и слушаются. Только я не такой.

— Я вам не раб! — В моей свободолюбивой натуре поднимается такая волна протеста, что захлестывает любые доводы разума. — Если на то пошло, я не стану и это дело доводить до конца. Поищите кого-то другого из ваших парней, кто рискнет к этому наркобарону подобраться. Посмотрим, как далеко вы продвинетесь. Удачи!

Резко встаю и чеканным шагом направляюсь на выход. Если сейчас не уйду, то драки не миновать. В груди kloчочет такая ненависть, что самому страшно становится.

— Что ж, иди, раз ты так решил, — несется вслед, когда я уже ныряю ногами в ботинки. — Может успеешь сухарей насушить, — бесстрастные слова, подтверждающие все мои догадки.

— Вы мне угрожаете? — Кулаки сжимаются и в груди зарождается рык. Уебу!

— Я тебя предупреждаю!

— У вас на меня ничего нет.

— Е-ли-сей... — Митлан внезапно фыркает и через миг захлебывается недобрым хохотом. — Забыл, где живешь? У нас ведь все по понятиям: «Был бы человек, а статья найдется», — выдает любимый ментовский афоризм, утирая типа выступившие слезы. — Но я понимаю, ты ж из той породы, что любит попробовать ВСЕ. Вот и отведаешь тюремной баланды.

— Вы думаете меня это испугает? — Разум внезапно погружается в ледяное спокойствие, и из всех вариантов благоразумной обороны я выбираю безрассудное нападение: — Как вы правильно заметили, я много знаю. В том числе и про вас, так что баланду будем за одним столом вкушать.

— Ты мне угрожаешь? — Кажется, еще миг и Борис снова расхохочется мне в лицо.

— Я вас предупреждаю, — мне не смешно, потому что я, как и мент, понимаю, что мои слова сотрясают только воздух, а в реале я бессилен перед системой.

— А как думаешь, ты успеешь предупредить своих близких? Вернее, близкого... Как его там? — Сканируя взглядом, тянет время, будто припоминая нечто незначительное и внезапно находя пропажу, радостно восклицает: — Денис!

Внутри все обмирает... Сердце с места в карьер срывается в анаэробный ритм, так что я гложу, ощущая только этот бешеный пульсар. Митлан все знает. О Дэне. Обо мне. О нас! Это было предсказуемо, но все же я не ожидал, что он так подло решит сбросить на стол свой главный козырь.

— Не впутывай его. Он тут ни при чем! — Щетинясь на реальную угрозу, хочу рассмеяться Борису в лицо, но получается только озлобленный оскал.

— Ну как же ни при чем? — Борис даже и не скрывает своего злорадства, продолжая «убеждать» меня остаться в деле. — Вдруг выплывет наружу все, что натворил твой МАЛЫШ, — мороз ползет по хребту, сковывает клешнями душу, когда Митлан называет Дениса моим словом. — Не с его здоровьем даже в тюрьме сидеть, не то что в зону попасть. Ты представляешь, что с ним могут сделать, узнав о его наклонностях?

Не хочу верить в то, что слышу. Но вот он — Дьявол во всей красе. Рисует, чувствуя свое превосходство. Знает все мои ахиллесовы пяты и безжалостно бьет по уязвимым местам. Только зря Борис пошел ва-банк. Не на того напал. Хочешь выиграть — никогда не недооценивай своего противника. А он меня явно недооценил. Никогда бы не позавидовал тому, кто решится разбудить во мне моего ЗВЕРЯ. А я уже едва сдерживаю в себе клокочущую Ярость. И в этой Ярости я страшен.

— Тронешь Дениса, и я тебя убью, — приближаясь к Борису, четко проговариваю каждое слово. — Медленно. Мучительно. Капля за каплей буду вытягивать из тебя жизнь. А ты видел, что я могу это сделать легко. И никакая система, связи и взаимовыручка тебя не спасут, — я сейчас еле держу то темное, что рвется наружу в неутолимой жажде крови. В яром желании вклиниться менту в мозг и исказить сознание; выбить из легких весь до глотка воздух; сжать в тисках, а то и остановить сердце; раскинуть свои черные тентакли по всему организму и пустить отраву-проклятие по венам, жилам.

С трудом подавляя искушение для начала хватануть Митлана за грудки, встряхнуть и стереть кулаком наглую ухмылку с его лица, исподлобья смотрю промеж глаз мужчины. Не моргая и не скрывая бурю эмоций, бушующую внутри, где под натиском личной стихии гнутся армированные прутья вольера моего Зверя. Еще одно слово про Дэна, и оно сработает командой «ФАС!»

«Ну, давай! Вякни! Все, чего я хочу в этот миг — это получить повод порвать тебя в клочья!»

Но Митлан молчит и только пристальным взглядом проверяет на прочность мою выдержку. Слышит ли мои мысли? Читает ли в моих глазах жажду расправы? А может, предвидит свой приговор за нечестную игру? Кто знает, какие мысли копошатся за чернотой его глаз, да еще и с таким напряжением, что их хозяин забыл про зажатую меж пальцев сигарету. И она так и тлеет, испуская тонкий шлейф дыма и обрастая столбиком рыхлого пепла, готового вот-вот надломиться и упасть на полированную поверхность деревянного стола.

Падает. Лишь краем глаза замечаю, как беззвучно осыпается тлен, а красный огонек так близко подходит к сжимающим сигарету пальцам, что едва не обжигает их. И за этот повод цепляется мент, чтобы разорвать зрительный контакт. Смахивая со стола горстку пепла, Борис отводит взгляд и заливается деланным смехом, гаснущим сразу, как только мужчина отворачивается к окну.

В нашей перебранке висит слишком долгая пауза, в которой слышу мысли Митлана, просчитывающего каждый свой шаг, а я не мешаю ему хорошенько подумать над сложными расчетами.

— Елисей... — наконец разрывает тишину мент. Снова этот примирительный тон. — Будь по-твоему. Но давай все обсудим.

— Что тут обсуждать, когда ты мне нож к горлу приставил? — Меня словно током дергает. За всей этой руганью я вдруг четко и ясно слышу мысли Митлана, его планы и надежды, которые, по всему выходит, я рушу.

— Мне нужен Аладдин, — так непривычно видеть мужчину курящим. Он так тщательно скрывает все свои слабости, но, видимо, нервы сдают не только у меня. — Только сейчас у нас на него ничего нет. Ты раскручиваешь его на крупную партию. Совершаешь сделку и можешь быть свободен. Никто тебя не тронет, — и, видя в моих глазах то, что я не в силах скрыть, продолжает: — И твоего мальчика тоже.

Я ни на йоту ему не верю, но понимаю, что этот человек не остановится, пока не получит желаемого. И сейчас самый лакомый кусок для него не я, а Аладдин. У меня нет выбора, кроме как согласиться на сделку с Дьяволом, ведь на кону не только моя душа, но и душа, что принадлежит мне. Вот что значит попасть из огня да в полымя.

— Что станет с Аладдином? — Нет, меня не колышет его участь, а волнует своя собственная. Ведь я столько раз видел, как бабло решает проблемы мелких наркобарыг. Да что говорить! Сам грел на этом руки. А у принца этого добра немеряно.

— А что с ним? Посидит малость и выйдет, но только за огромные деньги. Речь идет о миллионах, — подтверждает мои догадки мент и упорно переводит стрелки на меня: — С которых тебе причитается, если не забыл, десять процентов. Ну, а если не выйдет, все равно проценты твои, но с товара, которого наверняка при обыске найдется очень много. Но и тут есть одно «но» — нал будет, только если ты останешься.

— Мне не нужны деньги, я хочу чтобы он сел, — мной движут не благородные чувства, это просто трезвый расчет: Аладдин и за решеткой очень опасен, но получи он свободу, и шанс проиграть в этой игре у меня возрастет до ста процентов. Ведь если его повяжут во время сделки, я буду первым кандидатом в его расстрельном списке. И если Митлан делает вид, что не понимает этого, то мне приходится выставлять ультиматум: — Если ты мне не гарантируешь, что Алик пойдет по этапу, никакой сделки не будет! Я не собираюсь подставляться ради вашей выгоды.

— Вот поэтому и говорю, что тебе нельзя бросать. Останешься, и я обеспечу надежную легенду, могу даже организовать тебе легкое ранение, для убедительности. Ты выплывешь чистеньким, аки Ангел небесный, но как был, так и останешься Бесом.

— Ты ментовских сериалов что ли пересмотрел? — Уже не подбираю слов, уважения к этому человеку у меня нет. — Иди ты со своими киношными сценариями... — хочу послать своего собеседника во все потаенные места, но вдруг не откажется. Вот и приходится выбирать более цензурный, но не менее дремучий вариант: — ЛЕСОМ! Выкручусь сам!

— Елисей-Елисей... — опять делано вздыхает мент, изображая всем известный жест «рука-лицо».

— Мне нужно идти... — цежу сквозь зубы. — На созвоне!

Промозглый осенний ветер забирается под полы пальто, остужая мой Гнев и мне впервые так легко идти по темным улочкам города-вампира. Все лучше, чем сидеть у человека-вампира в гостях.

Закрывая за собой дверь, думал решу все махом, но... хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Видимо предчувствовал Денис, что, соединив наши судьбы, мы еще не скоро сможем быть рядом, когда вложил мне в ладонь тяжелый металлический предмет на причудливо витой цепочке.

«Лис, эта штука была со мной, сколько я себя помню. Знаю — бред, но я чувствую, что древние шестеренки впитали каждую минуту моей жизни до тебя и с тобой. А теперь, когда мы будем в разлуке, пусть они напоминают, что я жду тебя в каждый отсчитанный ими миг, » — наполненные грустью слова, и болезненное расставание.

С того памятного утра подарок Дениса отсчитал уже 2 месяца, 17 дней, 12 часов и 33 минуты. И каждый скачок тонкой пики секундной стрелки колет душу немим укором, вместе с мелкими кристаллами воды, которые сыпятся с небес и тают на крышке старинных карманных часов, согревающихся в моей ладони и без слов говорящих, что дальше тянуть некуда.

Не за горами Новый год, а его, по народным наблюдениям, как встретишь, так и проведешь. И я абсолютно точно собираюсь отметить очередной виток этой планеты и нашего мира в кругу своей небольшой семьи, окончательно и навсегда воссоединившись со своим Любимым. А не жить на колесах, используя любую предоставленную возможность, чтобы закинуть в тачку рюкзак и, вдавив акселератор в пол, мчаться за тридевять земель в пламенные объятия Дениса.

Наши встречи... Как отчаянно жаждал я соединиться с Денисом, когда он ни в какую не подпускал меня к себе. А теперь, когда парень стал моим, возделую его еще больше, чувствуя непрестанную необходимость растворяться в его неистовой нежности и трепетной страсти. И каждая новая разлука кажется невыносимой пыткой, загоняя меня в беспросветную тоску по моему Огоньку, который дарит мне настолько упоительно жаркие ночи, что они еще долго отзываются теплым волнением внутри.

Мы постоянно на связи, но как же мне не хватает его живого тепла. Мерзну без него. Выпадаю из жизни. Да просто подыхаю! Но именно это непривычное для меня сумеречное состояние заставляет брать в руки хлыст и подгонять самого себя, чтобы как можно быстрее закрыть все дела с ГНК и вернуться к Денису. Да и обстоятельства складываются как нельзя лучше...

Столько бесценных дней, которые я мог бы проводить с Дэном, утвари на то, чтобы буквально step by step приближаться к продающему волшебный порошок вовсе не сказочному принцу. А тот ни в какую не шел на прямую сделку и работал исключительно по закладкам, подсылая ко мне своих преданных шестерок.

Столько бессонных ночей, в которых мы с моим парнем могли бы испытывать на прочность наш диван, испытывали на прочность мои нервы в изысканном обществе ментов за прослушкой каждого сигнала на засветившиеся номера телефонов, чтобы цепляться за любые названные координаты, вычисляя адреса приближенных и не очень дилеров. Но сам наркобарон был неуловим.

Вроде только прозвучит знакомый с хрипотцой голос, и круг поиска сожмется до определенной точки в каком-нибудь тихом районе, как Аладдин исчезает из виду, превращаясь в клубящийся сизый выхлоп, словно и вправду владеет волшебной лампой с поработанным джином, который по первому требованию скрывает его с глаз. И вдруг...

— Гиromий*, приходи, плов покушаем, — ожидаемый звонок от Аладдина, и совершенно неожиданное приглашение, ради которого я столько перетерпел.

Казалось бы, нужно радоваться такой удаче, вот только неусыпная бдительность с легким оттенком паранойи, развитой за время работы в ГНК, вовсе семафорит об опасности, заставляя шестеренки в голове крутиться с новой скоростью и просчитывать варианты ответов на так и напрашивающийся вопрос: с какой целью мегаосторожный наркопринц внезапно сам пошел на сближение.

«Неужели сделка сорвалась? — Теряюсь в смутных домыслах, ибо обговорить детали поставки очередной партии товара можно и на нейтральной территории. По крайней мере для меня так было бы спокойнее. — Хотя нет, — откидываю версию, как несостоятельную. — Он просто сказал бы, что товара нет и не будет».

«Может узнал, что я работаю с ментами и решил через меня крышу капитальную заиметь? Для этого ему и понадобилась более «интимная» обстановка? — выползает еще одна вполне реальная гипотеза, плавно перетекая в ее ангстовый исход: — Или замыслил убрать меня с дороги, а приглашение, так сказать, последняя трапеза перед казнью.»

— Алик, конечно приду, — загнав вполне объяснимые страхи куда подальше, соглашаюсь, всеми интонациями голоса выражая искреннюю признательность. Все же это честь — быть приглашенным в гости к столь значимому лицу. Вот только что мне сулит эта «честь»? Его территория — его законы. И остается только надеяться, что я все еще остаюсь нераскрытым, а хозяин дома придерживается традиции, что гостей не убивают, ибо отказаться никак.

Мне просто не оставили выбора. Пойти на попятную — прямое заявление, что мне есть чего бояться и что скрывать. В моем варианте наличествует и то и другое, и в опутывающих город сумерках, скрепя сердце и скрипя ботинками по снегу, я иду по широкой «взлетной полосе» Щелковского шоссе навстречу своей судьбе.

Никогда бы не поселился в подобном месте, но почему-то наркобаронов привлекают именно спальные районы. Может оттого, что с местными ментами легче договориться. А может близость федеральной трассы и МКАДа дает огромный плюс в пользу этого выбора. Впрочем, плевать я хотел на их мотивации. Меня беспокоит совсем другое...

«Мда-а-а, Лис, встрял ты по самое не балуй, — стою перед серой многоэтажкой и, задрав голову вверх, пытаюсь унять так некстати накотивший мандраж. — Прикрытие тебе никто не выделил. Оружие с собой не возьмешь, ведь как бы не принято выражать доверие, положив пушку рядом со столовыми приборами.»

Единственное, что мне сейчас необходимо взять, так это себя в руки. Этот хищник не должен почувствовать мой страх. А он учует! У него звериный нюх и такие же повадки. Поэтому и надо успокоить нервы, и рука сама тянется к нагрудному карману куртки, сжимая старинные карманные часы. Палец обводит гравировку на крышке, за которой спрятался мой личный ангел-хранитель — Дениска.

И вроде отпускает, и сердце начинает биться ровнее, в такт с ходом секундной стрелки, только вот инстинкты самосохранения все равно вопят благим матом, призывая не подниматься на нужный этаж, не звонить в дверь, за которой — знаю — меня ждут, а развернуться и без оглядки драпать отсель куда подальше! Но, как всегда, затыкая глотку и завязывая глаза всем своим «шестым» и прочим чувствам, никуда не рву когти, а захожу в подъезд, поднимаюсь на нужный этаж, звоню.

Проем открытой двери преграждает крупный таджик с тяжелым взглядом мясника, откровенно просчитывающим, сколько времени уйдет на расчленение и упаковку в мусорные пакеты моего бездыханного труп.

«Фархад. 45 лет. Правая рука Аладдина. Преданный пес и одновременно телохранитель своего «Фюрера», — за семнадцать мгновений* монотонным голосом чат-бота выдает информация зрительная память. — Характер твердый, нордический. Садист. Причем конченный. Разряд по самбо. Отлично владеет ножом. Сидел у себя на родине. От звонка до звонка».

И едва мой процессор заканчивает зачитывать досье, как среднеазиатский громила расплывается в жутковато-доброжелательной улыбке, словно соглашаясь со всеми пунктами своей характеристики.

Мысленно вздыхая, следую за гостеприимным жестом Фархада. Раздеваясь, уже на автомате перекидываю часы в карман джинсов. Для меня стало какой-то внутренней необходимостью держать подарок Дениса поближе к телу. Надеюсь, что незаметно осматриваюсь и прошупываю пространство, привыкнув к дару настолько, что делаю это неосознанно.

Квартира настолько простая, что вызывает легкое недоумение, если учесть, что я собственными глазами видел, какие покупки делает соплеменник московских дворников. Хотя с его осторожностью и количеством снятых хат — а на данный момент оперативники насчитали пять, и эта, выходит, шестая — нет смысла обживать: продавцы смерти долго на одном месте не сидят. И это тоже является фактором для оперативных действий. Ведь путать след Аладдин умеет не хуже хитрого лиса, а сейчас, вполне возможно, спецом пригласил меня в дом одного из своих прихлебателей, чтобы не светить собственное логово.

Крохотная двушка, сразу чувствуется — съемная, нет в ней семейного уюта и того, что делает квартиру домом: безделушек, фотографий или того же кактуса в горшке. И все же безликое помещение вполне по-домашнему тонет в умопомрачительном запахе восточных блюд, а на кухне тенью крутится черная женщина, хлопочет для «дорогого» гостя и хозяина, который без промедления появляется из зала в простом спортивном костюме, но даже в «абибасе» выглядит как аристократ.

Однако изысканные манеры тут же отменяются, и Аладдин дружески похлопывает меня по плечу, изображая гостеприимного хозяина, только цепкий взгляд смотрит изучающе, точно мужчина все еще принюхивается, свой я или чужой. Но я понимаю — для такой породы людей побратимом стать нереально, если ты этой «чести» не добиваешься годами преданной службы, не жалея собственной шкуры.

И я, конечно, чужой в этом многоцветье национального колорита за плотно задернутыми шторами, будто кто-то сможет заглянуть на высоту этого этажа и увидеть восточные аляповатые ковры и большой кальян вместо и в месте традиционного телека. Совершенно неуместный в типичной среднеазиатской обстановке современный европейский диван и бесчисленное количество подушек с кисточками.

Меня всегда передергивало от вида этого восточного аксессуара, а тут их столько... Словно спецом раскиданы раздражающе-отвлекающим фактором на диване, полу и в каждом углу. Одно радует: хоть стены в простых светлых обоях, а не затянуты пестрым шелком. С этого восточного принца станется.

— Не зря складывают легенды о гостеприимстве вашего народа, — натягивая маску дружелюбия, отдаю должное хозяину, видя, что в зале уже накрыт импровизированный стол, а-ля топчан, который ломится от обилия еды. — Словно в чайхану попал.

— Какой гость, такой и стол, — звучит ответная лесть, и приглашающий жест указывает мое место среди подушек. — Располагайся, Бес. Будь как дома.

Внутренне ухмыляюсь неоднозначной, и все же в точку попавшей фразе, чувствуя себя, как в аду на приеме у Сатаны. Ведь любой азиат считает делом чести вкусно угостить своего гостя, даже если в планах хозяина отправить пришедшего на убой.

Миниатюрная женщина в национальной одежде приносит чай в узорчатом чайнике, две пиалы и тут же скрывается. Ей в этой комнате нет места. Мы за столом вдвоем. Даже «правая рука» сидит поодаль, в дверном проеме. Блять их нахуй — романтический ужин, только свечей не хватает.

Да и наш разговор не наполнен романтикой, и явно не предназначен для посторонних ушей. Все фразы завуалированы, иносказательны, но мы говорим на одном языке и отлично понимаем друг друга.

— Ты же знаешь, у меня самый лучший товар, — пиарит сам себя Аладдин. Легкое движение головой, и лакей-головорез протягивает мне белый брикет с клеймом, которое я видел однажды в отделе, как символ одной из печатей смерти: в обрамлении красивой арабской вязи три семерки, словно выигрыш в казино — торговая марка Афганистана. — Могу и черное золото достать. Дело суток.

— Спасибо, Алик, но меня интересует исключительно белое, — не лукавя, отказываюсь от сравнительно дешевой марихуаны и не тяну кота за яйца, переходя к главному: — И может, начнем уже играть по-крупному? Товар меня полностью устраивает, так что заберу все, что у тебя есть, — ключевая фраза, которую так хотят от меня услышать.

— На все у тебя денег не хватит, — похваляется и одновременно провоцирует меня Аладдин.

— Деньги не проблема, заплачу сколько скажешь. Разве что несколько дней понадобятся, чтобы приготовить нужную сумму, — ложка дегтя,

что они проглотят, приняв за мед. Ведь не бывает идеальных покупателей, если они не менты.

— Это радует, — улыбается Аладдин. Может и правда рад, а может просто делает вид, что проглотил закинутую наживку. — У меня все готово, так что не тани. Такой товар долго не залежится.

— Это не в моих интересах, — в сей момент мне даже играть не приходится. — Но, Алики, ты же понимаешь, такие деньги я никому не доверю, так что не посылай ко мне своих шестерок.

— Давай о деле потом... — Аладдин кривит такое лицо, будто ему неприятно говорить о бизнесе за трапезой и указывает на блюдо с ароматной горкой парящего риса и мяса. — Ты кушай. Плов я сам лично готовил, — и, точно показывая пример, сам цепляет щепотку плова и закидывает в рот. Показушник! Мы оба знаем, что нас интересует только сделка.

— Спасибо! — Целый день не ел, но кусок встает поперек горла.

Понимаю, что слишком напряжен и пытаюсь расслабиться, тем самым, словно по волшебству, благотворно действую на хозяина квартиры. Аладдин не становится исключением из тех сотен, что готовы были если не паспорт мне показать, то как на духу всю свою биографию поведать. Меня преследуют вечные откровения. Вот и этот скрытный, недоверчивый азиат вдруг совершенно не в тему увлеченно и в картинках рассказывает о личной жизни, перемежая свое повествование то горстью риса с мясом, а то и сальными побасенками. А я по-крыловски слушаю, да ем, вот только мотать на ус приходится каждое слово.

Но что-то я засиделся в гостях, да и слушать это залихватское «бла-бла» про сердечные победы надоело. На автомате достаю Денискин подарок и бросаю взгляд на циферблат.

— Красивая вещица, — мое движение не ускользает от глаз Аладдина, а слова дергают нерв, словно не на часы бросили взгляд, а на нечто интимное.

— Подарок, — быстро захлопываю крышку, и, видимо, этим разрушаю «чары». Передо мной вновь тот собранный и ожесточенный человек, и не скажешь, что пару минут тому назад он мне план своей предстоящей свадьбы излагал.

— А ты знаешь, что получать в подарок часы — плохая примета?

— Я не суеверен, — вмиг собираюсь, нутром ощущая накаляющуюся обстановку.

— А зря. Надо чаще прислушиваться к мудрости предков, — темные глаза буравят меня насквозь, а губы одаривают колкой усмешкой.

— Аладдин, не хочу злоупотреблять твоим гостеприимством, — прикладываю руку к сердцу: я, мать их, актер Большого и Малого театра! — Мне пора. Дела не ждут.

— Ну что ты, Бес... Какие дела в такой-то час? Я ж все понимаю... Любовь-морковь, девицы-красавицы, — почти по-отечески снисходительно улыбается мужчина, и я уже начинаю верить, что все обошлось, и я зря так нервничал.

Натягиваю маску «весельчака-добряка» и спешно начинаю собираться. Кивком головы прощаюсь с молчаливым мясником. С удовлетворением вижу протянутую ладонь Аладдина...

Миг — и накатывает тошнота. Этот восточный принц ничего не знает о моих способностях и не закрывается. А я только чудом умудряюсь сохранить лицо, видя черные мысли дружелюбно пожимающего мне руку мужчины.

Я могу присоединиться к тем несчастным, что, попав в его подвал, оказались вздернутыми на потолочной балке и болтались там, разлагаясь и смердя, в назидание мелким дилерам. Я могу быть затравлен его псами, приученными по одной команде рвать в кровавые клочья человеческую плоть. И в череде этих страшных картин кажется милосердной смертельная доза наркоты, от которой не выдержит мозг, блокируя ЦНС. И я буду тихо подыхать с пеной у рта и в собственных испражнениях, пока легкие не откажутся перекачивать воздух, а сердце не остановит свой ритм.

Пuls зашкаливает. За грудиной надсадно ухают клапана, словно гоняют по моей системе не кровь с адреналином, а закись азота. Мозг кричит: «Бежать!» И мне впервые в жизни приходится заставлять себя взглянуть в глаза напротив. Я не хочу знать про этого маньяка ничего, я боюсь увидеть очередной красочный эпизод, скрытый в этой черной бездне. Я готов выbleвать ему под ноги все его чертово угощение.

Едва оказавшись в коридоре, слишком поспешно жму кнопку лифта, и еще раз. «Блять, что ж он так медленно едет!» Секунды стучат в висках, растягиваясь в вечность, и наконец дверцы распахиваются. Шаг, и меня буквально заталкивают внутрь кабинки.

В момент группируясь, разворачиваюсь, чтобы дать отпор, но встречаю стальное дуло пистолета, которое прижимается к моему лбу, и холодные карие глаза СМЕРТИ, неотрывно смотрящие в мои.

«Он меня убьет», — читаю свой приговор, и не понимаю, откуда накатывает этот сука — СТРАХ. Мы не тронулись с места, и рука Аладдина не дрожит, в отличие от моих, выдающих смертельный ужас, нет, не за себя, а за того, кто меня так и не дожидется. За того, кто будет ждать привычного «Привет, Любимый», но я этого не скажу. Ни сегодня. Ни завтра. Никогда...

«Кто я без тебя?.. — Внутренне вздрагиваю, когда рингтон моего телефона разрывает пространство тесной клетки лифта, но не разрывает наш зрительный контакт. — Глоток дождя попал мне в горло. Я захлебываюсь счастьем. Я живу, я плачу снова, — и впервые от звуков уже знакомой мелодии во мне разливается не теплая волна нежности, а леденящая душу паника. — Я как роза на песке в своей тоске, в твоей любви я раскрываюсь, я вижу на волоске, я потеряюсь без тебя...»

— Ответишь? — Под взглядом глаз, что меня расстреливают, под дулом пистолета, что может отнять жизнь, я не могу произнести и слова и только чуть веду головой, отрицая.

Нервы — напряженные струны скрипок звенят под смычком в руках ведущего свою партию ангста. Сердце — барабанные ритмы грохочут под невидимыми палочками драмы, что готовы порвать судорожно вибрирующую мембрану. Мысли скачут по нотам рок-оперы из такта в такт, и под

звуки песни, что может стать для меня последней, я не могу пошевелиться, как не могу и остановить эту зацикленную мелодию, которой, кажется, дирижирует сама Судьба, обрывая музыку на пророческих словах «я вишу на волоске», и в воздухе повисает смертельно опасная тишина.

— Подставишь меня, и я тебя убью, — полупшепотом, словно гюрза, шелестит Аладдин, и чуть наклонившись, будто для того, чтоб раскрыть секрет, выдыхает: — Готовь деньги, Елисей...

Дверь открывается. Холод металла уходит и сверлящего взгляда больше нет. А я стою в ступоре, и точно паралитик не могу управлять своим телом, чувствуя, как подкашиваются ватные ноги. Я уже видел лик смерти и умирал, но тогда мне не было страшно. А сейчас с ужасом чувствую ее леденящие кровь объятия.

«Доигрался, блять, в спецagenta, — липкий пот холодит кожу, и я жадно глотаю морозный воздух ночи, осознавая, что каждый мой вдох мог быть последним. — Решил выйти сухим из воды? Как бы не так! У всего есть своя цена. И у этой игры тоже!» — Но что-то мне совсем не в кайф платить ТАКУЮ цену.

«Думай, Лис, думай, — заставляю себя не паниковать раньше времени, но эмоции берут свое. — Итак, наркобарону известно мое имя, а значит, и адрес. Кто-то сдал, или может он по своим каналам выяснил — это уже не важно. Важно, что для него я, видимо, все еще простой бизнесмен на грани банкротства, решивший поднять бабла», — и при всей накачивающей, словно сель, панике, с души валится огромный валун, позволяя мне рассчитывать на лучший исход в этой игре.

«Аладдин пока не в курсе, что я тот, кто стелет ему дорогу в ад, иначе во мне уже образовалась бы лишняя дырка, как раз промеж бровей, где все еще чувствуется жесткое прикосновение стали», — в голове идет нешуточный мозговой штурм в попытке найти единственный верный выход из лабиринта, в который, по сути, загнал себя сам.

И в этом лабиринте я иду по минному полю, где уже следующий мой шаг может стать шагом в могилу. Аладдин не дурак и все поймет, когда окажется в камере. А вот я точно свалю дурака, взявшись за это дело. Я всегда был опытным дрифтером: планировал подзаработать, забрать к себе Дэна, все же в большом городе меньше обращают внимание на двух живущих вместе парней. Но если не хочешь проиграть, никогда не недооценивай своего врага, и сейчас, срываясь в занос, только я могу сделать его управляемым и не попасть в мясорубку.

Еще немного, еще чуть-чуть*... Нужно действовать на инстинктах, вывернуть до упора рулевое колесо и рвануть ручник. Я верю, что посажу этого зверя в клетку и надеюсь, что менты не купятся на бабло, которое он им посулит. А мне по-любому придется паковать чемоданы и рвать когти, заматавая следы, и лучше быть подальше от места, где подпаленный мной бикфордов шнур достигнет заложенного тротила. А дом? Дом там, где Денис и я уверен: любимый последует за мной.

«Кто я без тебя...» — взрывается по новой телефон хитом группы Токио. И правда, кто я без Дэна? Путник без цели. Призрак — неприкаянная душа.

«Глоток дождя попал мне в горло», — он и правда стал для меня живительной влагой. Глотком самой жизни. Только с ним я понял, что и не жил.

«Я захлебываюсь счастьем. Я живу, я плачу снова...» — Мое такое долгожданное счастье, которое так нелегко мне дается.

Не даю допеть, наконец принимая вызов. Резкий вдох, так, что морозный воздух обжигает легкие. Затяжной выдох рваным облаком теплого пара, и...

— Привет, Любимый, — настолько делано-весело приветствую своего единственного на этом «проводе» абонента, что сам себе не верю.

— Неа, не получилось, — почти по Станиславскому сопит в трубку недовольный и злой, как черт, Дениска.

— Что не получилось? — Симулируя невинность вкупе с недоумением, прекрасно знаю, что так задело моего парня.

— Изобразить бурную радость, — поясняет Денис особо упрямым шпионам, то бишь мне, и, судя по интонации, еще больше раздражаясь. Я попал!

— Эх-х-х, а я так старался, — не придумав ничего лучшего, включая клоуна, надеюсь, что Дэн все же успокоится.

— Лис, если я не вовремя — просто скажи. Я ж пойму, и не нужно ничего старательно придумывать, — придирается к каждому слову Денис, давая понять, что он не настроен для праздных разговоров.

— Малыш, ты всегда появляешься вовремя и я не просто рад, а счастлив тебя слышать, — прибавляя шагу, спешу к авто. Стужа зимы пробирается под одежду, но не она вымораживает так, как лед в голосе моего Дениски.

— Тогда чего трубку не берешь? — Так непривычно слышать и ощущать злость и раздраженность Дэна, направленную на меня.

— Я не мог принять вызов. Был важный разговор, — отговариваюсь обтекаемыми фразами. Голова, как чугунок: тяжелая, но варит исправно, выдавая твердое убеждение, что ни при каких условиях парень не должен узнать о произошедшем.

Приветственно пиликает сигнализация, давая доступ в остывший салон авто, куда я стремительно ныряю в надежде согреться и унять накрывшую меня трясучку. Царапая рулевую колонку, не сразу попадаю в замок зажигания ключом, зажатым в дрожащей от холода и нервов ладони.

— Лис, почему все твои ВАЖНЫЕ разговоры проходят в это время? — продолжает вымораживать меня Денис, упорно продвигаясь по скользкой тропинке к скандалу: — Тебе не кажется, что это выглядит подозрительно?

— Малыш, не ревнуй, ты же знаешь, я верен тебе, — опять пытаюсь полить противогололедными реагентами обледеневшую дорожку нашего разговора.

— Лис, не вилай хвостом. При чем тут ревность? — рык в трубке приводит в шок. Мой, до этого стеснительный парень, сейчас, подобно дикому зверю, готов рвать и метать... Меня!

— При том, что я тебя слышу, — не хочу ругаться, у меня просто нет на это сил. Нервы сдают после встречи с Аладдином, и я не готов ни морально, ни физически к выяснению отношений по телефону.

— Так если слышишь, ты можешь понять, что я не вижу, как это можешь делать ты. Не вижу твоих бывших, с которыми, уверен, поддерживаешь дружеские отношения. Не вижу этого самого Сашку-Петровка 38, хотя сразу понял, что между вами было нечто большее, чем дружба. Не вижу, один ли ты или может быть с ним сейчас в машине сидишь. Я ничего не вижу! Зато могу дохуя чего надумать!

— Денис, я честен с тобой и не давал повода не верить мне, — прерываю гневную тираду, страстно желая оказаться дома, смыть с себя грязь чужой энергетики, а еще больше хочу к Денису в объятия, но он упорно не хочет мне их раскрыть:

— Тогда скажи мне честно, почему мы до сих пор не вместе?

— Денис, прошу тебя, не накручивай! Понимаю, не все получается так быстро, как хотелось бы, но мне осталось совсем немного. Максимум неделя, и я приеду к тебе...

— Как обычно, на поебаться?! — перебивает Денис, и меня без печки в один момент согревает рвущийся в бой Гнев.

— Чего? — Не верю своим ушам, только чувствую, как мозг давит на черепушку, распухая от невысказанных мыслей. — Ты совсем ахренел? Я к тебе приезжаю, потому что не могу без тебя. Потому что меня ломает без тебя. Потому что тебе, УБЕПЕН, так же хуево без меня.

— Так почему тогда ты запрещаешь мне переехать к тебе? Как долго ты будешь мотаться между городами? Я понимаю, что ты мегазанят, что привязан к работе, но я-то нет. Ты что-то скрываешь?

— Дэн, я скоро все тебе объясню. Дай мне время, — страх, что моя главная слабость будет в зоне досягаемости моих же врагов, подкатывает к горлу горьким комком, но и объяснять Денису, что он — моя Ахиллесова пята, я не имею права.

— Время... время... Опять время. Я в последнее время только и делаю, что жду тебя. Жду, когда приедешь. Жду, когда позвонишь. Жду, когда просто ответишь на мой звонок. Лис, поставь себя на мое место и прикинь, как бы ты себя чувствовал, если бы я поступал, как ты? Мотался хуй знает где по ночам, не отвечал на звонки...

— Я тебе доверяю...

— Ты доверяешь только потому, что знаешь: я из дома никуда не выхожу. А стал бы ты так говорить, не будь мое тело искалеченным?

— Ложным обвинением звучат, очевидно, давно наболевшие слова, царапая душу обидой.

— На грубость нарываешься? Давно подзатыльник не получал или по жопе? — сама собой вырывается угроза и я сжимаю оплетку руля так, как сжимал бы рукоять плети, намереваясь через любимую задницу донести до головы то, что она понимать отказывается. — Смотри, я не железный. Выпорю!

— Ты такой скорый на расправу, так почему тянешь волюнку и боишься сказать, что я тебе такой не нужен? — не может остановиться Денис, которому собственные Демоны затмили разум.

— Денис, ты порой бываешь нестерпимо жесток, — я не знаю что сказать, да и нужно ли сейчас что-либо говорить, ведь парень не слышит меня за гомоном своих страхов.

— А ты? — Новым упреком повисает молчание, в котором мы слушаем дыхание друг друга. — Не понимаешь, каково это? Жить в незнании где ты, с кем ты, — прекрасно понимаю моего парня и те сомнения, что его мучают. Но я подписал договор с Дьяволом и не могу так просто все бросить, как и не могу подобрать слова, чтобы успокоить и при этом не соврать Денису, что фонтанирует накипевшим на душе: — Я не вижу тех мудаков, с которыми ты трешься с утра до ночи. Не вижу кто тебя окружает, но какое-то непонятное чувство тревоги не дает мне покоя. Я гоню его прочь, уверяя себя, что все хорошо, да и ты мне постоянно твердишь то же самое. Но оно возвращается с кошмарными снами по ночам, днем, когда ты пропадаешь из Сети, и что самое гадкое — я не понимаю, откуда идут эти внутренние сигналы и с чем или кем их связать.

— Тебе кто-то угрожает? — Беспокойство поднимает в душе ноющую волну, хотя мозгами понимаю, что те, кто могли бы обидеть моего парня, уже готовятся отправиться на зону.

— Лис, кто меня обидит, ты же всех пересажал?! У меня просто нервы на пределе.

— Любимый, прошу, успокойся. Ты просто голодный, — по-своему объясняя причины истерики Дэна. Как говорится — у кого что болит...

— Сейчас я приеду домой, и мы с тобой решим эту маленькую проблему.

— Лис, ты шутишь или серьезно думаешь, что у меня только одно на уме? — В голосе парня звучит такое возмущение, что сразу понимаю, какую глупость сморозил. — Ты не допускал мысли, что псих может случаться не от неудовлетворенного желания потрахаться, а от банального неведения. Оттого, что ты мне постоянно чего-то не договариваешь. — Слова болью отзываются во всем существе, но не могу я рассказать, что связан словом.

— Дениска... — выдыхаю в трубку любимое имя, не зная, что сказать, кроме одного: — Знаешь, как я тебя люблю?

— Знаю, зараза ты плутоватая, — я не вижу — чувствую мягкую улыбку, что трогает любимые губы.

— А знаешь, как у меня башка болит? — Позволяю себе чуть-чуть расслабиться, и, что греха таить, давя на жалость, желая найти утешения и понимания у Дениса.

— Точно так же, как у меня, — отзывается мой чувствительный абонент и я даже не сомневаюсь, что он ловит мое состояние.

— Во-о-о. Погнали домой, сожрем по нурофену и залезем в ванну, что-то я замерз, да и у тебя, чувствую, от нервов косточки ломит.

— Ломит. Ждут, когда мой физиотерапевт придет. Не подскажешь, когда случится это событие, а то я сколько не смотрю на календарь — никакого тайного знака на нем не вижу, — слушая голос любимого в холоде зимней ночи, чувствую себя так пронзительно одиноко вдали от него.

— Потерпи, малыш, — ухожу от прямого ответа: слишком призрачно будущее, и я боюсь сказать «ГОП», пока не перепрыгну.

— Да я-то потерплю, не привыкать. Ты просто пойми, что когда душа ноет — это во сто крат хуже, чем когда тело.

— Я приеду, и ты забудешь о боли одиночества и о телесной боли, — верю, что так и будет. Надеюсь, что это скоро произойдет, ведь я так сильно Люблю Дениса.

— Да-да, а ты не забудь о своем обещании.

— Денис, я всегда держу свое слово, — радуюсь, что наша перебранка закончилась легким испугом и тяжелой формой мигрени. — А ты все-таки соскучился, не отрицай.

— Йес, сэр, — не отрицает Дэн, наконец-то сдаваясь, хоть и не без боя. — Я пиздец какой голодный. Так что твоей заднице не отвертеться.

— Хорошо, я упакую этот подарок тебе на Новый год и даже ленточкой алой обвяжу. И поверь, это единственное, что будет на мне в нашу ночь, но не единственный подарок, который я тебе приготовил.

— Значит встретим всепланетный праздник вместе?

— Да, малыш, обещаю.

— Я тоже решил, какой тебе сделать презент, — дразнится Денис, и я вижу хитринку в его глазах.

— Ммм... — довольно мурлычу в трубку. — Дай угадаю...

— Не смей! Весь кайф мне обломать решил? — останавливает меня Денис, хотя я даже и не делаю попыток увидеть, что там умыслил мой парень. — Лучше почувствуй, как сильно я люблю тебя. Слышишь, как меня телепает?

— Слышу, родной, — его чувства резонируют во мне. Словно через колыбель Ньютона* проникают в сердце, душу...

Два дня. Два дня на то, чтобы завершить здесь все свои дела, провести сделку и уехать к Денису. Нужно будет залечь на дно. На время стереть себя из реальности, став Безликим.

«Выкручусь! — Вдавливаю педаль газа, и мотор ревет, прибавляя оборотов. — Я не так прост, как думает Митлан. Чемоданы собраны, квартира уйдет в аренду по первому звонку знакомому риэлтору, так же, как и бизнес. Деньги есть. Заберу Дениску, и махнем куда-нибудь далеко и надолго, где нас никто не потревожит. Свояжу его в круиз, на Багамы, на Мадагаскар, в Тай, а мимоходом заскочим в Японию. Он ведь мечтает побывать в этой стране. Вот и стану для него Гудвином, исполняющим желания. А он будет исполнять мои! На диване, в ванной, на кухне, на заднем сиденье машины и даже верхом на байке...»

*****

Токио «Кто я без тебя»

Примечание к части

Музло:

Токио "Кто я без тебя" <https://www.youtube.com/watch?v=gZ5CTplgaFE>

Гиромий* (таджикский) - уважаемый

за семнадцать мгновений* - ну хз, может кто не догнал. Так читалось досье на персов в к\ф "17 мгновений весны"

Еще немного, еще чуть-чуть* - песня "Последний бой"

колыбель Ньютона* - https://www.youtube.com/watch?v=U5Ge8srkc_g

Часть третья. Любовь. Песнь одиннадцатая. Евангелие от Дениса

Ночь. Снова я, обнимая подушку, думаю — это ты.
Только не принесет отрады глупых мечтаний сень.
Сколько ни смотрит Надежда на вмерзшие в лед часы,
Не просочится каплей звенящую стылый день.

Ночь. И по новой бредовых мыслей кружит липучий рой,
Гонит в чертовы меридианы беспечный сон.
День. Готовит мне Вера святая новый квест,
Ставя кругом порочным подружек своих на кон.

Ночь. И я вроде бы точно не проиграл.
И трепещет в моих руках обжигающая Любовь.
Предлагая мне Душу свою на Душу мою в обмен,
Но сочится под нашу подпись алая кровь...

*** Massive Attack Mezzanine***

«Чертова мутотень...» — Сажу на краю дивана, подперев ладонями голову. Голые ноги мерзнут на стылом полу и заставляют бороться с искушением завалиться обратно в тепло постели. Вот только навряд ли обрету в ней покой.

Всю ночь кручусь грешником в аду на сковороде, пытаюсь найти комфортное положение, но так и не нахожу. Вся левая сторона груди, плечо, спина облеплены роем шершней, которые то щекочут и тянут кожу, цепляясь мохнатыми лапками и вызывая морозные мурашки, а то дружно жалят, от чего она начинает гореть изнутри. И этот непрерывный зуд тиранит меня со вчерашнего дня, но хоть немного отвлекает от маелы совсем иного происхождения.

Пора бы уже начать радоваться приближающемуся Новому году и обещанной скорой встрече с любимым Ведьмаком. Но вот не радостно мне. Точно какой художник-пакостник роняет на светозарную полосу моей жизни сажные кляксы, растекающиеся камуфляжным узором и превращающие ее в уныло-серые будни. Целыми днями мотаюсь неприкаянным дерьмом в проруби, где-то что-то прибираю, что-то где-то делаю, хватаюсь за одно, другое, третье, но, кажется, делаю не то и не там, упуская из виду нечто очень важное. Вот только что?

Никто и ничто не дает мне ответа на этот вопрос: ни долбанутое таро-онлайн, ни замысловатые разводы кофейной гуши, ни странные до маразма сны, ни Маркизка, что все чаще усаживается у окна и загадочно вглядывается в сторону запада. Туда, где сейчас он. Может, смотрит своим третьим глазом как проснулся мой любимый Лис, или как он собирается поехать к нам? Жаль, что мне не дано видеть прошлого, как и в будущее не дано заглянуть.

Зато никто не запретит мне смотреть на настоящее, ощущая, что самое важное для меня в этот момент — увидеть любимые глаза. Да и потом — хули я тут один сажу и маелой маюсь, когда у меня есть человек, всегда готовый вправить мне мозги?

Решительно запрашиваю видеозвонок, хотя до сих пор волнуясь, так до конца и не поборов в себе желание прятать шрамы. Но все же, пытаюсь искоренить в себе этот комплекс, не таясь смотрю в экран сотика. Как ни странно для столь раннего часа, Лис сразу же принимает вызов.

— Утречка, Любимый, — традиционно приветствую далеко не раннюю пташку и маниакально всматриваюсь в ставшие родными черты. Да и Лис под стать мне сканирует чуть не каждый пиксель моего изображения, и от этого я никак не могу уловить его взгляд.

— Утречка, Любимый, — эхом вторит мой парень, чуть помятый ото сна, но уже вполне бодрый, чем вызывает искреннее недоумение:

— Слушай, я рассчитывал тебя застать в кровати. Полюбоваться на твой утренний стояк, а тебя уже какая-то лихоманка подняла, — шутиливо сокрушаюсь, но лишь для того, чтобы скрыть свою обеспокоенность: Елисей заметно похудел. А сегодня еще и темные тени залегли под глазами, проявив тонкие лучики первых морщинок.

— Поднял будильник, хотя всю ночь грезил, чтоб меня разбудила поцелуем моя любимая лихоманка, — в тон мне шутит Лис и его глаза теплеют, лучатся искрами Любви, что легко проникают в меня, согревая и заставляя улыбаться в ответ.

— Оно и видно, что ты всю ночь в потолок пялился, — меня и правда нешуточно волнуют признаки явного недосыпа на лисьем фейсе. — Видок, как у хронически недоедающего вампира.

— Да! — Парень согласно кивает головой. — Я давно уже голодный. Вот и мечтал, как вопьюсь в желанную шею поцелуем-укусом, предварительно стянув с тебя мою футболку, которую ты, как я понял, решил до дыр заносить, — и играет бровями, блудливо улыбаясь и откровенно разводя меня на эмоции.

— Скучаю по тебе, — само срывается с языка, и душа отзывается протяжным тоскливым воем. — А в твоей шмотке чувствую тебя ближе к телу, — слегка подбываю своего парня, бросая взгляд на затасканную шмотку с ящером, которую ношу, не снимая, каждый раз, как Лис уезжает восвояси.

— Малыш, я уже совсем скоро буду с тобой рядом. Осталось только... — тянется пауза. Лис задумчиво трогает подбородок с легкой порослью щетины, еще не успевшей пасть под напором плавающей головки и, похоже, по своему любимому обычаю сочиняет, что бы такого мне недосказать.

— Горы свернуть? — перебиваю «муки творчества» любимого недосказателя, уже давно усвоив, что ничего конкретного парень все равно не поведаст, а мне самому лучше и не придумывать, что ему там «осталось», ибо придумать я могу много и разного.

— Точно! — И хорошо знакомый оттопыренный указательный палец подтверждает мою прозорливость. — А еще шмотки дособрать. Планирую... — очередная затянувшаяся обработка данных, словно у Лиса тормозит процессор.

— Ко мне на ПМЖ перебраться?! — опять помогаю зависающей системе, незамедлительно высказывая свою заветную мечту и посылая нахер Лакана с его «Фантазии должны быть нереальными». И хотя сейчас я шучу, но это не отменяет моей большой охоты выманить эмпата-Лиса из его развращенного мегаполиса-вампира в свою добропорядочную монашку-провинцию.

— В тебе открылся дар провидца? — Лис, только что по своему обыкновению наматывающий круги по квартире, внезапно останавливается и тарашит на меня округлившись глаза. А следом разворачивает сотик, показывая стоящие в коридоре рюкзак и три чемодана: один больше другого.

— Че серьезно-о-о? — сам подвисяю, веря и не веря тому, что вижу. И внезапно пьянею, словно одним махом опрокинул в себя чарку, до краев полную Счастья.

— Малыш, я не мыслю жизни без тебя и, конечно, мое единственное желание — быть с тобой. Хочу провести Новый год в кругу своей маленькой семьи. Хочу потискать Маркизку и еще одного дико желанного перца. Хочу твои губы до и после боя курантов. И еще много чего хочу... — Не знаю, почему отчетливо слышу грусть в словах любимого, но сейчас мне это кажется таким незначительным.

— Когда? — игноря лисьи романтические бредни, я захлебываюсь счастьем*, с головой ныряя в омут чистой эйфории.

— Если все пойдет по плану, завтра утром выезжаю, — радует меня Елисей, и это не просто радость, а бескрайнее море блаженства, в которое вливается еще одна полноводная река благодати: — А уже вечером ты разложишь наш диван.

«Завтра... Завтра...» — мозг цепляется за давно желаемое, и меня кидает в жар от одной весьма сексуальной фантазии о том, как Лис нарисует на пороге нашей пещеры, а я схвачу его за грудки и прижму к теплой стенке...

Нутро омывает теплом, которое стекает в низ живота томным желанием. Мозг в пьяном угаре. Кажется еще миг, и мне понадобится незамедлительная помощь психиатра, а он уже тут как здесь — отдает приказы, видя на переднем плане мою крезанутую лыбу, а на заднем... наше неразложенное, но все же расхристанное моими ночными метаниями ложе:

— А сейчас марш умыться, убираться и варить кофе.

— Ес Сэр! — подрываюсь солдатом-срочником, внезапно вспоминая про еще одно «важно», зудящее под кожей, и нечто еще более важное, висящее на кончике языка.

— Дениска, я тебя очень сильно люблю, — опережает меня Лис, срывая те самые слова с того самого кончика. — Ты это знаешь? — в голосе столько нежности, которая осторожно касается сердца, но сжимает так, что не продохнуть.

— Знаю... Чувствую... — Сдуваю волосы с разгоряченного лба и на крыльях Любви отправляюсь в недолгий полет по маршруту диван-кухня транзитом через ванную на побриться и искупать мой болящий презент.

«Интересно, как Елисей отреагирует на такой подарок? Понравится ли ему?» — дурашливо фыркаю, только представив отвалившуюся челюсть Любимого, и аккуратно стягиваю широченную футболку, а затем — предельно осторожно! — пленку, что укрывает новое творение Мирона. Мой эксклюзив. Клеймо, как символ неземной Любви.

Касаясь черных контуров, так хочу полюбоваться на пригревшегося на моем левом плече зверька, хотя пока он не согревает, а откровенно палит кожу. Но в этом крохотном зеркальце все равно ничего путем не разглядеть.

Только зубастую мордочку, настороженно вслушивающуюся в биение моего сердца. Или точеные лапки, впивающиеся острыми коготками в кожу над и под соском. Или изящное тело, огибающее плечо. Или девять пушистых хвостов, разметававшихся по спине и руке до самого локтя. И пусть он не закрывает те шрамы, которые я изначально хотел перекрыть татуировкой, но зато он там, где самое место хранителю моей души.

Мифический Кицунэ. Он пока еще не забит, но как только подживет контур, вспыхнет всеми цветами моей огненной Любви и Страсти, и, как Лис, останется со мной навсегда.

«Странно, что любимый Ведьмак не почувствовал мою боль, как весной, — искрой сверкает подозрительная мысль. — Может не настроен на меня? Или в суматохе сборов отключил Дар, — тут же нахожу на свои вопросы вполне логичные ответы: — Конечно! Он просто устал и ему не до того!» — успокаиваю свои мгновенные сомнения и они моментально гаснут в необъятном океане накрывшего меня Счастья.

«Как же я соскучился, » — тянусь к нему всей душой, подставляя блаженно улыбающееся лицо льющейся из душа воде, и прикрывая глаза, в тот же миг, как наяву, вижу Елисея.

Полы черного пальто терзают порывы ветра. Ноги в слишком легких для этого времени года ботинках спешат по слякотному тротуару, а через миг упираются в педали сцепления и газа. И через шелест льющейся на меня воды слышится урчание холодного двигателя, а влажное тепло окутывающего меня пара сменяется сухим дуновением печки.

Не понимаю, почему сижу за Лисом и смотрю на него в зеркало заднего вида, замечая глубокую складку, что залегла меж бровей. И все же тянусь к нему, шепчу на ухо:

«Не волнуйся, Любимый, я рядом», — но он не отвечает, а лишь напряженно вглядывается за мельтешащие щетки дворников, сметающих с лобового стекла назойливых белых мух.

А через миг мне самому хочется стать метлой, чтобы отогнать от Лиса окружающих его мужчин и парней в полицейской форме или просто в гражданском. Особенно вот того седого с жестким взглядом черных глаз, постоянно цепляющимся за моего парня.

— Не передумал? — передавая Лису дипломат, темный человек слишком долго удерживает его в руке, вызывая у меня приступ вроде бы ничем не обоснованной ревности.

— Нет, — без тени сомнения ответ, и Елисей уходит прочь, на ходу доставая часы, которые поглаживает с такой нежностью, будто не холодный металл трогает, а мое сердце. Палец жмет на кнопку, и гравированная крышка отскакивает, обнажая треснувшее стекло, за которым точеные

пики стрелок показывают время: тринадцать тридцать.

«Не смотри на него, гнида», — прикрывая спину Лиса, встаю между ним и мужиком, который, странно ухмыляясь, все еще пялится ему вслед, разговаривая с кем-то по телефону, — и внезапно смотрит прямо мне в глаза. В глубине его смольных зрачков мелькает зеленый фосфоресцирующий отсвет, а вдоль столба моего позвоночника, перебирая липкими лапками, ползет многоножка — СТРАХ.

Вздрагиваю, шарахаясь в сторону и натываясь на кафельную стену. Не понимаю, что это было. Только сердце заполошно колотится в груди. Только разум лихорадочно ищет объяснение происходящему:

«Это Любовь тебе крышу рвет, — глаголет мой неубиенный прагматик. — Втрескался так, что совсем дурной стал: истеришь, закатываешь сцены ревности, да еще и что-то видится», — что-то важное?

«Надо будет про это Лису рассказать как-нибудь в тишине ночи, и надеюсь, он не сочтет меня за шизофреника», — поспешно вытираясь и натягивая липнущие к телу домашние шмотки, топаю на кухню за дозой кофеина, чувствуя, как благодарно притихла исколотая кожа. И все же прямшас хочу узнать нечто чрезвычайно важное:

— Милый, прости, что снова дергаю, — прижимая трубку здоровым плечом, караулю турку и осторожно подъезжаю к Лису на драной козе: — А ты где?

— Малыш, я с тобой, — слегка удивленно отзывается парень. — Сейчас будем кофе пить с сухариками. Наливай и погорячей. По-моему, ты замерз, — фоном слышу, как гремит посуда, а мой Ведьмак чертыхается на погоду за окном.

— Куда-то собираешься? — спрашиваю, чувствуя, что меня и правда знобит, точно в начинающейся лихорадке. Татушка, что ли, так приживается?

— Да нужно кое с кем встретиться, но это после обеда, — как всегда загадками отвечает любитель косплеить Сфинкса, и кажется, сдерживает тяжелый вздох. — Я пока... — Как же меня задрали эти его паузы в словах*! Но вот слушаю очередную и не знаю, какие еще пятьдесят пять копеек вставить. Однако на этот раз Лис выкручивается и без моей помощи: — С документами работаю...

— Опять непонятные встречи с непонятно кем, — вспыхиваю на ровном месте, едва успевая снять турку с огня, когда перед глазами всплывает образ мужика с дьявольскими глазами и только от этого становится не по себе. — Когда все это закончится?

— Надеюсь, прямо сегодня. Можно сказать, я иду увольняться, — и не только в словах Елисея звучит искреннее желание оставить должность секретного сотрудника в прошлом.

— Реально?! — И слыша утвердительное «ага», не могу сдержать искрометно-чумового восторга, щедро выливая его на своего секретного абонента: — Лис, ты не представляешь, как я рад слышать, что ты завязываешь со всем этим мусором, — облегченно выдыхаю, понимая, что для меня действительно важно, чтобы Лис закрыл свою подментовскую деятельность.

— Давно нужно было разрубить этот гордиев узел, — в голосе Елисея звучат хрипловатые нотки и тут же ускользают, не давая мне возможности разгадать загадку их появления. — Любимый, мне нужно немного поработать, но я рядом. Дергай, если что... — и повисает очередная порция тишины.

— Конечно, Любимый, — приходится идти на жертвы и мириться с чрезвычайной занятостью парня, хотя совершенно не хочется обрывать разговор. Но понимаю, что без особой на то причины Елисей бы не стал меня предупреждать. Да и мне самому важно сейчас же принять экстренные меры, чтобы завтра не встретить Любимого в прямом смысле сопливыми поцелуями.

Аромат кофе наполняет пространство квартиры, вселяя надежду на взбодриться после тяжелой ночи, вот только приятно горьковатый запах и пузырчато-шоколадный вид пенки любимого напитка каким-то непостижимым образом вызывают отвращение. И в кружку летят две пирамидки зеленого чая, отдавая свой неяркий вкус крутому кипятку.

— Маркизка, знаешь, как мало нужно человеку для счастья? — доебываюсь до ничего не делающей собеседницы, пока вечно занятый, видимо, заявление об уходе рисует. — Человеку совершенно необходимо любить и быть любимым. Вот только у людей все не так, как у вас, у котов. Тут нюансик один есть, — просвещаю кошку о таинствах хомо-психологии: — Если человек любит, но не любим, или если любим, но сам не любит, вот тут начинается драма, трагедия. Короче, полный ангст. — Хвостатая слушательница моих побасенок присаживается поближе и издает тоненький мявк, который понимаю, как «продолжай». Что и делаю:

— И только когда две составляющие Любви совпадают — это и есть самое настоящее Счастье. Бесконечное. Всеобъемлющее. Человек чувствует себя на седьмом небе. Ну, примерно, как я шас, — лукавлю. До седьмого точно не дотягиваю, но совсем чуток. Будто воздушный змей, который рвется ввысь, а его на веревочку привязали. И все же я так счастлив, что мое хмельное состояние меня же и пугает осознанием, что за спиной слишком большой радости всегда болтается хвост не меньшей по габаритам печали.

— Все, Маркиза, лекция закончена, — сам себя одергиваю, понимая, что нужно урезонить глупые порывы перепрыгнуть через скакалку, пробежаться по потолку, а лучше сразу освоить паркур. — Как сказал Макс Фрай: «Тяжелый физический труд — наилучшее лекарство от бытовой шизофрении». Так что давай какую-нибудь работу поработаем.

Но, видимо, выдавая свой афоризм, Макс имел в виду урановые рудники или угольную шахту, коих в округе не наблюдается, да и не с моим здоровьем. Потому что сколько ни придумываю себе занятий, итог один — возвращаюсь за комп и, счастливо улыбаясь, залипаю, глядя на лисий огонек онлайн.

И, кутаясь в плед вместе с мелкой грелкой — Маркизкой, постоянно ловлю себя на мысли, что меня так и подмывает написать Елисею, причем без особой на то причины. Просто чтобы спросить какую-нибудь дурость, типа:

«А ты не забыл семейный альбом? Уж больно охота посмущать крупного Лиса, глядя на мелкого Лисенка и его крохотный писюн».

Или: «А ты прихватил с собой того керамического божка с огромной елдой, которого привез из жарких стран? И забрал ли все секс-игрушки, с которыми обещал познакомить меня поближе?»

Да и в конце концов: «Ты мой подарок упаковал?» И еще целый гигабайт дурацких вопросов, но понимаю, что Лис занят какими-то мегаважными делами, а маловажные вопросы могут и подождать. И, если положить руку на сердце, стоит признать, что мне просто жизненно необходимо не просто ощущать его незримое присутствие, а видеть, слышать, касаться...

Но только к полудню, наконец почуяв мой внутренний зов, на экран выскакивает окно с аватаркой кицунэ, извещающая, что до меня пытается достучаться мой Ведьмак.

— Малыш, как делишки? — музыкой звучит любимый голос, и я вижу не менее любимую улыбку.

— Я собрал паутину по углам пещеры и внезапно обнаружил, что у нас холодильник пуст. Вот сию и планирую ограбление продуктового магазина, — как перед Богом раскрываю Лису свои злонамерения, неожиданно для себя решаясь на рискованное мероприятие — шопинг в предпраздничные дни. — Ну не кормить же моего плутоватого хищника баснями.

— Отличная идея! Заодно и прогуляешься, пока я сгоняю по работе, — поддерживает мои гангстерские замашки почти бывший мент.

— Уже уходишь? — вмиг огорчаюсь и даже скрывать этого не хочу.

— Дела не ждут. — В глубине любимых глаз вдруг мелькает тоска и злое отчаяние, но Лис уже скрывается из поля зрения, оставляя меня разглядывать все трещинки на его диване, и только любимый голос откуда-то из заэкранья задает очередную загадку: — Черная или синяя?

— Черная, — не раздумывая отвечаю и через пару минут имею честь лицезреть моего преобразившегося парня.

Вид Елисея, откинувшегося на спинку дивана в классической рубашке цвета безлунной ночи с расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными рукавами, на раз заставляет полыхать скулы.

— Ты ахуенный... — выдыхаю свой восторг, сглатывая вдруг подкатившую слюну. — Обещаю, что наденешь ее, когда приедешь. Я хочу самолично сорвать этот шмот с тебя.

— М-м-м... — тянет Лис, и фирменная плутоватая улыбка трогает губы, но не задевает печаль его глаз. — Только ради этого постараюсь побыстрее закончить.

— Постарайся, я очень жду тебя, Любимый, — не таясь, вкладываю в каждое слово свои чувства, чтобы Елисей не только слышал, но и ощущал насколько он нужен, важен и любим.

И я знаю, что он ловит мои послы всеми фибрами своей души, вот только разум отказывается как-то понимать странную ответную реакцию. Почему Елисей вдруг сжимает руками голову, смыкая ладони на затылке, и прячет от меня свое лицо? Будто его внезапно накрыл приступ мигрени или еще какой напасти.

Мы так и сидим за тысячи километров друг напротив друга. На одном конце я, обескураженный этим внезапным жестом. На другом конце он — любимый, единственный, МОЙ. И с ним что-то не так! «Что с тобой, Любимый? Откуда эта боль, выкручивающая мне душу?» — почти слетает с языка, но Лис уже снова мой Лис.

— Я сделаю все от меня зависящее, — встряхнув вихрами, точно отгоняя моих и своих Демонов, улыбается, но как-то вымученно, словно невидимый кукловод тянет за ниточки уголки его губ. — А теперь... на выход! — командует, и я сердцем чувствую, что он пытается сбежать с моих глаз.

— Подожди! — почти кричу, когда парень наклоняется, намереваясь выключить бук. Напряженно всматриваюсь в его лицо, боясь упустить нечто очень важное и спросить что-то не то. — Лис, ты мне что-то недоговариваешь?

Минута длится вечность, а во мне, точно в коллайдере, разгоняются до скорости света разномастные частицы-страхи и, натываясь на ядра тишины, рассыпаются на тысячи вопросов. И кажется, если Лис не ответит на них прямчас, вся эта адская смесь взорвется к ебени матери и породит черную дыру.

— Конечно! Постоянно! — разрывает вселенскую тишину Елисей, ошарашивая неожиданной откровенностью: — Не договариваю, как сильно люблю тебя! Не договариваю, как страстно хочу тебя! И еще много чего недоговариваю. Но просто ВЕРЬ: я завтра приеду и столько всего тебе наговорю, что твои уши и скулы будут полыхать огнем, в который я буду неустанно подкидывать дров страстными поцелуями и жадными до тебя руками.

— Обещаешь? — Мне уже становится нестерпимо жарко.

— Обещаю, — парень уверенно кивает головой. На миг перед экраном мелькает темная папка, и я снова вижу Лиса, который тянет к монитору палец, но я чувствую, как он касается моего лица. — Люблю тебя, малыш, — его ладонь мягко очерчивает мои скулы. — Не скучай и не переживай, — я ощущаю тепло его рук. — Помни. Я тебя слышу.

— И я тебя... — успеваю ответить, прежде чем вместо Любимого на экране, с характерным бульком появляется «белая простыня».

Легко сказать «не переживай» и улететь хуй знает куда «увольняться». А ты тут сиди и складывай лестницы его слов и своих ощущений. И среди всего этого сломанного пространства Эшера* понимаю одно — я уже даже не на третьем небе. Ветер моего Счастья стихает, а воздушный змей плавно пикирует вниз. И я страшно волнуюсь, как бы не разбился вдребезги. Волнуюсь до такой степени, что ничего не вижу, ничего не слышу и кажется выпадаю из времени.

Сидя в своем паучьем углу, грею руки о ледяную чашку чая и всем своим существом тянусь к Елисею. А когда на мои колени мягко запрыгивает Маркизка, наконец выхожу из ступора, обнаруживая почти зашедшее за горизонт Солнце, которое сумеречно намекает, что за окном вроде бы уже и не день, но еще и не ночь, а я обещал Лису прошвырнуться домага.

Лень и неохота тут же надевают на мои ноги пудовые валенки, но надо действительно прогуляться, а то так и сойти с ума недолго. Может быть

вся эта предновогодняя суэта поможет окунуться в праздничное настроение и наконец-то успокоит расшалившиеся нервы.

«Так, давай по-быстрому: до ближайшего маркета и обратно», — решительно выпинаю себя из сонного уюта кресла в освежающую стужу улицы, чувствуя невероятное облегчение оттого, что татуированная кожа уже не особо дает о себе знать.

И, выдыхая облачка пара в любимую арафатку, спешу мимо светящихся каракулей увешанных гирляндами деревьев и строгих прямоугольников домов, через черный шелк наступающей ночи и серую дерюгу суетной толпы. А когда меня поглощает бездонное чрево торгового центра, набитое немислимой чепухой, «по-быстрому» неожиданно превращается в беспешное блуждание вдоль бесконечных лент заваленных всякоразной снедью стеллажей.

Никогда бы и не подумал, что может быть так приятно выбирать покупки даже не для нас, а для любимого человека. Ибо голову сразу же посещают ненавязчивые мысли: «Нравится ли Лису вот это сладкое или вон то соленое? С плесенью или что посвежей? Буженина или то, что плавало?»

Впрочем, я и так знаю, что больше всего мой хищник уважает мясо. Им и затариваюсь и, повесив изрядно потяжелевший рюкзак на здоровое плечо, отправляюсь в обратный путь, отчаянно отбиваясь от безумно-залетной мысли приготовить завтра вечером чего-нить эдакого самому.

Даже не замечаю, что уже не бегу, а просто гуляю, мысленно показывая Лису праздничное убранство своего городка, в котором царит не слякотное столичное недоразИмение, а настоящая русская зима. С ледяными горками и лабиринтами, с метровыми сугробами и снежными бабами, с настоящим кусачим морозом, что загоняет меня в пекарню, из дверей которой так одуряюще пахнет горячим хлебом и свежей выпечкой.

Обжигаяще горячая чашка чая и булочка с маком. Высокий столик у окна. Еще недавно под дулом пистолета не остановился бы в подобном месте, но сейчас пофигистически спокойно закидываю в желудок обалденно вкусную плюшку, поглядывая через витражное окно на городскую елку, расцветающую диковинными светам*.

Говорят, под Новый год, что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается*? Надо непременно загадать хреллион желаний на каждую висющую в небе звездулину, хотя... на каждую из них я загадал бы самое заветное — быть рядом с Лисом. Впрочем, я и так ВЕРЮ: скоро мы будем вместе. Очень скоро.

Знакомый силуэт мелькает за стеклом. Та же походка, те же слегка дерганные движения. Парень прикладывает к уху телефон, оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то в толпе и, не находя, спешит дальше, прикрывая лицо от ветра воротником черного пальто.

«Да нет... Этого просто не может быть, — недоуменно хлопаю глазами, и все же внутри что-то радостно обмирает. — Телепортировался что ли?» — чуть не поперхнувшись чаем, подхватываю нелегкий рюкзак и несусь на выход.

Выскакивая на мороз, смотрю в ту сторону, куда направился мой плут, но Лиса и след простыл. Зато в кармане начинает мелко дрожать телефон, только не тот, в памяти которого прописан лишь один абонент, но именно его голос слышу, с радостью приняв вызов.

*** Koven — Final Call ***

— Лис, а тебя, что ли, Бес попутал? — тут же выдаю нашу секретную фразу, означающую лишь одно: с какого перепуга Лис звонит мне с прослушиваемой мобилы.

— Да я второпях ключи от сейфа дома забыл, — разъясняет ситуацию мой торопыга, хлопая дверью машины и, видимо, хоть так делая наш разговор конфиденциальным. — Малыш, я хочу тебе кое-что сказать... — И повторяется утренний сценарий, когда мой Ведьмак то ли не знает «что», то ли выбирает «как».

— Давай сначала я? — предлагаю вполне приемлемый вариант, потому что передо мной не стоит никаких вопросов, да и скрывать что-либо от Елисея тупо не хочу. А поскольку мой абонент молчаливо соглашается, горестно выдыхаю: — Любимый, у меня печальная новость, — все еще пытаюсь разглядеть парня в толпе, чтобы опровергнуть надуманно страшный диагноз.

— Дэн, что случилось? — Кажется, своей шуткой я не на шутку пугаю Елисея.

— У меня от недотраха... — тяну паузу не хуже своего сенсея, который щедро кормил меня этим блюдом все утро, но который в отличие от меня не спешит вставить свои пять рублей. Приходится все самому: — Глюки, — подбираю самое верное слово и жду реакции.

— Ты что-то выпил?! — незамедлительно орет в трубку Лис, и теперь уже пугаюсь я, слыша столь странное предположение.

— ДА! — признаюсь безо всяких пауз, чувствуя, что если еще раз замолчу, то мне кое-кто ментально откусит башку. — Выпил чай, схавал булку с маком и... увидел тебя.

— Дени-и-ис-с-с, — растягивая свои любимые буквы, шипит на меня Лис. — К сожалению, ты обознался. Я еще в Москве.

— А я чуть не повис не шее незнакомца, — понуро сокрушаюсь, потихоньку перемещаясь в сторону дома.

— Только попробуй, и я тебя самолично пришибу, — в шутку угрожает Лис, но таким тоном, что у меня не остается и тени сомнения — так и делает.

— Мне это нахрен не сдалось! — подрываюсь от одной мысли, что Лис допускает возможность такого моего поведения и не понимает, что я никого не вижу вокруг. Со мной всегда и всюду ОН. И все же... — Но ты не представляешь как это странно, — возвращаюсь к своим миражам. — Я голову готов дать на отсечение, что видел именно тебя. Я бы тебя ни с кем не спутал.

— Может, это был мой фантом? Следил за тобой, — хмыкает в трубку Лис. — Но чтобы тебя не раздирали сомнения, я сейчас перезвоню по видеочату, дабы твой мозг принял реальность. — Парень сбрасывает вызов, и буквально через считанные секунды уже не аватарка кицунэ, а сам Лис смотрит на меня.

— Да верю я, — буквально отмахиваюсь, пока Елисей показывает мне панораму вокруг себя: салон авто, мельтешащие дворники сметают с лобовухи снежных мух; на заднем сиденье проблескивает хромированная обводка какого-то дипломата; за окнами хоть и серо, но еще светло, а меня уже окутывает тьмущая тьма. И чтобы замаять эту мутную тему, без так любимых Лисом эквивалентов задаю важный для меня вопрос: — Уволился?

— Осталось получить расчет, — Лис в очередной раз кормит меня иносказками и тут же увертывается от дальнейших расспросов: — Все же решился на прогулку? Я очень рад, что ты наконец-то перестал прятаться в четырех стенах. Молодец! Горжусь тобой, — хвалит, как ребенка, и я бы непременно поерничал в ответ, если бы не странные интонации, проскальзывающие в голосе Любимого: — Обещай, что и впредь будешь выползать из своего паучьего угла на свет.

— Если захочешь, мы с тобой каждый вечер будем гулять по окрестностям, — натягиваю улыбку, надеясь, что Елисей улыбнется мне в ответ. Только он не делает этого, да еще и пытается куда-то ускользнуть, показывая мне то ворот черного пальто, то белый снег за стеклом авто.

— Я всегда с тобой, даже когда ты меня не видишь, — отшучивается, но дергает нерв что-то слишком серьезное в любимом взгляде.

— Уверен, что так оно и есть, тем более, что ты мне уже мерещиться начал, — мне уже не в радость этот нелепый разговор. Как-то все и сразу меркнет, схлопываясь до экрана в четыре дюйма по диагонали. — Лис, с тобой все нормально? — В замерзающих пальцах зарождается дрожь и мне приходится сильнее сжимать телефон чтобы не выдать себя. — Ты какой-то... — не хочу произносить этого слова, но другого не нахожу: — Странный.

— Ну я ж у тебя не от мира сего, — кривая усмешка тянет губы и тут же гаснет. — Мог бы уже и привыкнуть к моим странностям, — и словно подтверждая свои слова, требует: — И как бы странно это ни звучало, но я хочу, чтобы ты здесь и сейчас пообещал, что будешь беречь и любить себя.

— Та-а-ак... — У меня трясутся не только руки, но и все поджилки. И все же пытаюсь говорить спокойно и убедительно, призываю Лиса к ответственности за того, кого он приручил: — Беречь и любить меня теперь ТВОЙ священный долг и прямая обязанность.

— Что бы ни случилось, я буду всегда любить и оберегать тебя, — звучит как перед алтарем клятва, от которой у меня зуб на зуб не попадает. — Наша связь никогда не оборвется. И даже после смерти я от тебя не отстану. Вот такой я эгоист. — Черный юмор пронзает холодом каждую клетку, а мой воздушный змей Счастья волочится по земле, пачкая тонкие крылья в грязи и не в силах вырваться из тягостного плена той доли правды, что переполняет эту не шутку.

— Ты чего несешь?! — первым отмерзает зубастый Демон-Злость, готовый здесь и сейчас прижать плутоватого зверя к стенке и расспросить с пристрастием. — А ну колись, что за хуйня нездоровая?! Куда ты ОПЯТЬ ввязался?! Тебе что-то угрожает? — рываю на Лиса.

— Успокойся. Какая мне может угрожать опасность? — спокойный ответ диссонансом моему состоянию. — Со мной же мой любимый талисман, — и роясь во внутреннем кармане пальто, Лис вытаскивает на свет мой подарок, покачивая его стальным корпусом перед телефоном, а потом бережно возвращает на место, поближе к сердцу. И мне до безумия хочется верить в его слова. Хочется, но...

— Кому ты пиздишь?! Я же чувствую тебя. Слышу... — В душу словно засела огромная заноза, которую задеваю при каждом вдохе. Но я готов услышать правду, какой бы горькой она ни была.

— Я знаю, малыш, что ты слышишь и видишь, просто не все еще понимаешь, — очередные иносказания, и Лис не был бы Лисом, если бы не попытался увильнуть от ответа: — А сейчас откинь все свои надуманные страхи и услышь, как я по тебе соскучился, — в глазах парня Боль, Тоска, Любовь...

«Почему?! Может мои чувства сделали тебя несчастным? Неужели я был неправ, когда думал, что взаимная любовь — это счастье?»

— Елисей, прошу, скажи мне правду. Хватит недоговаривать! — И снова вслушиваюсь в образовавшуюся тишину, в которой мой парень, кажется, даже не дышит, а все, что он не договаривает, я додумываю в скандальной компании своих Демонов.

— Денис, мне нужно идти, — Елисей разрывает безмолвие, но лучше бы молчал. — Переговоры очень важные, я отключу телефон... — словно удар под дых.

— Какие переговоры, если ты должен был просто уволиться?! — Головная боль чугуном ободом сжимает мозг. Хочу кричать, просить, приказывать: «Не отключай! Поставь на беззвучный! Я не позвоню».

— Не волнуйся, милый, это ненадолго, — обещает Лис — знаю! — слыша мое состояние. — Не теряй меня. Как закончу, сразу позвоню.

— Лис, я тебя прошу... — из последних сил пытаюсь держать себя в руках и удержать на связи Елисея: — Пожалуйста, просто брось все. Заведи машину и езжай ко мне...

— Я очень сильно люблю тебя, Денис. — Меня захлестывает его отчаянная Любовь, изгибом плети вокруг тела, принося нестерпимо жгучую боль наказанием без вины.

— Люблю тебя, — все, что могу ответить, потому что давно знаю: даже самые трепетные мои чувства не свернут Лиса с намеченного пути. — Жду... — И любимый лик исчезает, оставляя меня один на один с моими Демонами.

Жду. Внезапно меняя маршрут, допоздна брожу по заснеженным проспектам города в обнимку с дикой Яростью, что не пускает меня домой. Наверное, понимает, что там, в четырех стенах, мне будет еще тяжелее пережить эти несколько часов без Лиса и чего-нибудь не расколошматить о стену: наши кружки или собственные кулаки.

Жду. Промерзая до костей, уже заводящих свою тихую, заунывную песню, пока смотрю на мальчишек, гоняющих шайбу на пришкольном корде. Жду, пока уговариваю себя сходить в кино или прокатиться на колесе обозрения. Жду и потихоньку успокаиваюсь. Что не говори, а декабрьский «минус мнадцать» эффективно отрезвляет мозг. И вместо горячих объятий Злости меня подцепляет под руку тупое, козлиное Упрямство и, нагло прищурив глаза, гундосит в мозгах: «Ну и пусть отключается, я и сам звонить не стану!»

Не звоню, но жду. Постоянно выдергиваю телефон в надежде увидеть Лиса онлайн, пока тайваньские электронные мозги окончательно не издыхают на русском морозе, подстегивая меня вприпрыжку, тем самым козлом, скакать домой, подальше от витрин торговых центров, от которых уже откровенно мутит.

Врываясь в квартиру, пугаю Маркизку своим обледеневшим видом и сброшенным в угол рюкзаком. Врубаю комп, но, как выясняется, только для того, чтоб убедиться — Лиса все еще нет в Сети.

— Не волнуйся, — уговаривает девочка Надя. Смешная, белобрысая, в розовом платье с россыпью полевых цветов, сидит на столешнице и болтает худенькими ножками с ободранными коленками. — Он сейчас придет. Я знаю, — и улыбается каждой веснушкой на по-детски миловидном личике.

Всей душой соглашаюсь с младенцем, устами которого, как принято считать, глаголет истина, и уже не спеша раздеваюсь, разбираю рюкзак, размораживаю телефон текущей в его аккумулятор энергией. Мне бы так к чему-нибудь подключиться. Но моя «батарейка» хуй знает где и с кем, а у меня уже кончается заряд. Пытаюсь восстановиться, отогреваюсь снаружи в горячей ванной, отогреваюсь изнутри обжигающим чаем. Отогреваюсь и все равно мерзну. Жду...

Ночь. Закидываю в себя горсть таблеток и... «Опять, обнимая подушку, думаю — это ты...» — дурацкие мысли тут же лезут в голову, когда измученный бесконечными метаниями в четырех стенах, слишком рано залезаю в постель. И хотя малышка Надя, что весь вечер неотступно бегала за мной по пятам и постоянно тараторила про «вот-вот» и «через пять минут», уже сладко спит рядом с моей хвостатой хранильницей, я не один.

В моем кресле, закинув ногу на ногу, удобно расположилась эффектная брюнетка. Рассудительная, непоколебимая, в строгом костюме и классических очках в тонкой черной оправе. И я знаю ее имя — Вера.

Девушка лишь слегка покачивает точеной ножкой, уверяя меня, что так время пролетит быстрее и что мне совершенно необходимо хоть немного покемарить. И самое главное — что это последняя ночь, когда я обнимаю не Лиса.

И я свято ВЕРЮ Вере, вот только сна ни в одном глазу. Кручусь, верчусь, то закрываясь одеялом с головой, то спинывая его совсем, и кажется, проходит вечность в тщетных попытках провалиться в дрему и таких же тщетных надеждах услышать заветный сигнал.

Жду. Хочется сорваться и куда-то бежать, кому-то звонить, но не бегу и не звоню, а только выгнав девицу-красавицу с глаз долой, занимаю свой пост, где темнота и лишь свет монитора озаряет мое лицо. Бездумно листаю страницы сайтов, каждым следующим кликом возвращаясь ВК, чтобы в который раз прочесть: «Был в сети в 12.21» и опять почувствовать, как за грудиной монотонно и тихо ноет древняя старуха Тревога:

«Послушай меня... Он не просто так молчит... Было бы все нормально, он бы давно уже позвонил...»

— Прекрати, — не позволяю себе малодушно присоединиться к ее песне. — Я слышу Лиса, и он в порядке. Просто задерживается, ну или телефон сдох. Оба... — неуверенно успокаиваю себя, сжимая в руке свой собственный и, кажется, этот гаджет пустил корни в мою ладонь.

— Ты сам-то себе веришь? — подпирает косяк франтоватый красавчик Скеписис, иронично приподнимая бровь.

— Я в Лиса верю. И если он до сих пор не вышел на связь, значит у него просто нет такой возможности.

— Ну да... — издевательски фыркает прожженный циник. — В кабаке проставляется в теплой компании мусоров. С Сашкой и тем мужиком на брудершафт пьют.

— Не пизди! — одергиваю клинически недоверчивого парня. — Лис не такой.

— Какой не такой? — перечит нагловатый фронт и читает мне нравоучения: — Все мы идеализируем своих Любимых. Верим каждому их слову. Видим в них Божество, Ангела. А на деле это обычные люди, каждый со своими тараканами, комплексами, фобиями, допускающие ошибки и наступающие на услужливо оставленные грабли...

— Лис не наступает! — горячусь, не позволяя низводить свою Любовь с пьедестала. — Может он и не Бог, но не хуже его видит сущность людей. Чуйка у Ведумаков работает как надо.

— Так что ж он тогда не чувствует, как ты его звонка ждешь? — летит очередная подъебка, на которую я не знаю, что ответить.

— Кончай ломаться, чай не девка, — отталкивая с пути выпендрежника, выступает деловой мужчина — Здравый смысл: — Позвони сам, — приказывает, и точно ожидая этого волшебного пендаля, беспрекословно слушаю голос разума.

Набираю Лиса, но вместо него отвечает монотонный голос автоответчика и взводит курок револьвера в руках моего Невроза. А когда счетчик времени рисует четыре нуля, количество моих звонков, смс, просьб перезвонить и голосовых сообщений с обоих сотовых переваливает за чертову дюжину, а в голове заезженной пластинкой крутится: «аппарат вызываемого абонента выключен или...»

И я уже не слышу оружий в наушниках рок, призванный усыпить моих неспящих Демонов, зато отчетливо вижу, как меня дергает за рукав испуганный, готовый зарыдать мальчишка, упрямо сжимающий кулачки и сдерживающий подкатывающие слезы, потому что он хоть и мелкий, но мужчина. Только в глазах этого мужчины я читаю Смятение.

— Тише, тише, малыш, — уговариваю потерянного ребенка, но он меня не слышит. Всхлипывает, распускает сопли, а через час рядом с ним уже рисуется мамаша — Паника, что метаясь по комнате и заламывая руки за голову, мерзко на ультразвуке визжит у меня в мозг:

— С ним что-то случилось! Ты видел, он был за рулем! Он был сам не свой... Он разбился!

— Заткнись, сука! — затыкаю рот психичке. — Лис жив! Я слышу, как бьется его сердце. — И первый выстрел разносит в клочья голову истеричной дамочки, а вместе с ней исчезает и сопливый пацан. Но все же уже гуглю номер телефона бюро несчастных случаев, чтобы через несколько минут убивать в себе животный Страх, ожидая ответа на том конце провода. И облегченно выдыхаю, слыша, что информации по

такому человеку не поступало.

— И что дальше? — раскачиваясь из стороны в сторону, выползает из тени ни рыба ни мясо, грузный евнух — Сомнение, и начинает ронять свои черные зерна в мои перепаканные мозги: — Где твоя логика? Вспомни, как Лис себя вел! Юлил, прятал глаза да еще и что-то там пообещать требовал. Денис, он тебя бросил, как пить дать! Собрал вещички и свалил...

— Не смей! Слышишь?! — почти ору, держа на мушке бесполое оно и, отрицательно мотая головой, еле слышно самому себе шепчу: — Кто угодно, только не Лис. Он позвонит... Я ему верю. Я его люблю. И он любит меня.

— П-п-пф-ф-ф... — фыркает подозрительный Демон. — Какие эфемерные аргументы.

— У меня есть вещественный! — возражаю, со звоном выдергивая из ящика стола связку ключей.

— Смеешься? — издевается зыбкая тварь. — Ты уверен, что он все еще живет по этому адресу? А ключи... Замки ведь всегда можно сменить...

— Пошло на хуй! — последним доводом жму на спусковой крючок и выскакиваю из своего угла. Призрачной тенью брожу из комнаты в кухню и обратно, словно моей целью стало отмерить шагами расстояние, разделяющее нас, а Разум, зацепившись за навязанный вопрос, все не может решить «и что же дальше». Тормозя у окна, бессмысленно таращусь во тьму на редкие светящиеся прямоугольники. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, но даже так не могу остудить кипящий в голове котел черно-тягучего, словно гудрон, Отчаяния.

— А что если так? Если все это был просто красивый сон?.. — осторожно подступает и обнимает со спины сирая и убогая нищенка Жалость, поливая соленой водой поганые всходы. — Очнись. Ты же умный парень. Все понимаешь... Он — здоровый красавец. Ты — большое чудовище. Ну кому нужны такие траблы, когда вокруг Лиса вьется рой экзотических бабочек?

— Уйди, прошу, — вливаюсь пальцами в подоконник, зная, что подавать ей или нет — личный выбор каждого. И я не подаю. Но все же залезла нищенка в душу, вороватой цыганкой просила позолотить ручку, и ненароком прихватила какую-то важную опору. Кажется, миг — и упаду, скорчившись на полу в беззвучной истерике. Но меня уже подхватывает и подпирает прямая, как рельса, с вечно зализанными в пучок волосами старая дева — Гордость.

— Будь мужчиной! Не смей ныть! — Брезгливо стряхивает сморщенную ручку Жалости с моего плеча и, по-мужски крепко стискивая, раздувается до Гордыни. — Ты и сам с усами! Да и поступал точно так же, и тебе нравился твой успех. Пусть в Сети, но ведь никто не мог устоять перед твоей харизмой. И Лис, кстати, тоже...

— Подите прочь, мадам, — отмахиваюсь от самодовольной тетки, которая вздумала меня учить жизни. — С «ником» я играл, а Лиса я люблю.

И тогда на сцену помпезно выходит крепостная актриса — Обреченность и, отсвечивая смуглой кожей сквозь белоснежный кружевной пеньюар, под Tainted Love* устраивает мне душевный стриптиз:

— Смирись, Денис, и не расстраивайся. Все равно ничего не поделать, — томно прикрывает глаза и вертится вокруг шеста, бесстыже показывая исподнее. — Ты же предполагал, что такое могло случиться. Вот и настал роковой день...

— Нет... Нет. Нет! — отталкиваю прочь покорную, готовую на все даму и мельтешащую за ее спиной скромную послушницу Смирение. — Я никогда не покорюсь Судьбе. Я верю, что прошел через все испытания не просто так! Лис мой! И я его никому не отдам!

Меня трясет. Со всех сторон кружат Демоны, размалеванные пьяным гримером под упрямых ослов и глупых куриц, пресмыкающихся рептилий и рабелепных псин. Извиваются в неистовом танце, сплетаясь в змеиные клубки. Бесстыже ласкают и целуют друг друга взасос. Хитро подмигивая, заискивая, соблазняя, приглашают в свою оргию. И эта вакханалия сводит меня с ума.

— Лис... Лис... Лис... — зову свою Любовь, точно потерянного кота, и чей-то пушистый хвост мягко скользит по голой ступне, придавая мне сил в борьбе с собственными слабостями.

— ПРОЧЬ!

Что-то зудит в ответ роем встревоженных мух, будто сам Вельзевул решил нагрнуть в гости. Выключенная лампа под потолком вдруг начинает светиться, то угасая, то разгораясь сверх всякой меры, и вдруг взрывается, рассыпаясь на мириады осколков. Рыжий всполох молнией по темным небесам, и я, зажмурив глаза, паляю наугад. Раз за разом нажимаю на тугой курок, пока вместо выстрелов не раздаются пустые щелчки, а в голове не образуется убийственно звенящая тишина.

— Вот так-то лучше, — откидываю пустой барабан и окидываю взглядом роскошную женщину, что величественно выступая, идет ко мне босая по битому стеклу, оставляя за собой кроваво-красную дорожку и ослепляя улыбкой и россыпью драгоценных камней.

За окнами брезжит рассвет, вплетая солнечные лучи в рыжие пряди ее рассыпанных по плечам волос. Алый шелк коктейльного платья стекает в пол по мягким изгибам тела, превращая женщину в экзотический цветок. Теплые чайные с зеленым ободком по краю глаза смотрят с Любовью и лисьей хитринкой. Чувственные губы шепчут в самое ухо:

— Денис, послушай свое сердце, — и нежная ладонь Любы прижимается к груди. — Верь в вашу одну на двоих Любовь. — Тонкие пальцы пламенной женщины очерчивают мои старые шрамы и новую татуировку, скользят по голове, приводя мечущиеся всполохи мыслей в ровное горение.

— Ничего не потеряно! Лис жив, — прыгает у ног шалунья Надя, заглядывает в глаза, заставляя меня вымученно копировать ее улыбку.

— Ты нужен Любимому. Он никогда не предаст тебя! — уверяет серьезно настроенная Вера и, вселяя веру в собственные силы, командует: — Собирайся...

Я собран. В рюкзак методично летят права и паспорт, телефоны и зарядки, ключи от квартиры Лиса и заветный клочок бумаги, упаковки моих привычных обезболивающих и непривычных психотропов, пару которых тут же закидываю в рот, почти не нарушая рекомендаций к применению — одну с утра. Но две ночи без сна, и сутки в нервотрепке с перспективой дальней дороги вносят свои коррективы.

— Маркиз, не скучай. Скоро я привезу нашего любимого Лиса, а пока ты присмотришь за нашим домом, а за тобой присмотрит мама, — успокаиваю свою девочку, что обеспокоенно трется у ног, когда в срочном порядке одеваюсь и натягиваю удобные для езды кроссовки.

— Ты! — приказываю огненной шатенке. — Ты! — пристально смотрю на жгучую брюнетку. — Ну и ты, конечно, — подмигиваю белокурой малышке. — Едете со мной! — И три таких разных женщины, как одна, встают за моею спиной.

Почти бегу, дворами петляю по короткой дороге. Пустота улиц, пустота в голове, и только одна мысль держит тело в сознании: «Я должен спасти свою Любовь». Не отрывая палец от кнопки, порождая какофонию электрических звуков, пока дверь родительской квартиры не открывается.

— Дай ключи! — не переступая порога, требую у заспанного отца, и то ли он еще не проснулся, то ли в моих глазах скрыто нечто непоколебимое, но меня не пытаются отговорить, без слов вручая требуемое и страховку. В глубине квартиры появляется мама, и ее тихое: «Береги себя...» — сжимает сердце осознанием того, что сейчас я не могу ничего обещать ей, но все же утвердительно киваю головой. И уже разворачиваясь, краем глаза ловлю крестное знамение, осеняющее мою спину. Пусть так, пусть хоть что-то освещает мой путь к нему. К моему свету, к моей жизни, к моей Любви.

Скорей! Что-то внутреннее, а не только трескучий мороз, подгоняет меня к гаражу. Ни секунды не колеблясь, забираю с собой еще одного продрогшего пассажира по имени Макар. Опасно... Но, как говорил Лис, добро должно быть с кулаками, ну или со стволом. Пусть со мною рядом присутствует этот веский аргумент. С ним я чувствую себя уверенней.

— Девчонки, пристегните ремни, — командую своим очаровательным спутницам, подгоняя отцовскую колыхающуюся под себя: рулевая колонка, водительское кресло, рюкзак на пассажирское, пистолет под сиденье, один молчаливый телефон на зарядку, второй рядом — только попробуйте отключиться! Ничто не должно мешать мне в пути.

Забиваю давно заученный адрес в навигатор, который тут же рисует мне короткий маршрут и приблизительное время прибытия, убивая осознанием, насколько поздно случится это событие. Но... телепорта еще не изобрели, а олени еще хуже. Так что музло на максимум, газ в пол — и я несусь к Елисею. Мимо заснеженных сел и заиндевевших городов, на запад, убегая от восходящего солнца. Мимо буксующих на взгорках фур и снегоуборочных машин, пытаюсь обогнать само время и понимая, что мне необходим не только телепорт, но и машина времени, чтобы быть у Елисея еще вчера.

— Позвони... Позвони... — твержу, точно мантру, ища поддержки у моих спутниц. — Вот сейчас, как только появится сеть. Я верю, ты позвонишь, — и я готов молиться всем бездушным богам, чтобы они исполнили единственное в этот миг желание: — Пожалуйста, все что угодно, но пусть он будет живой. — И мне не страшно заключить сделку с Дьяволом, лишь бы вновь оказаться в объятиях Любимого.

Но меня никто не слышит. Ни Боги, ни Демоны, ни Лис. Да и проклятые коробки с электронными мозгами молчат, будто нечаянно в унитазе искупались. Обе. Молчат черными магнетическими прямоугольниками, что постоянно притягивают к себе взгляд и вдруг оживают, блямякая пришедшим смс и перемаргиваясь зелеными текстовыми сообщениями, и через несколько ахуевших секунд еще раз. И в этом светопреставлении у меня сбивает сердечный ритм и вместе с ним дыхание.

— Ну я же тебе говорила! — пищит от восторга Надюшка и звонко хлопает в ладоши, останавливая непрерывный поток моих призывов то к Богу, то к Бесу, которые по сути являют мне одного человека — Лиса.

— Никто и не сомневался, — фыркает строгая Вера, видя как я теряю контроль над собственным разумом, не понимающим, что ему делать: рыдать или смеяться.

И только Любовь многозначительно молчит, пряча добрую улыбку, но в ее глазах так и поблескивают хорошо мне знакомые искорки, порождая в голове гул мощной волны адреналина, несущейся по артериям вместе с кровью и кидающей меня то в жар, то в лихорадочный мандраж. Подальше от греха и пролетающих мимо машин сворачиваю на обочину и хватаю свой секретный гаджет, оживляя экран...

«Приятного путешествия с... Вы обслуживаетесь...»* — Мечта прочитать смс «этот абонент снова в сети» вмиг разбивается в крошево, рана душу острыми краями разочарования. Понимая, что на втором та же самая хуйня, оповещающая, что я в роуминге, стискиваю челюсти, не давая пахшим Демонам ни одного шанса воскреснуть, и вновь лечу к Нему, лишь кидаясь в очередную крайность:

— Сволочь!!! Гад! — награждаю Любимого отборными эпитетами, едва успевая нырнуть на свою сторону со встречи от орущего на меня клаксонами автобуса. — Если ты жив, я ж тебя найду и сам пришибу! Но сначала со всей страстью выебу! — посылаю страшные и не очень угрозы, всем сердцем надеясь что скулы моего Лиса не просто горят, а полыхают.

Но даже на таком адреналине устаю. С непривычки начинает болеть спина, ноги. Отвык от дальних перегонов, но я не забыл кайф единения с дорогой, да и радует, что пейзаж за окном постепенно перетекает из унылых заснеженных полей в призрачно-белоствольные леса, наглядно показывая, что я все ближе к заветной цели. И вот уже догоняю столичную погоду, а дворники моей машины, точно так же как у Лиса, сметают с лобового стекла снежные хлопья.

Но как ни давя на газ, не успеваю за Светилом, что обгоняет мою тачку, точно стоящую, и уже слепит глаза, норовя вот-вот нырнуть в сугроб на горизонте и оставить меня в темноте зимней трассы и во тьме моих мыслей:

«Зачем послушался? Ждал? Надо было сразу ехать в ночь, когда нет столько машин на вечно перегруженной трассе. Эх-х-х... Сейчас бы мою ласточку... — с сожалением вспоминаю свою погибшую синюю птичку. — Срать на штрафы, я бы за семь часов долетел. И уже смотрел бы в ведьмовские глаза и вытрахивал бы из любимого его непокорную душу. — Дурацкие «если бы, да кабы» вредными червями выедают мозг: — Нужно было ехать еще раньше: два дня тому назад, когда почувствовал что-то не то. Нужно было не бить тату, а все бросить и нарисоваться на его пороге рождественским подарком — хуй сотрешь. Зажал бы прямо в коридоре, заткнул бы рот поцелуем и, если понадобилось, защелкнул бы на руках стальные браслеты...»

Мотая головой, отмахиваясь от странного до дикости видения скованных наручниками запястий Елисея, заодно отгоняя обволакивающую тело усталость. Но, кажется, не только я резко качаю черепушкой, но и отцовская колыхающаяся — жопой.

«Девчонки держитесь!» — Проклинаю нечищенные дороги, вдавливаю газ в пол, пытаюсь выровнять уходящую в занос корму. — Давай, кляча,

вытягивай! — рычу на надсадно воющий движок, чувствуя, как машину несет боком на черно-белую змею отбойника. Ступня на автомате бьет по тормозу, ремень безопасности сдерживает мое побуждение ткнуться лицом в рулевое, и следует глухой удар — БУМ!

Все еще не веря, что живой, отстегиваюсь, удивляясь собственному пофигизму. Вроде совсем недавно давил в себе психа, а тут даже мускул не дрогнул, даже пульс не скакнул. Со спокойствием Карлсона, живущего на крыше, выхожу из тачки, осматриваю пострадавшую бочину, равнодушно вспоминая бородатый анекдот про «на вилы мы не попали». Только в моем случае промахнулся я мимо ограждения, затормозив о снежный бруствер и тем самым даже не поцарапав отцовскую колымагу.

— Пронесло, — дружный хор из салона и три изящных кулачка за стеклом показывают мне большой палец вверх.

Молча кивая головой в ответ, сгребаю ладонями пушистый слой снега с его спрессованного собрата и умываюсь белыми хлопьями, заставляющими лицо гореть, а тело бодриться. Только снег такой ненадежный товарищ, что полагаться на него — себе дороже. Без раздумий закидываю пару колес, на давая мозгу заснуть, а боли напомнить о своем существовании. Пара движений, разминающих уставший позвоночник. Тоскливый взгляд в черноту наступающей ночи и дисплея сотового. В путь...

Бесконечный, настолько изнуряющий путь, что когда навигатор вещает: «До места назначения осталось сто метров» — не верю, что добрался. Вымотанный донельзя, чертыхаюсь, еле-еле найдя свободное место в забитом иномарками дворе.

Знакомый по фото дом, окруженный высокими деревьями, что сейчас утопают в шапках снега. Я бы постоял, полюбовался, но... Не мороз гонит меня, а маленькая Надя, что весело трещит: «А вдруг мы придем, а Лис там. Дома!»

Задираю голову вверх, пытаюсь рассмотреть такой нужный мне свет в окне, но какой из этих приветливо сияющих в сумерках дня огоньков мой, не разобрать. Да и мои подружки сбивают с мысли, наперебой тыча пальчиками то на один, то на другой просвет.

Волнуюсь, когда прислоняю магнитный ключ к кнопке домофона. Волнуюсь, когда захожу в лифт. А когда он останавливается на нужном этаже, от нервов остаются одни рваные ошметки. Цепляю взглядом полустертую, оставленную какими-то влюбленными чудиками надпись на стене: «В+Н=Л», и, в нерешительности стоя у его двери, я не знаю, нажать ли на кнопку звонка или все же открыть ее ключом.

— Жми, — дергает за рукав непоседа Надя, и я заставляю несложное устройство спеть для меня свое незатейливое «пам-пам», превращаясь в слух, чтобы услышать хоть малый шорох за стальной преградой.

Не слышу. И уже зная, что не услышу, все же еще раз давлю на кнопку. А потом целую минуту вожусь с неизвестными замками, вычисляя, что куда нужно засунуть, чтобы повернуть запорный механизм. Почему-то накапывает подозрительно мертвецкое спокойствие, точно те самые нервы, что я прикончил, поднимаясь на нужный этаж, были последними в моей нервной системе.

В квартире темно и... так одуряюще пахнет Лисом, точно он вот только что вышел за дверь и уже через миг вернется. Врубая свет, тут же натыкаюсь взглядом на собранные у порога вещи: рюкзак и три чемодана — один больше другого. Присоединяя к ним свой, раздеваюсь и медленно обхожу лисью нору, разглядывая почти знакомую обстановку и трогая все, к чему прикасался Лис.

Свет. Уютная кухня и одинокая чашка у раковины в компании с изящной туркой, чисто вымытой, но каким-то непостижимым образом сохранившей аромат кофе — я чувствую его, когда разглядываю линии гравировки на серебряном боку. Початая пачка сухариков на столе, один надкусан и... И я немедленно отправляю его в рот, пока недоуменно заглядываю в приоткрытый холодильник, размороженный и абсолютно пустой.

Свет. Просторный зал, слишком большой для минимализма обстановки: огромной плазмы на стене и дивана напротив, разделенных лишь низким столиком, на котором рядом с черной папкой спит лисий ноутбук и его забытый телефон.

Дверь в спальню. Свет. Зеркальное купе прямо у входа, а в глубине широкая, до педантичности аккуратно заправленная кровать, в которой я столько раз мысленно был вместе с Лисом и ни разу не был в реале. Исправляясь, валюсь на траходром, безжалостно сминая покрывало в египетских богах. Дышу родным ароматом и, поджимая колени, сворачиваюсь в клубок, согреваюсь. Ночь... опять обнимая подушку, думаю — это ты...

Дрема. Вязкая, зыбкая, наваливается пуховым одеялом, наливает тело свинцом, смыкает веки. Гаснет свет, и я проваливаюсь в пустоту беспокойного сна. Черный бездонный колодец, в который я падаю и никак не могу зацепиться за скользкие стены.

Меня кувыркает, крутит, вращает в пространстве, в котором я уже не знаю, где верх, а где низ. Кричу, и мой голос эхом отражается от каменных стен, убегая в какую-то немыслимую даль, чтобы оттуда принести мне ответ:

— Дэн... — слышу зов, оглядываюсь и вижу ЕГО. Лис надвигается на меня из темноты, что-то говорит, но я не могу разобрать что, потому что вижу, как он начинает тянуть, исчезая у меня на глазах...

Подрываюсь, вздрагивая всем телом, недоуменно озираюсь, но я по-прежнему один. Стрелки часов совершили круг, унося в прошлое еще один час, хотя кажется, что прошел всего лишь миг.

«Блять! Хули разлегся?! — буквально за волосы вытаскиваю себя из лисьего ложа и своего коматозного состояния. — Соберись! — Тело — слежавшийся ватный матрас. — Обдумай, что делать!» — Башка, точно чугунная гиря.

Ванная. Свет. Слишком яркий. Режет глаза, заставляя жмуриться. Ледяная вода в пригоршне оmyвает лицо, и я вдруг встречаюсь глазами со своим отражением в подчеркнуто правдивом прямоугольнике зеркала. Ввалившиеся глаза с черными кругами. Ввалившиеся щеки, точно у узника Бухенвальда. Отросшая щетина старит на добрый десяток лет. Шрамы корявыми бороздами дополняют образ новоиспеченного зомби. Им и плетусь по второму кругу.

Свет. Коридор. Вытряхиваю из рюкзака заветные колеса.

«Незнакомый город. Ни родни, ни знакомых, ни имен, ни адресов, ни... — зависаю, цепляясь мыслью за какую-то мутную подсказку и вдруг понимаю за какую: — САШКА! Петровка, 38! Вот кого можно попробовать разыскать! — почти просыпаюсь, готовый прямо сейчас сорваться с места и начать действовать. — Но первым делом еще раз позвонить в бюро происшествий. Чем черт не шутит...»

Звоню. Но черт не шутит, он только злорадно усмехается. А я не знаю, радоваться или печалиться, когда ответ все тот же: «Такой не поступал, и даже как неизвестный по подходящему описанию не попадал».

Свет. Кухня. Лисья чашка. Шипящая струя воды из-под крана.

«Надо позвонить в ментовку. Сообщить о пропаже человека. Может и без Сашки все решится», — мозг начинает выдавать идеи одну за другой.

Сказано — сделано. Но... Лучше бы не делал. Нервы подняли так, что в пору еще таблами закидываться. «Кто пропал?.. Когда пропал?.. Мы только на третьи сутки заявление можем принять... А вы ему кто? И вообще приходите утром...»

Суки! Мусор он и есть мусор. Бездушный, безнравственный, бесчувственный. Им все равно. Им не понять, как мне дожить до утра.

Свет. Зал. В бессильной злобе плюхаюсь на диван, туда, где еще сутки назад сидел Елисей, то соблазняя меня эротичным образом, то пугая потерянными видом. Сейчас я сижу на этом самом месте и точно так же, как Лис, сжимаю разрываемые болью виски.

Телефон. Мобильный божок-Гермес нашей секретной связи, которого согревала ладонь Любимого, отключен. «Значит, не забыл Елисей «ключики», а нарочно оставил», — печалит факт очередной лисьей хитрости, порождая целый шлейф вопросов: «Зачем и почему».

Тут же включаю, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, но мой конспиратор остается верен мне и себе. В записной никого. Наш чат удален. Из социалок вышел. Ничего, что могло бы мне помочь.

Вздрагиваю всем телом и чуть не выпускаю мобилу из рук, когда на нее, как из рога изобилия, начинают сыпаться смс: «Этот абонент звонил вам...» «Этот абонент оставил вам голосовое сообщение...» «Этот абонент просит вас перезвонить...»

Этот абонент сидит и тупо пялится на непринятые звонки и непрочитанные сообщения, которые отправил он сам. И снова подскакиваю, когда уже мой сотовый начинает сигнализировать мне, что мой любимый абонент появился в сети. А я давя в себе желание взять оба этих гаджета и отправить в полет до ближайшей стенки, чтобы в страстном поцелуе умерли в один день. И они летят... на диванные подушки.

Ноут. Черный прямоугольник его жизни, в котором есть и частичка меня. Мне не совестно нагло лезть в личное пространство Елисея, когда открываю крышку бука, потому что у меня нет иного выхода. И лишь последняя Надежда найти в нем адреса, телефоны, фамилии хоть кого-то, кто знает Лиса.

И я вижу того, кто знает моего Ведьмака. Сразу, как только загорается экран. Я вижу себя, того самого, каким впервые показал себя Любимому. Сердце стискивает клещами, будто смотрю не на это размытое временем фото, а заглянул в любимую Душу и вижу себя его глазами. А следующий клик в один миг меняет нас местами.

Черная рубашка. Закатанные рукава. Расстегнутый ворот, потому что мне нечем дышать. На переднем плане уже висит маленькое голубое окно и нужно сделать выбор «Сохранить» или «Не сохранять», только взгляд все еще скользит по плывущим перед глазами строчкам...

Денис... Неслух ты мой любимый. Знал я, что ты не послушаешься и сорвешься ко мне, хотя честно, боялся этого. Как боялся и того, что что-то может пойти не так, как хотелось бы. Не хочу в это верить, гоню от себя дурные мысли, но если ты читаешь мое письмо, значит...

Любимый мой, не держи на меня зла. Прости, что не смог исполнить все свои обещания. Прости меня, эгоиста. Я хотел сделать тебя счастливым с первой секунды, как почувствовал твою душу, и честно пытался. Но, видимо, обстоятельства оказались сильнее меня, и тебе придется постараться самому...

Пожалуйста, малыш, будь сильным. Ты не должен впасть в отчаяние. Обещай вновь научиться радоваться и любить... Любить каждое новое утро, наполненное запахом свежесваренного кофе. Любить лучи солнца, что коснутся твоей кожи, и дуновение ветра, что взъерошит твои волосы. Прохладу свежих простыней и нежные объятия Морфея. И конечно же, любить СЕБЯ. Любить себя так, как любил тебя я. Не отказывая мне в такой малости.

И еще... Это очень важно! Послушайся меня хотя бы в этот раз. Я ушел не по собственной воле...

*** Audiomachine — The Truth ***

Что-то гасит во мне Свет, и где-то внутри зарождается звук. Страшный скрежет корежащегося металла. Мерзкий визг покрышек по асфальту. Скулеж ветра в водосточной трубе. Поднимается из глубин самого Ада, вырывается наружу диким нечеловеческим воем и вдруг обрывается, порождая звенящую ужасом тишину.

Тишину настолько глубокую, будто погиб целый Мир, и даже мое собственное сердце не отрицает этой мысли. Я не слышу его биения, и только чувствую, как отдается в грудную клетку каждый толчок. Каждый последний толчок отсчетом секунд моей жизни...

...Один, два, три...

Странное состояние. Точно какой таксидермист удалил из черепа мозг и набил его ватой. Мне не тепло и не холодно. Не грустно и не радостно. Не больно и не обидно. Мне вообще никак. Я никто... Вне времени. Вне пространства. Вне себя. У меня нет прошлого, я не помню его. У меня нет будущего, я не хочу в него. У меня теперь нет ничего... Ничего, что могло бы удержать в этой жизни...

...Пять, шесть, семь...

«Интересно, всем не страшно умирать или только мне?» — совершенно естественные мысли стоящего на краю бездны человека, единственным желанием которого стало шагнуть за эту самую черту. И я не боюсь. Нет и тени страха, что пугает ребенка, подростка, молодого человека, потому что я древний старец, перескочивший десятилетия за пару дней.

Очевидно, вместе с Лисом со мною рядом не стало той маленькой девочки, которая так любила пускать радужные мыльные пузыри, совсем как

те, что наполняют пространство вокруг. Наполняют, утекая через стекло, будто его и вовсе нет, а потом возвращаются и кружат странные хороводы, не отражаясь в зеркальных поверхностях, или дрожащими призрачными шарами скатываются по темному экрану плазмы, тают, истончаются, пока не гаснут остывающей вольфрамовой нитью. Наверное, так же угаснет моя жизнь...

...Восемь, девять...

Девять граммов. Я не просто так взял его с собой. Ведь что-то в мозгу перещелкнуло и подсказало: пригодится. И так даже проще, чем сидеть и выдавливать из блистеров горстки белых колес. Наверное проще...

...Одиннадцать, двенадцать...

«Ты своим апостолам пообещал, что не дашь человеку большей муки, чем тот сможет перенести? — презрительная насмешка трогает губы. — Ты был щедр ко мне на испытания. Ты ломал мою Веру в себя. Ты душил во мне Надежду на счастье. А теперь ты забрал мою Любовь... Ты действительно думаешь, что я смогу это вынести и не превратиться в чудовище? Ты искалечил мое тело, но я не дам тебе изуродовать мою душу. Она не твоя! Она принадлежит Лису».

...Двадцать, двадцать один...

Двадцать один грамм. Где-то внутри спряталась крохотная сущность, свернулась в тугой комочек-куколку и готова впасть в спячку, чтобы проснуться уже в другой жизни. Там, где ОН будет ждать меня. Ждать и искать среди миллионов молчаливых душ, а не тех странных, что наполняют мою пустую голову пронзительным писком и шелестом крыльев летучих мышей*.

— Замолчите! Это невыносимо! Я не понимаю, что вы говорите! — Хватаю воздух и захлебываюсь, точно восемь газовых составляющих улетучиваются, оставляя лишь водород и кислород, которые тут же становятся для меня губительной водой.

Двадцать шесть, двадцать семь...

Мне не дано отметить этой даты и ты единственная, кого буду молить о прощении. Я знаю, что высшая несправедливость в жизни, когда родители провожают в последний путь своих детей. Но, мама, ты же простишь мне эту слабость? Что не сдюжил. Не смог. Не сдержал данное тебе слово...

...Сорок, сорок один...

Просто пойми, я не могу без него. Я без него не хочу. Не хочу ничего... Я так долго искал свой укромный уголок в этом мире. Ждал того, кто смог бы принести в мою душу покой. А теперь его нет. И меня нет... Я та самая безликая тень, оставшаяся от человека, сожженного ядерным взрывом. Тень, что не может ничего знать и ничего чувствовать, а только следить, как время отщелкивает бесконечные минуты:

...Пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять...

Явь словно коматоз. Все вокруг вращается, размывая краски, очертания, сливаясь в серое торнадо, в эпицентре которого сверкает вспышка и проблеском молнии бьет в самое сердце. Резкий, невыносимо болезненный укол слева за грудиной оглушает, заставляя мучительно корчиться. Сжимаю кулаки, зубы, и за темнотой сжатых век вижу, как гаснет жизнь в любимых глазах.

А когда отпускает боль и уже могу сделать вдох, чувствую неуловимое движение, и за туманом застилающих очи слез различаю смутную тень, что трепещет на краю зрения, уплотняясь в отчетливо видимую фигуру. Распахиваю глаза и в упор смотрю на парня, стоящего в проеме двери. Черный силуэт, который я не спутаю ни с каким другим. Черное пальто, не застегнутое второпях.

— Лис... — шепчу одними губами, смертельно боясь спугнуть видение. Но парень молчит, а в следующий миг делает шаг и, превращаясь в темное облако, сметает со стола стройные ряды таблеток и разбросанные гербовые бумаги. Разрядившийся ноут и заряженный Макаp.

— Лис!!! — ору, вскакивая с дивана. Вихрем несусь за тенью, зажигая повсюду Свет и...

Встаю, как вкопанный. Я один. Уютная кухня, одинокая чашка у раковины в компании с изящной туркой, чисто вымытой, но каким-то непостижимым образом сохранившей аромат... Елисея — я чувствую его, когда разглядываю початую пачку сухариков на столе, в которой один надкусан...

— Лис... Отзовись, дай мне знак, я чувствую тебя... — разговаривая с тишиной, медленно поворачиваюсь вокруг себя, точно ищу ту грань, в отражении которой замечу его лик, но вижу лишь яркий огонек, что светлячком крутится у моей головы. — Любимый, это же ты... — тянусь рукой к светящемуся фантому, а хватаю пустоту, но под кожей, ощущая присутствие своего собрата, начинает гореть и пульсировать недобитая татуировка.

— Любимый, прости, — не говорю — думаю, но знаю: Лис слышит меня. — Я не могу пообещать тебе того, что ты просил, — сглатывая подступивший к горлу ком, смазываю сочащуюся из носа кровь, глядя, как крупные капли разбиваются об пол, раскрашивая его алыми кляксами.

— Ты когда-то сказал мне, что если я уйду за грань, ты последуешь за мной. Я тогда поверил тебе, поверил как никогда и никому. И пусть судьба распорядилась по-своему, теперь ты поверь мне... — Меня подхватывает вихрем, неумолимо тянет к Елисею в черный смертельный водоворот, вслед за летучим сиянием, что затухает, медленно просачиваясь через стену. — Я тебя не отпускаю!!!

Срываюсь в зал, поднимая с пола оброненный ствол.

— Я иду за тобой, Любимый...

*****The Anix — Black Space*****

Примечание к части

Дивный презент к главе от Неправильной принцессы. Иринка, благодарим.))

<https://pp.userapi.com/c851428/v851428997/315a5/Et5vH8gJpPI.jpg>

И еще удивительный коллаж от ЯКиЦуня:

https://pp.userapi.com/c845220/v845220175/1232f2/SWypaxjf_Ug.jpg

*****

Музыка:

Massive Attack. Mezzanine - <https://www.youtube.com/watch?v=bcsjz0HXGYk>

Koven. Final Call - <https://www.youtube.com/watch?v=syPmjS4Pc-0>

Tainted Love - <https://www.youtube.com/watch?v=cRCOcIPIGHc>

Audiomachine. The Truth - <https://www.youtube.com/watch?v=AjZbD9GJNz4>

писком и шелестом крыльев летучих мышей - <http://noisefx.ru/skachat-zvuki-letuchix-myshej.html>

The Anix - Black Space https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=7lu9_sa6ecg

Звездюлины:

я захлебываюсь счастьем - Токио "Кто я без тебя"

паузы в словах - Макаревич

пространства Эшера <https://pp.userapi.com/c849136/v849136164/a2e33/8Y6E2cmYI4A.jpg>

все всегда произойдет, все всегда сбывается - С. Михалков

светами - симбиоз свет + цветы (ничего не знаю, я так хочу!)

Приятного путешествия с... Вы обслуживаетесь... - да-да, пока мы писали, к радости абонентов большой четверки такую хрень, как роуминг, отменили.

Часть третья. Любовь. Песнь двенадцатая. Евангелие от Елисея

Audiomachine — The Truth

— Бес! — хриплый окрик за спиной.

Разворачиваюсь на автомате, и в тот же миг мощный толчок в грудь опрокидывает меня навзничь. Раскинув руки, смотрю в небеса, где над мной разрывается их белесый покров и закручивается в черную воронку разрастающегося торнадо. Не оторвать глаз от завораживающей своей притягательной опасностью силы, но не страх, что эта стихия сейчас захватит меня в полон, а четкое осознание, что мне нужно спешить, молниеносно поднимает на ноги.

Спешу... Стремительно несусь, на бегу отряхивая пальто и не сразу замечая, как что-то изменилось в пространстве, исказило формы, геометрию. И привычно сходящиеся на удалении параллельные прямые удаляются друг от друга плавными параболами, противореча всем земным законам и ломая мозг.

Что-то приглушило звуки, точно залив уши воском, но какой-то рваный, неясный ритм все еще доходит до перепонок, только идет изнутри меня.

Что-то стерло цвета, будто я попал в черно-белое кино, только белого в нем тоже нет, потому что все вокруг покрыто тонким слоем цементной пыли: и серые обезлюдевшие улицы, и асфальт, разбегающийся под ногами глубокими рваными трещинами, и обугленные остовы деревьев, тянущие к небесам изломанные коряги-ветви. А в непроглядном мраке наступающей ночи причудливым вихрем зависли замороженные в вязкий воздух хлопья серого снега. Кажется, хлопья в ладоши — и отомрут, как Помпею погрузив под пласты пепла этот сюрреалистический мир, где все мне знакомо и все чужое. Но ничто не движется там, где остановилось время.

Душа обмирает от ужаса, когда понимаю, куда попал, и точно в ответ на это осознание цепенеет тело, прорастая стылými кристаллами вселенского холода.

«Нет... Нет. Нет! Только не сейчас... — Вся моя сущность, пронзаемая морозными иглами, дергается, извивается, не желая принимать реальность. — Я не могу. Не имею права!» — судорожно проталкиваю в себя кисельный воздух, видя, как надо мною небо рассыпается в прах.

«Соберись, Лис. Ну же! — Сжимаю кулаки, пытаюсь унять накачивающую панику. — Ты никогда не был слабаком. А сейчас у тебя нет и мгновения на слабость. Ты должен спасти Дениса и даже старуха с косой не остановит тебя в шаге от Любимого. Но надо спешить. Задержаться тут — значит подписать приговор нам обоим. Ты должен найти точку возврата. Вот только где ее искать?..»

Zack Hemsey - "The Way (Instrumental)"

Задирая голову, скольжу взглядом по грязным панелям своего дома, по глазницам окон, только что приветливо лучащихся желтым, а теперь затянутых мутными бельмами и безвозвратно ослепших. И только на какой-то недостижимой высоте голубоватым отсветом включенной плазмы лунится неясное мерцание. Мне нужно туда. Там мой Денис. Я должен успеть.

Несусь к подъезду, распахиваю дверь и следующим шагом оступаюсь, как оступаешь, ожидая почувствовать под ногой ступеньку, а ее там нет. Хватаюсь за стены, пытаюсь сохранить равновесие, но и привычных стен тоже нет.

Вправо, влево, прямо извилистые тоннели бесконечных коридоров. Пустых и заваленных невообразимым хламом. Стерильно чистых, и засыпанных окурками и крысиным пометом. В них нет ламп, но ртутный дрожащий свет сочится прямо из стен и освещает двери, двери, двери...

Массивные дубовые врата и хлипкие фанерные калитки. На простой деревенской щеколде или с кодовым замком банковских хранилищ. С вычурными коваными ручками или без ручек вовсе. Все, как одна, закрыты, но уверен: стоит захотеть, любая распахнется настежь. Но которая из них моя?

Я не знаю куда идти. Я не знаю, куда свернуть. Я не знаю, как не ошибиться с выбором и есть ли у меня право на ошибку.

— Дэн! — отчаянно кричу в пустоту и не слышу своего голоса. Но ответ прилетает легким дуновением ветра через разорванную сетку, шелестит на грани слышимости голосом с родными нотками: «Лис-с-с-с-с-с-с...»

Бегу в темноту на звук, наткнувшись на двери лифта. Неистово барабаню ладонью по кнопке, но ничего не происходит. С досады пинаю по преграде, и створки услужливо разъезжаются в стороны. Едва не шагая вперед, в ужасе хватаюсь за обрамление, видя, что кабинки нет, а перед глазами висят натянутые струны тросов, уходящие в бездонную шахту, откуда мне в лицо бьет тяжелый смрадный выдох, заставляя тотчас отпрянуть.

Закрывая нос рукавом, устремляюсь прочь в бетонный полуразрушенный хаос лестниц. Направо, вверх, перепрыгивая через ступени, что крошатся под ногами, осыпаясь тонкими струйками серого тлена. Направо, вверх, чуть не срываясь, когда под рукой вдруг не оказывается перил, а лишь срезанные штыри ржавой арматуры. Направо, вверх, прижимаясь к обшарпанной стене, когда ступени вдруг истончаются до призрачной тропы, точно сам Дьявол хочет мне помешать. Направо, вверх — нескончаемая череда пролетов, мимо закрытых дверей и затянута́тых матовой пеленой окон, мимо забытого кем-то засохшего кактуса, мимо искореженных неведомой силой труб, мимо рваной паутины проводов, мимо уродливого засохшего кактуса...

Стоп. Дыхание со свистом разрывает легкие, когда понимаю, что бегаю по кругу, точно попав в безумную иллюзию Пенроуза*, из которой нет выхода, разве что... разбить саму иллюзию.

Подхватывая с пола горшок с колючей мумией, швыряю его в окно, разрывая мутный покров. И в тонком конусе света, упавшем на растрескавшуюся стену, читаю вдруг проступившую полустертую, оставленную какими-то влюбленными чудиками надпись: «В+Н=Л».

Радостный проблеск Надежды согревает душу — это мой этаж. Привычным движением хлопаю по карманам в поисках ключа, но дверь тихо приоткрывается сама и замирает, будто пристегнутая на цепочку. Только никакие препоны не остановят меня сейчас. Рву на себя бронированное полотно, вихрем пролетая мимо груды своих собранных в путь чемоданов.

— Денис! — ору, всей душой надеясь увидеть моего парня. Но...

Я один. Сидя на диване сжимаю разрывающиеся болью виски. Черная рубашка. Закатанные рукава. Расстегнутый ворот, потому что мне нечем дышать. Как же тяжело держать лицо и ничем не выдать себя, глядя в наполненные тревогой глаза Любимого, когда в тебе корежит душу.

«Все будет хорошо. Все у нас будет», — мысленно твержу себе то, во что так хочу верить и уже вслух уверяю Дениса в этом.

— Обещаешь?.. — глупая просьба моего голодного мальчишки одеть эту долбаную рубашку.

— Обещаю. — Что я еще могу сказать родному человеку, явственно ощущая диссонанс разрывающих его чувств. Я бы многое отдал за то, чтобы прижать Дениса к себе и, чувствуя тепло его тела, наговорить кучу всяких глупостей, но могу лишь коснуться его лица на мониторе. — Люблю тебя, малыш, — мягко очертить ладонью скулы и этот рваный шрам. — Не скучай и не переживай, — провести пальцем по упрямо сжатым губам. — Помни. Я тебя слышу.

— И я тебя...

Да, Любимый, ты меня слышишь. В этом я не сомневаюсь. Иначе не читалась бы сейчас в любимых глазах эта боль. Но не тянись ко мне, когда мне и так невыносимо тяжело отрывать себя от тебя, а выключая скайп, видеть маленькое голубое окно. И нужно сделать выбор: «Сохранить» или «Не сохранять?», только взгляд все еще скользит по плывущим перед глазами строчкам:

...И еще... Это очень важно! Послушайся меня хотя бы в этот раз. Я ушел не по собственной воле и ты должен дать мне слово, что не пойдешь вслед за мной. ЗАПОМНИ: потеремся на века!

Малыш, знаю, что тебе будет тяжело, но ты должен жить и пройти свой путь до конца. Поэтому не прошу — требую: ни во что не соваться. Какие бы черные мысли не лезли в твою бедовую головушку, сожги все до одной. Не губи свою светлую душу.

Какие бы Демоны — реальные и надуманные — не одолевали тебя, никому не верь. Никого не слушай. Я всегда был с тобой честен. Таковым и останусь. На столе папка с документами на имущество, номер телефона риэлтора и нотариуса. Продай все и уезжай. Начни жить заново. Вылези из своего паучьего угла и путешествуй. Съезди, куда захочешь. В Европу или Азию, Африку или Америки. Да хоть на полюса. И, конечно, смотайся в Японию. Я хочу увидеть мир твоими глазами.

В ответ обещаю: я всегда буду рядом с тобой, всегда буду оберегать тебя, пока ты будешь нуждаться во мне. Просто очнись, открой разум непознанному. ПРИМИ СВОЙ ДАР и почувствуй в себе СВЕТ. Не гаси неверием.

Ты моя единственная любовь, моя нежность, моя страсть, мой родной. Я безумно благодарен той силе, что свела нас вместе. Пусть и недолго, но я был счастлив и за это благодарю тебя. Не отчаивайся! Будь сильным! Просто ВЕРЬ — я нашел тебя в этой жизни, найду и в следующей. Люблю тебя. Твой Я.

«Зачем написал это письмо? — Так и тянет вклеить самому себе затрепанную только за то, что допустил саму мысль о фатальном исходе, не говоря уже о том, что настолько скрупулезно подготовился. — Я бы сошел с ума, если бы что-то подобное оставил мне Денис. — И я уже готов кликнуть по «Не сохранять», но все же отвожу курсор. — Пусть полежит до конца операции. Ну так... на всякий случай. Все же оказавшись между двух огней, даже хитрому Лису не просто просчитать намерения коварных охотников. Но я верю, что все обойдется. Вернусь — удалю это чертовое письмо нахрен и рвану к Дениске отогреться». — А пока...

Пытаюсь унять дрожь, согреть коченеющие пальцы и не могу. Кажется, мое дыхание еще сильнее холодит их, будто выдыхаю фреон. Странно, что в прошлый раз я горел, точно по венам текла магма, а сейчас стылый холод сочится изнутри, вымораживая кости. Я должен согреться. Найти свой огонек. Мне нужно спешить.

«Дождись меня, малыш», — бросая беглый взгляд на лежащий поверх папки с документами телефон, срываюсь с места и распахиваю только что закрытую дверь...

Снежный буран кидает в лицо пригоршню колючего пуха, и я иду навстречу ветру*, что терзает полы черного пальто. Ноги в слишком легких для этого времени года ботинках спешат по грязному растрескавшемуся тротуару, а через миг упираются в педали сцепления и газа.

Акселератор в пол. Гоню тачку неизвестно куда, напряженно вглядываясь за мельтешащие щетки дворников, сметающих с лобового стекла назойливых серых мух, и не вижу что там — впереди. Реальность тонет в пепельной мгле, которая скрывает развилки дорог, повороты, знаки, стирает очертания домов, превращая их в неясные темные силуэты. И кажется каким-то безумством парящий в воздухе светофор, каждый миг переключающийся с серого на серый.

Серый... Серый... Такой же, как глаза Дениса. Его взгляд, буравящий мой затылок заставляет обернуться, а в следующий миг бью по тормозам, видя, как из ниоткуда на меня надвигается каменная махина — ни объехать, ни обойти.

Мрачные, уходящие в небеса стены, точно гигантский ребенок играл в исполинские кубики, нагромождая их в немыслимо шатком порядке. Кажется, бахни где-то на другом континенте петарда, и этот колосс на глиняных ножках рассыпется кучей мусора, но нет — стоит не шелохнется, будто бы знает свою точку равновесия. Да и три колонны-кита*, подпирая капитальную крышу с зубчатым парапетом, не дают сооружению развалиться.

И чем ближе подхожу, тем выше становится громада, нависая надо мною неприступным утесом и преграждая путь настолько тяжелыми, массивными дверями, что не каждому под силу открыть, не испугавшись свернувшихся уроборосом ручек-змей. Замираю, видя, как меня изучающе сканируют их мутные халцедоны-глаза и шевелятся графитовые пластинки-чешуйки, наводя на мысль, что сейчас эти рептилии выплунут из пасти свои хвосты и высунут раздвоенные язычки, пробуя воздух на вкус. Вкус железа. Скорей. И если никак нельзя обойти, мне нужно идти напролом. Отметая морок, распахиваю дверь и...

Меня захватывает людской водоворот: большие начальники, начальники помельче, работяги и дармоеды, мужчины в гражданском, женщины в форме; парни в бронежилетах, спрятанных под строгими костюмами или надетых поверх камуфляжа.

«Мне, конечно, такого не предусмотрено», — криво усмехаюсь, провожая взглядом группу захвата и стараясь не замечать темное нечто, схоронившееся по углам и сосущее зловонный гной из напитанных им стен.

Мой чеканный шаг множится, метаясь эхом по крашеным коридорам. Знакомый кабинет, что за последние месяцы уходящего года стал штаб-квартирой и остоебенил до блевотины вместе со всеми пришлыми «борцами со злом», от которых так и фонит жаждой наживы. И вместе с его постоянным обитателем, которого люто ненавижу, но которому протягиваю и пожимаю руку.

— Не передумал? — Дьявольские глаза Митлана неотрывно смотрят в мои, посверкивая зелеными искрами Азарта.

— Нет, — не сомневаюсь, принимая черный дипломат и всей душой стремясь быть подальше от всего этого театра. Но отступать не привык, да и некуда: я связан словом и не прошу себе, если из-за моей слабости пострадает Дэн. Осталось совсем немного: сыграть финальный акт в этом спектакле абсурда, а дальше дело техники и группы захвата. И я очень надеюсь, что в заключительной мизансцене никто из массовки совершенно случайно не проломит мне черепушку или не пустит «шальную» пулю в лоб.

Только зная Митлана, такой вариант нельзя исключать, но я все еще рассчитываю, что человек, которому так пошли бы витые рога, козлиные копыта, шипастый хвост и еще, пожалуй, перепончатые крылья, не до конца растерял честь и сдержит данное мне слово. Хотя, веры в это у меня уже давно нет.

«Блять, как меня занесло в эту свору шакалов? Чем я думал?» — едва сдерживая желание брезгливо поморщиться, отхожу от Митлана, спинным мозгом чувствуя на себе его пристальный взгляд.

«Как бы я хотел увидеть совсем другие глаза, — даже сейчас не могу не думать о Денисе, и рука сама собой тянется в карман. Любовно поглаживаю подарок, за гравированной броней которого спрятался мой личный хранитель. — Как ты там, мой Светлый? Все еще накручиваешь, сидя в своем паучьем углу, или все же выбрался на прогулку?» — Палец жмет на кнопку, и стальная крышка отскакивает, для меня одного обнажая любимую улыбку и треснувшее стекло, за которым точеные пики стрелок показывают время: тринадцать тридцать...

«Время... Время! Я должен быть не здесь. Мне нужно к Дэну!» — решительно шагаю к двери, мимо бронированного ящика сейфа, в котором легко поместилась бы чертова дюжина скелетов. Дергаю ручку и оказываюсь в причудливом лабиринте из зеркальных стен, образующих бескончаемые коридоры, в каждом из которых стою я, растерянно оглядывающийся по сторонам, и каждое мое движение повторяется мириадами меня.

Лучше не смотреть, чтобы не сойти с ума. Да и, попав в это пространство, будешь идти до бесконечности и так и не придешь никуда. Закрывая глаза, решительно шагаю сквозь стекло, внезапно захлебываясь глотком морозного коктейля. Серебро амальгамы клубится вокруг белесым туманом, точно кучевое облако вдруг опустилось на землю. Пытаюсь понять где я, но мысли путаются, останавливаясь лишь на том, насколько здесь холодно.

Крепкий мороз парит белесым облачком изо рта, щиплет стылými призрачными щупальцами уши, нос. За клубящейся дымкой то и дело проскакивают суетливые тени всех оттенков серого: от гейнсборо до маренго, и что-то шепчут, шепчут, шепчут. Не хочу слышать этот раздражающий шелест, мне нужно идти на зов Дениса. Вот только куда?

Выдергивая из кармана телефон пытаюсь немислимым для этого места образом связаться с Любимым, но сети ожидаемо нет. Все еще на что-то надеясь, держу трубку и торопливо шагаю мимо матового молока стеклянной витрины, пряча лицо в воротник пальто, и внезапно легкое дуновение приносит божественный запах свежей выпечки, согревая душу какими-то далекими воспоминаниями. А следом, точно чрез океанскую толщу воды, пробивается родной голос:

— Ли-и-и-и-ис...

Теряя равновесие, чуть не падаю, поскользываясь на накатанной наледи. Ищу в мельтешащих повсюду безликих силуэтах ту тень, что покажет мне свои глаза, но призрачный мир вокруг уже сползает непросохшей краской по холсту, а меня спят фары проезжающей мимо машины...

Сидя в салоне своего авто, слушаю горячие мольбы Любимого. Меня захлестывает его отчаянная Любовь изгибом плети вокруг тела, принося нестерпимо жгучую боль наказанием без вины. Но я крепко-накрепко запираю всех своих Демонов в ящик Пандоры, чтобы не фонить ими в резонанс с чувствами Дениса. С трудом, но справляюсь, и неестественное, почти мертвенное спокойствие окутывает душу зеркальным коконом.

— Денис, мне нужно идти, — сжимая в руке телефон, вижу, как у служебной, ничем не приметной «лады» меня уже ждут такие же неприметные, но далеко не штатские парни в штатском. — Не волнуйся, милый, это ненадолго, — верю, что так и будет, в этот самый миг решая, что выведу не утром, а прямо в ночь. — Я очень сильно люблю тебя, Денис.

И в этой затянувшейся паузе буквально чувствую, как звенят, отскакивая от моего щита, корпускулы взрывных эмоций Дениса. Нестерпимое искушение открыться, поймать хоть какую-то из них на миг прошивает сознание, но я тут же отметаю его прочь. Мой разум должен быть холодным, как лед, и сейчас я не могу позволить чувствам захлестнуть нас обоих.

— Люблю тебя. Жду... — Мысленно благодарю моего Любимого, за то, что он умеет находить нужные слова, а в этот миг для меня они самые правильные и важные.

Люби меня, малыш. И жди. Мне так нужно, чтобы ты меня ждал, когда отключаю телефон, оставляя тебя наедине со своими мыслями. Ждал, когда еду на место встречи с Аладдином. Ждал, когда, прихватывая дипломат, покидаю непривычное пространство чужого авто и решительно направляюсь к стоящему вдалеке джипу. Ждал, когда остаюсь один на один с безжалостным убийцей, для которого человеческая жизнь не стоит ни одного гроша из тех, что плачу ему за крупную партию отборной дури.

— Приятно с тобой иметь дело, Бес, — звучит бархатный баритон с легким восточным акцентом, которого я раньше не замечал. — Или лучше по имени? — Красивая и такая не искренняя улыбка Аладдина не внушает доверия.

Я весь на нервах в последние минуты смертельно опасного шоу. И на бис я не выйду, как бы и кто ни просил. Выплеск адреналина почти оглушает, когда мысленно веду отсчет: «Пять, четыре, три, два...»

На «один» джип содрогается от резкого удара, и темная паутина разбитого стекла повисает на тонирующей пленке.

— Не двигаться, суки! Стреляю без предупреждения! — Новый удар приклада в лобовое, и колючее крошево прозрачными слезами забрызгивает все вокруг: приборную панель, кожаную обивку сидений и застывших на них людей. — Не рыпаться, мать вашу! — И в следующий миг богатыри в масках выдергивают меня из авто, утыкая лицом в серую кашу снега и до боли в суставах выворачивая руки.

Краем глаза замечаю, как рослый парень выплевывает в лицо прижатому к джипу Аладдину оскорбления вперемешку с насмешками — не получилось откупиться на месте. Но и мне нелегко...

До последней запятой знал весь сценарий, готовился, но спектакль настолько реалистичен, что мой звериный нрав тут же принимает весь этот балаган за реальное действо и показывает зубы, заставляя противиться насилию, пока чей-то крепкий мысок берцы не врежется под ребра, вышибая дух, а холодный металл наручников не сковывает запястья.

«Блять», — цежу сквозь стиснутые от боли зубы, когда меня за вывернутые руки вздергивают на ноги. Сердце еще выскакивает из груди от страха, что в любую минуту все могло пойти не по плану. Но до перегруженного мозга уже доходит осознание, что все так и должно быть. Что спектакль для одного-единственного зрителя — Аладдина отыгран. И что это ВСЕ! The end. Finis. Finita la comedia. КОНЕЦ!!! Авансцена. Падает занавес. Софиты гаснут. Тьма...

Тьма растекается подо мной зыбучими песками. Пытаюсь вытянуть руку, ногу, но каждое мое действие — бесплодная попытка вырваться из стекающего в воронку песочных часов времени, в котором я лишь крохотная песчинка. Песчинка, которой нужно не потеряться в этом монотонном сыпучем потоке. Не потеряться. Не потерять себя. Не потерять его. Мой свет...

Резко подскакиваю с деревянного топчана и снова начинаю метаться в каменном мешке. Здесь пространство несчетно раз измерено шагами: три до двери, три обратно, но с каждой секундой стены сближаются, делая шаги все короче и короче. Здесь нет окон, и время теряет смысл. Здесь в углу, у параша, валяется мой раскуроченный ящик Пандоры, из которого один за другим выползают, вылетают, выкарабкиваются уродливые чудовища.

Вырываются на свободу и, расправляя кожистые и оперенные крылья, похрустывая затекшими суставами и клацая зубастыми челюстями, кривя безобразные лица и морды, встают плечо к плечу плотным кольцом. И, сжимая круг, голодные, злые, безумные гасят во мне Свет, высвобождая темную Силу и коронуя меня на царство.

Я их Господин. Владыка. Царь. На одном плече у меня Асмодей*, на другом Велиал*, а вокруг мое верное войско. И единственное, чего сейчас хочу — обнажить клинок и уничтожить любого, кто встанет у меня на пути.

— Иди сюда, трусливая сука! Поговорим по-мужски! — срывается с цепи бесстрашный задира-Гриффон и, жажда возмездия, кидается в бой, побуждая меня снова и снова колотить по железной двери то сбитыми до крови кулаками, то ногами в ботинках без шнурков.

— Значит так ты слово держишь?! — потакая неудержимому зверю с сердцем льва и клювом орла, срываю голос, пытаюсь доораться до одного местного лже-царька. Но этой глухой ночью не то что царь — ни один привратник не удостоивает вниманием мою персону «нон грата». А персону не сдается и продолжает орать в никуда: — Что ты за мужик после этого?!

— Он мстит тебе, — шипит за спиной Мегера-Мстительность, щекоча мои нервные окончания змеящимися волосами. — Только представь, каково сейчас Денису? Что он может себе напридумывать? О тебе? О себе? О вас? — и подстрекает к вендетте: — Ты не имеешь права оставить безнаказанным подлеца.

— Ты за все ответишь! — вторю своему монстру. — И за то, что я хуй знает сколько тут сижу. И за то, что не дал позвонить. И за то, что ты, с-с-сука, про меня типа забыл, — в бессильной злобе сыплю угрозами, скрежеща зубами и царапая грязными обломанными ногтями каменную кладку каземата. Но мои ногти, как и когти моих взбешенных монстров, проигрывают этим нерушимым стенам.

— Сломать меня решил? — выскакивает на арену Минотавр-Упрямство, свирепо трясет башкой с увесистыми рогами и, пуская ноздрями дым, бьет копытом, поднимая тучи пыли.

— Да хуй ты угадал! — красная пелена застилает глаза при одной только мысли прогнуться под Бориса. — Я тебя, падаль, насквозь вижу!

— Видишь, да видать не все. Поверил сладким речам Иуды. Его благим намерениям, которыми сам знаешь куда дорога выслана, — подергивая львиной шкурой, поворачивает ко мне мое же искаженное гневом лицо Мантикора-Самоирония и, скаля все три ряда клиновидных зубов, капает кислотой на свежие раны: — Признай уже, что Митлан сделал тебя, как пацана.

— Я не проиграл! — хватаю за горло тварь, жальщую мое израненное Эго скорпионьим хвостом, представляя, с каким наслаждением вот так же сожму глотку Митлана и сломаю ему кадык. — Как только выйду отсюда... А Я ВЫЙДУ!!! — не могу сдержать рвущегося в атаку Цербера-Ярость. — Я уничтожу тебя!

— Раздавлю, как гниду! — хором вторят мне чудовищные морды Демона о трех головах и клацают острыми как бритва клыками.

— Вырву твою гнилую печень и скормлю собакам! — подливает яду в черный котел моих греховных мыслей Ехидна-Жестокость и обвивает меня змеиным телом, предлагая свои мечи.

Но оружие падает из рук. Задыхаюсь в цепких объятиях своих Демонов, что без удержу беснуются вокруг жертвенного костра, в адском пламени которого корчится моя нанизанная на вертел душа.

— Будь ты проклят... Ненавижу... — шепчет моими ссохшимися губами Гарпия-Ненависть и, точно подранок хлопая рваными перепонками крыл, царапает грудь когтистыми лапами, пытаюсь вырвать из нее нестерпимо болящее сердце.

— Ты не имеешь права! Выпусти меня отсюда! — бессмысленные слова отскакивают горохом от стенок, и никто меня не слышит, а монструозные извращенцы продолжают разнузданные оргии с моим разумом. И сколь не отбиваюсь от насильников, меня снова и снова кидают на ватный тюфяк бессилия, грубо лапают и, целуя в засос, омерзительными пиявками вытягивают жизненные силы.

Мутит от отвращения. К горлу подступает горечь смертельной обиды и меня выворачивает наизнанку обжигающей желчью. Тихо сползаю по

стене, трясаясь от холода.

— Дени-и-ис... — сиплым выдохом срывается с губ имя моей Веры, моей Надежды, моей Любви. Безумным взглядом ищу того, кто не даст мне сойти с ума. Но его со мной нет, и тьма поглощает меня. Я без сил вязну в черном болоте Отчаяния...

Куда ни гляну, от горизонта до горизонта бескрайняя трясина, покрытая зыбким ковром гниющей травы с одиночными штырями чахлах деревьев. Редкие озера открытой воды поблескивают угольной чернотой, но, зачерпывая пригоршню влаги, я вижу в ладонях только зловонную грязь.

Брезгливо вытираю руки и снова бреду сам не зная куда, еле вытягивая ноги из вязкой жижи, пузырящейся болотными газами и рискуя каждым следующим шагом провалиться в бездонную топь.

Где же край этого света, берег, на котором почувствую под ногами твердую почву? Точно злые духи сбивают меня с пути, и я уже как тот древний мудрец готов молить о точке опоры, чтобы перевернуть этот мир и вернуться в свой. Но здесь не работают ни заговоры, ни законы природы и над головой висит все тот же купол серого неба, готового разразиться ливнем и окончательно скрыть от меня горизонт.

— Ты потерялся. Ты не выберешься, — гнусно зудит над ухом комар-Безнадега.

«Лис, ты сможешь! Ты сильный», — отмахиваясь от гнуса, твержу себе и отчаянно хватаюсь за режущую ладони осоку.

— Сколько ни барахтайся, сдохнешь тут! — присасывается пиявка-Астения, и силы уходят с каждым шагом. В изнеможении спотыкаюсь и падаю. Руки по локоть уходят в склизкую кашу, но упрямо мотаю головой:

«Ты должен. Ради Дениса. Блять, двигайся. Вперед!» — Но уже ощущаю на шее тонкие холодные пальцы кикиморы-Обреченности, что медленно и верно перекрывают кислород, заставляя разум метаться по собственному лабиринту, и каждый раз упираться в тупик, выбирая неверный путь. И я готов взвыть раненым зверем...

— Денис! — мой крик разрывает мертвую тишину. — Любимый! Я потеряюсь без тебя*. Утону в мерзком пузырящемся газами болоте. Смешаюсь с никому не нужным мусором. Стану прахом, пеплом. Помогите... — И точно в ответ на мои мольбы яркий всполох прорезает свинцовые тучи, на мгновение ослепляя, а когда открываю глаза, юркая тень мелькает в жухлой траве.

То ли дух, то ли демон — полупрозрачный зверек с угольками глаз и черно-бурой шерсткой, будто это место и у него отняло яркие цвета — скачет между кочками, то удаляясь, а то возвращаясь, дразнит мои охотничьи инстинкты и побуждает погнаться за пушистыми хвостами.

Не знаю откуда берутся силы, но поднимаюсь и иду след в след за своим прытким проводником, страшась потерять его из виду. Не ведал, что спасительный берег был так близко, но с каждым шагом все меньше вокруг проплешин торфяной воды, все больше сухих островков на моем пути.

Ноги дрожат, когда выбираюсь на твердую землю. Тянусь к своему спасителю, но тот не дается в руки и скрывается в кустах. Падаю в мягкий мох. Дрема вязкая, зыбкая, наливая тело свинцом, смыкает веки. В забытие лечу, кувыркаясь, вращаясь в пространстве, в котором уже не знаю, где верх, а где низ, пока вдруг не зависаю над своей собственной кроватью...

На моем траходроме, безжалостно сминая покрывало в египетских богах и так по-детски поджимая колени, спит мой личный бог — мой Денис.

— Дэн... — Не верю собственным глазам, но душу уже наполняет щемящей нежностью: «Мой малыш ждет меня дома. Приехал, не послушался», — и меня одолевает нестерпимая жажда придавить Любимого к постели тяжестью своего тела, которого сейчас и сам не ощущаю и вынужден невесомым перышком примоститься за спиной Дениса и забыться тревожным сном, чувствуя в мыслях такой долгожданный покой.

Мой Бог властвует надо мной и над моими Демонами, сгорающими в его свете, и разум окутывает невесомое облако тишины. Такой трепетной. Такой чуткой, что каждое дуновение ветра может рассеять этот невесомый нимбус. И где-то на задворках сознания, разрушая идиллию, уже слышится назойливый скрежет серой крысы-Тревоги. А следом резкий металлический лязг безжалостно выдергивает меня из нашей кровати, и я вздрагиваю, просыпаясь в стенах каземата...

— Жданов. На выход! Руки за спину, — первое человеческое существо за прошедшую вечность снова сковывает мои запястья браслетами.

Снова узкие обшарпанные переходы и бесчисленные решетчатые створки открываются и закрываются за спиной. Снова гулкие цивильные коридоры и массивные двери, за которыми вершатся «праведные» дела. Снова давящая аура этого поганого места, только я никого и ничего не вижу.

Потому что вымотан до предела физически. Потому что в край истощен морально. Потому что глядя на редкие проемы окон, за которыми царствует ночь, понимаю, что я здесь уже как минимум сутки.

Сутки, что я просуществовал без Дениса в самокопании и бесконечной борьбе со своими Демонами. Сутки, что провел Денис без меня в неведении и душевных метаниях. Сутки, когда я терял силы, а сейчас готов на брюхе ползти к нему. Сутки, когда Дэн, наплевав на запреты, мчался ко мне, а сейчас ждет в моей квартире. Сутки, когда я не мог позвонить и сообщить любимому, что я живой и почти в порядке. Сутки, и Дэн все еще не знает, где я, а на столе...

«Даже если Дэн уже прочел мое прощальное письмо, я должен дать ему знать, что живой, — ускоряю шаг так, что конвоир едва поспевает за мной. — Мне надо успеть», — твержу, словно заклятие, и за следующим поворотом скрежешу с досады зубами.

— Лицом к стене! — команда, которую откровенно игнорирую, упрямо вздергивая подбородок, открыто встречаю пронзительный взгляд, прожигающий меня насквозь.

Аладдин. Уже не принц, но пока еще и не нищий, хотя столь заметно растерявший весь лоск и стать, что в нем сложно угадать былое величие известного наркобарона. Постарел, осунулся, присмирел, но все еще не сдался, не желая стать чьей-то кормушкой. И, увидев меня, грозный хищник рвется в атаку, но вдруг в нерешительности замирает, а приоткрытые было губы наркодилера смыкаются, так и не проронив ни звука.

И я тоже молчу, но после суток в камере в компании собственных чудовищ мой безумный взгляд говорит красноречивее языка. В нем неутолимая жажда убийства. И каждая безвозвратно ушедшая минута делает эту жажду все нестерпимее, приправляя ее горестью осознания, что не вижу, какой удел ждет меня за следующей дверью.

Единственное, что очевидно — на милость Митлана рассчитывать не приходится, ибо мое затянувшееся пребывание в кутузке — его рук дело. И если эта мразь захочет, запросто отправит меня по этапу, и не куда-нибудь, а напрямую в черную зону*, где я буду ярким алым* пятном, с которыми в этих местах слишком часто происходят «несчастные» случаи.

И даже если следствие, тюрьма, зона — мне сейчас на все это велико похрен. Без боя по-любому не сдамся. Так или иначе добьюсь правды и вернусь к Любимому. Главное, чтобы он дождался, и мне во что бы то ни стало нужно связаться с Денисом. Я просто не имею права отнимать у него лучик Надежды.

И, стоя перед знакомым кабинетом, уже воинственно расправляю плечи и не прячу ненависти во взгляде, спокойно шагая в открытую передо мной дверь.

— Елисей, ну и видок, — расплывается в шакалей улыбке Борис, с поборота вызывая острый приступ бешенства. — Ты уж прости мой маленький недогляд. Не думал, что без меня мои олухи элементарные вещи сделать не могут. Только сейчас узнал, что тебя не отпустили.

— Да-да... Я так и подумал, — потираю затекшие запястья, наконец-то освобожденные от оков и, провожая взглядом закрывающего дверь конвоира, уже не гашу в себе «души прекрасные порывы»: яростным Гриффоном налетаю на мента и Минотавром припечатываю его к стене.

— Хочешь, чтобы я поверил в этот бред?.. — цежу сквозь зубы злобной Мегерой и сжимаю пальцы мертвой хваткой на шее Митлана.

— Ты этого добивался? — Цербер во мне уже готов свернуть позвонки подонку, а Ехидна ликует, видя, как багровеет лицо Бориса.

— Отвечай!!! — рывкает Гарпия, впадая в неистовство от неправдоподобно слабых попыток к сопротивлению.

— Хор-р-рош... — хрипит Борис. — Даже сейчас хорош-ш-ш, истинный Бес...

Я смотрю в темные глаза безумца, горящие больным восхищением. В глаза религиозного фанатика, без тени сомнения шагающего в ритуальный костер. В излучающие похоть глаза маньяка, от которого не пахнет страхом, но разит возбуждением. А когда ненароком касаюсь бедром оттопыренной ширинки, рвотный позыв подкатывает к горлу. Но, давя в себе отвращение, я хочу, чтобы он заглянул в глаза смерти и сильнее сжимаю пальцы...

Что-то гасит вокруг Свет, и где-то внутри зарождается звук. Страшный скрежет корежащегося металла. Мерзкий визг покрышек по асфальту. Скулеж ветра в водосточной трубе. Поднимается из глубин самого Ада, вырывается наружу диким нечеловеческим воем, разрывая сознание смертельным ужасом. Мозг пронзает болью. И я знаю, что это было.

Бросая свою жертву, отшатываюсь назад, и ГНКашник тут же заходитися кашлем.

— Мне нужен телефон!!! — ору, не контролируя себя. Нервная дрожь прокатывается по всему телу, а сердце вновь и вновь сбивается с ритма. Я не могу контролировать себя и свои эмоции. Мне страшно!

— О своем мальчике беспокоиться? — грузно плюхается в кресло Борис, суетливо растягивая узел галстука. — Лети. Ты свободен, — и подталкивает пластиковый контейнер с моим «добром», который я не заметил сразу.

— Даже не смей о нем заикаться! — Лихорадочно шарюсь в конфискованной мелочевке, и не найдя главного, вопросительно поднимаю взгляд на Митлана.

— Телефон приобщен к делу, — мент понимает без слов. — Получишь через десять дней, вместе с тем, что тебе причитается.

— Дай свой! — не прошу — приказываю.

— Ли-и-ис-с-с, — Митлан тянет имя, улыбку, время, и, качая головой, вновь включает Большого Босса. — Тебе ли не знать о протоколах.

— Сука! — все что могу сказать, на прощанье от души хлопая дверью.

В голове все еще мечутся отзвуки страшного крика, запуская внутри навязанный тьюкающим в висках пульсом отсчет.

Минута, вторая, третья... Бегу, несмотря на усталость, на ходу распахивая по карманам документы и бережно укладывая подарок любимого поближе к сердцу. Мне надо к Денису. Мне надо спешить...

Пятая, шестая, седьмая. Резко захлопываю дверь стылого салона, но мотор уже рокочет и надо бы дать прогреться движку, но у меня нет на это времени. Ладони со сбитыми казанками судорожно сжимают руль. Педаль в пол. Вперед...

Четверть часа гоню машину по взлетной полосе широкого шоссе, прорываясь через вечный поток автомобилей, который не иссякает ни днем ни ночью. Не вижу ни праздничного убранства города, ни призывно горящих рекламных щитов. И даже пролети мне наперерез оленья упряжка с Дедом Морозом, я бы и ее не заметил, отмахиваясь от назойливой мысли: «Это какой-то рок, что я постоянно не успеваю».

Не хочу верить в злодейку-судьбу. Я должен успеть. Полчаса — и влетаю в знакомый двор, окутанный темнотой ночи. «Денис, прошу, только без глупостей. Я уже рядом». Бросаю машину на заснеженном газоне...

Face On (Extended) — Yoko Kanno — Wolf's Rain OST

— Бес! — хриплый окрик за спиной.

Разворачиваюсь на автомате, и в тот же миг мощный толчок опрокидывает меня навзничь. Что-то горячее обжигает грудь, не давая дышать.

Что-то теплое разливается под одеждой, забирая последние силы. Что-то холодное высасывает душу, причиняя нестерпимую боль...

Раскинув руки, смотрю в небеса, где надо мною разрывается их белесый покров и закручивается в черную воронку разрастающегося торнадо. Но не страх, что эта стихия сейчас захватит меня в полон, а четкое осознание, что мне нужно спешить, молниеносно поднимает на ноги.

Стремительно несусь, на бегу отряхивая пальто и не сразу замечая, как что-то изменилось в пространстве, исказило формы, геометрию. Как что-то приглушило звуки, точно залив уши воском, но какой-то рваный, неясный ритм все еще доходит до перепонок, только идет изнутри меня. Как что-то стерло цвета, будто я попал в черно-белое кино, но белого в нем тоже нет, потому что все вокруг покрыто тонким слоем цементной пыли, а в непроглядном мраке наступающей ночи причудливым вихрем зависли замороженные в вязкий воздух хлопья серого снега.

«Соберись, Лис. Ну же! — Судорожно проталкиваю в себя кисельный воздух и, сжимая кулаки, пытаюсь унять накатывающую панику. — Время сделало виток и ты снова в начале пути. Ты должен спасти Дениса и даже причудливые игры угасающего разума не остановят тебя в шаге от Любимого.

Несусь к подъезду, распахиваю дверь и следующим шагом оступаюсь, как оступаешь, ожидая почувствовать под ногой ступеньку, а ее там нет. Хватаюсь за стены, пытаюсь сохранить равновесие, но и привычных стен тоже нет.

Вправо, влево, прямо извилистые тоннели бесконечных коридоров, в которых нет ламп, но ртутный дрожащий свет сочится прямо из стен, освещая двери, двери, двери. Я не знаю куда идти, но уверен: у меня больше нет права на ошибку.

Верчу головой, пытаюсь зацепиться взглядом за какую-то подсказку, но ничего не вижу, только чувствую, как до омерзения липкие тени касаются моих рук, цепляются за ноги, не давая идти. Шепчут, завлекая в свои сети, из которых, знаю, мне не выпутаться. Тело горит. Жар такой, что кажется, сгораю заживо.

— Дэн! — отчаянно кричу в пустоту, и в ответ словно лассо опоясывает тело и тянет в не замеченный раньше бесконечно длинный коридор, в конце которого теплится свет и маячит призрачный, но такой знакомый силуэт. Я знаю, кто это, и мне нужно туда. Он мой. Он зовет меня к себе.

Тороплюсь, точно спринтер, готовый преодолеть эту стометровку за считанные секунды и выиграть долгожданный приз, но конец коридора все никак не приближается, и казавшийся ровным путь начинает петлять, пока опять не приводит к дверям лифта.

Неистово барабаню ладонью по кнопке, и створки приветливо распахиваются, приглашая в тесное пространство кабинки, залитое бледно-серым светом. Решительно шагаю внутрь, и на меня тут же давит инерция стремительного движения вверх.

Мой этаж, и до боли знакомая, оставленная какими-то влюбленными чудиками надпись «В+Н=Л» бросается в глаза резким контрастом обшарпанным стенам, будто кто-то только что обвел ее маркером. Сердце сбивает, когда понимаю, что я на верном пути.

Вихрем врываюсь в незапертую дверь. Пролетаю мимо груды своих чемоданов и притулившегося рядом рюкзака Дениса и замираю на пороге в зал...

— Дэн! — Душа леденеет при виде любимого, сжавшегося в болезненно пульсирующий ком. Мгновенным взглядом окидываю хаос разбросанных документов и выпотрошенных блистеров, подчеркнуто строгие ряды таблеток и суровость холодной стали ПМ. Поднимаю глаза от ноута к удивленно распахнутому Денису и читаю крошечный Ад его мыслей. — Блять, даже не думай! — Внутри удушливой волной поднимается Страх, и Злость сжимает мою сущность в жилистый кулак. — Не смей сдаваться! — Одним движением сметаю со стола все.

— Лис... — судорожный выдох, и в глазах парня загорается огонек Надежды. — Любимый, это же ты. Отзовись, дай мне знак, я чувствую тебя... — Мой парень ищет меня, зажигая повсюду свет, а мне нужен только его.

— Малыш, я с тобой, — призрачным мотыльком кружусь вокруг Дениса, нежно, почти невесомо касаюсь моего сильного, но такого ранимого парня, готовый вымалывать прощения за то, что принес ему эту боль.

Я хочу просочиться в его ухо, чтобы нашептать: «Пожалуйста, не делай глупостей». Я мечтаю спрятаться в теплом уголке его сердца и поселиться там навечно. Я жажду залезть к нему в голову и занять все его мысли. Но меня захватывают невидимые силы, отрывая от моего спасительного огонька. И я лечу, просачиваясь через слои бетона и пыли, в ночь...

Обжигающая боль пульсирует в груди, точно жестокий маньяк вогнал в меня раскаленный добела железный прут. Такой знакомый запах охоты — порох и кровь — щекочет нос. Не могу поднять левую руку, но правой стираю с губ кровавую пену.

С белесого неба медленно падают холодные хлопья и тают на моем лице. Тишина настолько пронзительна, что скрип чьих-то тяжелых шагов на снегу оглушает.

— Живучий, Бес... — Появляясь из ниоткуда, мне в лицо смотрит черное око смерти. — Но на каждого шайтана найдется своя пуля.

Отупленно рычу, готовый драться до последнего вздоха, но силы уходят, превращая снег подо мной в отвратительную кровавую кашу, и, не желая последним в этой жизни видеть дуло направленного на меня пистолета, закрываю глаза, точно во сне слыша грохот выстрела...

— Лис!!! — Темные волосы с проседью на виске безжалостно треплет ветер. — Не смей! Слышишь?! — Сильные руки вздергивают меня со снежного ложа, порождая в теле новую вспышку боли. — Не смей закрывать глаза! — жесткий приказ, но серые глаза полны слез. — Ты обещал, что будешь со мной, — горький упрек, и на мои губы падают горячие соленые капли. — Не умирай... Прошу... — тихая мольба и родные руки сжимают в объятиях, не желая отпускать.

«Прости меня, малыш, но слишком поздно...» — Сознание гаснет, коллапсируя в критическую точку небытия...

Примечание к части

Саундтрек:

Audiomachine - The Truth <https://www.youtube.com/watch?v=AjZbD9GJNz4>

Zack Hemsey - "The Way (Instrumental)" <https://www.youtube.com/watch?v=oN2Xs-MvxLw>

Face On (Extended) - Yoko Kanno <https://www.youtube.com/watch?v=E2-otTtyOtA>

Клип к главе от Katerina Belyakova: <https://www.youtube.com/watch?v=t-ShD1bIC0s>

Были потрясены мистическому ходу событий, когда Катя предложила нам этот видос задолго до выхода главы. Катя, рискнет от };){({
Снежинки:

иллюзию Пенроуза - <http://illuzi.ru/node/32>

я иду навстречу ветру - Токио "Кто я без тебя"

три колонны-кита - коррупция, криминал, казнокрадство

Асмодей - <http://grimuar.ru/poltergeist/demonologiya/demon-asmodey.html>

Велиал - <http://grimuar.ru/poltergeist/demonologiya/velial-demon.html>

Гриффон, Мегера и пр., кому интересно , тут: [https://ru.wikipedia.org/w/index.php?](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Список_мифических_существ_в_древнегреческой_мифологии&stable=1)

[title=Список_мифических_существ_в_древнегреческой_мифологии&stable=1](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Список_мифических_существ_в_древнегреческой_мифологии&stable=1)

черную зону - место отбывания наказания для уголовников

ярким алым* пятном - имеется в виду ментом или человеком сотрудничающим с органами правоохранения.

Картинки

https://i07.fotocdn.net/s13/25/public_pin_m/48/2360225560.jpg

http://media.virbcdn.com/cdn_images/resize_1024x1024/15/PageImage-513055-3718321-hallway2.jpg

https://img3.stockfresh.com/files/f/frameangel/m/60/6074992_stock-photo-abandoned-building-can-use-horror-movie-scene-background-low-an.jpg

<https://pp.userapi.com/c850432/v850432360/6dfdc/-EHEZSp57BM.jpg>

«Сколько судеб проходят через эти воздушные врата и разлетаются по всему миру, — думает худошавый парень, глядя через призрачный покров стального скелета аэропорта на взмывающих в небеса железных птиц. — Скоро и мы займем свои места на борту одной из крылатых машин». — В ожидании этого момента авиапутешественник отлипает от стекла и, устраиваясь в относительно удобном кресле, с любопытством окидывает взглядом просторный холл.

Молодой человек был бы ничем не приметен в суетливой толпе, если бы не седая прядь, пролегающая белым росчерком по темным волосам, да старый зарубцевавшийся шрам, пересекающий левую скулу. Его пальцы согреваются о картонный стаканчик с неплохим кофе, на губах играет еле приметная мечтательная улыбка, но в глазах затаилась печаль.

Он не замечает звенящую в воздухе предновогоднюю взбудораженность. Его не трогают безвкусная мишура праздничных украшений, переливающихся всеми цветами радуги, и дурацкие шлягеры, звучащие из динамиков вперемешку с объявлениями прибывающих и готовящихся к отлету рейсов. Его не напрягает многолюдность duty free и зон ожидания. Он в своих мыслях задумчиво созерцает многоликий мир, омываемый волнами безбрежного океана человеческих чувств.

Такими разными, порой противоречивыми. Пробегаящими мурашками по коже, точно зыбь по водной глади. Накатывающимися нежным, умиротворяющим шелестом прилива или всплесками разбивающихся о камни барашков, оставляющих после себя пузырящуюся пену. Вздыхающимися крутыми, штормовыми бурунами и даже готовыми накрыть с головой девятым валом бушующих страстей.

«Почему я раньше этого не слышал?» — размышляет парень, безошибочно улавливая в этом разноголосом прибое основные мотивы песен Веры, Надежды, Любви, звучащих в разных тональностях, во всевозможных ритмах, но все же неизменно похожих друг на друга в гармонии мелодий.

Детский смех отвлекает его от назойливых мыслей и заставляет по-доброму улыбаться, глядя на маленькую девочку, играющую с лохматым плюшевым паучком.

Парень чуть щурит глаза, чтобы получше разглядеть, как за смешные хвостики своей непоседы отчаянно цепляются две очаровательные феи: одна повзрослее, что зародилась в крохотном человечке еще в материнском лоне — Любовь к маме, и теперь, подрастая с каждым днем, уже объемлет и папу, и бабушек, и этого пыльного паучка и вообще все прекрасное, что окружает ее ангелочка; вторая, чуть помладше — Вера, которая явилась, когда малышка встала на ножки, и убедила дитя, что родительские руки не дадут упасть. А кроме того — что мама самая добрая и красивая, а папа самый большой и сильный.

Девочка еще должна чуть-чуть подрасти, чтобы зародилась третья волшебница — Надежда. И она непременно появится, очень быстро окрепнет, но так никогда и не повзрослеет. Зато будет самой преданной из трех сестер — тех самых, что неотрывно следят глазами молодой женщины за своим любимым Катёнком и окружают малышку благодатным теплом самой сильной в своей праведности материнской Любви, которая никогда не изменится и не изменит, вместе с искренней Надеждой и святой Верой в безоблачное будущее своего ребенка.

Такое же светлое, как упоительно гармоничные волны, разбегающиеся кругами по воде от семейной пары. Она — дитя природы, что так чутко чувствует дыхание земли. Ей судьба подарила мужа-воина, готового в любой момент встать на защиту своего очага. Плод Любви — светлый эльфенок, в сердце которой уже трепещет прекрасное чувство. И когда ее тонкие пальчики сжимает молоденький паренек, чистая, точно роса на весенней траве, первая Любовь в легких розовых одеяниях парит над девушкой, рядом с крепкой Верой в спортивном костюме и оптимисткой Надеждой, взвизгивающей на мир широко открытыми глазами.

«Оу-у-у... как экспансивно, — парень оглядывается в поисках внезапно возникшего колючего пульсара Страха, в центре которого сжалась в комочек что-то лихорадочно строчащая в новомодном айфоне женщина. — Уже взрослая, но в душе так и осталась восторженной девочкой, — думает молодой человек, все больше убеждаясь, что женщина напоминает ему одуванчик: сейчас невзрачный, закрывшийся, но стоит выглянуть светилу — и солнечный цветочек радостно раскроет навстречу ему желтые лучики-лепестки. — Досадно... Столько лет таила ото всех и самой себя экзотичных Демонов, а обрела счастье, только выпустив их на свободу. И победила все свои страхи, кроме одного... — серые глаза провожают стремительно пролетающий за витражом лайнер. — Страха полетов».

«Глупышка, не стоит бояться такой ерунды», — мысленно внушает ей паренек со шрамом, с удовольствием замечая, как на женщину смотрят влюбленные глаза, а нежные руки обнимают ее узкие плечи, делясь своей уверенностью и внутренней силой. Наверное, так и создаются идеальные пары. Мы ищем в других то, чего нам недостает в себе. Инь и Ян. Шатенка и блондинка.

«Интересная картина...» — парень оставляет в покое девушек и, отпивая остывший кофе, исподтишка рассматривает проходящую мимо парочку в окружении совсем иных чувств. Их Любовь показушно разрывает шаблоны, источая особенный букет ароматов воска, кожи, крови. Да и одеяния этой дивы под стать: черный латекс обтекает тонкий стан, а острые шпильки ботфорт звонко цокают по напольному граниту.

Экзотическая дама уверенно шествует между двух мужчин, положив изящные ручки в перчатках под локти коренастого парня с армейской прической, откровенно фонащего природной властью, и высокого немолодого мужчины, точно червями пожираемого изнутри бесноватыми Демонами.

Демонами настолько тлетворными, что превратили своего хозяина в бесхребетное создание, затянувшее на тонких шейках Веры и Надежды шипастые ошейники и добровольно вложившее короткие поводки в крепкую длань своего Топя.

«Как же тут все запутано — без пары шотов Миража* не разберешься!» — ухмыляется сероглазый и отводит взгляд от дуэта, отчетливо видя, как над ними уже висит чья-то призрачная тень.

«Вау... сколько от вас шума!» — седовласый созерцатель болезненно потирает виски, с любопытством разглядывая примостившуюся неподалеку взбудораженную компанию мужчин и девушек, оживленно обсуждающих планы по захвату лежаков на рискованно теплом побережье Красного моря.

Взгляд невольно притягивает яркая красotka, настолько искусно источающая любовные флюиды, что невозможно не скользнуть глазами по обтянутым тонкой джинсой стройным ножкам и восхитительно округлым бедрам, по хрупким плечам и соблазнительной ложбинке в глубоком

декольте невинно-белой кофточки.

«Пф-ф-ф, ревнивец...» — фыркает парень, пряча добрую усмешку за стаканом с ароматным напитком, когда чудное видение заслоняет высокий мужчина, и по-собственнически прижимая к себе девушку, всем своим видом говорит: «МОЯ!»

«Да-да-да... — в такт своим мыслям кивает головой не скрывающийся наблюдатель, видя, как пламенеет над молодоженами эта яркая особенность всех безумно влюбленных, маниакально боящихся потерять свою Любовь. — Этого счастливого можно понять... Слишком каверзным оказался путь к счастью. А то, что дается с трудом, всегда более ценно, — новоявленный философ пристально смотрит на красивую пару и заключает: — Все у вас будет хорошо. Главное, примирить опасных Демонов, затаившихся в глубине ваших душ. Впрочем... Так прекрасно познать все грани любви... Главное вместе».

«Как эти двое...» — затаив дыхание, странный парень изучает супружескую пару, стараясь не пропустить ни одного оттенка их невероятных чувств.

Она так боится осуждающих взглядов, а он не желает скрывать свою возвышенную Любовь. Для нее он — мой мужчина. Для него она — моя девочка, моя малышка. И ничего, что у нее за плечами опыт прожитой жизни, а у него — череда неудачных отношений. Они были одиноки среди мириад душ на этой планете, а когда обрели друг друга, стали одним целым. И все, что было, затмило сиянием взаимных чувств.

Он смотрит на нее с восхищением, словно на богиню. Она, смущаясь, отводит взгляд. Он настойчив. Бережно сжимая ее пальцы своими, целует руку дамы своего сердца, что-то тихо шепчет на ухо. Она в ответ горит Верой, Надеждой, Любовью, такой восхитительно прекрасной, такой отчаянно сильной, что невозможно отвести взгляд.

«Трудно пронести столь глубокие чувства через огонь, воду и... года, — читая новую страницу в книге судеб, парень отгоняет грустные мысли: — Не вижу, получится ли у нас вот так же долго и счастливо, и совершенно точно не хочу этого знать», — вздыхает, в глубине души безумно радуясь, что как любой Ведун, не видит своего будущего и ложась спать, не знает: наступит ли завтра новый день или новая жизнь.

«Я умею ценить каждое утро, в котором просыпаюсь в объятиях Любимого, и каждый вечер, засыпая у него подмышкой, — мечтательно улыбается Ведун, прокручивая в памяти их ночные безумства. — Я хочу наслаждаться каждым днем и всегда и везде чувствовать его присутствие и поддержку», — вспоминая твердую руку Лиса, сжимающую его потную ладонь в подвале Мирона, парень поглаживает через куртку мордочку въевшегося под кожу тотемного зверька, совсем недавно заигравшего всеми цветами страсти.

— На что уставился?! — раздается грозный рык за спиной размахивавшегося путешественника, и через мгновение перед ним материализуется молодой мужчина, прожигая парня суровым взглядом, полным недобропорядочных намерений.

Его трудно было бы не заметить даже в темной комнате без окон, настолько он светится счастьем и какой-то внутренней Силой. И даже рано поседевшие виски совсем не портят его внешность, но придают импозантности с легким оттенком шарма. На его губах играет откровенно наглая ухмылка, а в необычного цвета глазах за наигранной строгостью притаились разнокалиберные бесенята.

— Любовался... — открывает рот до этого немой мыслитель.

— Денис, тебя на минуту одного оставить нельзя, чтобы ты не начал слюной на кого-то капать, — перебивает мужчину, прослеживая взгляд парня, и оценивающе присматривается к окружающим их, во всех смыслах этого слова, странникам.

— Лис, не рычи. И так башка болит, — Денис смотрит на мужчину с диковинным именем снизу вверх, пытаясь усмирить его зверский нрав не только умоляющим взглядом, но и сладкими речами: — Ты же знаешь: я только тебя люблю. Просто вокруг сияет такая разная Любовь, что невольно засмотришься.

— Посмотрел и хватит, — не унимается безумно влюбленный Елисей, загораживая своего парня от посторонних глаз. — Закрывайся, а то не только голова болеть будет, но и задница.

— Любимый, кого-то ты мне неуволимо напоминаешь... — усмехается Дэн, помахивая пустым стаканчиком из-под кофе. — Я между прочим тебя уже тридцать минут дожидаясь.

— Да я у книжного киоска застрял, — оправдывается мужчина, внезапно повеселев, и с лисьим прищуром достает из пакета вещественное доказательство. — Смотри, что нашел... — И в руках мужчины оказывается толстенная книга в твердом переплете.

— М-м-м... Что за странный автор? — спрашивает Денис, недоверчиво разглядывая обложку с размытым изображением лисьей морды и парня, скрывающего лицо под капюшоном.

— Не автор, а авторы, — уточняет Лис, заботливо протягивая болящему другу блистер нурофена и пузырь с водой. — Как понял, пишут в тандеме.

— Никогда о таких не слышал, — Денис закидывается таблами и вопросительно смотрит на мужчину, ментально предлагая присоединиться к аптечной «трапезе». — Но лететь долго. Бес с ними, попробуем! — Взвешивая на руке увесистый талмуд, парень все же решается и открывает книгу, пробега глазами по первой странице, на которой мелким шрифтом красуется весьма амбициозное вступление:

«Между ними тысячи километров, но они все-таки рядом. Их разделяют сотни причин, но есть одна, которая держит вместе. У каждого из них своя жизнь, свои скелеты в шкафу и свои тараканы в голове, но у них есть общий мир — один на двоих. Этот мир — Сеть. Встретятся ли они в реале, вы узнаете только прочитав этот велиКАЛЛЕТный, БЕСподобный, величайший в истории человечества роман в трех частях, который мы наконец-то дописали».

— Тебе не кажется, что это про нас? — хитро подмигивает Лис.

— Узнаем, когда прочитаем, — бубнит себе под нос Денис, заинтересованно перелистывая страницы, пахнущие типографской краской.

— Кстати, нам пора. Наш рейс объявили, — прослушав очередное бла-бла, прервавшее кружение завязших в мозгу «джингл белс» и «мери кристмас», Лис подхватывает с пола один из рюкзаков, закидывает его на плечо и тянет за собой Дениса, который нехотя отрывает зад с насиженного места, и, продолжая смотреть в книгу, сталкивается нос к носу с двумя забавными подружками.

— Ой, ребята, не подскажите, который час? — улыбаются веселые и вечно молодые душой девчонки, очевидно решившие отдохнуть без личного багажа в виде детей, бойфрендов и мужей.

Лис достает из кармана круглый стальной предмет на цепочке, сейчас больше напоминающий здоровую китайскую монету с дыркой посередине, чем карманные часы, и глядя на висящее над головами электронное табло, важно оповещает:

— На моих девятнадцать ноль ноль!

— Кончай прикалываться! — дергает его за рукав Денис. — Они у тебя уже больше года девятнадцать ноль ноль показывают.

— Все с вами ясно! — хохочет женщина в шапочке Санта Клауса, пристально рассматривая книгу в руках Дениса.

— Влюбленные часов не наблюдают! — вторит ей зеленоглазая брюнетка в веселом свитере с принтом неведомой зверушки под цвет ее глаз и утягивает попутчицу в сувенирную лавку с восточными товарами.

— Зачем ты их вообще с собой повсюду таскаешь? — как обычно заводит «шарманку» Денис, не желая видеть страшное напоминание о событиях ужасной ночи.

Той самой ночи, когда за мгновения до рокового шага увидел в проеме двери фантом Елисея. Когда схватив ПМ, мчался за ним, не чуя под босыми ногами лестничных пролетов и холода снежных наносов. Летел, точно зная куда, с одной лишь мыслью — УСПЕТЬ. Когда, увидев страшную картину наведенного на Лиса оружия в руках темного человека, стрелял без раздумий, пока не опустошил магазин. Когда сжимал в объятиях Любимого, и, чувствуя на руках его теплую кровь, ни на миг не отпускал бесценную для себя душу.

Не отпускал бесконечными часами невыразимых душевных мучений под дверью операционной. В сбивчивых молитвах слепоглухонемым божкам и смутной Надежде на лучшее. Наполненными тревогой днями у постели Любимого в страстном желании и отчаянных попытках поделиться с Лисом своими энергетическими потоками, и капля за каплей наполняя его Силой. И с твердою Верой в выздоровление дни слагались в недели, месяцы, год трогательной заботы и бесконечной Любви...

— Денис, эти часики отдали свою жизнь за меня, — как всегда находит веские аргументы Лис и, пряча свое дырявое сокровище в нагрудный карман, тащит еще более значимую драгоценность на посадку.

— Сорян, — чисто на «отъебись» извиняется «драгоценность», которая все никак не может оторваться от книги и постоянно сталкивается с идущими навстречу людьми. — Гомен насай, — отмахивается от злобного шипения, наступая на чьи-то больные мозоли. — Пардон, дамочка, — и только подняв взгляд понимает, что задел плечом шуплого парня в килте, идущего под руку с парнем гораздо крупнее, но одетым под стать мелкому другу — в килт.

— Ты кого девчонкой назвал?! — вскипает мелкий, готовясь развязать в аэропорту, как минимум, международный скандал.

— Смотри, как бы эта дамочка не сделала из тебя самочку, — ржет, как конь, второй мужчина в шотландской юбке, придерживая под руку своего импульсивного псевдо-шотландца.

— Не стоит сеять ветер, — вырастает скалой Лис, мягким движением положив руку и чувствительно сжимая плечо слегка прихуевшего от подобной наглости Дениса.

Секундного поединка взглядов хватило, чтобы понять: пожинать бурю ни у кого намерений нет, и неформальный мужчина, очевидно, прочитав свое туманное будущее в глазах Елисея, примирительно поднимает руки, расплываясь в дружелюбной улыбке:

— Спокойно, парни! — Поддвигивая сползающий рюкзак, в котором весело позвякивает, видимо, закупленное на год вперед бухло, любитель хорошего пойла достает из кармана куртки визитку и протягивает Лису: — Отдохнете, забегайте к нам на огонек. Второй коктейль за счет заведения.

— Не хочу ничего загадывать, — точно разговаривая сам с собой, отвечает умудренный опытом седовласый, пряча стандартную картонку в карман.

— Ну, тогда с наступающим! — И парни без комплексов продолжают свой путь, не смущаясь ничьих многозначительных взглядов.

— И вам нескучного Нового года! — дуэтом отвечают Елисей с Денисом и ускоряют шаг, теряясь в разноликой толпе.

Их ждет новый год в далекой стране. Новые люди, новые планы, новая жизнь. Но лишь одно останется с ними неизменным на века:

Вера. Надежда. Любовь.

***** the end *****

Сергей Лазарев — Так красиво

Примечание к части

Саундтреки

Sting - Shape Of My Heart <https://www.youtube.com/watch?v=uymXOnMvzg>

Oh! Toronto Boy Is Fiction <https://www.youtube.com/watch?v=kogA8nvSyG8>

Сергей Лазарев - Так красиво <https://www.youtube.com/watch?v=0lrL8J4hmTs>
картинка под настрой:
<https://pp.userapi.com/c851532/v851532552/74270/XUFnJPWVQkM.jpg>
<https://pp.userapi.com/c851532/v851532552/74266/cGiX7IqymTc.jpg>